

Л. ТАННЕРИ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ
ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКОЙ
НАУКИ.

ПЕРЕВОДЪ

Н. Н. ПОЛЫНОВОЙ, С. И. ЦЕРЕТЕЛИ, ПРОФ-ВЪ Э. Л. РАДЛОВА и Г. Ф. ЦЕРЕТЕЛИ

СЪ ПРЕДИСЛОВИЕМЪ

ПРОФ. *А. И. Введенскаго.*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1902.

Л. ЈАННЕРИ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ
ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКОЙ
НАУКИ.

ПЕРЕВОДЪ

Н. Н. ПОЛЫНОВОЙ, С. И. ЦЕРЕТЕЛИ, ПРОФ-ВЪ Э. Л. РАДЛОВА и Г. Ф. ЦЕРЕТЕЛИ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

ПРОФ. *А. И. Введенскаго.*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1902.

Печатается по распоряженію Совѣта Философскаго Общества.
Предсѣдатель *А. Введенскій*.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ.

Всѣми признано, что греческая философія имѣетъ высокое поучительное значеніе. Оно прекрасно охарактеризовано слѣдующими словами Виндельбанда: «Опираясь на сравнительно небольшой кругъ свѣдѣній, — греческая философія съ какою-то особенно величественной простотою создаетъ понятія для ея переработки съ точки зрѣнія познанія; со смѣлой неустрашимостью мысли развиваетъ она всѣ необходимѣйшія основныя положенія міросозерцанія. Въ этомъ и состоитъ *типическое свойство* античнаго мышленія и высоко-поучительное значеніе ея для исторіи. Нашъ современный языкъ и наше современное міровоззрѣніе сплошь проникнуты данными античной науки; а наивное упорство, съ которымъ древніе философы доходили до одностороннѣйшихъ выводовъ въ отдѣльныхъ вопросахъ мысли, прекрасно уясняетъ намъ ту фактическую и психологическую необходимость, съ какой возникаютъ не только философскія задачи, но и постоянно повторяющіяся въ исторіи различныя попытки къ ихъ разрѣшенію».

Типическое значеніе греческой философіи столь велико, что были небезосновательныя попытки разсматривать ходъ развитія новой философіи, какъ вполне аналогичный съ развитіемъ греческой. Въ такомъ духѣ составлена монографія Reichlin-Meldegg'a: «Der Parallelismus der alten und neuen Philosophie». Конечно, нельзя провести во всѣхъ подробно-

стяхъ эту параллель, потому что новая философія гораздо сложнѣй, чѣмъ древняя, и предполагаетъ совсѣмъ иной, болѣе высокій, уровень другихъ наукъ. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и въ новое время, также какъ и въ древности, человѣческій умъ обратился сперва къ размышленіямъ надъ природой и лишь послѣ этого углубился въ самого себя, въ древности въ лицѣ Сократа, а въ новое время въ лицѣ Канта. И очевидно, что если мы хотимъ основательнѣйшимъ образомъ уразумѣть, всѣ побудительныя причины, вынуждающія мышленіе отъ разсмотрѣнія природы обратиться къ разсмотрѣнію самого себя, то мы не можемъ обойтись безъ изученія ихъ типическихъ проявленій. Въ этомъ и состоитъ поучительное значеніе древней философіи, какъ предмета философскаго и историческаго образованія.

Но первый періодъ греческой философіи, которому посвящена предлагаемая русскимъ читателямъ книга Таннери, періодъ, продолжавшійся почти два столѣтія—до эпохи Сократа и софистовъ; имѣетъ еще свое особое научное значеніе, позволяющій выдѣлить его, какъ самостоятельное цѣлое изъ общаго хода развитія греческой философіи. Дѣло въ томъ, что философія въ древности долгое время была единственной наукой, охватывающей всю совокупность научныхъ свѣдѣній и воззрѣній. И всѣ науки должны были постепенно выдѣляться изъ этой единой всеобъемлющей науки, которая долгое время даже и не называлась философіей. Этотъ терминъ, какъ извѣстно, сложился подъ вліяніемъ Сократа, и только послѣ него, благодаря Платону и Аристотелю, получилъ общепризнанное право научнаго гражданства. А до Сократа грекамъ приходилось для обозначенія существовавшей у нихъ единой науки употреблять вмѣсто термина философія какія нибудь другія болѣе общія названія, какъ напримѣръ — мудрость, наука и т. п. И процессъ выдѣленія изъ этой всеобъемлющей науки разныхъ наукъ начался лишь послѣ того, какъ она выяснила главнѣйшія понятія, подъ которыя необходимо подводитъ всѣ данныя опыта для построенія міровоззрѣнія, и когда уже стала намѣчаться наряду съ общенаучной дѣятель-

ностью еще особая, за которой укрѣпилось имя философіи—*построеніе системы цѣльнаго міровоззрѣнія, разработаннаго при помощи теоріи познанія.* Сильнѣйшій толчокъ къ этой дифференціаціи научной дѣятельности и къ тому, чтобы философія сознала необходимость сдѣлать предметомъ своихъ изслѣдованій также и знаніе, былъ данъ софистами, которые впервые поставили вопросъ о возможности знанія, а своимъ скептицизмомъ, разрушавшимъ всѣ прежнія воззрѣнія, обнаружили полную невозможность создать устойчивое міровоззрѣніе безъ помощи изученія самого факта знанія; они въ то-же время положили начало самостоятельному, независимому отъ философіи, изученію рѣчи—грамматикѣ, риторикѣ, синонимикѣ и т. д. Подъ вліяніемъ этого толчка, значеніе котораго не понимали ни сами софисты ни ихъ современники, одинъ изъ послѣднихъ—Сократъ, а вслѣдъ за нимъ Платонъ и Аристотель начали такъ разрабатывать философію, что она уже стала отличаться отъ простой систематизаціи научныхъ воззрѣній; ибо послѣднія теперь объединялись и перерабатывались при помощи гносеологическихъ изслѣдованій. Такимъ образомъ, если подъ философіей подразумѣвать особую научную дѣятельность, съ неоспоримымъ правомъ занимающую свое особое мѣсто среди другихъ наукъ, то можно сказать, что ея исторія начинается съ эпохъ Сократа и софистовъ, т. е. со второй половины V в. до Р. Хр., т. е. въ то самое время, когда впервые стали употреблять терминъ философія. Его появленіе знаменовало и появленіе обозначаемаго имъ предмета. Но дифференціація научной дѣятельности тогда только еще зародилась. Поэтому терминъ философія въ виду еще незакончившагося существованія единой всеобъемлющей науки употреблялся также и въ смыслѣ науки вообще. И не только у Платона, а даже у Аристотеля, этотъ терминъ еще употребляется въ двухъ смыслахъ: и для обозначенія научной области, отличающейся отъ всѣхъ другихъ наукъ, и въ смыслѣ науки вообще. Такъ, у Платона въ Theaetet. 143d встрѣчается выраженіе: «περὶ γεωμετρῶν ἢ περὶ τινα ἄλλην φιλοσοφίαν», т. е. «о геометріи или о какой либо другой философіи». А Ари-

стотель въ VI кн. Метафизики 1025а раздѣляя философію на основную и вторичную (*πρώτη καὶ δευτέρα φιλοσοφία*), подраздѣляетъ послѣднюю на физику и математику. Но въ то же время и Платонъ, и Аристотель содержаніе своихъ сочиненій называютъ прямо философіей, противопоставляя его математикѣ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что изученіе перваго періода греческой философіи — отъ Θαλеса до софистовъ и Сократа, періода, которому, какъ сказано, посвящена книга Таннери, составляетъ въ то-же время изученіе первыхъ шаговъ всей древне-греческой, а чрезъ это и всей европейской науки. Поэтому предлагаемая русскимъ читателямъ книга имѣетъ значеніе не только для философовъ, но и для всѣхъ лицъ, интересующихся исторіей наукъ вообще. И эта книга тѣмъ цѣннѣе, что ея авторъ не ограничился однимъ лишь изложеніемъ своихъ взглядовъ на первыя научныя построенія грековъ, а для провѣрки своихъ мнѣній постоянно отсылаетъ читателей къ первоисточникамъ, обширныя выдержки изъ которыхъ и присоединилъ къ своей книгѣ въ переводѣ на родной языкъ. Эти выдержки, въ составъ которыхъ вошли и всѣ сохранившіеся отрывки первыхъ философовъ, въ русскомъ изданіи, конечно, переведены прямо съ греческаго текста. Въ виду всего этого книга Таннери оказывается крайне цѣнной и при изученіи греческой философіи по какому-то ни было другому пособию. Въ ней читатель найдетъ то, чего не встрѣчаетъ въ другихъ сочиненіяхъ, — первоисточники, а на ряду съ этимъ рядъ основательныхъ и остроумныхъ соображеній, самого Таннери, отличительной особенностью которыхъ служитъ сопоставленіе древнихъ теорій съ современными и освѣщеніе первыхъ послѣдними.

Александръ Введенскій.

Петербургъ,
декабрь 1901 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	I— VI
Введеніе	1— 18

ГЛАВА I.

Греческіе доксографы	19— 30
Историческое сочиненіе Теофраста, 19. — «Сокращенія» съ распредѣленіемъ мнѣній по именамъ авторовъ, или по порядку предметовъ, 21. — Противуположенія въ ученіяхъ древнихъ, 22. — «Placita» Псевдо-Плутарха, 25. — Первая книга «Эклогъ» Стобея, 27. — Сборникъ Авція, восстановленный Дильсомъ, 27. — Существуетъ еще болѣе древній сборникъ «Placita», 28.—Псевдо-Галенъ и Гермій, 29.	

ГЛАВА II.

Хронологія фізіологовъ	31— 56
Эратосеенъ и Аполлодоръ Лейнскій, 31. — Другіе источники хронологическихъ свѣдѣній Діогена Лаэртскаго, 33.—Эпоха семи мудрецовъ, 34.—Затменіе Фалеса, 39. — Взятіе Сарды Киромъ, 43.— Ксенофанъ и Элейцы, 44. — Анаксимандръ и Пинагоръ, 47.— Анаксименъ, 49. — Гераклитъ, Анаксагоръ, 52.— Эмпедоклъ, Протагоръ, 53. — Демокритъ, 54. — Заключение, 55.	

ГЛАВА III.

Фалесъ Милетскій	57— 84
Фалесъ заимствовалъ изъ Египта не только свои математическія и астрономическія знанія, но равнымъ образомъ и свою космологію, 57. — Жизнь Фалеса, предсказаніе имъ солнечнаго затменія, 59. — Свѣдѣнія Фалеса по арифметикѣ, 66.— Свѣдѣнія Фалеса по геометріи, 68. — Чего Фалесъ не могъ знать, 75. — Восстановленіе космологической системы Фалеса, 78.—Остальные взгляды Фалеса, 81.	

ГЛАВА IV.

- Анаксимандръ Милетскій.** . . . . . 85—120
- I. *Анаксимандръ, какъ ученый*, 85. — Гномонъ и солнечные часы древнихъ, 86. — Небесная сфера, 88. — Первая географическая карта, 91.
  - II. *Система*. Возстановленіе космологіи Анаксимандра по Тейхмюллеру, 92. — Новыя детали, 95. — Возможныя предположенія относительно высоты колецъ и степени прозрачности оболочки, 96.
  - III. *Безконечное и Неопредѣленное*. Анаксимандръ мыслилъ безконечнымъ время, но не пространство, 99. — Понятіе Анаксимандра о матеріи, какъ о неопредѣленномъ дѣломъ, 103.
  - IV. *Доктрины о происхожденіи міра*. Историческій очеркъ ученій о вѣчности міра, его сотворенія, периодической эволюціи и энтропіи, 106. — Критика эволюціонизма и энтропіи, 112.

ГЛАВА V.

- Ксенофанъ изъ Колофона** . . . . . 121—143
- I. *Тезисъ Пифагора*. Можно ли найти окольнымъ путемъ въкоторыя физическія доктрины Пифагора? 121. — Вдыханіе міромъ пустоты, отрицаемое Ксенофаномъ, 123. — Исторія понятія о безконечномъ, 125.
  - II. *Ксенофанъ, какъ поэтъ*. Жизнь и характеръ Ксенофана, 130. — Борьба Ксенофана съ политеизмомъ, 132.
  - III. *Ксенофанъ, какъ фізіологъ*. Его мнѣнія о природѣ, 134. — Неаучный характеръ физическихъ мнѣній Ксенофана.
  - IV. *Заблужденіе Теофраста*. Мнѣніе Ксенофана о безконечности, 138.

ГЛАВА VI.

- Анаксименъ.** . . . . . 144—165
- I. *Понятіе ἀέριον у Анаксимена*. Анаксименъ не считаетъ матерію безконечной; онъ придаетъ слову ἀέριον то же значеніе, что и Анаксимандръ, 144.
  - II. *Космологическая система*. Успѣхи въ области науки, 148. — Гипотеза темныхъ небесныхъ тѣлъ для объясненія фазъ и затмевій, 151. — Твердость небснаго свода, 154. — Порядокъ планетъ; сближеніе съ Гераклитомъ, 156.
  - III. *Единство матеріи*. Анаксименъ первый безусловно признавалъ единство матеріи, 158. — Эмпирической плюрализмъ въ современной наукѣ, 160. — Монизмъ недоказуемъ, 163.

ГЛАВА VII.

- Гераклитъ Эфесскій** . . . . . 166—189
- I. *Космологическая система*. Общій очеркъ, 166. — Полноты эволюціи возникновенія и разрушенія міра, 168.
  - II. *Гераклитъ, какъ теологъ*. Спеціальныи и анти-научный характеръ философіи Гераклита, 170. — Понятіе о Логосѣ, 172.
  - III. *Вліяніе Елпнта*. Мнѣ о Діонисѣ и Просимнѣ, 173. — Различныя элементы въ ученіи Гераклита, 177.

- IV. *Судьба души*. Относящіяся къ ней египетскія вѣрованія, 181.—Обсужденіе отрывковъ Гераклита, 183.
V. *Сознательность Логоса*. Богъ Гераклита сознателенъ и личенъ, 186.

ГЛАВА VIII.

- Гипсась и Алкмеонъ** . . . . . 190—209
Гипсась, 190.—Приверженцы пифагорейства: Алкмеонъ и Парменидъ, 192.—Доксографія, 193.—Двойныя сочетанія у пифагорейцевъ, 195.—Космологія Алкмеона, 198.— Два курса преподаванія у Пифагора, 199.—Форма свѣтилъ и объясненіе затмѣній въ школѣ Пифагора, 200.— Физиологическіе взгляды Алкмеона, ощущенія, 204.— Происхожденіе чело-
вѣка, 206.

ГЛАВА IX.

- Парменидъ Элейскій** . . . . . 210—234
I. *Истина и мнѣніе*. Положеніе, занимаемое Парменидомъ; его реализмъ, 210.—Идеализмъ, какъ результатъ впервые основанной Парменидомъ теоріи познанія, 212.
II. *Дуализмъ Парменидовой физики*. Ея пифагорейскій характеръ, 218.— Двѣ формы бытія, 219.— Происхожденіе міра, 221.
III. *Космологія*. Сопоставленіе съ мнѣніями Пифагора, Ксенофана и Анаксимандра, 222.— «Вѣнцы» Парменида, 224.— Научные успѣхи, 226.
IV. *Элементы пифагорейства въ системѣ Парменида*. «Ананке» и мифологическія олицетворенія, 229.— Теорія свѣта; сопоставленіе съ Эмпедокломъ и Филолаемъ, 230.

ГЛАВА X.

- Зенонъ изъ Элея** . . . . . 235—251
Значеніе его діалектики съ точки зрѣнія исторіи математики, 235.—Значеніе отрицанія Зенономъ множественности, 237.— Отрицаніе Зенономъ множественности направлено противъ понятія точки у Пифагорейцевъ, 238.— Аргументы Зенона по Евдему и Симплицію, 240.— Новое объясненіе аргументовъ противъ движенія, 245.—Зенонъ остается на конкрет-
ной почвѣ, какъ и Парменидъ, 248.— Успѣхъ Зенонова ученія, 250.

ГЛАВА XI.

- Мелиссъ Самосскій** . . . . . 252—262
Мелиссъ, авторъ трансцендентальнаго монизма, обыкновенно приписываемаго всей элейской школѣ, 252.— Причины недостаточности высокой оцѣнки Мелисса, 254.— Опроверженіе краткии Аристотеля, 256.— Мелиссъ не зналъ ни Анаксагора, ни Эмпедокла, ни атомистовъ, 258.— Мелиссъ не физикъ, 261.

ГЛАВА XII.

- Анаксагоръ изъ Клазоmessъ . . . . .** 263—266
- I. *Анаксаторъ, какъ человекъ и ученый.* Характеръ Анаксагора, 263.— Научные труды, приписываемые Анаксагору, 264.— Астрономія Анаксагора, 266.
  - II. *Теорія матеріи.* Различеніе матеріи и причины движенія, 269.— Безконечная длѣимость матеріи и неразложимость ея на составныя части, 271.
  - III. *Критика теоріи матеріи Анаксатора.* Ея цѣнность, 273.— Современная Кантовская форма теоріи матеріи Анаксагора, 274.— Сравненіе теоріи матеріи Канта съ теоріей матеріи Анаксагора, 276.— Новое объясненіе нѣкоторыхъ отрывковъ, 278.
  - IV. *Историческое вліяніе теоріи Анаксатора.* Ея отношеніе къ теоріи идей, 281.— Матерія по Платону, 282.

ГЛАВА XIII.

- Эмпедоклъ Агригентскій . . . . .** 287—304
- Любовь и ненависть Эмпедокла—протяженные элементы, 287.— Происхожденіе этихъ понятій, 289.— Вопросъ о взаимной несводимости Эмпедокловыхъ элементовъ, 290.— Силы, которыя допускалъ Эмпедоклъ кромѣ любви и ненависти: притяженіе подобнаго подобнымъ и законъ взаимнаго перемѣшенія стихій, 291.— Притяженіе подобнаго подобнымъ.
- I. *Космогонія Эмпедокла,* 293.— Электический характеръ представленій Эмпедокла, 297.
  - II. *Космологія Эмпедокла,* 299.
  - III. *Характеристика ученія о четырехъ элементахъ,* 302.

ГЛАВА XIV.

- О Пифагорейской ариметикѣ . . . . .** 305—330
- Появленіе Ариметики въ сочиненіяхъ Евклида, 305.— Никомахъ и Феонъ Смирнскій, 307.— Ямвлихъ, 308 — Теологумены, 310.— Отрывокъ изъ Спевзиппа о Пифагорейскихъ числахъ, 311.— Вопросъ о происхожденіи мистическихъ спекуляцій надъ числами декады, 312.— Относящіяся къ этому вопросу цитаты изъ древнихъ Пифагорейцевъ, 314.— Цитаты объ Ариметикѣ научнаго характера, 317.— Когда жилъ Фемаридъ, единств. пифагорецъ, писавшій объ ариметикѣ? 321.— Ариметическія знанія у Ямвлиха, 324.— Переводъ отрывковъ изъ Спевзиппа и пояснительныя примѣчанія, 325.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Предисловіе	стр.
-----------------------	------

Доксографія.

Фалесъ	3
Анаксимандръ	8
Ксенофанъ	14
Анаксименъ	20
Гераклитъ	25
Парменидъ	29
Анаксагоръ	34
Эмпедоклъ	42

Сохранившіеся отрывки изъ сочиненій греческихъ философовъ до Платона.

Ксенофанъ	стр. 55
Гераклитъ. Спорные отрывки. Замѣтка Таннери въ отрывкамъ 50 и 69.	56
Парменидъ	70
Зенонъ	76
Мелиссъ	76
Анаксагоръ	83
Отрывки изъ Эмпедокла	87
Феофрастъ, объ ощущеніяхъ	106

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
32	1 сверху	Δαδοχαί	Δαδοχαί
›	3 снизу	было извѣстно	была извѣстна.
66	1 сверху	Некенса	Нехепсосо
98	6 снизу	Ерѣ	Ирѣ
104	10 ›	отрывку 3	§ 1 Докс. въ Анаксимандру.
117	9 сверху	крайней	крайней
122	13 ›	478.	478 г.
185	13 ›	вами	нами
236	1 ›	квадратница	квадратриса
246	прим. 1	ристаллицу	ристаллищу.
256	16 сверху	эквивалетны	эквивалентны.
258	2 снизу	которыхъ	кого

ВВЕДЕНИЕ.

---

1. *Эллинской наукой* называю я ту науку, которая зародилась въ странахъ, гдѣ господствовалъ греческій языкъ, и развивалась въ теченіе почти трехвѣкового періода, обнимающаго собою исторію этихъ странъ отъ конца легендарныхъ временъ до той эпохи, когда завоеванія Александра неизмѣримо расширили сферу господства эллинизма и вызвали тѣмъ самымъ полное преобразование послѣдняго.

И дѣйствительно, періодъ этотъ, который не поддается впрочемъ точной хронологической датировкѣ, для исторіи науки представляетъ столь же характерныя, рѣзко очерченныя особенности, какъ и для исторіи политики, литературы и философіи. При началѣ этого періода не было не только науки, но даже и понятія о томъ, чѣмъ она можетъ и должна быть, а завершился онъ двумя безсмертными памятниками, двумя образцовыми произведеніями, передъ которыми преклонился весь древній міръ: трудами Гипократа по медицинѣ и трудами Аристотеля по физикѣ и естественнымъ наукамъ, вѣрнѣе даже по всѣмъ отраслямъ теоретическаго знанія, за исключеніемъ математики.

Въ то же время два ученика Аристотеля, Теофрастъ и Евдемъ, написали впервые исторію наукъ, такъ что всѣ имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о предшественникахъ ихъ учителя, а равно и о предшественникахъ великихъ математиковъ послѣдующаго періода, истекаютъ главнымъ образомъ изъ этихъ историческихъ сочиненій, въ сожалѣнію утраченныхъ.

Поэтому, критическіе приемы, прилагаемыя къ возстановленію трудовъ этихъ великихъ мыслителей, отличаются чрезвычайнымъ однообразіемъ, между тѣмъ какъ въ примѣненіи къ послѣдующимъ временамъ приходится видоизмѣнять ихъ, отчасти потому, что измѣняется самый характеръ источниковъ, отчасти же вслѣдствіе того, что понятія, по выясненіи ихъ Аристотелемъ, пріобрѣтаютъ новую форму и точность, которой они раньше не отличались.

2. Я упомянулъ о великихъ математикахъ послѣдующаго, т. е. *александрійскаго періода*, который, какъ и предыдущій, занимаетъ приблизительно три столѣтія — время господства династіи Птолемеевъ въ Египтѣ. И дѣйствительно, если этотъ періодъ, подобно эпохѣ эллинизма, составляетъ нѣчто цѣлое съ точки зрѣнія политики и литературы, то съ научной точки зрѣнія онъ особенно замѣчателенъ появленіемъ величайшихъ геометровъ древняго міра, а также и тѣмъ фактомъ, что сохранившіеся отъ него научные труды — исключительно математическаго содержанія.

Напротивъ, отъ предыдущаго періода до насъ дошелъ только одинъ геометрической отрывокъ¹⁾. Но это обстоятельство не должно вводить насъ въ заблужденіе: отвлеченныя науки процвѣтали въ то время не менѣе и даже болѣе, чѣмъ науки естественныя. Собственно говоря, теоріи, изложенныя въ трудахъ Евклида и Аполлонія, дошедшихъ до насъ на греческомъ языкѣ, возникли въ дѣйствительности много раньше; но усовершенствованія, внесенныя этими учеными какъ въ содержаніе, такъ и въ изложеніе данныхъ теорій, чрезвычайно скоро заставили забыть всѣ предшествующіе трактаты на ту же тему, несмотря на всю ихъ цѣнность.

Развитіе математическихъ наукъ въ періодъ эллинизма было настолько значительно, что онѣ выдѣлились въ спеціальную научную область, а лица, желавшія внести въ нихъ что-либо новое, принуждены были съ этого времени всецѣло посвящать себя имъ. Въ IV столѣтіи до нашей эры Евдоксъ изъ Книды, великій геометръ и астрономъ, былъ въ то-же время врачомъ, моралистомъ и законодателемъ; и это далеко не исключительный примѣръ. Правда,

¹⁾ Отрывокъ изъ Гиппократова Хиосскаго о квадратурахъ луночекъ, сохраненный симплиціемъ въ передачѣ Евдема (См. приведенный мною текстъ въ *Mémoires de la Société des Sciences phys. et nat. de Bordeaux*, V, p. 179—187, 1883).

Евдоксъ представляет собою типичнаго *софиста*, но въ его время притязаніе на всеобъемлюшія знанія и способности было еще явленіемъ обычнымъ. Въ послѣдующіе вѣка мы не находимъ ничего подобнаго: геометры замыкаются въ область своей науки, а если и выходятъ изъ нея, то лишь для того, чтобы изучать приложеніе математики, напримѣръ въ механикѣ, какъ это дѣлали Архимедъ или Геронъ.

Впрочемъ, научные труды, оставшіеся отъ *александрійскаго періода*, далеко не могутъ служить мѣриломъ той умственной дѣятельности, о которой они свидѣтельствуютъ. Не только геометрія, изложенная въ трудахъ, большая часть которыхъ утрачена (по крайней мѣрѣ въ подлинникѣ), достигла такой высоты, которую въ настоящее время трудно опредѣлить въ точности, но которая тѣмъ не менѣе вызываетъ справедливое изумленіе — но и другія, примыкающія къ математикѣ области, послужили темой для весьма значительныхъ трудовъ; такъ Эратосеенъ ставитъ на научныя основанія географію, а Гиппархъ заканчиваетъ приведеніе въ систему древней астрономіи. Но и эти гении — творцы подверглись участи геометровъ *эллинскаго* періода: Стравонъ и Птолемеи затмили ихъ своими трудами.

Зато въ области физики и естественной исторіи *александрійская* наука не сдѣлала никакихъ существенныхъ успѣховъ; медицина правда все еще была въ чести, но теоретическія изысканія превратились и трудъ Аристотеля, повидимому, вполне удовлетворялъ любознательности современниковъ. Этотъ странный фактъ имѣетъ двѣ причины.

Во-первыхъ, пріобрѣтенныя теоретическія знанія были еще не настолько обширны, чтобы выдѣлиться подобно математикѣ и медицинѣ въ независимыя науки, разрабатываемыя исключительно ради нихъ самихъ; съ другой стороны, философія стала теперь предметомъ систематическаго обученія, такъ что физика заняла по отношенію къ ней подчиненное мѣсто, и въ то же время до Платона она особенно занимала философовъ. Съ этого времени на первый планъ выступили логика и этика.

Кромѣ того, послѣ Аристотеля идеаль теоретиковъ — *наука для науки* — уступаетъ мѣсто практическимъ стремленіямъ новыхъ

школа, которыя заступили мѣсто старыхъ и оспаривали другъ у друга руководство нравственной стороною эллинской цивилизаціи. Эпикурейцы и стоики правда занимались физикой и даже усердно, но равнодушное отношеніе первыхъ къ различнымъ научнымъ объясненіямъ, не смотря на ихъ полную примиримость съ общей априорной гипотезой школы—уже само по себѣ есть отрицаніе возможности научнаго прогресса; что-же касается до вторыхъ, то самый принципъ ихъ ученія враждебенъ наукѣ. Они занимались ею, но лишь для того, чтобы удовлетворить требованіямъ обученія, чтобы не отстать въ этомъ отношеніи отъ другихъ школъ. Они-то, главнымъ образомъ, и довольствовались Аристотелемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не возвращались назадъ къ Гераклиту: эпикурейская школа завѣщала намъ, по крайней мѣрѣ, прекрасную поэму Лукреція; отъ стоиковъ до насъ дошли лишь незначительные отрывки научнаго содержанія, да и остальное несомнѣнно вполне заслуженно было предано забвенію.

3. Вслѣдъ за войсками Александра эллинизмъ покоряетъ Востокъ; онъ насаждаетъ новые центры умственной культуры: Александрія, Родосъ, Пергамъ затмѣваютъ блескъ древняго города Минервы. Но этой блестящей цивилизаціи не удается утвердиться на общихъ и сообразныхъ ея духу политическихъ учрежденіяхъ. Мало-по-малу эллинизированный Востокъ утрачиваетъ свою независимость и подчиняется владычеству Римлянъ. Когда господство послѣднихъ простирается и на Египетъ Птолемеевъ, когда Августъ основываетъ имперію — начинается третій періодъ, который можно назвать *греко-римскимъ*.

И онъ въ свою очередь продолжается круглымъ счетомъ три столѣтія, до политической и религіозной революціи, произведенной Константиномъ, революціи, послѣ которой эллинизированный Востокъ возвращается къ независимости, но сохраняетъ единство традиціоннаго политическаго режима. Учрежденная такимъ образомъ имперія проявляетъ необычайную жизнѣнность, которой не достаетъ съ этого времени латинскому западу; она защищаетъ свои границы отъ набѣговъ варваровъ до самаго вторженія Арабовъ, а затѣмъ, постепенно теряя свои владѣнія, влечитъ свое дряхлое существованіе до зари новыхъ вѣковъ.

Исторію античної науки слѣдуетъ завершить тѣмъ моментомъ, когда Исламъ овладѣваетъ городомъ, который съ самаго основанія своего Александромъ неизмѣнно оставался самымъ дѣятельнымъ очагомъ этой науки. Но къ этому времени и онъ уже пересталъ служить свѣточемъ міра, который обратился къ новому полюсу и жаждаль новаго свѣта. Эллинизмъ, еще достаточно сильный въ IV столѣтіи, вступилъ въ долгую и не безславную борьбу за свое существованіе противъ новой религіи, противъ преобразованныхъ учрежденій и нравовъ. Около половины VI вѣка угасли его послѣдніе представители, не завѣщавъ своимъ ученикамъ, уже перешедшимъ въ христіанство, ни одного плодотворнаго ученія. Античная наука, порожденная эллинизмомъ, раздѣлила судьбу послѣдняго; новое общество признавало только христіанскую науку; оно погрузилось въ теологію.

4. Если періодъ зрѣлости античной науки и называется *греко-римскимъ*, то это названіе указываетъ скорѣе на политическое господство Римлянъ, чѣмъ на прямое вліяніе ихъ въ сферѣ умственной жизни. Извѣстно, что покоренная Греція въ свою очередь побѣдила своихъ грозныхъ завоевателей; они рано стали ея учениками и заимствовали у ней искусство, литературу, философію и науку. Греко римская эпоха дала намъ нѣсколько безсмертныхъ поэмъ и любопытную „Естественную Исторію“ Плинія; самъ авторъ мечталъ вѣрно создать нѣчто, подобное труду Аристотеля, но ему удалось только составить обширную компиляцію, часто дающую намъ драгоценныя свѣдѣнія, иногда-же почти бесполезную по недостатку точныхъ указаній на источники.

Но эти научныя усилія вскорѣ оказались неудачными и Римляне не сумѣли даже создать философской литературы. Послѣ столѣтней борьбы эллинизмъ подавилъ у своихъ учениковъ послѣднія стремленія къ соперничеству. Маркъ Аврелій написалъ свои „Размышленія“ по-гречески; въ эпоху Антониновъ процвѣтали Птоломей и Галенъ. Это время — кульминаціонный пунктъ *греко-римской* науки, которая однако въ концѣ слѣдующаго вѣка дала еще Діофанта и Паппа.

Эти имена показываютъ, что математика и медицина еще держатся на высотѣ, достигнутой *александрійской* наукой; производится

цѣлый рядъ значительныхъ работъ по сведенію матеріала, но замѣтно полное отсутствіе творчества: стремятся скорѣе къ пересмотру и переложенію того, что сдѣлано раньше, чѣмъ въ созданію чего-либо новаго. Это состояніе застоя является симптомомъ близкаго упадка, который и не замедлилъ скорѣе обнаружиться.

Что касается естественныхъ наукъ, то ихъ положеніе не улучшается; гораздо бѣльшаго вниманія заслуживаетъ перемѣна въ судьбахъ философіи.

Къ началу *греко-римскаго* періода стоицизмъ получилъ видимое преобладаніе надъ другими школами; съ этого времени его влияніе все усиливается и достигаетъ своего апогея въ эпоху Антониновъ. Затѣмъ, онъ внезапно исчезаетъ; школы, противъ которыхъ онъ такъ долго боролся, не переживаютъ его. Эллинизмъ какъ-бы чувствуетъ необходимость сплотить всѣ свои силы противъ надвигающейся волны христіанства. Дѣятельность Плотина и его ближайшихъ учениковъ заполняетъ весь III-й вѣкъ; съ ихъ смертью исчезаетъ различіе между философскими школами, которыя сливаются въ одну эллинскую философію.

Чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ причинахъ этихъ перемѣнъ, нужно вспомнить, что расцвѣтъ стоицизма, нашедшій свое лучшее выраженіе въ лицѣ Эпиктета, въ сущности прерываетъ собою политическое движеніе: борьбу эллинизма въ его самой благородной формѣ, воспринятой лучшей частью римской аристократіи—противъ жестокихъ традицій цезаризма. Но стоицизмъ, одержавшій побѣду при Антонинахъ, оказался несостоятельнымъ передъ громадной задачей, выпавшей ему на долю; признаніе въ этой несостоятельности выразилось въ прекрасной книгѣ Марка Аврелія; послѣ его смерти паденіе стоицизма стало неизбѣжнымъ.

Помимо причинъ политическаго характера, торжество плотинскаго синкретизма было подготовлено исподволь самимъ интеллектуальнымъ движеніемъ. По окончаніи *александрійскаго* періода стоицизмъ подвергся быстрому превращенію, которое и обезпечило за нимъ преобладаніе. Подъ руководствомъ Панэція и Посидонія онъ сошелъ съ того узкаго пути, на который былъ поставленъ своими основателями, въ томъ числѣ и Хризиппомъ; онъ воспринялъ въ себя другія ученія и приобрѣлъ эклектическій характеръ, вступивъ въ компромиссъ со всѣми теоріями, кромѣ эпикуреизма.

Послѣдній подвергся опалѣ; всѣ-же остальные школы, за исключеніемъ скептиковъ, подчинились господствующему движенію, стремившемуся сгладить ихъ существенныя различія. Съ этого времени уже нѣтъ законнаго преемства въ школахъ, нѣтъ признаннаго главы школы, и если истинные стойки все болѣе и болѣе пренебрегаютъ вопросами, чуждыми морали, то цѣлая толпа мыслителей, которыхъ имъ не удастся увлечь, обращается снова къ древнимъ учителямъ, Пифагору, Платону, Аристотелю. Это направленіе аналогично тому, которое побуждаетъ математиковъ этой эпохи возвратиться къ трудамъ своихъ предшественниковъ и взяться за сведеніе ихъ въ одно цѣлое.

Но хотя философы и называютъ себя приверженцами различныхъ учителей, сообразно своимъ личнымъ склонностямъ и специальному характеру своихъ занятій — имъ однако не удается ни оживить древнія школы, ни воскресить духъ минувшихъ вѣковъ. Они — дѣти своего времени, всѣ ихъ усилія ограничиваются созданіемъ широкаго синкретизма, въ которомъ всѣ великіе гении Эллады представлены раздѣляющими почти одинаковыя, лишь незначительно разнящіяся между собою мнѣнія и оказываются основателями одного и того-же ученія.

Слово эклектизмъ складывается уже на зарѣ *греко-римскаго* періода; но еще раньше стремленіе, о которомъ оно свидѣтельствуетъ, заявляетъ о себѣ самыми разнообразными способами. Это направленіе должно было особенно пагубно отозваться на стоицизмѣ; его логика не нашла себѣ защитниковъ и уступила мѣсто логикѣ Аристотеля; послѣдній со временъ Андроника пріобрѣтаетъ все большій и большій авторитетъ; высокое значеніе воздвигнутаго имъ грандіознаго научнаго памятника единогласно признается. Но Платонъ все-же остается любимымъ учителемъ, не смотря на то, что многочисленные сторонники доктринъ, приписанныхъ Пифагору, стараются въ болѣе или менѣе апокрифическихъ сочиненіяхъ возстановить легендарную славу Самосскаго мистика.

Достаточно было явиться въ этотъ благопріятный моментъ геніальному человѣку, который далъ бы окончательное выраженіе бессознательно подготовленному синкретизму, чтобы была основана

новая философія ¹⁾ и чтобы она неизбежно соединила въ себѣ всѣ жизненные силы эллинизма, между тѣмъ какъ оффиціальныи стоицизмъ потерпитъ окончательное крушеніе. Но это значительное и глубокое преобразование все таки было неспособно предупредить политическій триумфъ христіанства и открытіе новой эры.

5. Если признать неудовлетворительнымъ названіе „*уадака*“, которое наиболѣе подходит для этого новаго періода, продолжающагося отъ Константина до Ираклія, то лучше всего назвать его „*эпохой комментаторовъ*“. И дѣйствительно, подготовительныя компіляціи и комментаторство являются въ это время единственною цѣлью философовъ, работающихъ въ области науки и философіи; конечно, не они первые предаются истолкованію древнихъ учителей; они лишь повинуются импульсу, данному предшествующей эпохой. Имъ совершенно недостаетъ оригинальности: воцаряется рабская подражательность; обученіе принимаетъ традиціонный характеръ, не позволяется выходить изъ рамокъ, которыя становятся все болѣе и болѣе тѣсными, эти рамки заполняются древними учителями; а такъ какъ нѣтъ надежды когда-либо превзойти ихъ, то остается только тщательно объяснять и истолковывать то, чему они учили.

Сочиненія мыслителей этого времени, какъ математиковъ, такъ и философовъ, производятъ одинаковое впечатлѣніе, будь то Теонъ Александрійскій или Евтокій, Прокль или Ямвлихъ, Симплицій, Филоповъ, или Олимпіодоръ ²⁾; всѣ они преподають уже

---

1) Названіе *александрійской школы*, даваемое этой философіи, очень неосновательно; оно должно примѣняться къ литераторамъ и ученымъ времени Птолемея. Какова-бы ни была національность Аммонія Саккаса и Плотина, но наиболѣе славные представители новаго ученія жили въ Римѣ или Греціи, и Египетъ никогда не былъ дѣйствительнымъ центромъ этого направленія.

2) Имена двухъ послѣднихъ ученыхъ, а равно и появленіе астрономическаго календаря, приписываемаго императору Ираклію, въ достаточной степени объясняютъ, почему я не заканчиваю исторію античной мысли моментомъ закрытія Аѳинскихъ школъ при Юстиніанѣ; дѣло въ томъ, что Симплицій, труды котораго имѣютъ столь важное историческое значеніе, писалъ уже послѣ ихъ закрытія; Филоповъ—его старшій современникъ; Олимпіодоръ, комментаторъ «*Метеорологіи*» Аристотеля, писалъ послѣ 565 года. Къ какой-бы религіи ни принадлежали два послѣднихъ автора, мы однако не можемъ не поставить ихъ рядомъ съ Симплиціемъ. Наконецъ, Стефанъ изъ Александріи (См. Usener, *Commentatio*, Bonn, 1880), призванный въ Константинополь Иракліемъ, составляетъ естественный переходъ отъ послѣднихъ представителей науки древняго міра къ первымъ приверженцамъ византійской науки, если только эта послѣдняя заслуживаетъ подобнаго названія.

готовую науку, постепенно приходящую въ упадокъ, но не стараются ни усовершенствовать, ни расширить ее.

Было-бы несправедливо умолчать въ общемъ очеркѣ этого періода о довольно значительныхъ трудахъ по медицинѣ (практическая польза искусства Гиппократа поддерживала медицину на довольно высокомъ уровнѣ, въ то время какъ теоретическія науки все болѣе и болѣе падали), о школахъ для инженеровъ, прославившейся при Юстинианѣ, а въ особенности о появленіи любопытныхъ трудовъ по химіи, которые въ настоящее время извлекаются изъ долгаго забвенія однимъ изъ представителей современной науки. Но если всѣ эти труды и указываютъ на нѣкоторое умственное броженіе, на стараніе выйти изъ рамокъ, освященныхъ традиціей, и отвѣтить на новыя нужды и желанія человѣчества, то это движеніе все же не настолько сильно, чтобы создать новое научное теченіе, или же существенно измѣнить общій характеръ этой эры упадка.

6. Итакъ, исторія античной науки естественно дѣлится на четыре періода, въ три столѣтія каждый; первые два предшествуютъ христіанской эрѣ, а другіе два за нею слѣдуютъ. Рѣзко отличаясь другъ отъ друга по характеру завѣщанныхъ намъ научныхъ памятниковъ, эти періоды не менѣе различны и съ точки зрѣнія политической исторіи и исторіи философіи; аналогичному же дѣленію поддаются и древняя литература и искусство. Во всякомъ случаѣ, какой-бы изъ этихъ періодовъ мы ни рѣшились изучать съ научной точки зрѣнія, все-же слѣдуетъ составить себѣ понятіе о характерѣ cadaго изъ нихъ, такъ какъ нужно, во-первыхъ, отдать себѣ ясный отчетъ въ предшествующемъ положеніи науки и условіяхъ ея передачи, а во-вторыхъ, быть въ состояніи оцѣнить характеръ позднѣйшихъ документовъ.

Въ только что приведенномъ краткомъ очеркѣ я, конечно, не могъ указать всѣ существенно-необходимыя черты этихъ періодовъ, но я все-же надѣюсь, что данныхъ указаній достаточно, чтобы облегчить пониманіе дальнѣйшаго изложенія, которое будетъ подробнымъ, какъ того требуетъ входящій въ планъ этого сочиненія детальный разборъ.

Изъ указанныхъ мною четырехъ періодовъ первый безспорно

послужилъ темой для наибольшаго числа работъ и однако исторія этого періода остается наиболѣе темной. Собранныя въ этомъ томѣ изслѣдованія имѣютъ своею цѣлью возможное разъясненіе этой исторіи, отысканіе и примѣненіе къ ней новыхъ, болѣе удобныхъ критическихъ пріемовъ. Впрочемъ, я вообще буду оставлять въ сторонѣ медицину и геометрію, которыя требуютъ специальныхъ изслѣдованій¹⁾, и займусь преимущественно космологіей, физикой, а также и астрономіей, по крайней мѣрѣ поскольку она связана съ названными науками.

7. Сравнительно неудовлетворительное состояніе, въ которомъ находится исторія происхожденія этихъ наукъ не зависитъ исключительно отъ недостаточности и недостоверности дошедшихъ до насъ отъ этого ранняго періода документовъ; она объясняется и другими причинами, въ которыхъ не мѣшаетъ дать себѣ отчетъ.

Принято считать первыхъ греческихъ мыслителей философами, а потому ихъ мнѣнія изучались преимущественно философами, историки-же отдѣльныхъ наукъ обыкновенно принимали безъ провѣрки выводы, формулированные наиболѣе авторитетными историками философій.

Однако не трудно замѣтить важные недостатки метода, принятаго философами для возстановленія системъ первыхъ *физиологовъ*, недостатки, препятствующіе ясному пониманію начала развитія наукъ.

Философъ конечно прежде всего старается выдѣлить руководящую метафизическую идею изъ разрозненныхъ отрывковъ и отдѣльныхъ извѣстій, приводимыхъ древними авторами относительно каждаго *физиолога*. Въ крайнемъ случаѣ онъ и самъ формулируетъ эту идею, не заботясь о томъ, соотвѣтствуютъ-ли употребляемые имъ термины данной эпохѣ, или нѣтъ. Затѣмъ онъ группируетъ вокругъ этой основной идеи второстепенныя, на его взглядъ, мнѣнія, по возможности устанавливаетъ между ними

---

¹⁾ Я коснулся одной изъ этихъ областей въ своемъ сочиненіи: *La Géométrie grecque, comment son histoire nous est parvenue et ce que nous en savons*. Paris, Gauthier-Villars. 1857). — Впрочемъ и въ настоящемъ трудѣ при оцѣнкѣ научнаго значенія различныхъ мыслителей мнѣ не удастся обойтись безъ отступленій въ область математики и другихъ наукъ, кромѣ уже перечисленныхъ мною.

логическую связь и указывает их взаимное влияние; но тезисами чисто научного характера онъ или пренебрегаетъ, или же приводитъ ихъ вскользь, ради ихъ оригинальности.

Спѣшу оговориться: я вовсе не порицаю упомянутый способъ пониманія исторіи философіи; но вѣдь если у него есть кое-какіе недостатки, то не слѣдуетъ ихъ замалчивать. Впрочемъ, Густавъ Тейхмюллеръ, философъ по профессіи, уже далъ довольно удачное перечисленіе этихъ недостатковъ; въ своихъ очеркахъ „Къ исторіи понятій“ онъ съ необычайной ясностью указалъ тѣ крупныя ошибки, къ которымъ приводитъ насъ стремленіе приписывать какому-либо мыслителю эпохи эллинизма — понятія, впервые разъясненныя Аристотелемъ. Нужно однако сознаться, что при соблюденіи должныхъ предосторожностей описанный мною методъ (который въ сущности впервые былъ введенъ самимъ Аристотелемъ) является единственнымъ, дѣйствительно отвѣчающимъ цѣлямъ исторіи философіи. Какъ-бы ни было искусственно достигнутое такимъ образомъ возстановленіе мыслительнаго процесса каждаго отдѣльнаго философа, но въ совокупности оно даетъ логическое построеніе, болѣе или менѣе удовлетворяющее нашъ умъ и дающее намъ картину постепеннаго, — сознательнаго или безсознательнаго — прогресса человѣческой мысли въ области метафизики.

Но эта картина не открываетъ намъ всей истины; на этомъ я особенно настаиваю: она даетъ намъ лишь ограниченный уголокъ ея, да и то со спеціальной точки зрѣнія. Поэтому, исторія науки должна служить дополненіемъ къ исторіи философіи; она должна быть возстановлена непосредственно, независимо отъ исторіи философіи и съ помощью совершенно иного метода.

8. До Платона почти всѣ мыслители Эллады были не философами, въ современномъ смыслѣ этого слова, но *физиологами*, какъ тогда говорили, т. е. учеными. Вся ихъ наука была, правда, рядомъ заблужденій, нагроможденіемъ неосновательныхъ гипотезъ, но это не важно: путь отъ невѣжества къ истинѣ лежитъ черезъ заблужденія; гипотеза же, поскольку она можетъ быть провѣрена, есть лучшее средство приблизиться къ достовѣрности.

Исторія происхожденія наукъ должна прежде всего разсмотрѣть эти заблужденія, заняться этими первыми гипотезами; ея

задача — указать въ какой степени однѣ изъ нихъ способствовали развитію мысли, другія-же препятствовали ему.

Зерномъ системъ древнихъ *физиологовъ* служила не какая-либо метафизическая система, но общее представленіе міра, образованное у cadaго изъ нихъ на основаніи совокупности его частныхъ знаній. Только отправляясь отъ этихъ конкретныхъ представлений, физиологи могли подняться до абстракцій, еще непривычныхъ въ то время; эти абстракціи и составили впоследствии область собственной философіи, между тѣмъ какъ ученые специалисты мало-по-малу утрачивали къ нимъ всякій интересъ.

Но для того, чтобы найти это зерно, чтобы возстановить общее міропредставленіе физиологовъ, очевидно необходимо поставить на первое мѣсто взгляды послѣднихъ на различные физическіе вопросы, которыми въ исторіи философіи обыкновенно пренебрегаютъ, отводя имъ послѣднее мѣсто. Нужно прежде всего постараться связать другъ съ другомъ эти мнѣнія и по возможности объяснить ихъ историческое преемство. Очевидно, что намѣченный мною методъ совершенно противоположенъ тому, который обыкновенно употребляется въ исторіи философіи.

Результаты, къ которымъ можетъ привести систематическое примѣненіе этого метода, выяснятся по прочтеніи отдѣльныхъ монографій, собранныхъ въ этомъ томѣ. Какъ бы несовершенны ни были эти первыя попытки, я все же рѣшаюсь утверждать, что лишь этимъ путемъ можно внести порядокъ и ясность въ область, гдѣ до сихъ поръ господствовала сбивчивость и неизвѣстность; этотъ методъ особенно способствуетъ нахожденію единства и внутренней связи между такими ученіями, которыя съ философской точки зрѣнія разсматриваются какъ противорѣчивыя и несомѣстимыя.

9. Эти противорѣчія и несоотвѣтствія дѣйствительно существуютъ на почвѣ метафизики; но метафизическіе вопросы вообще не имѣли въ глазахъ древнихъ *физиологовъ* того значенія, которое они приобрѣли впоследствии; а слѣдовательно, и рѣшеніе этихъ вопросовъ вовсе не составляетъ существенной и характерной стороны ихъ системъ. Я даже могъ-бы совершенно оставить въ сторонѣ эти метафизическіе вопросы, еслибъ мнѣ не показалось ин-

тереснымъ разсмотрѣть ихъ сплетеніе съ чисто-научными проблемами, прослѣдить вліянія, содѣйствовавшія ихъ развитію и указать на ту эволюцію, въ силу которой имъ удалось занять столь важное мѣсто въ исторіи умственной дѣятельности.

И дѣйствительно, большинство этихъ вопросовъ таково, что наука не можетъ относиться къ нимъ вполнѣ безучастно; она не касается ихъ лишь въ двухъ случаяхъ: когда доходитъ до признанія, что имѣетъ право принять безъ доказательствъ определенное рѣшеніе метафизическихъ вопросовъ, или же когда не имѣетъ достаточнаго матеріала, чтобы надѣяться на успѣшное разрѣшеніе ихъ. Итакъ, мнѣ пришлось отдать себѣ отчетъ въ томъ значеніи, которое всѣ эти вопросы имѣютъ въ глазахъ современной науки, а также опредѣлить положеніе, занятое послѣдней по отношенію къ каждому изъ нихъ. Наконецъ, мнѣ пришлось провести границу, отдѣляющую научную область отъ области непознаемаго. Конечно, первые піонеры человѣческой мысли не въ состояніи были замѣтить эту границу; но намъ необходимо имѣть ее передъ глазами въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится опредѣлять, носятъ-ли попытки этихъ піонеровъ дѣйствительно научный, или-же только философскій характеръ.

Такимъ образомъ, я не задавался исключительной цѣлью собрать въ этомъ томѣ матеріалы для исторіи происхожденія наукъ — я хотѣлъ прибавить къ нимъ нѣсколько теоретическихъ соображеній, а также дать нѣчто въ родѣ дополненія къ исторіи происхожденія философіи. Каково, на мой взглядъ, значеніе этого дополненія, — это я, кажется, уже достаточно выяснилъ. Я хотѣлъ освѣтить новую, еще не затронутую сторону вопроса, не забывая въ то-же время первой и единственной, подвергавшейся до сихъ поръ довольно тщательному разсмотрѣнію. Можетъ быть впослѣдствіи умъ, достаточно широкій и могучій, сумѣетъ охватить съ одной общей точки зрѣнія этотъ творческій періодъ исторіи человѣческой мысли до того времени, когда послѣдняя въ силу своего прогресса принуждена была разграничить и отдѣлить различныя сферы своей дѣятельности.

10. Заключая введеніе, я считаю нужнымъ дать кое-какія объясненія относительно плана, которому я слѣдовалъ.

Форма монографій, посвященныхъ отдѣльнымъ мыслителямъ, была принята мною для возстановленія системы каждаго изъ нихъ. Я не скрываю отъ себя тѣхъ важныхъ неудобствъ, которыя представляетъ эта форма для настоящей исторіи научныхъ доктринъ: она или затемняетъ связь между отдѣльными ученіями, или же, при стремленіи отмѣтить ихъ преемство, приводитъ къ скучнымъ повтореніямъ. Мнѣ кажется однако, что еще не настала надлежащій моментъ для попытки написать подобную исторію; теперь намъ гораздо нужнѣ спеціальныя изслѣдованія и детальный разборъ — хотя-бы отъ нихъ и пострадало единство работы.

Пробѣлы въ этомъ сборникѣ монографій слишкомъ очевидны и мнѣ незачѣмъ объявлять, что я не претендовалъ на полноту. Въ частности, нѣтъ отдѣльной главы о Пиеагорѣ, хотя я и посвятилъ выясненію его знаній и мнѣній отдѣльныя отрывки, въ которыхъ далъ, какъ мнѣ кажется, нѣсколько новыхъ и значительныхъ выводовъ. Но документы, относящіеся къ пиеагореизму, такъ противорѣчивы и подлинность ихъ столь сомнительна, что я не пашель покажѣсть возможнымъ идти дальше этихъ замѣтокъ.

Мнѣ кажется, что эта книга и такъ содержитъ достаточно много новыхъ тезисовъ, дающихъ поводъ къ преніямъ; а поэтому я не стану отягощать ее выводами, недостаточно обоснованными и вопросами, о которыхъ я самъ не успѣлъ составить опредѣленнаго мнѣнія. Ограничиваться-же повтореніемъ того, что уже сказано и можетъ быть найдено вездѣ — конечно было-бы бесполезно; мнѣ и такъ пришлось сдѣлать нѣсколько заимствованій изъ различныхъ трудовъ, еще мало извѣстныхъ во Франціи; анализъ ихъ, я надѣюсь, возбудитъ нѣкоторый интересъ въ силу своей новизны ¹⁾).

11. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать принятому историками философіи изложенію по школамъ, я, придерживался хронологическаго

---

¹⁾ Рѣчь идетъ: 1) о двухъ первыхъ главахъ, гдѣ излагаются греческая доксиграфія и хронологія фізіологовъ; въ основаніи ихъ лежитъ трудъ Дильса, *Doxographi graeci*, 2) о монографіяхъ, посвященныхъ Анаксимандру и Гераклиту, матеріалы, для которыхъ взяты изъ трудовъ Тейхмюллера. Мнѣ не за чѣмъ раточать похвалы этимъ знаменитымъ ученымъ, дружкой которыхъ я особенно горжусь, тѣмъ болѣе, что они сами удостоили меня ею; но во всякомъ случаѣ, мнѣ уже нечего разсчитывать на оригинальность въ тѣхъ пунктахъ, которыхъ они коснулись.

порядка: только этимъ путемъ и можно установить преемство научныхъ знаній и отмѣтить распространеніе открытій. Даже съ философской точки зрѣнія хронологическій методъ не представляетъ серьезныхъ неудобствъ въ примѣненіи къ такой эпохѣ, когда школъ собственно не существовало, за исключеніемъ пифагорейской; впрочемъ, перемѣны, которымъ подверглось ученіе послѣдней, намъ почти совершенно неизвѣстны.

Хронологія философовъ эллинскаго періода представляетъ значительныя трудности и часто весьма запутанна, а потому я принужденъ былъ заняться ею въ особой главѣ. Выскажу теперь-же тѣ общія заключенія, къ которымъ я пришелъ; они состоятъ въ слѣдующемъ: 1) у древнихъ почти не было по этому вопросу сколько-нибудь важныхъ документовъ, а все, что было — извѣстно намъ, 2) самыя признанныя хронологическія традиціи оставляютъ мѣсто сомнѣніямъ, 3) тамъ-же, гдѣ сомнительна сама традиція, можно составить себѣ какое-либо мнѣніе не иначе, какъ путемъ сравненія отдѣльныхъ ученій.

12. Между введеніемъ и отдѣльными монографіями я вставилъ еще одну главу, тоже имѣющую вполне общій характеръ. Такъ какъ всѣ безъ исключенія труды *физиологовъ* утрачены, то я, конечно, принужденъ былъ предварительно рѣшить вопросъ о цѣнности источниковъ, которыми я воспользовался для этихъ монографій.

Эти источники двоякаго рода; во-первыхъ, отрывки, частью очень краткіе, частью, напротивъ, довольно значительные. Они сохранены полиграфами и комментаторами, принадлежащими или къ греко-римскому періоду, или къ эпохѣ упадка. Не говоря уже о тѣхъ сомнѣніяхъ, которыя можетъ вызвать вопросъ о подлинности этихъ отрывковъ, нужно замѣтить, что послѣдніе вообще не могутъ быть обособлены отъ текста сохранившихъ ихъ писателей, которые обыкновенно такъ или иначе толкуютъ ихъ смыслъ, зачастую весьма темный. Поэтому, невольно возникаетъ вопросъ, существовало-ли сочиненіе того, или другого „физиолога“ въ то время, когда дѣлались дошедшія до насъ выборки, было-ли оно цѣликомъ прочтено авторомъ, такъ что послѣдній могъ вполне проникнуться духомъ античныхъ ученій, или-же онъ просто взялъ эти цитаты

изъ вторыхъ рукъ, изъ какихъ-нибудь неполныхъ excerptовъ или у другихъ авторовъ, тоже болѣе или менѣе ненадежныхъ.

Всѣ эти вопросы требуютъ, конечно, детальнаго разсмотрѣнія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; къ несчастью, при современномъ состояніи нашихъ знаній они вообще врядъ-ли могутъ быть окончательно рѣшены. Напримѣръ, было бы очень интересно узнать въ точности, до какой эпохи сохранились въ неприкосновенности труды Гераклита или Парменида; но мы должны сознаться въ полномъ своемъ невѣжествѣ относительно этого вопроса. Я думаю однако, что, чѣмъ глубже мы будемъ проникать въ неизвѣстную намъ область исторіи античнаго міра, тѣмъ скорѣе придемъ къ убѣжденію, что цитаты вообще, а въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя приводятся у авторовъ времени упадка, далеко не всегда берутся прямо изъ цитируемыхъ трудовъ.

Въ древности сочиненія античныхъ авторовъ, за исключеніемъ классиковъ, были вообще рѣдки и цѣнились очень дорого; ихъ можно было найти только въ большихъ бібліотекахъ¹⁾. Поэтому, въ большинствѣ случаевъ довольствовались добываніемъ свѣдѣній изъ компиляцій или полиграфическихъ сборниковъ.

Подобные сборники, касающіеся самыхъ разнообразныхъ предметовъ, сохранились и до нашего времени, но мы знаемъ навѣрное, что ихъ было гораздо больше, и не сомнѣваемся, что при ихъ составленіи они, подобно нашимъ словарямъ, большею частью служили другъ для друга источникомъ¹⁾.

---

¹⁾ Такъ, послѣ разрушенія Серапеума при Θεодосіа В. въ 389 г. цѣлость большинства трудовъ древнихъ авторовъ становится, по крайней мѣрѣ, мало вѣроятною.

²⁾ Какъ часто современные намъ ученые, и даже самые добросовѣстные изъ нихъ, цитируютъ ту или другую страницу, или строку изъ сочиненія, ни разу не побывавшаго въ ихъ рукахъ! Это—неизбѣжное слѣдствіе модной погони за цитатами, правда необходимой при нѣкоторыхъ работахъ, но въ большинствѣ случаевъ бесполезной и даже прямо вредной. Эта обширная эрудиція очень легковѣсна и обманчива; только тотъ, кто потрудится провѣрить подрядъ сотню цитатъ изъ какого-нибудь современнаго сочиненія, хотя бы и такого, которое пользуется вполне заслуженной репутаціей, можетъ понять, какъ много шансовъ встрѣтить неточности и даже прямо искаженія въ другой сотнѣ цитатъ, взятыхъ наудачу.

Новое правило, въ сущности достойное одобренія, въ тѣхъ случаяхъ, когда цитаты дѣлаются изъ вторыхъ рукъ, предписываетъ дѣлать точныя указанія на посредствующіе источники. Но кто можетъ поручиться передъ читателями за

13. Итакъ, нельзя дать общихъ правилъ для опредѣленія цѣнности отрывковъ древнихъ *физиологовъ*, какъ историческихъ источниковъ; но дѣло обстоитъ иначе съ другимъ, имѣющимся у насъ разрядомъ свѣдѣній, которыя съ точки зрѣнія исторіи философіи имѣютъ мало значенія и, наоборотъ, особенно цѣнны для исторіи науки. Мнѣнія *физиологовъ* по частнымъ вопросамъ физики и естественной исторіи въ сокращенномъ видѣ собраны во многихъ произведеніяхъ древнихъ авторовъ, написанныхъ по самымъ разнообразнымъ поводамъ и по различнымъ планамъ. Если-же задаться вопросомъ, какими источниками пользовались въ свою очередь авторы этихъ сочиненій, — *греческіе доксографы*, какъ ихъ называютъ, — что между ними общаго и въ какой степени можно довѣрять каждому изъ нихъ — то на эти вопросы мы можемъ найти болѣе или менѣе точные отвѣты.

Сочиненія *физиологовъ* никогда не были прямыми источниками доксографовъ; послѣдніе имѣютъ своимъ первоисточникомъ обширный историческій трудъ Теофраста, впрочемъ рано утраченный и замѣненный сокращеніями и компиляціями, по которымъ и составлялись дошедшія до насъ сочиненія доксографовъ.

Я посвящаю свою первую главу изложенію исторіи этихъ сочиненій на основаніи *Prolegomena*, предисланныхъ Германомъ Дильсомъ его изданію „*Doxographi graeci*“ (Berlin, 1879); прибавлю, что въ вышеупомянутомъ своемъ трудѣ „*La Géométrie grecque*“ я пытался дать историческій очеркъ происхожденія математики, подобный изслѣдованію Дильса о происхожденіи физическихъ наукъ. Я считаю нелишнимъ резюмировать здѣсь вкратцѣ свои главные выводы.

Исторія ариметики, геометріи и астрономіи эпохи *эллинизма* была впервые написана только Евдемомъ, современникомъ Теофраста. Этимъ историческимъ трудомъ воспользовались — въ концѣ

точность этихъ источниковъ? И такъ, средство, изобрѣтенное для исправленія отмѣченныхъ мною недостатковъ, только палліативное. Я позволяю себѣ подобныя замѣчанія отчасти для того, чтобы объяснить, почему я не спадилъ свой трудъ обычнымъ собраніемъ цитатъ; я сообразовался съ двумя правилами, которыя кажутся мнѣ вполне необходимыми и достаточными: 1) никогда не цитировать работъ, не прочтя ихъ цѣликомъ, 2) ограничиваться самыми необходимыми цитатами, да и то только въ тѣхъ случаяхъ, когда желательно, чтобы читатель для большей убѣдительности справился съ цитируемымъ трудомъ.

александрійскаго періода Геминъ въ своей „Теоріи математики“, а въ концѣ греко-римской эпохи — Порфирій и Паппъ въ „Комментаріяхъ къ Евклиду“. Изъ этихъ-то утерянныхъ трудовъ, а не изъ самаго Евдема, взяты цитаты, приведенныя въ „Комментаріяхъ на первую книгу Евклида“, написанныхъ Прокломъ въ V вѣкѣ. Что-же касается до длиннаго и очень важнаго отрывка, сохраненнаго Симплиціемъ (in *Physicorum* 1₂, p. 13 v°—15 r°), то онъ, вѣроятно, былъ заимствованъ изъ спеціальной компиляціи III-го столѣтія (можетъ быть Спороса изъ Никеи?) Въ IV вѣкѣ исторія Евдема, вѣроятно, была потеряна, да и раньше она почти не служила прямымъ источникомъ, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, о которыхъ я упоминалъ.

Этихъ немногихъ указаній будетъ достаточно для предстоящихъ мнѣ краткихъ экскурсій въ область математики.

ГЛАВА I.

Греческіе доксографы.

1. *Историческое сочиненіе Теофраста.* Аристотель имѣлъ обыкновеніе прежде чѣмъ излагать свое ученіе, приводитъ мнѣнія, высказанныя по данному вопросу до него и опроверженіемъ ихъ подготавливать почву для развитія собственныхъ теорій. Поэтому научныя сочиненія Стагирита даютъ намъ множество историческихъ свѣдѣній, драгоценныхъ по причинѣ ихъ древности и полной компетентности автора. Однако невозможно принять ихъ безъ ограниченій, такъ какъ всѣ они въ большей или меньшей степени носятъ полемическій характеръ; кромѣ того, Аристотель приурочивалъ эти мнѣнія къ своимъ собственнымъ понятіямъ, что вполне естественно, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду науку, а не исторію.

Интересъ, который представляли разсѣянные такимъ образомъ въ сочиненіяхъ Аристотеля историческія свѣдѣнія, а равнымъ образомъ самыя пробѣлы въ этихъ свѣдѣніяхъ, должны были вызвать у лицъ, желавшихъ отдать себѣ отчетъ въ понятіяхъ прошлыхъ временъ, потребность въ составленіи цѣлаго труда, посвященнаго полному и правдивому анализу сочиненій древнихъ „физиологовъ“. Таковы были одна изъ тѣхъ задачъ, какія поставилъ себѣ Теофрастъ, самый извѣстный изъ учениковъ и послѣдователей Аристотеля.

Написанная имъ исторія была, повидимому, извѣстна въ древности въ двухъ различныхъ редакціяхъ: одна, въ шестнадцати книгахъ, носитъ названіе „О мнѣніяхъ физиковъ“ (περὶ φυσικῶν δοξῶν), другая, въ восемнадцати книгахъ— „О физикахъ“ (περὶ

φυσικῶν). ¹⁾ Можетъ быть, неравенство числа книгъ въ обѣихъ редакціяхъ зависитъ просто отъ того, что какой-нибудь авторъ каталога включилъ во вторую редакцію „Сокращеніе“ (Ἐπιτομή) въ двухъ книгахъ, написанное во всякомъ случаѣ очень рано.

Отъ этого обширнаго сочиненія сохранился только одинъ цѣльный отрывокъ, относящійся къ „Ощущеніямъ“ и нѣсколько цитатъ, большая часть которыхъ находится у Симплиція, заимствовавшаго ихъ у Александра Афродизійскаго. Правда, въ сочиненіи Псевдо-Филона „О неразрушимости міра“ (περὶ ἀφθαρσίας κόσμου) встрѣчается еще одинъ значительный отрывокъ, приписываемый Теофрасту, но онъ принадлежитъ скорѣе перипатетику Критолаю, такъ какъ на ряду съ мнѣніями древнихъ, въ немъ излагается стоическое ученіе, котораго Теофрастъ не касался: онъ остановился на Платонѣ, не дойдя до своихъ современниковъ.

Однако эти немногіе остатки достаточно показываютъ, что Теофрастъ придерживался методическаго распредѣленія матерьяла, располагая мнѣнія по каждому вопросу не въ хронологическомъ порядкѣ, а по ихъ характеру; въ этомъ отношеніи отрывокъ объ „Ощущеніяхъ“ ²⁾ хорошо иллюстрируетъ его приемы. Но въ началѣ сочиненія, по поводу принциповъ, Теофрастъ приводитъ физиковъ, о которыхъ онъ говоритъ, въ хронологическомъ порядкѣ и даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о личности каждаго изъ

¹⁾ Диогенъ Лаэртскій, V, 46 и 48.—Легко замѣтить, что списокъ трудовъ Теофраста у Диогена Лаэртскаго составленъ по четыремъ каталогамъ различныхъ коллекцій, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ; въ эти каталоги, а въ особенности въ два послѣдніе изъ нихъ, входятъ цѣлый рядъ сочиненій, ложно приписанныхъ Теофрасту, хотя и принадлежащихъ, безъ сомнѣнія, древнимъ перипатетикамъ. Изъ двухъ редакцій историческаго сочиненія, наиболѣе обширная находится въ первомъ каталогѣ (вмѣстѣ съ «Сокращеніемъ» въ двухъ книгахъ) а болѣе краткая—во второмъ. Въ первомъ каталогѣ приведены еще заглавія сочиненій аналогичнаго содержанія: «О природѣ» (περὶ φύσεως) 3 книги, «Возраженія физикамъ», 1 книга, «Физика» (φυσικῶν) 8 книгъ. Послѣднее сочиненіе, повидимому, соотвѣтствовало «Физикѣ» Аристотеля и было сведено въ послѣдствіи въ одну книгу (во второмъ каталогѣ). Что же касается до 10 книгъ περὶ φυσικῶν (ιστορικῶν и 8 περὶ φυσικῶν ἀπιῶν, какъ эти заглавія обыкновенно приводятся въ изданіяхъ, то нужно читать φυσικῶν, такъ какъ тутъ подразумѣются книги сочиненія «О растеніяхъ», болѣею частью сохранившіяся. Наконецъ, одна книга «О природѣ» (V, 50) встрѣчается еще среди нѣкоторыхъ другихъ, упомянутыхъ послѣ списка четвертаго каталога.

²⁾ «Doxographi graeci» Дильса, стр. 499—527.

нихъ и объ исторической связи, въ которой они находились.

Къ изложенію древнихъ ученій Теофрастъ прибавилъ критику ихъ съ точки зрѣнія ученія своей школы, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру своего учителя. Поэтому свѣдѣнія, исходящія отъ Теофраста, слѣдуетъ принимать съ такими-же ограниченіями, какъ и тѣ, которыя встрѣчаются въ сочиненіяхъ Аристотеля. Другимъ поводомъ къ осмотрительному пользованію Теофрастомъ служитъ уваженіе, которое ученіе питалъ къ учителю: вмѣсто того, чтобы критиковать и исправлять, гдѣ нужно, мнѣнія Аристотеля, Теофрастъ старался всюду провести его идеи.

2. *Сокращенія съ распредѣленіемъ мнѣній по именамъ авторовъ или по порядку предметовъ.* Исторической трудъ Теофраста, какъ и сочиненіе Аристотеля, не вышелъ въ теченіе Александрійскаго періода за предѣлы тѣснаго кружка перипатетической школы. Однако имъ широко пользовались составители біографій и авторы „*Διαδοχαὶ φιλοσόφων*“, скоро получившихъ большое распространеніе. Очевидно, легко было извлекать съ методической послѣдовательностью изъ полного сочиненія, или изъ сокращенія, мнѣнія, высказанныя по каждому предмету каждымъ изъ древнихъ физиковъ и составлять такимъ образомъ сводную картину каждой системы. Подобное извлеченіе, кажется довольно точное ¹⁾, легло въ основаніе книги „*Philosophumena*“, которая была неправильно приписана Оригену, а теперь единогласно, но безъ достаточныхъ основаній, признается нѣмецкими учеными за трудъ Св. Ипполита, епископа и мученика. Компиляторъ этихъ „*Philosophumena*“, жившій во всякомъ случаѣ въ началѣ III в., также пользовался біографическимъ сокращеніемъ, но уже меньшей цѣнности, если не считать заключавшихся въ немъ хронологическихъ свѣдѣній, о которыхъ я поговорю въ слѣдующей главѣ.

Пользовались и другими сокращеніями изъ Теофраста, все болѣе и болѣе удаленными отъ первоначальнаго источника, но также распредѣляющими мнѣнія по именамъ авторовъ.

---

¹⁾ Порядокъ предметовъ, которому обыкновенно слѣдовали, таковъ: начало, богъ, міръ, земля, море, рѣки, Ниль, свѣтила, солнце, луна, млечный путь, падающія звѣзды, вѣтеръ, дождь, градъ, снѣгъ, громъ, радуга, землетрясеніе, животныя.

Слѣды этого пользованія мы находимъ:

Во-первыхъ, въ отрывкѣ изъ „Stromata“ Псевдо-Плутарха, сохраненномъ Евсевіемъ (Προταρασκευῆ εὐαγγελική): собранныя здѣсь мнѣнія касаются только начала, міра и свѣтилъ, кромѣ нѣсколькихъ отступленій объ Аристиппѣ и Эпикурѣ, очевидно заимствованныхъ не у Теофраста.

Во-вторыхъ, у Діогена Лаэртскаго, который на ряду съ подробной компиляціей употреблялъ другую, болѣе общаго характера, составленную не прямо по Теофрасту, а по какому нибудь біографу.

Въ-третьихъ, у различныхъ духовныхъ писателей, касавшихся этихъ предметовъ только мимоходомъ, какъ-то у Евсевія, („Præevang.“, X, XIV, XV, passim) Θεодорита, Иренея, Арнобія, Св. Августина, Эпифана и др.

Правда, Теофрастъ составилъ кромѣ своего большого историческаго труда нѣсколько монографій, но нѣтъ никакихъ указаній на непосредственное пользованіе ими.

Очевидно невозможно опредѣлить, въ какое время были составлены различныя сокращенія, слѣды которыхъ мы такимъ образомъ находимъ. Относительная цѣнность ихъ опредѣляется путемъ сравненія съ отрывками, сохраненными подъ именемъ Теофраста, или со сводомъ „Placita philosophorum“, о которомъ мы будемъ сейчасъ говорить. Еще до составленія тѣхъ сокращеній, слѣды которыхъ до насъ дошли, несомнѣнно существовала цѣлая серія подобныхъ-же сокращеній, составленныхъ въ самое различное время. Но только первыя и лучшія изъ нихъ были непосредственно извлечены изъ „Мнѣній Физиковъ“ Теофраста, или изъ перваго „Сокращенія.“ Остальныя были составлены по послѣдующимъ сокращеніямъ, причемъ пересказъ извращалъ все болѣе и болѣе содержаніе оригинала.

3. *Противуположности въ ученіяхъ древнихъ.* Несмотря на существованіе этихъ сокращеній, составленныхъ по именамъ авторовъ (и пополненныхъ для философовъ послѣ Платона изъ самыхъ различныхъ источниковъ), необходимо долженъ былъ наступить моментъ, когда почувствовалась потребность въ составленіи труда, подобнаго сочиненію Теофраста, написаннаго въ такомъ-

же методическомъ порядкѣ, но продолженнаго и на позднѣйшую эпоху.

Этотъ трудъ, первоначальный сборникъ „Placita“, заставилъ забыть свой образецъ, но и самъ онъ до насъ не дошелъ. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ составленъ не раньше конца *Александрійскаго* періода. Такимъ образомъ, сборникъ „Placita“ относится къ эпохѣ, когда эклектическое направленіе уже сильно сказывалось, а потому его авторъ долженъ былъ отказаться отъ приѣма Теофраста, сопровождавшаго упоминаніе о различныхъ мнѣніяхъ критикой ихъ съ точки зрѣнія опредѣленныхъ принциповъ.

Преимущества этого измѣненія были-бы очень велики, если-бы составитель „Placita“ понялъ важность изслѣдованія реальной исторической связи между различными тезисами, которые онъ включилъ въ свой сборникъ. Но полное отсутствіе способности уловить эту связь было не единственнымъ недостаткомъ автора; сказать по правдѣ, у него не было ни одного изъ качествъ, какія требовала его задача. Тамъ, гдѣ нуженъ бы историкъ, онъ оказался только банальнымъ компиляторомъ.

Ему казалось достаточнымъ просто, съ полнымъ безучастіемъ, нанизать рядъ самыхъ различныхъ утвержденій. Такой приѣмъ могъ дать лишь самые плачевные, съ научной точки зрѣнія, результаты.

Прежде всѣхъ Аристотелю, а за нимъ Теофрасту нравилось противопоставлять мнѣнія древнихъ физиковъ. Въмѣсто того, чтобы выяснитъ общіе пункты ихъ взглядовъ, они, напротивъ, преувеличивали различіе съ цѣлью взаимнаго уничтоженія этихъ мнѣній и расчистки мѣста для постановки новаго тезиса. Но Аристотель, по крайней мѣрѣ, развивалъ такой новый тезисъ, пытался вывести истину изъ столкновенія противоположныхъ мнѣній.

„Placita“-же, въ томъ видѣ, какъ они были составлены могли лишь удовлетворять любопытство диллетантовъ и снабжать аргументами скептиковъ. Они характеризуютъ состояніе умовъ той эпохи, которое въ нашъ вѣкъ научнаго догматизма даже трудно себѣ представить. Повидимому, изученіе природы опустилось въ то время до состоянія современной философіи, которой приходится довольствоваться одною вѣроятностью. Такъ хорошо провидѣнный

Аристотелемъ идеаль затемнился; академики и эпикурейцы успокоились на удобномъ сомнѣніи во всемі, а стойки не были въ состояніи страхнуть овладѣвшее умами оцѣпенѣніе. Эклектизмъ, которому они съ этихъ поръ предаются, указываетъ въ дѣйствительности на отсутствіе убѣжденій, что бы ни говорили противъ этого.

4. Кажется, уже во II в. до нашей эры академикъ Клитомакъ составилъ въ скептическихъ видахъ извлеченіе изъ Теофраста, по крайней мѣрѣ изъ той части его сочиненія, которая касается принциповъ. Полагаютъ, что изъ сочиненія Клитомаха Цицеронъ заимствовалъ матерьялъ для своего „Лукулла“, въ которомъ встрѣчается подобное извлеченіе, повидимому переведенное съ греческаго. Нѣсколько позднѣе Эпикуреецъ Филодемъ въ своемъ сочиненіи „De pietate“, значительные отрывки котораго были извлечены изъ рукописей Геркуланума, также противопоставилъ одно другому мнѣнію древнихъ о богахъ, а Цицеронъ пересказалъ ихъ въ первой книгѣ „De deorum natura“¹⁾. Само собою разумѣется, что собственно скептики, какъ на примѣръ Секстъ Эмпирикъ, не стали пренебрегать подобными приѣмами. Но главнымъ образомъ, сборники доксографовъ дали неисчерпаемый матеріалъ христіанскимъ писателямъ въ ихъ борьбѣ съ Эллинизмомъ, и сохранились-то они, не смотря на ничтожность своей сравнительной цѣнности, именно благодаря этой полемикѣ. Приѣмъ употребляется постоянно одинъ и тотъ-же, хотя тонъ изложенія, очень рѣдко серьезный, доходитъ по большей части до насмѣшки и даже глумленія. Противупоставлять одно другому мнѣнію различныхъ школъ, не заботясь о точномъ ихъ воспроизведеніи, напротивъ, сводя ихъ къ враткимъ и крайнимъ формуламъ, сочетать отрицанія съ утвержденіями, тщательно избѣгая указаній на истинные мотивы ихъ—все это слишкомъ легкій способъ опроверженія, чтобы не нашлось любителей пользоваться и злоупотреблять имъ.

Но особенно интересенъ для насъ тотъ фактъ, что *исторія древнихъ ученій была передана намъ единственно такимъ способомъ.*

¹⁾ Цицеронъ, влагая этотъ пересказъ въ уста Эпикурейца, страннымъ образомъ, извращаетъ мысли автора, преувеличиваетъ его мнѣнія и примѣшиваетъ къ нимъ очевидныя ошибки, какъ-бы желая представить его въ смѣшномъ видѣ.

Во всѣхъ источникахъ, начиная съ Аристотеля, мы находимъ ихъ противопоставленными другъ другу, насколько хватило смѣлости у автора. Такимъ образомъ, древнія ученія представляли собою полный хаосъ, и первую потребностью, явившеюся при самомъ началѣ изученія ихъ въ настоящее время, было, очевидно, стремленіе возстановить порядокъ и логическую связь между ними. Тѣмъ не менѣе, вѣра въ существованіе основныхъ противоположностей въ большемъ или меньшемъ числѣ внѣдрилась, какъ предразсудокъ, въ умы писателей, даже наиболѣе проникнутыхъ стремленіемъ къ единству. Кромѣ того, развитіе этихъ противоположностей образуетъ удобную рамку для изложенія, такъ какъ сведеніе ихъ къ немногимъ разительнымъ формуламъ удобно для памяти читателя. Отсюда успѣхъ исторій философіи, написанныхъ въ этомъ духѣ; отсюда-же немногочисленность попытокъ, сдѣланныхъ въ противоположномъ направленіи.

И тѣмъ не менѣе, пока будутъ продолжать идти по этому пути, исторія науки останется непонятою. Только пронизавъ за кажущіяся противорѣчія для отысканія общей основы, можно понять успѣхи положительныхъ знаній и прослѣдить преемственность соответственныхъ понятій. Поэтому, въ то время какъ источники стѣняютъ различія между древними „физиологами“, задачей историка въ настоящее время является, главнымъ образомъ, нахожденіе сходства. Дѣйствительно, только установленіе сходства позволяетъ дать себѣ отчетъ въ различіяхъ, опредѣлить ихъ истинный характеръ и дѣйствительную важность.

5. „*Placita*“ Псевдо-Плутарха. Итакъ, изъ исторіи источниковъ я вывелъ практическое заключеніе относительно пользованія ими. Теперь возвратимся къ этимъ древнимъ „*Placita*“, утеряннымъ, какъ я уже сказалъ, но предварительно подвергшимся соображеніямъ; ихъ остатки сохранились въ двухъ различныхъ, дошедшихъ до насъ компиляціяхъ, общность происхожденія которыхъ ясно видна.

Древнѣйшая изъ этихъ компиляцій фигурируетъ въ числѣ сочиненій Плутарха, хотя нѣтъ достаточныхъ основаній ее ему приписывать; она извѣстна подъ латинскимъ заглавіемъ, которымъ мы назвали первоначальный сборникъ; по гречески это: *περὶ τῶν ἀρεσκόντων φιλοσόφους φυσικῶν δογμάτων ἐπιτομῆς βιβλία πέντε*.

Вторая компиляція составляет первую книгу „Эклогъ“ Стобея, написанную въ V в. Что касается „Placita“ Псевдо-Плутарха, то они были написаны еще при жизни Херонейскаго полиграфа, такъ какъ этимъ сочиненіемъ пользовался уже въ 177 г. нашей эры Аенаторъ; позднѣе его переписывали Евсевій (Praer. Evang.), Θεодоритъ (Graec. affect. curat.), Кирилль (Contr. Julian.), Псевдо-Галенъ (Histor. philosoph.), Лаврентій Лидъ (De mensibus).

Встрѣчаются еще извлеченія изъ „Placita“ Псевдо-Плутарха, но уже болѣе свободныя, у Юстина ¹⁾ (Cohort. ad Gentil.) и у Ахилла ²⁾ (De universo). Троекратное упоминаніе объ этой компиляціи въ приписываемомъ Лампріасу каталогѣ сочиненій Плутарха достаточно свидѣтельствуеетъ о его широкомъ распространеніи.

Большой интересъ представляетъ сравненіе различныхъ извлеченій изъ „Placita“ съ текстомъ рукописей самого сочиненія. Столько источниковъ, съ перваго взгляда столь различныхъ, сводятся къ одному; но, хотя благодаря многочисленности и древности этихъ рукописей, сравненіе и позволяетъ вносить довольно важныя поправки, не менѣе часто приходится признавать, что искаженія текста восходятъ къ эпохѣ еще болѣе отдаленной и что самое несовершенство первыхъ рукописей вызвало массу ошибокъ, получившихъ, такимъ образомъ, широкое распространеніе.

Въ теченіе средневѣковья „Placita“ Псевдо-Плутарха продолжали пользоваться извѣстностью, приобрѣтенною ими съ древнихъ временъ. Арабы перевели ихъ, какъ классическое произведеніе и, византійскіе ученые, Михаилъ Пселль, Симеонъ Сеть, Цеца и др.

¹⁾ Подлинность этого сочиненія по меньшей мѣрѣ сомнительна; тѣмъ не менѣе, оно, повидимому, написано не раньше IV в.

²⁾ Котораго обыкновенно смѣшиваютъ, по примѣру Свиды, съ Ахилломъ Таціемъ, авторомъ романа «Левкиппъ и Клитофонъ». Составитель сочиненія остатки котораго были напечатаны Пето въ его, «Уранологіонѣ» былъ грамматикомъ, жившимъ, вѣроятно, въ началѣ III в. Главнымъ источникомъ для него послужило сочиненіе современнаго Августу философа Евдора, который черпалъ въ свою очередь изъ сочиненій Діодора Александрійскаго, ученика Посидонія. Такимъ образомъ, то, что осталось намъ отъ Ахилла подъ видомъ введенія въ «Феномены» Арата, представляетъ собою одинъ изъ самыхъ важныхъ образчиковъ стоической науки.

списывали „Placita“ и пытались имъ подражать. Но бесполезно долше останавливаться на ихъ свидѣтельствахъ, имѣющихъ значеніе лишь для критики текста.

6. *Первая книга „Эклогъ“ Стобея.* Сборникъ Стобея имѣетъ общій источникъ со сводомъ Псевдо-Плутарха, но во многихъ мѣстахъ онъ полнѣе, тогда какъ въ другихъ, напротивъ, значительно кратче. Сближеніе обоихъ текстовъ приводитъ къ заключенію, что оба компилятора пользовались болѣе древнимъ сборникомъ, который каждый изъ нихъ то списывалъ дословно, то сокращалъ по произволу.

Для возстановленія этого сборника нужно исключить различныя заимствованія, сдѣланныя Стобеемъ у другихъ авторовъ и не носящія характера, „Placita“. А именно, онъ прибавилъ относительно Аристотеля и стоиковъ длинныя выдержки изъ „Сокращеній“ нѣкоего Арія Дидима, современника и друга Августа, придерживавшагося стоическихъ мнѣній, и у котораго Евсевій въ своемъ „Pгаер. evang.“ заимствовалъ иногда тѣ-же мысли. Особый характеръ стиля этихъ отрывковъ позволяетъ легко выдѣлить ихъ; другіе же, напротивъ, съ перваго взгляда, можно смѣшать съ „Placita“, но болѣе внимательное разсмотрѣніе показываетъ, что они взяты, хотя не непосредственно, изъ древняго „Свода Гомеровскихъ Аллегорій“, легшихъ въ основаніе „Аллегорій“ Гераклита, „Жизни Гомера“ Псевдо-Плутарха, а также нѣсколькихъ выдержекъ о Вергиліи у Секста Эмпирика и Проба. Послѣднія выдержки взяты, вѣроятно, у грамматика Гераклеона, современника Августа. Такимъ образомъ этотъ „Сводъ“, въ которомъ мнѣнія древнихъ философовъ были сопоставлены со стихами Гомера, восходитъ къ первому вѣку до нашей эры, но достовѣрнаго преданія не содержитъ.

7. *Сборникъ Аэція, возстановленный Дильсомъ.* Кромѣ этихъ двухъ источниковъ у Стобея былъ еще одинъ, общій съ Псевдо-Плутархомъ. Имъ-же прямо пользовались Θεодоритъ (Graec. affect. curat.) и Немезій (De nat. hom.); его, впоследствии, переписалъ Мелецій. Θεодоритъ-же прямо называетъ этотъ источникъ: „Ἀετίου τὴν περὶ ἀρεσκόντων ἑναγωγὴν“.

Однако этотъ Аэцій намъ совершенно неизвѣстенъ и время

его жизни можно отнести лишь предположительно къ концу перваго вѣка по Р. Х.; тѣмъ не менѣе, благодаря Стобею и Псевдо-Плутарху, оказывается возможнымъ безъ большихъ затрудненій возстановить его сборникъ „Placita“, который второй компиляторъ рѣдко позволялъ себѣ интерполировать. Трудъ возстановленія былъ выполненъ съ поразительнымъ критическимъ чутьемъ Дильсомъ, а потому теперь приходится цитировать уже не Стобея и Псевдо-Плутарха, а Аэція по изданію „Doxographi graeci“. Не имѣемъ-ли мы — въ лицѣ Аэція — составителя первоначальнаго свода „Placita“, котораго намъ пришлось характеризовать, какъ не имѣвшаго данныхъ для выполненія своей задачи? Нѣтъ; Аэцій стоитъ еще ниже его. Какъ кажется, онъ принадлежалъ къ перипатетической школѣ, но былъ весьма посредственнымъ членомъ ея; кромѣ того ему нравилось вставлять въ свою компиляцію отрывки стоического происхожденія на ряду съ другими, чисто эпикурейскаго характера. Но эта компиляція была списана имъ съ большими или меньшими сокращеніями съ первоначальнаго сборника, прямо составленнаго во-первыхъ по Теофрасту, во-вторыхъ, для послѣ-платоновскаго періода, по бывшимъ въ ходу руководствамъ модныхъ ученій.

8. *Существуетъ еще больше древній сборникъ „Placita“.* О существованіи этого первоначальнаго сборника можно догадаться по различнымъ признакамъ. Цензоринъ („De die natali“) излагаетъ мнѣнія древнихъ въ различныхъ выраженіяхъ, родство которыхъ съ сочиненіемъ Аэція не подлежитъ сомнѣнію, хотя нельзя допустить, чтобы онъ перевелъ Аэція. А такъ какъ извѣстно, что Цензоринъ списывалъ у Варрона, то отсюда слѣдуетъ, что послѣдній уже въ серединѣ перваго вѣка до Р. Х. пользовался сборникомъ „Placita“; и это вполне согласуется съ тѣмъ фактомъ, что послѣдніе ученые, о которыхъ онъ упоминаетъ — Посидоній и Асклипіадъ; отсюда можно заключить и о времени составленія этого сборника.

Различныя выдержки у Исидора (также по Варрону), у Тертуллиана (по Сорину), кажется, восходятъ косвеннымъ образомъ къ тому-же источнику.

При изслѣдованіи добавленій, сдѣланныхъ Аэціемъ къ перво-

начальному источнику, оказывается, что ему принадлежат цитаты изъ самого Аристотеля, тогда какъ первый компиляторъ пользовался лишь школьнымъ руководствомъ. Кажется, что отъ времени до времени Аэцій заимствовалъ кое-что у біографовъ и вставлялъ общепотребительныя цитаты. Ясно, что составитель первоначальныхъ „Placita“ принадлежалъ къ стояческой школѣ Посидонія и пользовался сочиненіями послѣдняго. Въ его распоряженіи былъ, какъ кажется, сборникъ мнѣній медиковъ, болѣе или менѣе древній и представлявшій собою неизвѣстный Теофрасту источникъ.

Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что для всѣхъ философовъ до Платона, ученикъ Аристотеля остается *единственнымъ* источникомъ доксографическихъ свѣдѣній о древности и что цѣнность этихъ свѣдѣній опредѣляется по степени близости ихъ къ тексту Теофраста.

9. *Псевдо-Галенъ и Гермій*. Что-бы окончить этотъ набросокъ исторіи доксографіи, достаточно будетъ прибавить нѣсколько словъ о двухъ специальныхъ сочиненіяхъ: „De historia philosophiae“ Псевдо-Галена, „Gentilium philosophorum irratio“ Гермія.

Какъ уже было мною указано, первая компиляція была частью дословно списана съ „Placita“ Псевдо-Плутарха. Время ея составленія весьма сомнительно; во всякомъ случаѣ, ее слѣдуетъ отнести, вѣроятно, къ 500 г. по Р. Х. Это руководство, предназначенное, по всей вѣроятности, для общаго образованія студентовъ медицины, уклоняется отъ „Placita“, особенно въ изложеніи логики, и даетъ также очень короткій очеркъ преемственности философскихъ школъ. Итакъ, авторъ дѣлалъ заимствованія изъ другого источника, который можно считать стоическимъ руководствомъ, написаннымъ въ 100 г. по Р. Х.; его употребляли также Климентъ Александрійскій и Секстъ Эмпирикъ.

Сочиненіе, дошедшее до насъ подъ именемъ Гермія, представляетъ собою, въ самой несерьезной, но крайне характерной формѣ, христіанскую полемику, направленную противъ Эллинскихъ философовъ. Тонъ настолько насмѣшливъ, что нельзя предположить въ живыхъ тѣхъ, противъ кого онъ былъ направленъ; а потому сочиненіе было написано, во всякомъ случаѣ, позднѣе V вѣка.

Что касается его источниковъ, въ числѣ ихъ былъ Юстинъ (Cohort. ad Gentil.), т. е. косвеннымъ образомъ „Placita“ Псевдо-Плутарха, но есть слѣды заимствованія изъ какого то другого доксографическаго руководства и нѣкоторые изъ нихъ не безинтересны.

Итакъ, исторія письменной традиціи, передавшей намъ мнѣнія древнихъ философовъ, сводитъ всё многочисленныя, съ перваго взгляда, источники къ одному дѣйствительному. Кромѣ того и на этотъ единственный источникъ нельзя вполне положиться, да и возможности черпать изъ него непосредственно мы не имѣемъ: приходится возстановлять его изъ смѣшанныхъ элементовъ. Но за то критика можетъ дѣйствовать на прочныхъ основаніяхъ; она стоитъ на твердой почвѣ и не должна опасаться колебаній между двумя противорѣчивыми текстами. Мы увидимъ сейчасъ, что въ хронологіи фізіологовъ дѣло обстоитъ, къ сожалѣнію, не всегда такъ же хорошо.

ГЛАВА II.

Хронологія «физиологовъ».

1. *Эратосеенъ и Аполлодоръ Аѳинскій*. Теофрастъ былъ истиннымъ творцомъ исторіи научныхъ доктринъ, но онъ допустилъ въ своемъ сочиненіи чувствительный пробѣлъ. Въ его эпоху датами еще не интересовались, а потому онъ далъ мало хронологическихъ указаній.

Заполнить этотъ пробѣлъ удовлетворительнымъ образомъ послѣ него оказалось невозможнымъ за недостаткомъ матерьяла.

Начало хронологіи было положено только въ слѣдующемъ вѣкѣ Эратосееномъ. Вѣроятно, онъ интересовался не только царями, но и философами; впрочемъ, отъ него дошла до насъ только одна такого рода статья у Діогена Лаэртскаго (VIII, 51), который, повидимому, взялъ ее изъ вторыхъ рукъ: въ своихъ „Олимпійскихъ побѣдахъ“ Эратосеенъ отмѣтилъ по Аристотелю ¹⁾ какъ побѣдителя на 71-ой Олимпіадѣ дѣда Эмпедокла, носившаго то-же имя, что и его внука.

Во II в. до Р. X. собранныя Эратосееномъ хронологическія свѣдѣнія получили распространеніе благодаря дидактической поэмѣ, успѣхъ которой былъ такъ великъ, что заставилъ забыть сочиненія самого Эратосеена, по крайней мѣрѣ поскольбу они касались хронологіи философовъ: четыре книги „*χρονικά*“ Аполлодора Аѳинскаго, написанныя трехстопнымъ стихомъ и обнимавшія періодъ отъ взятія Трои (1184) до 144 г., были посвящены царю Атталу II Пергамскому; но авторъ, должно быть, далъ впоследствии второе, продолженное изданіе, такъ какъ Діогенъ Лаэртскій относитъ по Аполлодору смерть Карнеада къ Ол. 162,4=129/8.

Діогенъ Лаэртскій часто цитируетъ Аполлодора, хотя, вѣро-

---

¹⁾ Аристотель и до него Гиппій Элейскій уже занимались составленіемъ списковъ побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ.

ятно, черезъ посредство одного изъ біографовъ, автора „*Διαδοχαὶ φιλοσόφων*“, или другого компилятора, какъ на примѣръ Памфилы. Во всякомъ случаѣ, даты Діогена Лаэртскаго съ ссылками на Аполлодора единодушно признаются наиболѣе достовѣрными, а потому возстановленіе хронологіи древнихъ философовъ по Аполлодору представляетъ собою интересную задачу, имѣющую преимущество выполнимости передъ возстановленіемъ дѣйствительной и точной хронологіи.

Эта задача была мастерски выполнена Германомъ Дильсомъ въ „*Rheinisches Museum*“ (XXXI, 1, 15), и я приведу важнѣйшія изъ его заключеній, съ которыми вполне согласенъ.

За рѣдкими исключеніями у Аполлодора не было никакихъ точныхъ данныхъ; въ дѣйствительности, онъ находился въ положеніи, подобномъ нашему, когда намъ приходится извлекать противорѣчивыя даты у позднѣйшихъ писателей, то взятыя у Аполлодора, то добытыя путемъ расчетовъ, критически не провѣренныхъ, не основанныхъ ни на одномъ серьезномъ документѣ, даты, которымъ мы не станемъ придавать никакой цѣны, когда узнаемъ, какъ мало довѣрія заслуживаютъ хронологическія данныя самого Аполлодора.

Употреблявшіеся Аполлодоромъ приемы въ достаточной степени произвольны, но имѣютъ два преимущества: простоту и систематичность. Онъ отыскивалъ синхронизмы, установленныя преданіемъ между современниками и устанавливалъ хронологическій порядокъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ замѣчалась послѣдовательность. Но особенно старался Аполлодоръ опредѣлить то, что онъ называлъ „акме“ (*ἀκμή* — время расцвѣта) каждаго философа: дѣло идетъ о датѣ самаго выдающагося событія въ жизни философа, если можно установить ее исторически; Аполлодоръ предполагалъ, что акме соотвѣтствуетъ сороковому году жизни ¹⁾; отъ акме онъ восходилъ къ году рожденія и, если ему было извѣстно отъ какого нибудь біографа продолжительность жизни, то устанавливалъ дату смерти. Въ противномъ случаѣ онъ или не указывалъ

---

¹⁾ Эта удобная гипотеза, кажется, была заимствована у Аристоксена, который почерпнулъ ее изъ Пиезгорейскихъ понятій о продолжительности различныхъ возрастовъ жизни.

года смерти или опредѣлялъ предѣлъ до котораго простираются историческія свидѣтельства о жизни даннаго лица.

2. *Другіе источники хронологическихъ свидѣній Діогена Лаэртскаго.* Рассмотримъ теперь примѣненіе этихъ приемовъ; при этомъ мы будемъ разбирать цѣнность добытыхъ результатовъ для каждаго частнаго случая отдѣльно. Но прежде всего нужно рѣшить одинъ предварительный вопросъ.

Такъ какъ „Хроники“ Аполлодора утеряны, то въ дѣйствительности самымъ полнымъ и самымъ серьезнымъ непосредственнымъ источникомъ хронологіи древнихъ философовъ служитъ Діогенъ Лаэртскій, а потому будетъ умѣстнымъ рассмотретьъ, у кого онъ бралъ свои даты кромѣ Аполлодора.

Не считая Памфилы, на котораго Діогенъ Лаэртскій ссылается только въ одномъ мѣстѣ (1, 68) и который, какъ показалъ Дильсъ, слѣдовалъ Аполлодору, мы встрѣчаемъ ссылки на нѣкоего Сосикрата, автора „*Διαδοχαί*“, который, повидимому, жилъ вскорѣ послѣ Аполлодора. Вѣроятно, этотъ авторъ въ достаточной степени интересовался хронологіей, и нужно замѣтить, что его мнѣніе одинъ разъ противорѣчитъ мнѣнію Аполлодора, а другой — Памфилы. Такъ какъ Діогенъ Лаэртскій пользовался Сосикратомъ ¹⁾ очень серьезно, то можно думать, что даты, приведенныя у него безъ ссылокъ на источники, могутъ принадлежать столько-же Сосикрату, какъ и Аполлодору, хотя, вѣроятно, онѣ одинаково признавались обоими авторами.

Кромѣ того Діогенъ Лаэртскій цитируетъ два раза специальное сочиненіе по хронологіи, написанное еще до „Хроникъ“ Эратосеена: „*Αναγραφή τῶν ἀρχόντων*“ „Списокъ архонтовъ“ въ Аеинахъ, Дмитрія Фалерскаго; одинъ разъ по поводу семи мудрецовъ, другой — по поводу Анаксагора ²⁾; остается, впро-

¹⁾ Онъ цитируетъ Сосикрата 15 разъ, Аполлодора 21. Но возможно, что Діогенъ зналъ второго главнымъ образомъ черезъ посредство перваго (Аполлодоромъ, можетъ-быть, онъ непосредственно и не пользовался), такъ какъ онъ компилировалъ скорѣе авторовъ *Διαδοχαί*, чѣмъ хронографовъ. Итакъ, часть читать изъ Аполлодора можетъ быть отнесена на счетъ Сосикрата.

²⁾ Третья хронологическая данная Дмитрія Фалерскаго у Діогена Лаэртскаго, относящаяся къ смерти Сократа и согласная съ датой Аполлодора, можетъ быть взята не изъ *Αναγραφή*, но изъ Аполлогіи Сократа, приведенной въ двухъ другихъ мѣстахъ.

чемъ, неизвѣстнымъ, откуда взяты эти цитаты. Но несомнѣнно, что Аполлодоръ пользовался этимъ сочиненіемъ, возможно даже, что онъ цитировалъ Дмитрія именно по поводу Анаксагора, но у насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ относительно того, чтобы Аполлодоръ постоянно придерживался Дмитрія Фалерскаго.

За исключеніемъ отдѣльныхъ ссылокъ, какъ-то, на Θразилла по поводу Демокрита — вотъ всѣ источники, изъ которыхъ были почерпнуты хронологическія свѣдѣнія Діогена Лаэртскаго, и нѣтъ основанія предполагать существованіе какихъ нибудь другихъ, оставшихся неизвѣстными. Въ общемъ, трудъ Діогена Лаэртскаго основанъ на Сосикратѣ и Аполлодорѣ, которые въ большинствѣ случаевъ согласны между собою.

Но (и въ этомъ я расхожусь съ Дильсомъ, съ которымъ несогласенъ также въ нѣкоторыхъ частностяхъ) мнѣ кажется возможнымъ доказать, что Сосикратъ пытался нѣсколько разъ поправлять Аполлодора и отсюда возникли различныя ошибки и хронологическія затрудненія.

3. *Эпоха семи мудрецовъ.* Дольше всего намъ придется остановиться на Θалесѣ изъ Милета, первомъ лицѣ, которымъ намъ предстоитъ заняться, такъ какъ нужно будетъ рѣшить по поводу него нѣсколько второстепенныхъ вопросовъ, которые позволятъ намъ ближе познакомиться съ приемами древнихъ хронологовъ.

Дѣйствительно, опредѣленіе времени жизни Θалеса связано съ синхронизмомъ, установленнымъ относительно семи мудрецовъ. Извѣстно, что легенда, бывшая въ ходу уже во времена Платона ¹⁾, предполагала, что названныя такимъ образомъ лица прославились одновременно. Дата ихъ славы была отнесена Дмитріемъ Фалер-

---

¹⁾ Ее разсказывалъ уже современникъ Платона Евдоксъ. Во фразѣ Діогена Лаэртскаго (1,22), относящейся въ родителямъ Θалеса: εὐγενέστατοι τῶν ἀπὸ Κἀδμίου καὶ Ἀγῆνορος, καθὰ καὶ Πλάτων φησί. Καὶ πρῶτος σοφὸς ὀνομάσθη..., нужно повидимому, поставить точку послѣ Ἀγῆνορος, и запятую послѣ φησί. «И, какъ говоритъ тоже Платонъ, онъ былъ названъ первымъ мудрецомъ въ архонтство Дамасіи—дата, въ которую всѣ семь мудрецовъ были названы такимъ образомъ, по свидѣтельству Дмитрія Фалерскаго въ «спискѣ Архонтовъ». Діогенъ Лаэртскій намекаетъ на списокъ семи мудрецовъ у Платона (Protagoras, 343 a), въ которомъ Θалесъ названъ *первымъ*—мѣсто, занимаемое имъ всего чаще. Конечно упоминаніе о Дамасіи сдѣлано на основаніи Дмитрія Фалерскаго.

скимъ въ архонтствѣ Дамасіи, приходящемуся по паросскимъ мраморамъ, на Ол. 48, 3 = 586 до Р. X. ¹⁾).

Впослѣдствіи мы займемся вопросомъ, почему была выбрана именно эта дата; теперь же намъ достаточно будетъ замѣтить, что всякій хронологъ, признававшій списокъ семи мудрецовъ, долженъ былъ заботиться о согласованіи времени ихъ жизни съ датой Дмитрія Фалерскаго.

У насъ есть драгоцѣнное, въ этомъ смыслѣ, свидѣтельство; оно относится къ историческому лицу, жизнь котораго глубже отодвинута въ прошлое, чѣмъ жизнь остальныхъ мудрецовъ, въ числѣ которыхъ его, впрочемъ, не всѣ признаютъ. Сосикратъ говоритъ о *Періандрѣ* (Diog. L., I, 95) что онъ умеръ за 40 лѣтъ до Креза и за одинъ годъ до Ол. 49.

Мы видимъ здѣсь полное совпаденіе съ датой архонтства Дамасіи, такъ какъ Сосикратъ, не рѣшившись продлить долше жизнь Періандра, все-же доводитъ ее до даты славы семи мудрецовъ; изъ этого же мы узнаемъ точнымъ образомъ, что Сосикратъ относитъ взятіе Сарды Киромъ къ Ол. 58, 3 = 546, такъ какъ нельзя иначе понимать *πρότερον Κροίσου* — сокращенное выраженіе для обозначенія знаменитой эпохи.

Но именно отсутствіе ссылки на Аполлодора, при этихъ различныхъ данныхъ, внушаетъ намъ нѣкоторое сомнѣніе въ согласіи его въ этихъ пунктахъ какъ съ Сосикратомъ, такъ и съ Дмитріемъ Фалерскимъ. Относительно Періандра у насъ уже есть слабое указаніе на такое несогласіе.

Диогенъ Лаэртскій (1, 98) относитъ „акме“ Коринтскаго тирана къ Ол. 38; онъ опредѣляетъ въ 40 лѣтъ продолжительность его тираніи и въ 80 — (1, 95) продолжительность его жизни,

¹⁾ Для бѣдшей простоты я буду сопоставлять отдѣльные года Олимпіады лишь съ однимъ юліанскимъ пролептическимъ годомъ; надо однако принять во вниманіе, что годъ Олимпіады начинается лишь послѣ лѣтняго солнцестоянія соотвѣтствующаго юліанскаго года (съ перваго-же слѣдующаго за солнцестояніемъ мѣсяца), а кончается послѣ лѣтняго солнцестоянія слѣдующаго года. Нѣкоторые современные ученые полагаютъ, что въ VI вѣкѣ аѳинскій годъ начинался шестью мѣсяцами раньше; эта гипотеза и сама по себѣ мало вѣроятна, да кромѣ того сомнительно, чтобы Дмитрій Фалерскій, или-же авторъ хронологическихъ надписей паросскихъ мраморовъ, принимали въ расчетъ подобное перепесеніе начала года.

что указываетъ на то, что „акме“ должно быть отнесено къ началу тираніи. Когда годъ Олимпіады не указанъ — нужно разумѣть первый. Итакъ, если эти даты взяты у Аполлодора — между нимъ и Сосикратомъ было легкое разногласіе (на три года) и онъ не принималъ въ расчетъ, по крайней мѣрѣ относительно Періандра, даты Дмитрія.

Кажется, что здѣсь имѣлъ мѣсто расчетъ, подобный тому, которымъ Сосикратъ ввелъ въ текстъ Аристотеля о Кипселидахъ (Политика, V, X, 32) бросающееся въ глаза противорѣчіе. По этому тексту вся династія Кипселидовъ царствовала въ Коринѣ 73 года 6 мѣсяцевъ, въ отдѣльности-же Кипсель царствовалъ 30 лѣтъ, Періандръ — 44 и Псамметихъ — 3. Ясно, что Аристотель долженъ былъ удѣлить на царствованіе Періандра лишь 40 лѣтъ съ половиною.

Перейдемъ ко второму, въ хронологическомъ порядкѣ, мудрецу. „Акме“ *Питтака* относится Діогеномъ Лаэртскимъ къ Ол. 42 (по Свидѣ-же это — годъ сверженія тираніи Меланхра); рожденіе же Питтака отнесено къ Ол. 32, такъ что „акме“ приходится какъ разъ на сороковой годъ его жизни. Но смерть Питтака по Діогену Лаэртскому произошла Ол. 52, 3 = 570 г., тогда какъ жизнь продолжалась только 70 лѣтъ вмѣсто 82-хъ, какъ того требуютъ предыдущія даты.

Вотъ передъ нами новое затрудненіе, еще болѣе важное, чѣмъ первое и, къ несчастію, Діогенъ Лаэртскій не дѣлаетъ здѣсь никакой ссылки. Сомнѣніе остается неразрѣшеннымъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что дата смерти Ол. 52, 3 (и слѣдовательно продолжительность жизни въ 82 г.) принадлежать Аполлодору, принявшему во вниманіе преданіе, которое поставило Питтака въ сношенія съ царемъ Крезомъ (Геродотъ, мнимое письмо Питтака у Діогена Лаэртскаго) и, дѣйствительно, мы увидимъ, что Аполлодоръ относилъ начало царствованія Креза къ Ол. 52, 1 = 572, а взятіе Сардъ къ Ол. 55, 3 = 558, т. е. на 12 лѣтъ раньше чѣмъ *Сосикратъ*. Но именно совпаденіе этой разницы въ 12 лѣтъ съ разницею, существующею въ двухъ обозначеніяхъ продолжительности жизни Питтака, заставляетъ меня скорѣе думать, что Аполлодоръ опредѣлилъ по преданію продол-

жительность жизни въ 70 лѣтъ и отнесъ смерть Питтака къ Ол. 49,3 = 582. Сосикратъ-же, зная прекрасно, что принятія имъ относительно царствованія Креза даты разлились на 12 лѣтъ отъ датъ Аполлодора, перемѣстилъ дату смерти Питтака, не обративъ вниманія на недостаточность этой поправки хотя бы въ томъ случаѣ, когда онъ захотѣлъ-бы принять въ разсчетъ предполагаемыя сношенія Питтака съ Крезомъ, которыхъ не принялъ во вниманіе Аполлодоръ.

Послѣ Питтака я помѣстилъ-бы *Хилона*, потому-что, если отнести его эфоратъ по Діогену Лаэртскому (1, 68) къ Ол. 55 или 56 (Памфила), ¹⁾ то эта дата, совпадающая вѣроятно съ „акме“, во всякомъ случаѣ не можетъ примириться съ точной датой (1,72), по которой Хилонъ былъ уже старъ (имѣлъ болѣе шестидесяти лѣтъ) во время „акме“ Эзопа, Ол. 52. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что слѣдуетъ читать относительно эфората Ол. 45 или 46; это также единственный способъ сдѣлать Хилона достаточно взрослымъ ко времени архонтства Дамасіи и поставить его въ сношенія съ отцомъ Пизистрата, сообразно разсказу Геродота.

Замѣчу встать, что сближеніе съ Эзопомъ — одинъ изъ любимыхъ пріемовъ Аполлодора и что „акме“ баснописца по Аполлодору относится къ началу царствованія Креза. Дѣйствительно, существуетъ легенда (Плутархъ „Жизнь Солона“), по которой Эзопъ призывался ко двору въ Сарды.

Оставимъ на время въ сторонѣ *Θалеса*, такъ какъ онъ требуетъ спеціальнаго изслѣдованія. Перейдемъ къ *Солону*. По Сосикрату, а также по Аполлодору, его „акме“ соотвѣтствуетъ его архонтству, Ол. 46, 3 = 594 (Діог. Л., 1, 62). Кромѣ того, извѣстно, что онъ жилъ 80 л., такъ что смерть его относится къ 554 г. Такъ какъ Сосикратъ относилъ взятіе Сардъ къ 546 г. — онъ долженъ былъ относить восшествіе Креза на престолъ, происшедшее за 14 лѣтъ до этого, къ 560 г. А потому у него оставалось достаточно времени, чтобы вставить

---

¹⁾ Первая дата принадлежитъ, вѣроятно, Сосикрату, который обозначилъ эворагъ соотвѣствующимъ архонтству Евгицема. Вторая дата, бытъ можетъ, принадлежитъ Аполлодору.

разсказъ Геродота о посѣщеніи Солономъ Сардъ; только, противно этому разсказу, это посѣщеніе имѣло мѣсто уже послѣ узурпаціи Пизистрата, относящейся къ 561 г. ¹⁾.

Но, какъ замѣтилъ Дильсъ, Аполлодоръ должеъ былъ сократить жизнь Солона на 6 лѣтъ, относя его смерть, какъ это дѣлалъ и Фаній Эфесскій, къ слѣдующему за узурпаціей году. Въ такомъ случаѣ разсказъ Геродота становится невозможнымъ, если придерживаться даты Сосикрата для восшествія на престолъ Креза. Уже Плутархъ замѣтилъ это затрудненіе, но оно происходитъ единственно изъ указаннаго нами выше факта, который мы вскорѣ докажемъ, а именно изъ того, что Сосикратъ перемѣстилъ на 12 л. даты Аполлодора относительно Креза.

Диогенъ Лаэртскій не указываетъ датъ остальныхъ мудрецовъ, перечисленныхъ въ обыкновенныхъ спискахъ, но предположеніе, что они были признаны мудрецами въ архонтство Дамасіи, не вызываетъ никакихъ затрудненій.

Относительно мудрецовъ другихъ списковъ, прямо связанныхъ съ эпохою Солона, мы имѣемъ даты переселенія въ Афины Эпименида, Ол. 46 и Анахарсиса, Ол. 47. Но въ данномъ случаѣ нечего и пытаться установить „акме“, по крайней мѣрѣ, перваго изъ нихъ, по сохранившимся преданіямъ.

Извѣстно, что по Платону (Законы, 652 d), только за 10 л. до Мараонской битвы, т. е. въ 500 г. (Ол. 70), Эпименидъ очищалъ Афины. Также Порфирій и Ямблихъ ²⁾ выдають именно Эпименида „очистителя“ за ученика Пифагора. Но я не думаю, чтобы слѣдовало обвинять (какъ это было сдѣлано) Платона въ грубомъ анахронизмѣ. Проще всего различать двухъ Эпименидовъ, которые, почти на разстояніи столѣтій, приходили въ Афины для совершенія религиозныхъ церемоній. Другъ Солона былъ, кажется, изъ Феста (Плутархъ); Эпименидъ-же, о которомъ говоритъ Платонъ, происходитъ изъ Кноссъ.

---

¹⁾ Можетъ быть къ 560; паросскіе мраморы не разрѣшаютъ этого сомнѣнія.

²⁾ По Ямблиху (*De vita pythagorica*) Эпименидъ считалъ Пифагора, сыномъ Аполлона; не идетъ-ли здѣсь рѣчь о генеалогистѣ, котораго отмѣтилъ Диогенъ Лаэртскій? Но смѣшеніе одноименныхъ лицъ могло часто встрѣчаться въ различныхъ пунктахъ уже въ древности.

Эпоха пребыванія въ Аѣинахъ этого второго Эпименида совпадаетъ, впрочемъ, съ темнымъ моментомъ въ исторіи этого города. Поддержавъ Аристагора въ его возмущеніи противъ Персовъ, Аѣиняне оставляютъ борьбу безъ всякой видимой причины. Весьма правдоподобно, что эпидемія была причиною ихъ бездѣйствія въ этотъ рѣшительный для Іоніи моментъ; такимъ образомъ, рассказъ Платона оказался-бы въ полномъ согласіи съ исторіей.

Замѣтимъ въ заключеніе, что синхронизмъ семи мудрецовъ, отнесенный ко времени архонства Дамасіи, вѣроятно составляетъ одну изъ комбинацій Сосикрата. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ его комбинаціи отличались отъ комбинаціи Аполлодора, къ которому нельзя, поэтому, примѣнить такого вывода.

4. *Затменіе Фалеса.* Первый изъ только-что намѣченныхъ нами вопросовъ относится къ причинѣ выбора для синхронизма семи мудрецовъ Ол. 48,3 года архонства Дамасіи.

Именно въ этомъ году (28 мая 585 г.) произошло полное солнечное затменіе, прервавшее битву между Лидійцами и Мидянами, одно изъ трехъ, которыя, по мнѣнію современныхъ астрономовъ, могли быть предсказаны Фалесомъ. Это замѣчательное совпаденіе заставляеть думать, что дата этого затменія была выбрана сперва, какъ эпоха прославленія Фалеса, а потомъ составители легендъ воспользовались ею для своего рассказа о семи мудрецахъ, среди которыхъ Фалесъ занималъ первое мѣсто.

Отправляясь отъ этой даты, какъ отъ „акме“ Фалеса ¹⁾, Дильсъ относитъ его рожденіе къ Ол. 39,1 = 624, а смерть, постигшую его (Diog. L., 1, 38) по Аполлодору на 79 ²⁾ году жизни, къ Ол. 58, 2 = 547—годъ, къ которому онъ относитъ переходъ Креза черезъ Гались. А такъ какъ текстъ Діогена

¹⁾ На самомъ дѣлѣ, Дильсъ отправляется отъ слѣдующаго гола Ол. 48,4=585, который онъ предполагаетъ сороковымъ годомъ жизни Фалеса. Здѣсь есть маленькая неточность, т. к., во всякомъ случаѣ, затменіе произошло въ Ол. 48, 3. Дильсъ долженъ-бы былъ прийти къ выводу, что рожденіе Фалеса относится къ Ол. 38,4=625, дата, находящаяся, повидимому подтвержденіе у Порфирія.

²⁾ «Аполлодоръ говоритъ въ «Хроникѣ», что Фалесъ родился въ Ол. 35, 1—(38) «Онъ умеръ 78 лѣтъ, или, по словамъ Сосикрата, 90 лѣтъ, т. к. онъ умеръ въ Ол. 58 и жилъ при Крезѣ, которому обѣщаль перевести его черезъ Гались безъ моста, отвѣдя рѣку».

Лаэртскаго относить рожденіе Өалеса къ Ол. 35, 1, то Дильсъ считаетъ его невѣрнымъ и подтверждаетъ вносимую имъ поправку отрывкомъ изъ Порфирія, сохранившимся у Абулфараджи; дѣйствительно, по этому отрывку, Өалесъ родился въ 123 году эры Набонассара, начавшейся въ 747 году.

Но свидѣтельство Порфирія доказываетъ только, что не Аполлоторъ, а вообще одинъ изъ древнихъ хронографовъ высчиталъ годъ рожденія Өалеса, какъ Дильсъ. Если-же приписать этотъ расчетъ Аполлотору, трудно объяснить слова Діогена Лаэртскаго, по которымъ Сосикратъ продолжилъ жизнь Өалеса на 12 лѣтъ, затѣмъ именно, чтобы его смерть совпала съ концомъ царствованія Креза. Конецъ-же этотъ, какъ намъ уже извѣстно, онъ отнесъ къ 546 году.

Аполлоторъ не могъ, однако-же, пренебречь рассказомъ Геродота о роли, какую игралъ Өалесъ во время перехода черезъ Галисъ, а потому текстъ Діогена Лаэртскаго можно понимать только слѣдующимъ образомъ: Аполлоторъ считалъ, что взятіе Сарды произошло на 12 лѣтъ раньше, т. е. въ 558 г. Но Сосикратъ не измѣнилъ даты рожденія Өалеса, такъ что у обоихъ авторовъ она приходилась на одинъ и тотъ-же годъ: у Сосикрата за 90 лѣтъ до 547 г.; у Аполлотора за 78 лѣтъ до 559 г., т. е. на 637 г. = Ол. 35, 4. Такимъ образомъ мы пришли къ Олимпиадѣ, указанной въ текстѣ Діогена Лаэртскаго. Если годъ и не совпадаетъ—искаженіе объясняется палеографически, измѣненіемъ цифры и объясненіе это такъ же легко допустить, какъ и предполагаемое Дильсомъ.

Итакъ, если Өалесъ родился по Аполлотору въ 637 г., его „акме“ приходится на 597-й годъ ¹⁾. А это также дата одного изъ трехъ затменій, которыя могъ предсказать Өалесъ. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ мысли, что Аполлоторъ имѣлъ въ виду именно это затменіе.

---

¹⁾ Это затменіе произошло 21 іюля; такимъ образомъ, оно относится къ Ол. 45,4. Дильсъ-же установилъ, что Аполлоторъ считалъ «акме» безразлично въ сорокъ полныхъ лѣтъ или не полныхъ. А потому дата рожденія и смерти Өалеса по Аполлотору и Сосикрату колеблется между двумя годами. Дату рожденія можно отнести къ Ол. 36,1, а дату смерти къ Ол. 55, 3 и Ол. 58, 3.

Но почему Аполлдоръ измѣнилъ дату, установленную Дмитриемъ Фалерскимъ ¹⁾? Потому что дата эта недопустима съ исторической точки зрѣнія.

Если есть несомнѣнный хронологическій документъ древности — то это „Κανὼν βασιλευῶν“ „Канонъ царствъ“ Птолемея, такъ какъ по этой таблицѣ вычислены астрономическія наблюденія древнихъ. А по этому „Канону“ = послѣдній годъ жизни Кира — 530-й до Р. Х. Съ другой стороны, по Геродоту, Киръ царствовалъ 29 лѣтъ, Астиагъ 35, Кіаксаръ 40. Если Геродотъ считаетъ полными годами — Киръ царствовалъ отъ 560 — 530, Астиагъ отъ 596 — 560, Кіаксаръ отъ 637 — 596. Во всякомъ случаѣ затменіе 585 г. приходится въ царствованіе Астиага, между тѣмъ какъ по Геродоту, прерванное этимъ затменіемъ сраженіе было дано Кіаксаромъ.

Но какъ возникло заблужденіе? Безъ сомнѣнія, затменіе 585 года было видно въ Аѣинахъ и произвело тамъ столь глубокое впечатлѣніе, что воспоминаніе о немъ было на всегда связано съ архонтствомъ Дамасіи; позднѣе его стали считать за то самое, которое предсказалъ Фалесъ. Затменіе 597 года произошло при восходѣ солнца, такъ что меньше подходило къ легендѣ о семи мудрецахъ; насъ же это обстоятельство, въ виду невозможности согласить его съ разсказомъ Геродота, заставляетъ отказаться отъ мысли, что затменіе 597 года было предсказано Фалесомъ. Что же касается болѣе древнихъ затменій, какъ напр. затменіе 30 сентября 610 г., выборъ не палъ на нихъ, потому что въ то время, какъ складывалась легенда о семи мудрецахъ, они могли уже быть забыты.

Аполлдоръ жилъ при Гиппархѣ, т. е. въ эпоху, когда не только были знакомы съ наблюденіями халдейцевъ, но даже умѣли вычислять съ достаточной точностью даты древнихъ затменій и пространство, на которое они были видны; передъ нимъ, какъ и передъ нами теперь, были три даты, признанныя астрономически допустимыми. Принявъ во вниманіе разсказъ Геро-

---

¹⁾ Можетъ быть даже Евземомъ, если Климентъ Александрійскій заимствовалъ у него приблизительную дату затменія Фалеса, Ол. 50.

дота, онъ устранилъ послѣднюю дату; онъ долженъ былъ устранить и первую; такъ какъ она приходится, по Геродоту, на 28-ми лѣтнее господство Скивовъ во время царствованія Киаксара. Такимъ образомъ, у него оставалось только затменіе 597 года, которое, впрочемъ, очень хорошо согласовалось съ синхронизмомъ семи мудрецовъ.

Но мы, какъ я уже сказалъ, имѣемъ серьезное основаніе не принять и послѣдней даты; а съ другой стороны, въ настоящее время, мы не приписываемъ нашествію Скивовъ характера дѣйствительнаго господства; если оно и могло препятствовать войнамъ между различными государствами Азіи ¹⁾, то не больше чѣмъ въ теченіи семи или восьми лѣтъ. А потому нужно считать, что Фалесомъ было предсказано затменіе 610 г.

Не имѣя никакого основанія придерживаться системы „акме“, мы не станемъ измѣнять предполагаемой даты рожденія Фалеса у Аполлодора, такъ какъ онъ могъ одинаково предсказать ²⁾ свое затмѣніе въ 27 лѣтъ и въ 40.

Я думаю, что отвѣтилъ удовлетворительно на вопросы, возбуждаемые датой этого явленія. Но нужно объяснить, почему еще въ наше время существуютъ три различныя рѣшенія этой знаменитой проблемы, между которыми раздѣляются мнѣнія ученыхъ. Это происходитъ отъ того, что историки не даютъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что могутъ и чего не могутъ сдѣлать въ такого рода вопросѣ астрономы, а астрономы, въ свою очередь, вполнѣ довольствуются тѣмъ, чтобы данное положеніе было поддержано историкомъ и смотрятъ тогда на него какъ на исторически возможное.

Въ настоящее время астрономія стоитъ на такой высокой степени развитія, что можетъ точно вычислять не только день, но и часъ полныхъ затменій, происшедшихъ въ тотъ или дру-

---

¹⁾ Вообще относить единогласно взятіе Ниневіи Мидянами къ 625 г., а это событіе произошло послѣ нашествія Скивовъ.

²⁾ Для рѣшенія вопроса о времени его жизни неважно даже, предсказалъ ли онъ затменіе или нѣтъ, что мы рассмотримъ въ слѣдующей главѣ, говоря объ его астрономическихъ знаніяхъ; несомнѣнно то, что легенда предполагаетъ, что онъ былъ взрослымъ во время затмевія 610 г., а потому онъ долженъ былъ быть очень старымъ въ концѣ царствованія Креза.

гой періодъ прошлаго. Но для столь древней эпохи, она уже не въ состояніи указать съ достаточною точностью пунеты земного шара, гдѣ было видно полное затменіе. Дѣйствительно, для точнаго вычисленія нужно рассчитать ускореніе средняго движенія луны, что было бы возможно лишь при помощи знанія обстоятельствъ столь давняго затменія. Такимъ образомъ, астрономы не только не въ состояніи опредѣлить, какое изъ данныхъ затменій было предсказано Өалесомъ, но должны спрашивать объ этомъ историковъ, прежде чѣмъ вносить поправки въ свои таблицы.

5. *Взятіе Сардъ Киромъ.* Мы видѣли уже, что Аполлодоръ и Сосикратъ считали, что конецъ царствованія Креза совпалъ со смертію Өалеса. Несомнѣнно, что въ концѣ царствованія Креза Өалесъ былъ уже очень старъ, но у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній, чтобы принять вѣроятно произвольное ¹⁾ мнѣніе этихъ хронографовъ, а потому мы считаемъ, что дата смерти Өалеса столь же сомнительна, какъ и дата его рожденія.

Тѣмъ не менѣе, время взятія Сардъ Киромъ имѣетъ значеніе, какъ для исторіи философіи, такъ и для политической исторіи, а потому мы должны рѣшить вопросъ, былъ ли правъ Сосикратъ, перенося это событіе на 12 лѣтъ позднѣе, чѣмъ Аполлодоръ, что уже было указано выше.

Это перемѣщеніе можетъ быть до нѣкоторой степени связано съ перемѣщеніемъ даты затменія Өалеса съ 597 г. на 585, но оно имѣло и другую причину.

Говоря, что Крезъ искалъ союзниковъ въ Греціи въ то время, какъ Пизистратъ господствовалъ въ Аѣинахъ, Геродотъ

¹⁾ Его можно было-бы подтвердить тѣмъ мѣстомъ изъ Геродота, гдѣ Геродотъ (1,170) противопоставляетъ два политическихъ совѣта, данныхъ Гоняпамъ Біасомъ изъ Пріэнь послѣ завоеванія Персовъ и Өалесомъ до него. Это противопоставленіе заставляетъ, по меньшей мѣрѣ, предположить, что, по мнѣнію Геродота, Өалеса уже не было въ живыхъ во время борьбы противъ Мазареса и Гарпага.

Но смыслъ его можетъ быть совсѣмъ инымъ: совѣтъ Біаса имѣлъ, кажется, форму поэмы (2,000 стиховъ, Диог. Л. 1,85). Можетъ быть, и Геродотъ ходилъ по рукамъ другіе стихи политическаго характера, авторомъ которыхъ считали Өалеса: быть можетъ они были датированы, какъ и поэма Біаса. Въ такомъ случаѣ Геродотъ могъ и не знать ничего больше о времени смерти Өалеса.

вводитъ разсказъ о превратностяхъ судьбы тирана, до того момента, когда онъ въ третій разъ захватилъ власть въ свои руки. Сообразно же съ данными Аристотеля о продолжительности тираніи Пизаистратидовъ и со временемъ ихъ изгнанія, несомнѣнно происшедшаго въ 511 году, послѣдній захватъ Пизистратомъ власти, о которомъ разсказываетъ Геродотъ, могъ произойти не раньше 546 г. Въ этомъ, очевидно, заключается причина, заставившая Сосикрата и многихъ другихъ хронографовъ отнести паденіе Сардъ къ 58-й Олимпиадѣ.

Но такъ какъ, по разсказу Геродота, война Лидійцевъ противъ Персовъ слѣдуетъ непосредственно за сверженіемъ Астіага въ 560 г., то ясно, что, говоря о второмъ изгнаніи Пизистрата (557 до 546 г.), историкъ опередилъ событія. Въ моментъ посольства отъ Креза (559), Пизистратъ былъ, конечно, Аѣнскимъ тираномъ (во второй разъ), но его власть была непрочна и онъ былъ сверженъ въ слѣдующемъ-же году; этимъ объясняется, почему Крезъ уже не искалъ союза съ нимъ. Итакъ, дата Аполлодора (Ол. 55, 3=558/7) приблизительно вѣрна, потому-что разсказъ Геродота допускаетъ неточность лишь въ одинъ или два года.

Мы видѣли также, что эта дата въ противоположность датѣ Сосикрата даетъ возможность примирить съ хронологіей посѣщеніе Сардъ Солономъ; что она согласуется также съ „акме“ Эзопа; и что перемѣщеніе, которое мы допустили, объясняетъ несогласія относительно жизни Питтака и Фалеса. Изъ всей совокупности нашихъ разсужденій вытекаетъ, что Аполлодоръ былъ правъ, помѣстивъ царствованіе Креза между Ол. 52, 1=572 и Ол. 55, 3=558, отсюда уже можно вывести, что Аліаттъ царствовалъ 57 лѣтъ отъ 629—572 г.

6. *Ксенофанъ и Элейцы*. Теперь наше изслѣдованіе можетъ идти быстрѣе, т. к. путь освобожденъ отъ загромождавшихъ его важныхъ придаточныхъ вопросовъ, и читатель успѣлъ освоиться съ приемами древнихъ хронографовъ. Но результаты нашего изслѣдованія будутъ къ сожалѣнію и впредь столь же сомнительны.

Такъ, по двойному свидѣтельству Секста Эмпиріа и Климента Александрійскаго (Strom., 1, p. 301 c), Аполлодоръ отнесъ

рожденіе Ксенофана въ Ол. 40=620, Діогенъ же Лаэртскій (IX, 20, по Сосиврату?), напротивъ, относитъ „акме“ Ксенофана въ Ол. 60=540, изъ чего можно было-бы заключить, что онъ родился въ Ол. 50=580.

Дильсъ думаетъ, что „акме“ Ксенофана соотвѣтствуетъ основанію Элеи въ 540 г.; изъ этого онъ заключаетъ, что дата Ол. 40 ошибочна и что въ дѣйствительности Аполлоторъ относилъ рожденіе Ксенофана въ Ол. 50. Онъ думаетъ, кромѣ того, что хронографъ такъ расположилъ „акме“ Парменида (Ол. 69) и Зенона (Ол. 79), чтобы между рожденіемъ каждаго изъ трехъ Элейцевъ получался приблизительно такой-же промежутокъ времени, какъ между Сократомъ и Платономъ.

Но если Аполлоторъ относилъ взятіе Сардъ къ 558 г., то основаніе Элеи должно было пасть у него на Ол. 57, а не на Ол. 60. Согласіе двухъ различныхъ источниковъ относительно рожденія Ксенофана заставляетъ предположить очень древнее искаженіе текста; предположеніе мало вѣроятное. Наконецъ, ничто не заставляетъ насъ думать, будто встрѣчающіяся у Діогена Лаэртскаго даты „акме“ Парменида и Зенона взяты у Аполлотора и что распредѣленіе этихъ „акме“, если только оно допустимо, не есть дѣло рукъ какого нибудь автора „*Διάδοχαί φιλοσόφων*“, напр. Сосиврата.

Впрочемъ, обѣ эти даты мало надежны и вторая кажется вполне произвольной; первая-же зависитъ, вѣроятно, отъ приближительнаго синхронизма, установленнаго между Парменидомъ и Гераклитомъ. Итакъ, нѣтъ никакого серьезнаго основанія отбрасывать хорошо извѣстное и очень точное свидѣтельство Платона, по которому Парменидъ старше Зенона только на 25 лѣтъ и бесѣдуетъ съ очень молодымъ Сократомъ, имѣя 65 лѣтъ. Несомнѣнно, что Платонъ допускалъ умышленные анахронизмы, хотя часто его обвиняютъ въ этомъ напрасно, какъ мы указали это относительно Эпименида; никто не станетъ также оспаривать, что діалогъ „Парменидъ“—очевидный вымыселъ. Но, когда Платонъ и въ „Феатетъ“ и въ „Софистъ“ повторяетъ, что родившійся въ 469 г. Сократъ видѣлъ Парменида, когда онъ разбирается въ хронологіи, съ подробностью во всякомъ случаѣ

излишней для этого анахронизма ¹⁾; когда, наконец, невозможно противопоставить что-либо его авторитету, тогда всего лучше, безъ сомнѣнія, положиться на его свидѣтельство. Въ такомъ случаѣ Парменидъ родился около 514, а Зенонъ около 489 года.

Весьма возможно, что Аполлodorъ по той или другой причинѣ не говорилъ ни о Парменидѣ, ни о Зенонѣ, но если даже онъ говорилъ о нихъ и если даты Диогена Лаэртскаго взяты у него — станеть возможнымъ допустить, что онъ, подобно Сотіону (Диог. Л., IX, 21), не признавалъ никакой связи между Ксенофаномъ и Парменидомъ, а потому, при опредѣленіи времени жизни Ксенофана, мы не должны принимать во вниманіе гипотетическихъ отношеній учителя къ ученику, установленныхъ авторами *Διαδοχαί φιλοσόφων* между поэтами Колофонскимъ и Элейскимъ.

Правда, если считать годомъ рожденія Ксенофана Ол. 40, то ни одно выдающееся событіе не приходится на его „акме“. Но онъ много писалъ и въ своихъ стихахъ сообщалъ свѣдѣнія о своей личности: такъ, мы узнаемъ изъ одного его отрывка, что онъ продолжалъ еще писать, будучи 92-лѣтнимъ старцемъ. Развѣ Аполлodorъ не могъ разсчитать на основаніи какого нибудь, недошедшаго до насъ, отрывка ²⁾, что рожденіе Ксенофана приходится на 1-й годъ 40-вой Ол.? Отчего-же въ такомъ случаѣ не придерживаться этой даты? Она не мѣшаетъ столѣтнему Ксенофану дожить до царствованія Дарія (524—487), какъ объ этомъ свидѣтельствуеъ Аполлodorъ, который не дастъ точной даты конца его жизни.

Если обозначить жизнь Ксенофана этими датами—нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что онъ говорилъ объ Эпименидѣ, умершемъ 157-ми лѣтъ, и о Фалесѣ и его предсказаніи, и даже

¹⁾ Если-бы даже онъ хотѣлъ подтвердить связь своего ученія съ ученіемъ Элейцевъ.

²⁾ Если годъ рожденія Ксенофана Ол. 40, то отрывокъ, въ которомъ говорится о 92-хъ годахъ, появился въ 528=Ол. 63. Аполлodorъ же относить къ Ол. 62 «акме» Пивагора; можетъ быть онъ счтаетъ, что отрывокъ Ксенофана о метампсихозѣ относится также къ 92 году его жизни и строить на этомъ свою комбинацію.

объ ученіи Пивагора о переселеніи душъ. Съ другой стороны, становится понятнымъ, какъ могъ говорить о немъ, какъ равно и о Пивагорѣ, Гераклитъ и какъ Сотіонъ (Диог. Л. IX, 18) сдѣлалъ его современникомъ Анаксимандра, родившагося около 611 г. Напротивъ, даже принявъ дату Діогена Лаэртскаго, нельзя продлить жизнь Ксенофана до времени Пьерона I (Ол. 77=472) и Эпихарма, какъ это сдѣлалъ по Клименту Александрійскому одинъ историкъ, Тимей, авторитетъ котораго могъ-бы быть въ данномъ вопросѣ весьма значительнымъ.

Легко понять происхожденіе этой ошибки, очевидность которой обнаруживаетъ свидѣтельство Гераклита о Ксенофанѣ. Тимей сдѣлалъ только то, что, во-первыхъ, привелъ сохраненный Плутархомъ (Reg. arorhth.) анекдотъ относительно словъ Пьерона о сказанныхъ передъ нимъ стихахъ Ксенофана; во вторыхъ, говорилъ объ уже упоминавшихся Аристотелемъ нападкахъ комическаго поэта Эпихарма на скептицизмъ Ксенофана.

Изъ этого разсказа историка, содержащаго факты, которые только доказываютъ, какую популярностью пользовались стихи Ксенофана еще долго послѣ его смерти, вывели заключеніе, что Тимей говорилъ о Ксенофанѣ, какъ о находящемся въ живыхъ.

Правда, встрѣчается еще нѣсколько свидѣтельствъ, по которымъ жизнь Ксенофана длилась еще дольше, но это или чистые анахронизмы, находимые у авторовъ, не заслуживающихъ никакого довѣрія, какъ напр. у Гермиппа (Диог. Л., VIII, 56 и IX, 30), который сводитъ Ксенофана съ Эмпедокломъ; или-же случай смѣшенія съ другимъ поэтомъ того-же имени (какъ, быть можетъ, у Псевдо Люціана, „De longaev“, 20), авторомъ ямбовъ, уроженцемъ Lesbosа и сыномъ Дексина.

7. *Анаксимандръ и Пивагоръ*. Анаксимандръ являетъ собою примѣръ философа, опредѣленіе времени жизни котораго Аполлдоръ (Диог. Л., II, 2) началъ не съ „акме“, а съ отнесенія опредѣленной даты его возраста (64), къ Ол. 58,2 = 547, вѣроятно къ году, въ который было написано сочиненіе Анаксимандра; времени же его смерти онъ не указалъ. Итакъ, Аполлдоръ считалъ Анаксимандра моложе Фалеса на 26 лѣтъ и моложе Ксенофана на 11 л. Его „акме“ должно было прійтись

на Ол. 52, къ которой относится „акме“ Эзопа, восшествіе на престолъ Креза и рожденіе Пиеагора.

Если Діогенъ Лаэртскій относитъ „акме“ Ксенофана ко времени тираніи Поликрата, то здѣсь очевидно, какъ замѣтилъ Дильсъ, смѣшеніе съ Пиеагоромъ, (а, можетъ быть, и съ Анаксименомъ). Эд. Целлеръ ¹⁾ не правъ, говоря, что обыкновенно относятъ начало тираніи Поликрата къ 3-му году 53-ей Олимпіады=566, т. е. къ 44 г. (45) жизни Анаксимандра. Эту дату возможно допустить, лишь предполагая другого Поликрата; единственный извѣстный, единственный, котораго могъ имѣть въ виду Діогенъ, царствовалъ только 11 лѣтъ, а такъ какъ его тираніа по Геродоту кончается въ одинъ годъ съ царствованіемъ Камбиза, то ее можно помѣстить между 534 и 524 годами вѣлчительно (Ол. 61, 3—Ол. 64, 1); хотя Діогенъ Лаэртскій ²⁾ относитъ „акме“ Пиеагора къ Ол. 60, Дильсъ установилъ вполнѣ, что Аполлоторъ долженъ былъ вмѣстѣ съ Эратосееномъ ³⁾ относить его къ Ол. 62, т. е. къ тому времени, когда, какъ предполагають, Пиеагоръ покинулъ Самосъ, чтобы избѣжать тираніи Поликрата. Что же касается продолжительности жизни главы Италійской Школы — я допускаю вмѣстѣ съ Дильсомъ, что Аполлоторъ опредѣлялъ ее, вѣроятно, въ 90 лѣтъ (Діог. Л. VIII, 44). Итакъ, онъ жилъ, судя по этимъ даннымъ, болѣе или менѣе произвольнымъ ⁴⁾, между 572 и 482 годами.

¹⁾ 1, стр. 211, примѣчаніе — я цитирую «Философію Грековъ» по превосходному переводу Вутру.

²⁾ Возможно, что эта дата явилась результатомъ стремленія сблизить Пиеагора съ Фалесомъ, стремленія, вызваннаго распространенными въ то время легендами или желаніемъ отодвинуть его уходя изъ Самоса, отнеся «акме» къ предполагаемому времени тираніи трехъ сыновей Эака, прежде чѣмъ Поликрать погубилъ или изгналъ своихъ двухъ братьевъ.

³⁾ Эратосеень (Діог. Л. VIII, 47) упоминалъ другого Пиеагора, (дохмача изъ Самоса), участвовавшего въ кулачномъ бою между дѣтми и взрослыми въ Ол. 48 и оставившаго сочиненіе по исторіи Дорянъ (?). Наивѣрное, различные авторы смѣшали это лицо съ Пиеагоромъ—философомъ; изъ этого источника должно быть, почерпнуты мысли Антилоха (Климентъ Алекс., Srtrom., I, 339), который отнесъ ἡλικία Пиеагора ко 2-му году 49-й Олимпіады=583.

⁴⁾ Настолько-же произвольно установлено, вѣроятно, «акме» Ферекида (Ол. 59, Діог. Л.), на 12 лѣтъ раньше «акме» Пиеагора. Эта дата не согласуется ни съ предавіемъ, связывающимъ Ферекида съ Питтакомъ, ни съ другимъ, по которому Фалесъ былъ еще живъ, когда Ферекида постигла вшивая болѣзнь, а невѣроятная легенда Аристоксена заставляетъ Пиеагора-старика хоронить Ферекида.

8. *Анаксименъ*. Вопросъ о времени жизни Анаксимена — очень теменъ. Діогенъ Лаэртскій (II, 3) говоритъ: „онъ родился, по Аполлодору, въ Ол. 63 (=528) и умеръ во время взятія Сардъ.“

Прежде всего нужно устранить гипотезу о томъ, что Діогенъ Лаэртскій имѣлъ въ виду взятіе Сардъ во время возмущенія Іонянъ, Ол. 70. Анахронизмъ слишкомъ очевиденъ. Дилсъ допускаетъ искаженіе свѣдѣній Аполлодора, который яко-бы относилъ „акме“ Анаксимена ко времени взятія Сардъ, а смерть къ Ол. 63 (около шестидесяти лѣтъ). Онъ опирается на то, что Ипполитъ относитъ „акме“ къ первому году 58-й Ол., а Свиды говоритъ: „Анаксименъ былъ живъ (γέγωνα) во время взятія Сардъ, когда Киръ персидскій свергъ Креза“. Если Свиды относилъ это событіе къ Ол. 55, это потому, что онъ ошибочно заимствовалъ дату Евсевія, между тѣмъ какъ Ипполитъ сохранилъ дату Аполлодора. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы читать Ол. 58, 3 вмѣсто 58, 1.

Это предположеніе, столь-же остроумное какъ и смѣлое, заслуживаетъ съ нашей стороны тѣмъ болѣе глубокую критику, что, по нашему мнѣнію, дата взятія Сардъ у Свиды принадлежитъ Аполлодору, а исправленная дата Ипполита — Сосикрату.

Дилсъ не безъ основанія придаетъ нѣкоторое значеніе хронологическому извѣстію автора *Philosophumena*, такъ какъ онъ уже далъ одну дату (Ол. 42, 3=610) для рожденія Анаксимандра, которая не заимствована ни изъ одного извѣстнаго источника, но явно согласуется съ указаніями Аполлодора; но на самомъ дѣлѣ нѣтъ достаточныхъ основаній приписывать обѣ данныя *Philosophumena* Аполлодору, а не Сосикрату, напримѣръ. Сближеніе со Свидой указываетъ даже на перемѣщеніе даты, вполне аналогичное съ другимъ, которое мы нашли у Сосикрата.

По видоизмѣненной такимъ образомъ гипотезѣ Дилсса, рожденіе Анаксимена относится къ 598 г., а смерть къ 528-му (70 лѣтъ). Во всякомъ случаѣ нужно замѣтить, что выраженіе Свиды, несмотря на многократныя обсужденія, которымъ оно подвергалось, остается двусмысленнымъ и можетъ быть отнесено къ рожденію Анаксимена; съ другой стороны, необходимо рассмотреть, можно-ли согласить сохранившіяся преданія о жизни Анаксимена

съ вышеуказанной гипотезой, а также и со всякой другой, могущей возникнуть по этому вопросу.

Намъ придется разобрать три сближенія: два первыхъ, дѣлающія Анаксимена, одно—ученикомъ Анаксимандра, другое — учителемъ Анаксагора — противорѣчивы, такъ какъ второй изъ этихъ философовъ родился только въ 500 г. Однако они неизмѣнно повторяются, начиная со времени Теофраста, въ большей части древнихъ памятниковъ, что доказываетъ въ достаточной степени какъ мало можно на нихъ полагаться. Что касается третьяго сближенія между Анаксименомъ и Пифагоромъ — напротивъ, извѣстіе о немъ мы находимъ въ совсѣмъ особенномъ источникѣ: апокрифической перепискѣ, сохранившейся у Діогена Лаэртскаго (II, 4 и 5 и VIII, 49); это — преданіе, времени возникновенія котораго мы не знаемъ и слѣдовъ котораго не находимъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.

Предполагаютъ, что первое письмо, извѣщающее Пифагора о смерти Фалеса, было написано Анаксименомъ; отвѣтъ Пифагора не сохранился, но, какъ видно изъ второго письма Анаксимена, онъ вѣроятно уведомлялъ объ отбытіи Пифагора изъ Самоса. Однако въ этомъ второмъ письмѣ говорится объ угнетеніи приверженцевъ Пифагора не Поликратомъ, а дѣтьми Эака вообще; съ другой-же стороны, въ немъ изображено начало вражды Іонянъ съ Персами и ожиданіе Анаксименомъ разгрома. Отвѣтъ Пифагора не содержитъ другихъ извѣстій. Во всякомъ случаѣ предполагается, что обмѣнъ писемъ произошелъ незадолго до взятія Сардь.

Эта гипотеза согласуется, очевидно, только съ хронологіей Сосикрата: 546 г. для взятія Сардь, 540 — для отбытія Пифагора изъ Самоса, между тѣмъ какъ Аполлодоръ относилъ эти два событія къ 558 и 532 годамъ. Для насъ маловажна историческая цѣнность этого преданія, находящагося въ прямомъ противорѣчій съ рассказомъ Геродота, по которому Милетъ заключилъ немедленно договоръ съ Персами; зато это преданіе утверждаетъ насъ въ мнѣніи, что упоминаніе Діогеномъ Лаэртскимъ о взятіи Сардь по поводу Анаксимена относится къ его „акме“, но заимствовано у Сосикрата.

Допустимо-ли теперь, какъ мы предположили это выше, что Аполлодоръ отнесъ „акме“ Анаксимена ко взятію Сардь, которое

по его счету произошло на 12 лѣтъ раньше? Въ такомъ случаѣ, онъ долженъ былъ считать, что Анаксименъ—также современникъ Анаксимандра и значительно старше Пиеагора, предположеніе, крайне неправдоподобное само по себѣ и противорѣчащее всѣмъ извѣстнымъ преданіямъ. Кажущееся согласіе со Свидой не можетъ его спасти, такъ какъ относительно этого византійца весьма удобно принять то, что утверждаетъ Дильсъ.

Если годъ взятія Сардъ не можетъ, по Аполлодору, служить датой „акме“ Анаксимена—онъ не можетъ быть также ни датой его рожденія, ни датой смерти; такимъ образомъ, вторая половина извѣстія Діогена Лаэртскаго не была заимствована у Аполлодора. Во всякомъ случаѣ, по апокрифической перепискѣ, по Иполлиту и Свидѣ она относится къ „акме“ Анаксимена. Скомпилированный источникъ имѣлъ, вѣроятно, своимъ первоисточникомъ Сосикрата, у котораго, должно быть, было сказано: Анаксименъ *процвѣталъ, когда умеръ Фалесъ* во время взятія Сардъ. Итакъ, по этому источнику, Анаксименъ былъ долгое время въ сношеніяхъ съ Фалесомъ и Анаксимандромъ и, напротивъ, не могъ знать Анаксагора.

Передъ нами остается все таки еще дата (Ол. 63=528), исходящая отъ Аполлодора и свидѣтельствующая о совершенно иной традиціи. Мы уже установили, что она не можетъ относиться къ смерти Анаксимена; можетъ быть ею опредѣляется его „акме“, но произошло искаженіе, подобное тому, какое мы нашли въ текстѣ Діогена Лаэртскаго.

Мы не находимъ комбинаціи, которой могъ-бы соотвѣтствовать подобный расчетъ; напротивъ, существуетъ комбинація, достаточно оправдывающая текстъ, по которому эта дата (Ол. 63) относится къ рожденію Анаксимена.

Въ этой комбинаціи Анаксименъ рѣшительно отдѣленъ отъ Анаксимандра и приближенъ къ Анаксагору, такъ что ихъ отдѣляетъ разстояніе, равное тому, какое существуетъ между Фалесомъ и Анаксимандромъ. Пиеагоръ заполняетъ пробѣлъ между Анаксимандромъ и Анаксименомъ, но не ставится въ личныя сношенія съ послѣднимъ, родившимся лишь послѣ отбытія Пиеагора изъ Самоса.

Очень возможно, что именно эта комбинація принадлежала

Аполлодору; Сосикратъ же, напротивъ, отбросилъ ее и составилъ совсѣмъ иную, можетъ быть на основаніи апокрифическихъ писемъ, которыя въ его время могли уже ходить по рукамъ.

Но правильнѣе всего будетъ заключить, что древніе знали такъ-же мало о жизни Анаксимена, какъ и мы; сообразно-же идеи „преемственности“, порожденной обычаями послѣдующихъ школъ, и въ виду невозможности установить непрерывную связь между Іонійцами—они сближали послѣдняго представителя Милетской школы то съ его мнимымъ учителемъ, то со столь-же мнимымъ ученикомъ. Отсюда возникло разногласіе на 60 лѣтъ относительно даты рожденія Анаксимена. Быть можетъ истина находится между этими двумя мнѣніями, а быть можетъ она противоположна имъ обоимъ, такъ какъ весьма вѣроятно, что Анаксименъ не зналъ ни Анаксимандра, ни Анаксагора. Во всякомъ случаѣ, преданіе заставляетъ его бѣжать отъ погрома Милета, произведеннаго Персами въ 496 г. и скрываться то въ Лакедемонѣ, гдѣ, по свидѣтельству Плинія, онъ устроилъ гномонъ, то въ Милетской колоніи Лампсакѣ, гдѣ жили его славные потомки и гдѣ, впоследствии, искалъ убѣжища Анаксагоръ.

9. *Гераклитъ. Анаксагоръ.* „Акме“ Гераклита (Диог. Л., IX, 1) также весьма сомнительно; дата его — Ол. 69=504, кажется произвольно выбрана въ срединѣ царствованія Дарія на основаніи преданія о перепискѣ его съ великимъ царемъ. Гераклитъ не могъ переписываться съ Даріемъ, если вѣрить Стравону, что другъ Гераклита Гермодоръ давалъ совѣты Римлянамъ при составленіи 12 таблицъ.

Хронологія Анаксагора, напротивъ, опирается на болѣе надежныя соображенія. Демокритъ (Диог. Л. IX, 41) считалъ себя на 40 лѣтъ моложе Анаксагора и датировалъ свой „Маленькій Діакосмъ“ 730 г. по взятіи Трои. Аполлодоръ принялъ послѣднюю дату за „акме“ Демокрита и, отнеся ее къ лѣтосчисленію Эфора отъ взятія Трои—(1150 до Р. X.), онъ получилъ для „акме“ Демокрита Ол. 90, 1=420, откуда годъ рожденія Анаксагора Ол. 70, 1=500. Его смерть Аполлодоръ, вѣроятно¹⁾, относилъ къ

¹⁾ Ол. 78, 1 по тексту Діогена Лаэртскаго (II, 7), но 88, 1 по Ипполиту (впрочемъ у него это—дата «акме», что совсѣмъ недопустимо).

Ол. 88, 1=428. Отсюда взяты и другія свѣдѣнія Діогена Лаэртскаго, а именно: что Анаксагоръ жилъ 72 года и что во время похода Ксеркса (480 г.) ему было 20 лѣтъ.

Что же касается того мѣста у Діогена Лаэртскаго, которое слѣдуетъ за подлинными словами Аполлодора: „онъ началъ философствовать въ Аѣинахъ при Калліи, имѣя отъ роду 20 лѣтъ, какъ говоритъ Дмитрій Фалерскій въ своемъ „Спискѣ архонтовъ“; говорятъ, что онъ прожилъ тамъ 30 лѣтъ“, то естественнѣе всего объяснить его такъ: въ первоначальномъ источникѣ было, должно быть, сказано, что онъ сталъ заниматься наукою съ двадцатилѣтняго возраста (во время вступленія въ Грецію Ксеркса), когда Каллія (или Калліадъ)¹⁾ былъ архонтомъ въ Аѣинахъ. Не явилось-ли смѣшеніе результатомъ того, что въ этому было прибавлено, будто Анаксагоръ пришелъ въ Аѣины въ архонтство другого Калліи, бывшаго архонтомъ въ 456 г.? это также очень вѣроятно, но не такъ надежно. Въ такомъ случаѣ продолжительность пребыванія Анаксагора въ Аѣинахъ опредѣлена въ 30 лѣтъ круглымъ счетомъ, но эта цифра чересчуръ велика, такъ какъ дата смерти должна была быть извѣстна точно, благодаря похоронамъ, какими почтилъ Анаксагора городъ Лампсаѣ. Отсюда видно, что дата изгнанія Анаксагора изъ Аѣинъ остается болѣе или менѣе неопредѣленной.

10. *Эмпедокл.* *Протагоръ.* „Акме“ Эмпедокла, Ол. 84=444 (Діог. Л., VIII, 74) соотвѣтствуетъ времени основанія Туріума: Аполлодоръ отмѣчаетъ по Главку (*ibid.*, VIII, 52), что философъ пришелъ туда, когда городъ былъ только что основанъ. Хронографъ принялъ этотъ-же годъ для „акме“ Протагора, который далъ законы жителямъ Туріума (*ibid.*, IX, 56), Геродота, который участвовалъ въ аѣинской колоніи, Мелисса (*ibid.*, IX, 24), командовавшаго около того-же времени самосцами въ войнѣ противъ Аѣинъ, наконецъ, по всей вѣроятности, Горгія, котораго считаютъ современникомъ Эмпедокла.²⁾

Относительно послѣдняго, выбранная дата хорошо согласуется съ датой побѣды, одержанной Ол. 71=496, т. е. за 52 года

¹⁾ Ол. 75, 1=480; въ этомъ-же году родился Эврипидъ (Діог. Л. II, 45).

²⁾ Но считаютъ, впрочемъ, что онъ пережилъ его на много, такъ какъ предполагаютъ что онъ умеръ 109 лѣтъ, т. е. въ 475 г.

до того, дѣдомъ Эмпедокла, о которомъ говорятъ Аристотель и Эратосеенъ. Аполлоторъ прибавляетъ: „что касается тѣхъ, которые рассказываютъ, что изгнанный изъ родины Эмпедокль скрылся у Сиракузянъ и сражался съ ними противъ Аеинянъ — они кажутся мнѣ совершенными невѣждами, потому-что въ то время онъ уже умеръ, иначе его старость должна была продолжаться очень долго, чего не должно быть, такъ какъ Аристотель и Гераклидъ (Понтскій) ¹⁾ говорятъ, что онъ жилъ только шестьдесятъ лѣтъ“.

Такимъ образомъ, по Аполлотору, Эмпедокль долженъ былъ жить отъ 484 г. до 424; я думаю кромѣ того, подобно Целлеру и вопреки Дильсу, что въ этомъ мѣстѣ говорится о походѣ Аеинянъ, бывшемъ въ 415 г.

Что-же касается Протагора, то, давъ ему 70 лѣтъ жизни и 40 лѣтъ софистической дѣятельности (Диог. Л., IX, 56), Аполлоторъ только допустилъ цифры, данныя Платономъ, и тѣмъ самымъ поставилъ границами его жизни 484 и 414 г.; ничто не доказываетъ, на самомъ дѣлѣ, чтобы онъ придавалъ значеніе легендѣ, по которой одинъ изъ четырехсотъ (411) обвинялъ Протагора въ нечестіи и чтобы здѣсь слѣдовало принимать за границу конецъ олимпіадъ а не начало ихъ.

11. *Демокритъ*. Мнѣ остается прибавить нѣсколько словъ о Демокритѣ. Мы уже видѣли, что Аполлоторъ опредѣлилъ въ достаточной степени произвольно „акме“ Демокрита, на основаніи котораго отнесъ его рожденіе къ Ол. 80 = 460; но и у Эразилла, отодвинувшаго послѣднюю дату до Ол. 77, 3 = 470, — за годъ до рожденія Сократа — не было болѣе твердыхъ основаній; онъ намѣревался только исправить расчетъ Аполлотора, основываясь на собственномъ мнѣніи о датѣ взятія Трои. То-же можно сказать о Діодорѣ, который взялъ для этой даты эру Эратосеена, и который, такимъ образомъ, ограничилъ жизнь Демокрита предѣлами 494 — 404.

Повидимому, Аполлоторъ связывалъ съ „акме“ Демокрита

---

¹⁾ Благодаря ложному чтенію этого отрывка думаютъ, что Аристотель приписываетъ 60 лѣтъ жизни Гераклиту.

„акме“ другихъ авторовъ, о которыхъ онъ говоритъ (Диог. Л., IX, 41), какъ-то: Архелая, Энопида ¹⁾, быть можетъ даже Гиппократъ Косскаго, по преданію, хотя знаменитый врачъ долженъ былъ быть старше.

Кажется Аполлодоръ опредѣлялъ продолжительность жизни Демокрита въ 100 лѣтъ, но преданіе настаиваетъ лишь на томъ, что Демокритъ дожилъ до глубокой старости, что произвольно понимается протяженіемъ отъ 90 до ста десяти лѣтъ. Странно, впрочемъ, что большая часть очень различныхъ цифръ, опредѣляющихъ продолжительность его жизни, совпадаетъ съ датами жизни Гиппократъ.

12. *Заключение.* Начиная съ Сократа, хронологія философовъ стоитъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ; въ ней уже не встрѣчается больше значительныхъ разногласій и серьезныхъ затрудненій и здѣсь-то можно убѣдиться въ богатствѣ свѣдѣній Аполлодора, который сумѣлъ воспользоваться ими для окончательнаго установленія хронологіи, по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ лицъ.

Вполнѣ ясно, напротивъ, что для періода, на которомъ мы только-что остановились, у Аполлодора не было, за малымъ исключеніемъ, никакихъ точныхъ свѣдѣній. Мы видѣли на какомъ произвольномъ фундаментѣ и изъ какого недостовѣрнаго матерьяла онъ первый построилъ хронологію философовъ; но, по крайней мѣрѣ, какъ я уже сказалъ, его сочиненіе систематично и его даты не представляютъ никакого историческаго противорѣчія.

Даже болѣе того: мы видѣли, что поправки, которыя пытались внести въ данныя Аполлодора, начиная съ Сосикрата, были обоснованы такъ-же мало, какъ и гипотезы самого Аполлодора и привели къ различнымъ ошибкамъ.

Отъ хронографовъ послѣдующихъ временъ нечего и ждать. Сосикратъ, авторъ *Διαδοχαί φιλοσόφων*, еще придерживается нѣкоторой системы и старается избѣгать противорѣчій; позднѣе мы встрѣчаемъ только одни сборники датъ, заимствованныхъ безъ критики у различныхъ авторовъ и изъ различныхъ системъ, датъ,

---

¹⁾ Однако Проклъ, по Гемину, представляетъ Энопида только немного моложе Аваксагора и болѣе близкая дата очень невѣроятна.

дурно связанных между собою и часто противорѣчивыхъ. Онѣ интересны только для хронолога, который можетъ попытаться различить разные источники ихъ. Для историка науки онѣ бесполезны, какъ не могущія пролить никакого свѣта.

ГЛАВА III.

Θалесъ Милетскій.

1. *Θалесъ заимствовалъ изъ Египта не только свои математическія и астрономическія знанія, но равнымъ образомъ и свою космологію.* Въ исторіи философіи преобладаетъ въ настоящее время тотъ взглядъ, что эллинская мысль съ самаго своего пробужденія развивалась независимо отъ всякаго иноземнаго вліянія. Еще не такъ давно это мнѣніе пользовалось такимъ-же успѣхомъ и среди историковъ математики; но не смотря на то, что самостоятельность творческой мысли проявляется, можетъ быть, всего яснѣе именно въ точныхъ наукахъ, — въ наше время эволюціонная теорія, повидимому, привлекла къ себѣ почти всѣхъ, кто изучаетъ происхожденіе и развитіе этихъ наукъ и мнѣніе историковъ математики круто измѣнилось, не вызвавъ этимъ серьезныхъ возраженій.

Эта новая точка зрѣнія вполне раздѣляется и Эдуардомъ Целлеромъ (I, стр. 199 — 201), по крайней мѣрѣ по отношенію къ первому физиологу, имя котораго постоянно встрѣчается на первыхъ страницахъ какъ исторіи наукъ, такъ и исторіи философіи. „Мы знаемъ кромѣ того“, говоритъ Целлеръ, „что Θалесъ былъ извѣстенъ своими познаніями въ математикѣ и астрономіи. Онъ-то и перенесъ начатки этихъ наукъ изъ восточныхъ и южныхъ странъ въ Грецію“. Но „нѣтъ указаній на то, чтобы Θалесъ заимствовалъ съ Востока не только геометрическія и астрономическія свѣдѣнія, но также философскія и физическія.“

Однако, если быть безпристрастнымъ, то придется сознаться, что признаніе чужеземнаго вліянія въ первомъ случаѣ невольно ведетъ къ допущенію его и во второмъ. Отсутствіе положительныхъ данныхъ, на которое ссылается Целлеръ, не можетъ имѣть

рѣшающаго значенія, если мы вспомнимъ, насколько скудны имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о взглядахъ и познаніяхъ Өалеса и насколько глубоко, съ другой стороны, невѣжество древнихъ авторовъ относительно тѣхъ вѣроваій варваровъ, въ которыхъ есть философскія черты. Конечно, до открытія папирусовъ въ Египетскихъ гробницахъ мы могли лишь догадываться объ этомъ невѣжествѣ, но еще не имѣли возможности измѣрить всю глубину его; теперь же намъ нельзя не считаться съ тѣми разоблаченіями, которыя даетъ намъ разборъ гіератическихъ письменъ.

Поэтому, признавать вопросъ открытымъ, по крайней мѣрѣ относительно Өалеса, — еще не значитъ подвергать сомнѣнію безспорную оригинальность греческаго генія. Мнѣ кажется, что для разъясненія этого вопроса необходимо въ точности опредѣлить — насколько это возможно въ настоящее время — характеръ вліянія, оказаннаго варварами на образованіе математическихъ и астрономическихъ наукъ въ Греціи. При отсутствіи необходимыхъ документовъ, заключеніе по аналогіи — единственное средство судить о характерѣ этого вліянія на развитіе другихъ наукъ, а также и первыхъ философскихъ понятій.

Къ рѣшенію этой двойной задачи я теперь и приступлю. Мнѣ кажется, что результаты научныхъ трудовъ нашего вѣка и свѣдѣнія, приобрѣтенныя съ одной стороны въ исторіи математики, а съ другой — въ исторіи народовъ Востока, могутъ пролить новый свѣтъ на источники философіи, а слѣдовательно и всѣхъ наукъ, которыя въ древности входили въ ея составъ. Я полагаю, что не только новые тезисы, которые я собираюсь защищать, но и самое изложеніе фактовъ, служащихъ для ихъ подтвержденія, возбудить интересъ въ читателей.

Что же касается до моихъ выводовъ, то, можетъ быть, лучше заранѣе резюмировать ихъ. Я постараюсь доказать, что Грекамъ по справедливости принадлежитъ слава основанія наукъ, а также и философіи; но если вся своеобразность эллинскаго генія проявляется, какъ читатель увидитъ изъ слѣдующей главы, уже въ лицѣ Анаксимандра, истиннаго главы іонійской школы, — то Өалесъ въ сущности только возбудилъ умственное движеніе, только заронилъ искру, познакомивъ Эллиновъ съ техническими приѣмами, заимство-

ванными у варваровъ, равно какъ и съ нѣкоторыми теоретическими взглядами послѣднихъ. Ту-же роль могъ сыграть всякій другой путешественникъ его времени, но Өалесъ отличался, вѣроятно, особенно тонкой наблюдательностью и необычайной предприимчивостью. Обладая скорѣе практическимъ, чѣмъ спекулятивнымъ умомъ, ¹⁾ онъ не долго предавался наукамъ въ святилищахъ Египта, но не пропустилъ ни одного удобнаго случая разузнать все то, что казалось ему полезнымъ или любопытнымъ и сумѣлъ объяснить своимъ соотечественникамъ, что въ чужихъ странахъ рѣшались такіе вопросы, надъ которыми они никогда и не задумывались, что тамъ исповѣдовались мнѣнія, по меньшей мѣрѣ настолько же правдоподобныя, какъ и ихъ собственныя. Такимъ образомъ, не придумавъ и не открывъ ничего новаго, Өалесъ все-же далъ толчокъ дремавшей эллинской мысли и тѣмъ самымъ вполнѣ заслужилъ ту славу, которую признали его современники и сохранили за нимъ самыя отдаленныя потомки.

2. *Жизнь Өалеса, предсказаніе имъ солнечнаго затменія.* Около середины VII в. до Р. X. основатель сайтской династіи въ знакъ благодарности открываетъ доступъ въ Египетъ Грекамъ, по преимуществу Малоазійскимъ. Моряки Архипелага уже втеченіе восьми вѣковъ были знакомы съ берегами Дельты. Задолго до Гомера память объ ихъ разбойничьихъ набѣгахъ сохранялась въ надписяхъ на монументахъ Рамзеса II. Набѣги оканчиваются полнымъ успѣхомъ; съ этихъ поръ искатели приключеній и любители новизны могутъ удовлетворять своей страсти, не прибѣгая къ оружію. Вслѣдъ за солдатами-наемниками прибываютъ путешественники, по преимуществу купцы; Өалесъ торгуетъ солью, Платонъ продаетъ масло. Конечно это — басни, выдуманныя Плутархомъ, но въ этихъ басняхъ больше правды, чѣмъ въ историческихъ разсказахъ; и дѣйствительно, мы не можемъ указать ни одного путешествія, предпринятаго единственно съ научной цѣлью.

Наряду съ наемниками и купцами появляются и многочисленныя эмигранты, которые основываютъ обширныя колоніи. Ми-

---

¹⁾ Ученый, которому, такъ же какъ Өалесу Милетскому и Анахарсису Сиену приписываются изобрѣтенія, пригодныя для искусства и для практической дѣятельности (Платонъ, Республика, X, 600 а.)»

летцы приплываютъ на тридцати корабляхъ и учреждаютъ укрепленный торговый пунктъ. Въ Дельтѣ скоро образуется цѣлый классъ толмачей. Эго мирное нашествіе вскорѣ распространяется на весь Египетъ: Милетцы селятся въ древнемъ Абидосѣ, Самосцы въ большомъ Оазисѣ.

На какой-бы степени цивилизаціи ни стояли въ то время Греки, они все же были дѣтьми въ сравненіи съ Египтянами. Эго мнѣніе не разъ приходилось выслушивать и Солону; значить, ихъ любопытство нашло себѣ обильную пищу. И не обращаясь за разъясненіями къ жрецамъ, которые вообще, должно быть, недоброжелательно относились къ чужестранцамъ и скорѣе готовы были рассказывать имъ всякія басни, чѣмъ дѣлиться съ ними своими знаніями, — развитой Грекъ, довольно долго прожившій въ Египтѣ, легко могъ серьезно ознакомиться съ практическими знаніями и общими теоретическими взглядами Египтянъ, что и сдѣлалъ, по всей вѣроятности, Фалесъ.

Однако, даже самое путешествіе Фалеса въ Египетъ подвергалось сомнѣнію на томъ основаніи, что о немъ не сохранилось свидѣтельствъ изъ глубокой древности. Мнѣ кажется, впрочемъ, что можно было-бы удовольствоваться слѣдующимъ фактомъ: по свидѣтельству Геродота, изслѣдованіе причинъ періодическихъ разлитій Нила ведется со времени Фалеса; вопросъ этотъ, занимавшій поочередно всѣхъ Іонійцевъ, впервые былъ поднятъ, конечно, очевидцемъ изслѣдуемаго явленія.

Вернувшись въ Милетъ, Фалесъ посвятилъ умственнымъ занятіямъ весь досугъ своего зрѣлаго возраста и старческихъ лѣтъ. Анекдотъ Аристотеля объ арендѣ всѣхъ прессовъ для выжиманія масла свидѣтельствуетъ о томъ, что въ первое время характеръ занятій Фалеса далеко не способствовалъ его возвышенію въ глазахъ соотечественниковъ, въ силу своего несоотвѣтствія съ привычками послѣднихъ. Но въ концѣ концовъ мнѣніе перемѣнилось; и у Геродота мы уже находимъ Фалеса играющимъ видную политическую роль сперва въ Іоніи, а затѣмъ даже при дворѣ царя Креза.

Однако, не удачная спекуляція на сборъ оливокъ привлекла къ Фалесу вниманіе современниковъ, но предсказаніе имъ еще въ

молодыхъ годахъ полнаго солнечнаго затменія 30-го сентября 610 года. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, какъ къ предполагаемой датѣ затменія впоследствии приурочена была легенда о вазѣ, предназначенной для мудрѣйшаго, прошедшей чрезъ руки семи владѣльцевъ и снова вернувшейся къ Thalèse.

Новѣйшіе ученые не разъ сомнѣвались въ дѣйствительности этого предсказанія, тогда какъ весь античный міръ единогласно призналъ, что именно осуществленіе его, доставивъ Thalèse славу, пробудило въ Элинахъ любовь къ наукѣ и стремленіе къ этой благороднѣйшей изъ жизненныхъ цѣлей.

Возраженія скептиковъ ¹⁾ построены на весьма вѣскихъ основаніяхъ: для того, чтобы предсказать съ нѣкоторой долей вѣроятности, что солнечное затменіе будетъ доступно наблюденію въ опредѣленномъ пунктѣ земнаго шара, нужно обладать кое-какими элементарными свѣдѣніями по астрономіи; а такія свѣдѣнія были приобрѣтены, да и то лишь приблизительно, только въ III вѣкѣ (Аристархъ изъ Самоса) ²⁾; на практикѣ же они были примѣнены не раньше какъ во II-омъ вѣкѣ (Гиппархъ). Слѣдовательно, предсказаніе Thalèse ничто иное, какъ мифъ. Происхожденіе послѣдняго можно объяснить такимъ образомъ: мудрый уроженецъ Милета зналъ причину затменій, и съ помощью этого знанія онъ могъ предсказать необходимость повторенія этого явленія.

Какъ-бы остроумно ни было подобное объясненіе, какими убѣдительными доводами ни подкрѣплялъ-бы его Мартэнъ — но оно не можетъ удовлетворить насъ. Прежде всего, тексты древнихъ авторовъ (Геродотъ, I, 74; Евдемъ у Климента Александрійскаго, Strom. I, 14) упоминаютъ лишь о предсказаніи затменія, а не объ указаніи его причины. Разсказъ о предсказаніи, по словамъ Діогена Лаэртскаго, восходитъ ко времени Ксенофана, едва-ли не современника Thalèse; нельзя и требовать болѣе достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ для данной эпохи.

---

¹⁾ См. статью Th. H. Martin, *Revue archéologique*, 1864 и нѣкоторыя главы изъ его же *Histoire de l'astronomie*, напечатанной въ *Mémoires de l'Institut*.

²⁾ Не мѣшаетъ оговориться, что Евдоксъ изъ Книды вѣроятно еще раньше пришелъ къ тѣмъ-же выводамъ, что и Аристархъ въ вопросѣ о разстояніи луны отъ земли; но въ общемъ высказанное положеніе сохраняетъ свою силу.

На самомъ дѣлѣ, возможно и даже вѣроятно, что Фалесъ какъ-нибудь объяснял затменія; но онъ навѣрное не зналъ ихъ настоящей причины. Иначе было-бы непонятно, почему втеченіе всего послѣдующаго столѣтія Іонійцы истощали свое воображеніе, создавая фантастическія теоріи, о которыхъ мы еще будемъ говорить. Анаксагоръ изъ Клазоменъ первый далъ научную теорію, первый разсматривалъ луну, какъ тѣло, само по себѣ темное, но отражающее солнечный свѣтъ, что дало ему возможность объяснить одновременно и фазы луны и затменія, какъ солнечныя, такъ и лунныя. Заключенный въ оковы, Анаксагоръ первый свидѣтельствуеъ объ истинѣ.

Но и самъ Анаксагоръ еще не былъ въ состояніи подвергнуть анализу всѣ условія разсматриваемыхъ явленій; такъ, для объясненія того факта, что солнечныя затменія повторяются въ одномъ и томъ-же мѣстѣ рѣже, чѣмъ лунныя, онъ допустилъ, что послѣднія имѣютъ своей причиной присутствіе другихъ темныхъ тѣлъ между луной и солнцемъ ¹⁾. Теорія затменій начинается разрабатываться лишь черезъ два столѣтія послѣ Фалеса, во времена Евдокса изъ Книды. Вотъ насколько медленны и трудны были первыя положительныя завоеванія Грековъ на новомъ пути!

Вернемся къ Фалесу. Для насъ не такъ важно знать, умѣлъ ли онъ предсказывать затменія съ нѣкоторыми шансами на успѣхъ. Пусть даже онъ предсказалъ то затменіе, о которомъ идетъ рѣчь такимъ же путемъ, какъ наши календари предвѣщаютъ погоду; гораздо важнѣе вопросъ, сбылось-ли предвозвѣщенное имъ явленіе?

Вполнѣ достовѣрно извѣстно, что уже восточные астрологи VIII ст. до Р. X. предвидѣли солнечныя затменія и предсказывали ихъ наступленіе. Привожу по этому поводу любопытный текстъ клинообразной надписи, разобранный Смитомъ ²⁾:

„Государю и владыкѣ моему, слуга его Абиль-Истаръ. Да пребудетъ миръ съ господиномъ моимъ, да благоволятъ къ нему

¹⁾ См. Скиапарелли «*I precursori di Copernico nell' antichità*,» Hoepli, Milan, 1873, p. 6.—*Антихтонъ* въ системѣ Филолая обязанъ своимъ происхожденіемъ подобной-же гипотезѣ. Впрочемъ, первое представленіе о темныхъ небесныхъ тѣлахъ ведетъ, вѣроятно, свое начало отъ Анаксимена.

²⁾ См. Скиапарелли, «*Le sfere omocentriche di Eudosso, di Callippo e di Aristotele*» Hoepli, Milan, p. 12.

Нэбо и Меродакъ, да даруютъ ему боги долгую жизнь, здравіе и радость! Что касается луннаго затменія, для наблюденія котораго государь и владыка мой разослалъ людей въ города Аккадъ, Борзиппу и Нипуръ — то я производилъ наблюденія въ городѣ Аккадѣ. Затменіе произошло и я доношу объ этомъ моему господину. *Что-же касается солнечнаго затменія, то я также производилъ наблюденія, но затменія не было, о чемъ я и доношу господину моему.* Лунное затменіе, сбывшееся по предсказанію, касается Гиттитовъ и означаетъ погибель для Финикіянь и Халдеевъ. Нашъ-же государь пребудетъ въ мирѣ и ему затменіе не предвѣщаетъ никакого несчастья. Да сопровождаетъ слава всюду царя и господина моего“.

Какъ видно, ловкіе астрологи смѣло извлекали выгоды какъ изъ своихъ знаній, такъ и изъ своего невѣжества. Для нихъ не такъ важно было точно предсказать затменія, какъ не пропустить ни одного изъ нихъ въ своихъ предсказаніяхъ ¹⁾. Что-же касается настоящей причины этого явленія, то они, вѣроятно, не знали ея, хотя и увѣряли впоследствии въ противномъ Грековъ, уже ставшихъ къ тому времени ихъ учителями.

3. Какъ могли дойти до предсказанія затменій, не зная ихъ причины? Этотъ пунктъ конечно требуетъ разъясненій.

Прежде всего, наблюденіе показываетъ, что лунное затменіе приходится всегда на полнолуніе, солнечное-же, напротивъ — на новолуніе; далѣе, что почти во всѣхъ случаяхъ солнечному затменію или предшествуетъ или же за нимъ слѣдуетъ лунное (если только луна въ надлежащій моментъ находится надъ горизонтомъ), черезъ постоянный промежутокъ времени, соотвѣтствующій половинѣ луннаго мѣсяца. Игакъ, оба эти явленія какъ бы связаны между собою, и слѣдовательно достаточно умѣть предвидѣть одно изъ нихъ для того, чтобы предсказать по крайней мѣрѣ *возможность* другого. Для констатированія всѣхъ этихъ фактовъ достаточно опредѣлить лунный мѣсяць приблизительно въ двадцать девять съ половиной сутокъ, т. е. установить лунный календарь.

---

¹⁾ Въ Китаѣ, въ 2519 году до нашей эры, астрологи Хи и Хо были осуждены на смерть *по закону*, за то, что не предсказали одного солнечнаго затменія.

Если затѣмъ обратить вниманіе на положеніе луны по отношенію къ сосѣднимъ звѣздамъ во время луннаго затменія, то легко замѣтить, что послѣднее явленіе происходитъ всегда въ предѣлахъ очень узкаго пояса, шириною въ $\frac{1}{2}$ градуса; когда этотъ поясъ опредѣленъ, не трудно констатировать, что луна затмевается каждый разъ, какъ пересѣкаетъ его во время полнолія.

Теперь—для предсказанія лунныхъ затменій остается только, допустивъ періодическую правильность астрономическихъ явленій, замѣтить, черезъ сколько времени наблюдаемое явленіе повторяется въ одномъ опредѣленномъ пунктѣ небеснаго пространства; ясно, что такимъ образомъ будетъ установленъ опредѣленный періодъ времени, по истеченіи котораго повторяются лунныя затменія одинаковой степени и одинаковой продолжительности.

Халдеи вѣроятно путемъ аналогичныхъ соображеній дошли до установленія періода въ 223 лунныхъ мѣсяца, періода достаточно точнаго и пригоднаго для предсказанія какъ лунныхъ, такъ и солнечныхъ затменій ¹⁾.

До сихъ поръ я говорилъ о такихъ наблюденіяхъ, которыя могли производиться безъ всякихъ инструментовъ; съ помощью же очень простыхъ средствъ легко было пойти еще дальше. Но даже и эти средства врядъ-ли были необходимы для отождествленія упомянутаго нами пояса затменій съ путемъ, проходимымъ солнцемъ: для этого достаточно было отмѣтить, во-первыхъ, что солнце во время затменій тоже находится въ предѣлахъ этого пояса, а во-вторыхъ, что оно ежегодно проходитъ черезъ одни и тѣ-же созвѣздія, между тѣмъ какъ луна постоянно мѣняетъ свой мѣсячный путь въ небесномъ пространствѣ.

Словомъ, солнечныя и лунныя затменія происходятъ тогда, когда солнце или луна, первое—во время новолунія, вторая—во время полнолія, находятся на одной изъ двухъ воображаемыхъ точекъ небеснаго пространства (т. н. узловъ лунной орбиты),

---

¹⁾ По свидѣтельству Свиды, этому періоду даютъ халдейское названіе *saros*, хотя слово *sare* понимается ассириологами совершенно иначе; лучше, вмѣстѣ съ Геминиомъ, утратить этотъ періодъ и назвать его «*эклипсимъ*».

діаметрально противоположнихъ другъ другу и правильно передвигающихся по эклиптикѣ. Въ астрономіи индусовъ, основанной на греко-восточной астрологіи, причиной затменій считается небесный драконъ, которому приписывается соотвѣтствующее движеніе. Техническій языкъ современной астрономіи надолго сохранилъ слѣды этого древняго вѣрованія, служившаго для первоначальнаго объясненія затменій, обозначивъ восходящій и нисходящій узлы лунной орбиты терминами головы и хвоста дракона. И теперь еще намъ напоминаютъ объ этомъ вѣрованіи символическія изображенія узловъ, заимствованныя изъ греческихъ рукописей. Правда, подобнаго вѣрованія еще не нашли въ халдейской міеологіи; зато индусскаго дракона можно сблизить со змѣею Апацъ у Египтянъ, ведущимъ вѣчную борьбу съ небесными богами.

Такъ какъ легенда сблизаетъ Өалеса съ Египтянами, то не мѣшаетъ спросить себя, былъ-ли извѣстенъ послѣднимъ періодъ *экзелимъ*. На это нѣтъ прямыхъ указаній, но если вѣрить Діодору Сицилійскому, то Өиванскіе жрецы не хуже Халдеевъ предсказывали затменія; а для этого имъ необходимо было или знать періодъ *экзелимъ*, или быть знакомымъ съ графическими приемами, на что, повидимому, и указываетъ Адрасть у Өеона Смирнскаго (Астр., 30). Но, принявъ послѣднюю гипотезу, необходимо будетъ признать за наблюденіями Египтянъ невѣроятную точность и приписать послѣднимъ употребленіе такихъ инструментовъ, изобрѣтеніе которыхъ принадлежитъ, повидимому, Грекамъ. Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что періодъ въ 223 лунныхъ мѣсяца былъ извѣстенъ Евдоксу и вывезенъ послѣднимъ изъ Египта.

Впрочемъ, вполне возможно, что еще до временъ Өалеса Египетскіе жрецы заимствовали у Халдеевъ свѣдѣнія, необходимыя для предсказанія затменій. Можетъ быть, вся восточная астрологія имѣла своей колыбелью Халдею, но съ самаго своего зарожденія она получила права гражданства во всемъ мірѣ. Если даже послѣ завоеваній Александра астрологія, принявъ въ себя произведенія греческаго гевія, распространялась съ большей быстрою, чѣмъ астрономическія истины, — то въ началѣ VII вѣка до Р. X., въ

эпоху легендарнаго царя-астронома Некепса, она ужъ конечно нашла плодотворную почву въ долинѣ Нила и проникла до самыхъ Оивъ вслѣдъ за побѣдоносными войсками Ассуръ-Аве-Идина или Ассуръ-Бан-Габала.

Итакъ, мы имѣемъ право предполагать, что въ Египтѣ былъ извѣстенъ этотъ халдейскій періодъ, который былъ, по нашему мнѣнію, единственнымъ практическимъ способомъ, употреблявшимся въ ту эпоху для предсказанія затменій; но можно-ли допустить, что онъ былъ извѣстенъ и Өалесу?

Врядъ-ли: этотъ способъ навѣрное составлялъ тайну, которую хранители астрономическихъ ученій неохотно открывали непосвященнымъ; указаній-же на то, чтобы Өалесъ принадлежалъ къ числу посвященныхъ—нѣтъ. Съ другой стороны, знакомство съ халдейскимъ періодомъ даетъ, какъ мы видѣли, возможность предсказывать съ увѣренностью лишь лунныя затменія, а не солнечныя; слѣдовательно, будь Өалесъ знакомъ съ экзелигмомъ, историческія свидѣтельства должны были-бы приписывать ему предсказаніе лунныхъ затменій вообще, а ему приписывается лишь предсказаніе одного солнечнаго затменія. Наконецъ, онъ, повидимому, никому не передалъ тайны своего метода.

Итакъ, остается предположить, что какой-нибудь астрологъ встрѣченный Өалесомъ во время его путешествія, предсказалъ болѣе или менѣе точно извѣстное число затменій и что Өалесъ, частью провѣривъ эти предсказанія, рѣшилъ одно изъ нихъ приписать себѣ. Эта гипотеза кажется мнѣ вполне допустимой, и она подтверждаетъ рассказъ Геродота, по которому Өалесъ только предсказалъ годъ солнечнаго затменія: онъ, конечно, не рисковалъ ничѣмъ, если въ этотъ годъ *могло произойти* нѣсколько затменій. Предсказаніе доставило ему славу потому, что затменіе оказалось полнымъ.

4. *Свидѣнія Өалеса по ариѳметикѣ.*

Теперь я перейду къ рассмотрѣнію того, какія математическія свѣдѣнія могъ Өалесъ заимствовать у Египтянъ?

Относительно ариѳметики у насъ сохранилось только одно свидѣтельство. По словамъ Ямблиха („О Нибмомахъ“, 10) Өалесъ опредѣлилъ число, какъ совокупность единицъ, (эта формула стала классической въ древнемъ мірѣ), а числовую единицу — какъ

относящуюся къ отдѣльнымъ предметамъ. Ямблихъ прибавляетъ, что эти опредѣленія заимствованы у Египтянъ. Можно думать, что онъ цитируетъ въ данномъ случаѣ Евдема, такъ какъ высказанный имъ взглядъ вполне согласуется съ мнѣніемъ Аристотеля о происхожденіи отвлеченныхъ наукъ и, напротивъ, совершенно противорѣчитъ преданію, по которому Греки заимствовали ариметику у Финикіянъ.

Въ этомъ преданіи есть нѣкоторая доля истины; Греки, вѣроятно, заимствовали вмѣстѣ съ азбукой и первоначальную систему письменнаго счисленія, основанную на принципѣ сложенія и аналогичную римской, однимъ словомъ такую, которую мы находимъ съ нѣкоторыми второстепенными измѣненіями во всѣхъ греческихъ надписяхъ до III столѣтія. Эту-же систему, единственную — извѣстную грекамъ во времена Талеса, мы находимъ, тоже съ легкими измѣненіями, у Финикіянъ, въ клинообразныхъ надписяхъ и въ гіероглифахъ. Египтяне уже не пользовались ею въ гіератическомъ и демотическомъ письмѣ. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи, Греки вполне независимы отъ Египтянъ; классическая система буквеннаго счисленія составляетъ ихъ полную и неотъемлемую собственность. Впрочемъ, возникла она, вѣроятно, не раньше начала александрійскаго періода и была составлена какимъ-нибудь грамматикомъ.

Но вообще, можно признать за достовѣрное, что въ ариметикѣ Греки были учениками Египтянъ. Одинъ изъ гіератическихъ папирусовъ, разобранныхъ за послѣднее время, а именно папирусъ Риндъ (Rhind) изъ Британскаго Музея, изданный, переведенный и комментированный въ 1877 году Эйзенлоромъ, содержитъ „Руководство къ счисленію“, восходящее, вѣроятно, къ 1800 году до нашей эры.

Этотъ трудъ, списанный, повидимому, съ другого, гораздо болѣе древняго, посвященъ сравнительно простымъ ариметическимъ упражненіямъ и, конечно, не можетъ служить мѣриломъ для оцѣнки высшаго уровня математическаго образованія того времени. Нужно однако отмѣтить въ немъ два важныхъ пункта, заимствованныхъ и Греками:

1) Обычай пользованія исключительно такими дробями, у ко-

торыхъ въ числительѣ единица, за исключеніемъ дроби $\frac{2}{3}$. Въ-сто $\frac{3}{4}$, напримѣръ, говорили $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$. Этотъ обычай сохранился въ школѣ Герона и удержался до конца Византійскихъ временъ.

2) Рѣшеніе ариметическихъ задачъ первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ. Эти задачи вполне аналогичны тѣмъ, которыя, по словамъ Платона (Законы, VII, 819), употреблялись при обученіи дѣтей въ Египтѣ, а впослѣдствіи вошли въ употребленіе и у Грековъ.

Схолія къ *Хармиду* Платона, принадлежащая, повидимому, Гемину, доказываетъ, что умноженіе и дѣленіе долгое время преподавались по двумъ методамъ: египетскому и эллинскому. Съ египетскимъ методомъ мы можемъ познакомиться по труду Эйзенлора. Методъ этотъ свидѣтельствуетъ объ очень низкой степени научнаго развитія: умноженіе сводится по нему къ удвоенію и сложенію. Такъ, для того, чтобы получить произведеніе числа на 7, удваиваютъ данное число, затѣмъ произведеніе вновь удваиваютъ и складываютъ данное число съ обоими произведеніями. Подъ именемъ-же эллинскаго метода разумѣтся методъ, подобный нашему, но приложенный къ буквенному способу счисленія и, слѣдовательно, возникшій не раньше появленія послѣдняго.

Общее впечатлѣніе, получаемое изъ всѣхъ этихъ данныхъ, таково: если Талесъ и ввелъ въ Грецію кое-какіе приемы египетскаго счисленія, то лишь самыя элементарныя, хотя для народа, совершенно не знакомаго съ этой областью знанія, они несомнѣнно являлись шагомъ впередъ. Впрочемъ, среди всѣхъ этихъ свѣдѣній, не было ни одного теоретическаго изслѣдованія: преданіе не упоминаетъ о теоріи математики до временъ Пифагора и на этотъ разъ оно, вѣроятно, вполне согласуется съ истиной.

5. *Свѣдѣнія Талеса по геометріи*. Относительно состоянія геометріи у Египтянъ изъ папируса Риндъ можно почерпнуть лишь весьма скудныя свѣдѣнія. Слѣдуетъ отмѣтить: попытку приложенія пропорцій къ вычисленію твердыхъ тѣлъ, а также корень (rig-e-mus) слова пирамида ¹⁾. Но всего замѣчательнѣе самая форма изложенія проблемъ, тождественная съ тою, которою

¹⁾ Впрочемъ, египетское слово означаетъ не самое твердое тѣло, а его ребро.

пользовался Геронъ въ своихъ геодезическихъ трудахъ, откуда она перешла и къ римскимъ землебрамъ. Однако у Египтянъ приемы измѣренія земли были далеко не такъ совершенны, какъ у греческихъ ученыхъ; они пользовались иногда весьма неточными формулами, такъ напр., измѣряли площадь четырехугольника, перемножая полусуммы противоположныхъ сторонъ.

Эта формула и другія, столь-же невѣрныя, перейдя въ среднѣе вѣка черезъ посредство преемниковъ римскихъ землебравъ, продолжали существовать въ Европѣ въ элементарныхъ трактатахъ до эпохи Возрожденія. Повторяю еще разъ, мы ошиблись-бы, предположивъ, что эти формулы были приняты истинными представителями Египетской науки; но онѣ даютъ далеко не высокое понятіе и о тѣхъ знаніяхъ, которыми обладало большинство египетскихъ землебравъ; онѣ даже приводятъ насъ къ тому выводу, что геометрія въ Египтѣ еще оставалась простымъ прикладнымъ знаніемъ, измѣреніемъ земли (отсюда и ея названіе).

Мы привыкли понимать подъ геометріей совокупность умозрительныхъ теоремъ, выведенныхъ съ строгой логичностью изъ весьма ограниченаго числа аксіомъ. Но она приняла такой видъ лишь постепенно и далеко не скоро. Въ разсматриваемую эпоху геометрія представляла собою совокупность плохо связанныхъ другъ съ другомъ приемовъ, прилагавшихся къ разрѣшенію задачъ обыденной жизни; если ихъ и доказывали, то лишь на основаніи *леммъ*, которыя въ то время разсматривались, какъ очевидныя и лишь много позже были или точно доказаны, или же признаны ошибочными и отброшены.

Нѣтъ сомнѣнія, что еще до Θαλεσα въ Греціи были землебравы: культура стояла тамъ на довольно высокой степени развитія; геометрическіе вопросы были поставлены — слѣдовательно нужно было ихъ рѣшать, хорошо-ли, дурно-ли (какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, Эгруски). Свидѣтельства о геометрическихъ трудахъ Милетскаго мудреца нужно, стало быть, понимать въ томъ смыслѣ, что Θαλεсъ лишь усовершенствовалъ приемы измѣренія земли въ своей странѣ: онъ не пересадилъ изъ Египта на родную почву ни ариѳметики, ни геометріи, такъ какъ ни та, ни другая еще не существовала въ качествѣ теоретической науки; а какъ чисто

практическое искусство и арифметика и геометрія существовали вездѣ, гдѣ было учрежденіе частной собственности.

Но нигдѣ кромѣ Египта, эти техническіе приемы не имѣли литературы; они были такъ просты, что могли передаваться устно. Можетъ быть, значеніе Θαλεσα заключается въ томъ, что онъ первый въ Греціи изложилъ ихъ письменно? Это предположеніе ничѣмъ не подтверждается ¹⁾. Во всякомъ случаѣ впоследствии Евдемъ, написавшій *Исторію геометріи*, на основаніи приписанныхъ Θαλεсу двухъ-трехъ рѣшеній элементарныхъ проблемъ могъ только заключить, что послѣднему были извѣстны нѣкоторыя геометрическія теоремы, необходимыя для вывода этихъ рѣшеній. Но были-ли онѣ доказаны, или нѣтъ, — на это онъ не могъ дать рѣшительнаго отвѣта.

Если принять буквально слова Евдема, сохраненныя Прокломъ въ его „Комментаріи въ 1-ой книгѣ Евклида,“ если допустить, что Θαλεсъ самъ придумалъ приписанныя ему теоремы — тогда остается признать, что Милетскій мудрецъ, вопреки свидѣтельству самого историка, ничего не заимствовалъ у Египтянъ. Подобнымъ-же образомъ Евдемъ приписываетъ Энопиду Хиосскому (жившему на цѣлое столѣтіе послѣ Θαλεса) составленіе теоремы, столь-же элементарной, какъ и тѣ, о которыхъ мы только что упоминали. Немного спустя, Демокритъ хвалился, что онъ ни въ чемъ не уступаетъ Египетскимъ геометрамъ ²⁾; а представитель слѣдующаго поколѣнія, Платонъ, отказывалъ всѣмъ варварамъ въ эпитетѣ φιλομαθεῖς ³⁾, и признавалъ за ними превосходство только въ астрономіи, да и то лишь въ силу точности ихъ свѣдѣній, достигнутой съ помощью продолжительныхъ наблюденій. И дѣйствительно, предпринятое около этого времени путешествіе въ Египетъ Евдокса изъ Книды имѣло результатомъ заполненіе пробѣловъ эллинской астрономіи, а вовсе не дальнѣйшее развитіе геометріи,

¹⁾ Древнѣйшій греческій трактатъ о землемѣрїи написанъ, повидимому, Демокритомъ: περί γεωργίας ἢ γεωμετρικόν (Диог. Л., IX, 48).

²⁾ «Въ комбинаціи ливій и ихъ объясненіи меня никто не превзошелъ, не исключая тѣхъ Египтянъ, которыхъ называютъ *Арпедонаттами* (привязывающими веревку).» (Клим. Алекс. Strom, I). Терминъ — греческаго происхожденія.

³⁾ Республика, IV, 436 а.

которая уже стояла на вполне прочных основаніяхъ и оставила далеко позади геометрію Варваровъ.

Если такъ, то Греки, стало быть, по геометріи ничего не заимствовали у Египтянъ, тѣмъ болѣе, что нельзя отрицать несомнѣнную самостоятельность открытій Пифагора. Но подобное заключеніе преувеличено. Истина, вѣроятно, такова: если египетская геометрія и была *искусствомъ*, изъ котораго Греки сдѣлали науку, то все же Египтянамъ были извѣстны теоремы, яковы открытыя Талесомъ, или Энопидомъ.

Очевидно, Евдемъ хорошо былъ знакомъ по преданіямъ пифагорейцевъ съ трудами великой математической школы, открытіями которой воспользовались геометры-академики. Но относительно Энопида, тоже основавшаго въ Хиосѣ школу менѣе извѣстную, но просуществовавшую довольно долго, относительно Талеса, преемники котораго не занимались математикой—у него были весьма скудные свѣдѣнія. Напрасно старается онъ поддерживать иллюзію, выводя изъ имѣющихся у него данныхъ точныя слѣдствія, возстановляя даже архаическія выраженія—ему удается начертать лишь весьма неполную картину происхожденія наукъ, картину, которою, слѣдовательно, пользоваться нельзя.

Вообще, онъ не знаетъ въ точности, каковы были познанія Талеса по математикѣ. По нѣкоторымъ вопросамъ послѣдній, вѣроятно, зналъ больше, чѣмъ можно заключить на основаніи трудовъ Евдема, по другимъ — меньше, чѣмъ обыкновенно утверждаютъ; но въ дѣйствительности, нѣтъ указаній на то, чтобы онъ превзошелъ Египтянъ, или выказалъ себя гениальнымъ изобрѣтателемъ. Утверждать, что существуетъ теорема Талеса, подобно тому какъ есть теорема Пифагора, вообще — приписывать древнимъ „принципы ихъ выводовъ“, или „выводы изъ ихъ принциповъ“, — это значитъ оставлять твердую почву и устремляться въ безграничную область догадокъ. И такъ слишкомъ часто приходится прибѣгать къ предположеніямъ при заполненіи пробѣловъ, оставляемыхъ историческими свидѣтельствами, или при истолкованіи послѣднихъ, если они двусмысленны. Намъ-же нужно лишь установить моментъ проявленія самостоятельнаго творчества Эллиновъ въ области математики, творчества, начавшагося на почвѣ сдѣ-

ланныхъ у Египтянъ заимствованій. Но труды, приписываемые Пифагору, носятъ чисто теоретическій характеръ и замѣтно превышаютъ уровень знаній Египтянъ; у Фалеса-же мы не находимъ ничего подобнаго; между тѣмъ, Фалесъ и Пифагоръ отдѣлены другъ отъ друга такимъ незначительнымъ промежуткомъ времени, что нѣтъ нужды предполагать между ними посредника. Отсюда уже не трудно вывести надлежащее заключеніе.

6. *Свѣдѣнія Фалеса по астрономіи; его метеорологическія предсказанія.* Итакъ, въ геометріи Фалесъ былъ лишь ученикомъ Египтянъ; превзошелъ-ли онъ ихъ въ астрономіи?

Судя по отрывку, сохраненному намъ Теономъ Смирскимъ (Astronom. p. 332), Евдемъ приписывалъ Фалесу не только предсказаніе солнечныхъ затменій, но и открытіе измѣненій въ ежегодномъ круговомъ движеніи солнца. Мнѣ не зачѣмъ возвращаться къ первому пункту, достаточно подтвержденному историческими свидѣтельствами: въ предыдущей главѣ я уже постарался дать ему надлежащую оцѣнку. Что-же касается второго пункта, то онъ, вѣроятно, выведенъ Евдемомъ на основаніи сочиненія „*О солнцестояніи и равноденствіи*“ (Диог. Л. I, 23, ср. 34), содержащаго не болѣе 200 стиховъ и приписывавшагося болѣе или менѣе основательно Фалесу, сочиненія, которое во всякомъ случаѣ можно было считать изложеніемъ доктрины послѣдняго.

Точное значеніе занимающаго насъ текста (τῆν κατὰ τὰς τροπὰς περίοδον, ὡς οὐκ ἴση ἀεὶ συμβαίνει) не вполне ясно. Мартенъ видитъ въ немъ указаніе на неодинаковую продолжительность тропического года — ошибочное мнѣніе, къ которому пришли въпослѣдствіи многіе древніе астрономы въ силу неточности своихъ наблюденій. Но у насъ нѣтъ другихъ указаній на то, чтобы этотъ вопросъ былъ поднятъ до Евдема; да врядъ-ли и самъ онъ счелъ-бы его однимъ изъ существенныхъ открытій въ астрономіи. Скорѣе можно предположить, что въ данномъ текстѣ рѣчь идетъ о неравенствѣ въ продолжительности четырехъ астрономическихъ временъ года, то есть четырехъ частей тропического года, получившихся отъ раздѣленія послѣдняго солнцестояніями и равноденствіями, — это важный фактъ, прямо указывающій на аномалію въ движеніи солнца.

Въ „Трудахъ и Дняхъ“ Гезіодъ послѣдовательно описываетъ восхожденіе и закатъ главнѣйшихъ созвѣздіи втеченіе года и тутъ-же вставляетъ солнцестоянія. По этимъ-то явленіямъ Греки и различали времена года; они распредѣляли по нимъ свои различныя занятія; принятый ими лунный годъ, къ тому же еще не точно установленный, конечно не могъ служить для этихъ цѣлей. Уже Гезіодъ указываетъ нѣсколько промежутковъ между астрономическими явленіями. Я думаю, что Өалесъ въ своей поэмѣ дополнилъ эти свѣдѣнія и сверхъ того установилъ такимъ же способомъ время равноденствій, о которыхъ Гезіодъ не говорилъ. Тогда стало яснымъ неравномѣрное распредѣленіе въ году солнцестояній и равноденствій, что послужило для Евдема основаніемъ приписать Өалесу предсказаніе солнцестояній (Диог. Л. I, 23). Это объясненіе согласуется со свидѣтельствомъ Плинія (XVIII, 25), по которому Өалесъ опредѣлилъ, что утреннее восхожденіе Плеядъ происходитъ на 25-ый день послѣ весеняго равноденствія.

Такого рода труды — настоящіе альманахи, если смотрѣть на нихъ съ практической точки зрѣнія — долгое время сильно занимали греческихъ астрономовъ. Каждый изъ нихъ оставлялъ свой „*паранегмъ*“, какъ начали говорить съ V вѣка. До насъ дошли отъ этихъ трудовъ многочисленные отрывки; самые полные изъ нихъ собраны въ концѣ „Введенія къ явленіямъ“ (Εἰσαγωγή εἰς τὰ φαίνομενα) Гемина. Къ этимъ „*паранегмамъ*“ обыкновенно прибавлялись метеорологическія предсказанія: вѣтры, дожди, грозы были заранѣе назначены на тотъ или другой день звѣзднаго года. Періодъ пассатовъ опредѣленъ уже у Гезіода. Были и болѣе смѣлыя попытки.

Не пошелъ ли и Өалесъ по этому пути? Всѣ данныя подтверждаютъ это предположеніе. Оно подкрѣпляется и хорошенькимъ рассказомъ Апулея (Flor. IV, 18), особенно цѣннымъ своими подробностями. Во всякомъ случаѣ, таковы были требованія, которыя предъявляли древніе къ астроному; неужели-же первый изъ греческихъ астрономовъ былъ исключеніемъ изъ общаго правила?

Халдейскіе астрологи, какъ извѣстно, пошли гораздо дальше: они ставили въ связь съ расположеніемъ свѣтилъ не только атмосферныя явленія, но и политическія событія. Ихъ заблужденія, примѣ-

шавшія въ послѣдствіи къ античной наукѣ, были неизвѣстны Грекамъ до эпохи завоеваній Александра; но предсказаніе погоды уже было главной задачей астрономовъ эллинскаго періода. Наша метеорологія еще и теперь такъ мало ушла впередъ, что мы не имѣемъ права порицать эти первыя безплодныя попытки; намъ скорѣе слѣдуетъ задаться вопросомъ, принадлежитъ-ли Грекамъ самая мысль о предсказаніи метеорологическихъ явленій на основаніи астрономическихъ?

7. Птоломей въ своей книгѣ „*Φάσεις ἀπλανῶν ἀστέρων*“ (фазы неподвижныхъ звѣздъ) среди ссылокъ на нѣкоторыхъ авторовъ параземъ приводитъ не мало предсказаній погоды, сдѣланныхъ „по Египетскому образцу“. Этого достаточно, чтобы убѣдить насъ въ томъ, что Фалесъ могъ найти на берегахъ Нила образецъ для своего труда, если только послѣдній соотвѣтствовалъ нашему представленію о немъ.

Никакихъ сомнѣній по этому поводу возникнуть не можетъ, такъ какъ въ достаточной мѣрѣ извѣстно, что египетская наука очень рано остановилась въ своемъ развитіи.

Египтяне, конечно, были способны приблизительно опредѣлить время солнцестояній и равноденствій; да и разница между продолжительностью различныхъ временъ астрономическаго года настолько велика, что они легко могли ее замѣтить. Это и были, вѣроятно, тѣ истинно-научныя свѣдѣнія, которыя Фалесъ вынесъ изъ своего путешествія въ Египетъ. Я не стану останавливаться на томъ странномъ фактѣ, что легенда не признаетъ за Фалесомъ знакомства съ практическими средствами, необходимыми для совершенія приписываемаго ему открытія. Несомнѣнно, что гномонъ былъ извѣстенъ въ Греціи еще до Анаксимандра. Я не сомнѣваюсь, что Фалесъ былъ знакомъ съ его примѣненіемъ, равно какъ и съ употребленіемъ клепсидры; а примѣнялись эти инструменты какъ разъ къ опредѣленію солнцестояній и равноденствій; и Фалесъ не придумалъ этого примѣненія, а научился ему.

Свидѣтельство Плинія даже наводитъ насъ на предположеніе, что Фалесъ слишкомъ точно скопировалъ свой образецъ. Время восхожденія и заката звѣздъ неодинаково въ Египтѣ и въ Греціи. Промежутокъ въ 25 дней между весеннимъ равноденствіемъ и

утреанимъ восхожденіемъ Плеядъ можетъ быть наблюдаемъ лишь въ странѣ, лежащей гораздо южнѣ Милета. Этотъ промежутокъ былъ увеличенъ Анаксимандромъ на 4 дня, для Аѳинъ-же онъ былъ опредѣленъ Евктемономъ, современникомъ Метона—въ 44 дня, а Евдоксомъ въ 48.

Опредѣливъ продолжительность года въ 365 дней (Диог. Л., I, 27), Фалесъ конечно заимствовалъ у Египтянъ ихъ измѣнчивый солнечный годъ. Повидимому, онъ взялъ у нихъ и 30-ти дневный мѣсяцъ, хотя у Грековъ уже былъ въ ходу лунный мѣсяцъ, сохраненный ими и впоследствии.

Милетскій ученый опредѣляетъ діаметръ солнца въ $\frac{1}{720}$ часть пути, проходимого этимъ свѣтиломъ (Диог. Л., I, 24; ср. Апулей, I с.) (это примѣчаніе было, конечно, помѣщено въ томъ-же трактатѣ); Клеомедъ-же сохранилъ намъ тотъ элементарный приѣмъ, посредствомъ котораго Египтяне нашли этотъ размѣръ.

Въ схолии къ Арату мы находимъ еще нѣсколько точныхъ указаній на астрономическія свѣдѣнія Фалеса. Онъ признавалъ лишь двѣ Гіады, тогда какъ впоследствии ихъ насчитали до семи. Кромѣ того онъ замѣтилъ, что Малая Медвѣдица точнѣе опредѣляетъ положеніе сѣвернаго полюса, чѣмъ Большая. Каллимахъ считаетъ, что послѣдняя данная заимствована у финиійскихъ мореплавателей; онъ вѣроятно нашелъ ее въ поэмѣ „Морская Астрологія“, которую одни приписываютъ Фалесу, а другіе — Фокву Самосскому.

Если эта поэма и отличалась отъ трактата „*О солнцестояніи и равноденствіи*“, содержаніе котораго мы пытались восстановить, то вѣроятно лишь кое-какими замѣтками о созвѣздіяхъ и нѣкоторыми метеорологическими предсказаніями, аналогичными тѣмъ, которыя мы находимъ въ концѣ „*Феноменовъ*“ Арата. Но кто-бы ни былъ авторъ этой поэмы, крайне ограниченное число ссылокъ на нее позволяетъ думать, что она была рано утеряна и никогда не попадала въ руки тѣхъ древнихъ авторовъ, которые о ней упоминали.

8. *Чего Фалесъ не могъ знать?* Общее заключеніе, которое можетъ быть выведено изъ разсмотрѣнія всей совокупности достовѣрныхъ источниковъ, таково: свѣдѣнія Фалеса по астрономіи стояли нѣсколько выше его арифметическихъ и геометрическихъ

познаній; и дѣйствительно, опредѣленіе временъ астрономическаго года и измѣреніе солнечнаго діаметра требуютъ наблюденій уже чисто научнаго характера. Но несмотря на легенду объ *астрологѣ и колодѣ*, которая изображаетъ намъ Өалеса лично занимающимся астрономическими наблюденіями (впрочемъ безъ помощи инструментовъ), на самомъ дѣлѣ онъ, должно быть, не этимъ путемъ содѣйствовалъ прогрессу астрономіи; вѣроятно онъ распространялъ въ Греціи при помощи своихъ стиховъ свѣдѣнія чисто практическаго характера, собранныя имъ во время путешествій. Наконецъ, если тѣ немногія свѣдѣнія по отвлеченной математикѣ, которыя Өалесъ внесъ въ Грецію, и оказались достаточными для того, чтобы послѣ него Грекамъ уже не было серьезной нужды прибѣгать къ Египтянамъ, зато онъ, по всей вѣроятности, далеко не исчерпалъ всего запаса астрономическихъ знаній, собраннаго въ Египтѣ цѣною долгихъ наблюденій.

По правдѣ сказать, трудно опредѣлить въ точности, что зналъ Өалесъ; можетъ быть легче указать то, чего онъ не зналъ.

Если вѣрить греческимъ доксосографамъ греко-римскаго періода, то Өалесъ и его ученики уже владѣли всѣми тѣми свѣдѣніями, которыя получили распространеніе только въ IV вѣкѣ до Р. Х. Өалесъ, по ихъ мнѣнію, опередилъ всѣхъ, предварилъ всѣ важнѣйшія открытія, — словомъ, послѣ него уже ничего не оставалось дѣлать. Подобныя утвержденія безусловно ошибочны; если нѣкоторыя изъ этихъ ошибокъ неважны, то другія непременно должны быть отмѣчены.

Такъ, напримѣръ, можно еще, пожалуй, утверждать (12)¹⁾, что Өалесъ имѣлъ болѣе или менѣе ясное представленіе объ астрономическихъ поясахъ: меридіанѣ, зодіакѣ, экваторѣ, тропикахъ, арктическомъ кругѣ²⁾; но нужно обратить вниманіе на то, что Евдемъ прямо приписываетъ Энопиду, жившему почти на цѣлое

¹⁾ Поставленныя въ скобкахъ цифры указываютъ на соответствующіе параграфы доксосографіи, приложенной въ концѣ книги.

²⁾ Древніе называли этимъ именемъ не нашъ арктический поясъ, а небесный кругъ, измѣняющійся сообразно географической широтѣ, и ограничивающій поясъ постоянно видимыхъ звѣздъ отъ тѣхъ, которыя заходятъ и восходятъ; антарктической противоположенъ первому и служитъ границей невидимыхъ звѣздъ.

столѣтіе позже Фалеса, первое точное описаніе зодіака и что во времена Фалеса созвѣздія только что еще получили свои названія. Съ другой стороны, различеніе небесныхъ поясовъ и установленіе точнаго понятія объ астрономическихъ кругахъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, школѣ Пифагора, распространились-же эти понятія вѣроятно не раньше какъ чрезъ поэму Парменида; самое представленіе объ антарктическомъ кругѣ предполагаетъ понятіе о шаровидности земли; а это понятіе, вопреки мнѣнію доксографовъ (13), никогда не было достояніемъ Іонійской школы. Фалесъ долженъ былъ представлять себѣ землю въ видѣ плоскаго диска, если судить на основаніи міропредставленія всѣхъ его послѣдователей, въ томъ числѣ и Анаксагора.

По свидѣтельству Аристотеля и Теофраста (2) (5), этотъ плоскій кругъ плавалъ на поверхности первичной воды; слѣдовательно, Фалесъ не думалъ, что свѣтила продолжаютъ свой круговой путь надъ горизонтомъ; по его мнѣнію, они должны двигаться вдоль края земного диска. У Аристотеля мы находимъ очень ясный намекъ на это мнѣніе, а Мимнермъ еще раньше излжилъ его въ своихъ стихахъ. Итакъ, нельзя утверждать, что, по мнѣнію Фалеса, земля находится въ центрѣ (13); какъ говоритъ Евдемъ, Анаксимандръ первый уединилъ ее и помѣстилъ въ центрѣ міра.

Придавъ землѣ цилиндрическую форму, Фалесъ не могъ считать шарообразными солнце и луну. Если онъ дѣйствительно училъ, что эти свѣтила землистаго состава (13), то вѣроятно придавалъ имъ или форму диска (мнѣніе Анаксимена), или видъ круглой чаши (взлядъ Гераклита), могущихъ поворачиваться къ намъ своей неосвѣщенной стороной.

Итакъ, Фалесъ не могъ иначе объяснять ни затменій, ни лунныхъ фазъ; мнѣ не за чѣмъ возвращаться снова къ его незнацію дѣйствительныхъ причинъ этихъ явленій.

Анаксимандръ первый¹⁾ размышлялъ о разстояніяхъ между свѣтилами; Фалесъ же долженъ былъ считать всѣ свѣтила одинаково удаленными отъ земли. Слѣдовательно, солнце, по его мнѣнію, находилось у предѣловъ міра — этого мнѣнія твердо держа-

¹⁾ Симплицій, «De coelo», fol. 115 a. по Эвдemu.

лись всё Іонійцы; Архимедъ-же говоритъ, что еще въ его время оно было ходячимъ среди астрономовъ.

Наконецъ, Ѡалесъ еще не интересовался планетами, т. е. тождественность утренней и вечерней звѣзды была признана лишь во времена Пифагора, а распространилось это открытіе благодаря Ивику, или-же Пармениду.

9. *Возстановленіе космологической системы Ѡалеса.* Чтобы возстановить при помощи всѣхъ перечисленныхъ данныхъ, — какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ, — міропредставленіе Ѡалеса, достаточно прибавить еще одну черту: извѣстный взглядъ Ѡалеса на воду, какъ на первоначало вещей. Надо однако замѣтить, что для Іонійцевъ первоначало — не просто первичный элементъ: оно наполняетъ и пространство, лежащее за предѣлами нашего міра, который зародился въ нѣдрахъ первовещества.

А если такъ, то мы неизбѣжно приходимъ къ слѣдующему міропредставленію: вселенная есть ничто иное, какъ жидкая масса, которая заключаетъ въ себѣ большой воздушный пузырь, имѣющій форму полушарія; вогнутая поверхность этого пузыря — наше небо; на нижней плоской поверхности наша земля плаваетъ на подобіе пробки; небесные боги плаваютъ въ закругленныхъ свѣтящихся ладьяхъ то по небесному своду (тогда ладьи обращены къ намъ своей вогнутой стороною), то вокругъ земного диска (тогда свѣтила не видны намъ).

Я не утверждаю, что Ѡалесъ именно такъ представлялъ себѣ вселенную. Онъ, повидимому, не изложилъ въ точности своихъ мнѣній по этому вопросу (уже Аристотель говоритъ объ его мнѣніяхъ по преданію); а можетъ быть, они и не принимали никогда опредѣленной формы. Но указанное мною представленіе вселенной составляетъ логическій выводъ изъ мнѣній, завѣдомо принадлежавшихъ Ѡалесу и легшихъ въ основаніе всей іонійской философіи; слѣдовательно, можно сказать, что подобное представленіе по крайней мѣрѣ должно было мелькать въ воображеніи Ѡалеса, тѣмъ болѣе, что оно вполне согласуется со свѣдѣніями, перенесенными имъ въ Грецію.

Возстановленное-же мною міропредставленіе вполне тождественно съ тѣмъ, которое мы находимъ въ древнѣйшихъ папирусахъ Египта.

„Въ началѣ былъ *Ну*, первобытная жидкая масса, въ безпредѣльныхъ глубинахъ которой плавали смѣшанные зачатки всѣхъ вещей. Когда заблестало солнце, поверхность земли стала плоской и воды раздѣлились на двѣ различныя массы: одна произвела рѣки и Океанъ, другая повисла въ воздухѣ и образовала небесный сводъ, „*верхнія воды*“, по которымъ поплыли свѣтила и боги, увлекаемые вѣчнымъ теченіемъ. Медленно скользитъ солнце, стоя въ своей священной ладьѣ, прочной ладьѣ, свидѣтельница тысячелѣтій. За нимъ слѣдуетъ, сопровождая его, рать младшихъ боговъ, Авиму-Орду (планеты) и Авиму-Секу¹⁾, неподвижныя звѣзды“.

Это міропредставленіе во многихъ отношеніяхъ еще совершенно первобытно. Очень возможно, что во времена Фалеса Египетскіе жрецы уже оставили его и применили къ ученію Халдеевъ, подобно тому, какъ послѣ завоеваній Александра они усвоили греческую науку. Но какова-бы ни была научная революція, происшедшая въ святилищахъ Геліополиса, или Фивъ — ходячія мнѣнія, вѣроятно, не измѣнились, а ихъ-то легче всего и могъ усвоить Фалесъ.

10. Итакъ, мы пришли къ заключенію, что Фалесъ перенесъ въ Грецію не только практическія свѣдѣнія Египтянъ по землѣмѣрью и астрономіи, но и наиболѣе распространенныя у послѣднихъ космологическія понятія. Но прежде чѣмъ принять этотъ выводъ, необходимо разсмотрѣть, не почерпнулъ-ли Фалесъ основные элементы своей системы изъ другихъ источниковъ, а въ особенности изъ греческихъ.

Послѣдняго взгляда придерживается Аристотель, который не зналъ, конечно, египетской космологіи. Онъ сближаетъ взглядъ Фалеса на воду какъ на первоначало съ древними мѣрами, въ которыхъ Океанъ и Теида являются родоначальниками всего существующаго; но въ дѣйствительности, эти мѣры основаны на нѣсколькихъ, довольно неясныхъ, стихахъ изъ Гомера. Если въ стихѣ, приведенномъ Аристотелемъ (Иліада, XIV, 201),

Ἐκεῖνον τε, Θεῶν γένεσιν, καὶ μητέρα Τηθῶν

и говорится о томъ, что Океанъ и Теида породили божества, Рѣки и Океаниды, то эпитетъ Θεῶν γένεσιν вовсе не означаетъ

¹⁾ Maspéro, «Histoire ancienne des peuples de l'Orient;» p. 27—30.

того, чтобы Океанъ былъ родоначальникомъ всѣхъ боговъ, подобно тому какъ эпитетъ Зевса *πατήρ ἀνδρῶν τε Θεῶν τε*, не присваиваетъ послѣднему порожденія всѣхъ боговъ и всѣхъ людей.

Космологія Гезіода и Гомера основаны, въ дѣйствительности, на совершенно иныхъ представленіяхъ; первоначальна въ нихъ — земля. Каково-бы ни было первичное значеніе мѣа объ Океанѣ (круглая форма, крылатый конь, упоминаемые у Эсхила, какъ будто указываютъ на то, что онъ служилъ эмблемой времени), но для нихъ онъ только рѣка. Правда, онъ отецъ всѣхъ другихъ рѣкъ; но и у него два берега, и черезъ него можно переѣхать. Что-же касается неба, то оно — твердый сводъ (изъ мѣди), какъ у Финикіянъ; оно покоится на Атласѣ, солнце и луна разбѣзжаютъ по нему въ колесницахъ.

Впрочемъ, эти представленія вовсе не противорѣчатъ легендѣ, по которой свѣтила омываются въ Океанѣ, обновляя въ немъ свой блескъ.

Конечно, можно считать, что эпитеты *γαῖροχος*, *εἰνοσυαῖος* (земледержецъ, колебатель земли), даваемые Посейдону, связаны съ представленіемъ о землѣ, плавающей на водѣ и сотрясающейся при волненіи послѣдней; въ то-же время можно думать, что Талесъ придерживался именно такого объясненія землетрясеній¹⁾.

Но эти эпитеты слишкомъ неопредѣленны для того, чтобы составить вѣское доказательство; ясно, что чудовищная сила разъяренныхъ волнъ должна была сильно поразить воображеніе народа мореплавателей, который и увидѣлъ въ ней причину землетрясеній.

Только въ одномъ мѣѣ нахожу я дѣйствительную аналогію съ „ладьей Сехти“ Египтянъ, или съ полыми чашами Гераклита: а именно, въ мѣѣ о золотой чашѣ, въ которой Солнце плаваетъ ночью по Океану и которою Гераклъ пользуется для переправы. Однако нужно замѣтить, что первые поэты, у которыхъ мы встрѣ-

---

¹⁾ Тутъ будетъ кстати припомнить извѣстный текстъ изъ папируса Кабаса: *«Земля плаваетъ согласно своему желанію»*, въ которомъ усматриваютъ указаніе на вѣрованіе въ движеніе земли, якобы существовавшее въ Египтѣ. Эта мысль, въ чисто-восточномъ духѣ, обращенная къ могущественному владыкѣ, жившему до построенія пирамидъ, можетъ быть намекаетъ на землетрясенія; во всякомъ случаѣ, изъ этого текста ясно видно, что земля представлялась Египтянамъ въ видѣ диска, плавающего по водѣ.

часъ этотъ миѳъ — Стесихоръ, Мимнермъ, Ферекидъ — всѣ принадлежать ко времени Талеса и, слѣдовательно, жили уже послѣ установленія сношеній между Греціей и Египтомъ. Всякій, кто читалъ Геродота, знаетъ, что Эллины раньше всего заимствовали съ береговъ Нила религіозныя миѳы — и происхожденіе разбираемаго миѳа только и можетъ быть объяснено такимъ способомъ.

Своеобразный характеръ космологическихъ представленій Египтянъ является рѣшительнымъ доводомъ въ пользу вывода космологіи Талеса исключительно изъ этихъ представленій. Своеобразность послѣднихъ становится еще очевиднѣе при сравненіи ихъ съ міропредставленіемъ Халдеевъ.

Для Халдеевъ земля — круглая, опрокинутая чаша, снизу полая и покоящаяся на безднѣ. Небесный сводъ „распростертъ надъ нею, какъ шатеръ“ ¹⁾, по которому раскинутъ богатый узоръ созвѣздій,

„Подобныхъ золотымъ гвоздямъ, забитымъ въ черное суево“.

Этотъ шатеръ вѣчно вращается надъ цѣпью горъ, расположенною на крайнихъ предѣлахъ земли, за рѣкою Океаномъ. Между небомъ и землею вращаются среди облаковъ, вѣтровъ, грома, дождей — семь планетъ; это — громадныя существа, одаренныя жизнью: Самасъ (солнце), Сивъ (луна), Адаръ Самданъ (Сатурнъ), Мардукъ (Юпитеръ), Нергалъ (Марсъ), Истаръ (Венера), Набу (Меркурій).

Въ этой космогоніи можно найти наряду съ чертами, общими ей и первоначальнымъ вѣрованіямъ Эллиновъ, и такія особенности, которыя впоследствии были, повидимому, заимствованы Анаксименомъ; но въ ней нѣтъ ничего общаго съ міропредставленіемъ, приписаннымъ нами Талесу. Нѣтъ въ ней и ничего общаго съ египетской космологіей, которая, встаетъ сказать, во многомъ уступаетъ халдейской, такъ какъ въ послѣдней суточное вращеніе небесной сферы ясно отличено отъ движеній планетъ.

11. *Остальные взгляды Талеса.* Среди мнѣній, съ достаточной достовѣрностью приписываемыхъ Талесу, нашего вниманія заслуживаетъ еще слѣдующее: „все наполнено богами“ — какъ пе-

---

¹⁾ Масперо, стр. 142 и слѣд.

редаеть его Аристотель, или „міръ одушевленъ и наполненъ божествами“, какъ формулируетъ его Діогенъ Лаэртскій. Истинное значеніе этого выраженія опредѣляется тѣмъ фактомъ, что Өалесъ приписываетъ живую душу не только растеніямъ, но и янтарю, или магниту, чтобы объяснить силу притяженія, свойственную этимъ тѣламъ.

Это представленіе о двигательной силѣ не носитъ на себѣ печати какого-либо особеннаго происхожденія; его можно встрѣтить всюду, и дикарю чуждо всякое другое. Это потому, что такое представленіе свойственно человѣку; и когда оно вызываетъ въ насъ улыбку, мы не сознаемъ, что вѣдь, въ сущности, и мы сами еще не освободились отъ него, что оно скрывается, хотя и замаскированное, подъ тѣми представленіями, которыя мы считаемъ самыми отвлеченными, а слѣдовательно и строго-научными.

Для насъ не лишнимъ будетъ отмѣтить, что Египтяне такъ и не поднялись выше этой первобытной ступени: подтвержденіемъ этого могутъ служить нѣкоторые изъ ихъ медицинскихъ взглядовъ (Масперо, стр. 82, 85). Вообще, и въ данномъ вопросѣ Өалесъ, повидимому, не отклонился отъ мнѣній, общепринятыхъ у Египтянъ.

Можно было-бы найти во взглядахъ послѣднихъ и другія сходныя черты съ наиболѣе знаменитыми догматами греческой философіи. Впослѣдствіи, говоря о Гераклитѣ, мы укажемъ еще нѣсколько заимствованій, сдѣланныхъ Греками у Египтянъ; однако, нужно остерегаться увлеченій и на этомъ пути.

Напримѣръ, лишь недавно стало извѣстнымъ, что нельзя до вѣрять одному изъ самыхъ распространенныхъ еще въ древніе вѣка мнѣній: а именно, мнѣнію о происхожденіи метампсихозы изъ Египта. Греки считали за воплощеніе этого понятія фигуры, покрывающія египетскіе памятники. Но они ошибались: эти фигуры — символическія изображенія, уподобленіе „*Khou*“ различнымъ божествамъ, имѣющимъ образъ животныхъ, или растеній. На это, можетъ быть, скажутъ, что и самъ Пифагоръ впалъ въ такую-же ошибку; согласиться съ этимъ — и значитъ признать, что идея метампсихозы принадлежитъ ему.

Если уж непременно хотятъ приписать этому пресловутому догмату варварское происхожденіе, то лучше связать его съ орфическими обрядами и искать на сѣверѣ Фракіи, у Гетовъ (пользуясь при этомъ разсказами Геродота о Замолксисѣ, считавшемся богомъ солнца), или у Киммерійцевъ (т. к. переселеніе душъ — постоянный догматъ религіи Кимрисовъ) ¹⁾.

Съ другой стороны нельзя отрицать, что различіе у Египтянъ разумнаго начала (*Khou*), истиннаго божественнаго духа, отъ души (*ba*), духа жизни (*nivou*), имѣетъ странное сходство съ платоновскимъ ученіемъ, но нельзя поэтому приписывать данному ученію иноземнаго происхожденія. Въ IV вѣкѣ эллинская мысль уже безъ сомнѣнія сознаетъ себя; она глубоко вѣритъ въ свои силы; лишь въ послѣдствіи ей придется потерять эту вѣру и безуспѣшно искать источника жизни въ мертвомъ прахѣ древнихъ варварскихъ вѣрованій. Платонъ можетъ быть и зналъ египетскія вѣрованія, близкія его собственнымъ понятіямъ; но послѣднія тѣмъ не менѣе остаются истиннымъ плодомъ его генія. Во времена Эалеса положеніе дѣла было совершенно иное: самостоятельное творчество эллинской расы готово было проявиться, но эллинскій геній еще не сознавалъ себя; онъ оцупью искалъ вокругъ себя матерьяла, какъ-бы не рѣшаясь извлечь что-нибудь изъ собственной глубины. Повторяю, что такимъ путемъ Греки собрали не много иноземныхъ свѣдѣній. Эалесъ не перенесъ изъ Египта ни ариметики, которую нельзя свести къ нѣсколькимъ неточнымъ приемамъ счисленія, ни геометріи, т. е. наука, называвшаяся въ то время этимъ именемъ, теперь понимается нами совершенно иначе; ни астрономіи, такъ какъ послѣдняя не исчерпывается нѣсколькими разрозненными наблюденіями, да кое-какими практическими свѣдѣніями, пригодными для календаря; ни философіи, какъ ее понимали Іонійцы, ибо грубыя космогоническія и физическія представленія нельзя смѣшивать съ философіей.

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что Артемида (Артимпаза) — сѣверная богиня, почитавшаяся у Фракійцевъ (Бендись) и у Тавро-Скивовъ. Аполлонъ, вѣроятно, такого-же происхожденія. Достоверно извѣстно, что Эллы находились съ очень древнихъ временъ въ сношеніяхъ съ народами, жившими на берегахъ Чернаго моря; со времени похода Дарія сношенія эти были порваны и въ послѣдствіи возобновились лишь отчасти.

При разсмотрѣніи взглядовъ Анаксимандра, которымъ мы посвящаемъ слѣдующую главу, чувствуется большая разница съ взглядами Фалеса. Анаксимандръ первый пытается дать механическое объясненіе устройству вселенной, первый поднимаетъ вопросъ о веществѣ міра и о судьбахъ послѣдняго — вѣчные вопросы, и до сихъ поръ еще не разрѣшенные. Это первый свободный полетъ эллинской мысли; сѣмя упало на плодородную почву, эллинской мысли было суждено жить и расти.

ГЛАВА IV.

Анаксимандръ Милетскій.

1. *Анаксимандръ, какъ ученый.* Нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что, кромѣ Аристотеля, всѣ авторы, у которыхъ встрѣчаются цитаты изъ Анаксимандра, знали только изъ вторыхъ рукъ отрывки сочиненiя, написаннаго имъ „о природѣ“. Однако, это сочиненiе еще было въ рукахъ хронографа Аполлодора Аѣинскаго, который вычиталъ изъ него, что автору было 64 года и опредѣлилъ путемъ сопоставленiя съ другими данными время написанiя этого сочиненiя: Ол. 58, 2 = 547 г. до Р. X. Въ это время прошло не болѣе 12 лѣтъ со смерти Thalеса, а потому вполне естественно было предположить между обоими согражданами, несомнѣнно знавшими другъ друга, отношенiя ученика и учителя. Но это измышленiе писателей позднѣйшихъ временъ основано на перенесенiи современныхъ имъ нравовъ въ эпоху, чуждую послѣднимъ. Конечно, Ioniйцы усваивали знанiя своего времени, а потому вполне правильно приписывать каждому изъ нихъ свѣдѣнiя, которыми уже владѣлъ его предшественникъ; однако, какъ мыслители, они были вполне обособлены и независимы другъ отъ друга и, если и имѣли учениковъ, то уже послѣ смерти, благодаря своимъ сочиненiямъ, получившимъ распространенiе на почвѣ Греции во времена софистовъ. Такъ, напримѣръ, Гиппонъ взялъ идею Thalеса о первичномъ значенiи воды и пытался защищать ее противъ другихъ ученiй, явившихся къ тому времени, посредствомъ аргументовъ, которые Thalесу и въ голову не приходили, но будутъ отнесены доксографами на его счетъ.

Во всякомъ случаѣ сочиненiе Анаксимандра не было смѣлой попыткой молодого человѣка, но скорѣе завершенiемъ жизненнаго

поприща, о которомъ мы знаемъ очень мало. Элиенъ (въ III в. нашей эры) сообщаетъ намъ только, что Анаксимандръ вывелъ колонію въ Аполлонію Фракійскую, а Фаворинъ (во II в.), что онъ устроилъ гномонъ въ Лакедемонѣ. Мы ни чѣмъ не гарантированы отъ того, что первое извѣстіе основано на смѣшеніи Анаксимандра съ одноименнымъ лицомъ, такъ какъ это имя существовало въ Милетѣ и до и послѣ Анаксимандра. Второе находится въ противорѣчій съ извѣстіемъ болѣе древняго писателя — Плинія, который прямо приписываетъ устройство гномона въ Лакедемонѣ Анаксимену.

2. *Гномонъ и солнечные часы древнихъ.* Не бесполезно будетъ дать по этому поводу нѣкоторыя указанія относительно гномоники древнихъ. Инструментъ, отъ котораго эта отрасль знанія получила свое названіе, представлялъ собою обыкновенный вертикальный стержень, установленный на горизонтальной плоскости. Наблюденіе самой короткой тѣни этого стержня на горизонтальной плоскости давало возможность опредѣлять страны свѣта, истинный полдень, время солнцестояній; лѣтнее солнцестояніе служило у Грековъ для опредѣленія начала года. Вмѣстѣ съ элементарными геометрическими свѣдѣніями гномонъ былъ достаточенъ также для опредѣленія равноденствій, наклонности эклиптики и высоты полюса для мѣста, гдѣ онъ былъ поставленъ; позднѣе онъ послужилъ для доказательства шарообразности земли.

Этотъ инструментъ былъ извѣстенъ Іонійскимъ грекамъ навѣрное еще до Анаксимандра. Не говоря уже о Фалесѣ, преданіе приписываетъ Ферекиду Сирскому устройство гномона на Делосѣ. Съ другой стороны Геродотъ прямо говоритъ, что гномонъ, *polos* и дѣленіе сутокъ на 12 частей были заимствованы Греками у Вавилонянъ.

Polos, существенно отличавшійся отъ гномона, представлялъ собою солнечные часы. Но эти примитивные часы вовсе не были похожи на наши. Они представляли собою вогнутое полушаріе, имѣвшее своимъ центромъ оконечность указателя; ежедневно, тѣнь этой оконечности описывала дугу круга, параллельную экватору и легко было раздѣлить эти параллели, предположивъ ихъ продолженными, на 12 или 24 равныхъ части. Устройство подобныхъ

часовъ могло представлять нѣкоторыя практическія трудности, но ни устройство, ни изобрѣтеніе ихъ не требовало никакихъ математическихъ вычисленій. Чтобы изобрѣсти эти солнечныя часы достаточно было имѣть ясное понятіе о видимомъ суточномъ движеніи солнца.

Образчики такихъ сферическихъ часовъ сохранились до нашего времени ¹⁾. Древніе не знали другихъ часовъ до самаго изобрѣтенія плоскихъ солнечныхъ часовъ Аристархомъ Самосскимъ (III в. до Р. X.). Но въ нихъ, какъ и во всѣхъ солнечныхъ часахъ античнаго міра, была одна особенность, отличающая ихъ отъ нашихъ; эта особенность представляла собою, какъ кажется, видоизмѣненіе, внесенное греками въ вавилонскій инструментъ. Не вся параллель, но лишь дуга, пройденная тѣнью за день, дѣлилась на равныя части. Поэтому продолжительность часовъ была весьма различна; каждый часъ былъ двѣнадцатою частью промежутка времени, въ теченіе котораго солнце остается въ данный день надъ горизонтомъ, а не двадцать четвертою частью промежутка между двумя послѣдовательными прохожденіями солнца черезъ меридіанъ. Въ древней астрономіи эти измѣняющіеся часы назывались „временодными“, въ противоположность постояннымъ часамъ, называвшимся „равноденственными“.

Дѣленіе подобныхъ инструментовъ могло быть вначалѣ лишь эмпирическимъ и требовало наблюденій въ теченіе цѣлаго года. Въ этомъ-ли видѣ или въ вавилонскомъ, болѣе простомъ, но менѣе приспособленномъ къ греческимъ нравамъ, слѣдуетъ представлять себѣ часы, которые зналъ и которыми занимался Анаксимандръ по свидѣтельству преданія? Мы ничего не знаемъ объ этомъ; хотя первая гипотеза и кажется съ перваго взгляда болѣе правдоподобной, но не слѣдуетъ забывать, что еще Евдоксъ Книдскій придерживался вавилонскаго дѣленія на 12 часовъ, обнимавшихъ день и ночь. Во всякомъ случаѣ эти сферическіе солнечныя часы, неудобныя для общественнаго пользованія (такъ какъ узнавать по нимъ время можно было лишь на очень близкомъ разстояніи), не могли конкурировать съ клепсидрой, если

¹⁾ А именно двое, такихъ часовъ находятся въ Луврскомъ музеѣ.

дѣло шло объ измѣреніи малыхъ промежутковъ времени и съ обычаемъ приближительнаго опредѣленія времени дня по длинѣ человѣческой тѣни, измѣренной ступнею. Какъ-бы ни было произведеніе Анаксимандра и позднѣе Демокрита, автора *Полографіи*, они должны были исчезнуть передъ усовершенствованіемъ, внесеннымъ въ устройство солнечныхъ часовъ успѣхами математическихъ знаній въ IV в. до Р. X.

3. *Небесная сфера.* По крайней мѣрѣ можно допустить, что по этому поводу Анаксимандръ занялся устройствомъ сферы, что согласовалось-бы съ другой версіей преданія (Diog. L., II, 2; Suidas). Имѣлъ-ли онъ въ виду представить такимъ образомъ звѣздное небо, чего старался достигнуть еще Фалесъ по словамъ Цицерона? Это весьма вѣроятно, такъ какъ именно въ это время Эллины начали заниматься небесными явленіями и группировать болѣе или менѣе методически звѣзды въ созвѣздія. Анаксимандръ, сдѣлавшій первое плоскошаріе земли, естественно могъ пытаться устроить и соотвѣтствующее изображеніе неба. Но эти первыя попытки были, конечно, очень грубы, такъ какъ еще не существовало инструментовъ для измѣренія угловыхъ разстояній между звѣздами. Въ этихъ попыткахъ Эллины еще подражали вавилонянамъ, и устройство небесной сферы было тѣсно связано съ устройствомъ *polos'a*; оно имѣло въ виду практическую цѣль — опредѣленіе часовъ ночью, такъ какъ водяные часы были недостаточно точны для астрономическихъ наблюденій. Халдейцы несомнѣнно рѣшили эту задачу, и мнѣ кажется возможнымъ восстановить слѣдующимъ образомъ ихъ рѣшеніе, въ сущности очень простое.

Представимъ себѣ небесную сферу, концентрическую съ вогнутымъ полушаріемъ *polos'a* и помѣщенную внутри него. Предположимъ, что зодіакъ раздѣленъ на 360 градусовъ по вавилонскому обычаю, и что извѣстенъ градусъ, занимаемый въ данный день солнцемъ; пусть наблюдаемы для момента, время котораго желаютъ опредѣлить, тѣ звѣзды зодіака, которыя находятся на горизонтѣ на востокѣ и западѣ или (проще) въ плоскости меридіана; можно привести въ то-же положеніе звѣзду, изображенную на сферѣ инструмента; тогда градусъ, на которомъ находится солнце,

играетъ какъ разъ ту-же роль, что и тѣнь оконечности указателя днемъ, и его положеніе относительно часовыхъ линій, нанесенныхъ на polos, даетъ искомый часъ.

Для примѣненія подобнаго приема на практикѣ, очевидно необходимо, чтобы небесная сфера была сдѣлана изъ твердой сѣтки, черезъ которую глазъ могъ-бы видѣть положеніе градуса, занимаемаго солнцемъ. Подобную сѣтку Греки называли „паутиной“, и отъ нея получили свое названіе сферическіе часы Евдокса; впоследствии, послѣ Гиппарха, подвижная сфера и неподвижное полушаріе были замѣнены плоскими частями, представлявшими ихъ стереографическую проецію. Такимъ образомъ получилась плоскошарная астролябія, служившая все для той-же цѣли — для опредѣленія часовъ ночью; но названіе „паутины“ осталось за подвижной частью и перешло отъ Грековъ къ Арабамъ.

Теперь нужно объяснить, какъ могли въ эпоху Анаксимандра, пользуясь при наблюденіи лишь упомянутыми инструментами, опредѣлить движеніе солнца по зодіаку и распредѣлить по сферѣ неподвижныя звѣзды. Обратившись къ астрономическому отступленію, сдѣланному нами выше по поводу затменія Фалеса, мы получимъ довольно полную картину скромныхъ зачатковъ эллинской астрономіи, проходившей черезъ тѣ-же стадіи развитія, какъ и халдейская наука.

Какъ мы уже видѣли, халдейская астрономія занялась прежде всего эллиптикой, а потому и окружающимъ ее поясомъ, замѣчательнымъ тѣмъ, что въ немъ происходятъ движенія планетъ. Слѣдствіемъ этого было отнесеніе вавилонянами небесныхъ явленій и положеній звѣздъ къ среднему кругу этого пояса зодіака, а не къ экватору, какъ, казалось-бы намъ, всего естественнѣе было сдѣлать. Это обстоятельство имѣло важное историческое значеніе, такъ какъ зависящая отъ него система координатъ небесной долготы и широты позволила Гиппарху открыть основной законъ предваренія равноденствій (возвратнаго движенія равноденственныхъ пунктовъ), котораго онъ навѣрное не могъ-бы подмѣтить, будь передъ нимъ только наблюденіе прямыхъ восхожденій и склоненій.

Такъ какъ звѣзды, расположенныя въ полосѣ затменій, были

известны изъ продолжительныхъ наблюдений, то оставалось изобразить ихъ на сферѣ въ соответствующихъ разстояніяхъ или, говоря иначе, опредѣлить ихъ долготу безъ инструментовъ для измѣренія угловыхъ разстояній ¹⁾. Клепидра могла дать прямыя восхожденія, т. е. время, соответствующее дѣленію экватора на равныя части. Чтобы перейти отсюда къ дѣленію на равныя части зодіака (рѣшеніе этой задачи въ настоящее время потребовало-бы примѣненія формулъ сферической тригонометріи), допустили съ достаточнымъ для того времени приближеніемъ по системѣ видимо халдейскаго происхожденія, которую развилъ Гипсиклъ Александрійскій (II в. до Р. Х.), что разницы между прямыми восхожденіями, соответствующія равнымъ частямъ зодіака, возрастаютъ въ арифметической прогрессіи; для опредѣленія разности этой прогрессіи достаточно было найти отношеніе самаго длиннаго дня въ году къ самой короткой ночи.

Наблюденіе тѣни въ polos'ѣ давало всѣ элементы, необходимыя для помѣщенія въ немъ подвижной сферы съ придаеніемъ ея экватору и тропикамъ наклоненія небесныхъ круговъ. Когда элиптика начерчена и раздѣлена на градусы при помощи параллели, которую описываетъ солнце, то можно опредѣлять каждый день путемъ чисто механическаго приѣма градусъ, на которомъ находится солнце. Наконецъ, наблюдая восхожденія, захожденія и кульминаціи звѣзды, находящейся внѣ зодіака и замѣчая точки эклиптики; находящіяся въ то время на горизонтѣ или меридіанѣ, легко было начертить на приборѣ два большихъ круга, пересѣченіе которыхъ указывало положеніе звѣзды ²⁾, а потому наблюденіе звѣзды могло замѣнять для опредѣленія времени наблюденіе точки элиптики, которая восходитъ, заходитъ и кульминируетъ одновременно съ этой звѣздой.

¹⁾ Употребленіе круга съ дѣленіями и алидадой или линіей визировація, подвижной вокругъ центра (диоптрой у Грековъ), несмотря на простоту этого инструмента было, повидимому, совершенно неизвѣстно въ теченіе всего эллискаго періода; Халдейцы и позднѣе Греки располагали лишь инструментомъ, подобнымъ жезлу Іакова и служившимъ имъ для измѣренія малыхъ угловъ.

²⁾ Этотъ приѣмъ неприможимъ къ околополюснымъ звѣздамъ; съ помощью его можно получить лишь одинъ большой кругъ, на которомъ онѣ расположены. Эти звѣзды, которыми древніе, впрочемъ, занимались гораздо меньше, должно быть, были помѣщены приблизительно, при помощи прямыхъ линій.

Такимъ образомъ, основаніе астрономіи было заложено при помощи элементарнаго прибора, указывавшаго часы и дававшаго возможность рѣшать механическимъ путемъ задачи, для рѣшенія которыхъ мы пользуемся сферической тригонометріей. Последняя явилась въ свое время, изобрѣтенная Гиппархомъ, когда усовершенствованіе способовъ наблюденія обнаружило недостаточность примитивныхъ приемовъ.

4. *Первая географическая карта.* Вернемся къ Анаксимандру, чтобы покончить съ оцѣнкой его значенія для науки.

Я упомянулъ о географическомъ трудѣ Анаксимандра, подлинность котораго несомнѣнна. Какъ кажется, здѣсь онъ не могъ пользоваться иностранными образцами, и потому эта работа заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія. Стравонъ свидѣтельствуетъ, что трудъ Анаксимандра легъ въ основаніе перваго землеописанія, составленнаго приблизительно 50 лѣтъ спустя, другимъ Милетцемъ — Гекатеємъ. Плоскошаріе Анаксимандра ¹⁾ при всей своей грубости, о которой свидѣтельствуетъ критика Геродота, дало ему въ потомствѣ ²⁾ славу ученаго.

Изображеніе поверхности земли заставляетъ предполагать, что Анаксимандръ старался вычислить ея размѣры. Хотя къ сожалѣнію у насъ нѣтъ никакихъ указаній относительно этого, но нужно допустить, что свѣдѣнія, собранныя имъ во время путешествій по сушѣ и морю, привели его къ крайнему преувеличенію размѣровъ извѣстной въ ту эпоху части земли. Таковъ по крайней мѣрѣ характеръ первыхъ вычисленій поверхности земнаго шара, явившихся, повидимому, не раньше IV в. до Р. X.

Странно, что преданіе не говоритъ намъ о путешествіяхъ перваго географа; быть можетъ, это исключительно зависитъ отъ отсутствія данныхъ о его жизни; во всякомъ случаѣ Анаксимандръ

---

¹⁾ Или скорѣе его доска (πίναξ). Она представляла круглый дискъ, окруженный океаномъ; Азія была не больше Европы, а Греція, должно быть, была центромъ земли.

²⁾ Данная, откуда былъ почерпнутъ текстъ Свиды, должно быть, относится къ плоскошарію Анаксимандра съ его опредѣленіями размѣровъ земли. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы онъ спец. ально занимался геометріей, и достаточно будетъ предположить у него элементарныя свѣдѣнія, перенесенныя въ Грецію Фалесомъ.

является намъ человѣкомъ любознательнымъ, обладавшимъ серьезными практическими знаніями и способнымъ задумать и выполнить новыя и смѣлыя проекты.

Система.

5. *Возстановленіе космологіи Анаксимандра по Тейхмюллеру.*

Относительно маѣнній, высказанныхъ Анаксимандромъ въ сочиненіи о природѣ, свидѣтельства древнихъ авторовъ представляютъ неясности и противорѣчія, впрочемъ вполне понятныя. Это сочиненіе, краткое и написанное прозой, еще загроможденной поэтическими оборотами и образами, стало малопонятнымъ, какъ только концепты начали выясняться; тогда стали брать свѣдѣнія объ ученіи Анаксимандра изъ вторыхъ рукъ, и скоро вся его система была извращена. Съ другой стороны, отсутствіе критическихъ приемовъ вело къ тому, что каждый писавшій объ Анаксимандрѣ авторъ могъ приписывать древнему физику ходячія научныя воззрѣнія эпохи, въ которую самъ жилъ. Наиболѣе туманныя извѣстія истолковывались именно въ этомъ смыслѣ. Приведемъ примѣръ: Симплицій, узнавъ изъ Евдема, что Анаксимандръ первый размышлялъ о разстояніяхъ свѣтилъ и зная, что способомъ для пріобрѣтенія такого ряда данныхъ служитъ наблюденіе затменій, заключилъ, что Анаксимандръ зналъ теорію затменій; и это казалось ему тѣмъ менѣе удивительнымъ, что уже Фалесъ предсказалъ солнечное затменіе.

Такимъ образомъ Симплицій сдѣлалъ изъ Анаксимандра Аристарха Самосскаго или Евдокса, смѣшавъ творца смѣлой гипотезы съ изобрѣтателемъ приемовъ, позволившихъ ее провѣрить.

Безполезно входить въ детальное обсужденіе всѣхъ подобныхъ заблужденій. Мы ограничимся изложеніемъ системы Анаксимандра въ цѣломъ, какъ она возстановлена Тейхмюллеромъ,¹⁾ сопровождая наше изложеніе указаніями на источники.

---

¹⁾ «Studien zur Geschichte der Begriffe» Berlin, Weidmann, 1871 S. 1—70, 547—558. — «Neue Studien zur Geschichte der Begriffe», II, 1878 S. 273—279.

Самое замѣчательное явленіе въ мірѣ (ἐν οὐρανῷ—въ небѣ, какъ выражался Анаксимандръ) ¹⁾ есть безспорно движеніе суточного вращенія, увлекающее міръ съ неизмѣнной періодичностью. А опытъ учитъ насъ, что при такомъ круговомъ движеніи болѣе плотныя тѣла стремятся къ центру, легкія-же—къ окружности; и это согласуется съ тѣмъ фактомъ, что земля, на которой мы живемъ, и окружающая ее вода кажутся намъ помѣщенными въ центрѣ, въ той части, на которую не простирается непрестанное вращеніе, между тѣмъ какъ небесные огни блестятъ за воздухомъ, которымъ мы дышимъ. Съ другой стороны, теплота связана съ движеніемъ, а холодъ съ неподвижностью, что опять таки согласуется съ существующимъ во вселенной распредѣленіемъ, зависящимъ отъ суточного вращенія. Вотъ—эмпирическія данныя, на которыхъ Анаксимандръ построилъ свою систему.

Круговое движеніе—вѣчно, древнѣе 1000 (ср. Фалесъ); оно-то производитъ и разрушаетъ всѣ вещи ²⁾.

Это движеніе, источникъ тепла и холода (З) (10), стало отбрасывать къ центру и такимъ образомъ освобождать отъ своей власти массу, образовавшую нашу землю, затѣмъ атмосферу, которая ее облекаетъ; и сосредоточилось вокругъ земли въ вогнутой сферѣ, которая воспламенилась. Эта сфера образовалась какъ кора вокругъ дерева; но непрерывное движеніе и дѣйствіе центробѣжной силы разбили ее на послѣдовательные пласты; облекшись увлеченнымъ при взрывѣ воздухомъ, пласты превратились въ концентрическія (З) кольца ³⁾.

Отдѣленіе въ этихъ кольцахъ наиболѣе тонкихъ и разрѣженныхъ частицъ воздуха, образующихъ ихъ главную составную часть, отъ менѣ подвижныхъ частицъ и соединеніе первыхъ въ массу вызвало ускореніе ихъ движенія относительно болѣе гру-

¹⁾ Кажется, онъ употреблялъ также выраженіе міръ (κόσμος), (1) (2) — до Пифагорейцевъ, которымъ его приписываютъ. Но, повидимому, онъ употреблялъ его въ болѣе узкомъ смыслѣ, видя въ «космосѣ» какъ бы внутреннюю часть «ураноса».

²⁾ Если Фалесъ дѣйствительно не писалъ о природѣ, то возможно, что его мнѣнія стали извѣстны изъ возраженій Анаксимандра.

³⁾ Въ гипотезѣ Лапласа аналогичнымъ образомъ объясняется образованіе колецъ Сатурна.

баго, какъ бы сваявшагося (10), слоя, который, окружая ихъ, образуетъ нѣчто въ родѣ свернутой въ кольцо трубки, обладающей нѣкоторою плотностью.

Такимъ образомъ въ этихъ кольцеобразныхъ трубкахъ происходитъ быстрое движеніе, вѣтеръ; подобнымъ же образомъ Анаксимандръ представлялъ себѣ образованіе вѣтровъ и въ нашей атмосферѣ (2). Воздушный токъ стремится вырваться наружу и, если воздушная оболочка имѣетъ отверстіе, направленное въ сторону земли, онъ съ силой вырывается изъ канала въ видѣ пламени, кажущагося намъ свѣтиломъ.

Когда заключенному въ облако воздуху удастся его разорвать и внезапно вырваться, мы видимъ молнію (13). Итакъ, свѣтило есть „какъ бы молнія, дьящаяся постоянно“, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда отверстіе закрывается, отъ чего зависятъ лунныя фазы и затменія (2) (12). Постоянное обновленіе потока на счетъ окружающаго кольцо воздуха происходитъ черезъ посредство оболочки.

Съ теченіемъ времени дѣйствіе небесныхъ огней испарило большую часть жидкой массы, отброшенной въ центръ вихря. Наша земля образовалась изъ осадковъ этого испаренія, между тѣмъ какъ морскія воды приняли свой теперешній видъ (14).

Первыя животныя возникли въ нѣдрахъ водъ, облеченныя чешуйчатымъ покровомъ; со временемъ они переселились на землю и освободившись отъ чешуи, которая высохла и раскололась¹⁾, скоро освоились съ новыми условіями жизни. Вполнѣ ясно, что человѣкъ произошелъ отъ животнаго, совсѣмъ на него непохожаго: по причинѣ своей беспомощности въ дѣтскомъ возрастѣ онъ не могъ-бы выжить при началѣ міра (3) (17) (18).

Такимъ образомъ вселенная достигла состоянія, въ которомъ мы ее находимъ, но въ этомъ состояніи нѣтъ ничего устойчиваго, ибо все возникшее должно погибнуть, и поддерживаемый движеніемъ небесный огонь постоянно пожираетъ и разсѣиваетъ центральное ядро, этимъ самымъ движеніемъ образованное. Съ теченіемъ времени

---

¹⁾ Эта метаморфоза какъ-бы внушена превращеніемъ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, имѣющихъ водяныя личинки, какъ наприимѣръ, комаровъ.

вещи понесутъ наказаніе за грѣхъ обособленнаго существованія, за свою несправедливость (1) и возвратятся къ состоянію первобытнаго смѣшенія. Но и разрушенію наступитъ конецъ: причина, произведшая теперешніе небо и міръ, произведетъ другіе, также осужденные на погибель. Эта періодическая смѣна міровъ не имѣла начала и не будетъ имѣть конца. Все обречено являться и исчезать въ постоянномъ чередованіи, все, кромѣ вращательнаго движенія вселенной, которое управляетъ вещами, обнимая ихъ. Вращательное движеніе безсмертно и не можетъ погибнуть, оно — вѣчно и всегда молодо (2) (отр. 1).

Какъ и слѣдовало ожидать отъ первой попытки отвлеченнаго мышленія, грандіозная система Анаксимандра отвела мѣсто народной теологіи. Преходящія небеса, порожденныя божественнымъ Безконечнымъ, и непрестанное Вращеніе — боги (9), какъ и „Ураносъ“ Гезіода. Анаксимандръ вѣроятно считалъ богами и эти небесныя кольца, являющіяся намъ въ видѣ свѣтилъ, въ высшей степени причастныя круговому движенію, которое естъ жизнь міра.

Если Анаксимандръ говорилъ о другихъ божествахъ (что намъ неизвѣстно), то, должно быть, отказывался считать ихъ безсмертными: впрочемъ эта ересь легко мирится съ народными вѣрованіями.

6. *Новые детали.* Такова система въ ея общихъ чертахъ. Только два изъ ея положеній сохранились въ современной наукѣ: изъ ничего ничего не бываетъ, и — продолжительность звѣздныхъ сутокъ неизмѣнна ¹⁾. Но нельзя отказать ей въ смѣлости построеній и согласіи съ совокупностью экспериментальныхъ свѣдѣній эпохи. Пополненіе системы нѣкоторыми подробностями отерываетъ передъ нами свободный полетъ фантазіи Анаксимандра.

Земля есть плоскій дискъ (2), на одной изъ сторонъ котораго мы живемъ ²⁾. Это — традиціонное представленіе. Но Ана-

---

¹⁾ Положеніе о неизмѣнной продолжительности звѣздныхъ сутокъ есть постулатъ, который правда согласуется съ наблюденіемъ, но абсолютная достовѣрность котораго не можетъ быть строго доказана. Это явствуетъ изъ того факта, что давнее положеніе оспаривалось нѣкоторыми астрономами. Итакъ, для установленія мѣры времени требуется постулатъ.

²⁾ Я не согласенъ съ Тейхмюллеромъ въ томъ, что нужно измѣнять въ достаточной степени согласные тексты на основаніи того, что земля окружена во-

ксимандръ дерзнулъ вычислить толщину диска и опредѣлилъ ее въ треть горизонтальнаго діаметра.

Этотъ неподвижный въ центрѣ міра дискъ окруженъ тремя кольцами. Солнечное кольцо, содержащее наибольшее количество огня, помѣщается всего дальше (10). Внѣшній діаметръ его въ 28, а внутренній въ 27 разъ больше діаметра земли. Итакъ, удвоенная толщина этого кольца равна земному діаметру. На высоту кольца у насъ нѣтъ указаній; ниже мы приведемъ допустимыя относительно нея предположенія.

Ближе къ землѣ находится другая огненная масса, сосредоточенная въ лунномъ кольцѣ. Его внѣшній діаметръ въ 19, а внутренній въ 17 разъ больше діаметра земли. Разница съ соответствующими діаметрами солнечнаго кольца выражается въ 9-ти земныхъ діаметрахъ.

Еще ближе къ землѣ помѣщается звѣздное кольцо, соответствующее млечному пути, видъ котораго, должно быть, и внушилъ Анаксимандру мысль объ этихъ громадныхъ кольцахъ. Его внѣшній діаметръ въ 10, а внутренній въ 9 разъ больше діаметра земли. Это звѣздное кольцо Анаксимандръ, должно быть, представлялъ себѣ связаннымъ съ двумя тонкими, можетъ быть приплюснутыми, сводами — остаткомъ первобычной сферической коры —, по которымъ разсѣяны свѣтлыя отверстія, кажуціяся намъ звѣздами.

Для полнаго возстановленія этихъ подробностей остается выяснить два темныхъ пункта: какова была высота колецъ, которую смѣлый мыслитель, должно быть, опредѣлилъ, какъ и остальные размѣры? Какова была степень прозрачности оболочки, изъ которой они состояли и плотность которой мы должны уподобить плотности облаковъ?

7. *Возможныя предположенія относительно высоты колецъ и степени прозрачности оболочки.* Тейхмюллеръ былъ такъ любезенъ, что по моей просьбѣ изложилъ въ частномъ письмѣ

дой, а потому строго цилиндрическая форма невозможна, такъ какъ нельзя допустить въ жидкости острое ребро. Если земля и окружена рѣкою Океаномъ, то свойствъ ея воды мы не знаемъ, и кромѣ того, края диска должны были высохнуть прежде его плоскихъ частей, какъ болѣе подверженные дѣйствию солнечной теплоты.

свои мысли по этимъ вопросамъ. Высота колець была незначительна, что согласуется съ уподобленіемъ ихъ колесу повозки. Они были расположены наклонно (12): солнечное кольцо по эллиптикѣ, лунное по орбитѣ нашей спутницы, млечный путь, какъ мы его видимъ.

Каждая изъ трехъ оболочекъ достаточно густа, чтобы скрывать циркулирующій внутри нея огонь, но достаточно прозрачна, чтобы не мѣшать видѣть болѣе отдаленные и болѣе сильные огни, блескъ которыхъ затмѣваетъ находящіеся ближе въ землѣ. Такимъ образомъ звѣздная сфера, огонь которой наименѣе ярокъ и чистъ, вовсе не мѣшаетъ видѣть диски луны и солнца. Лунное кольцо не затмѣваетъ дневного свѣтила. Впрочемъ нужно замѣтить, что лунное кольцо помѣщено наискось относительно солнечнаго. На ряду съ этимъ мнѣніемъ, высокая цѣнность котораго безспорна, я позволю себѣ представить другую гипотезу, по которой всѣ оболочки одинаково прозрачны.

Достаточно допустить, какъ я это и сдѣлалъ, излагая объясненіе свѣтилъ по Анаксимандру, что потокъ внутри колець, хотя и называемый огнемъ (πῦρ), воспламеняется только при выходѣ, вырываясь въ узкія отверстія, подобныя фурмамъ кузнечнаго мѣха (11).

А это мнѣніе достаточно согласуется съ послѣдующимъ употребленіемъ слова πῦρ въ научномъ языкѣ древнихъ. Было бы излишнимъ нагромождать доказательства, чтобы установить, что этотъ терминъ обозначалъ вообще тонкую матерію не только воспламененную, но и легко способную воспламениться. Сказать правду, нѣтъ достаточныхъ доказательствъ въ пользу того, что это значеніе восходитъ до Анаксимандра. Но повидимому оно превосходно согласуется съ объясненіемъ у него молніи (2) (13), по которому свѣтъ происходитъ отъ внезапнаго взрыва огненной матеріи, эффектъ котораго усиливается контрастомъ съ окружающей темнотой. Поэтому въ каналахъ небесныхъ колець, гдѣ эта матерія движется прежде чѣмъ вырваться изъ своей тюрьмы, она еще невидима.

Какъ бы то ни было, мы ни въ какомъ случаѣ не ограничены прозрачностью при опредѣленіи высоты трехъ небесныхъ колець.

Для опредѣленія наименьшей величины луны и солнца мы ииѣмъ размѣръ отверстія по видимому діаметру дисковъ, извѣстному уже *Θалесу*, и по предположеннымъ *Анаксимандромъ* разстояніямъ. Незатѣйливныя геометрическія построенія опредѣляютъ эти размѣры въ восьмую часть діаметра земли для солнца и въ три четверти для луны. Что касается кольца млечнаго пути, то повидимому оно превосходило въ высотѣ земной діаметръ.

Сопоставленіе же этихъ числовыхъ отношеній съ двусмысленнымъ свидѣтельствомъ (12), что солнце равно землѣ, наводитъ на мысль, что *Анаксимандръ* принялъ діаметръ земли за высоту этихъ трехъ колець.

Послѣднее замѣчаніе по этому поводу: *Анаксимандръ* очевидно зналъ, какъ и *Θалесъ*, наклонность эклиптики и лунной орбиты, а потому могъ придать своимъ кольцамъ наклонное къ экватору положеніе. Но для объясненія годичнаго обращенія солнца и мѣсячнаго обращенія луны ему пришлось предположить одно изъ двухъ: или что кольца имѣли отдѣльныя отъ суточного вращенія движенія, или что отверстія постоянно перемѣщались по поверхности колець.

При этой второй гипотезѣ, болѣе простой и согласной съ возможностью перемѣны формы или даже закрытія отверстія, нѣтъ никакого логическаго основанія располагать кольца наклонно. Было бы болѣе рационально значительно увеличить ихъ высоту до двѣнадцати земныхъ діаметровъ и размѣстить ихъ параллельно экватору такъ, чтобы они занимали все угловое пространство, заключенное для солнца между тропиками, для луны между точками ея наибольшаго склоненія, для звѣздъ между самыми сѣверными и самыми южными звѣздами млечнаго пути.

Тексты не благопріятствуютъ такому представленію системы *Анаксимандра*. Но исправленная такимъ образомъ, она непосредственно ведетъ къ системѣ *Парменида*, изложенной *Платономъ* въ миеѣ объ *Ерѣ* ($\Upsilon\rho$) въ 10-ой книгѣ „*Республики*“. Это сближеніе достаточно доказываетъ, что міропредставленіе *Анаксимандра* сыграло болѣе значительную историческую роль, чѣмъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Прибавимъ къ этому, что отзвуки его встрѣчаются еще въ стихахъ *Лукреція* (напримѣръ: „*flammanitia moenia mundi*“ — пылающія стѣны міра).

III. — Безконечное и Неопредѣленное.

8. Анаксимандръ мыслилъ безконечнымъ время, но не пространство. Стараясь возстановить съ возможною полнотою систему Анаксимандра, мы обращались съ ней какъ съ научной гипотезой. Такимъ путемъ мы констатировали у ея автора ясность и точность воображенія, съ помощью котораго ему удалось координировать совокупность явленій природы въ цѣльное міропредставленіе, ясное и поразительное, несмотря на всю свою ошибочность. Но эта ясность и точность проявились только въ конкретныхъ образахъ, созданныхъ Анаксимандромъ; далеки отъ нихъ метафизическія понятія, обозначенныя нѣкоторыми изъ употреблявшихся имъ терминовъ. Мы докажемъ это относительно термина „апейронъ“, введеннаго Анаксимандромъ въ философскій языкъ. Анаксимандръ обозначаетъ такимъ образомъ матерію, однородную при началѣ ¹⁾ образованія каждаго изъ послѣдовательныхъ міровъ, и слѣдующіе за нимъ „физиологи“ давали то-же названіе своимъ первовеществамъ. Но у нихъ этотъ терминъ, который я въ доксографіи къ Анаксимандру перевелъ словомъ „неопредѣленный“, получилъ, если вѣрить Аристотелю, точный смыслъ „безконечнаго“. Наконецъ, ясно, что Аристотель, а за нимъ Теофрастъ и всѣ доксографы приписываютъ термину „апейронъ“ у Анаксимандра значеніе безконечнаго.

Читатель можетъ замѣтить, какъ нашъ планъ отводитъ послѣднее мѣсто обсужденію вопроса, служащаго для историковъ философіи исходнымъ пунктомъ всего изслѣдованія объ Анаксимандрѣ. Естественно, что, приступая къ ученію Анаксимандра съ этого конца, эти историки примыкаютъ къ ходячему мнѣнію, т.-е. къ мнѣнію Аристотеля, служащему ручательствомъ за правильность

---

¹⁾ Отсюда терминъ «архе», употреблявшійся имъ наравнѣ съ «апейронъ» для обозначенія той-же матеріи. Нельзя согласиться съ Теофрастомъ, что Анаксимандръ пользовался имъ въ философскомъ смыслѣ «принципа». Анаксимандръ употреблялъ его, какъ Гомеръ. Но, какъ первый писавшій о природѣ, онъ поднималъ вопросы, слѣдствіемъ которыхъ была выработка соотвѣтствующаго понятія. Однако, эта выработка произошла гораздо позднѣе.

остальныхъ. Обратный путь, которымъ мы шли, даетъ намъ рѣшительное основаніе отбросить это мнѣніе. Но прежде всего намъ слѣдуетъ опредѣлить степень довѣрія, какую заслуживаетъ это свидѣтельство Аристотеля.

Конечно, цѣнность его не подлежала-бы сомнѣнію, если-бы Аристотель самъ имѣлъ понятіе о безконечномъ, тождественное нашему. Но его понятія о пространствѣ не отличаются ни ясностью, ни точностью. Для него безконечное пространство имѣетъ только субъективную цѣнность математическаго понятія, а объективное пространство есть лишь мѣсто матеріи и, какъ таковое, конечно по его ученію. Имѣя передъ собой это бросающееся въ глаза противорѣчіе, невозможно предположить, чтобы за два вѣка до Аристотеля эти понятія были такъ же ясны, какъ въ наше время.

Для Анаксимандра, и не подозревавшаго о понятіи абсолютной пустоты, и подавно не могло быть различія между пространствомъ и мѣстомъ матеріи. Съ другой стороны крайне невѣроятно, чтобы уже съ этого времени математическая необходимость мыслить пространство безпредѣльнымъ была признана путемъ обсуждения геометрическихъ принциповъ. Эта мысль могла существовать лишь въ видѣ поэтической метафоры.

Правда, нельзя отказать мыслителю времени Анаксимандра въ возможности представить а ргіогі пространство реально безпредѣльнымъ, слѣдовательно безпредѣльной и матерію. Какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, такое значеніе имѣлъ пиеагорейскій догматъ, противопоставляющій конечный міръ окружающей его безконечной субстанціи, которую онъ дышетъ. Таковъ смыслъ вѣрованій Ксенофана, простирающаго въ безконечность корни земли и эфирныя пространства.

Будучи первымъ изъ физиологовъ, обнаружившимъ свои физическія мнѣнія, Анаксимандръ долженъ былъ ощущать несравненно слабѣе, чѣмъ его послѣдователи, необходимость обработки своихъ представлений съ логической точки зрѣнія. Но, какъ мы уже замѣтили, его воображеніе отличалось точностью, а простирающееся въ безконечность вращательное движеніе было всегда непредставимо. Итакъ, принявъ во вниманіе, что убѣжденіе во вращательномъ движеніи совокупности матеріи составляетъ сущность ученія

Анаксимандра, мы должны признать, что онъ не могъ представлять себѣ матерію безконечною въ современномъ смыслѣ слова.

Наше положеніе подтверждается исторіей непосредственно идущаго за Анаксимандромъ ученія. Воспѣвая въ пику пифагорейцамъ абсолютное единство вселенной, Ксенофанъ приблизился къ Анаксимандру. Но, представляя себѣ, какъ и его противники, вселенную безконечною, онъ принужденъ былъ отбросить ученіе о круговомъ движеніи и объявилъ міръ неподвижнымъ.

Возможно, что Анаксимандръ не ограничивалъ матеріи солнечнымъ кольцомъ, такъ какъ ему нужно было обезпечить непрестанное обновленіе вещества этого кольца; потому то онъ и не почувствовалъ необходимости опредѣлить границы вселенной. Но ясно, что возникновеніе міра по Анаксимандру понятно только въ ограниченномъ пространствѣ, ибо только тогда легчайшія частицы, отброшенныя далеко отъ центра вихря, останавливаются гдѣ-нибудь, а не разсѣиваются въ безконечности.

Прямымъ отрицаніемъ безконечности матеріи служить объясненіе Анаксимандромъ неподвижности земли въ центрѣ міра равнымъ разстояніемъ отъ краевъ по всеѣмъ направленіямъ. Когда же послѣдующіе „физиологи“ ищутъ другихъ объясненій, является вопросъ: не скрывается-ли подъ этимъ кажущимся скачкомъ назадъ къ заблужденію дѣйствительный прогрессъ въ понятіи пространства, которое признается безконечнымъ, а потому не можемъ имѣть ни центра, ни краевъ.

Найденное нами у Анаксимандра представленіе пространства въ видѣ шара, наполненнаго матеріей, противорѣчитъ всеѣмъ нашимъ современнымъ привычкамъ. Но мы принуждены признать это представленіе, какъ фактъ, такъ какъ оно господствовало у древнихъ за исключеніемъ математиковъ. Оно даже понятнѣе у Анаксимандра, чѣмъ у Аристотеля, такъ какъ послѣдній признавалъ субъективную безконечность, а для перваго и самый вопросъ о безконечности не былъ еще поставленъ. Онъ не представлялъ себѣ безконечности пространства и не имѣлъ никакого логическаго понятія, которое могло-бы бороться съ его воображеніемъ. А такъ какъ смыслъ термина до времени Аристотеля успѣлъ измѣниться, то вполне понятно, что послѣдній ошибся въ

немъ и не призналъ, что имѣлъ дѣло съ конкретнымъ представленіемъ вопліѣ, аналогичнымъ его собственному.

Но, странное дѣло, не имѣя понятія о безконечности пространства, Анаксимандръ имѣлъ очень ясное понятіе о безконечности времени, какъ то доказываетъ ученіе о безконечной смѣнѣ преходящихъ міровъ. Такимъ образомъ, понятія о безконечности времени и пространства имѣютъ то историческое различіе, что первое оказывается непосредственно даннымъ, а второе, напротивъ, прежде чѣмъ стать безспорнымъ, требуетъ продолжительной обработки. Это различіе объясняется простымъ разсужденіемъ.

Субъективная необходимость понимать время, какъ безконечное, не встрѣчаетъ въ дѣйствительности объективнаго препятствія. Антиномія Канта относительно времени основана исключительно на введеніи теологическаго положенія о сотвореніи *ex nihilo*, чуждаго сознанію древнихъ, а особенно эллиновъ. На почвѣ древней Эллады не только никогда не ставился вопросъ о безконечности времени, но вѣчность міра въ его теперешнемъ видѣ со включеніемъ существованія человѣческаго рода была постояннымъ догматомъ Платона и Аристотеля, не говоря уже объ элейцахъ и пифагорейцахъ, ученіе которыхъ о возникновеніи міра отличалось метафизическимъ характеромъ, ничего общаго съ мифами не имѣвшимъ.

Ученіе о безконечности пространства, напротивъ, какъ-бы нуждается въ невозможномъ объективномъ подтвержденіи. Геометрическая спекуляція имѣетъ гипотетическій характеръ, неспособный ее оправдать, и даже въ наше время возможно сомнѣніе въ безконечности реального пространства. Воображеніе быстро устаетъ и истощается, отодвигая границы міра, и Анаксимандръ не прошелъ даже разстоянія, отдѣляющаго землю отъ луны. Только наука своими постоянными завоеваніями постепенно разбила „какъ сводъ гробницы“ стѣны, ограничивавшія воображеніе древнихъ. Доказавъ громадность астрономическихъ пространствъ, она дала объективное подтвержденіе понятію о безконечности пространства, которое отрицалось еще въ средніе вѣка, но въ наше время имѣетъ лишь немногихъ и безсильныхъ противниковъ.

Обыденная рѣчь можетъ служить иллюстраціей различія обоихъ понятій: „на краю свѣта“ — народное выраженіе, употребляемое какъ ходячая монета, несмотря на скрывающуюся въ немъ логическую нелѣпность; „конецъ временъ“ и „начало вѣковъ“ только религіозныя формулы или наивное признаніе въ невѣжествѣ.

Понятіе Анаксимандра о матеріи, какъ неопредѣленномъ цѣломъ.

9. Во всякомъ случаѣ, не вѣчность первовещества отмѣчаетъ Анаксимандръ терминомъ „апейронъ“. Можетъ быть это — просто гомерическое выраженіе для обозначенія громадности пространства, мыслимаго конечнымъ? Нѣтъ, Анаксимандръ приписывалъ этому термину точный смыслъ, такъ какъ пользовался имъ въ разсужденіи: онъ считалъ обозначаемое имъ свойство существеннымъ условіемъ неистощимости первовещества въ образованіи вещей (6).

Аристотель легко доказываетъ, что неистощимость въ образованіи вещей не можетъ служить доказательствомъ безконечности матеріи. Но Анаксимандръ и не имѣлъ въ виду доказать что-либо подобное.

Для неистощимости матеріи въ образованіи вещей въ томъ смыслѣ, какъ ее понималъ Анаксимандръ, т. е. чтобы возникали всѣ различныя тѣла имъ обозначенныя, а именно: земля, вода и огонь, нужно, чтобы однородная при началѣ образованія міра матерія была способна ихъ дать, чтобы она содержала въ себѣ ихъ всѣ безъ различія. А употреблявшійся Анаксимандромъ терминъ обозначалъ въ философскомъ языкѣ древнихъ не только „безконечное“, но и „неопредѣленное“. Удержанное Пиеагорейцами и, претерпѣвшее различныя превращенія, послѣднее значеніе снова является въ „неопредѣленной діадѣ“ Платона и существуетъ еще у Аристотеля для неопредѣленной дѣлимости конечныхъ величинъ.

Условія, при которыхъ является это второе значеніе, наводитъ на мысль о происхожденіи его отъ перваго, и несомнѣнно, что первое должно было вліять на преобразованія второго. Но Тейх-

мюллеръ вполне правъ, считая значеніе неопредѣленнаго также первоначальнымъ и указывая, что Анаксимандръ обозначалъ терминомъ „апейронъ“ отсутствіе въ нѣдрахъ первовещества границъ между различными формами матеріи, прежде чѣмъ дифференціація и интеграція этихъ формъ установили между ними взаимныя границы, отдѣляющія ихъ въ нашихъ глазахъ.

Итакъ, употребленіе термина „апейронъ“ какъ бы указываетъ, что Анаксимандръ представлялъ себѣ первовещество скорѣе какъ механическую смѣсь, движеніе которой причиняетъ раздѣленіе частей, чѣмъ какъ вещество, способное къ динамическимъ превращеніямъ, возникающимъ въ силу этого самаго движенія.

Выборъ между этими двумя представленіями былъ для историковъ философіи главнымъ предметомъ разногласія по вопросу объ ученіи Анаксимандра. Съ перваго взгляда тексты какъ бы говорятъ въ пользу механической смѣси. Такимъ образомъ Риттеръ, который счелъ нужнымъ раздѣлить Іонійцевъ на двѣ различныя школы — динамистовъ и механистовъ, рѣшиительно относитъ Анаксимандра ко второй школѣ на ряду съ Анаксагоромъ и Археламъ, между тѣмъ какъ представителями первой школы онъ считаетъ Фалеса, Анаксимена, Гераклита и Диогена

Это дѣленіе страдаетъ безспорнымъ преувеличеніемъ и главный недостатокъ его заключается въ томъ, что оно затемняетъ непрерывный прогрессъ понятій и основное единство ученія. Въ сущности, какъ говоритъ Тейхмюллеръ объ Анаксимандрѣ, всѣ Іонійцы склонны къ динамизму и только способъ представленія у нихъ болѣе или менѣе механической.

Обратимся къ отрывку 3 и спросимъ себя: что такое въ дѣйствительности эти противоположности, предсуществующія въ „неопредѣленномъ“ Анаксимандра? Конкретные элементы или абстрактныя качества — холодное и теплое, сухое и влажное? Ни то, ни другое или вѣрнѣе и то и другое вмѣстѣ, такъ какъ различіе этихъ двухъ точекъ зрѣнія еще не существовало въ ту эпоху.

Корень заблужденія всегда одинъ и тотъ-же: приложеніе къ ученіямъ древнихъ понятій, явившихся гораздо позднѣе. Конечно, можно говорить о динамизмѣ и механизмѣ послѣ того, какъ Аристотель выработалъ свое ученіе о „дѣйствительности“ и „возмож-

ности“. Но для Іонійцевъ, особенно первыхъ, относящихся сюда понятія совершенно смѣшаны, а потому тексты, на которые обыкновенно ссылаются, какъ напримѣръ, попытка Аристотеля приложить свои теоріи къ ученію Анаксимандра, въ сущности противорѣчивы, что служитъ неоспоримымъ доказательствомъ этого смѣшенія.

Да и самое ученіе Аристотеля имѣетъ только историческое значеніе. Если спросить у современнаго химика о различіи между смѣсью и химическимъ соединеніемъ, онъ отвѣтитъ установленіемъ яснаго и научнаго различія. Но если спросить у него, существуютъ-ли въ данномъ химическомъ соединеніи, въ водѣ напримѣръ, кислородъ и водородъ въ дѣйствительности или возможности, онъ навѣрное отвѣтитъ, что не знаетъ, о чемъ ему говорятъ. И если-бы Аристотель воскресъ теперь и познакомился съ современной химіей, то было-бы легко довести его до явныхъ противорѣчій при отвѣтѣ на этотъ простой вопросъ.

Итакъ, понятія Аристотеля отличались ясностью для эпохи, въ которую онъ жилъ, но не слѣдуетъ ни относить эту ясность къ доаристотелевскому времени, ни ставить ее на одну доску съ ясностью современныхъ понятій. Поэтому Эдуардъ Целлеръ вполне правъ, опровергая Риттера. Но онъ въ свою очередь идетъ слишкомъ далеко, утверждая, что не видитъ въ ученіи Анаксимандра ни одного изъ условій механической физики. Возможно-ли, напримѣръ, отрицать, какъ это дѣлаетъ ученый историкъ, качественную опредѣленность Анаксимандрова первоначала?

Какъ могло явиться въ умѣ физика съ такимъ живымъ и отчетливымъ воображеніемъ отвлеченное понятіе о матеріи безъ качества?

Изложеніе его ученія не оставляетъ мѣста сомнѣнію въ этомъ отношеніи. Анаксимандръ долженъ былъ имѣть опредѣленное представленіе о своемъ первоначествѣ и вѣрнѣе всего онъ считалъ его газообразной матеріей, насыщенной водяными парами. По крайней мѣрѣ на это указываютъ въ его космографіи размѣры земли и моря — ничтожные въ сравненіи съ воздушной массой, облегающей ихъ до неба. Итакъ, Анаксименъ только сохранилъ его ученіе, и нужно отбросить перипатетическое („De Melisso“ 975 в) из-

вѣстіе, по которому первоначальной формой вселенной была у Анаксимандра, какъ и у Фалеса, вода. Эта данная приложима лишь къ образованію именно земли.

Вѣроятно метафорическій стиль Анаксимандра допускалъ различныя толкованія его мыслей о состояніи первовещества, и этимъ объясняются противорѣчія въ свидѣтельствахъ древнихъ авторовъ. Во всякомъ случаѣ трудно вѣрить, что онъ умышленно, какъ по видимому говоритъ Теофрастъ, опредѣлилъ первовещество только какъ „неопредѣленное“. Аристотель не говоритъ намъ ничего подобнаго по поводу употребленія этого термина у Анаксимандра и даже (De coelo, III, 5), напротивъ, онъ прямо говоритъ, что тѣ, которые предполагали единое первовещество, видѣли въ немъ то воду, то воздухъ, то огонь, то промежуточное вещество болѣе тонкое, чѣмъ вода и болѣе плотное, чѣмъ воздухъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что, какъ утверждалъ Александръ Афродизскій, представителемъ послѣдней гипотезы Аристотель считалъ Анаксимандра.

IV. Доктрины о происхожденіи міра.

10. *Историческій очеркъ ученій о вѣчности міра, его сотвореніи, періодической эволюціи и энтропії.* Практическое значеніе исторіи науки состоитъ въ томъ, что она даетъ намъ матерьялъ для оцѣнки завоеванныхъ человѣчествомъ знаній, а также ходячихъ мнѣній. Сравненіе ученій древнихъ физиковъ съ положеніемъ позитивныхъ знаній въ наше время внушаетъ намъ справедливую вѣру въ умственные силы современнаго человѣка. Исторія науки открываетъ передъ нами пройденный путь, заставляя почувствовать всю важность превзойденныхъ препятствій, тогда какъ принятый въ настоящее время способъ преподаванія оставляетъ эту сторону дѣла въ тѣни. Но исторія науки освѣщаетъ совсѣмъ иначе положеніе вопросовъ, стоящихъ на границѣ непознаваемаго, которыя наука только ставитъ, не будучи увѣренной въ возможности когда либо ихъ рѣшить: исторія показываетъ съ очевидностью, что всѣ успѣхи знанія, всѣ свѣдѣнія, при-

обрѣтенныя за двѣ съ половиною тысячи лѣтъ ни на шагъ не подвинули человѣческой умъ къ рѣшенію этихъ вопросовъ. Чѣмъ ярче разгорается свѣточъ науки, тѣмъ лучше мы можемъ измѣрить разстояніе, постоянно отдѣляющее насъ отъ цѣли.

Мы остановились на выясненіи связи сочиненія Анаксимандра съ философіей, которая проявилась въ употребленіи имъ нѣкоторыхъ терминовъ. Этимъ терминамъ суждено было позднѣе играть большую роль, но на той стадіи развитія человѣческой мысли они вовсе не имѣли значенія, придавававшегося имъ впоследствии. Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ его ученіе о безконечной смѣнѣ міровъ. Оно касается одного изъ вопросовъ, стоящихъ на границѣ метафизики и науки, о которыхъ я только что говорилъ. Анаксимандръ далъ на него сразу полный и точный отвѣтъ, смыслъ котораго не измѣнили мыслители позднѣйшихъ вѣковъ. Впоследствии выдвинулись впередъ и другія рѣшенія вопроса, принимавшіяся человѣчествомъ на вѣру, и тѣмъ не менѣе этому вопросу суждено вѣчно остаться открытымъ. Попытаемся набросать въ общихъ чертахъ происхожденіе и исторію вопроса о вѣчности міра: этимъ путемъ мы правильнѣе оцѣнимъ значеніе догмата, обезпечившаго за Анаксимандромъ бессмертную славу и одно изъ первыхъ мѣстъ среди мыслителей всѣхъ вѣковъ.

У народовъ, достигшихъ достаточной степени цивилизаціи, естественно возникаетъ вопросъ о происхожденіи міра и прежде всего въ теологической формѣ. Мионы всѣхъ народовъ согласны въ одномъ пунктѣ: они предполагаютъ нѣкоторое первобытное состояніе, отличное отъ теперешняго, дальше котораго мионъ не идетъ. Изъ этого первобытнаго состоянія образуется міръ или его образуютъ силы также возникшія или предсуществовавшія. Для нашей цѣли эти различія несущественны.

Вопросъ о происхожденіи міра имѣетъ, конечно, чисто теоретическій интересъ. Гораздо важнѣе для людей знать, кончится-ли существованіе міра? Но на дѣлѣ человѣчество всегда жило такъ, какъ будто было увѣрено въ будущей вѣчности міра, и религиозные мионы прежде всего направили мысль человѣка къ прошлому, а не къ будущему.

Однако у нѣкоторыхъ мыслителей явился вопросъ о возможности конца, и они дали наивный отвѣтъ, продиктованный антропоморфическимъ понятіемъ о богахъ: все возникшее должно погибнуть, все, что имѣетъ начало, конечно. Примѣръ Скандинавовъ показываетъ, что для допущенія подобнаго догмата религія не нуждается въ долгомъ развитіи. Но та-же субъективная необходимость привела къ мысли о новомъ возникновеніи міра, а потомъ о новомъ концѣ и заставила создать вереницу міровъ въ прошломъ и будущемъ. Индусы всего послѣдовательнѣе провели это ученіе. Однако, трудно опредѣлить время, когда были сдѣланы эти послѣдніе выводы, какъ и время возникновенія того вѣрованія раввиновъ, по которому нашему міру предшествовалъ другой ¹⁾.

Религія Грековъ, напротивъ, знала лишь вопросъ о происхожденіи міра, и, хотя нѣкоторые изъ сосѣднихъ народовъ (напримѣръ, Эгруски) имѣли ученіе о концѣ міра, — ученіе о безконечномъ преемствѣ міровъ въ прошломъ и будущемъ, о періодахъ образованія и разрушенія, явилось у Грековъ только съ Анаксимандромъ въ моментъ освобожденія эллинской мысли отъ мнѣической формы и явилось не какъ заимствованіе изъ своихъ или чужихъ религіозныхъ вѣрованій, но какъ логическій выводъ изъ разсужденія философа.

Это разсужденіе, не потерявшее цѣнности и до сихъ поръ, таково: возникновеніе немислимо послѣ безконечно долгаго устойчиваго состоянія, какъ немислимо и безконечно долгое устойчивое состояніе послѣ разрушенія, а потому приходится мыслить безконечную періодическую смѣну возникновеній и разрушеній.

Этотъ тезисъ скоро былъ отвергнутъ Ксенофаномъ: нѣтъ ни возникновенія, ни разрушенія, всякое возникновеніе есть видимость, міръ вѣченъ.

Платонъ и Аристотель примѣнувъ ко второму рѣшенію вопроса, обезпечили его господство въ эллинскомъ мірѣ, хотя стоики вслѣдъ

---

¹⁾ Известно, что начало Библии въ букввальномъ переводѣ читается такъ: «Въ началѣ Элогимъ отдѣлилъ небо отъ земли». Такъ что ученіе о твореніи ex nihilo явилось у евреевъ позднѣе.

за Гераклитомъ настаивали на первомъ рѣшеніи. Но въ кругу не захваченномъ греческимъ просвѣщеніемъ, новое религиозное пред- ставленіе ввело гипотезу о твореніи ex nihilo.

Подобная гипотеза стала возможной лишь послѣ обработки Греками понятій бытія и небытія. Кромѣ того, она сложилась, когда еврейскіе мыслители, не найдя въ своихъ священныхъ кни- гахъ ничего подобнаго греческимъ доктринамъ, были принуждены построить систему, сообразную съ текстомъ этихъ книгъ.

Успѣхъ ученія о твореніи ex nihilo и о связанномъ съ такимъ твореніемъ полномъ уничтоженіи міра, сопровождалъ торжество христіанства и былъ настолько полонъ, что принудилъ людей но- ваго времени снова пройти черезъ первые этапы человѣческой мысли. Но сколько-нибудь внимательное разсмотрѣніе показы- ваетъ, что это ученіе стоитъ внѣ научныхъ вопросовъ.

Во-первыхъ, относительно будущихъ судебъ міра христіан- ское ученіе, утверждая индивидуальное безсмертіе созданныхъ душъ и даже существованіе въ грядущей вѣчности созданной изъ ни- чего матеріи, оставляетъ безъ вниманія логическое слѣдствіе изъ ученія о твореніи изъ ничего, которое должно было-бы привести къ абсолютному уничтоженію всего міра явленій. Конецъ міра, который предсказываетъ христіанское ученіе, не есть дѣйстви- тельное уничтоженіе, но лишь преобразование, переходъ въ новое состояніе, которое продолжится вѣчно. Какъ бы ни отличалось это состояніе отъ теперешняго, въ сущности оно представляетъ собою возвращеніе въ вопросъ о времени къ ученію Ксенофана.

Что касается прошлаго нашего міра, то, чтобы воплѣ- оцѣ- нить истинный характеръ ученія о твореніи ex nihilo, достаточно вспомнить аргументъ Шатобріана, что геологическія открытія ни- чего не говорятъ противъ Писанія, такъ какъ Богъ могъ и дол- женъ былъ создать наносные пласты съ содержащимися въ нихъ раковинами, совершенно такъ, какъ если-бы оці были осажжены моремъ. Эта гипотеза совершенно неопровержима именно потому, что выходитъ изъ предѣловъ научнаго вопроса. Вѣдь научный вопросъ сводится къ тому, чтобы возстановить исторію міра, какъ она постепенно развертывалась, не входя въ разсмотрѣніе того, происходило-ли все это въ осязаемой дѣйствительности или въ

эволюціи божественной мысли, и не есть ли нашъ міръ только иллюзія, существующая съ того момента, когда захотѣлъ Творецъ.

Утвержденіе или отрицаніе творенія *ex nihilo*, происшедшаго 6 тысячъ лѣтъ тому назадъ или вчера, не имѣетъ никакого отношенія къ наукѣ. Въ какомъ бы состояніи ни предположили міръ въ моментъ этого творенія, этому состоянію необходимо будетъ соотвѣтствовать регрессивный рядъ послѣдовательныхъ явленій, и, произошли ли эти явленія въ дѣйствительности или нѣтъ, но они представляются намъ дѣйствительно происшедшими, а потому съ научной точки зрѣнія мы должны ихъ утверждать, ибо не имѣемъ другого критерія реальности прошлаго.

Аргументъ Шатобріана былъ направленъ противъ первыхъ серьезныхъ нападеній на христіанство во имя науки. Въ то время одинъ изъ сильнѣйшихъ ея представителей построилъ систематическую исторію вселенной, которая, конечно, переросла космогонію Анаксимандра на всю высоту зданія современныхъ знаній, но которой не суждено было просуществовать дольше попытки эллинскаго предшественника.

Но, странное дѣло, излагая совокупность своихъ мнѣній, какъ гипотезу, которая должна была замѣнить ученіе о твореніи *ex nihilo*, Лапласъ ставилъ цѣлью своей „Небесной Механики“ доказать устойчивосгь міра и его неразрушимость. А теорія, соединяющая эти два тезиса — возникновеніе міра въ прошломъ и вѣчность его въ будущемъ — съ философской точки зрѣнія не цѣннѣе космогоніи Гезіода.

Человѣческій разумъ устроенъ, повидимому, такимъ образомъ, что понимаетъ безъ труда, можетъ быть потому, что желаетъ этого, безконечную продолжительность существованія міра. Но въ прошломъ онъ требуетъ возникновенія и вмѣсто того, чтобы терпѣливо возстановлять страницы міровой исторіи, онъ сразу устремляется въ состоянію, которое кажется ему простѣйшимъ, и допускаетъ его, какъ первобытное.

Однако, такое удовлетвореніе вполне призрачно: простѣйшая въ нашихъ глазахъ матерьяльная молекула, хотя бы то, что въ химіи называется атомомъ водорода, можетъ быть, есть безконечно малый, но по сложности равный нашему міръ. А потому, до-

пуская первоначальное существованіе молекулы, мы нисколько не упрощаемъ дѣло. Разложеніе же этихъ микрокосмовъ, называемыхъ нами атомами, на ихъ элементы, только мечта, миражъ — по крайней мѣрѣ въ настоящее время.

Итакъ, гипотеза Лапласа и всякая другая ей подобная имѣетъ значеніе очерка возможнаго развитія отъ нѣкотораго состоянія, которое не есть начало, до современнаго. Что касается тезиса устойчивости вселенной, то онъ былъ сильно подорванъ образованіемъ механической теоріи теплоты. По новой доктринѣ, явившейся въ качествѣ логическаго слѣдствія этой теоріи, вселенная яко бы идетъ къ предѣльному состоянію, характеризующемуся равномернымъ или по возможности равномернымъ распределеніемъ механическихъ и тепловыхъ энергій. Это ученіе, предсказывающее смерть нашему міру, кромѣ того предполагаетъ, что, если бы мы могли проникнуть въ самую глубь прошлаго, то нашли-бы первобытное состояніе, вполне противоположное конечному.

Благодаря математической формѣ, въ которую она облечена, эта доктрина ускользаетъ отъ критики, только что нами направленной противъ гипотезы Лапласа, въ томъ смыслѣ, что начало и конецъ міра отодвигаются ею въ безконечность. Но въ дѣйствительности далеко не всѣ адепты этого ученія толкуютъ его такимъ образомъ, и, слыша нѣкоторыхъ изъ нихъ, кажется, что мы близки къ роковому предѣлу, названному Клавдіусомъ „энтропией“ вселенной. Но въ своемъ подлинномъ видѣ ученіе объ энтропії повидимому заслуживаетъ тщательнаго разсмотрѣнія съ философской точки зрѣнія, если однако оно научно обосновано. А въ этомъ отношеніи оно оказывается неудовлетворительнымъ, что мы докажемъ ниже.

Наконецъ, извѣстна система Герберта Спенсера: законъ ритма, слѣдующихъ другъ за другомъ интеграціи и дезинтеграціи. Эволюція міра отъ его рожденія до смерти совершается въ теченіе опредѣленнаго періода, послѣ котораго необходимо начинается новая эволюція. Она была-бы самымъ простымъ и чистымъ возвращеніемъ современной науки къ гипотезѣ Анаксимандра (1), если бы представленія великаго англійскаго мыслителя не относились

ко вселенной, безгранично расширенной успѣхами знанія, въ силу чего эволюціонной стадіи нашего міра можетъ соответствовать обратная эволюціонная стадія другой системы, такъ что во всей вселенной можетъ и не быть значительныхъ перемѣнъ.

11. *Критика эволюціонизма и „энтропіи“*. Такимъ образомъ, въ важномъ вопросѣ о возникновеніи и судьбахъ міра философія съ самаго своего возникновенія колеблется между тезой Анаксимандра и антитезой Ксенофана, такъ какъ вѣра въ твореніе ex nihilo имѣетъ значеніе только съ религіозной точки зрѣнія, а недавно явившееся ученіе объ „энтропіи“ не имѣетъ достаточныхъ научныхъ основаній.

Впрочемъ теза и антитеза согласны въ признаніи безконечной послѣдовательности явленій въ прошломъ и будущемъ и расходятся только въ допущеніи большихъ или меньшихъ перемѣнъ въ общемъ строѣ вселенной. Въ настоящее время наука склоняется къ мнѣнію о значительности этихъ перемѣнъ: она идетъ къ тому, чтобы поставить на мѣсто понятія о вѣчности неизмѣннаго міра, вѣчность міра постоянно измѣняющагося въ одномъ и томъ же направленіи, въ направленіи „энтропіи“, или отдать преимущество мнѣнію Анаксимандра, обновленному подъ именемъ эволюціонизма. Въ настоящее время было-бы парадоксомъ утверждать вѣчность міра въ его теперешнемъ видѣ. Но аргументы, выставленные противъ древняго ученія Платона, въ сущности были направлены противъ вѣры въ твореніе и не слѣдуетъ также ошибаться въ истинной цѣнности доказательствъ эволюціонной теоріи, особенно той ея части, которая относится къ неорганической матеріи. Не слѣдуетъ думать, что противоположная система навсегда опровергнута. Можетъ быть она только ждетъ, чтобы опять появиться, новаго научнаго открытія, которое повернетъ умы въ другомъ направленіи.

Не входя въ детальное опроверженіе эволюціонной теоріи, замѣтимъ только, что вся она основана на нагроможденіи предположеній, можетъ быть и вполне вѣроятныхъ, и вполне согласныхъ между собою, но тѣмъ не менѣе остающихся только гипотезами.

Не говоря уже объ особенной гипотетичности теоріи въ той ея части, которая разсматриваетъ туманныя пятна, какъ міры на

пути къ ихъ образованію, даже совокупность данныхъ геологіи, служащая безспорно наиболѣе солиднымъ основаніемъ современныхъ космическихъ теорій, не позволяетъ рѣшительно утверждать, что былъ моментъ, когда жизнь на землѣ началась.

Прежде всего нужно устранить предположеніе, что центральная часть земли состоитъ изъ раскаленной жидкой массы, пока не явится возможности доказать вліяніе этого внутренняго жара на явленія поверхности или установить, что нѣкоторый слой земной коры есть результатъ охлажденія первоначальной жидкой массы.

Въ дѣйствительности кромѣ солнечной теплоты, играющей главную роль на поверхности нашей земли, несомнѣнно существуютъ въ ея нѣдрахъ другіе источники теплоты, дѣйствіе которыхъ обнаруживается въ болѣе или менѣе значительныхъ явленіяхъ, въ частности въ явленіяхъ вулканическихъ; но существованіе этихъ источниковъ теплоты можно объяснить химическими реакціями, происходящими въ твердыхъ пластахъ земли подъ вліяніемъ протекающихъ тамъ подземныхъ водъ и огромнаго давленія тамъ развивающагося.

Дѣйствительно находятъ подъ слоистыми почвами, осажденными водой, скалы вулканическаго происхожденія, которыя на подобіе лавы, были жидкими и отвердѣли. Но эти скалы возникли послѣ пластовъ водяного происхожденія, на что указываютъ произведенные ими въ этихъ пластахъ перевороты. Они образовались путемъ химическихъ реакцій, подобныхъ тѣмъ, которыя происходятъ еще теперь, и, вѣроятно, на счетъ слоистыхъ почвъ, исчезнувшихъ подъ тѣми, которыя мы находимъ.

Само собою, въ этихъ скалахъ вулканическаго происхожденія не могло сохраниться слѣдовъ органической жизни. Кромѣ того воздѣйствіе ихъ взрывчатаго вещества на сосѣдніе пласты до такой степени измѣнило послѣдніе, что трудно рѣшить, нептуническаго или вулканическаго они происхожденія. Надъ этими подвергшимися преобразованіямъ почвами непосредственно встрѣчаются слѣды органической жизни, но остается неизвѣстнымъ, всегда-ли отсутствовали такіе слѣды въ нижнихъ пластахъ или они были уничтожены процессами, которымъ не могли противустоять.

Итакъ, если геологія и даетъ намъ въ пластахъ, постепенно отлагавшихся водами, исторію земного шара, то первые листы этой исторіи были вполнѣ истреблены, и мы не знаемъ даже ихъ числа. Что касается слѣдующихъ, то древнѣйшіе изъ нихъ дошли до насъ въ такомъ состояніи, что ихъ почти невозможно разобрать. Вотъ какое заключеніе должны мы извлечь изъ прекрасныхъ трудовъ Лайелля. Конечно, можно позволить себѣ и болѣе смѣлые выводы, но они уже не подлежатъ научному контролю.

Такимъ образомъ палеонтологія собрала достаточное число фактовъ, чтобы доказать съ большою вѣроятностью эволюцію органической жизни на поверхности земли. Но она не можетъ показать точку отправленія этой эволюціи, и новыя открытія не расширяютъ, а скорѣе суживаютъ границы ея примѣненія. Что касается теорій, примѣняющихъ законъ эволюціи къ группировкамъ неорганической матеріи, къ образованію и разрушенію свѣтилъ и звѣздныхъ системъ, то при всей ихъ смѣлости и соблазнительности ихъ нельзя считать убѣдительными.

Итакъ, вопросъ, поднятый Анаксимандромъ, въ дѣйствительности остается открытымъ, и, такъ какъ онъ относится къ числу проблемъ, стоящихъ на границѣ познаваемого и непознаваемого, то занимаетъ тецерь и будетъ еще долго, если не всегда, занимать науку и философію.

12. Теперь мнѣ остается представить спеціальную критику теоріи „энтропіи“, обѣщанную мною выше. Но такъ какъ теорія эта далеко не общеизвѣстна, по крайней мѣрѣ въ своемъ настоящемъ видѣ, то предварительно мнѣ придется напомнить въ общихъ чертахъ ея принципы.

Было доказано, что превращеніе теплоты въ механическую работу и обратное превращеніе работы въ теплоту происходитъ при постоянной эквивалентности, при опредѣленномъ отношеніи между единицей теплоты и единицей работы. Слѣдовательно, теплоту можно разсматривать, какъ движеніе. Однако ясно, что это движеніе должно состоять въ перемѣщеніи мельчайшихъ элементовъ тѣлъ, а потому должно быть безусловно отличаемо отъ того движенія, которое мы можемъ воспринимать, какъ состоящее въ перемѣщеніи видимыхъ частицъ.

Если, исходя из вышесказанного, назвать молекулярной энергией тѣла работу, которую можетъ произвести данное тѣло по своему строенію со включеніемъ сюда общихъ и частныхъ переносныхъ движеній молекулъ, но не включая сюда теплоты даннаго тѣла; если, съ другой стороны, считать тепловой энергией работу, эквивалентную теплотѣ тѣла, то законъ сохраненія живыхъ силъ, въ предѣлахъ его приложимости къ системѣ тѣлъ, изолированной отъ внѣшнихъ силъ, можетъ быть выраженъ такимъ образомъ: сумма энергій, молекулярной и тепловой, постоянна.

Ни одна изъ этихъ энергій не можетъ сдѣлаться отрицательной величиной. Но можно предположить два крайнихъ состоянія: при одномъ изъ нихъ тепловая энергія равна нулю и, слѣдовательно, всѣ тѣла на абсолютномъ нулѣ температуры, а молекулярная энергія максимальна; при другомъ, напротивъ, молекулярная энергія равна нулю, слѣдовательно, всѣ тѣла въ абсолютномъ покоѣ и максимальна тепловая энергія. Замѣтимъ, что послѣднее состояніе требуетъ равномѣрнаго распредѣленія тепловой энергіи, иначе говоря общаго равновѣсія температуръ, такъ какъ опытъ показываетъ намъ, что разность температуръ необходимо связана съ переносными движеніями молекулъ.

Наконецъ, если предположить доказаннымъ, что въ системѣ тѣлъ, изолированной отъ внѣшнихъ воздѣйствій, тепловая энергія постоянно возрастаетъ на счетъ молекулярной, то въ этой системѣ произойдетъ, какъ выражается Клаузіусъ, „энтропія“. Эта энтропія есть переходъ, если не отъ перваго изъ вышеуказанныхъ состояній ко второму, то по крайней мѣрѣ отъ состоянія, при которомъ минимальна тепловая энергія къ состоянію, при которомъ, напротивъ, минимальна молекулярная энергія, при чемъ можно допустить, что эти минимальныя величины отличаются отъ нуля. Основываясь на вышесказанномъ, можно-ли утверждать, что въ нашемъ мірѣ происходитъ энтропія?

Для этого нужно было-бы, во первыхъ, доказать, что нашъ міръ есть система тѣлъ, къ которой приложимъ принципъ сохраненія живыхъ силъ; во-вторыхъ, вывести изъ анализа превращеній теплоты въ работу и наоборотъ, что эти превращенія всегда обавчиваются въ пользу тепловой энергіи.

Первый пунктъ требуетъ, чтобы была принята въ расчетъ вся вселенная, чтобы не оставалось внѣшнихъ по отношенію къ системѣ силъ. А если вселенная безконечна, то уравненіе, выражающее постоянство суммы обѣихъ энергій, совершенно теряетъ смыслъ. Дѣйствительно, каждая изъ двухъ энергій всегда остается безконечной, а потому къ нимъ неприменимы разсужденія, годныя для конечныхъ величинъ.

Но, такъ какъ невозможно доказать, что вселенная конечна, то всѣ слѣдствія, выведенныя изъ теоріи энтропіи, зависятъ отъ гипотезы абсолютно недоказуемой.

Далѣе, чтобы доказать приложимость къ нашему міру закона сохраненія живыхъ силъ, нужно было бы доказать, что всѣ дѣйствующія во вселенной между матерьяльными молекулами силы зависятъ исключительно отъ взаимнаго положенія этихъ молекулъ, а отъ времени не зависятъ. Правда, что это — постулатъ, допускаемый въ настоящее время всѣми физиками. Но все-же слѣдуетъ имѣть въ виду, что это только постулатъ, а не строго доказанная истина. А потому, покажется не будетъ рассмотрѣно, какъ далеко можно идти съ противоположными предположеніями, не впадая въ противорѣчіе съ опытомъ, дальнѣйшіе выводы изъ этого постулата могутъ имѣть только условный характеръ.

Теперь намъ остается рассмотретьъ реальныя условія преработки работъ въ теплоту и наоборотъ съ тѣмъ, чтобы провѣрить, можетъ-ли явиться результатомъ этихъ условій энтропія.

Дѣло сводится къ тому, чтобы узнать, можетъ-ли извѣстный циклъ явленій, повторяясь неопредѣленное число разъ, каждый разъ, какъ онъ кончается, возвращать вещи къ прежнему состоянію какъ механическому, такъ и тепловому, или, напротивъ, видимое возвращеніе къ прежнему состоянію скрываетъ происходящее при каждомъ повтореніи тайное измѣненіе постоянно въ одномъ направленіи.

Въ циклѣ явленій (мы по прежнему имѣемъ въ виду систему тѣлъ, къ которой примѣнимъ законъ сохраненія живыхъ силъ) одни сопровождаются развитіемъ теплоты и слѣдовательно эквивалентнымъ уменьшеніемъ молекулярной энергіи (потенціальной или отвѣчающей живымъ силамъ переноснаго движенія), другія, напро-

тивъ, сопровождаются возрастаніемъ молекулярной энергіи и, слѣдовательно, эквивалентнымъ уничтоженіемъ тепловой. Съ точки зрѣнія энтропіи мы назовемъ первыя „положительными“, а вторыя „отрицательными“.

Чтобы цѣль достигъ полного возстановленія первоначальнаго состоянія, очевидно нужно, чтобы была полная компенсація между положительными и отрицательными явленіями. Но каждый разъ какъ происходитъ положительное явленіе, т.-е. развивается теплота, мы видимъ, что эта теплота разсѣивается, по крайней мѣрѣ частью, прежде чѣмъ превратится въ работу. Разность температуръ между самыми теплыми и самыми холодными частями системы причиняетъ это разсѣиваніе, происходящее безъ затраты энергіи. Отсюда слѣдуетъ, что, если циклъ и заканчивается видимымъ возстановленіемъ первоначальнаго, хотя-бы механическаго, состоянія, то все-же произошла перемѣна въ распредѣленіи температуръ и эта перемѣна, соотвѣтствующая разсѣянію теплоты по всей системѣ, есть въ сущности слѣдствіе избытка положительныхъ явленій надъ отрицательными, слѣдовательно нѣкотораго общаго возрастанія тепловой энергіи и эквивалентнаго уменьшенія молекулярной. А этотъ результатъ говоритъ въ пользу энтропіи, ибо для возстановленія первоначальнаго распредѣленія температуръ нужно заставить перейти теплоту отъ болѣе холодныхъ тѣлъ къ тѣламъ болѣе теплымъ, что можетъ произойти лишь путемъ предварительнаго превращенія теплоты въ работу, а затѣмъ работы въ теплоту, т.-е. посредствомъ двухъ явленій отрицательнаго и положительнаго, которыя вполнѣ компенсируются.

Таково это ученіе: въ концѣ концовъ энтропія должна привести къ предѣльному состоянію, при которомъ система достигаетъ равномернаго распредѣленія температуры, полного относительнаго покоя своихъ частей и максимальной плотности (какъ съ химической, такъ и съ физической точки зрѣнія), соотвѣтствующей предѣльной температурѣ, такъ что потенциальная энергія, если не равна нулю, то по меньшей мѣрѣ минимальна. Впрочемъ, такъ какъ абсолютное равновѣсіе температуръ не можетъ установиться въ конечное время, то это предѣльное состояніе никогда не будетъ достигнуто, и даже по мѣрѣ своего движенія впередъ энтропія должна все болѣе и болѣе замедлять свои шаги.

Конечно, разсужденіе правдоподобно, но оно основано на смѣломъ обобщеніи опытовъ, относящихся къ поверхности земли, которыми нисколько не возмѣщается наше полное невѣдѣніе условій, поддерживающихъ теплоту солнца. А въ сущности весь вопросъ сводится къ солнечной теплотѣ. Въ концѣ годичнаго цикла мы не замѣчаемъ успѣховъ энтропіи на землѣ, но невольно задаемся вопросомъ, изъ какихъ источниковъ солнце могло пополнить громадную затрату своей теплоты. Нужно сознаться, что мы въ своихъ познаніяхъ нѣсколько подвинулись впередъ сравнительно съ Анаксимандромъ, но, по всей вѣроятности, черезъ двѣ съ половиной тысячи лѣтъ наши гипотезы вызовутъ такую-же улыбку, какую могутъ вызвать у насъ представленія древняго милетца.

Оспаривать гипотезы здѣсь не мѣсто, но не бесполезно замѣтить слѣдующее: до появленія механической теоріи теплоты допускали въ нашей солнечной системѣ во первыхъ, устойчивость относительнаго равновѣсія температуръ, во вторыхъ, устойчивость механическаго равновѣсія солнца и его спутниковъ. Первое допущеніе было слѣдствіемъ трудовъ Фурье, второе — Лапласа. Какъ-же пришли къ разрушенію этой гармоніи, опираясь на принципы, долженствовавшій скорѣе ее дополнить?

Причина этого въ томъ, что, сведя теплоту къ движенію, ее отличаютъ отъ другихъ движеній и продолжаютъ разсматривать, какъ совсѣмъ иную вещь со стороны способа ея передачи. И однако самая сущность способа передачи другихъ силъ природы намъ также неизвѣстна. Мы маскируемъ свое невѣдѣніе, говоря о потенциальныхъ энергіяхъ, но мы далеки отъ возможности измѣрять всѣ эти энергіи, электрическія, химическія и т. д., какъ измѣряемъ, напримѣръ, тѣ, которыя соотвѣтствуютъ теплотѣ или силѣ тяжести. Пока не будетъ выяснена независимость или взаимная связь энергій, преждевременно формулировать законъ, подобный энтропіи.

Этихъ замѣчаній достаточно для оправданія скептическаго отношенія къ новой доктринѣ. Но, можетъ быть, спросятъ: нужно-ли на этомъ основаніи отбросить, даже какъ гипотезу, это представленіе объ идеальныхъ и бесконечно отодвинутыхъ въ прошлое и будущее предѣльныхъ состояніяхъ вселенной, какъ-бы ни пред-

ставлялись эти противоположныя состоянія? Два других отвѣта на вѣчный вопросъ о судьбахъ міра, безконечная устойчивость настоящаго порядка вещей и безконечная смѣна періодовъ сложенія и разложенія, также не что иное, какъ гипотезы недоказанныя и, можетъ быть, недоказуемыя. Отчего-же не прибавить къ этимъ двумъ рѣшеніямъ древнихъ мудрецовъ третье, которымъ можетъ похвалиться современный умъ?

Вѣчное движеніе впередъ отъ прошлаго къ будущему, въ которомъ каждый шагъ безповоротно завоеванъ, передъ нашими глазами — цѣль, къ которой мы идемъ, какъ-бы далека она ни была, за нами — точка отправленія, отъ которой мы навсегда безповоротно удаляемся. Развѣ это представленіе не достойно философскаго ума? Развѣ оно не заслуживаетъ поддержки и развитія, не можетъ въ свою очередь вдохновлять и направлять человѣчество?

Однако, мнѣ кажется, что такія представленія должны имѣть достаточное основаніе въ опытѣ. Факты-же скорѣе доказываютъ относительную устойчивость настоящаго порядка вещей. Подлинная исторія міра, поскольку мы можемъ ее возстановить, не даетъ указаній на какой-либо значительный переворотъ въ этомъ порядкѣ и переживаемыя міромъ перемѣны, при своей относительной незначительности, происходятъ періодически, что обезпечиваетъ поддержаніе общаго равновѣсія. Ученіе о періодической эволюціи повидимому возникло прежде всего изъ антропоморфическаго представленія о природѣ: мы рождаемся и умираемъ; міръ также рождается и умираетъ; но, какъ и человѣческій родъ, онъ продолжаетъ существовать, обновляясь. Только къ этому грубому представленію наука прибавила совокупность признанныхъ ею возможностей. Она старалась вообразить величайшія перемѣны въ существующемъ порядкѣ и представляла себѣ ихъ теченіе необходимо подчиненнымъ, какъ все наблюдаемое нами, закону ритма, неизбѣжному повторенію періодовъ.

Что же касается гипотезы непрерывной эволюціи, энтропіи, то въ основаніи ея лежитъ также не научное открытіе, а представленіе совсѣмъ иного порядка, формулировка котораго дѣйствительно принадлежитъ настоящему времени. Это представленіе непрерывнаго движенія человѣчества къ идеалу, относительно ко-

того, впрочемъ, еще не пришли къ соглашенію. Да, мы можемъ мечтать объ этомъ прогрессѣ, мы можемъ мечтать даже о томъ, что ему слѣдуетъ слѣпая и бессознательная природа. Но если, мечтая о постоянномъ стремленіи человѣчества къ идеалу, мы опираемся на осязательную дѣйствительность, то въ мечтѣ объ энтропіи мы лишены эмпирической опоры, и оба эти представленія столь независимы другъ отъ друга, что, посвятивъ свои силы на осуществленіе перваго, мы можемъ безъ сожалѣнія отбросить второе,

Но наука еще не сказала своего послѣдняго слова по этимъ вопросамъ. Можетъ быть когда нибудь нашимъ потомкамъ придется констатировать безповоротное измѣненіе, рѣшающее нашу участь, какъ на примѣръ значительное уменьшеніе діаметра солнца. Тогда гипотеза объ устойчивости мірового порядка будетъ окончательно опровергнута и наступитъ время толковать о періодической или вѣчной эволюціи. А до тѣхъ поръ намъ остается только собирать факты и не слишкомъ довѣрять преждевременнымъ выводамъ, увлекающимъ насъ въ область непознаваемаго.

ГЛАВА V.

Ксенофанъ изъ Колофона.

1. Тезисъ Пиеагора.

1. *Можно-ли найти окольнымъ путемъ некоторыя физическія доктрины Пиеагора?* Хронологическій порядокъ послѣ Анаксимандра сомнителенъ. Если вѣрить Аполлодору, Ксенофанъ былъ даже старше Анаксимандра. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что онъ зналъ не только ученіе Анаксимандра, что было замѣчено уже Теофрастомъ (Diog. L., IX, 21), но и ученіе Пиеагора (отр. 18 = Diog. L., VIII, 36). Особенно сомнительно хронологическое положеніе Анаксимена. Однако, такъ какъ ни Пиеагоръ, ни Ксенофанъ, повидимому, не были знакомы ни съ однимъ изъ мнѣній Анаксимена, и эти мнѣнія носятъ характеръ болѣе позднихъ, то послѣ Анаксимандра первое мѣсто въ хронологическомъ порядкѣ принадлежитъ Пиеагору.

Во введеніи къ этой книгѣ я сказалъ уже по какимъ мотивамъ воздержусь отъ посвященія ему особой монографіи. Но слѣдуетъ опредѣлить его хронологическое положеніе: задача трудная, требующая по меньшей мѣрѣ нѣкоторыхъ поясненій.

Обыкновенно допускаютъ, что пиеагорейское ученіе долго оставалось въ тайнѣ и было обнародовано только со времени появленія сочиненій Филолая, въ началу IV в. до Р. X. Будь это мнѣніе справедливо, слѣдовало-бы отложить разсмотрѣніе пиеагореизма до изученія эпохи, когда раскрылись его догматы, такъ какъ тайное ученіе не только не оказываетъ вліянія на обработку понятій, но, наоборотъ, на самомъ себѣ претерпѣваетъ отраженіе этой обработки.

Но легенда о сохраненіи въ тайнѣ пифагорейскаго ученія не можетъ быть принята безъ ограниченій, такъ какъ легко доказать, что тайна относилась лишь къ нѣкоторымъ частнымъ пунктамъ, между тѣмъ какъ всѣ остальные мнѣнія Пифагора съ самаго начала распространялись какъ имъ самимъ, такъ и его ближайшими учениками, если не письменно, то по крайней мѣрѣ устно.

То, какъ Гераклитъ говорилъ о Пифагорѣ и Ксенофанѣ (Diog. L, VIII, 16 и IX, 1), служитъ достаточнымъ доказательствомъ извѣстности Пифагоровыхъ мнѣній, а также и относительной быстроты, съ которой распространялись по всей Элладѣ философскія ученія уже въ ту эпоху. Между тѣмъ считается, что Гераклитъ жилъ при Даріи, хотя его „Логосъ“ можетъ быть и былъ написанъ послѣ 478., какъ утверждаетъ Эд. Целлеръ. Съ другой стороны можно считать почти несомнѣннымъ, что еще при жизни Пифагора Ксенофанъ насмѣхался надъ его вѣрой въ метемпсихозу.

Но если даже этотъ знаменитый догматъ былъ извѣстенъ, что же оставалось въ тайнѣ? Невѣроятно, чтобы когда либо мы узнали это въ точности. Однако въ „Géométrie grecque“ я пытался доказать, что Пифагорейцы хранили въ тайнѣ математическія открытія и не потому, чтобы съ самаго начала существовали относительно этого опредѣленные правила, а просто потому, что эти открытія естественнымъ образомъ были достояніемъ ограниченнаго кружка ревнивыхъ избранниковъ. Но, когда къ концу жизни Пифагора одинъ изъ его учениковъ Гиппасъ присвоилъ себѣ нѣкоторыя изъ его сочиненій, въ школѣ произошелъ расколъ, и оставшіеся вѣрными учителю рѣшили сохранять его ученіе въ тайнѣ. Однако, уже въ половинѣ V в., группа математиковъ, доведенныхъ до бѣдственнаго положенія гоненіями и гражданскими войнами, добывала средства къ существованію, издавая геометрію „Традиція по Пифагору“. Ею, должно быть, пользовался Евдемъ изъ Родоса, и она-же была древнѣйшимъ прототипомъ Евклидовыхъ элементовъ.

Кромѣ математическихъ открытій съ самаго же начала хранился въ тайнѣ цѣлый рядъ мистическихъ символовъ, которые теперь мы до нѣкоторой степени знаемъ, но смыслъ и значеніе

которыхъ отъ насъ ускользають. Этотъ символизмъ, относимый Аристотелемъ прямо къ самому Пиеагору, долженъ былъ развиваться послѣ смерти Учителя среди посвященныхъ гораздо быстрѣе, чѣмъ геометрія. Если Филолаемъ и его преемниками были обнаружены именно мистическіе символы, то трудно опредѣлить истинную степень древности ученій, скрытыхъ подъ этими таинственными образами.

Относительно Пиеагоровой физики дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе, Прежде всего должна быть совершенно отброшена система, изложенная Филолаемъ, какъ сложившаяся изъ элементовъ ученій, возникшихъ послѣ Пиеагора. Но я думаю, что Пиеагоръ не имѣлъ основаній облекать тайной свою физику, такъ какъ полной системы у него не было, и преподавалъ онъ Іонійскую физику съ прибавленіемъ нѣсколькихъ собственныхъ мнѣній, часть которыхъ въ силу связи съ математикой была дѣйствительно достояніемъ ограниченнаго кружка. Мы не станемъ останавливаться здѣсь на томъ, въ какой степени этотъ кружокъ впоследствии хранилъ въ тайнѣ даже физическія мнѣнія Пиеагора. Во всякомъ случаѣ, высказанное мною предположеніе кажется мнѣ единственно примиримымъ съ совокупностью извѣстныхъ фактовъ. За отсутствіемъ прямыхъ источниковъ по физикѣ Пиеагера, намъ остается только отгадывать мнѣнія Пиеагора о мірѣ по слѣдамъ, которые они могли оставить въ сочиненіяхъ его современниковъ или мыслителей слѣдующаго поколѣнія.

2. *Вдыханіе міромъ пустоты, которое отрицалъ Ксенофанъ.*
Среди чудовищно извращенныхъ данныхъ о мнѣніяхъ Ксенофана Диогенъ Лаертскій (IX, 19) сохранилъ намъ одну драгоценную черту. Колофонскій поэтъ, счигая вселенную существомъ сознательнымъ, видящимъ и слышащимъ, отрицалъ однако, чтобы ей слѣдовало приписывать дыханіе. Трудно не признать въ этомъ отрицаніи полемику, направленную противъ современнаго Ксенофану ученія. А черезъ полтора вѣка мы встрѣчаемъ то же отрицаніе въ Платоновомъ „Тимей“ (33 с.), и на этотъ разъ уже не можемъ сомнѣваться въ томъ, что оно обращено противъ мнѣнія, которое Аристотель (Phys., IV, 6) прямо приписываетъ Пиеагорейцамъ, такъ какъ мысль о дыханіи вселенной не встрѣчается

ни у кого изъ фізіологовъ, за исключеніемъ, быть можетъ, Діогена изъ Аполлоніи, у котораго она болѣе чѣмъ сомнительна.

Во всякомъ случаѣ, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Діогенъ жилъ послѣ Ксенофана, то прямое отрицаніе послѣднимъ дыханія вселенной, въ связи со свидѣтельствомъ Аристотеля, позволяетъ заключить, что дѣло идетъ объ ученіи восходящемъ къ самому Пиеагору, болѣе того, объ ученіи открыто имъ преподававшемся. Остается рѣшить, въ какой мѣрѣ можно приписать Пиеагору ту формулировку ученія о дыханіи міра, которую мы находимъ у Аристотеля.

„Пиеагорейцы допускаютъ существованіе пустого пространства. Они говорятъ, что пустота проникаетъ во вселенную, поскольку она дышетъ безпредѣльнымъ дыханіемъ (πνεῦμα), и эта-то пустота разграничиваетъ вещи“.

Самая строгая историческая критика можетъ требовать въ данномъ случаѣ выдѣленія изъ текста лишь того, что свидѣтельствовало-бы о переработкѣ его послѣ Пиеагора или было-бы признано относящимся къ тайнамъ, которыхъ Ксенофанъ не долженъ былъ знать. А потому мы должны были бы отнестись подозрительно ко всякому слѣду того мистическаго символизма, которымъ, по примѣру учителя, злоупотребляли ученики Пиеагора, а также устранить все связанное съ астрономической системой Филолая или съ теоріей, признающей сущностью вещей числа, такъ какъ эта теорія, конечно, могла возникнуть лишь послѣ образованія понятія о сущности, которое встрѣчается впервые только у Ксенофана.

Но въ этомъ отрывкѣ нѣтъ ничего кромѣ грубой физики и конкретныхъ понятій. Цѣлое носить на себѣ несомнѣнную печать древности.

Прежде всего не долженъ вводить въ заблужденіе терминъ пустота: понятіе объ абсолютной пустотѣ возникло не раньше атомистовъ, и полемика Анаксагора противъ Пиеагорейцевъ, какъ ее передаетъ Аристотель, вполне доказываетъ, что допущенная ими пустота была только кажущейся пустотой, т.-е. воздухомъ, какъ его понимали древніе. А синонимическое употребленіе въ вышеприведенномъ отрывкѣ для обозначенія пустоты термина „рпеи-

та“ достаточно доказываетъ, что сами Пифагорейцы отдавали себѣ отчетъ въ материальности этой мнимой пустоты.

Нужно замѣтить, что ученіе о дыханіи вселенной часто прилагается исключительно въ притяженію, втянувшему при самомъ началѣ міра часть безпредѣльнаго въ нѣдра Единого. Здѣсь не мѣсто обсуждать, была-ли дѣйствительно у пифагорейцевъ вѣра въ реальное возникновеніе міра, какъ утверждаетъ Аристотель, опираясь впрочемъ не на подлинныя свидѣтельства, а на собственные выводы. Во всякомъ случаѣ всѣ тексты говорятъ объ этомъ дыханіи, какъ о явленіи, происходящемъ въ настоящее время, и его приходится представлять себѣ такимъ образомъ, что выдыханіе связано съ вдыханіемъ, совершенно какъ у живыхъ существъ. Итакъ передъ нами антропоморфизмъ, далеко не достойный современника Платона, чѣмъ еще болѣе оправдывается отнесеніе нами къ самому Пифагору найденной у Аристотеля формулировки.

3. *Исторія понятія о безконечномъ.* Слѣдуетъ, однако, помнить, что на ряду съ этой формулой школа позднѣе приняла другую, вполне отвлеченную, въ которой вселенную представляла Монада, а безпредѣльное Діада. Но безконечное, которое имѣлъ въ виду Пифагоръ, было, какъ мы видѣли, вполне конкретно. Въ материальномъ отношеніи оно отличалось отъ „апейрона“ Анаксимандра только тѣмъ, что не служило единственнымъ первоэществомъ космоса. Нельзя однако сомнѣваться въ томъ, что Пифагоръ представлялъ себѣ космолъ въ видѣ ограниченного шара, и почти несомнѣнно, что онъ приписывалъ ему движеніе суточного вращенія, отрицаніе котораго началось въ школахъ только со времени Филолая. Однако, въ отличіе отъ милетскаго фізіолога (Анаксимандра), самосскій геометръ имѣлъ точное понятіе о безконечности пространства, которое за предѣлами космоса онъ наполнилъ безпредѣльной „пневмой“. По крайней мѣрѣ такъ понималъ Пифагора Аристотель, и это толкованіе не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій, такъ какъ Пифагору съ его дуалистической системой не было нужды приписывать суточное вращеніе совокупности матеріи.

Но это только одна изъ сторонъ понятія „апейронъ“, каковымъ оно является съ этихъ поръ. Въ немъ есть другая сторона,

особенно привлекающая вниманіе школы, относящаяся къ роли безпредѣльнаго внутри космоса. Здѣсь оно разграничиваетъ вещи и само ими разграничивается. Такимъ образомъ безпредѣльное противопоставляется не ограниченному, но предѣлу (*πέρας*) т. е., говоря конкретно, воздухъ противопоставляется элементу, дающему вещамъ твердость и плотность; говоря геометрически, неограниченное пространство противопоставляется фигурѣ, точкѣ, линіи, поверхности, которыя его ограничиваютъ. Съ этой точки зрѣнія „апейронъ“ — цѣлое, а „перась“ — принципъ дѣленія или индивидуализаціи.

Такимъ образомъ мы возвратились къ той сторонѣ понятія, которую одну только видѣлъ Анаксимандръ. Съ этихъ поръ она приобрѣла большую точность, благодаря сближенію съ геометрическими понятіями. Обративъ вниманіе на то, что характеръ безконечной дѣлимости цѣлаго выражался въ школѣ посредствомъ уподобленія „апейронъ“ четному числу, замѣтимъ, что изъ понятія безпредѣльнаго внутри космоса выросло впоследствии понятіе бесконечно-малаго. Но здѣсь достаточно лишь указать на это, и мы ограничимся слѣдующими заключеніями:

1. Къ Пифагору восходитъ возникновеніе научнаго понятія о пространствѣ, какъ непрерывномъ внутри космоса и безпредѣльномъ внѣ его;

2. Пифагоръ обозначалъ объ стороны этого понятія (безграничное внутри космоса — неопредѣленное и безграничное внѣ космоса — бесконечное) посредствомъ одного термина „апейронъ“, употреблявшагося уже Анаксимандромъ въ болѣе узкомъ смыслѣ;

3. Пифагоръ вовсе не выдѣлилъ понятія абсолютнаго пространства, и его „апейронъ“ — кажущаяся пустота — былъ для него веществомъ подобнымъ воздуху;

4. На основаніи только что изложенныхъ заключеній не слѣдуетъ думать, чтобы уже съ конца VI в до Р. X. для завершенія понятія о безконечномъ пространствѣ оставалось лишь установить понятіе объ абсолютной пустотѣ. По словамъ Тейхмюллера, понятіе существуетъ лишь, когда оно приложено, т.е. когда терминъ, его обозначающій, влечетъ за собою необходимые выводы. Но въ эту эпоху мы не замѣчаемъ ничего подобнаго относительно

занимающаго насъ понятія, за исключеніемъ приложенія его въ геометріи къ теоріи параллельныхъ ліній, несомнѣнно извѣстной Пифагору.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что логическая „субъективная“ необходимость понимать пространство, какъ безконечное, поскольку такая необходимость поддерживается геометрическими усмотрѣніями, стала очевидной уже съ этого времени. Но оставалось узнать, имѣеть-ли эта необходимость объективную значимость, приложима ли она къ физическому пространству, понимавшемуся тогда, какъ мѣсто матеріи.

Мнѣ приходится употреблять современные техническіе термивы для объясненія положенія, намѣчавшагося тогда лишь въ самомъ смутномъ видѣ. Древніе не умѣли ясно выразить это различіе до Аристотеля, который отвергъ безконечное въ „дѣйствительности“, но призналъ его въ „возможности“. Но интересно прослѣдить этапы, черезъ которые прошла человѣческая мысль, прежде чѣмъ достигла этой своеобразной формулировки, а не принимать за абсолютно-дѣйное грубое понятіе, введенное Пифагоромъ, изъ котораго суждено было выдѣлиться путемъ абстракціи понятію абсолютнаго пространства, послѣ того какъ атомистами было установлено понятіе пустоты.

Я особенно настаиваю на томъ, что вопросъ возникъ прежде всего изъ потребности представить себѣ вселенную, и только Аристотель перенесъ его на почву логики.

Ясно, что ученіе Анаксимандра, который установилъ принципъ единства совокупности вещей, употреблялъ двусмысленный терминъ „апейронъ“ и приписалъ вселенной, сообразно видимости, движеніе суточного вращенія, создало антиномію. До установленія атомистами дуалистическаго понятія абсолютной пустоты были возможны только три выхода изъ этой антиноміи путемъ отрицанія каждаго изъ трехъ атрибутовъ, соединенныхъ Анаксимандромъ, (единства, безконечности и вращенія вселенной).

То, что первые Іонійцы, слѣдовавшіе за Анаксимандромъ, еще не занимались этимъ вопросомъ, доказываетъ, что онъ былъ поднятъ въ Италіи Пифагоромъ. Анаксименъ остался на точкѣ зрѣнія Анаксимандра. Гераклитъ отступилъ назадъ къ Thalésu, но не

потому, что подмѣтилъ путаницу понятій: на понятія Гераклитъ не обращалъ никакого вниманія.

Мы видѣли, что Пиеагоръ отрицалъ всеобщность движенія и слѣдовательно установилъ дуалистическую теорію. Также поступали по большей части слѣдовавшіе за нимъ физики, а именно Діогенъ изъ Аполлоніи и Анаксагоръ изъ Клазоменъ.

Далѣе можно было отрицать реальность видимаго вращенія. Это положеніе поддерживали тремя различными способами Филолай, Ксенофанъ и Мелиссъ.

Наконецъ, можно было отрицать безконечность. Такъ поступили Парменидъ и Эмпедоклъ. Впрочемъ, отрицаніе Эмпедокла, скрытое подъ покровомъ поэтическихъ оборотовъ, такъ неясно, что Аристотель даже не замѣтилъ его. Агригентинскій философъ даже употреблялъ терминъ „апейронъ“, но въ столь же неопредѣленномъ смыслѣ, какъ Гомеръ. Въ сущности, онъ считалъ, что вопросъ рѣшенъ Парменидомъ и не интересовался имъ больше. Элеецъ, напротивъ, развилъ свое положеніе съ точностью и извлекъ изъ него необходимыя слѣдствія.

Міропредставленіе Анаксимандра основано на видимости, но, такъ какъ вращательное движеніе безконечнаго невозможно, то міръ необходимо конеченъ. Существуетъ ли что либо внѣ міра? Придерживаясь съ Анаксимандромъ единства бытія, Парменидъ не могъ допустить внѣ міра ничего, кромѣ абсолютной пустоты, пространства безъ матеріи. Но онъ отбрасываетъ это понятіе, какъ немислимое. Небытіе никоимъ образомъ не можетъ существовать. Итакъ, міръ конеченъ, и внѣ его абсолютно ничего нѣтъ. Но такъ какъ вращеніе шара мыслимо лишь при существованіи внѣ его чего нибудь, къ чему-бы можно было отнести это движеніе, то видимое вращеніе, т. е. самая точка отправленія разсужденія, логически невозможно, и является только иллюзіей. Такимъ образомъ получается явное разногласіе между заключеніями разума и данными внѣшнихъ чувствъ. Здѣсь непроходимая пропасть, ибо это двѣ существенно различныя области, названныя Парменидомъ истинной и мнѣніемъ.

5. Такова сущность системы Элейца. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется совершенно ошибочнымъ искать въ ней чего нибудь кромѣ

этихъ сравнительно простыхъ понятій, достаточно разработанныхъ уже до Парменида. Несмотря на ограниченіе поля дѣйствій, мощь его дедукціи остается столь же поразительной и вполне объясняетъ значительность вліянія, оказаннаго имъ на дальнѣйшій ходъ греческой мысли.

Объяснить происхожденіе иллюзіи Парменидъ не пытался, ему казалось достаточнымъ ее констатировать. Въ этомъ отношеніи онъ отецъ идеализма, хотя его представленія носятъ чисто конкретный характеръ.

Съ половины V в., когда постановка Парменидова тезиса вызвала появленіе антитезиса, можно считать понятіе безконечнаго вполне установленнымъ, хотя еще не совершенно выясненнымъ. Такимъ мы его находимъ у Анаксагора и у всѣхъ кто, съ этихъ поръ говорить о безконечности матеріи. Таково оно у Мелисса, который, развивая зародышъ идеализма, тщето пытался преобразовать это понятіе, отбросивъ, какъ иллюзію, все протяженное и приписавъ свойство безконечности Бытію, которое онъ пробовалъ опредѣлить изъ одного разума. Такимъ было понятіе о безконечности у атомистовъ, которые ввели понятіе абсолютной пустоты.

Что касается Пифагорейской школы, она осталась вѣрной ученію о безконечности. Филолай, установивъ неподвижность вселенной и вращеніе земли вокругъ мірового центра, рѣшилъ задачу, оказавшуюся для Элейцевъ неразрѣшимой, но не имѣвшую такой важности для него, такъ какъ, будучи Пифагорейцемъ, онъ слѣдовалъ дуалистическому ученію. Архигу мы обязаны знаменитымъ аргументомъ о человѣкѣ на краю неба неподвижныхъ звѣздъ простирающемъ руку наружу (Simplic. in physic., 108 a). Но въ то время ученіе о пустотѣ уже распространилось, и Архитъ не рѣшаетъ окончательно, существуетъ ли внѣ міра матерія или только пространство.

Въ этомъ видѣ вопросъ дошелъ до Аристотеля, который, отбросивъ безконечность матеріи, а равнымъ образомъ и абсолютную пустоту, возвратился къ конкретной точкѣ зрѣнія, т. е. міропредставленію Парменида, удаливъ по возможности идеалистическое заключеніе. Онъ устранилъ затрудненія, перенесъ вопросъ на

другую почву, куда мы за нимъ, впрочемъ, не послѣдуемъ, такъ какъ главною цѣлью нашего отступленія было указать историческую связь различныхъ космологическихъ ученій и въ частности поставить на видъ, что вопреки преданію столь древнему, что о немъ упоминаетъ уже Аристотель, Парменидъ вполнѣ независимъ отъ Ксенофана, и Ксенофанъ занимаетъ совсѣмъ особое мѣсто.

Какъ уже было замѣчено, Ксенофанъ допускалъ безконечность матеріи, но отрицалъ суточное вращеніе и старался иначе объяснить небесныя явленія. Его грубыя попытки въ области физики имѣютъ столь же малую научную цѣнность, какъ и мѣны, которые онъ пытался замѣнить своими объясненіями, но самый фактъ этихъ попытокъ отдѣляетъ Ксенофана отъ Парменида непроходимой пропастью. Не менѣе различно высказываются оба поэта объ истинѣ и мнѣніи. Ксенофанъ — скептикъ, не имѣющій надежды постичь абсолютную истину. Элеецъ выдаетъ себя за обладателя критерія истины. Онъ очевидно зналъ сочиненія Ксенофана, но не заимствовалъ ни одного изъ его положеній.

II. Ксенофанъ какъ поэтъ.

6. *Жизнь и характеръ Ксенофана.* Чтобы правильно оцѣнить мнѣнія Ксенофана, необходимо отдать себѣ отчетъ въ его дѣйствительномъ характерѣ. Въ немъ видятъ обыкновенно философа, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ былъ скорѣе поэтомъ юмористомъ.

Крайнія даты его жизни, установленныя по Аполлодору, вѣроятно слишкомъ отодвинуты назадъ. Но ничто не мѣшаетъ принять ихъ за вѣрныя.

Нѣкогда могущественный Колофонъ, занимавшій первое мѣсто среди іонійскихъ городовъ на побережь Малой Азіи, лишился своего великолѣпія, растерзанный гражданскими междоусобіями, и ко времени рожденія Ксенофана находился уже около шестидесяти лѣтъ подъ владычествомъ Лидійцевъ (Геродотъ, I, 14). Но сводившееся къ уплатѣ дани подчиненіе уменьшило лишь богатство Колофона, и онъ остался по-прежнему центромъ поэзіи. Въ то время здѣсь блисталъ поэтъ Мимнермъ.

Ксенофанъ также повидимому былъ поэтомъ и поэтомъ прежде всего. Не имѣя средствъ къ существованію, онъ стихами зарабатывалъ хлѣбъ и съ двадцати пяти лѣтъ принялся за бродячую жизнь рапсода и трувера. Ксенофанъ еще продолжалъ ее, будучи почти столѣтнимъ старикомъ, и дожилъ странствующимъ поэтомъ до царствованія Дарія.

Однако, онъ покинулъ родину навсегда лишь когда она попала подъ болѣе тяжкое иго Персовъ (отр. 17), хотя и до того странствованія увлекали Ксенофана повсюду, гдѣ можно было встрѣтить радушный приемъ. Въ то время Фалесъ и Анаксимандръ только что умерли. Пиеагоръ, окруженный учениками въ Самосѣ, готовъ былъ отправиться въ Великую Грецію. Укрывшись прежде всего въ Сициліи, Ксенофанъ, должно быть, былъ свидѣтелемъ быстрыхъ успѣховъ пиеагорейскаго общества въ дорійскихъ городахъ Италіи. Связанный съ Элейскими Фокейцами, Ксенофанъ сталъ слагать эпопею ихъ приключеній, какъ нѣкогда онъ воспѣлъ возникновеніе своей собственной родины (Diog. L., IX, 20).

Въ теченіе своей долгой жизни Ксенофанъ долженъ былъ составить множество стиховъ всевозможныхъ размѣровъ и во всевозможныхъ тонахъ. Значительная часть этихъ пѣсень имѣла характеръ краткихъ элегій, и, хотя всѣ древніе допускаютъ, что Ксенофанъ далъ, если не образецъ, то по крайней мѣрѣ прототипъ для философскихъ поэмъ Парменида и Эмпедокла, мы не знаемъ, составляли-ли когда-нибудь одно цѣлое дошедшіе до насъ подъ именемъ Ксенофана, написанные гекзаметромъ, отрывки дидактическаго характера. Можетъ быть они извлечены изъ писанныхъ въ разное время сочиненій или, наконецъ, всѣ они или нѣкоторые изъ нихъ входили въ составъ „Пародій“ и „Силлъ“, въ которыхъ Ксенофанъ давалъ волю своей ироніи и которымъ впоследствии подражалъ скептикъ Тимонъ изъ Фліунта.

Дошедшіе до насъ стихи относятся, вѣроятно, къ концу жизни Ксенофана, когда онъ старался обратить на себя вниманіе, занимаясь вопросами, начинавшими интересоваться его слушателей и наиболѣе приличными его старческому возрасту. Но всякій поэтъ, достойный называться этимъ именемъ, обрабатываетъ болѣе или менѣе сознательно нѣкоторую совокупность мѣтній религіозныхъ,

философскихъ и моральныхъ, проявляющихся рано или поздно въ его произведеніяхъ и дающихъ имъ дѣйствительное единство. Ксенофанъ занимался подробной формулировкой такого рода мнѣній можетъ быть даже больше, чѣмъ всякій другой поэтъ, но не доказано, чтобы онъ собралъ ихъ въ особое сочиненіе, воздвигнувъ такимъ образомъ памятникъ своей мысли.

Ксенофанъ, какъ мыслитель, остался одинокимъ, хотя особенно быстро распространялись и долго пользовались популярностью именно тѣ изъ его стиховъ, въ которыхъ всего ярче проявилась своеобразность его воззрѣній, о чемъ свидѣтельствуетъ между прочимъ одинъ изъ отрывковъ Эмпедокла. У Ксенофана не было учениковъ, какъ не было и учителя.

7. *Борьба Ксенофана съ политеизмомъ.* Да въ немъ и не было никакихъ данныхъ, чтобы стать главою школы. Господствующая черта его характера имѣетъ много общаго съ тѣмъ, что у насъ называется юморомъ. Выше я назвалъ его скептикомъ. Это выраженіе неточно, такъ какъ предполагаетъ продуманную и сознательную систему. Ксенофанъ же больше сомнѣвался и насмѣхался. Его насмѣшка, то колкая, то веселая, направлялась противъ преданій и обычаевъ старины, но задѣвала и новыя вѣрованія и нравы современниковъ. Въ концѣ концовъ она обращается противъ самой себя. Кажется, что устами Ксенофана умирающая Іонія отрекается отъ вѣрованной героической молодости и, испуская послѣдній вздохъ, тщетно силится выдѣлнить изъ противорѣчій настоящаго девизъ будущаго.

Въ то время въ Аѣинахъ, древней метрополіи, которую несчастіе не только не ослабило, но усилило и прославило, Солонъ и Пизистратъ благоговѣнно собирали пѣсни Гомера и на ряду съ ними всѣ тѣ, которымъ преданіе приписывало глубокую древность. Здѣсь фабриковались и встрѣчали довѣрчивый пріемъ стихи приписываемые Ореею, Лину и Мусею. Эпименидъ, передѣлавъ на свой ладъ теогонію Гезіода, какъ бы далъ сигналъ къ религиозному обновленію, которому было суждено надолго стать главнымъ принципомъ жизненности города Минервы.

На Италійскихъ берегахъ, гдѣ нашель убѣжище покинувшій родину Ксенофанъ, онъ увидѣлъ, какъ Пиеагоръ пытался произ-

вести свою религиозно-нравственную реформу, примѣшивая къ старымъ суевѣріямъ новые обряды и къ эллинскимъ преданіямъ вѣрованія варваровъ.

И здѣсь, и тамъ — какая богатая пища для колкой ироніи Ксенофана. И онъ не упускалъ случая посмѣяться надъ Гомеромъ и Гезіодомъ (отр. 7), надъ Эпименидомъ (Diog., L., I, 111) и Пиеагоромъ (отр. 18). Довольно старыхъ басенъ и суевѣрно-чтимыхъ мѣовъ (отр. 21)! Ксенофанъ смѣется не только надъ поклоненіемъ богамъ, но и надъ вѣрой въ метампсихозу (18). Нападенія Ксенофана обрушились въ сущности на народную религію: на ряду съ стремленіемъ поэта выйти изъ круга опошленныхъ понятій и открыть Музѣ новые горизонты, въ стихахъ его чувствуется протестъ живого нравственнаго чувства противъ безстыдныхъ и грубыхъ мѣовъ и глубокое отвращеніе къ антропоморфическимъ атрибутамъ языческихъ боговъ. „Боги Фракійцевъ рыжеволосы и голубоглазы, а эфіопскіе боги имѣютъ черную кожу и вздернутый носъ“. (Клим. Александ., Strom., VII, стр. 711 в., а также отрывокъ 6).

Но Ксенофанъ не ограничился внѣшней формой легендъ и напалъ на самый корень вѣрованій: „Говорить, что боги возникли, это значить утверждать, что они могутъ умереть, т.-е., что они не имѣютъ Бытія, а это величайшее нечестіе“. (Aristot., Rhet., II, 23).

Здѣсь является впервые противуположеніе между бытіемъ и бываніемъ, которому суждено было долгое время занимать философію. Но это противуположеніе опирается у Ксенофана на принципъ, признанный еще первыми физиологами: „все возникшее должно умереть“.

Противупологалъ-ли Ксенофанъ древнимъ вѣрованіямъ собственное ученіе? Конечно, но его ученіе не есть достовѣрное знаніе, а лишь мнѣніе, такъ какъ, что бы тамъ ни говорили, а знаніе недоступно человѣку (отр. 14; не намекъ ли это на Пиеагора?) Если есть Богъ, то онъ вѣченъ; можетъ быть только одинъ Богъ; есть только одна высшая сила, всѣмъ управляющая (отр. 1, 2, 3).

Но этотъ единый Богъ, которому Колофонскій поэтъ, по остатку антропоморфизма, впрочемъ вполне извинительному, при-

писываетъ ощущенія и мышленіе человѣка, есть-ли онъ дѣйстви-тельно новый богъ, котораго Ксенофанъ воспѣваетъ и первымъ пророкомъ котораго является? Нѣтъ, всѣ свидѣтельства древнихъ согласны въ томъ, что этотъ Богъ — сама вселенная. Платонъ справедливо говоритъ (*Sophist.*, 242 d.), что это ученіе существовало до Ксенофана. Дѣйствительно нельзя не признать въ Богѣ Ксенофана — Небо, которое считалъ живымъ уже Анакси-мандръ. Но Ксенофанъ приписалъ ему вѣчность въ прошломъ и будущемъ и отказался видѣть главное проявленіе жизни вселенной въ кажущемся суточномъ вращеніи. Онъ отрицалъ это вращеніе и представлялъ себѣ вселенную въ цѣломъ неподвижной (отр. 4).

III. Ксенофанъ какъ фізіологъ.

8. *Его мнѣнія о природѣ.* Мы не станемъ останавливаться на выясненіи значенія указанныхъ нами выше различій между ученіями Анаксимандра и Ксенофана, такъ какъ существенность этихъ различій очевидна, но прямо обратимся къ изслѣдованію ихъ происхожденія и причинъ.

Объяснить атрибутъ вѣчности въ ученіи Ксенофана не трудно. Для него этотъ атрибутъ — логическій выводъ изъ полемики противъ народной религіи. Небо Анаксимандра, возникшее и переходящее, такъ же мало могло его удовлетворить, какъ Ураносъ Гезіода. Онъ восходитъ къ безконечному началу, невозникшему и непреходящему. Онъ оживляетъ это начало. Вотъ — Богъ, котораго требуетъ его мысль.

Но дѣйствительныя причины, заставившія Ксенофана приписать вселенной атрибутъ неподвижности, неясны. Отрицалъ-ли онъ вращательное движеніе просто потому, что считалъ неподвижность наиболѣе приличествующей божеству или оттого, что считалъ вселенную безконечной? Придавалъ-ли онъ точный смыслъ безконечности вселенной? Было-ли у него установленное мнѣніе по этому вопросу?

Отвѣтъ на эти вопросы тѣмъ болѣе затруднителенъ, что свидѣтельства древности прямо противорѣчатъ одно другому. Правду

сказать, если-бы ограничиться извѣстіями о томъ, какъ Ксенофанъ представлялъ себѣ вселенную, отвѣтъ былъ-бы ясенъ: вселенная безконечна и потому самому общее вращательное движеніе ея невозможно. Но по самому вопросу о безконечности только одинъ изъ древнихъ авторовъ — Николой Дамасскій высказывается въ томъ смыслѣ, который имѣютъ подлинныя отрывки Ксенофана. Во всѣхъ другихъ источникахъ, не восходящихъ къ этому автору, говорится, что онъ считалъ міръ ограниченнымъ, что онъ не высказывался по этому вопросу, или что онъ говорилъ за и противъ.

Прежде чѣмъ приступить къ обсужденію вопроса о безконечности вселенной у Ксенофана, нужно рѣшить, поскольку можно считать Колофонскаго поэта физикомъ. Оцѣнивъ Ксенофана съ этой точки зрѣнія, мы будемъ въ состояніи лучше судить о значеніи, какое слѣдуетъ придавать разногласію свидѣтельствъ по данному вопросу.

И прежде всего: имѣлъ-ли Ксенофанъ физическую систему? Правда, отдѣльныя черты, разбросанныя въ его отрывкахъ и у доксграфовъ, поддаются соединенію въ цѣлое міропредставленіе, не содержащее прямыхъ противорѣчій, но невозможно признать въ немъ дѣйствительной органической связи. Напротивъ, кажется, будто юморъ поэта играетъ забавными пародіями на данныя до него объясненія и парадоксальными противорѣчіями свидѣтельствамъ органовъ чувствъ.

Не въ насмѣшку-ли надъ предсказаніемъ Талеса говорилъ Ксенофанъ о солнечномъ затменіи, которое можетъ продолжаться цѣлый мѣсяцъ?

Судите сами, можно-ли смотрѣть серьезно на большую часть нижеслѣдующихъ утвержденій.

9. Плоская земля не имѣетъ предѣловъ ни съ боковъ ни снизу; ворни ея простираются въ безконечность; надъ нею столь-же безконечный воздухъ (отр. 12). Это представленіе — мечта поэта:

Que sa face ne soit pas ronde,
Mais s'étende toujours, toujours.
(Sully Prudhomme).

Всѣ свѣтила, начиная съ солнца и кончая кометами, метеорами и падающими звѣздами (13, 15) представляютъ собою раскаленные облака. Образовавшись изъ соединенія влажныхъ испареній, эти облака воспламеняются вслѣдствіе сближенія заключающихся въ нихъ огненныхъ частицъ или въ силу самаго своего движенія.

Это движеніе свѣтилъ прямолинейно и происходитъ по безконечной прямой. Видимая кривизна ихъ орбитъ есть иллюзія, зависящая отъ разстоянія. Я не считаю нужнымъ доказывать, что это парадоксъ, очевидный для каждаго, кто имѣетъ хоть кое-какія геометрическія понятія.

Итакъ, видимыя нами свѣтила не одни и тѣ же: каждый день, каждую ночь прежнія смѣняются новыми. Ксенофанъ могъ бы утверждать, что свѣтила не потухаютъ и безконечно продолжаютъ свой путь. Но можетъ быть онъ боялся приписать имъ вѣчность, которая сдѣлала бы ихъ богами и хотѣлъ поставить свѣтила наряду съ остальными переходящими явленіями или же усмотрѣлъ доказательство возможности угасанія свѣтилъ въ затменіяхъ.

Какъ-бы то ни было, Ксенофанъ допускаетъ, что, продолжая свой путь, свѣтила проходятъ надъ необитаемыми землями (морями, пустынями). Здѣсь ихъ свѣтъ былъ бы бесполезенъ, и они потухаютъ. Нѣкоторыя изъ нихъ снова зажигаются и освѣщаютъ иные дни и иные ночи жителямъ другихъ странъ земли. Въ этой фантастической гипотезѣ мы встрѣчаемъ своеобразное примѣненіе принципа цѣлесообразности и, можетъ быть, не мѣшаетъ это отмѣтить.

Такъ какъ земля безконечно простирается на сѣверъ и югъ, на западъ и востокъ, то повсюду происходятъ одни и тѣ-же явленія. Итакъ, есть безконечное число различныхъ солнцъ, освѣщающихъ безконечное число обитаемыхъ земель, міровъ, включенныхъ въ одну вселенную.

Вѣчность этой вселенной не исключаетъ частныхъ перемѣнъ. Напротивъ. Такъ вода и земля, образующія обитаемыя нами страны, нѣкогда были смѣшаны, потомъ раздѣлены дѣйствіемъ воздуха и солнечнаго огня (16). Находимыя въ землѣ ископаемыя

морскія животныя служатъ доказательствомъ этого частнаго переворота (4). Но въ концѣ концовъ восторжествуетъ пожирающее землю море и возстановится первичное смѣшеніе, конечно вслѣдствіе постепеннаго угасанія нашего солнца.

Итакъ, въ той части вселенной гдѣ мы живемъ, человѣчскій родъ возникъ и осужденъ на уничтоженіе. Впослѣдствіи онъ снова будетъ возникать въ соответствующіе моменты переживаемыхъ вселенною періодовъ.

10. *Ненаучный характеръ физическихъ мнѣній Ксенофана.* Въ послѣднемъ пунктѣ Ксенофанъ приближается къ Анаксимандру. Онъ распространилъ еще нѣкоторыя изъ мнѣній послѣдняго, какъ напримѣръ вполнѣ правильный взглядъ Анаксимандра на возникновеніе облаковъ и дождя. Но изъ всѣхъ остальныхъ оригинальныхъ мнѣній Ксенофана научную цѣнность имѣютъ только нѣсколько палеонтологическихъ наблюдений, сдѣланныхъ можетъ быть имъ самимъ, да имѣвшія нѣкоторый успѣхъ старанія изгнать изъ явленій природы народныхъ боговъ.

Мнѣнія поэта свидѣтельствуютъ скорѣе о пылкой фантазій, чѣмъ объ истинной изобрѣтательности. Часто они даже слишкомъ наивны. Напримѣръ, когда Ксенофанъ производитъ все живущее отъ земли и воды. Его мнѣнія о природѣ свѣтилъ возникли, повидимому, изъ убѣжденія, что ихъ огни питаются испареніями, поднимаемыми солнцемъ съ поверхности воды и земли. Впрочемъ, это убѣжденіе, весьма распространенное среди древнихъ физиковъ, было вполнѣ естественно въ эпоху, когда предполагали, что наша атмосфера простирается до свѣтилъ. Мы находимъ его въ системѣ Анаксимандра, должно быть его придерживался и Өалесъ, а потому не слѣдуетъ считать Ксенофана его отцомъ.

Оцѣнивая такимъ образомъ Колофонскаго поэта какъ физика, я не имѣю въ виду унижить его какъ мыслителя. Но ясно, что между тѣмъ какъ полемика Ксенофана противъ политеизма и провозглашеніе имъ всемірнаго Бога оказали вліяніе на развитіе эллинской теологіи и философіи, его физическія мнѣнія не были приняты и не оказали вліянія на ходъ науки. Несвязность этихъ мнѣній, тѣмъ большая, что самъ Ксенофанъ не потрудился привести ихъ въ систему, и явная нелѣпость нѣко-

торыхъ изъ нихъ привели къ тому, что уже со времени Аристотеля и Теофраста не старались отдать себѣ въ нихъ яснаго отчета. А послѣ Аристотеля и Теофраста уже не обращались къ сочиненіямъ Ксенофана, совершенно утраченнымъ при Галенѣ (2). Только такъ можно объяснить разногласія относительно мнѣнія объ ограниченности или безконечности вселенной, такъ какъ изъ міропредставленія Ксенофана очевидно, что онъ не могъ считать ее шарообразной и ограниченной.

Но въ то-же время несомнѣнно, что, если Ксенофанъ и считалъ вселенную безконечной, то не пользовался понятіемъ безконечности для отрицанія возможности общаго вращенія. Такое употребленіе понятія было бы подмѣчено Аристотелемъ и устранило бы всякое сомнѣніе въ значеніи, какое Ксенофанъ придавалъ термину, который не безъ основанія могъ быть понятъ въ его устахъ, какъ гомеровская мегафора.

Итакъ слѣдуетъ заключить, что Ксенофанъ не владѣлъ вполнѣ понятіемъ безконечнаго и, если и связывалъ отрицаніе вращенія вселенной съ мнѣніемъ о ея безконечности, то не на основаніи логическаго разсужденія, но скорѣе подъ вліяніемъ полусознательнаго чувства, которое такъ часто составляетъ логику поэтовъ и женщинъ.

IV. Заблужденіе Теофраста.

11. *Мнѣніе Ксенофана о безконечности.* Мнѣ остается теперь точнѣе выяснить, какъ возникли заблужденія древнихъ относительно истиннаго мнѣнія Ксенофана по вопросу о безконечности.

Древнѣйшее свидѣтельство о Ксенофанѣ мы находимъ у Аристотеля (*Metaph.*, I, 5, p. 986 b.): „кажется Парменидъ говорилъ объ Единомъ по разуму, Мелиссъ по матеріи. Поэтому первый считалъ Единое конечнымъ, второй — безконечнымъ (1). Что

---

1) Здѣсь Аристотель, повидимому, истолковываетъ ученія Парменита и Мелисса со своей точки зрѣнія. Парменидъ имѣлъ въ виду дѣйствительное пространство, которое самъ Аристотель считалъ ограниченнымъ, Мелиссъ же возможное, которое самъ Аристотель считалъ безконечнымъ. Парменидъ говорилъ о пространствѣ въ дѣйствительности, Мелиссъ въ возможности (матерія для Аристотеля—

касается Ксенофана, который установилъ единство (*ἐνίσας*) до нихъ (такъ какъ говорятъ, что Парменидъ былъ его ученикомъ), онъ не высказывался ясно (*οὐδὲν διεσαφύηκεν*) и кажется не касался природы Единаго ни съ той ни съ другой стороны, но, созерцая все небо, онъ говорилъ, что единое есть Богъ“.

Сказать по правдѣ, ничто не доказываетъ, чтобы фраза, относящаяся къ Ксенофану, принадлежала самому Аристотелю, а не была интерполирована. По замѣчанію Дильса (*Doxogr. graec.* стр. 109—110), приведенныя нами въ скобкахъ греческія слова вовсе не принадлежатъ языку Аристотеля и дѣлаютъ это мѣсто весьма подозрительнымъ. Но если ихъ значеніе и уменьшается такимъ образомъ, то все-же оно остается значительнымъ и во всякомъ случаѣ равносильнымъ по значенію свидѣтельству Теофраста.

Мнѣніе, что Ксенофанъ не высказывался объ ограниченности или безконечности вселенной, противорѣчающее отрывку 12, могло явиться вслѣдствіе недостатка точности въ языкѣ и разсужденіяхъ поэта, на что мы уже указывали. Но авторъ этой интерполяціи, повидимому, пришелъ къ своему мнѣнію подъ вліяніемъ легенды объ отношеніяхъ между Парменидомъ и Ксенофаномъ, не желая вырывать непроходимой пропасти между поэтами Колофонскимъ и Элейскимъ.

Совершенно противоположное мнѣніе развивается въ псевдоаристотелевскомъ трактатѣ „*De Melisso Xenophane et Gorgia*“, значеніе котораго относительно очень слабо. Яко бы Ксенофанъ доказывалъ, что Богъ — вѣченъ, единъ, подобенъ во всѣхъ своихъ частяхъ и шарообразенъ, но что онъ ни безконеченъ, ни конеченъ, ни въ покоѣ, ни въ движеніи. Я думаю, что этотъ трактатъ былъ составленъ какимъ нибудь перипатетикомъ, желавшимъ примирить противоположныя мнѣнія (Теофраста и Николая Дамаскаго) объ ученіи Ксенофана.

---

potentia—возможность). Парменидъ считалъ Единое (Бытіе) ограниченнымъ потому, что имѣлъ въ виду конкретную дѣйствительность, что совпадаетъ съ ученіемъ Аристотеля объ ограниченности реальнаго пространства. Мелиссъ считалъ Единое безконечнымъ потому, что имѣлъ въ виду математическую возможность, что совпадаетъ съ ученіемъ Аристотеля о безконечности пространства въ возможности. Н. П.

Мнѣніе Теофраста сохранилось у Симплиція (1), но въ сильно искаженномъ видѣ. По тексту Симплиція выходитъ, что авторъ приписывалъ Ксенофану тѣ-же антиноміи, какъ и авторъ трактата „De Melisso“. Симплицій развиваетъ эти антиноміи (какъ и доказательства единства и вѣчности) въ выраженіяхъ, вполне согласныхъ съ языкомъ трактата. Онъ цитируетъ два стиха отрывка 4, и утверждаетъ, что они не противорѣчатъ отрицанію покоя. Онъ упоминаетъ, что Николай Дамасскій говорилъ о вселенной Ксенофана, какъ безконечной и неподвижной, а Александръ Афродизскій, напротивъ, какъ объ ограниченной и шарообразной. Наконецъ въ заключительномъ дополненіи мы находимъ у него два тезиса, которые приписываетъ Ксенофану трактатъ „De Melisso“, но о которыхъ Симплицій еще не говорилъ.

Не удивительно, что критика колеблется передъ всѣми этими документами, темными и противорѣчивыми.

Признавая невозможность полагаться на трактатъ „De Melisso“ въ тѣхъ его частяхъ, точность которыхъ не подтверждается другими документами, я считаю однако, что Тейхмюллеръ ¹⁾ слишкомъ положился на возможность возстановить разсужденія Ксенофана. Онъ спрашиваетъ себя, не пользовался ли Симплицій кромѣ сочиненія Теофраста и псевдо-аристотелевскаго трактата третьимъ древнимъ источникомъ, въ которомъ какой-нибудь Элеецъ облекъ въ діалектическую прозу стихи Ксенофана. Эта смѣлая гипотеза кажется мнѣ недоказуемой. Не говоря уже о томъ, что покамѣстъ не будетъ найдено солидныхъ доказательствъ въ пользу противнаго, мы должны придерживаться того принципа, что одна перепатетическая школа собрала намъ подлинныя документы для исторіи философіи, невозможно приписать антиноміи Ксенофану, не впадая тѣмъ самымъ въ анахронизмъ по крайней мѣрѣ на цѣлое столѣтіе. Если авторъ трактата „De Melisso“ „ни что же сумняшеса“ смѣло помѣстилъ Ксенофана между Зенономъ и Горгіемъ, то намъ неопозволительно столь непринужденно обращаться съ фактами исторіи философіи, не имѣя въ рукахъ абсолютно убѣдительныхъ данныхъ.

---

1) «Stu'ien zur Geschichte der Begriffe».

Эд. Целлеръ ¹⁾ вполне доказалъ, что трактатъ „De Melisso“ не принадлежитъ Аристотелю и не воспроизводитъ настоящихъ мнѣній Ксенофана. Онъ доказалъ съ такою же несомнѣнностью, что Симплицій компилировалъ этотъ трактатъ. Далѣе онъ полагаетъ, что Симплицій вѣрно воспроизвелъ текстъ Теофраста въ началѣ разбираемаго мѣста, но понимать этотъ текстъ нужно въ томъ смыслѣ, что ученикъ Аристотеля придерживался мнѣнія учителя, т. е. утверждалъ, что Ксенофанъ не сдѣлалъ выбора между ограниченностью и безконечностью, покоемъ и движеніемъ.

Дильсъ ²⁾ доказалъ, что мнѣніе Целлера относительно Теофраста неосновательно. Сопоставленіе свидѣтельствъ доксграфовъ доказываетъ, что историкъ „Физиковъ“ представлялъ себѣ вселенную Ксенофана ограниченной, шарообразной и неподвижной.

Но какъ объяснить въ такомъ случаѣ текстъ Симплиція? Въ дѣйствительности дѣло очень просто. Въ рукахъ Симплиція вовсе не было историческаго труда Теофраста. Онъ цитируетъ ученика Аристотеля по Александру Афродизскому, который вѣрно слѣдуетъ Теофрасту и опровергаетъ Николая Дамасскаго. Но въ то-же время Симплицій пользуется трактатомъ „De Melisso“, который онъ приписываетъ Теофрасту или по крайней мѣрѣ думаетъ, что въ трактатѣ изложены мнѣнія послѣдняго. Итакъ, ему казалось, что Александръ извратилъ ученіе Теофраста и онъ пытался возстановить это ученіе посредствомъ интерполяцій, заимствованныхъ изъ трактата „De Melisso“. Приведенные имъ стихи Ксенофана взяты навѣрное изъ Теофраста по Александру; и, что-бы тамъ ни говорили, два первые (отр. 4) совершенно противорѣчатъ его тезису и вполне оправдываютъ тезисъ Теофраста и Александра Афродизскаго относительно неподвижности.

Но отсюда-же и изъ противорѣчія Николая Дамасскаго видно, что относительно ограниченности и шарообразности вселенной Теофрастъ не могъ найти прямого подтвержденія у Ксенофана, но лишь весьма неопредѣленные выраженія, какъ-то „подобный во всѣхъ своихъ частяхъ“ или „равный со всѣхъ сторонъ“, въ ко-

---

¹⁾ «La philosophie des Grecs», II, стр. 2—21.

²⁾ «Doxographi graeci» стр. 108, 113, 140.

торыхъ онъ усмотрѣлъ указаніе на сферическую форму и слѣдовательно ограниченность.

Какъ-же могъ Теофрастъ утверждать ограниченность Ксенофановой вселенной, чѣмъ и вызвано было впоследствии появленіе антиномій?

Прежде всего Теофрастъ, какъ и Аристотель, убѣжденъ въ ограниченности и шарообразности міра, а потому склоненъ увеличивать число приверженцевъ этого ученія. Съ другой стороны онъ проникнуть мыслию, что Ксенофанъ былъ учителемъ Парменида, который доказывалъ шарообразность вселенной и отдѣлялъ область истины отъ области мнѣнія.

Теофрастъ обратилъ особенное вниманіе на второй пунктъ, какъ наиболѣе характерный для элейской школы. Онъ примѣнилъ его къ ученію предполагаемаго основателя этой школы, охотно забывая, что у Ксенофана, напротивъ, область мнѣнія обнимаетъ собою всѣ вещи (отр. 14). Итакъ, въ вопросѣ объ атрибутахъ вселенной Теофрастъ пренебрегаетъ физическими мнѣніями Ксенофана, какъ поступилъ-бы онъ съ полнымъ правомъ, если-бы рѣчь шла о Парменидѣ. А потому ему было легко истолковать въ пользу своего тезиса двусмысленность нѣкоторыхъ поэтическихъ выраженій Ксенофана. Однако эти отрывки должны имѣть тотъ-же смыслъ, что и отрывокъ 2. Это отрицаніе грубаго антропоморфизма, приписывавшаго богамъ спеціальныя органы чувствъ и мысли.

Важность заблужденія Теофраста очевидна и констатированіе ея доказываетъ, что современная критика не должна складывать оружія передъ древнѣйшими свидѣтельствами исторіи философіи. Во всякомъ случаѣ самый фактъ этого заблужденія позволяетъ заключить, что Ксенофанъ вовсе не установилъ безконечность, какъ необходимый атрибутъ Единого. Его безконечность была инстинктивнымъ и смутнымъ вѣрованіемъ, связаннымъ съ конкретнымъ представленіемъ о Мірѣ.

Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что мнимая антиномія покоя и движенія возникла такимъ же образомъ, какъ антиномія ограниченности и безконечности: изъ желанія примирить ясно выраженную неподвижность цѣлаго съ частными движеніями и пере-

мѣнами, которыми пользуется Ксенофанъ при объясненіи явленій. Для этого примиренія былъ употребленъ тотъ же приѣмъ, что и для первой антиноміи: воспользовались аргументами, опровергнутыми софистами, но явившимися во всякомъ случаѣ не раньше Зенона.

Вообще Ксенофана такъ же мало можно назвать догматическимъ философомъ, какъ и серьезнымъ физикомъ. Однако съ философской точки зрѣнія нельзя отрицать, что Ксенофанъ въ нѣкоторомъ отношеніи проложилъ путь Пармениду, какова бы ни была разница въ ихъ міропредставленіяхъ. Созданіе понятія о единомъ Богѣ потребовало отъ Ксенофана значительной силы абстракціи. Достаточно было еще одного такого усилія, чтобы родился идеализмъ.

ГЛАВА VI.

Анаксименъ.

1. Понятіе *ἄπειρον* у Анаксимена.

1. Анаксименъ не считаетъ матерію безконечной; онъ придаетъ слову *ἄπειρον* то-же значеніе, что и Анаксимандръ.

Недостаточность нашихъ хронологическихъ знаній не позволяетъ намъ рѣшить, былъ-ли Анаксименъ лично знакомъ съ Анаксимандромъ, или нѣтъ; однако, нѣтъ сомнѣній въ томъ, что Анаксименъ почерпалъ свое вдохновеніе изъ труда своего соотечественника; правда, онъ внесъ большія измѣненія въ систему послѣдняго, но сохранилъ ея главнѣйшія черты: единство матеріи, вѣчность вращательнаго движенія, безконечную послѣдовательность міровъ, которые организуются лишь для того, чтобы вновь разрушиться. Наконецъ, признавъ воздухъ за первичную форму матеріи, Анаксименъ сохранилъ за нимъ эпитетъ *ἄπειρον*, которыми обозначалъ первовещество Анаксимандръ.

Теперь намъ слѣдуетъ спросить себя, какой смыслъ придавалъ этому эпитету третій представитель Милетской школы? Повидимому, онъ не могъ употреблять его въ томъ же значеніи, какъ его предшественникъ, если только это значеніе дѣйствительно было таково, какимъ мы его признали.

Вопросъ не въ томъ, какъ понимали этотъ эпитетъ Аристотель и Теофрастъ, а за ними доксграфы: относительно ихъ пониманія не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Для представителей Лицея *ἄπειρον* Анаксимандра — это абсолютная безпредѣльность въ пространствѣ. Но у насъ есть уважительныя причины отрицать такое пониманіе какъ у Анаксимена, такъ и у его пред-

шественика: вѣдь оба они допускаютъ суточное вращеніе все-ленной, непримиримое съ понятіемъ о безконечности матеріи.

Правда, Эдуардъ Целлеръ (I, стр. 247, прим 2), возражая Тейхмюллеру, утверждаетъ, что вѣчное движеніе воздуха, о которомъ говорятъ тексты и которое представляетъ собою начало возникновенія и разрушенія вещей — не суточное вращеніе, а скорѣе движеніе взадъ и впередъ. Но онъ приходитъ къ этому выводу именно потому, что тоже считаетъ матерію Анаксимена безпредѣльной; для насъ же послѣднее и является спорнымъ вопросомъ.

Тексты не даютъ, правда, прямого подтвержденія тезису Тейхмюллера, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Анаксименъ признавалъ реальность суточного вращенія вселенной, такъ какъ онъ разсматривалъ небо, какъ твердый сводъ, къ которому прикрѣплены звѣзды (9). Вполнѣ вѣроятно, что онъ признавалъ вращеніе вселенной вѣчнымъ, ибо того же мнѣнія держался Анаксимандръ и еслибы Анаксименъ отвергъ вѣчность этого движенія, ему нужно было бы объяснить его происхожденіе. Наконецъ, что-бы ни говорилъ Целлеръ, но и свидѣтельство Аристотеля (*De coelo*, II, 13, р. 295 а) имѣетъ большое значеніе.

Аристотель говоритъ, что *всѣ* тѣ, которые считаютъ міръ возникшимъ, признаютъ, что земля попала въ центръ вѣлѣдствіе вращательнаго движенія вселенной. Конечно, отсюда не слѣдуетъ, чтобы, по мнѣнію этихъ фізіологовъ, вращательное движеніе существовало до образованія земли. Но не въ этомъ вопросъ.

Если Анаксименъ допускалъ и реальность вращенія вселенной и безконечность матеріи, то какъ же онъ представлялъ себѣ воздухъ, находящійся за предѣлами небесной сферы? Въ видѣ инертной массы? Это прямо противорѣчитъ текстамъ. Если же онъ приписывалъ этому воздуху движеніе, то долженъ былъ отрицать всякое воздѣйствіе послѣдняго на нашъ міръ; онъ могъ воспользоваться имъ лишь для образованія безконечнаго числа міровъ, подобныхъ нашему, что и дѣлаютъ атомисты; однако, Анаксимена нельзя считать предшественникомъ ихъ въ этомъ отношеніи.

Нельзя серьезно сомнѣваться въ томъ, что въ приведенной цитатѣ Аристотель имѣетъ въ виду преимущественно обоихъ

Милетскихъ фізіологовъ; а этимъ твердо устанавливается тотъ фактъ, что оба они придавали большое значеніе суточному вращенію вселенной. Целлеръ утверждаетъ, что слово *εσθ* не должно быть понимаемо буквально и прилагается безъ исключенія ко всѣмъ философа́мъ, допускавшимъ возникновеніе міра; въ такомъ случаѣ ему слѣдовало-бы яснѣе опредѣлить, кого имѣлъ въ виду Аристотель. Ясно, что послѣдній подразумѣвалъ только тѣхъ физиковъ, которые пытались механически объяснить происхожденіе міра; а поэтому его слова не относятся ни къ Гераклиту, ни къ Платону, ни къ Пифагорейцамъ. Слѣдовательно, нечего и приводить въ примѣръ этихъ философовъ съ цѣлью исключить также и Анаксимена.

2. Итакъ, для Анаксимена ученіе о безконечности матеріи представило-бы тѣ-же затрудненія, что и для Анаксимандра. Но есть ли у насъ особыя основанія приписывать Анаксимену это ученіе? Можно было-бы сослаться на то, что Анаксименъ не повторяетъ объясненія, предложеннаго Анаксимандромъ для неподвижности земли въ центрѣ міра. Но объясненіе, допускаемое Анаксименомъ, прямо вытекаетъ изъ его представленія блуждающихъ свѣтилъ плоскими и увлекаемыми на подобіе листьевъ мировымъ вихремъ (10). Если, по его мнѣнію, свѣтила парятъ въ воздухѣ вмѣстѣ съ темными дисками землястаго состава, влоаѣ естественно, что и землю онъ представлялъ себѣ поддерживаемой воздухомъ, предположивъ ее, для этой цѣли, плоской, какъ столъ (прямоугольной?).

Я не согласенъ съ Целлеромъ (I, стр. 246) въ томъ, будто Анаксименъ высказываетъ мнѣніе о безконечности матеріи въ отрывкѣ, повидимому довольно точно сохраненномъ у доксографа (7). Сравненіе міра и воздуха съ нашими тѣломъ и душою доказываетъ скорѣе, что Анаксименъ, ограничивъ вселенную твердымъ сводомъ, не видѣлъ необходимости безконечно продолжать за его предѣлами воздухъ, проникающій весь міръ и облекающій всѣ его части. Другого значенія этому текъ ту придавать нельзя. Единственное, хоть сколько-нибудь важное основаніе — это то, которое я поставилъ въ началѣ главы въ формѣ вопроса: разъ Анаксименъ опредѣлилъ неопредѣленное вещество своего предше-

ственника, назвавъ его воздухомъ, и терминъ ἄπειρος сталъ у него, такимъ образомъ, атрибутомъ опредѣленнаго вещества—то естественно можно заключить, что этотъ терминъ измѣнилъ свое значеніе.

Но если мы отладимъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что оба представителя Милетской школы признаютъ единство матеріи во всѣхъ ея формахъ и что Анаксименъ только сдѣлалъ болѣе представимымъ ученіе Анаксимандра о единствѣ матеріи, вовсе не сдѣлавъ при этомъ шага назадъ (съ философской точки зрѣнія) отъ абстрактнаго понятія къ болѣе конкретному — то указанное затрудненіе окажется уже менѣе важнымъ, и наконецъ оно, думается мнѣ, совершенно устранится текстомъ (3), въ которомъ мнѣніе Анаксимена, по моему, всего менѣе извращено и гдѣ говорится, что воздухъ τῷ μὲν ἕνεκεν ἄπειρος — неопредѣленъ *по роду*.

Хотя это мѣсто взято болѣе или менѣе непосредственно изъ сочиненія Теофраста, разумѣваго подъ „ἄπειρος“ Анаксимандра „безконечное по величинѣ“ (μεγέθει) — однако мы не имѣемъ права вносить эту поправку въ текстъ; а послѣдній приводитъ насъ къ почти полному отождествленію значенія слова „ἄπειρος“ у обоихъ представителей милетской школы; если въ примѣненіи ко времени этотъ терминъ могъ-бы дѣйствительно обозначать безконечность, то въ примѣненіи къ пространству онъ означаетъ только неопредѣленность.

Такой взглядъ на дѣло подтверждается разсмотрѣніемъ текста „Philosophumena“ (2,2), въ которомъ извлеченіе изъ системы Анаксимена, сдѣланное Теофрастомъ, сохрѣнено въ самомъ подробномъ видѣ. Объяснивъ, что по мнѣнію Милетца воздухъ „ἄπειρος“ — начало всего существующаго, компиляторъ описываетъ его въ свойственномъ ему видѣ полнаго равновѣсія между расширеніемъ и сгущеніемъ. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе возникновенія другихъ видовъ матеріи, разсматриваемаго какъ слѣдствіе движенія.

Послѣдовательный ходъ мыслей можетъ быть прослѣженъ между строкъ; воздухъ „какъ таковой“, какъ выразились-бы позднѣе, такъ же неопредѣленъ для насъ, какъ и пространство (ἄπειρος), но онъ получаетъ опредѣленія, дѣлающія его ощутимымъ, поскольку онъ холоденъ, тепелъ, влаженъ, въ движеніи, наконецъ,

поскольку онъ превращается въ огонь, воздухъ, облака, воду, землю и камень. Итакъ, воздухъ *ἄπειρος*, поскольку онъ наполняет *сплошное* пространство, не имѣющее внутреннихъ разграниченій. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, чтобы воздухъ, или пространство были безконечны.

Слѣдовательно, въ дѣйствительности, Анаксименъ не пошелъ дальше Анаксимандра въ понятіи „*ἄπειρος*“. Однако, отсюда нельзя сдѣлать сколько-нибудь точнаго вывода о томъ, когда жилъ Анаксименъ. Вѣдь онъ могъ написать свое сочиненіе лѣтъ на пятьдесятъ позже Анаксимандра и тѣмъ не менѣе остаться внѣ круга новыхъ идей о безконечности, высказанныхъ Пифагоромъ или Ксенофаномъ. Еслибы мы даже нашли въ ученіи Анаксимена кое-какія заимствованія у того или другого изъ этихъ мыслителей по другимъ вопросамъ—то это не могло-бы вызвать серьезныхъ затрудненій. Очевидно, что вопросъ объ ограниченности или безграничности міра еще не былъ поставленъ Іонянами и безъ сомнѣнія прошло еще много времени, прежде чѣмъ, благодаря сильному вліянію италійскихъ школъ, вопросъ этотъ сталъ серьезно занимать умы. Я не думаю даже, чтобы Гераклитъ касался этого вопроса; но и воснувшись его, онъ вѣроятно высказался-бы за ограниченность міра (Diog. L., IX, 8).

II. Космологическая система.

3. *Устья въ области науки.*

Я указалъ главнѣйшіе пункты ученія Анаксимандра, сохраненные Анаксименомъ; что-же касается остальныхъ частей Анаксимандровой системы, то Анаксименъ совершенно переработалъ ихъ и его сочиненіе свидѣтельствуетъ о значительныхъ успѣхахъ въ области науки. Съ одной стороны, слишкомъ смѣлыя объясненія были замѣнены у него другими, болѣе простыми и вѣроятными, съ другой — увеличился кругъ положительныхъ знаній. Однако, нѣтъ указаній на то, чтобы Анаксименъ продолжительно изучалъ и глубоко изслѣдовалъ вопросы, не вошедшіе въ кругъ идей Анаксимандра; ничто не мѣшаетъ намъ думать, что новое

научное произведеніе было обязано своимъ происхожденіемъ человѣку сравнительно молодому.

Это произведеніе отличалось (Diog. L., II, 3) характерной особенностью, которую не мѣшаетъ отмѣтить: ясностью и простотою слога — качествами, необычными въ эпоху, когда прозаическій стиль только что началъ входить въ употребленіе, когда господствовалъ поэтическій, но неясный языкъ Анаксимандра, Пифагора и Гераклита. Въ силу этого не слѣдуетъ слишкомъ отодвигать назадъ время жизни Анаксимена; какъ прозаикъ, онъ скорѣе принадлежитъ ко времени Гекатея, чѣмъ Кадма Милетскаго.

Я уже указалъ на общее міропредставленіе, принятое нашимъ физиологомъ; оно очень близко подходитъ къ халдейскому: твердый небесный сводъ, въ который воткнуты на подобіе гвоздей звѣзды, вращается вокругъ земли „словно шапка вокругъ головы“; между небомъ и землею солнце, луна и другія блуждающія свѣтила парятъ въ воздухѣ, увлекаемыя мировымъ вихремъ; въ центрѣ земля — совершенно плоская (2), (9), (10), (12).

До Анаксимена мы не встрѣчаемъ у Эллиновъ подобнаго міропредставленія; однако эта система не настолько своеобразна, чтобы ей непременно нужно было приписывать восточное происхожденіе, хотя послѣднее и можетъ быть допущено; но если отвергнуть это предположеніе — то остается лишь приписать изобрѣтеніе этой системы самому Анаксимену.

Во всякомъ случаѣ, въ ней виденъ двойной прогрессъ съ научной точки зрѣнія: съ одной стороны, неподвижныя звѣзды, которыя Фалесъ вѣроятно помѣщалъ еще на одинаковомъ разстояніи съ остальными свѣтилами, а Анаксимандръ — между луною и землею, отодвинуты Анаксименомъ къ предѣламъ міра и ихъ кажущемуся движенію дано объясненіе, на нашъ взглядъ, конечно очень грубое (вращеніе небснаго свода), но во всякомъ случаѣ простое, вполне согласное съ совокупностью наблюденій (по крайней мѣрѣ съ той, которая имѣлась у древнихъ) и чрезвычайно удобное для установленія системы; съ другой стороны, пять планетъ впервые отличены отъ неподвижныхъ звѣздъ и по условіямъ своихъ движеній прямо уподоблены солнцу и лунѣ.

Правда, преданіе, которое въ данномъ случаѣ, повидимому, вполне заслуживаетъ довѣрія, приписываетъ Пифагору тѣ-же астрономическія свѣдѣнія; кромѣ того, хотя Анаксименъ благоразумно воздерживался отъ построения догадокъ относительно разстоянія свѣтилъ, по примѣру Анаксимандра и пифагорейцевъ, которые тоже, вѣроятно, занимались этимъ вопросомъ — зато онъ принялъ тотъ-же порядокъ расположенія свѣтилъ, которому слѣдовала пифагорейская школа, помѣстивъ ближе всего къ землѣ луну, затѣмъ солнце и наконецъ пять планетъ. Нельзя ли заключить отсюда, что Анаксименъ былъ ученикомъ Пифагора?

Эго единичное совпаденіе ничего не доказываетъ; съ одной стороны, практическіе успѣхи астрономіи Эллиновъ совершились, повидимому, на побережь Малой Азіи вполне независимо отъ вліянія Пифагорейской школы. Во второй половинѣ V-аго вѣка жили первые послѣдователи Фалеса, занимавшіеся наблюденіями надъ свѣтилами, опредѣленіемъ созвѣздій, составленіемъ календаря и предсказаніемъ погоды. Это были по большей части Эоляне, Клеостратъ съ Тенедоса, Матрикетъ изъ Меѳимны; Анаксименъ былъ, вѣроятно, знакомъ съ ихъ ученіемъ, такъ какъ онъ боролся (9) противъ предвзятаго мнѣнія о зависимости переменъ погоды отъ восхода и заката неподвижныхъ звѣздъ, приписывая эти переменны исключительно вліянію солнца. Съ другой стороны, со времени персидскаго завоеванія космологическія представленія Халдеевъ могли легче распространяться въ Іоніи, и особенно замѣчательно, что порядокъ расположенія планетъ у Анаксимена и пифагорейцевъ тотъ-же, что и у Гераклита.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что расположеніе эго заимствовано у Халдеевъ; но еще вопросъ, было ли оно принято самимъ Пифагоромъ. Каковы-бы ни были астрономическія свѣдѣнія Самоскаго мистика, называвшаго планеты „псами Персефоны“ (Аристотель у Порфирія, *Vita Pyth.*, 41) — онъ, конечно, могъ и не высказываться относительно расположенія планетъ, а такъ какъ не трудно доказать, что его школа восприняла научныя данныя, относящіяся къ гораздо болѣе позднему времени (напр., циклъ Энопида у Филолая и теорія затменій), то легко можно усомниться въ томъ, чтобы мнѣніе, о которомъ идетъ рѣчь, вос-

ходило ко времени Пифагора, а въ особенности — принадлежало ему самому.

Что-же касается возможности сношеній пифагорейской школы съ Халдеями послѣ смерти Пифагора, или даже при его жизни, — то стоитъ лишь вспомнить, напримѣръ, врача Демокеда, бѣжавшаго отъ двора Дарія, женившагося на дочери Милона Кротонскаго и игравшаго дѣятельную роль въ гражданскихъ войнахъ, во время которыхъ распался пифагорейскій союзъ Геродотъ, III, 129 — 137, Ямвлихъ, de Pyth. vit., 506, 512). Легко убѣдиться въ томъ, что астрономическія познанія Пифагора могли быть впослѣдствіи дополнены заимствованіями, сдѣланными не только у Грековъ, но и у варваровъ.

4. *Гипотеза темныхъ небесныхъ тѣлъ для объясненія фазъ и затмений.* Огносительно связи между доктринами Анаксимена и Пифагора у насъ существуетъ лишь одно и притомъ весьма недостаточное указаніе; сравненіе представленій Анаксимена съ представленіями Ксенофана приводитъ къ столь-же отрицательному результату. Единственное сходство, которое можетъ быть найдено между уроженцемъ Милета и уроженцемъ Колофона, состоитъ въ томъ, что оба они одинаково пытались объяснить происхожденіе радуги воздѣйствіемъ солнечнаго свѣта на тучи. Но это совпаденіе, очевидно, совершенно случайное, если даже допустить, что Анаксимандръ совсѣмъ не занимался объясненіемъ радуги ¹⁾.

Зато мы можемъ съ достовѣрностью указать одно представленіе, принадлежащее исключительно Анаксимену и служащее достаточноымъ доказательствомъ его самостоятельности, хотя точный смыслъ этого представленія, къ сожалѣнію, довольно неясенъ.

Изъ текстовъ доксорографовъ (2, 5, 9) мы узнаемъ, что Анаксименъ допускалъ кромѣ огненныхъ свѣтилъ еще другія тѣла, земли-

¹⁾ Отрывокъ 15-ый изъ поэмы Ксенофана очень неясенъ; Анаксименъ-же (11) старается объяснить различныя цвѣта радуги преобладаніемъ или солнечной теплоты, или-же влажности облака; фіолетовый цвѣтъ соответствуетъ, по его мнѣнію, болѣе густому наслоенію облаковъ, красный — получается при дѣйствіи лучей на поверхность облака. Что-же касается до наблюденія, якобы сдѣланнаго имъ надъ лунной радугой, то оно очень сомнительно; можетъ быть Анаксименъ подразумѣвалъ кольца планетъ.

стаго состава, невидимыя, но тоже вращающіяся въ небесномъ пространствѣ.

Тейхмюллеръ думаетъ, что Анаксименъ говоритъ здѣсь о твердомъ небесномъ сводѣ; но съ этой гипотезой трудно примирить тотъ фактъ, что тексты упоминаютъ о нѣсколькихъ темныхъ тѣлахъ. Целлеръ видитъ въ этихъ текстахъ намекъ на земляное ядро, находящееся внутри свѣтилъ; такое объясненіе, конечно, всего естественнѣе можетъ придти въ голову; его придерживались, вѣроятно, и доксографы, переписывавшіе этотъ текстъ. Однако въ другомъ мѣстѣ говорится, что солнце и луна состоятъ изъ огненнаго вещества и тонки какъ листья; чего ради сталъ-бы Анаксименъ класть эти листья на подкладку изъ землястаго вещества?

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Анаксименъ имѣлъ въ виду только солнце и луну, такъ какъ гипотеза его могла предназначаться лишь для одной цѣли, а именно: для объясненія фазъ луны и затменій и если Анаксименъ приписывалъ каждому изъ этихъ свѣтилъ двѣ стороны — свѣтлую и темную, то значить, онъ считалъ возможнымъ, что они поворачиваются, причеиъ свѣтлая сторона болѣе или менѣе скрывается отъ нашихъ глазъ. Такого-же объясненія придерживался, можетъ быть Фалесъ. Гераклитъ же несомнѣнно пользовался имъ; но послѣдній не приписывалъ свѣтиламъ плоской формы: онъ сравнивалъ ихъ съ полыми чашами (*σχαφαί*).

Θеофрастъ (*Diog. L., IX, 11*) находитъ, что Гераклитъ слишкомъ мало сказалъ о своихъ чашахъ; но во всякомъ случаѣ, для объясненія фазъ луны болѣе удобно предполагать свѣтила круглыми, чѣмъ плоскими. Что-же говоритъ Θеофрастъ объ Анаксименѣ? По странному совпадению, всѣ доксографы умалчиваютъ о томъ, какъ Анаксименъ объяснял затменія; можетъ быть и самъ историкъ *Физиковъ* опустилъ это объясненіе въ своемъ „Сокращеніи“, или же сказалъ о немъ лишь нѣсколько незначительныхъ словъ?

Современникъ Θеофраста, Евдемъ, объявляетъ напротивъ, будто Анаксименъ первый утверждалъ, что луна заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца и первый объяснилъ причину лунныхъ

затмевій; но по всей вѣроятности въ этотъ текстъ вкралась ошибка и нужно читать Анаксагоръ. Такимъ образомъ, намъ остается лишь прибѣгнуть къ предположенію.

Вспомнимъ, что Анаксагоръ, открывъ настоящую причину затмевій, но найдя свою теорію недостаточной для объясненія всѣхъ наблюдаемыхъ имъ явленій, придумалъ темныя тѣла, которыя могли бы скрывать отъ насъ луну; вспомнимъ, что и пифагорейцы приписывали ту-же роль своему *антихтону*—и, найдя упоминаніе о темныхъ тѣлахъ въ доксиграфій Анаксимена, мы, не колеблясь, признаемъ послѣдняго родоначальникомъ этихъ позднѣйшихъ взглядовъ и поэтому будемъ разсматривать упомянутыя тѣла, какъ нѣчто совершенно отличное отъ солнца и луны.

Представленіе о темныхъ тѣлахъ является необходимой ступенью къ открытію истины; научный прогрессъ, о которомъ оно свидѣтельствуетъ, состоитъ, главнымъ образомъ, въ признаніи періодическаго повторенія явленій и возможности предсказывать послѣднія. Анаксимандръ пренебрегъ въ данномъ случаѣ знаніями, завѣщанными Фалесомъ и впервые получившими дальнѣйшее развитіе при Анаксименѣ.

Гипотеза Анаксимена естественно должна была привести къ истинному объясненію затмевій. Стоило лишь спросить себя, какимъ образомъ эти темныя тѣла остаются невидимыми? и тотчасъ-же долженъ былъ придти въ голову вопросъ: не освѣщаются-ли они солнцемъ? тогда уже легко было замѣтить, что въ общемъ различныя состоянія этихъ тѣлъ должны вполне соответствовать фазамъ луны; а отсюда оставался всего одинъ шагъ до вывода, что луна сама по себѣ—темное тѣло. Затѣмъ уже легко было вывести заключеніе о той роли, которую луна играетъ при солнечномъ затмевіи; съ другой стороны, вопросъ объ освѣщеніи луны солнцемъ втеченіе ночи долженъ былъ навести на мысль о тѣни, бросаемой землею, и такимъ образомъ привести къ открытію причины лунныхъ затмевій.

Итакъ, гипотеза Анаксимена имѣетъ дѣйствительно научный характеръ; она тѣмъ болѣе служитъ къ его славі, что можетъ быть признана вполне самостоятельной, тогда какъ остальные взгляды фізіолога уже не носятъ печати оригинальности.

5. *Твердость небеснаго свода.* Изъ вѣй космологической системы Анаксимена суждено было долго просуществовать только одному представлеію о твердости небеснаго свода. Правда, впоследствии старались составить меѣе грубое понятіе о веществѣ, связующемъ неподвижныя звѣзды, но характеръ эгой связи не былъ измѣненъ и твердость небеснаго свода осталась основнымъ постулатомъ всей астрономіи до Коперника.

Однако странно, что въ слѣдующемъ вѣкѣ всѣ Іонійскіе физиологи отбрасываютъ это представлеіе, между тѣмъ какъ Италійцы, Парменидъ, Эмпедоклъ и атомисты—въ общемъ принимаютъ его. Въ системѣ Парменида можно даже, пожалуй, видѣть первый грубый набросокъ той теоріи, которая, стараясь объяснить движенія планетъ, предполагаетъ ихъ прикрѣпленными къ вогнутымъ концентрическимъ сферамъ, вложеннымъ одна въ другую; эта теорія была блестяще развита Евдоксомъ, ученикомъ пифагорейца Архита.

Но ни въ этомъ фактѣ, ни въ другихъ, болѣе позднихъ свидѣтельствахъ, мы не находимъ достаточнаго основанія приписывать теорію твердыхъ небесныхъ сферъ пифагорейской школѣ, какъ пытается сдѣлать это Эд. Целлеръ. Конечно, занятія математикой, которую преподавалъ самъ учитель, могли способствовать принятію эгого ученія; но мы увидимъ, что признаніе Парменидомъ твердости сферы неподвижныхъ звѣздъ по меньшей мѣрѣ сомнительно и что онъ, какъ я уже указывалъ, вдохновлялся скорѣе Анаксимандромъ, чѣмъ Анаксименомъ. Съ другой стороны, и представлеіе объ оболочкѣ, окружающей и ограничивающей, по ученію атомистовъ, каждый міръ, было вызвано совсѣмъ инымъ ходомъ мыслей, чѣмъ тотъ, который мы видимъ у Анаксимена.

Напротивъ, Эмпедоклъ, которому пришлось объяснить возникновеніе міра, исходя отъ однороднаго Сфероса, Эмпедоклъ, который въ началѣ находился, слѣдовательно, въ тѣхъ-же условіяхъ, что и Анаксименъ, принялъ повидимому мнѣніе послѣдняго относительно твердости небесной сферы; аналогія сказывается въ сравненіи обоими физиологами вещества сферы со льдомъ (*κρυσταλλοειδῶς*) и хотя эта аналогія можетъ показаться случайной, но сближеніе обоихъ взглядовъ позволяетъ освѣтить ихъ одинъ другимъ.

Зная, какъ Анаксименъ объяснялъ образованіе града (11) и снѣга, мы не можемъ сомнѣваться и относительно того, какъ онъ представлялъ себѣ происхожденіе „кристалла“, изъ котораго состоитъ его твердое небо. Небесный сводъ образовался, по его мнѣнію, изъ сгущеннаго воздуха, который сперва находился въ жидкомъ состояніи, а затѣмъ замерзъ, но лишь отчасти, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ сталъ бы непрозрачнымъ, какъ снѣгъ. Но какъ-же могло произойти это сгущеніе, если міровой вихрь долженъ былъ наоборотъ вызывать разрѣженіе по мѣрѣ удаленія отъ центра? Съ другой стороны, какъ могло произойти замерзаніе, если во многихъ пунктахъ небснаго свода зажжены неугасаемые огни звѣздъ?

Анаксименъ, конечно, не могъ избѣжать этого двойного вопроса; но относительно того, какъ онъ на него отвѣтилъ, намъ приходится ограничиться одними предположеніями. Впрочемъ, на первый вопросъ, повидимому, былъ возможенъ только одинъ отвѣтъ, заключавшійся какъ разъ въ допущеніи ограниченности пространства. Если тѣла землистаго состава, образующіяся благодаря сгущенію воздуха въ серединѣ вихря, отбрасываются въ центръ, или по направленію къ центру, то воздухъ, остановленный въ своемъ центробѣжномъ стремленіи предѣлами вселенной, тоже необходимо сгущается по краю вихря и образуетъ такимъ образомъ твердый сводъ.

Въ силу этого уплотненія, вызваннаго не холодомъ, а давленіемъ, образуется не ледъ (*κρύσταλλον*), а похожее на него тѣло (*κροσταλλοειδές*), могущее существовать наряду съ звѣздными огнями. Нужно, однако, объяснить, чѣмъ поддерживаются эти послѣдніе. По мнѣнію Анаксимена, солнце, луна и планеты возникли изъ влажныхъ испареній, которыя поднимаются отъ земли, причемъ постепенно разрѣжаются; такимъ образомъ, онъ представлялъ себѣ (какъ до него Анаксимандръ, а можетъ быть и Фалесъ) постоянный обмѣнъ веществъ между небомъ (дождь, градъ, снѣгъ) и землею (воздухообразные пары, способные воспламеняться). Восходящее движеніе веществъ продолжается до предѣловъ міра; но когда происходитъ уплотненіе, не весь воздухъ обращается въ „кристалл“, — часть его, расширяясь, отдѣ-

ляется; такимъ образомъ, огни звѣздъ питаются и поддерживаютъ свое существованіе частью на счетъ твердаго небснаго свода, безпрестанно обновляющагося, частью съ помощью новыхъ испареній, непрерывно поднимающихся къ нимъ съ земли.

Какъ бы ни было гадательно это возстановленіе теоріи Анаксимена, но оно вполне согласуется съ дошедшими до насъ данными объ ученіи Эмпедокла, если только внести поправку въ безсмысленный текстъ изъ *Placita*, по которому выходитъ, что огонь замораживаетъ воздухъ ¹⁾).

Намъ извѣстны еще слѣдующія подробности: изъ однородной смѣси Сфэроса прежде всего выдѣляется эфиръ (верхній воздухъ), затѣмъ огонь (по Эмпедоклу *свѣтлый воздухъ*), который, не находя свободнаго мѣста, прижимается къ твердому своду, образованному эфиромъ. Лишь въ силу вращательнаго движенія (которое, по мнѣнію Эмпедокла, поддерживается давленіемъ огня, а не вѣчно, какъ думалъ Анаксименъ) въ центрѣ вихря земля отдѣляется отъ воды, а послѣдняя выдѣляетъ въ свою очередь темный воздухъ, наполняющій все полушаріе, не занятое свѣтлымъ воздухомъ.

Исключивъ отсюда особенности, свойственныя ученію Эмпедокла, мы получимъ элементы предполагаемой теоріи Анаксимена: ограниченность вселенной, центробѣжное движеніе и, какъ результаты ихъ,—давленіе и уплотненіе вещества у предѣловъ міра.

6. *Порядокъ планетъ; сближеніе съ Гераклитомъ.*

Мнѣ остается еще сравнить Анаксимена съ Іонійскимъ філософомъ, непосредственно слѣдующимъ за нимъ въ хронологическомъ порядкѣ, а именно съ Гераклитомъ; это сближеніе позволитъ намъ освѣтить послѣдній неясный пунктъ въ космологической системѣ Анаксимена, пунктъ, на который я уже указывалъ: я говорю о порядкѣ расположенія планетъ.

Я не буду особенно настаивать на ученіи о постоянномъ обмѣнѣ веществъ между небомъ и землею, ученіи, котораго придерживались, по моему мнѣнію, первые Іонійцы; извѣстно, что Гераклитъ первый высказался съ полной ясностью объ этомъ

¹⁾ Аэцій, II, 11: *ἀέρος συμπυκνέντος ὑπὸ πυρός κρυσταλλοειδῶς*. Нужно, конечно, читать *ὑπὲρ πυρός* (надъ огнемъ); искаженіе это несомнѣнно очень древняго происхожденія. — См. Доксографію Эмпедокла (3), (11), (13)

двойномъ движеніи ($\alpha\lambda\omega \kappa\acute{\alpha}\tau\omega$) и приписалъ ему главную роль въ произведеніи явленій, отнявъ ее у суточного вращенія, которое онъ отбросилъ. Но, чѣмъ грубѣе физика Гераклита, чѣмъ болѣе отстала она отъ современныхъ ему знаній — тѣмъ скорѣе совпаденіе нѣкоторыхъ частныхъ пунктовъ въ астрономическихъ доктринахъ Анаксимена и Гераклита наводитъ на мысль, что Эфесскій теологъ зналъ мнѣнія Милетскаго фізіолога, или по крайней мѣрѣ черпалъ свои мысли изъ запаса идей, вошедшихъ въ общее употребленіе со времени Анаксимена.

Обратимъ вниманіе на слѣдующее мнѣніе Гераклита: (Diog. L. IX, 10) „Пламя солнца самое горячее, потому что другія свѣтила больше удалены отъ земли и вслѣдствіе этого меньше грѣютъ; хотя луна и ближе, но она вращается въ менѣе чистомъ пространствѣ. Солнце же находится въ совершенно прозрачной средѣ и на надлежащемъ отъ насъ разстояніи. Поэтому-то оно и даетъ всего больше тепла“.

Въ этомъ отрывкѣ ясно указанъ порядокъ расположенія свѣтилъ — если только допустить, что Гераклитъ зналъ планеты, что вполнѣ возможно, хотя онъ, можетъ быть, и не говорилъ о нихъ прямо. Отъ Анаксимена-же до насъ не дошло данныхъ, прямо относящихся къ лунѣ; у насъ есть лишь указаніе на пять планетъ (2, 6) и это указаніе тождественно съ тѣмъ, которое мы находимъ у Гераклита: эти свѣтила не грѣютъ по причинѣ своего разстоянія. Этого указанія вполнѣ достаточно для рѣшенія вопроса о томъ, какое положеніе занимало у Анаксимена солнце по отношенію къ неподвижнымъ звѣздамъ (а также и планетамъ). Но былъ-ли порядокъ расположенія свѣтилъ у Анаксимена прямо обратнымъ тому, который принялъ Анаксимаандръ? Не оставилъ-ли онъ луну между солнцемъ и землею?

Ключъ къ рѣшенію этого вопроса даетъ одно испорченное мѣсто, по которому Анаксименъ объясняетъ теплоту солнца быстротою его движенія (3) ¹⁾. Другія звѣзды, еще болѣе удаленныя, дол-

---

¹⁾ Нечего и останавливаться на высказанномъ компиляторомъ мнѣніи, что солнце есть земля; контекстъ показываетъ, что онъ пришелъ къ этому заключенію на основаніи словъ Анаксимена, говорящаго, что солнце произошло изъ земли (т. е., изъ ея испареній).

жвы быть, по его мнѣнію, еще болѣе горячими, хотя теплота ихъ и не ощущается на землѣ. Напротивъ, пламя болѣе близкаго свѣтила, т. е. луны, можетъ быть гораздо менѣе горячимъ и неощутимымъ, несмотря на близость разстоянія. Итакъ, Анаксименъ допускаетъ подобно Гераклиту, что разстояніе солнца есть максимальное разстояніе, при которомъ возможно термическое воздѣйствіе свѣтила на землю.

Отмѣтимъ затѣмъ, что Анаксименъ приписывалъ сопротивленію среды, въ которой парять блуждающія свѣтила, — различіе между ихъ движеніями и движеніемъ неподвижныхъ звѣздъ. Эта гипотеза, искусно примѣненная къ объясненію уклоненій планетъ, къ несчастію не была пригодна для научныхъ выводовъ при тогдашнемъ состояніи знаній, чѣмъ и объясняется пренебреженіе ею въ послѣдующее время. Однако, въ связи съ допущеніемъ вращенія вселенной, она вела къ одному неизбѣжному слѣдствію: собственное движеніе планеты (съ запада на востокъ) тѣмъ быстрѣе, чѣмъ ближе она къ землѣ. Поэтому, Анаксименъ долженъ былъ придти къ слѣдующему порядку расположенія свѣтилъ: луна, солнце, пять планетъ и неподвижныя звѣзды — если только онъ не заимствовалъ его у Халдеевъ.

Принятіе того же порядка Гераклитомъ, въ связи съ примѣчаніями, заимствованными, повидимому, у Анаксимена, тѣмъ болѣе замѣчательно, что, не смотря на поддержку со стороны пифагорейской школы, этотъ порядокъ лишь очень поздно сталъ общепринятымъ. Порядокъ-же, котораго держался Анаксимандръ, долго находилъ себѣ сторонниковъ, а Эмпедоклъ, въ силу своего оригинальнаго представленія о солнцѣ, долженъ былъ также отодвинуть его къ предѣламъ міра.

III. Единство матеріи.

7. *Анаксименъ первый безусловно признавалъ единство матеріи.* Анаксименъ глубоко измѣнилъ космологическую систему своего предшественника, но онъ много ближе придерживался объясненія физическихъ явленій, даннаго послѣднимъ; онъ только дополнилъ и развилъ объясненія Анаксимандра, не выходя изъ намѣченныхъ имъ рамокъ.

Намъ остается спросить себя, заслуживаетъ-ли Анаксименъ, какъ мыслитель, того мѣста, которое отвели ему въ исторіи? Безъ сомнѣнія (по крайней мѣрѣ на нашъ взглядъ), ибо онъ въ свою очередь поднялъ одну изъ тѣхъ проблемъ, которыя лежатъ на границѣ непознаваемаго и точно ускользаютъ отъ науки по мѣрѣ того, какъ она движется впередъ, продолжая настойчиво требовать отъ нея отвѣта. Онъ первый ясно выразилъ мысль о единствѣ матеріи, или скорѣе субстанціи, такъ какъ его „безиредѣльный воздухъ“ обладаетъ способностью ощущать, мыслить и хотѣть, подобно тому какъ тѣла, образованныя изъ него, воспринимаемы, мыслимы и доступны воздѣйствію.

Я говорю — первый, потому что Фалесъ ничего не писалъ по данному вопросу; двѣ вещи разныя — высказать болѣе или менѣе опредѣленную мысль, или же развить ее въ полности. Довказательствомъ этому служить Анаксимандръ; онъ также долженъ былъ признавать единство субстанціи: эта вѣра такъ естественна, можно даже сказать — инстинктивна! Не будь у него этой вѣры, развѣ сталъ бы онъ описывать міръ, какъ возникшій изъ единого начала и имъ же организованный? Но образность выраженій, которыми онъ пользовался при исполненіи своей задачи, затемнила истинное значеніе его мысли, она была истолкована въ томъ смыслѣ, будто первоначало — механическая смѣсь, изъ которой движеніе выдѣляетъ уже существующія вещи, не образуя ихъ предварительно. Анаксименъ же, напротивъ, прямо приписываетъ вѣчному движенію образованіе различныхъ тѣлъ, ихъ раздѣленіе и превращеніе однихъ въ другія посредствомъ производимаго имъ сжатія и расширенія. Онъ относится къ вопросу вполне сознательно, чего нельзя сказать объ его предшественникѣхъ.

Послѣ Ионійскаго періода, философія отвела вопросу объ единствѣ матеріи гораздо болѣе ограниченное мѣсто; подъ вліяніемъ моральныхъ и религіозныхъ тенденцій старались установить существованіе еще иныхъ субстанцій, кромѣ матеріи; сторонники противнаго мнѣнія получили названіе, въ которомъ сказался презрительный оттѣнокъ; при этомъ допускали, какъ само собою разумѣющееся, что матерія въ дѣйствительности одна, оставляя наукѣ заботу объ установленіи этого единства.

Но не смотря на вышеупомянутыя тенденціи, въ насъ такъ сильна врожденная потребность распространять на множественность ви́шнихъ вещей единство, кажущееся намъ сущностью нашего собственнаго я, что дуализмъ никогда не могъ серьезно восторжествовать въ философіи. Мыслители, единодушно признанные за самыхъ глубокихъ, по крайней мѣрѣ мечтали о высшемъ, трансцендентномъ, или имманентномъ единствѣ духа и матеріи, и хотя ни одна изъ данныхъ ими формулъ не стала общепризнанной, тѣмъ не менѣе никто, кажется, не рѣшился бы указать на тщетность подобныхъ изслѣдованій, боясь тѣмъ самымъ вычеркнуть себя изъ числа философовъ.

8. *Эмпирическій плюрализмъ въ современной наукѣ.* Но что-же дѣлала тѣмъ временемъ наука? Замѣтимъ прежде всего, что при своемъ теперешнемъ состояніи она признаетъ за исходный пунктъ атомизмъ, а послѣдній по самому существу своему предполагаетъ множественность.

Я не буду останавливаться на допущеніи наряду съ атомами пустого пространства; это *не-бытіе* является, по правдѣ сказать, чистымъ скандаломъ для метафизики; но если нельзя вполне устранить затрудненіе, то легко, по крайней мѣрѣ, обойти его. Я настаиваю на томъ, что ни у Левкиппа, ни у Демокрита, ни у Эпикура атомы далеко не тождественны между собою.

Правда, у нихъ есть общія свойства, но единство, въ которому они такимъ образомъ приводятся, вполне искусственное, всецѣло зависящее отъ субъективныхъ условій нашего сознанія; въ силу своихъ различій они составляютъ большее или меньшее количество веществъ, совершенно несводимыхъ другъ на друга; для того, чтобы объяснить причину этихъ различій, нужно было-бы восстановить субъективные принципы Аристотеля *εἶδος* и *στέργσις* (форму и лишеніе)—но и это ни на шагъ не двинуло-бы насъ впередъ.

Подобно различнымъ видамъ атомовъ и различныя простыя тѣла—элементы, на которые современная наука разлагаетъ сложныя вещества, несводимы другъ на друга и, какъ извѣстно, число ихъ съ каждымъ днемъ увеличивается. Итакъ, доступныя намъ данныя опыта, повидимому, прямо опровергаютъ предполагаемое единство.

Однако, потребность въ этихъ единствѣ, одинаково ощущаемая и учеными и философами, вызвала энергическую реакцію противъ убѣжденія въ дѣйствительной простотѣ химическихъ атомовъ. Стали говорить, что если мы въ настоящее время не имѣемъ возможности разложить элементы, то это еще не доказательство дѣйствительной простоты ихъ; по мѣрѣ того, какъ, благодаря новымъ открытіямъ, все увеличивается число элементовъ, все легче становится находить въ нихъ несомнѣнные признаки сложности, путемъ сравненія ихъ свойствъ. Однимъ словомъ, господствующее въ настоящее время мнѣніе разсматриваетъ химическіе атомы какъ болѣе или менѣе сложныя системы, составленныя изъ *недѣлимыхъ* одного типа, причѣмъ отождествляетъ эти *недѣлимыя* съ послѣдними частицами гипотетической стихіи — эфира, въ нѣдрахъ котораго какъ-бы погружены всѣ тѣла природы.

Эта гипотеза возникла сравнительно недавно, и ей, повидимому, предстоитъ долгое и блестящее существованіе: все равно, сохранитъ-ли она свою теперешнюю форму, или приметъ иную, аналогичную—она приведетъ къ открытіямъ, которыя послужатъ для нея новымъ подтвержденіемъ. Поэтому, я вовсе не имѣю намѣренія опровергать эту гипотезу; мнѣ-бы хотѣлось лишь поставить на видъ, что не только теперь согласіе ея съ дѣйствительностью далеко не доказано, но что она и навсегда останется недоказуемой, каковы бы ни были подтвержденія, почерпаемая ею изъ опыта.

Чтобы отдать себѣ въ томъ полный отчетъ, достаточно простаго разсужденія, что эфиръ, съ которымъ отождествляютъ послѣднія частицы матеріи, есть и всегда будетъ чистѣйшей гипотезой; а слѣдовательно и вождельбное тожество всегда останется гипотетическимъ.

Что существованіе эфира въ настоящее время вовсе не доказано—объ этомъ и спорить нечего; что оно навсегда останется недоказуемымъ—это, можетъ быть, болѣе смѣлое утвержденіе; но мнѣ кажется, что его можно доказать слѣдующимъ образомъ.

Мы допускаемъ два рода доказательствъ въ пользу существованія матеріи: одни изъ нихъ основаны на непосредственномъ

свидѣтельствъ чувствъ, другія выведены при помощи разсужденія.

Первый родъ доказательствъ очевидно нужно отбросить; если эфиръ и существуетъ, то онъ можетъ восприниматься нами не иначе, какъ черезъ посредство вѣсомой матеріи, ибо изъ нея-же образованы наши органы чувствъ и живемъ мы въ вѣсомой средѣ. Итакъ, мы воспринимаемъ только движенія вѣсомой матеріи; и эфиръ придуманъ лишь для объясненія передачи этихъ движеній, а вовсе не происхожденія ихъ.

Такимъ образомъ, намъ остаются доказательства, выведенныя при помощи разсужденія. Разсужденіе же это можетъ быть или индуктивнымъ, или дедуктивнымъ; но для доказательства существованія эфира индукція непримѣнима, такъ какъ она можетъ быть основана лишь на аналогіяхъ съ веществами, непосредственно доступными нашимъ ощущеніямъ, а эфиръ, по самому своему понятію, отличается совсѣмъ инымъ характеромъ.

Дедукція-же для того, чтобы дать доказательство, должна вестись слѣдующимъ образомъ: если происходятъ такія-то явленія, то необходимо, чтобы существовало вещество, имѣющее такія и такія свойства. Но вопросъ, поставленный такимъ образомъ, можетъ быть рѣшенъ лишь математическимъ путемъ, а наука еще не настолько ушла впередъ, чтобы можно было серьезно приступить къ подобному рѣшенію; поэтому, ограничились тѣмъ, что придумали аргюи нѣкоторыя свойства и стали провѣрять, удовлетворяютъ ли они условіямъ опыта. Но такъ какъ этимъ путемъ еще не пришли къ установленію гипотезъ, согласныхъ съ дѣйствительностью, то еще рано поднимать вопросъ о томъ, не могутъ ли эти гипотезы съ такимъ-же успѣхомъ быть замѣнены другими.

Но предположимъ даже, что всѣ математическія проблемы рѣшены и что вопросъ вполне выясненъ. Для объясненія свѣтовыхъ и иныхъ явленій нужно, чтобы эфиръ имѣлъ нѣкоторыя опредѣленныя свойства; но будетъ-ли такимъ образомъ доказано само существованіе эфира?

Вѣрить въ это, значило-бы ошибаться относительно могущества и дѣйствительной роли математики. Пусть гипотеза приметъ форму уравненія; она станетъ вслѣдствіе этого болѣе полной и точной; но что же будутъ въ дѣйствительности представлять собою пред-

полагаемыя свойства, служащія для опредѣленія эфира? Только математическія отношенія между условіями движеній частицъ въ-соемой матеріи. Эти движенія — единственный научно достовѣрный фактъ, принятый въ качествѣ первой посылки. И въ заключеніи не можетъ получиться другого научнаго факта; вѣдь изъ математическихъ отношеній нельзя создать вещества.

9. Монизмъ недоказуемъ.

Однимъ словомъ, единство химической матеріи и для насъ такой-же постулатъ, какъ и для Анаксимена. Что же мы скажемъ объ единствѣ инертной и живой матеріи?

Я не стану поднимать вопроса о единствѣ матеріи только живой и матеріи чувствующей и мыслящей: это такая почва, на которой вѣчно сталкиваются и ни на шагъ не подвигаются впередъ. Но далеко-ли мы вообще ушли отъ Іонійцевъ въ вопросѣ о жизни?

Не такъ давно былъ рѣшенъ важный вспомогательный вопросъ: было установлено тожество химическаго вещества органическаго и неорганическаго міра; ни плавилики, ни зонды не попали на слѣдъ какого-либо вещества, исключительно свойственнаго первому изъ этихъ двухъ міровъ.

Между тѣмъ несомнѣнно, что жизнь представляетъ собою явленіе особаго порядка, несводимое на явленія порядка физическаго, или химическаго. Итакъ, есть разница между этими явленіями, и хотя мы достаточно убѣдились въ томъ, что не въ матеріи слѣдуетъ ее искать, тѣмъ не менѣе факты приводятъ насъ прямо къ дуализму.

Есть два способа выйти изъ этого затрудненія, не покидая объективной точки зрѣнія — единственной, на которой можетъ стоять наука о природѣ.

Во-первыхъ, можно утверждать, что жизнь — всеобщее явленіе, и если мы не всюду можемъ ее констатировать, то это зависитъ отъ несовершенства нашихъ способовъ изслѣдованія, для которыхъ остаются недоступными тончайшія частицы, носительницы жизни неорганическаго міра. Эта гипотеза, конечно, совершенно необоснована и не имѣетъ въ себѣ ничего научнаго: она приво-

дить насъ прямо къ гилозоизму первыхъ Іонійцевъ, лишь приспособленному къ новѣйшимъ научнымъ открытіямъ.

Во-вторыхъ, можно говорить, что жизнь, которую намъ не удается произвести въ нашихъ лабораторіяхъ, тѣмъ не менѣе должна была явиться на поверхности земли при наличности нѣкоторыхъ элементовъ, при извѣстныхъ условіяхъ температуры и давленія. Это и есть матеріалистическая точка зрѣнія.

Еще въ недавнее время, когда почти повсемѣстно господствовала вѣра въ самопроизвольное зарожденіе, матеріализмъ былъ очень простъ и мало чѣмъ отличался отъ гилозоизма, но не могъ встрѣтить серьезныхъ возраженій со стороны науки. Но новѣйшія изслѣдованія, составляющія славу нашего вѣка вообще и Франціи въ особенности, повидимому окончательно причислили къ области миеовъ это старинное вѣрованіе предшествующихъ вѣковъ.

Однако, логика фактовъ такъ мало вліяетъ на построеніе гипотезъ, что матеріализмъ не только не былъ поколебленъ этой перемѣной обстоятельствъ, но напрогивъ какъ-бы возродился въ наши дни вслѣдствіе введенія эволюціонныхъ идей. Эволюціей такъ легко объяснить цѣлый рядъ фактовъ; нельзя-ли объяснить ею и жизнь?

Я не замѣчаю однако, чтобы смутныя указанія на возможность примѣненія эволюціи къ рѣшенію этого вопроса привели къ серьезнымъ попыткамъ; приверженцы эволюціи, вѣроятно, поняли, что она въ сущности уже предполагаетъ жизнь и поэтому ограничились повтореніемъ старыхъ матеріалистическихъ тезисовъ, не внеся въ нихъ замѣтныхъ измѣненій. Недостаточность этихъ тезисовъ очевидна; нужно было по меньшей мѣрѣ стараться опредѣлить, при наличности какихъ элементовъ и при какихъ внѣшнихъ условіяхъ возникаетъ жизнь.

Я хочу главнымъ образомъ показать, что съ логической точки зрѣнія матеріализмъ уступаетъ гилозоизму. Если у живого есть какой-нибудь постоянный признакъ, то это—свойство возникать изъ живого-же. Предположимъ даже, что дѣйствительно произошелъ вождельный для матеріалиста случай произвольнаго зарожденія элементарнѣйшаго существа, какое только извѣстно, или можетъ быть представлено; предположимъ, что этотъ фактъ вполне

констатированъ наукой; если существуетъ логика, если индукція — не пустое слово, то мы съ полнымъ правомъ можемъ заключить, что это живое вещество было произведено не неорганизованной матеріей, но существами организованными, которыя настолько малы, что мы до сихъ поръ и не подозрѣвали о нихъ, но которыя мы теперь съ жаромъ примемся отыскивать.

Такимъ образомъ, со временъ Анаксимена наука собирала факты, которые съ перваго взгляда скорѣе подтверждаютъ множественность — и тѣмъ не менѣе она съ непобѣдимымъ упорствомъ ищетъ единства, роковымъ образомъ возвращаясь къ древнему гилозоизму. Выше я назвалъ гилозоизмъ гипотезой, необоснованной съ научной точки зрѣнія; нужно-ли говорить о томъ, что дуалистическія гипотезы заслуживаютъ того-же названія?

ГЛАВА VII.

Гераклитъ Эфесскій.

1. Космологическая система.

1. *Общій очеркъ.* Въ предыдущихъ главахъ я уже имѣлъ случай указать, что съ научной точки зрѣнія оставшееся отъ Гераклита сочиненіе вовсе не было шагомъ впередъ. Главное значеніе Гераклита заключается въ религіозныхъ и моральныхъ тенденціяхъ, оказавшихъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ философіи. Но, какъ физикъ, онъ примыкаетъ къ первымъ Іонійцамъ или даже усваиваетъ мнѣнія еще болѣе первобытныя.

Гераклитъ, подобно Анаксимандру и Анаксимену, былъ убѣжденъ въ единствѣ первоначала, скрытаго подъ разнообразіемъ видимыхъ явленій. Онъ вѣрилъ, какъ и эти философы, что міръ возникъ и долженъ погибнуть, чтобы снова возродиться. Мало того, онъ дерзнулъ опредѣлить продолжительность періода въ теченіе котораго совершается эта роковая эволюція ¹⁾. Но возникновеніе и разрушеніе міра не было для него механическимъ слѣдствіемъ суточного вращенія: онъ считалъ, что явленія, за-

---

¹⁾ Восемнадцать тысячъ лѣтъ (9). По Цензорину-же, сообщающему намъ кромѣ того, что Гераклитъ опредѣлялъ нормальную продолжительность поколѣнія въ 30 лѣтъ, десять тысячъ восемьсотъ лѣтъ. $10,800 = 30 \times 360$; это значить, что человѣчскія поколѣнія служатъ днями великаго года, въ теченіе котораго существуетъ міръ. На основаніи подобнаго же расчета стойкъ Діогенъ изъ Вавилона помножилъ на 365 мировой годъ Гераклита. Нѣтъ основанія считать эти періоды заимствованными у Халдейцевъ.

ставляющія предполагать это вращеніе, соотвѣтствуютъ только частнымъ движеніямъ, а не общему вращенію неба.

На мѣсто этой механической причины Гераклитъ поставилъ физическій законъ превращенія, который онъ въ точности не опредѣлилъ, а лишь назвалъ роковымъ. Законъ превращенія управляетъ постояннымъ обмѣномъ вещества между небомъ и землею, обмѣномъ, уже допущеннымъ первыми Іонійцами. Для объясненія мірового порядка, Гераклитъ удовольствовался указаніемъ двухъ путей, по которымъ происходитъ превращеніе: путь вверхъ и путь внизъ. Отъ земли и моря поднимаются испаренія, сухія и влажныя. Сухія испаренія земли по своей огненной природѣ служатъ для поддержанія небесныхъ огней, дающихъ въ остаткѣ воду. Влажныя испаренія моря, смѣшиваясь съ сухими, образуютъ нашъ атмосферный воздухъ, простирающійся до области луны; изъ него падаетъ на землю вода въ видѣ дождя и снѣга.

Смѣна дней и ночей, мѣсяцевъ и временъ года зависитъ отъ измѣненія отношеній между этими двумя видами испареній. Свѣтила представляютъ собою поля чаша, обращенныя къ намъ внутренней стороною, куда собираются сухія испаренія. Испаренія горятъ, зажигаясь въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы видимъ восхожденіе свѣтилъ и потухая тамъ, гдѣ мы видимъ ихъ заходящими. Чаши-свѣтила совершаютъ круговое движеніе въ верхнемъ полушаріи, и повороты ихъ производятъ затменія, а также лунныя фазы.

Гераклитъ не вдавался въ дальнѣйшія разъясненія относительно этого грубаго міропредставленія, которое, повидимому, составлено изъ элементовъ, заимствованныхъ у Фалеса и Ксенофана. Онъ не говорилъ, что дѣлается съ чашами отъ захожденія до новаго восхожденія свѣтилъ, не стремился точно опредѣлить форму земли и, если и признавалъ подъ Аидомъ подземный міръ, то не составилъ о немъ понятія яснѣе того, какое давала ходячая міеологія. Главнымъ образомъ настаивалъ Гераклитъ на постоянной текучести вещей, ни одна изъ которыхъ не можетъ избѣгнуть постоянныхъ превращеній, на вѣчной борьбѣ различныхъ формъ первоначала, борьбѣ, управляемой божественнымъ разумомъ и образующей гармонію міра.

2. *Подробности эволюціи возникновенія и разрушенія міра.*

Вотъ что передаютъ намъ доксографы о физическихъ мнѣніяхъ Гераклита, относящихся къ современному состоянію космоса. Эти мнѣнія изложены особенно хорошо Діогеномъ Лаэртскимъ (IX, 8—11) въ перечнѣ, восходящемъ почти непосредственно къ историческому труду Теофраста. Единственнымъ затруднительнымъ мѣстомъ является то, какъ представлялъ себѣ Гераклитъ эволюцію возникновенія и разрушенія міра, такъ какъ приходится согласовать описаніе Діогена Лаэртскаго съ неяснымъ текстомъ Климента Александрійскаго (отр. 20, 21, 23), относящимся къ этой космической эволюціи.

Въ сочиненіи Гераклита ясно выразилось стремленіе выдвинуть божественность и разумность первоначала, а потому слѣдуетъ думать, что ояъ принялъ за первовещество огонь въ виду соображеній религіознаго характера. Гераклитъ приписалъ первоначалу свойства матеріи, которая казалась ему самой тонкой и наименѣ тѣлесной. Вѣчное движеніе вещей по двойному пути вверхъ и внизъ является необходимымъ слѣдствіемъ свойствъ первоначала: огонь безпрестанно превращается, чтобы производить пищу, въ которой нуждается и которую поглощаетъ, закономѣрно воспламеняясь и потухая (отр. 20). Но законъ, управляющій этими превращеніями въ явленіяхъ нашего міра, зависитъ отъ общаго закона космической эволюціи, хотя многочисленность и сложность его проявленій имѣетъ иногда видъ частнаго нарушенія міровой эволюціи.

Наибольшая особенность въ ученіи Гераклита о пути внизъ заключается въ томъ, что первое превращеніе огня не воздухъ, а вода (отр. 21). Итакъ результатомъ міроваго пожара является по его мнѣнію водная масса (вѣроятно вслѣдствіе сгущенія паровъ). Эта мысль, сближающая Гераклита съ Фалесомъ, кажется крайне странной, такъ какъ не вытекаетъ изъ повседнежнаго опыта, съ которымъ, однако, Гераклитъ долженъ былъ привести ее въ достаточное согласіе.

Послѣдняя фраза 21-го отр. еще болѣе темна: водная масса превращается на половину въ землю, на половину въ претеръ

(πρητήρ), слово, значеніе котораго довольно сомнительно ¹⁾. Что касается 23-го отр., то онъ какъ бы указываетъ на неизмѣнность при всѣхъ превращеніяхъ общаго объема матеріи.

Вотъ каковъ былъ, по моему мнѣнію, ходъ мыслей Гераклита: повседневный опытъ показываетъ, что вода—элементъ наиболѣе противоположный огню и наименѣе способный поддерживать горѣніе; лучше-же всего воспламеняются сухіе горючіе матерьялы въ сухомъ-же воздухѣ. Отсюда Гераклитъ вообразилъ, что конечнымъ предѣломъ превращенія первичной водной массы является съ одной стороны твердый, вполнѣ сухой остатокъ, съ другой—воздушная масса, также вполнѣ сухая. Такимъ образомъ, благодаря отсутствію воды, можетъ произойти мировой пожаръ, который дастъ новую водную массу.

Въ ходѣ эволюціи возникаютъ осложненія частныхъ явленій, обезпечивающія за міромъ относительную устойчивость. Земля можетъ превращаться въ воду, а вода и земля могутъ давать оба вида испареній, влажныя и сухія. Но частныя отступленія и различныя способы перехода подходятъ подъ общій законъ и должны дать въ конечномъ результатѣ мировой пожаръ, что выражается Гераклитомъ въ слѣдующихъ словахъ: „дорога всегда одна: вверхъ и внизъ, прямо и въ обходъ“ (отр. 56 и 69).

Въ текстѣ Климента Александрійскаго „престеръ“ кажется обозначаетъ сухое испареніе, способное воспламеняться. Это самая тонкая (и слѣдовательно самая подвижная) часть воздуха, огонь въ возможности, говоря языкомъ Аристотеля. Другая часть воздуха, напротивъ, вода въ возможности. Такое различеніе двухъ видовъ въ первовеществѣ Анаксимена всецѣло принадлежитъ Гераклиту и является самымъ своеобразнымъ изъ его физическихъ мнѣній. Но оно не опиралось въ достаточной степени на факты и не могло привести къ истинно-научной концепціи.

---

¹⁾ Нѣтъ основанія думать, чтобы древніе согласно обозначали этимъ терминомъ определенное явленіе. Мало объясняетъ и утвержденіе Азція (10), что по мнѣнію Гераклита «престеры» происходятъ вслѣдствіе воспламененія и погасанія облаковъ. Кажется, рѣчь идетъ о зарницахъ, которыя Гераклитъ связывалъ съ порывами вѣтра.

II. Гераклитъ, какъ теологъ ¹⁾.

3. *Спеціальный и антинаучный характеръ философіи Гераклита.* Но Гераклитъ и не искалъ научной концепціи: среди Іонійскихъ „физиологовъ“ онъ занимаетъ совсѣмъ особое мѣсто или, вѣрнѣе сказать, онъ менѣе всего физиологъ. Гераклитъ — „теологъ“. Не отрекись онъ въ пользу своего брата, Гераклитъ въ качествѣ члена жреческой фамиліи пользовался-бы всѣми привилегіями старшихъ потомковъ Кодра, между прочимъ правомъ руководить церемоніями въ честь Деметры Элевзинской (Страбонъ XIV, стр. 633). Онъ возложилъ свою книгу въ храмъ Артемиды съ тѣмъ, чтобы предоставить пользованіе ея однимъ избраннымъ, которые будутъ допущены жрецами (Diog. L., IX, 6). Онъ зналъ мистеріи и не только дѣлалъ на нихъ намеки, понятные однимъ посвященнымъ, но на своемъ таинственномъ языкѣ „не открывалъ и не скрывалъ, но указывалъ“ (отр. 12) глубокой смыслъ ихъ, невѣдомый даже эпопамъ ²⁾.

Гераклитъ не имѣетъ въ виду убѣждать путемъ доказательствъ: онъ требуетъ вѣры, необходимой по его заявленію для разума (отр. 7). Онъ искалъ и нашелъ самого себя. (отр. 80). Его божественно вдохновляетъ всемірный Логосъ (λόγος ἕκτος, отр. 92), но его рѣчь обращена къ немногимъ избраннымъ. Толпа неспособна понять эту рѣчь, услышавъ ее, какъ не была способна къ тому, прежде чѣмъ ее услышала (отр. 2); толпа какъ бы глуха и не умѣетъ ни говорить, ни слушать (отр. 3, 6).

Чѣмъ болѣе Гераклитъ презираетъ чужія мнѣнія, тѣмъ болѣе цѣнить онъ свои, считая ихъ абсолютной истиной. Но особенно рѣзко выражаются „теологическія“ склонности Гераклита въ непримиримо-враждебномъ отношеніи къ наукѣ. Не наука дѣлаетъ человѣка разумнымъ (отр. 16). Она — только праздное любопытство, путь къ неизбѣжному заблужденію. Вы хотите опредѣлить величину солнца? За чѣмъ? Развѣ оно не въ человѣческую ступню, какъ намъ и кажется? Чего вамъ еще?

¹⁾ Эготъ отдѣлъ и слѣдующій заимствованы по большей части у Густава Тейхмюллера: Neue Studien zur Geschichte der Begriffe, I, стр. 1 — 269, II, стр. 105 — 253.

²⁾ Эпопы — высшая степень посвященныхъ въ мистеріи.

Конечно, теологія Гераклита не была тождественна съ народной религіей. Онъ ставитъ Гомера и Гезіода (отр. 16, 35) на одну доску съ Пиеагоромъ, Ксенофаномъ и Гекатеємъ. Въ эпоху, когда онъ жилъ, старыя преданія героическихъ временъ стали уже мертвымъ словомъ, которое не могло служить опорой для возникшей философіи. Введенный Гераклитомъ въ теологію элементъ выработался въ сторонѣ отъ этихъ преданій.

Еще задолго до Гераклита на почву Эллады проникли странные обряды и чуждые мнѣя, знаніе которыхъ было недоступно профанамъ. Наступило время извлечь путемъ размышленія скрытую подъ этими символами истину. Эта попытка выпала на долю Гераклита, и въ этомъ заключается особый характеръ его труда; этимъ же объясняется успѣхъ, который онъ имѣлъ, и значительность вліянія, оказаннаго имъ на послѣдующее развитіе эллинской философіи.

Философское значеніе Гераклита. Обыкновенно прежде всего бросается въ глаза въ ученіи Гераклита догматъ о вѣчной текучести вещей, но не въ этомъ его дѣйствительная оригинальность. Здѣсь Гераклиту принадлежитъ лишь формулировка: догматъ содержался уже въ тезисѣ Анаксимея. Но до Гераклита мы не встрѣчаемъ ни одного философа, который поставилъ-бы на второй планъ научные вопросы и механическое объясненіе вселенной съ тѣмъ, чтобы выдвинуть божественную сторону вещей и участіе въ природѣ разума. Гераклитъ пріоткрылъ святилище, въ которомъ замкнулся Пиеагоръ. Послѣ Пиеагора Гераклитъ первый основалъ школу и школу свободную, онъ же завѣщалъ философіи проблемы, давшія славу Анаксагору и Сократу, и таинственность пріемовъ, отразившуюся въ большей или меньшей степени на всѣхъ, кто впослѣдствіи затрагивалъ эти проблемы

Блескъ Платона и Аристотеля затмилъ на время славу Гераклита, но вскорѣ ученіе его воскресло, чтобы лечь въ основу стоицизма. Стоики обработали Гераклитово понятіе Логоса, и на зарѣ новыхъ временъ оно созрѣло для усвоенія его христіанствомъ ¹⁾.

---

¹⁾ Еще ученикъ Плотина Амелій (Евсевій, «Прер. ев.» 540 в.) сдѣлалъ сближеніе между ученіемъ Гераклита и началомъ Евангелія Св. Іоанна. Одинаковость выраженной особенно бросается въ глаза въ первомъ отрывкѣ. Гераклитъ-же далъ гностикѣ понятіе *Αἰών* и самый терминъ для обозначенія этого понятія.

4. *Понятіе о Логосѣ.* Опускаясь въ область физики, Гераклитъ сохраняетъ свой темный языкъ и выражается также таинственно, но вдохновеніе, которое онъ черпалъ при познаніи божественныхъ вещей, уже не поддерживаетъ его. Онъ былъ бы въ физикѣ умѣреннымъ рационалистомъ, если бы наука о природѣ дѣйствительно занимала его. Отбросивъ въ сторону поэтическія преданія, гипотезы физиологовъ и ходячія мнѣнія, онъ обращается за разрѣшеніемъ вопросовъ къ „общему Логосу“, къ разуму, просвѣщающему въ этомъ мірѣ всякаго человѣка, хотя большинство не признаетъ его. Этотъ-то разумъ даетъ ему непосредственное знаніе высшаго мірового закона, единства субстанціи, и указываетъ, что цѣль мудреца въ изслѣдованіи того, какъ этотъ законъ управляетъ вселенной.

Эта цѣль во всей своей полнотѣ превосходитъ силы человѣка. Достигнуть ее, хотя отчасти, позволяетъ только вѣра. Но Гераклитъ не имѣлъ въ виду строить физику а priori: онъ допускалъ руководство чувствъ подѣ условіемъ истолкованія ихъ свѣдѣтельствъ сообразно разуму.

Мы видѣли всю недостаточность его физики. Обратимся теперь къ различнымъ значеніямъ у Гераклита термина „Логосъ“, разума, которому суждено было играть впоследствии такую значительную роль. Въ отрывкѣ второмъ Логосъ имѣетъ отвлеченный и въ то-же время страдательный характеръ, выражая мыслимое. Здѣсь Логосъ — умопостигаемое единство, всегда истинный законъ, міровой порядокъ вещей, поскольку онъ постигается. „Общій Логосъ“ напротивъ имѣетъ активный характеръ. Это разумъ, поскольку онъ охватываетъ міровой порядокъ. Такимъ образомъ двойственность смысла объясняется двусторонностью вещей, тѣмъ болѣе, что при монистическомъ міровоззрѣніи Гераклита мыслимое мало чѣмъ отличалось отъ мыслящаго.

Но нужно идти еще дальше и признать, что въ этомъ, еще не вышедшемъ изъ наивнаго гилозоизма, міровоззрѣніи умопостигаемый и разумный Логосъ не былъ понимаемъ, какъ чистая абстракція. Напротивъ, онъ имѣлъ конкретный, явно матерьяльный характеръ: постигаемый умомъ въ качествѣ разума, онъ является чувствамъ въ видимой формѣ огня, единого и вѣчно-живого

начала природы. Вотъ истина, по которой все было создано, и которую не поняли люди. Подобнымъ же образомъ понималъ Гераклитъ и человѣческую душу: она — вещество, поддерживаемое испареніями и сообщающееся съ внѣшнимъ Логосомъ посредствомъ дыханія и ощущеній (онъ предполагалъ поры въ органахъ чувствъ). Чѣмъ разумнѣе это вещество, тѣмъ ближе оно къ природѣ огня и чѣмъ менѣе разумно, тѣмъ болѣе содержитъ влажныхъ элементовъ. Такимъ образомъ, приписавъ разумность распространенному по вселенной огню, Гераклитъ получилъ возможность объяснить наши познавательныя способности изъ матерьяльнаго съ нимъ общенія, и существованіе разума, общаго для всѣхъ, равно какъ и различіе частныхъ мнѣній одинаково согласуется съ этимъ ученіемъ.

Но два пункта въ ученіи Гераклита остаются темными и неопредѣленными: имѣеть ли общій разумъ сознаніе и личность, какъ наши души, и сохраняютъ-ли наши души сознаніе и личность послѣ смерти? Здѣсь дѣло идетъ о двухъ важнѣйшихъ проблемахъ философіи. Наука одинаково отказывается рѣшать оба эти вопроса, относя ихъ къ области непознаваемаго, и съ этой точки зрѣнія небезынтересно отмѣтить, что первый греческій мыслитель, поставившій ихъ во всей полнотѣ, былъ теологомъ, а не ученымъ. Нельзя сказать, однако, чтобы его понятіе о божественномъ разумѣ и человѣческихъ душахъ было недоступно провѣркѣ путемъ опыта; конкретный характеръ придаетъ ему видъ научной гипотезы.

Какъ-бы ошибочно ни было это понятіе, важно узнать, насколько возможно, какъ отвѣчалъ Гераклитъ на формулированные нами вопросы. Но прежде чѣмъ приступить къ обсужденію этихъ вопросовъ нужно изслѣдовать источники религіозныхъ вѣрованій Гераклита.

III. Вліяніе Египта.

5. *Мифъ о Діонисѣ и Просимнѣ.* Я уже говорилъ о намекахъ на мистеріи въ ученіи Гераклита. Въ нихъ-то и нужно искать ключъ къ новой задачѣ, поставленной нами. Какъ извѣстно, въ Греціи было нѣсколько разновидностей мистерій, существенно между собою различныхъ. Тѣ, о которыхъ говоритъ

Гераклитъ, (отр. 127) происходили публично. Рѣчь идетъ о процессіи фаллуса, входившей въ культъ Вакха, какъ его учредилъ Мелампъ, сынъ Амнеаона. Геродотъ (II, 49), отмѣтивъ тождественность вѣшной стороны процессіи въ Египтѣ и Греціи, задается вопросомъ о происхожденіи обычая, но довольствуется слѣдующимъ отвѣтомъ: „объ этомъ разсказываютъ священную легенду“.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что это та самая легенда, которую передаетъ во вѣхъ подробностяхъ Климентъ Александрийскій (Protrept., II, 34), прежде чѣмъ привести относящійся къ ней отрывокъ Гераклита. По прочтеніи этой легенды молчаніе Геродота становится понятнымъ:

Cohortatio ad gentes, II, 92. Διόνυσος γὰρ κατελθεῖν εἰς ἄδου γλιχόμενος, ἡγνόει τὴν ὁδόν· ὑπισχνεῖται δ' αὐτῷ φράσειν Πρόσυμνος τοῦνομα (93) οὐκ ἀμισθεῖ. Ὁ δὲ μισθὸς οὐ καλός, ἀλλὰ Διονύσῳ καλός· καὶ ἀφροδίσιος ἦν ἡ χάρις ὁ μισθός, ὃν ἠτεῖτο Διόνυσος. Βουλομένῳ δὲ τῷ Θεῷ γέγονεν ἡ αἰτήσις. Καὶ δὴ ὑπισχνεῖται παρέξειν αὐτῷ, εἰ ἀναλεύξει, ὄρκῳ πιστωσάμενος τὴν ὑπόσχεσιν. Μαθὼν, ἀπῆρεν, ἐπανῆλθεν αὐδὶς. οὐ καταλαμβάνει τὸν Πρόσυμνον. ἐτεθνήκει γάρ.

Ἀφοσιούμενος τῷ ἑραστῇ ὁ Διόνυσος ἐπὶ τὸ μνημεῖον ὀρμᾷ καὶ πασχητιᾷ. Κλάδον οὖν συκῆς, ὡς ἔτυχεν, ἐκτεμών, ἀνδρείου μορίου σκευάζεται τρόπον ἐφέζεται τε τῷ κλάδῳ, τὴν ὑπόσχεσιν ἐκτελῶν τῷ νεκρῷ. Ὑπόμνημα τοῦ πάθους τούτου μυστικὸν φαλλοί.

Ибо, (отр. 127) „если-бы церемонія, прославляющая постыдныя части, не совершалась во имя Діониса, то была-бы самымъ позорнымъ дѣломъ“, говоритъ Гераклитъ, „но впадаютъ въ безуміе и бредъ ради Аида или, что то же, Діониса“.

Прежде чѣмъ заключить о египетскомъ происхожденіи церемоніи, Геродотъ (II, 49) прибавляетъ: „Мелампъ училъ этому обряду, не понявъ его въ точности; мудрецы, родившіеся послѣ него, выяснили обрядъ съ большою полнотою“. Трудно не заподозрить въ послѣднихъ словахъ намеъ на Гераклита, которому принадлежитъ рѣшеніе загадки и оправданіе непристойности символа.

6. *Объясненія Эдуарда Целлера и Теѣхмюллера.* Однако Эд. Целлеръ (II, стр. 184, примѣчаніе 5) отказывается отъ вся-

каго сближенія между отрывкомъ 127 и мифомъ, рассказаннымъ Климентомъ Александрийскимъ. Вотъ объясненіе, которое Целлеръ даетъ отрывку: тождество Аида и Діониса означаетъ тождество смерти и рожденія, а утверженіемъ этого тождества Гераклитъ яко-бы выражаетъ порицаніе непристойному проявленію культа живой и плодородной природы. Но существуетъ текстъ ясно доказывающій, что Гераклитъ вовсе не вооружался противъ оргій въ честь Діониса.

Ямвлихъ, *De myst.*, I, 11: καὶ διὰ τοῦτο εἰκότως αὐτὰ ἄνεκα Ἡράκλειτος προσεῖπεν.

Что касается текста Климента Александрийскаго (*Protrept.*, II, 18), на который опирается Целлеръ и гдѣ, приведя отрывокъ 122 — „люди не знаютъ, что ждетъ ихъ послѣ смерти“ — толкователь спрашиваетъ себя, о комъ говоритъ Гераклитъ, то ясно, что здѣсь угрожаетъ вѣчнымъ огнемъ участникамъ оргій и возстаетъ противъ оскверненія самаго выраженія „таинство“ самъ послѣдователь Христа.

Другія возраженія, направленные Целлеромъ противъ объясненія Тейхмюллера, не имѣютъ значенія и доказываютъ только, что онъ не хорошо понялъ это объясненіе, которое я сейчасъ изложу. Вѣрна лишь критика, направленная противъ толкованія термина *πασχητιᾶ*, въ которомъ Тейхмюллеръ дѣйствительно ошибся. Съ его согласія я исправилъ это толкованіе. Можетъ быть Тейхмюллеръ также черезчуръ настаиваетъ на игрѣ словъ *αἰδοίσιαι*, *ἀναιδέσταται* и *Ἄιδης*, но она совершенно въ духѣ Гераклита.

Во всякомъ случаѣ Целлеру слѣдовало прибавить къ своимъ возраженіямъ объясненіе мифа, чтобы доказать, что до этого объясненія Гераклитъ подняться не могъ. По моему мнѣнію данный мифъ превосходно поддается толкованію, вполне сообразному со взглядами Гераклита.

Солнечный огонь (Діонисъ) опустился въ подземную область. Отягченный водой пройденнаго имъ моря, онъ не могъ-бы вернуться, чтобы снова блистать на небесномъ сводѣ, если-бы не встрѣтилъ огня, живущаго въ царствѣ Аида (Просимнъ). Этотъ огонь, остатокъ прежнихъ солнечныхъ огней, какъ на то указываетъ смерть символическаго Бога, соединяется съ нимъ и та-

кимъ образомъ даетъ возможность новому солнцу явиться на восточной сторонѣ горизонта.

Прежде всего поражаетъ своимъ египетскимъ характеромъ самая формула Гераклита: „Аидъ то-же, что Діонисъ“. „Озирисъ то-же, что Горь“ было-бы букввальнымъ переводомъ ея, дающимъ тотъ-же ключъ къ объясненію міеа, какъ символа движенія солнца.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что міеа при всей своей непристойности имѣлъ именно этотъ смыслъ. Что касается самой церемоніи, то Геродотъ несомнѣнно правъ, приписывая ей египетское происхожденіе. Вначалѣ она могла имѣть совсѣмъ иное значеніе и, можетъ быть, міеа былъ принаровленъ къ ней уже впоследствии. Во всякомъ случаѣ легенда, вполне ясная въ Египтѣ, гдѣ боги были тѣсно связаны съ солнцемъ, потеряла всю свою ясность у Грековъ.

Теперь является слѣдующій вопросъ: отгадалъ-ли самъ Гераклитъ смыслъ, скрытый подъ непристойнымъ символизмомъ, открылъ-ли онъ своимъ объясненіемъ часть тайнаго ученія, посвященнаго оргіи въ честь Діониса и перенесеннаго въ Грецію тѣми-же посвященными, или, наконецъ, онъ узналъ истину, сравнивая греческую религію съ египетскою.

Я считаю совершенно неправдоподобнымъ существованіе въ Греціи тайнаго ученія, объясняющаго мистеріи. Это ученіе было-бы въ концѣ концовъ открыто, такъ какъ навсегда въ тайнѣ остается лишь то, чего открывать не стоитъ; достаточнымъ доказательствомъ тому служатъ тайны франкмасонства.

Но можно ли допустить, что Гераклитъ обладалъ болѣе или менѣе обширными свѣдѣніями о египетской религіи? Впрочемъ, такъ какъ уже въ теченіе цѣлаго столѣтія Египетъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Іоніей. Незадолго до Гераклита Гекатей много писалъ о древней странѣ, передъ которой Греціи пришлось сознаться въ молодости своихъ преданій. Итакъ, Гераклитъ могъ имѣть изъ вторыхъ рукъ довольно обширныя свѣдѣнія о Египтѣ, и, какъ бы далеко отъ полимагіи онъ ни былъ, но, принявъ во вниманіе его характеръ и положеніе, можно съ вѣ-

роятностью предположить, что онъ углубился въ изученіе религиозныхъ вѣрованій Египтянъ.

Въ такомъ случаѣ вліяніе Египта должно было-бы сказываться въ различныхъ степеняхъ во всемъ ученіи Гераклита, а не только въ разсмотрѣнномъ нами отдѣльномъ случаѣ. Вотъ на этомъ мы теперь и остановимся.

Мы сами только съ недавняго времени ближе узнали Египетъ, чѣмъ и объясняется то, что ни одинъ историкъ философіи до Тейхмюллера не поставилъ на видъ косвеннаго вліянія на Гераклита Египта. И чѣмъ болѣе углубляешься въ эту сторону вопроса, тѣмъ менѣе боишься преувеличить это вліяніе, оставаясь впрочемъ въ границахъ доктрины. По правамъ-же Гераклитъ остался вполне Грекомъ. Можетъ быть, его слова „выбрасывать мертвыхъ еще болѣе необходимо, чѣмъ выкидывать навозъ“ свидѣтельствуютъ объ отвращеніи къ обычаю бальзамированія.

7. Различныя элементы въ ученіи Гераклита. Чтобы прослѣдить вліяніе Египта на ученіе Гераклита, мы должны бѣгло пересмотрѣть его основныя мнѣнія, сводя ихъ къ вѣроятнымъ источникамъ.

Прежде всего въ основномъ единствѣ матеріи ученіе Гераклита согласуется съ мнѣніями милетскихъ фізіологовъ и противорѣчить пифагорейскому дуализму. Такимъ образомъ онъ принялъ доктрину, согласную съ египетской космогоніей. Съ другой стороны, отбросивъ эллинскую концепцію Анаксимандра о значеніи суточного вращенія, онъ возвратился къ космологіи Фалеса, т. е. къ Египту: плоская земля окружена Океаномъ, изъ котораго выплываютъ и въ который возвращаются ладьи—круглыя чаши свѣтилъ. Впрочемъ, онъ оставилъ въ сторонѣ капитальный элементъ своеобразнаго представленія объ этихъ ладьяхъ: онъ уже не плаваютъ по жидкому своду небесныхъ водъ, а парятъ въ воздухѣ или эфирѣ; ближе всего къ землѣ—луна, затѣмъ—солнце, наконецъ—планеты и звѣзды. Если этотъ порядокъ свѣтилъ, принятый до Гераклита Анаксименомъ и Пифагорейцами, и принадлежитъ Халдеѣ, то всё-же онъ былъ введенъ и въ египетскую астрономію, если вѣрить греческому преданію, находящему его тамъ уже при Нехепсосѣ (VII в. до Р. X.).

Дѣленіе міра на надземный и подземный (Зевсъ и Аидъ), имѣть вполнѣ египетскій характеръ, какъ уже было сказано по поводу міаа о Діонисѣ. Утвержденіе тождества противоположностей, примѣромъ котораго этотъ имѣть служить, покоится въ сущности на единствѣ субстанции и иного значенія не имѣть. Тождество это не вытобаецъ изъ логическаго принципа и не простирается на нравственную область, несмотря на парадоксальность формъ, въ которыя Гераклитъ любилъ его облакать. Здѣсь мы еще не имѣемъ дѣла съ антиноміями, которыя впервые находимъ у Элейцевъ. Чаше всего утвержденіе тождества ограничивается игрою словъ или служить для усиленія символической неясности, которая такъ правилась Гераклиту. Это — загадки, объясняемыя характеромъ грековъ и не имѣющія философскаго значенія, но нельзя не отмѣтить ихъ сходства съ многочисленными отождествленіями, наполняющими египетскіе гимны ¹⁾.

Теорія преобразования матеріи въ различныя состоянія недостаточно ясна для подобныхъ сближеній. Мною уже было указано, поскольку она оригинальна и поскольку заимствована у первыхъ Іонійцевъ. Инос дѣло, когда Гераклитъ опредѣляетъ причину мірового процесса, приписывая ей матерьяльную форму и господство. Огонь, проявляющійся въ богѣ-солнцѣ и разлитый по всей природѣ, тонкій, почти безтѣлесный, обладаетъ разумомъ и двигательной силой. Онъ приводитъ въ движеніе и направляетъ всѣ вещи. Охотно скрываясь подъ самыми различными формами, чтобы внезапно проявить свое божественное присутствіе, разнообразно измѣняясь, огонь остается тѣмъ же по существу. Въ него какъ-бы бросаютъ ароматы, каждый изъ которыхъ даетъ ему свое имя.

Этотъ всемірный Богъ, почитаемый подъ тысячами формъ, конечно болѣе близокъ Фта, верховному царю Мемфиса, „который дѣлаетъ все искусно и правдиво“, (Ямвлихъ, „De myst.“ VIII, 3) чѣмъ хромому Гефесту Грековъ. Метафоры — затменіе, смерть, сонъ, угасаніе и противоположныя имъ — появленіе, жизнь, пробужденіе и т. д., расточаемыя Гераклитомъ для характеристики противоположностей и соотвѣтствующія Аристотелевскимъ поня-

¹⁾ Я беру на удачу примѣръ изъ гимна солнцу Ра: «дитя каждолуново рождающееся, старецъ, проходящій вѣчность» (Maspero «Hist. anc. des peuples de l'Orient» p. 26).

тіямъ возможности и дѣйствительности, находятся также на каждой страницѣ „Книги Мертвыхъ“ и въ каждой строкѣ египетскихъ гимновъ.

8. Вѣчная текучесть вещей представляетъ собою неизбежное слѣдствіе принципа единства матеріи. Такимъ образомъ Гераклитъ не открылъ его, а только развилъ, защищая отъ Ксенофана. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ встрѣчается то въ Египтѣ, то въ устахъ Гераклита. Но внезапно являющійся въ ученіи Гераклита образъ вѣчной войны, необходимой для гармоніи міра, кажется взятъ съ береговъ Нила, гдѣ Горъ безпрестанно возобновляетъ борьбу съ Сетомъ, котораго постоянно побѣждаетъ, но никогда не уничтожаетъ.

Знаменитый 79 отр., самую полную редакцію котораго даетъ Лукіанъ: „Вѣчность, — дитя, которое пѣсками играетъ въ войну“, получилъ у древнихъ довольно странное объясненіе, по которому Логосу, единственному разумному по мнѣнію Гераклита существу, приписывается капризное и случайное уничтоженіе и созиданіе всего существующаго. Напрасно Целлеръ довольствуется этимъ объясненіемъ, которое совершенно не принимаетъ во вниманіе послѣдняго изъ трехъ словъ *παῖς, καίρων, πεττεῶων*. Тейхмюллеръ рѣшилъ загадку гораздо удовлетворительнѣе. Дитя это — *Naarschond*, солнце при своемъ восходѣ, *καίρων* вставлено для игры словъ и *πεττεῶων* опредѣляетъ занятіе. Игра, въ которую играетъ это дитя, подобная нашей игрѣ въ шахматы и заимствованная греками у египтянъ, основана на разумныхъ, а вовсе не на случайныхъ комбинаціяхъ. Эта игра является здѣсь символомъ войны, которую бесконечно ведетъ вѣчно живой огонь съ вышедшей изъ его нѣдръ темной матеріей.

Душа міра, огонь, оживляетъ каждого человѣка въ отдѣльности, и Гераклитъ даже употребляетъ *αὐγή*, какъ синонимъ „*φύχῃ*“, какъ будто она способна свѣтиться. Казалось-бы, что онъ переводитъ египетское *khou* (разумъ), первоначальное значеніе котораго „блестящій“. Кромѣ того, по египетскимъ вѣрованіямъ разумъ прежде чѣмъ попасть въ темницу тѣла, гдѣ его сковываютъ внѣшнія чувства, „бываетъ облеченъ въ тончайшій свѣтъ; онъ свободно проходитъ черезъ міръ и воздѣйствуетъ на веще-

ства, приводя ихъ въ порядокъ и оплодотворяя по своему усмотрѣнію“. Эта выдержка изъ Масперо („Hist. anc.“ и т. д. стр. 39) является настоящимъ комментариемъ къ словамъ Гераклита: „смерть боговъ, жизнь людей; смерть людей, жизнь боговъ“. (отр. 67).

Конечно вѣра въ демоновъ, въ геніевъ, одушевлявшихъ при жизни героевъ, представляетъ собою древнее арійское вѣрованіе, что вполне выяснилъ Fustel de Coulange въ своей превосходной книгѣ „La cité antique“. Во всякомъ случаѣ эта вѣра ясно выражена у Гезіода. Но въ гомеровскихъ поэмахъ она какъ-бы совсѣмъ забыта и является вновь лишь у философовъ, которыхъ преданіе связываетъ съ Египтомъ: у Фалеса, Пифагора, а также Гераклита, безспорно стоявшаго къ Египту ближе, чѣмъ оба первые философа. И это появленіе подъ египетскимъ вліяніемъ забытой вѣры вполне согласуется съ той несомнѣнной истиной, что египтяне были религіознѣйшими, т.-е. суевѣрнѣйшими людьми, и вѣра въ демоновъ шла у нихъ гораздо дальше, чѣмъ въ Греціи.

Гераклитъ заставляетъ людей сообщаться съ міровой душой посредствомъ дыханія; не есть ли это „дыханіе жизни, которое даруетъ людямъ Ра“? Отрывокъ 38 какъ-бы переведенъ изъ Книги Мертвыхъ.

Удовольствуемся эгими сближеніями, такъ какъ они достаточно доказываютъ, что, если существовалъ греческій философъ, на которомъ отразилось вліяніе Египта, то это былъ Гераклитъ. Они-же позволяютъ опредѣлить предѣлы этого вліянія, которое не могло измѣнить истинно-греческаго характера мыслителя. Глубоко-религіозный духъ его, поднявшись надъ религіей толпы, искалъ истину, скрытую подъ оболочкой символовъ и басенъ, и онъ искалъ ее не въ одной Греціи. Издавна Греки переносили съ береговъ Нила миѣы не столь искаженные и гораздо болѣе древніе, чѣмъ ихъ собственные. Эти миѣы должны были привлечь вниманіе Гераклита, и въ нихъ-то онъ нашелъ ключъ къ рѣшенію своей задачи. Это открытіе не пробудило въ немъ ревностной вѣры, которая сдѣлала-бы изъ него апостола болѣе чистой религіи, преобразователя культа, запятнаннаго странными непристойностями. Однако онъ попытался пойти противъ милет-

скихъ фізіологовъ, введя теологію въ изученіе природы, бывшей для нихъ лишь объектомъ науки. Важное событіе, измѣнившее, быть можетъ навсегда, направленіе философіи.

Не важно, что онъ понималъ разумъ, какъ свойство матеріи. Важно, что онъ сосредоточилъ его въ матеріи самой чистой и менѣ всего похожей на наше тѣло. Такимъ образомъ онъ противопоставилъ разумъ нашему тѣлу и далъ ему господство. Путь для Анаксагора былъ проложенъ.

Съ моральной точки зрѣнія, на которую впервые сталъ Гераклитъ, а не Сократъ, его выводы носятъ самый рѣшительный спиритуалистическій характеръ. Жизнь — борьба между душой и тѣломъ. Нужно смягчить душу и очистить тѣло. Этотъ спиритуалистическій характеръ не затмевается даже примѣсью грубыхъ мнѣній, какъ то, напримѣръ, что, чѣмъ суше душа (отр. 68, 73, 74—76), тѣмъ она ближе къ разумному огню.

IV. Судьба душъ.

9. *Относящіяся къ ней египетскія вѣрованія.* Послѣ попытки возстановить истинный характеръ ученія Гераклита и указать элементы, изъ которыхъ его мнѣнія сложились, намъ остается вернуться къ поставленнымъ нами вопросамъ: приписывалъ-ли Гераклитъ Логосу сознание и каково было его мнѣніе о посмертной судьбѣ душъ?

Связь между этими вопросами очевидна. По мнѣнію Гераклита душа есть частица Логоса, отдѣленная отъ него и заключенная на время въ гробницу тѣла. Если, освободившись, она погружается въ свой первоисточникъ, то вполне естественно приписать Логосу сознание и личность. Но дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе, если, по выходѣ изъ тѣла, душа существуетъ самостоятельно, не теряя своей индивидуальности.

При пантеизмѣ Гераклита и единствѣ у него первоначала, дилемма эта неизбежна. Но было-бы ошибочно ставить ее во всей логической строгости первому изъ греческихъ мыслителей, который коснулся этихъ вопросовъ. Въ Греціи до Гераклита понятія разума, души и т. п. ни разу не были предметомъ обсужденія

и нисколько не были выяснены. Крім того, у насъ вѣтъ основанія приписывать автору, знаменитому своей „темнотою“, точность понятій и нераздѣльную съ ясностью логическую мощь.

Раздѣлимъ оба вопроса и приступимъ сначала ко второму. Эд. Целлеръ, утверждая, что по своимъ принципамъ Гераклитъ долженъ былъ связывать существованіе души съ жизнью тѣла, допускаетъ, тѣмъ не менѣе, что онъ вѣритъ въ пред- и послѣ-существованіе душъ. Онѣ входятъ въ тѣла, чувствуя потребность въ перемѣнѣ и утомившись пребываніемъ въ одномъ и томъ-же состояніи. Достоянѣйшія изъ душъ продолжаютъ существовать послѣ смерти въ видѣ демоновъ. Относительно посмертной судьбы остальныхъ душъ Гераклитъ раздѣлялъ общія вѣрованія Грековъ.

Тейхмюллеръ, напротивъ, отказывается признать у Гераклита ученіе о безсмертіи души.

Этотъ споръ былъ поднятъ уже давно: еще Св. Ипполитъ видѣлъ въ одномъ изъ отрывковъ Гераклита прямое указаніе на воскресеніе, а Феодоритъ считалъ, что по мнѣнію Гераклита, души поглощаются послѣ смерти міровымъ Логосомъ.

Прежде чѣмъ приступить къ обсужденію отрывковъ, о которыхъ Тейхмюллеръ не распространяется, и которые съ перваго взгляда говорятъ въ пользу мнѣнія Целлера, будетъ не лишнимъ упомянуть объ относящихся къ судьбѣ душъ вѣрованіяхъ египтянъ (Maspéro, Hist. anc. и т. д. стр. 39—42).

Какъ уже было сказано, предсуществуетъ свѣтлый „кху“ (khou). Онъ—истинное божество. Прежде чѣмъ войти въ тѣло khou овладеваетъ свою блестящую оболочку и проникаетъ въ другую, менѣе великолѣпную, хотя все еще божественную. Эга вторая оболочка и есть душа (ba). Послѣ смерти разумъ отдѣляется отъ душа и снова становится демономъ, душу-же судить Озирисъ. Если она виновна, то присуждается къ наказанію, налагаемому на нее khou, которому такая душа при жизни не повиновалась. Въ теченіе вѣковъ влачить она тяжкое существованіе и наконецъ погружается въ небытіе. Праведная душа, напротивъ, должна претерпѣть рядъ новыхъ испытаній. Восторжествовавъ надъ ними, она поднимается все выше и выше въ разрядахъ божествъ, на-

конецъ становится чистымъ разумомъ, видитъ Бога лицомъ къ лицу и погружается въ его лоно.

Итакъ, по понятіямъ египтянъ земная жизнь только одна изъ стадій въ серіи послѣдовательныхъ, но вполне различныхъ существованій. Начало и конецъ этой серіи теряются въ неизвѣстности. Однако нѣтъ основаній предполагать, что Гераклитъ зналъ дѣйствительныя вѣрованія египтянъ въ томъ видѣ, какъ мы ихъ недавно узнали, такъ какъ значеніе символическихъ формъ, принимаемыхъ *khou* послѣ смерти было ошибочно понято греками, и они приписывали египтянамъ вѣру въ переселеніе душъ. Что касается различенія въ человѣкѣ души и демона, то оно никогда не проявлялось въ Греціи такъ ярко, какъ на берегахъ Нила, и всѣ случаи его проявленія можно связать съ вѣрованіями эллинской расы. Во всякомъ случаѣ у Гераклита есть слѣды этого различенія.

Но ученіе египтянъ интересно въ томъ отношеніи, что представляетъ собою компромисъ между инстинктивной вѣрой въ бессмертіе души и связаннымъ съ пантеизмомъ уничтоженіемъ индивидуума или погруженіемъ его въ лоно божества. Не было-ли подобнаго компромиса и у Гераклита?

10. *Обсужденіе отрывковъ Гераклита.* Нашимъ исходнымъ пунктомъ является слѣдующее безспорное положеніе. Гераклитъ безусловно, какъ и египтяне, вѣрилъ, что міръ наполненъ богами и демонами: онъ видѣлъ ихъ даже въ пламени своего очага.

Если только не считать Гераклита чистымъ монотеистомъ, а это допущеніе не выдерживаетъ критики, нужно признать этихъ демоновъ за личности, а не только за безразличныя частицы божественнаго элемента. Но Гераклитъ не приписывалъ имъ бессмертія, непримиримаго съ вѣчною текучестью вещей. По его мнѣнію періодическій всемірный пожаръ кладетъ конецъ всѣмъ отдѣльнымъ существованіямъ. По крайней мѣрѣ относительно одного класса божествъ онъ прямо говоритъ (отр. 67): „бессмертные — смертны, а смертныя — бессмертны; ¹⁾ жизнь однихъ есть смерть другихъ и смерть однихъ есть жизнь другихъ“.

¹⁾ Переводъ Целлера у Бутру (II, стр. 169): «люди — смертныя боги; боги — бессмертныя люди» не выдерживаетъ критики.

Выше мною было допущено, что этот отрывокъ свидѣтельствуеъ о вѣрѣ Гераклита въ египетское ученіе о воплощеніи демоновъ. Дѣйствительно, трудно дать ему иное толкованіе, а наше даетъ поводъ къ дальнѣйшему уподобленію догматовъ. Но необходимо замѣтить, что Гераклитъ нигдѣ не противуполагаетъ душѣ пред- и послѣсуществующаго демона. Душа — тотъ-же демонъ по личности и веществу, поскольку сохраненіе тождества примиримо съ ученіемъ о вѣчной текучести вещей. Различіе между демономъ до воплощенія и человѣческой душой состоитъ въ загрязненіи послѣдней, являющемся необходимымъ слѣдствіемъ связи души съ тѣломъ. Мудрецъ долженъ по возможности избѣгать этого загрязненія, какъ посредствомъ аскетическаго режима, такъ и путемъ развитія разума и нравственнаго чувства.

Что касается причины воплощенія демоновъ, то Гераклитъ смутно говоритъ „объ утомленіи своими занятіями“. Я не могу допустить, подобно Целлеру (II, стр. 170—171), чтобы Гераклитъ перенесъ на индивидуальныя души то, что логически могло быть сказано лишь о міровой душѣ или божественномъ огнѣ, источникѣ душъ. Ходъ мыслей Гераклита скорѣе кажется мнѣ обратнымъ: онъ замѣтилъ врожденную человѣку потребность въ перемѣнѣ и по индукціи перенесъ ее на души, которыя по своимъ религіознымъ вѣрованіямъ онъ представлялъ свободными отъ тѣлесныхъ узъ; наконецъ, поднявшись еще выше, онъ приписалъ эту потребность божественному огню, и такимъ образомъ нашелъ причину постоянной текучести всего существующаго.

Во всякомъ случаѣ логическій выводъ, согласный съ отрывкомъ 67, тотъ, что, если душа предсуществовала въ видѣ демона, то она должна пережить тѣло въ томъ-же видѣ.

Но здѣсь возникаютъ важныя затрудненія: если такое переживаніе является необходимымъ слѣдствіемъ предсуществованія и смерть вмѣстѣ со свободою возвращаетъ душамъ первоначальную чистоту, къ чему моральныя и иныя предписанія, правила поведения и режима, на которыхъ такъ настаиваетъ Гераклитъ? Зачѣмъ они нужны?

Но это-же затрудненіе является при гипотезѣ Тейхмюллера, который отказываетъ демонамъ въ личности. Знаменитый профес-

сорь относить такимъ образомъ къ Гераклиту ученіе, приписанное имъ Платону. Но, повторяю, если и признать въ этомъ толкованіи логическое слѣдствіе положеній Гераклита, какъ и Платона, то нельзя-же ставить перваго на одну доску съ послѣднимъ по силѣ діалектики и нравственнаго чувства.

Дѣйствительно, смыслъ отрывковъ Гераклита, относящихся къ судьбѣ душъ послѣ смерти настолько неясенъ, что даже наиболѣе яснымъ изъ нихъ можно приписать ироническій смыслъ. „Оттуда онѣ поднимаются, чтобы стать стражами живыхъ и мертвыхъ“ (отр. 123). „Боги и люди чтутъ павшихъ на войнѣ“ (отр. 102). „Лучшій жребій выпадаетъ на долю величайшихъ изъ мертвыхъ“ (отр. 101). Вотъ почти все, если прибавить отрывокъ 122, уже упомянутый вами.

Чтобы по возможности избѣгнуть означенныхъ затрудненій и придерживаться отрывковъ, нужно принять мнѣніе Целлера, по которому возвращаются послѣ смерти къ болѣе чистой жизни демоновъ только тѣ изъ душъ, которыя заслужили этого. Но я не могу приять вполнѣ вторую половину этого мнѣнія, по которому Гераклитъ яко-бы раздѣлялъ общепринятыя взгляды на Аидъ.

Безъ сомнѣнія всѣ души, какъ и солнце, должны спуститься въ Аидъ: путь сверху внизъ долженъ быть пройденъ. Однако, въ концѣ этого пути участь душъ различна: одни изъ нихъ таютъ и растворяются въ воду (отр. 68); только самыя чистыя удерживаютъ свою индивидуальность, чтобы стать въ видѣ демоновъ стражами „живыхъ и мертвыхъ“. Отр. 118 — „наказаніе постигнетъ лжецовъ и лжесвидѣтелей“ даетъ поводъ думать, что Гераклитъ допускалъ даже наказаніе въ загробной жизни, но онъ долженъ былъ считать ихъ преходящими.

Итакъ, Гераклитъ дѣйствительно вѣрилъ въ пред- и послѣ-существованіе душъ, но онъ не могъ допустить ни вѣчности, ни безсмертія ихъ, такъ какъ эго принудило бы его принять метапсихозу, призрачное рѣшеніе вопроса Пифагоромъ. И сущность души не можетъ избѣгнуть общаго мірового круга. Она рождается отъ божественнаго огня, отдѣляясь отъ общаго мірового Логоса; она растворяется въ воду и такимъ образомъ становится на одну доску съ инертной матеріей. Если душа и продолжаетъ индиви-

дуальную жизнь болѣе или менѣе долго послѣ смерти, то лишь въ видѣ исключенія.

Теперь остается неяснымъ одинъ пунктъ: связь души съ божественнымъ Логосомъ, индивидуальное существованіе въ нѣдрахъ единой субстанціи. Но я не претендую объяснить все въ ученіи Гераклита. Во всякомъ случаѣ мы пришли теперь ко второму вопросу.

Имѣетъ-ли Логосъ сознаніе и личность?

V. Сознательность Логоса.

11. *Богъ Гераклита сознателенъ и личенъ.* Не нужно даже доказывать, что понятіе личности еще не выяснилось въ эпоху Гераклита. Какъ извѣстно, древняя философія вообще не обращала вниманія на это понятіе. Но тотъ самый фактъ, что она могла безъ него обходиться, свидѣтельствуетъ о естественномъ допущеніи ею общепринятаго представленія, соотвѣтствующаго этому понятію, — представленія, по которому признаніе за кѣмъ-либо сознанія предполагаетъ признаніе личности.

Целлеръ, отказывая, вопреки мнѣнію Тейхмюллера, Гераклитову разуму въ сознаніи, дѣлаетъ, однако, важную уступку. По его мнѣнію Гераклитъ признавалъ всѣмъ управляющій и во все проникающій разумъ и приписывалъ ему свойства, которыя мы могли-бы приписать лишь личнымъ существамъ. Мнѣ кажется, что эта уступка рѣшаетъ вопросъ.

Говорить, какъ Целлеръ, что Гераклитъ не различалъ субъективнаго и объективнаго разума и во всякомъ случаѣ не думалъ ихъ олицетворять, значитъ только перемѣщать вопросъ. Чѣмъ неопредѣленнѣе и смутнѣе понятіе Гераклита, тѣмъ несомнѣннѣе оно заключаетъ сознаніе.

Спрашивать, задавался-ли Гераклитъ вопросомъ о сознательности Логоса и отвѣчать, что это совсѣмъ неправдоподобно, было-бы умѣстно, если-бы дѣло шло о безсознательности. Къ вопросу-же о сознательности этотъ пріемъ непримѣнимъ. Гераклитъ жилъ въ эпоху, когда мнѣическія олицетворенія составляли главное умственное наслѣдіе, а потому изъ того, что онъ не обсуждалъ даннаго

вопроса слѣдуетъ, что онъ не сомнѣвался въ сознательности Логоса. Αἰὼν Гераклита сознательнъ, если не въ такой мѣрѣ, какъ Зевсъ Гомера, то во всякомъ случаѣ, какъ Богъ Ксенофана или Небо Анаксимандра. Атомисты впервые изгнали изъ міра сознание.

Если-бы Гераклитъ представлялъ себѣ управляющій вселенной разумъ, какъ „я“, онъ не могъ бы видѣть въ то-же время въ разумѣ субстанцію, превращенія которой производятъ всѣ вещи, говоритъ Целлеръ. Почему-же нѣтъ? дѣйствительно, онъ еще не отдѣлилъ разумъ отъ матеріи, хотя уже сосредоточилъ его въ особомъ ея видѣ. Послѣ этого Анаксагору оставалось сдѣлать лишь одинъ шагъ. До Анаксагора человѣческое сознаніе приписывалось матерьяльной сущности, а потому ничего не могло быть проще, какъ приписать божественное сознаніе всей міровой матеріи или ея части. Чтобы согласиться съ этимъ нужно постараться только забыть на минуту о Декартѣ.

Итакъ, взглядъ на этотъ пунктъ Целлера кажется мнѣ неправильнымъ: онъ выдумываетъ несуществующія затрудненія и въ сущности основываетъ свои заключенія на современномъ различеніи субъективнаго и объективнаго, хотя самъ-же замѣчаетъ, что оно въ то время вовсе не существовало. Я думаю, что Целлеръ забываетъ о томъ безспорномъ фактѣ, что, если понятія о сознаніи и личности и не были выяснены, то тѣмъ живѣе были соотвѣтствующія представленія, признанныя если не разумомъ, то воображеніемъ.

Дѣйствительное затрудненіе не здѣсь, и, чтобы его понять, нужно припомнить, съ чего началась обработка понятія о личности. Обсужденіе вопроса было начато теологами въ первые вѣка христіанства по поводу догмата о Троицѣ, а позднѣе о Благодати.

Какъ можно примирить съ единствомъ субстанціи существованіе отдѣльныхъ личностей и сознаний? Какъ внутреннее сознаніе каждаго изъ насъ можетъ быть доступно разуму, которому принадлежитъ господство и всемірность? Самое короткое размышленіе показываетъ, что ученіе Гераклита должно было поднять эти вопросы. Если божественный огонь обладаетъ разумомъ и собственнымъ сознаніемъ, образуя въ то-же время сущность человѣ-

ческой души, то какъ примирить это міровое сознание съ отдѣльными сознаниями?

Утверждать, что самъ Гераклитъ ясно поставилъ этотъ вопросъ, значило-бы забѣгать впередъ. Въ отр. 92 этотъ вопросъ лишь какъ-бы намѣченъ: „Разумъ общъ, но большинство людей живетъ такъ, какъ-будто обладаютъ своимъ особымъ разумомъ“. Впрочемъ, этотъ отрывокъ имѣетъ скорѣе моральное значеніе, а потому его нельзя понимать въ чисто-стоическомъ смыслѣ. Но и стоическая школа отнеслась къ вопросу недостаточно внимательно, что доказываютъ рѣшенія его, данныя христіанскими теологами. Поставъ Гераклитъ вопросъ прямо, онъ, навѣрное, какъ и они, сталъ-бы отрицать трудности, не будучи въ состояніи ихъ преодолѣть.

Во всякомъ случаѣ здѣсь самая неразрѣшимая загадка „темной“ книги Гераклита. Здѣсь родился вопросъ о единствѣ или множественности не матеріи или субстанціи, но сознания. Голосъ толпы былъ тогда, какъ и теперь, за множественность сознаний—мнѣніе противоположное тому, какое высказывалось о матеріи. Дѣйствительно, сознание является для каждаго „замкнутой монадой“, тайны которой онъ можетъ по произволу скрывать и обнаруживать. По этому типу понимались и эллинскіе боги, и отсюда само собою вытекало признаніе множественности сознаний.

И вдругъ явился мыслитель, который выразилъ, хотя смутно, возможность противоположной альтернативы и, оставляя отдѣльнымъ сознаниямъ свободу, подчинилъ ихъ вѣдѣнію и дѣйствию всемірнаго сознания, высшей мудрости, Логоса, одушевляющаго всякаго живого человѣка. Это закваска, броженіе которой разрушило древній политеизмъ и подготовило вѣрованія новыхъ временъ. Этотъ вопросъ затронулъ прежде всего религію, а потому обсуждался по большей части догматически, что не могло способствовать успѣху обсуждения. Итакъ, онъ мало подвинулся впередъ. Кромѣ того, кажется, что по самой своей природѣ вопросъ относится въ области чистѣйшей метафизики, къ самымъ отдаленнымъ предѣламъ непознаваемаго.

И, тѣмъ не менѣе, недавніе успѣхи науки подняли вопросъ аналогичный по существу, несмотря на ограниченіе его спеціальной областью. Рѣшеніе этого вопроса, если только оно возможно,

дасть по крайней мѣрѣ точку опоры для болѣе смѣлыхъ спекуляцій. Но, можетъ быть, стремиться къ рѣшенію его значить преслѣдовать химеру?

Во всякомъ случаѣ проблема въ извѣстныхъ рамкахъ вполне научна. При изученіи существъ, занимающихъ низшія ступени животной лѣстницы, самая простота которыхъ даетъ возможность сдѣлать новыя открытія въ нашей сложной организаціи, были найдены существа сросшіяся, спаянныя между собою. Они имѣютъ собственное сознаніе, поскольку этотъ терминъ приложимъ къ низшимъ ступенямъ животной лѣстницы, но, образуя одно цѣлое, они повидимому одарены въ то-же время и общимъ сознаніемъ.

Если факты констатированы вѣрно, то наука можетъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ опредѣлить по крайней мѣрѣ фізіологическія условія сосуществованія индивидуальныхъ сознаний, сообщающихся между собой. Психологія можетъ въ свою очередь воспользоваться этими изслѣдованіями, и понятіе сознанія будетъ обработано съ болѣею полнотою, достигнетъ нѣкоторой научной точности. Но метафизическая проблема останется безъ сомнѣнія столь-же темной, допускающей столь-же противорѣчивыя рѣшенія, какъ во времена Гераклита.

ГЛАВА VIII.

Гиппась и Алемеонъ.

1. *Гиппась*. Доксографы, начиная съ Теофраста, связываютъ съ именемъ Гераклита имя другого мыслителя, который будто бы еще до Гераклита высказалъ тѣ-же мнѣнія о божественности и первичности огня, о законѣ вѣчнаго движенія, о періодическомъ разрушеніи и возобновленіи міра и т. п. Однако, подобныя мнѣнія приписывались, повидимому, Гиппасу изъ Метопонта лишь на основаніи преданія, не опиравагося на какое-либо подлинное сочиненіе, а потому сомнительнаго. Съ другой стороны, по сказанію Пифагорейцевъ, Гиппась принадлежалъ къ ихъ школѣ, но былъ исключенъ изъ нея еще при жизни Учителя за то, что приписалъ себѣ построеніе правильного додекаэдра, или же за то, что открылъ непосвященнымъ ученіе о геометрическихъ ирраціональностяхъ (эти два пункта дѣйствительно находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ). Въ наказаніе боги послали ему смерть при кораблекрушеніи; но еще раньше онъ увеличилъ свою вину тѣмъ, что сталъ на сторону политической партіи, враждебной истиннымъ пифагорейцамъ, и опубликовалъ „мистическій Логосъ“, въ которомъ открылъ символическое ученіе, преподававшееся лишь посвященнымъ, извративъ его истинный смыслъ. Такимъ образомъ, онъ сталъ родоначальникомъ секты, которая была извѣстна впоследствии подъ именемъ *аккузматической* и за которой *математики*, считавшіе себя единственными истинными послѣдователями Пифагора, должны были признать нѣкоторое, хотя и несовершенное, знакомство съ ученіемъ этого мыслителя.

Какую долю истины содержать въ себѣ эта легенда? Безъ сомнѣнія, это никогда не будетъ въ точности извѣстно; во всякомъ случаѣ, она вполне правдоподобна. Но если этотъ „мистическій Логосъ“ дѣйствительно существовалъ съ начала V вѣка до Р. Х., то оказалъ-ли онъ какое-нибудь вліяніе на Гераклита? Не черезъ Гиппаса-ли Гераклитъ познакомился съ ученіемъ Пифагора? Или, быть можетъ, онъ сдѣлалъ у Гиппаса нѣсколько важныхъ заимствованій? Первое предположеніе повидимому болѣе вѣроятно, если судить по презрительному тону, которымъ Гераклитъ говоритъ о Пифагорѣ, а особенно, если принять во вниманіе его притязанія на полную самостоятельность. Итакъ, если Гераклитъ и зналъ ученіе Гиппаса объ огнѣ, то очевидно находилъ его существенно отличнымъ отъ своего собственнаго, такъ какъ не постѣснился выдать послѣднее за вполне самостоятельное.

Мы видѣли однако, что ученіе Гераклита объ огнѣ находится въ связи съ доктриной Анаксимена, что оно почти необходимо вытекаетъ изъ послѣдней вслѣдствіе присоединенія религиозныхъ идей и возвращенія къ египетскому преданію; теперь мы должны спросить себя, какая связь существовала между ученіемъ Гиппаса и доктриной Пифагора?

Эдуардъ Целлеръ (I, стр. 468) предполагаетъ, что въ основаніи ученія Гиппаса лежитъ представленіе о центральномъ огнѣ; впрочемъ, онъ допускаетъ, что Гиппасъ жилъ послѣ Гераклита, что совершенно противорѣчитъ мнѣнію Теофраста (Докс. къ Гераклиту, 1), а также даннымъ пифагорейской легенды.

Но центральный огонь — несомнѣнно позднѣйшая выдумка, явившаяся не раньше какъ при Филолаѣ; да и въ томъ, что намъ удалось до сихъ поръ узнать о системѣ Пифагора мы не нашли ничего похожаго на центральный огонь.

Пифагоръ признавалъ, какъ мы видѣли, два матерьяльных начала: *πέρας* (предѣлъ) и *ἄπειρον* (безпредѣльное); къ этимъ двумъ противоположностямъ пифагорейская школа сводила всѣ другія, представляемыя природой, и въ полученныхъ такимъ образомъ парахъ противоположностей отводила первое мѣсто и главную роль „предѣлу“ и соответствующимъ ему членамъ.

Ясно, что огонь и свѣтъ, разсматриваемые съ матеріальной точки зрѣнія, вошли въ классъ „безпредѣльнаго“, вещества тонкаго и текучаго; земля-же, тѣло плотное и темное, вошла въ классъ „предѣла“. Отсюда неизбѣжная антиномія, вытекающая изъ самыхъ принциповъ пифагорейской космологии; эта антиномія повела къ полному перевороту въ ученіи. Оба начала — „предѣлъ“ и „безпредѣльное“ потеряли свой первоначальный конкретный характеръ и сохранили только абстрактное значеніе; Парменидъ и Филолай отвели огню главную роль и первое мѣсто.

Намъ кажется, что Гиппась еще раньше, повинувась той-же логической необходимости, образовалъ особую секту въ школѣ Пифагора; но отсюда невозможно извлечь болѣе точныхъ данныхъ о физическихъ мнѣніяхъ, дѣйствительно принадлежавшихъ Пифагору.

2. *Приверженцы пифагореизма: Алкмеонъ и Парменидъ*
 Для того, чтобы освѣтить съ этой стороны исторію происхожденія пифагореизма, необходимо розыскивать у всѣхъ мыслителей конца VI и начала V вѣка слѣды полемики, направленной противъ ученія пифагорейцевъ, или-же слѣды сдѣланныхъ у нихъ заимствованій. Какъ я уже сказалъ, первые источники, доподлинно принадлежащіе самимъ пифагорейцамъ, восходятъ лишь къ эпохѣ Филолая; предположеніе, что они представляютъ собою непосредственную передачу ученія Самосскаго мудреца — конечно очень заманчиво, но, по меньшей мѣрѣ, невѣроятно.

Поиски слѣдовъ полемики уже привели насъ къ важнымъ результатамъ, изложеннымъ мною въ монографіи о Ксенофанѣ. Слѣдовъ-же заимствованія мы должны искать конечно у писателей, связанныхъ преданіемъ съ Пифагоромъ, или его непосредственными учениками; если исключить Гиппаса, то такихъ писателей трое: Алкмеонъ изъ Кротоны, Парменидъ и Эмпедокль; можно было-бы прибавить и Эпихарма, но оставшіеся отъ него отрывки повидимому не могутъ ничего дать для рѣшенія занимающаго насъ вопроса.

Изъ этихъ трехъ авторовъ Эмпедокль тоже не можетъ быть полезенъ въ данномъ случаѣ; онъ жилъ настолько позднѣе Пифагора, что въ его время ученіе пифагорейской школы уже подверглось обработкѣ, внесшей въ него глубокія измѣненія; кромѣ того, на

ученіи Эмпедокла отразились и другія вліанія; наконецъ, у него есть и несомнѣнно оригинальныя черты.

Напротивъ, особенная точка зрѣнія Парменида — различіе, дѣлаемое имъ между его собственнымъ онтологическимъ ученіемъ, которое онъ признаетъ обязательнымъ, и физическими мнѣніями, которыя онъ относитъ къ недостоверной области вѣрованій — позволили-бы намъ придти къ важнымъ выводамъ, еслибы можно было доказать, что эти физическія мнѣнія дѣйствительно не принадлежатъ Пармениду и представляютъ собою взгляды, бывшіе въ то время въ ходу въ Италіи среди пифагорейцевъ.

Я постараюсь разобрать этотъ вопросъ въ слѣдующей главѣ; въ настоящее время слѣдуетъ обратиться къ писателю еще болѣе древнему — уже указанному мною врачу изъ Кротоны, котораго выдаютъ за ученика Пифагора и въ то-же время за перваго италійскаго физиолога. Не то, чтобы я надѣялся почерпнуть у него важныя свѣдѣнія относительно самого пифагореизма; моя цѣль — рассмотреть, не вступимъ-ли мы на ложный путь, отмѣтивъ вліаніе Алемеона на Парменида; а такое вліаніе несомнѣнно было, если только вѣрно мое предположеніе.

3. *Доксографія.* Прежде всего, возстановимъ въ памяти все, что извѣстно намъ о мнѣніяхъ Алемеона. Кромѣ одного, очень важнаго, мѣста изъ Аристотеля, съ которымъ мы познакоимся дальше, и того, что говоритъ объ Алемеонѣ Теофрастъ по поводу ощущеній, намъ извѣстны лишь тѣ мнѣнія Алемеона, которыя собраны у Аэція.

„II — 16. Алемеонъ и математики говорятъ, что планеты, въ противоположность неподвижнымъ звѣздамъ, движутся съ запада на востокъ. — 22. Алемеонъ говоритъ, что солнце плоско. — 29. (См. Докс. въ Гераклиту, 9; ср. Diog. I., VIII, 83: Луна, въ сущности, той-же вѣчной природы.).

„IV — 2. Алемеонъ говоритъ, что душа, будучи по природѣ самодвижущейся, движется вѣчно; въ виду этого онъ считаетъ ее бессмертной и подобной богамъ. — (Ср. Клим. Алекс. Protrept. V, 64: Алемеонъ изъ Кротоны считаетъ богами свѣтила, которыя, по его мнѣнію, обладаютъ душою. — Ср. Цицеронъ, De deorum natura, I, 11: Алемеонъ изъ Кротоны, при-

писавъ божественность солнцу, лунѣ и остальнымъ свѣтиламъ, а также и душѣ, не сообразилъ, что онъ придалъ безсмертіе смертнымъ вещамъ.)“

„IV — 13. Алкмеонъ говоритъ, что зрѣніе объясняется отраженіемъ въ прозрачномъ. — 16. Алкмеонъ говоритъ, что мы слышимъ внутренней полостью уха, ибо она отражаетъ звукъ при напорѣ воздуха; и дѣйствительно, все полое отражаетъ звукъ. — 17. Алкмеонъ: главенство принадлежитъ мозгу; мы обоняемъ при помощи мозга, который втягиваетъ запахъ при помощи дыханія. — 18. Алкмеонъ: языкъ различаетъ вкусы, потому что онъ влаженъ и тепелъ и сверхъ того мягокъ„.

„V — 3. Алкмеонъ: сѣмя представляетъ собою часть мозга. — 14. Алкмеонъ: мулы-самцы бесплодны потому, что ихъ сѣмя слишкомъ легко или холодно; мулы-же самки — потому, что ихъ матки не раскрываются. — 16. Алкмеонъ: все тѣло зародыша принимаетъ участіе въ питаніи, ибо оно подобно губкѣ вбираетъ въ себя все питательное изъ пищи. — 17. Алкмеонъ: у зародыша прежде всего образуется голова, которой въ тѣлѣ принадлежитъ главенство. — 24. Алкмеонъ: сонъ происходитъ благодаря отливу крови въ жилы, пробужденіе — благодаря приливу, а смерть — благодаря полному отливу всей крови. — 30. Алкмеонъ: здоровье зависитъ отъ равновѣсія силъ, а именно: влажнаго, сухого, холоднаго, теплаго, горькаго, сладкаго и т. п; преобладаніе-же одной изъ этихъ силъ является причиной болѣзни. Такимъ образомъ, болѣзни происходятъ то вслѣдствіе избытка теплоты или холода, то по причинѣ излишества или недостатка въ пищѣ, то вслѣдствіе присутствія въ крови головного или спинного мозга. Болѣзни происходятъ также подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ, а именно: вслѣдствіе качества воды, или страны, вслѣдствіе усталости, переутомленія и другихъ, подобныхъ причинъ.“

Цензоринъ, на основаніи сочиненія, восходящаго къ источнику самого Аэція, исправляетъ и дополняетъ нѣкоторыя изъ вышеизложенныхъ мнѣній. Такъ, онъ говоритъ, что Алкмеонъ опровергалъ мнѣніе Гипократа, считавшаго, что сѣмя происходитъ изъ головного мозга; что онъ допускалъ выдѣленіе сѣменной жидкости не только самцами, но и самками и полъ дѣтеныша ста-

вилъ въ зависимость отъ преобладанія жидкости одного изъ родителей; наконецъ, будто онъ сознавался, что не имѣетъ точныхъ свѣдѣній объ образованіи зародыша и былъ убѣжденъ въ невозможности знать, какая часть его тѣла образуется сперва.

4. *Двойныя сочетанія у пифагорейцевъ.* Этотъ краткій сводъ мнѣній отличается ясно выраженнымъ характеромъ, обусловленнымъ профессіей Алкмеона; космологическимъ вопросамъ, почти исключительно занимавшимъ первыхъ Ионянъ, отведено очень мало мѣста; зато впервые поднимаются вопросы физиологическаго порядка, за которые принялись вслѣдъ за Кротонскимъ врачомъ Парменидъ и Эмпедоклъ, но которые были совершенно оставлены безъ вниманія пифагорейцами послѣдующаго времени.

Прежде чѣмъ приступить къ обѣщанному нами разсмотрѣнію того, насколько Парменидъ сообразовалъ свое поэтическое изложеніе съ физическимъ ученіемъ своего предшественника, намъ нужно еще изслѣдовать, поскольу самого Алкмеона можно считать представителемъ физическихъ мнѣній Пифагора. Замѣтимъ, что, по преданію, Пифагоръ серьезно занимался медициной и среди его непосредственныхъ учениковъ образовалась значительная группа медиковъ, отъ которой вѣкъ спустя не осталось уже ни одного представителя; а теперь перейдемъ къ свидѣтельству Аристотеля:

Мет., I, 5. „Другіе пифагорейцы допускаютъ десять принциповъ, называемыхъ соответствующими (*κατὰ συστοιχίαν*): предѣлъ — безпредѣльное, нечетъ — четъ, единое — многое, правое лѣвое, мужское — женское, покой — движеніе, прямое — кривое, свѣтъ — тьма, хорошее — дурное, квадратъ — продолговатый четырехугольникъ. Кажется, таково было приблизительно мнѣніе Алкмеона изъ Кротовы, все равно, онъ-ли заимствовалъ его у пифагорейцевъ, или же они у него; во всякомъ случаѣ, онъ выражается подобнымъ образомъ, когда говоритъ, что, по большей части, все человѣческое двойственно; не то, чтобы онъ, подобно пифагорейцамъ, выбиралъ опредѣленные противоположности — онъ беретъ ихъ наудачу, какъ-то, бѣлое — черное, сладкое — горькое, хорошее — дурное, большое — малое. Онъ оставляетъ другія (противуположности) неопредѣленными, тогда какъ пифагорейцы опредѣлили, сколько противоположностей и каковы онѣ.“

Очень вѣроятно, какъ замѣчаетъ Эд. Целлеръ, что эта классификація, принадлежавшая, по словамъ самого Аристотеля, только нѣкоторой части пифагорейцевъ, — довольно поздняго происхожденія; я думаю, что она относится ко времени послѣ Филолая. Но самая мысль о составленіи рядовъ противоположностей, осуществленная Алкмеономъ, должна была возникнуть въ пифагорейской школѣ гораздо раньше той теоріи, которую Аристотель описываетъ, какъ самую характерную для пифагорейцевъ, теоріи, по которой число есть сущность вещей, элементы же числа, а слѣдовательно и вещей — четъ и нечетъ, отождествляемые съ безпредѣльнымъ и ограниченнымъ.

Эта теорія несомнѣнно принадлежитъ Филолаю и не должна быть у него оспариваема. Послѣ діалектическихъ абстракцій V вѣка ея появленіе вполне понятно; въ кругу чисто-конкретныхъ понятій, изъ котораго впервые пытался выйти Парменидъ, эта теорія совершенно невозможна.

Допустимъ, что мысль о роли числа въ природѣ принадлежитъ самому Пифагору, допустимъ даже, что онъ выразилъ эту мысль въ какой угодно формулѣ, но вполне очевидно, что въ эпоху, когда смыслъ слова „бытіе“ былъ еще далеко не опредѣленъ — и эта формула не могла имѣть точнаго значенія.

Выраженіе „вещи суть числа“, какъ его объясняетъ намъ Аристотель, повидимому превосходитъ даже пониманіе Филолая, такъ какъ это объясненіе уже предполагаетъ существованіе теоріи идей Платона; до Филолая то-же выраженіе могло самое большее означать, что вещи образованы изъ сочетанія въ опредѣленныхъ пропорціяхъ (Эмпедокль) элементовъ, имѣющихъ геометрическія формы (Тимей). Но еще до этой стадіи развитія была другая, когда числа служили лишь для ребяческихъ попытокъ классификацій, попытокъ, не свойственныхъ исключительно греческому духу, но достигшихъ важнаго значенія именно на греческой почвѣ.

Первые пифагорейцы составляли не только двойныя сочетанія противоположностей, какъ Алкмеонъ; у нихъ были тройныя (тріагмы Эпигена, или же Іона Хіосскаго), какъ у Кумбрійскихъ бардовъ, четверныя (11 у Θεона Смирнскаго), какъ въ Пословицахъ Соломона; по *Theologoumena* пифагорейцы дѣлаютъ вы-

кладки съ пятиричными, шестеричными сочетаніями и т. д. до десяти, приче́мъ дѣлають заключенія о мистическихъ качествахъ различныхъ чиселъ. Этотъ періодъ Огюсть Контъ и назвалъ теологическимъ періодомъ ариеметикеи; слѣды его встрѣчаются повсюду, отъ береговъ Ганга до отдаленныхъ закоулковъ Бретани.

Но въ этихъ произвольныхъ классификаціяхъ нужно различать двѣ стадіи; черезъ вторую прошли, повидимому, только въ Греціи. Сперва ограничивались выкладками, затѣмъ проводили параллель между отдѣльными группами и сближали между собою предметы, занимающіе одинаковое мѣсто въ каждой изъ этихъ группъ. Въ приложеніи къ двойнымъ сочетаніямъ, этотъ пріемъ необходимо приводитъ къ полному дуализму, или скорѣе предполагаетъ его а priori.

Если мы присмотримся къ двойнымъ сочетаніямъ пифагорейцевъ и Алемеона, то замѣтимъ, что въ нихъ сочетаются качества; дѣйствительно, какъ училъ впоследствии Аристотель, противоположеніе должно быть мыслимо не между субстанціями, но между качествами. Тѣмъ не менѣе вѣрно, что въ первоначальномъ дуализмѣ Пифагора были противопоставлены субстанціи: начало ограниченія, дающее тѣламъ твердость и форму, и сплошное, текучее вещество (безпредѣльное), которое Пифагоръ не отличалъ отъ пространства (см. гл. V, 3).

Въ связи съ системой классификаціи по парамъ, этотъ дуализмъ необходимо долженъ былъ привести къ приписанію одному изъ двухъ началъ — всѣхъ качествъ, образующихъ одинъ изъ противоположныхъ рядовъ, а другому началу — рядъ противоположныхъ качествъ. А въ этомъ, какъ мы увидимъ, и заключается физика Парменида. Едва-ли нужно повторять то, что я уже говорилъ по поводу Гиппаса: а именно, что непослѣдовательность метода должна была привести къ крушенію самого ученія; послѣдствія этого крушенія, въ связи съ успѣхами отвлеченнаго мышленія, привели пифагорейскую школу къ необходимости оставить конкретную точку зрѣнія своего основателя; для Филолая, въ точности сохраняющаго дуализмъ „предѣла“ и „безпредѣль-

наго“, послѣдніе два термина имѣютъ исключительно отвлеченное значеніе.

Таковъ общій смыслъ эволюціи, происшедшей въ нѣдрахъ пифагорейской школы; Алкмеонъ является передъ нами какъ-бы на одной изъ первыхъ ступеней этой эволюціи; впрочемъ, нѣтъ причинъ приписывать ему исключительное положеніе: въ его время качественный характеръ противоположностей не имѣлъ еще большаго значенія, такъ какъ качество еще не различалось отъ субстанции.

5. *Космологія Алкмеона.* То немногое, что намъ извѣстно о космологіи Алкмеона, показываетъ, что онъ придерживался научной истины, открытіе которой съ полнымъ основаніемъ можно приписать Пифагору, и въ то-же время высказывалъ ошибочныя мнѣнія, съ которыми, какъ думаютъ (справедливо или нѣтъ — не извѣстно), Самосскій мудрецъ уже давно покончилъ. Что-же касается мнѣній Алкмеона о душѣ и божественности свѣтилъ, то они достаточно согласуются съ пифагорейскимъ преданіемъ, но не имѣютъ специфическаго характера, такъ какъ возможно, что уже Фалесъ придерживался ихъ.

Астрономическая истина, впервые встрѣчаемая у Алкмеона, состоитъ въ различеніи свойственнаго планетамъ движенія съ запада на востокъ отъ ихъ суточного движенія съ востока на западъ. Это различеніе, весьма важное для успѣховъ науки, было чуждо представленіямъ первыхъ Іонійцевъ; оно было отвергнуто Анаксагоромъ и Демокритомъ, а потому осталось исключительной принадлежностью пифагорейской школы, которая передала его черезъ посредство Евдокса изъ Книды астрономамъ-математикамъ. Принимая во вниманіе космологическій характеръ этого открытія, можно безъ колебаній приписать его Пифагору, а не Кротонскому врачу.

Алкмеонъ вмѣстѣ съ Іонійцами считалъ солнце плоскимъ, между тѣмъ какъ пифагорейцамъ доксграфы приписываютъ мнѣніе о шаровидности свѣтилъ; онъ сохранилъ для фазъ и затмѣній луны грубое объясненіе Фалеса и Гераклита, которое врядъ-ли раздѣлялъ Пифагоръ. Наконецъ — и это всего важнѣе — онъ, по-видимому, не зналъ о шаровидности земли, такъ какъ Парме-

ниду первому приписываютъ честь распространенія этой истины, которая еще впродолженіе цѣлаго вѣка подвергалась нападкамъ и лишь со временъ Платона стала достояніемъ науки.

Преданіе, постоянно приписывающее это открытіе Пифагору, безъ сомнѣнія согласно съ истиной. И дѣйствительно, ученіе о шаровидности земли свойственно италійскимъ школамъ, между тѣмъ какъ послѣдніе Іонійцы и атомисты отвергаютъ его. Это ученіе тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно приписывать Учителю, что его введеніе требовало такого могучаго математическаго ума, которымъ, вѣроятно, обладалъ въ то время одинъ Пифагоръ. Нужно замѣтить, что съ этимъ ученіемъ естественно связано установленіе климатическихъ поясовъ, которое Азій (III, 11) приписываетъ Пармениду. Теорія климатическихъ поясовъ должна также восходить къ Пифагору, такъ какъ геометрическія познанія, которыя она предполагаетъ, хотя уже довольно сложны, но не превышаютъ того уровня, до котораго могъ подняться Пифагоръ.

Вопросъ въ томъ, должны-ли мы предположить, что Алкмеонъ не успѣлъ познакомиться съ ученіемъ Пифагора по этимъ двумъ вопросамъ, или же признать, что онъ отвергъ эту часть ученія и применилъ къ общему мнѣнію? Если вспомнить то, что я уже сказалъ о тайномъ характерѣ пифагорейскаго ученія, то не окажется необходимости ни въ одномъ изъ этихъ двухъ предположеній.

6. *Два курса преподаванія у Пифагора.* Діогенъ Лаэртскій сохранилъ намъ начало книги Алкмеона: „Относительно невидимаго, относительно смертнаго, боги имѣютъ ясныя познанія; людямъ остаются лишь предположенія“. Трудно воздержаться отъ сопоставленія этихъ словъ со своеобразнымъ взглядомъ Парменида на истину и мнѣніе; не отрицая всей оригинальности монистической аргументаціи Элейца, легко заподозрить, что онъ, подобно Алкмеону, скорѣе слѣдовалъ Пифагору, чѣмъ Ксенофану.

Математическій умъ Пифагора безъ сомнѣнія былъ пораженъ разницей между истинами, которыя могутъ быть строго доказаны и мнѣніями, за которыми свидѣтельства чувствъ, до нѣкоторой степени исправляемыя то довольно туманными, то болѣе

или менѣе основательными разсужденіями, обезпечиваютъ лишь проблематическую вѣроятность. Отсюда для него, какъ для главы школы, независимо отъ всѣхъ его мистическихъ вѣрованій, вытекала необходимость ставить два различныхъ курса преподаванія: одинъ, предназначенный для избранныхъ, и требовавшій долгой и серьезной подготовки; другой—для каждаго, кто-бы согласился безъ разсужденій принять взгляды Учителя.

Врядъ-ли Пифагоръ дѣйствительно требовалъ отъ избранныхъ учениковъ, допущенныхъ къ истинно-научнымъ занятіямъ, сохраненія послѣднихъ въ тайнѣ. Тѣмъ не менѣе, самый фактъ ихъ избранія долженъ былъ возбуждать въ нихъ желаніе ревниво-скрывать основныя истины системы; я допускаю даже, что этотъ избранный кружокъ совершенно замѣнулся и принялъ тайну за правило, послѣ того какъ Гипсасъ произвелъ расколъ, приписавъ себѣ честь открытій, сдѣланныхъ, можетъ быть, сообща.

Но вполне возможно, что съ самаго начала для учениковъ, не принадлежавшихъ къ числу избранныхъ, искажали ту или другую научную истину; говорили, напримѣръ, что предполагаютъ, будто земля имѣетъ форму диска, между тѣмъ какъ доказательства ея шарообразности излагали лишь членамъ вѣрующаго. Подобное предположеніе вполне достаточно объясняетъ молчаніе Алкмеона.

7. *Форма свѣтилъ и объясненіе затменій въ школѣ Пифагора.* Въ сущности очень трудно опредѣлить знанія и взгляды Пифагора относительно формы свѣтилъ, а равно и его объясненіе фазъ и затменій.

Свидѣтельства, приписывающія Пармениду (и, слѣдовательно, готовыя вести еще отъ Пифагора) открытіе того факта, что луна заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца и что мы всегда видимъ только ея освѣщенную часть, опираются, въ дѣйствительности, лишь на два стиха Пармениды, сохраненные Плутархомъ:

Νοκτιφαῖες περὶ γαῖαν ἀλώμενον ἀλλότριον φῶς.

Αἰεὶ παπταίνουσα πρὸς αὐγὰς ἡελίοιο.

Можно было-бы думать, что въ первомъ изъ этихъ стиховъ словомъ ἀλλότριον (чужой свѣтъ) Парменидъ просто намекаетъ на происхожденіе луннаго огня, который, по его мнѣнію, отдѣлился отъ млечнаго пути при возникновеніи міра; но я безъ

всякихъ колебаній оспариваю подлинность этого стиха, который, по моему, ничто иное, какъ подражаніе слѣдующему стиху Эмпедокла:

245. Κοκλοτερὲς περὶ γαῖαν ἑλίσσεται ἀλλότριον φῶς.

Онъ могъ быть вставленъ въ произведеніе Парменида какимъ-нибудь пифагорейцемъ, который стремился приписать Учителю открытіе, составляющее самую важную научную заслугу Анаксагора.

Что касается до второго стиха, цитированнаго выше, то онъ долженъ быть объясненъ иначе: онъ доказываетъ только, что свѣтлая сторона луны постоянно обращена къ солнцу—наблюденіе очень важное, но существенно отличающееся отъ открытія причины луннаго свѣта. Возможно, что оно было сдѣлано до Пифагора еще Халдеями. Предположенія свои я основываю на слѣдующемъ.

Въ „Кратилѣ“ Платонъ приписываетъ Анаксагору ученіе о заимствованіи луною свѣта отъ солнца въ такихъ выраженіяхъ, которыя трудно было-бы объяснить, еслибы ученикъ Сократа нашелъ это ученіе въ поэмѣ Парменида.

Обвиненіе въ плагиатѣ высказанное Демокритомъ по адресу Анаксагора и сохраненное у Фаворина (Diog. L., IX, 34), въ дѣйствительности говоритъ въ пользу Клазоменскаго философа, ибо Демокриту достаточно было-бы указать эту доктрину въ ученіи Парменида; онъ-же, объявляя, что мнѣнія Анаксагора о солнцѣ и лунѣ—древняго происхожденія, опирается, повидимому, на орфическія поэмы, въ подлинность которыхъ вѣритъ; между тѣмъ, эти поэмы могли явиться послѣ труда Анаксагора. Но если даже онѣ возникли и раньше, то говорилось-то въ нихъ, вѣроятно, совершенно о другомъ; орфики—терминъ, подъ которымъ можно разумѣть по крайней мѣрѣ часть пифагорейцевъ—хотѣли сдѣлать свѣтила мѣстопребываніемъ душъ, освобожденныхъ отъ жизни, и уподобить солнце и луну Гомеровскимъ „островамъ блаженныхъ“; а „огненнымъ душамъ“ (Гиппасъ, Парменидъ) вполне подобаешь пребываніе на огненныхъ свѣтилахъ¹⁾.

¹⁾ Впослѣдствіи, тезисъ подвергается измѣненіямъ и орфики приходятъ къ множественности міровъ Фонтенелля. Аэцій, II, 13: «Гераклидъ (Понтскій) и пифагорейцы говорятъ, что каждое изъ свѣтилъ есть міръ, заключающій въ себѣ землю, окруженную воздухомъ, среди безконечнаго эфира. Это ученіе встрѣчается и у орфиковъ, которые въ каждомъ свѣтилѣ видятъ міръ».

Ученіе Анаксагора далеко не всегда раздѣлялось пифагорейской школой; его принялъ Филолай и нѣсколько раньше Эмпедокль (за исключеніемъ того, что касалось природы луны; послѣднюю Эмпедокль считалъ состоящей не изъ земли, а изъ воздуха, сгущеннаго до степени плотности града); но, помимо свидѣтельства объ Альмеонѣ, мы знаемъ, что пифагорейцы болѣе ранняго періода полагали, будто на поверхности луны постоянно то зажигается, то постепенно потухаетъ огонь, вполнѣ покрывающій луну во время полнолунія и совершенно исчезающій съ нея во время новолунія (Аэцій, II, 29). Наконецъ Берозъ, представитель позднѣйшихъ халдейскихъ преданій, уже подвергшихся эллинскому вліянію, все еще считаетъ луну шаромъ, одна половина котораго воспламенена и такимъ образомъ объясняетъ фазы (Аэцій, II, 25, 29).

Что касается Парменида, то различные доксграфы въ своихъ свидѣтельствахъ (12) единогласно опровергаютъ мнѣніе, будто онъ считалъ свѣтъ луны заимствованнымъ отъ солнца; луна, по его мнѣнію, состоитъ изъ огня, или скорѣе изъ смѣси воздуха (плотный элементъ) и огня (элементъ тонкій); она произошла подобно солнцу изъ млечнаго пути, но изъ той его части, гдѣ преобладаетъ плотный и темный элементъ; особенности луны — слѣдствіе смѣшенія этихъ двухъ элементовъ и погому Парменидъ назвалъ ее свѣтиломъ съ мнимымъ свѣтомъ (*ψευδοφάνη*). Въ общемъ всѣ эти данныя напоминаютъ намъ не гипотезу Анаксимена и не теорію Анаксагора, но скорѣе объясненія Альмеона, или Бероза. Слѣдовательно, мы имѣемъ право приписывать Пифагору одно изъ этихъ двухъ объясненій, отличающихся другъ отъ друга только тѣмъ, что во второмъ — лунѣ прямо приписывается шарообразная форма, а въ первомъ — форма свѣтила оставлена болѣе или менѣе неопредѣленной.

Выборъ между двумя этими объясненіями довольно затруднителенъ; Целлеръ (I, 405, пр. 2) говоритъ, что пифагорейцы должны были приписывать солнцу такую-же форму, какъ и лунѣ, которую они несомнѣнно представляли себѣ шаромъ; но это разсужденіе можетъ быть примѣнено лишь къ позднѣйшей эпохѣ. Можно сказать наоборотъ: еслибы было доказано, что Пифагорейцы приписывали солнцу круглую форму, то стало бы вѣроятнымъ,

что и луну они считали шаромъ; но то указаніе Аэція, которое можетъ быть истолковано въ этомъ смыслѣ (II, 22), не должно быть принимаемо безъ провѣрки, такъ какъ оно можетъ относиться къ пифагорейцамъ, жившимъ даже послѣ Филолая; съ другой стороны, тутъ могло произойти смѣшеніе съ понятіемъ о сферичности солнца, какъ оно разработано у Евдокса, Каллиппа и Аристотеля.

Не только Алемеонъ считалъ солнце плоскимъ, но и то, что говоритъ Парменидъ объ этомъ свѣтилѣ совершенно несовмѣстимо съ его шаровидной формой; что-же касается до луны, то еще Анаксагоръ и Эмпедоклъ придавали ей форму диска. Итакъ, они не вывели изъ объясненія фазъ и затмѣній слѣдствія о шаровидности земли, выведеннаго Аристотелемъ при помощи доказательства, которое, впрочемъ, могло-бы послужить и для подтвержденія гипотезы Бероза; научная теорія фазъ возникла, повидимому, лишь при Филиппѣ Локридскомъ, ученикѣ Платона. Конечно, разъ Филолай считалъ, что вокругъ центральнаго огня вращается шарообразная земля, то весьма вѣроятно, что онъ приписывалъ по аналогіи шарообразную форму лунѣ, солнцу и другимъ планетамъ; но до него дѣло обстояло иначе. Допустимъ, что Пифагоръ поставилъ данный вопросъ въ формѣ гипотезы Алемеона или Бероза, и что опредѣленіе формы тѣла на основаніи послѣдовательныхъ фазъ его освѣщенной стороны было доступно ему съ помощью его геометрическихъ спекуляцій—но этого еще недостаточно для того, чтобы предположить, что человекъ, такъ много сдѣлавшій для науки, но въ то-же время преслѣдовавшій цѣли совсѣмъ иного характера, дѣйствительно поставилъ упомянутый вопросъ и рѣшилъ его.

Итакъ, всего вѣроятнѣе, что ученіе о шаровидности свѣтилъ, со времени Аристотеля принятое всѣми математиками, въ дѣйствительности возникло не раньше, какъ при Филолаѣ; если увѣренность въ томъ, что луна обладаетъ свѣтлой и темной сторонами и даже знаніе того, что своей свѣтлой стороною она всегда обращена къ солнцу—возникли до Анаксимандра и могутъ быть приписаны Пифагору, то послѣдній все же не дошелъ до настоящаго объясненія луннаго свѣта. Такимъ образомъ, взгляды,

приписываемые Алкмеону по этимъ вопросамъ, не могутъ служить поводомъ къ исключенію его изъ числа пифагорейцевъ.

8. *Физиологическіе взгляды Алкмеона; ощущенія.* Теперь мы можемъ вернуться къ научнымъ вопросамъ, впервые затронутымъ Алкмеономъ, и сравнить его взгляды съ мнѣніями Парменида и Эмпедокла.

Что касается его теоріи ощущеній, то Теофрастъ даетъ краткую и точную замѣтку о томъ, какъ Кротонскій врачъ старался объяснить зрѣніе, вкусъ, обоняніе и слухъ и какую разницу онъ устанавливалъ между человѣкомъ и животнымъ; но эта замѣтка не объясняетъ, почему ученикъ Аристотеля причисляетъ Алкмеона къ противникамъ Эмпедокла и Парменида (которые, по мнѣнію Теофраста, объясняютъ ощущеніе дѣйствіемъ подобнаго на подобное), если не обратить вниманія на то, что Теофрастъ имѣетъ здѣсь въ виду то различіе, которое было установлено Алкмеономъ между ощущеніемъ и разсудочной дѣятельностью. Отсюда Теофрастъ заключаетъ о разницѣ между $\nu\omicron\delta\varsigma$ и $\psi\upsilon\chi\eta$; первый матеріаленъ и состоитъ изъ тѣхъ же элементовъ, что и чувственныя вещи; въ основаніи второго лежитъ иной принципъ.

Легко замѣтить, что этотъ выводъ не имѣетъ ни малѣйшаго значенія; и дѣйствительно, теорія ощущеній Эмпедокла непосредственно вытекаетъ изъ теоріи Алкмеона; обѣ одинаково объясняютъ ощущеніе воздѣйствіемъ подобнаго на подобное. Но по поводу первой Теофрастъ утверждаетъ, что Эмпедоклъ не дѣлалъ различія между человѣкомъ и животнымъ; онъ не вывелъ такого-же заключенія относительно Алкмеона лишь потому, что послѣдній настоятельно утверждалъ упомянутое различіе: однако, ни Эмпедоклу, ни Пармениду не было никакой надобности отрицать послѣднее, и молчаніе ихъ относительно этого предмета не должно быть истолковано такъ, какъ это дѣлаетъ Теофрастъ.

Что-же касается Элейца, то онъ, повидимому, не занимался вопросомъ объ отдѣльныхъ ощущеніяхъ; и если разсмотрѣть безъ предубѣжденія тотъ отрывокъ, въ которомъ приведенъ его общій взглядъ на ощущенія (Теофрастъ, „Объ ощущеніяхъ“, 3, 4), то видно, что кругъ идей у него совсѣмъ не тотъ, что у Алкмеона; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы принципы гипотезъ обоихъ уче

ныхъ были противоположны; напротивъ, можно замѣтить, что точка отправления у обоихъ одна и та же.

Смѣшеніе Парменидомъ ощущенія и мысли обусловлено исключительно неточностью его поэтического языка; нечего останавливаться на этомъ и выводить отсюда, какъ дѣлаетъ Теофрастъ, заключеніе о тождествѣ *νοῦς* и *ψυχή*. Отъ разсматриваемой нами эпохи нельзя требовать ни болѣе или менѣе точной классификаціи различныхъ способностей, ни соответствующаго различенія веществъ; все это, въ силу исторической необходимости, является уже послѣ Анаксагора. Что-же касается до самихъ ощущеній, то попытка Алкмеона сводится скорѣе къ описанію, чѣмъ къ объясненію ихъ; однако уже и въ этой попыткѣ проглядываетъ тенденція къ нахожденію внутри органа вещества, тождественнаго съ воспринимаемымъ: огня въ глазу, колеблющагося воздуха въ ухѣ и т. д. Принципъ объясненія воспріятія подобнаго подобнымъ еще не формулированъ, но онъ какъ-бы подразумевается. Парменидъ выдѣляетъ этотъ принципъ и развиваетъ его со свойственной ему строгой логичностью, примѣняя его къ тому, что можно назвать его дуалистической гипотезой.

Но эта гипотеза, которой мы займемся въ слѣдующей главѣ, въ примѣненіи къ строенію человѣческаго тѣла поразительно похожа на гипотезу Алкмеона. Кротонскій врачъ отмѣчаетъ многочисленныя пары противоположностей, которыя какъ-бы борются между собою, то одерживая верхъ другъ надъ другомъ, то находясь въ равновѣсіи въ человѣческомъ организмѣ; онъ первый понимаетъ здоровье, какъ результатъ соразмѣрности этихъ противоположностей, а болѣзнь считаетъ за слѣдствіе избытка одной изъ нихъ. Парменидъ сохраняетъ эту мысль, лишь сводя всѣ пары противоположностей къ одной; обобщивъ взглядъ своего предшественника (который навѣрно ничего-бы не возразилъ противъ этого), онъ считаетъ, что эта соразмѣрность противоположностей — темпераментъ — опредѣляетъ всего человѣка, какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи.

Итакъ, Парменидъ не ограничился тѣмъ, что было высказано Алкмеономъ по поводу ощущеній; онъ на много опередилъ послѣдняго широтою своего взгляда, но не сталъ съ нимъ въ проти-

ворѣчіе. Напротивъ, они какъ бы принадлежать оба къ одной школѣ; если между ихъ произведеніями и есть различіе въ подробностяхъ, то его нужно отнести за счетъ неточности современныхъ имъ понятій и языка.

Напримѣръ, намъ говорятъ (Аэцій, IV, 5), что Парменидъ помѣщалъ *главенство* (τὸ ἡγεμονικόν) въ груди, Эмпедоклъ въ крови, Алкмеонъ же въ мозгу; но такъ какъ можно сказать навѣрное, что ни одинъ изъ нихъ не пользовался выраженіемъ, которое употребляетъ доксографъ, и что эти мнимыя мнѣнія были выведены на основаніи весьма туманныхъ по смыслу отрывковъ, то отсюда еще нельзя вывести заключенія о намѣренномъ противорѣчій философовъ другъ другу.

9. *Происхожденіе человека.* Но пора приступить къ спеціальному вопросу, разработанному обоими авторами настолько подробно, что становится возможнымъ рѣшить, слѣдоваль-ли Парменидъ Алкмеону по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ своего труда. Я подразумѣваю вопросъ о происхожденіи человѣка, и въ частности вопросъ о причинѣ, опредѣляющей полъ зародыша.

Главнѣйшій источникъ по этому вопросу, Цензоринъ, констатируетъ согласіе между Парменидомъ и Алкмеономъ въ двухъ важныхъ пунктахъ: 1) въ томъ, что женщина выдѣляетъ сѣмя, которое, подобно мужскому сѣмени, участвуетъ въ образованіи зародыша; 2) въ томъ, что полъ зависитъ отъ условій смѣшенія обоого рода сѣмянъ. Если принять во вниманіе лишь оба свидѣтельства Цензорина относительно второго пункта, то можно думать, что согласіе было полное; но это не такъ, хотя латинскій переводъ стиховъ Парменида, сохраненный Целиемъ Аврелианомъ, можетъ быть истолкованъ въ смыслѣ, близкомъ къ мнѣнію Алкмеона¹⁾. И дѣйствительно, на основаніи одного стиха изъ Парменида (отр. 17), сохраненнаго Галеномъ, а также свидѣтельство самого Цензорина и Аэція, можно заключить, что Элеецъ

1) *Femina virque simul Veneris quum germina miscent,
Uenis informans diverso ex sanguine virtus
Temperiem servans bene condita corpora fingit;
Nam si virtutes permixto semine pugnent
Nec faciant unam permixto in corpore, dirae
Nascentem gemino vexabunt sem'ne sexum.*

высказывалъ другой взглядъ, трудно мирящійся съ предыдущимъ, а именно: будто полъ зародыша зависитъ отъ того, съ какой стороны тѣла идетъ сѣмя; если справа—зародышъ бываетъ мужскаго пола, если слѣва — женскаго.

Этотъ взглядъ, болѣе или менѣе преобразованный, пользовался большимъ распространеніемъ среди послѣдователей Парменида; онъ, конечно, ничто иное, какъ апіорная гипотеза, но онъ поражаетъ своимъ пифагорейскимъ характеромъ; это рискованное приложенеіе соотвѣтствія между двумя парами противоположностей: правое — лѣвое, мужское — женское. Намъ извѣстно также, что Парменидъ установилъ соотвѣтствіе между двумя парами: мужское — женское и холодное — теплое, но соединилъ при этомъ теплое съ женскимъ, тогда какъ Эмпедокль, измѣнивъ отношеніе, вѣрнѣе сохранилъ пифагорейскій параллелизмъ.

Если считать эти сопоставленія достаточными для вывода, то можно сказать, что Парменидъ, безъ сомнѣнія, звалъ трудъ Алемеона и пользовался имъ, но не считалъ нужнымъ слѣдовать ему во всемъ, что онъ даже не обратилъ вниманія на содержавшіяся въ немъ научныя наблюденія и наоборотъ, развилъ гипотетическую часть труда, съ строгой логичностью доведя до конца пифагорейскія тенденціи.

10. Прежде чѣмъ покончить съ Алкмеономъ, кстати будетъ прибавить нѣсколько замѣчаній объ его физиологическихъ мнѣніяхъ.

Я уже замѣтилъ, что вопросъ о главенствѣ души возникъ гораздо позже V вѣка; дѣйствительно, онъ былъ поставленъ стойками (Diog. L., VII, 133), и глава Аэція (IV, 5), касающаяся этого вопроса, конечно не заимствована у Теофраста. Мнѣніе о мѣстонахожденіи главенства, дважды приписанное компиляторомъ Алмеону, взято, стало быть, изъ какого-нибудь стоическаго руководства, якобы изслѣдующаго вопросъ съ исторической точки зрѣнія, вставлено же оно въ этотъ трудъ исключительно въ виду пополненія свидѣтельствъ Теофраста о теоріи ощущеній Алкмеона. Слѣдовательно, это свидѣтельство не имѣетъ никакого значенія.

А если такъ, то мы должны отказать въ довѣрїи свидѣтельству Аэція (V, 17), по которому Алкмеонъ считаетъ мозгъ пер-

вою частью организма, образующейся въ зародышѣ. Въ этой-же краткой главѣ Аэція находится другое, явно ошибочное свидѣтельство, касающееся Аристотеля; соответствующее мѣсто изъ Цензорина (V, 5 — VI, 2), повидимому гораздо вѣрнѣе передаетъ первоначальный текстъ Placita. Алкмеонъ, говорится тамъ, поднялъ этотъ вопросъ, но оставилъ его неразрѣшеннымъ; послѣ него главенство было приписано мозгу Анаксагоромъ и Гиппиномъ, сердцу — Эмпедокломъ; никто изъ нихъ, однако, не прибѣгалъ къ наблюденіямъ, равно какъ и представители иныхъ мнѣній; всѣ они руководились апріорными мотивами.

Мнѣніе о происхожденіи сѣменной жидкости, приписываемое Алкмеону, тоже сомнительно, такъ какъ оно примыкаетъ къ вопросу о главенствѣ мозга и мало согласно съ текстомъ Цензорина ¹⁾. Болѣе достовѣрны данныя относительно питанія зародыша и безплодія муловъ. Въ первомъ пунктѣ Алкмеонъ выказываетъ паразитическое для врача невѣжество; относительно-же второго онъ, по крайней мѣрѣ, старался производить наблюденія надъ природой.

Наконецъ, объясненіе, даваемое Кротонскимъ врачомъ сну и смерти, довольно ясно указываетъ, что онъ дѣйствительно изучалъ факты, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ склонность къ поспѣшнымъ гипотезамъ, къ неосновательнымъ сопоставленіямъ, являющимся какъ-бы неизбежнымъ условіемъ научнаго прогресса при зарожденіи всякой теоріи. Насколько можно судить по тексту, значеніе котораго довольно темно, Алкмеонъ замѣтилъ, что артеріи наполнены кровью при жизни и пусты послѣ смерти. Онъ принялъ за причину то, что мы считаемъ слѣдствіемъ, а такъ какъ сонъ казался ему подобіемъ смерти, то онъ счелъ себя въ правѣ тотчасъ-же заключить, что и сонъ обуславливается той-же причиной, дѣйствующей лишь съ меньшей интенсивностью.

---

¹⁾ V, 2, 3. «Гиппионъ изъ Метапонта, или изъ Самоса, по свидѣтельству Аристоксена считаетъ, что сѣмя происходитъ изъ мозга и это, думаетъ онъ, подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что если самцовъ убиваютъ послѣ случки, то находятъ мозгъ истощеннымъ. Но это мнѣніе опровергается другими, какъ напр. Анаксагоромъ, Демокритомъ, Алкмеономъ изъ Кротоны, которые говорятъ, что послѣ случки самцы утрачиваютъ не только часть мозга, но и часть жира и мяса».

Вообще, не смотря на то, что занятія медициной велись съ очень давнихъ временъ, начала фізіологіи столь-же безпорядочны, столь-же обильны грубыми ошибками, и загромождены неискусно поставленными вопросами, какъ и начала другихъ естественныхъ наукъ. Грекамъ V столѣтія еще предстояло создать все, кромѣ основаній астрономіи, поставленной твердо благодаря долгимъ наблюденіямъ Халдеевъ.

ГЛАВА IX.

Парменидъ Элейскій.

I. Истина и мнѣніе.

1. *Положеніе, занимаемое Парменидомъ; его реализмъ.* Въ предыдущей главѣ, равно какъ и въ той, которая посвящена Ксенофану, я уже въ достаточной степени разъяснилъ, какъ я понимаю двойную точку зрѣнія, на которую становится Парменидъ, съ одной стороны излагая то, что онъ считаетъ истиной, а съ другой — развивая мнѣнія смертныхъ.

Истина, преподаваемая Элейцемъ, — это его собственное міропредставленіе; онъ представляетъ себѣ вселенную сферичной и слѣдовательно ограниченной, но тѣмъ не менѣе наполняющей все пространство. Абсолютная пустота невозможна; относительная пустота пифагорейцевъ также отрицается имъ. Міръ повсюду одинаково наполненъ и однороденъ; онъ отъ вѣчности пребываетъ такимъ и по необходимости неподвиженъ. Это представленіе — вполне конкретное.

Неоспоримая своеобразность міропредставленія Парменида заключается однако не въ тѣхъ чертахъ, которыя я только что напомнилъ; въ нихъ сказывается стремленіе Парменида научно развить монизмъ Іонійцевъ въ противоположность пифагорейскому дуализму; поэтому онъ оставляетъ ученіе о вращеніи вселенной, какъ непримиримое. въ его глазахъ, съ ограниченностью пространства, которую онъ прямо утверждаетъ — въ чемъ существенное отличіе его отъ Ксенофана; онъ отвергаетъ также мысль о послѣдовательныхъ возникновеніяхъ и разрушеніяхъ міра, периоди-

чески повторяющихся и рассматриваемых как слѣдствіе всемірнаго вращенія. Но главная особенность Парменида заключается въ томъ, что онъ не пытается объяснять явленія изъ своего тезиса, а довольствуется лишь строго-логической постановкой послѣдняго. Преподаваемая имъ физика относится къ области *мнѣнія*.

На почвѣ физики Парменидъ, собственно говоря, не самостоятеленъ—тутъ онъ дѣйствительно является ученикомъ пифагорейцевъ; если онъ и сохраняетъ нѣкоторую независимость, то пользуется ею для развитія усвоеннаго имъ ученія, а не для проявленія противоположныхъ тенденцій. Можно, пожалуй, сказать, что его физика—не чисто пифагорейская, что онъ сдѣлалъ нѣсколько важныхъ заимствованій у іонійцевъ, но если это и правда, то нужно прибавить, что вѣдь въ сущности никогда не существовало специально пифагорейской физики и что физика Парменида тѣмъ не менѣе является самымъ значительнымъ изъ всѣхъ имѣющихся у насъ документовъ о мнѣніяхъ, преобладавшихъ въ италійской школѣ въ то время, когда Парменидъ писалъ свою поэмю.

Эзотерическое ученіе пифагорейцевъ, кромѣ своего мнѣческаго отдѣла, должно было главнымъ образомъ заключать въ себѣ преподаваніе четырехъ *матемъ*, ариметики, геометріи, сферики (теоретической астрономіи) и музыки. Парменидъ, повидимому, не былъ посвященъ въ это ученіе; онъ, можетъ быть, зналъ только нѣсколько выводовъ, имѣющихъ отношеніе къ астрономіи.

Въ составъ-же экзотерическаго ученія входила физика, которая преподавалась какъ наука гипотетическая. Въ началѣ, основы этой физики были заимствованы изъ Іонійскихъ традицій, приведенныхъ въ согласіе съ одной стороны — съ успѣхами науки, а съ другой—съ дуализмомъ и динамизмомъ, выраженнымъ въ болѣе или менѣе мнѣической формѣ. Впослѣдствіи, главнѣйшіе вожди школы свободно измѣняли эти первоначальныя основы сообразно со своими личными тенденціями.

Тѣ изъ пифагорейцевъ, которые захотѣли дать физикѣ опредѣленную форму, изложивъ ее письменно (Гиппасъ, Алгеонъ), естественно отдѣлились отъ школы; во всякомъ случаѣ дуализмъ, имѣвшій первоначально конкретный характеръ, особенно скоро

подвергся радикальнымъ измѣненіямъ и въ концѣ концовъ сталъ вполне отвлеченнымъ.

Таковы поставленные мною тезисы; теперь мнѣ остается развить въ нихъ то, что касается Парменида, мнѣнія-же мои о пифагорейцахъ частью уже были доказаны раньше, частью-же будутъ подтверждены въ данной главѣ.

2. *Идеализмъ, какъ результатъ впервые основанной Парменидомъ теоріи познанія.* Мое объясненіе ученія объ истинѣ у Парменида очень близко подходитъ къ изложенію этого ученія у Эд. Целлера; зато оно находится въ полномъ противорѣчій съ общераспространенными взглядами на значеніе теоріи Парменида. И дѣйствительно, его обыкновенно считаютъ отцомъ идеализма, если только не дадутъ ему въ предшественники Ксенофана. Съ другой стороны, со временъ Платона и Аристотеля, элейзмъ считается прямымъ противоположеніемъ гераклитизму; по первому — бытіе неподвижно, по второму — оно неуловимо въ вѣчномъ бываніи; можно-бы думать, что между обѣими теоріями дѣйствительно существовалъ антагонизмъ.

Я не стану останавливаться на второмъ пунктѣ; Эдуардъ Целлеръ, мнѣ кажется, вполне удовлетворительно покончилъ съ этимъ общераспространеннымъ предрассудкомъ; онъ твердо установилъ, что поэма Парменида и трудъ Гераклита возникли почти одновременно и что ни одинъ изъ этихъ двухъ авторовъ не зналъ произведенія другого.

Скажу больше: изъ всѣхъ іонійскихъ доктринъ — ученіе Гераклита всего ближе подходитъ къ ученію Парменида: Гераклитъ — монистъ и отрицаетъ суточное вращеніе, а это самый существенный пунктъ съ конкретной точки зрѣнія, единственной, которую признавали въ то время. Конечно, съ отвлеченной точки зрѣнія, большая разница между признаніемъ постоянства бытія и настойчивымъ утвержденіемъ универсальности быванія. Но корень различія — въ индивидуальныхъ склонностяхъ обоихъ мыслителей; исходятъ-же они изъ одного общаго основанія и Платону суждено было примирить ихъ.

Всего важнѣе рѣшить вопросъ, какимъ именно образомъ мыслители эллинскаго періода въ теченіи V вѣка освободились

отъ конкретной точки зрѣнія и стали на абстрактную; всё согласны признать, что эта рѣшительная эволюція произошла подъ вліяніемъ элейской школы, а эта школа насчитываетъ лишь трехъ представителей, Парменида, Зенона и Мелисса, если исключить Ксенофана, что, по моему, необходимо. Какова была роль этихъ трехъ мыслителей? Было-ли преобразование совершенно въ цѣломъ уже первымъ изъ нихъ, или-же переходъ съ конкретной почвы на абстрактную произошелъ мало-по-малу и можно въ точности установить его различные періоды?

Отрывки сочиненія Мелисса, раскритикованнаго Аристотелемъ, оставленнаго безъ вниманія Платономъ, свидѣтельствуютъ однако о ярко выраженномъ идеализмѣ; особенно характерно въ этомъ отношеніи то, что Мелиссъ совсѣмъ не былъ физикомъ; объясненіе міра явленій вовсе не занимаетъ его; онъ остается постоянно на почвѣ, которая впоследствии была названа метафизической.

Смѣлые парадоксы Зенона Элейскаго на первый взглядъ какъ будто принадлежать къ той же области; безъ сомнѣнія, извѣстность этихъ парадоксовъ и логическая, чисто отвлеченная форма аргументаціи Зенона оказали рѣшительное вліяніе на анализируемую нами эволюцію. Но я постараюсь доказать въ слѣдующей главѣ, что цѣль, преслѣдуемая Зенономъ, въ сущности очень отличается отъ той, которую ему обыкновенно приписываютъ и что онъ вовсе не сомнѣвается въ логической возможности существованія явленій.

Наконецъ, Парменидъ является передъ нами какъ-бы двумя лицами: обращенный и къ прошлому и къ будущему, онъ въ одно и то-же время приверженецъ гипотетической физики и представитель догматической логики; онъ попеременно становится на обѣ точки зрѣнія, но не пытается объединить въ общемъ синтезѣ обѣ стороны вещей. Въ этомъ и заключается, какъ я уже говорилъ, характерная особенность Парменида; этимъ путемъ онъ далъ идеализму содержаніе и въ то-же время снабдилъ его формой, создавъ спеціальнѣйшій видъ логики.

Если бы Мелиссъ не вывелъ всѣхъ слѣдствій изъ примѣненія этой формы къ данному содержанію, ни Платонъ, ни Аристотель не приписали-бы діалектикѣ Зенона неподобающаго ей значенія;

ни тотъ, ни другой не стали-бы искать идеализма у Парменида и мы, безъ сомнѣнія, считали-бы послѣдняго чистымъ реалистомъ.

3. Та часть поэмы Парменида, которая относится къ истинѣ, дошла до насъ почти цѣликомъ; по крайней мѣрѣ ясно, что въ сохранившихся отрывкахъ нѣтъ значительныхъ пробѣловъ. Внимательное изслѣдованіе этихъ длинныхъ отрывковъ, подлинность которыхъ, встаети сказать, несомнѣнна, должно вполне ознакомить насъ съ истиннымъ смысломъ ученія Парменида. Мы не станемъ заниматься тѣми комментаріями, которыми оно было снабжено впоследствии; они написаны подъ вліяніемъ предвзятыхъ идей и только могли-бы ввести насъ въ заблужденіе; нужно лишь непремѣнно проникнуться той мыслью, что Парменидъ жилъ въ чисто реалистической средѣ, а потому истинный смыслъ его рѣчи можетъ быть понятъ лишь въ томъ случаѣ, если мы подставимъ на мѣсто употребляемыхъ имъ отвлеченныхъ терминовъ понятія современной ему эпохи.

Бытіе Парменида — это протяженная субстанція, объектъ чувствъ; это — картезианская матерія; не-бытіе у него — чистое пространство, абсолютная пустота, протяженность, не доступная воспріятію. Съ помощью этого ключа вся поэма становится ясною до прозрачности; безъ него все остается темнымъ и непонятнымъ.

Чистое пространство не можетъ существовать: его нельзя ни помыслить, ни выразить; этого достаточно, чтобы отрицать самую возможность его. Такова исходная точка Парменида и въ его время она не допускала возраженій; никто еще не смотрѣлъ на пространство иначе, чѣмъ какъ на вмѣстилище матеріи, атомистовъ еще не было; сверхъ того, надо замѣтить, что отвлеченіе, необходимое для образованія понятія чистаго пространства было бы невозможно безъ отрицающихъ послѣднее абстракцій Парменида. Ему пришлось считаться лишь съ относительной пустотой пифагорейцевъ и побѣда легко далась ему. Допустивъ невозможность пустого пространства, уже легко доказать, что матерія не возникла и не преходитъ, что она не можетъ ни увеличиваться, ни уменьшаться; отсюда-же непосредственно слѣдуетъ, что она непрерывна и потому образуетъ единое цѣлое; какъ единое, она необходимо неподвижна.

Кромѣ того, Парменидъ утверждаетъ, что бытіе ограничено; это потому, что нельзя мыслить цѣлое неограниченнымъ. Затѣмъ онъ приписываетъ ему сферическую форму — сообразно съ требованіями симметріи и вслѣдствіе отрицанія пустого пространства.

Ограниченное и наполненное матеріей пространство — вотъ къ чему сводится ученіе Парменида; оно не занимается ни объясненіемъ отдѣльныхъ явленій, ни вытекающей отсюда видимостью возникновенія и разрушенія. Но если въ этомъ ученіи нѣтъ ничего больше, то почему-же такое строгое разграниченіе области истины и области мнѣнія? Какое значеніе приписываетъ Парменидъ своей гипотетической физикѣ?

Онъ самъ опредѣляетъ это значеніе словами, которыя влага-етъ въ концѣ пролога въ уста принимающаго его божества (отр. I, ст. 28—32). Ясно, что въ дѣйствительности онъ придаетъ своей физикѣ довольно большое значеніе, отличая тѣмъ не менѣе наиболѣе вѣроятныя предположенія отъ обязательныхъ истинъ.

Разница между обѣими областями состоитъ для Парменида въ томъ, что онъ считаетъ свою теорію строго доказанной, установленной силою одного разума и потому безусловно убѣдительною; напротивъ, объясненіе отдѣльныхъ явленій, по его взгляду, не допускаетъ доказательствъ: въ области физики можно достигнуть вѣроятности, но не достовѣрности; однако отсюда не слѣдуетъ, чтобы это объясненіе непременно было ложнымъ.

Парменидъ, говорю я, не заботился о примиреніи своего физическаго міра съ условіями своей теоретической вселенной. Однако серьезныхъ препятствій для подобнаго примиренія не было. Что нужно, чтобы согласить міръ бытія съ міромъ быванія? Необходимо два условія, изъ которыхъ одно, по крайней мѣрѣ, было указано самимъ Парменидомъ. Нужно отбросить конкретный пифагорейскій дуализмъ и вернуться къ монизму Анаксимандра; съ другой стороны, для того, чтобы придти къ неподвижности вселенной, какъ цѣлаго, вопреки видимости суточного вращенія, достаточно признать неподвижнымъ верхній слой, находящійся надъ небесными огнями, такъ наз. *ἔσχατος ὄλκιμος*.

Послѣднее вовсе не трудно; если Парменидъ не вступилъ на этотъ путь, то лишь потому, что онъ нашелъ дуализмъ болѣе

удобнымъ для изложѣнія физики и счелъ невозможнымъ достигнуть достовѣрности съ помощью монистическаго объясненія явленій.

4. Такимъ образомъ, главное значеніе Парменида, по крайней мѣрѣ насколько оно выясняется намъ изъ его поэмы, состоитъ въ томъ, что онъ первый заложилъ основаніе теоріи познанія. Уже пифагорейское ученіе о математикѣ дало почувствовать разницу между обязательностью отвлеченныхъ доказательствъ и недостовѣрностью предположеній, при помощи которыхъ стараются возвыситься надъ непосредственными данными конкретнаго опыта. Парменидъ ищетъ того, что можетъ быть установлено относительно вселенной путемъ одной логики; вотъ — истина, вотъ — достовѣрность. И остальнымъ не слѣдуетъ пренебрегать; но нужно опредѣлить границы человѣческаго ума и довольствоваться болѣе или менѣе вѣроятнымъ, смотря по природѣ вопросовъ.

Исходный пунктъ точныхъ доказательствъ Парменида ошибоченъ, а потому ложны и его выводы. Тѣмъ не менѣе, ему принадлежитъ безсмертная заслуга вполне правильной постановки вопроса; въ его время наука о природѣ, въ силу своей зависимости отъ проблемъ, затронутыхъ Іонійцами, не могла подняться надъ вѣроятностью; потребовались долгіе труды и безконечныя детальныя изысканія, прежде чѣмъ было узнано, какого рода достовѣрность могутъ дать наблюденіе и опытъ. Но даже и теперь мы должны всегда различать въ наукѣ полезную или удобную гипотезу отъ строго доказанной истины.

Но гдѣ берутъ начало первыя посылки, лежащія въ основаніи точныхъ доказательствъ? Если онѣ взяты изъ опыта, то недостовѣрны, поскольку обманчивы наши чувства; въ такомъ случаѣ, выводы изъ нихъ только приблизительно вѣроятны. Если-же первыя посылки апріорны, то еще вопросъ, возможно-ли объективное примѣненіе этихъ субъективныхъ истинъ? Конечно, для Парменида данные вопросы еще не существуютъ; онъ просто постулируетъ отрицаніе непостижимаго, но ему не приходится въ голову изслѣдовать, почему та, или другая вещь немыслима — въ силу-ли необходимой формы нашего мышленія, или-же благодаря пробѣлу въ элементахъ, доставляемыхъ ему ощущеніями? Онъ не замѣчаетъ

по крайней мѣрѣ одной изъ двухъ сторонъ дилеммы, а слѣдовательно не можетъ ясно видѣть и другую сторону.

Но съ этими оговорками постулатъ Парменида и теперь примѣнимъ къ науцѣ; она можетъ быть построена только изъ ясныхъ и точныхъ понятій, непонятное не должно входить въ ея составъ. Это необходимый, но недостаточный принципъ, который Декартъ напомнилъ намъ черезъ двѣ тысячи лѣтъ послѣ Парменида.

5. Такъ вотъ какимъ является намъ Парменидъ въ своей поэмѣ: онъ строго логиченъ, но, не смотря на отвлеченную форму своихъ аргументовъ, онъ ограничивается роковой конкретной точкой зрѣнія, съ которой до него никто не сходилъ. Перешагнулъ-ли онъ ее вполнѣ, въ школьномъ преподаваніи? Не мѣшаетъ поставить этотъ вопросъ, хотя врядъ-ли удастся рѣшить его вполнѣ удовлетворительно.

Парменидъ, какъ указалъ Дильсъ ¹⁾, вѣроятно основалъ закрытую школу, устроенную на подобіе пифагорейской и отличавшуюся также особымъ образомъ жизни, тѣснымъ сближеніемъ между учителемъ и учениками и претензіей на политическую роль. Характерной особенностью этой школы было, вѣроятно, прежде всего — упражненіе въ діалектикѣ по правиламъ, установленнымъ учителемъ. Но такъ какъ абстрактные аргументы Зенона (хотя я неизмѣнно приписываю его діалектикѣ конкретной цѣль) повидимому уже сильно вышли изъ рамокъ, начертанныхъ Парменидомъ, то мнѣ трудно согласиться съ Дильсомъ въ томъ, что поэма Учителя была чѣмъ-то вродѣ катехизиса, составленнаго для ежедневныхъ школьныхъ упражненій.

Я скорѣе склоненъ считать ее юношескимъ произведеніемъ (ср. отр. I, ст. 24), имѣвшимъ заслуженный успѣхъ и собравшимъ вокругъ автора поклонниковъ и друзей. Вскорѣ весь кружокъ сталъ стремиться подражать его разсужденіямъ и развивать ихъ дальше. Съ другой стороны, самый успѣхъ доктрины возбудилъ возраженія и Пармениду пришлось защищать словесно свои мнѣнія.

Неточность его поэтического языка, недостатокъ, котораго ему

---

¹⁾ Ueber die aeltesten Philosophieschulen der Griechen (Philos. Aufsätze, 1886, S. 248 u. f.)

не удалось избѣгнуть не смотря на весь его талантъ. должна была оказывать значительное вліяніе на эту полемику и отвлечь отъ истиннаго предмета Парменидова ученія. Любой стихъ (напр. стр. 5), написанный въ реалистическомъ смыслѣ, можетъ быть истолкованъ теперь въ чисто идеалистическомъ духѣ, а тогда могъ казаться смѣлымъ парадоксомъ, вызовомъ, брошеннымъ здравому смыслу. вмѣсто того, чтобы сдѣлать уступки, пыкій Зенонъ пошелъ еще дальше, рѣшительно перешелъ въ наступленіе и бросилъ въ лицо противникамъ еще болѣе невѣроятныя отрицанія. Не подражалъ-ли онъ въ этомъ Пармениду? Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ слѣдовалъ ему до конца и ревностно защищалъ его дѣло.

Что-же касается Мелисса, то ясно, что онъ подражаетъ диалектикѣ школы, но нельзя установить исторически, что онъ познакомился съ нею не только по письменнымъ трудамъ, издававшимся школой, но и путемъ устнаго преподаванія. Итакъ, пока не доказано противное, тезисы, принадлежащіе лично Мелиссу, не могутъ быть приписаны ни Зенону, ни Пармениду.

II. Дуализмъ Парменидовой физики.

6. *Ея пифагорейскій характеръ.* Теперь я приступаю къ разсмотрѣнію взглядовъ, изложенныхъ во второй части поэмы Парменида; я считаю, что они заслуживаютъ тѣмъ болѣшого вниманія, что могутъ бросить свѣтъ на характеръ современной Пармениду физики.

Дѣйствительно, какъ прекрасно замѣтилъ Эд. Целлеръ, Парменидъ излагаетъ въ своей физикѣ не собственные мнѣнія, а чужія. Сгранно только, что знаменитый историкъ не задался серьезно вопросомъ, кому принадлежатъ эти далеко не ходячія въ ту эпоху мнѣнія. Дуалистическая точка зрѣнія, на которую Парменидъ становится въ самомъ началѣ своего изложенія, исключаетъ іонійскія теоріи и прямо указываетъ на пифагорейзмъ.

Дильсъ (I. с. стр. 253) возражаетъ мнѣ, что Милетцы, не смотря на свой монизмъ, прибѣгали для объясненія образованія

міра къ противоположенію различныхъ качествъ, какъ-то холоднаго и теплаго (Анаксимандръ), плотнаго или разрѣженнаго (Анаксименъ), причеъ эти различныя пары противоположностей естественно отождествлялись. Но я вовсе не вижу, почему онтологическая теорія Парменида принуждаетъ его отрицать эти качества, вопреки явному свидѣтельству чувствъ. Я ограничилъ эту теорію исключительно тѣмъ, что намъ даютъ отрывки, и мнѣ кажется, что нельзя расширять ее за эти предѣлы безъ уважительныхъ причинъ.

Во всякомъ случаѣ ясно, что нельзя безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій считать всѣ мнѣнія Парменида заимствованными у пифагорейцевъ. Напротивъ. нужна детальная критика, чтобы различить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, находится-ли передъ нами заимствованіе у пифагорейской школы, или-же, какъ думаетъ Целлеръ отголосокъ космологическихъ поэмъ, іонійскаго ученія, которое Парменидъ захотѣлъ отмѣтить печатью своей личности. Сравненіе между Парменидомъ и Алкмеономъ, сдѣланное въ предыдущей главѣ, достаточно ясно показываетъ, какъ нужно вести эту критику, и на какія препятствія она наталкивается.

Можемъ-ли мы, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что она приведетъ насъ къ достовѣрному историческому выводу? Нечего обманывать себя въ этомъ отношеніи; въ дѣйствительности, исторія пифагореизма до Филолая вполне гипотетична. Мы можемъ лишь выставить новыя предположенія и будемъ считать себя удовлетворенными, если они окажутся болѣе вѣроятными, чѣмъ предыдущія, если они прольютъ немного больше свѣта и дадутъ намъ возможность нѣсколько точнѣе представить себѣ таинственное зарожденіе пифагорейскаго ученія и медленную эволюцію, которой оно подвергалось въ нѣдрахъ школы, прежде чѣмъ достаточно созрѣло и было открыто объявлено.

7. *Дѣя формы бытія.* Я уже сказалъ, что начало главы Парменида „о мнѣніи“ прямо вводитъ насъ (отр. 8, ст. 53—61) въ центръ пифагореизма. Послѣдній стихъ кажется мнѣ особенно заслуживающимъ вниманія. Парменидъ хочетъ излагать ту науку, которою обладали его современники, но въ Италіи только одни пифагорейцы и считались учеными. Пока у насъ нѣтъ рѣшающихъ

доказательствъ въ пользу того, что Парменидъ имѣеть въ виду Іонійцевъ, мы имѣемъ право думать, что этотъ стихъ относится къ Италийцамъ. Я не могу понять, почему Эд. Целлеръ (II, стр. 57) думаетъ, что Парменидъ говоритъ здѣсь объ общепринятыхъ мнѣніяхъ; вѣдь послѣднія не имѣютъ исключительно дуалистическаго характера, и было бы прямымъ преувеличеніемъ говорить, что чувственное воспріятіе и общее мнѣніе видятъ въ каждой вещи соединеніе противоположныхъ субстанцій и силъ.

Но еслибы даже это было вѣрно, то сведеніе всѣхъ противоположностей къ одной составляетъ громадный шагъ впередъ и мнѣ кажется, что нѣтъ причины приписывать это сведеніе Пармениду, когда онъ самъ выставляетъ его какъ чуждое себѣ и когда все рѣшительно указываетъ намъ, что шагъ этотъ былъ сдѣланъ пифагорейцами.

Существуютъ другія, еще болѣе важныя, заблужденія относительно этихъ стиховъ Парменида. Двѣ формы бытія вовсе не соотвѣтствуютъ, какъ это думаетъ Аристотель, противоположенію бытія и не-бытія; нужно прямо исказить смыслъ словъ Парменида, чтобы найти въ нихъ это противоположеніе. Точно также *περας* и *ἄπειρον* пифагорейцевъ были одинаково матеріальны и имѣли одинаковое право на названіе бытія. Не-бытіе (абсолютная пустота) было прибавлено къ бытію только атомистами; они первые вступили на путь, который Парменидъ хотѣлъ сдѣлать запретнымъ, между тѣмъ какъ развитіе въ его время геометрическихъ абстракцій открывало доступъ къ этому пути. Итакъ, не отрицаніе Парменидомъ не-бытія было направлено противъ какой-нибудь современной ему теоріи, но тѣ слѣдствія, которыя онъ выводитъ изъ этого отрицанія, какъ-то единство и непрерывность матеріи.

Если Парменидъ называетъ огонь однороднымъ, то лишь для того, что бы противопоставить тожество этого элемента самому себѣ — отличію его отъ второго элемента; онъ вовсе не говоритъ, что этотъ послѣдній разнороденъ. Подобное утвержденіе съ его стороны было-бы бессмысленнымъ, ибо онъ не могъ-бы указать причины этой разнородности, которая притомъ-же была ему вовсе не нужна.

Слѣдуетъ однако сдѣлать одно очень важное замѣчаніе: ясно, что тонкое вещество Парменида соответствуетъ „безпредѣльному“ Пиеагора, а его плотное вещество — „предѣлу“. Но по традиціи „предѣлъ“ занимаетъ первое мѣсто въ противоположеніяхъ пиеагорейцевъ, у Парменида-же, напротивъ, это мѣсто занимаетъ тонкое вещество.

Причину этого перемѣщенія легко понять: въ каждой космологіи необходимо ввести свѣтъ и мракъ, но свѣтъ можно приписать только тонкому веществу, а съ другой стороны — при противоположеніи онъ долженъ занимать первое мѣсто. Я уже обратилъ вниманіе на эту антиномію (гл. VIII, 1) и отмѣтилъ вліяніе, которое она должна была оказать на эволюцію пиеагорейскаго ученія.

Итакъ ясно, что въ этомъ пунктѣ физика Парменида не тождественна съ доктриной самого Пиеагора. Но преподавалъ-ли послѣдній полное физическое ученіе? Я въ этомъ сомнѣваюсь. Во всякомъ случаѣ, устная передача такъ отличается отъ письменнаго изложенія, что всякій пиеагореецъ, прибѣгавшій къ письму, обязательно производилъ расколъ въ школѣ, или-же примыкалъ къ какой-нибудь сектѣ. Парменидъ изложилъ свою физику письменно — такъ могъ-бы сдѣлать любой пиеагореецъ, а потому онъ не избѣгъ рокового закона; слѣдовательно, въ немъ нужно видѣть сектанта, но тѣмъ не менѣе онъ гораздо ближе къ первоначальному ученію, чѣмъ всякій другой изъ извѣстныхъ намъ сектантовъ, а въ особенности Филолай.

8. *Происхожденіе міра.* Я не стану долго останавливаться на свидѣтельствѣ перипатетической школы, по которому Парменидъ яко-бы далъ своему тонкому элементу активную роль причины, а плотному — пассивную роль матеріи. Эд. Целлеръ уже покончилъ счеты съ этимъ свидѣтельствомъ; чтобы рѣшить, находить-ли оно кажущееся подтвержденіе въ выраженіяхъ самого Парменида, нужно узнать, какъ онъ объяснялъ возникновеніе и разрушеніе міра. Къ несчастію, по этому вопросу у насъ существуетъ лишь нѣсколько недостаточныхъ указаній, настоящее значеніе которыхъ мы даже не можемъ оцѣнить.

Цензоринъ (IV, 3) говоритъ: „Авторами перваго изъ этихъ мнѣній, а именно, что человѣческій родъ всегда существовалъ, были Пифагоръ Самосскій, Оцеллъ изъ Луканіи, Архитъ изъ Тарента и вообще всѣ пифагорейцы. Но Платонъ изъ Афинъ, Ксенократъ, Дикеархъ изъ Мессины и философы древней Академіи думали, повидимому, не иначе. Наконецъ, Аристотель изъ Стагира, Теофрастъ и многіе другіе знаменитые периплатетики писали въ томъ-же смыслѣ. По этому поводу они говорятъ, что совершенно невозможно рѣшить, образуются-ли сперва птицы, или яйца, такъ какъ не можетъ быть яйца, если сперва нѣтъ птицы, и птицы, если сперва нѣтъ яйца. Слѣдовательно, всѣ существа, которыя были, или когда нибудь будутъ въ этомъ вѣчномъ мірѣ, не имѣли начала, но существуетъ кругъ зачатій и рожденій, въ которомъ каждое изъ нихъ находитъ и свое начало и свой конецъ“.

Однако, пифагорейцы излагали начало міра и Платонъ подражалъ имъ въ Тимей. Поэтому, если даже это начало имѣло миѳическое значеніе, Парменидъ, по своему плану, долженъ былъ также дать картину возникновенія міра; онъ даже говорилъ о его разрушеніи (5), но не вдаваясь въ подробности.

Что касается неясныхъ свидѣтельствъ по этому поводу, приведенныхъ въ доксграфіи къ Пармениду, то въ нихъ нѣтъ отличительныхъ чертъ, которыя позволили бы связать ихъ съ какой-нибудь другой физической теоріей. Однако я уже отмѣтилъ (гл. VII, 9) соотношеніе между парами противоположностей: мужское — женское, холодное — теплое, сообразно которому Парменидъ считалъ, что самцы явились на сѣверѣ, а самки на югѣ (15). Въ своихъ мнѣніяхъ о возникновеніи другихъ живыхъ существъ, онъ, повидимому, (16) намѣтилъ путь, котораго придерживался Эмпедоклъ. Наконецъ, его взглядъ на образованіе свѣтила и воздуха (11) (12) имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ ученію Анаксимандра.

III. Космологія.

9. *Сопоставленіе съ мнѣніями Пифагора, Ксенофана и Анаксимандра.* Въ своей космологіи Парменидъ, повидимому, особенно близко слѣдовалъ научнымъ взглядамъ Пифагора. Тотъ фактъ, что

ему приписываютъ наравнѣ съ послѣднимъ нѣсколько важныхъ открытій (сферичность земли, теорію зонъ, отождествленіе вечерней звѣзды съ утренней), можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что онъ первый изложилъ письменно истины, открытыя Учителемъ.

Я уже говорилъ (гл. VIII, 5, 7) о сферичности земли и объ объясненіи фазъ луны у Парменида; что-же касается до открытія планеты Венеры, то оно не принадлежало Пиеагору, но было заимствовано у варваровъ (Халдеевъ и Египтянъ) вѣроятно одновременно со свѣдѣніями о другихъ планетахъ.

Во всякомъ случаѣ, Парменидъ — не первый писатель, исправившій общераспространенное заблужденіе относительно вечерней и утренней звѣзды, если правда, какъ утверждаетъ Ахиллъ, что его предупредилъ въ этомъ Ивикъ изъ Регіума.

Но если исключить эти спеціальныя вопросы, система Парменида въ общемъ оказывается вполне своеобразной въ тѣхъ пунктахъ, которые для Пиеагора могли быть лишь предметомъ предположеній; если и можно сблизить ее съ чѣмъ-либо, такъ это съ представленіями Анаксимандра. Это не должно насъ удивлять, ибо, если физическія мнѣнія, входившія въ составъ экзотерическаго ученія, были по большей части заимствованы Пиеагоромъ или у варваровъ или у Эллиновъ, что можно заключить на основаніи свидѣтельства о немъ Гераклита — то никто не могъ доставить Пиеагору болѣе драгоцѣннаго матеріала, чѣмъ Анаксимандръ.

Съ другой стороны, хотя Парменидъ вовсе не былъ ни ученикомъ Ксенофана, ни продолжателемъ его ученія, онъ навѣрное зналъ его стихи, могшіе служить источникомъ, изъ котораго онъ заимствовалъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя выраженія Анаксимандра. Этимъ вполне возможнымъ предположеніемъ нельзя пренебрегать въ виду особенной точки зрѣнія предпринятаго нами изслѣдованія.

Итакъ, когда намъ говорятъ (Аэцій, II, 13 и 17), что по мнѣнію Парменида свѣтила — огненные массы, питающіяся испареніями земли, то вполне вѣроятно, что на этомъ взглядѣ сказалося вліяніе іонійскихъ традицій черезъ посредство Ксенофана, но другихъ слѣдовъ его посредничества я не замѣчаю.

Напротивъ, если Парменидъ помѣщаетъ землю въ центрѣ міра и объясняетъ ея неподвижность этимъ центральнымъ положеніемъ и отсутствіемъ причины, могущей заставить ее упасть скорѣе въ одну сторону, чѣмъ въ другую (13) — то здѣсь мы находимъ въ чистомъ видѣ ученіе Анаксимандра и на этотъ разъ ясно, что дѣло обошлось безъ посредничества Ксенофана.

Можно, конечно, сказать, что Италійцы легко могли и самостоятельно придти къ этому взгляду; но мнѣнія, что солнце и луна отдѣлились (*ἀποκριθῆναι*) отъ млечнаго пути (11), что солнце и млечный путь — огненные отдушины (*ἀναπνοήν*, у Анаксимандра *ἐκπνοήν*), также приводятъ къ ученію о генезисѣ и къ космологіи Анаксимандра. Наконецъ и гипотеза *вѣнцовъ* у Парменида кажется мнѣ прямо заимствованной у Анаксимандра.

10. „*Вѣнцы*“ Парменида. Главный текстъ, гдѣ говорится объ этой гипотезѣ, (11) вообще всегда былъ плохо понимаемъ. Довольно смутное описаніе дѣйствительно даетъ поводъ къ различнымъ толкованіямъ; во всякомъ случаѣ ясно, что прежде всего слѣдуетъ рѣшить вопросъ о формѣ вѣнцовъ.

Эд. Целлеръ, опираясь на сферичность окружающей вселенную оболочки, которую Аэцій считаетъ твердой и называетъ эфиромъ, — а также на сферичность центрального ядра (земли), говоритъ, что промежуточные слои могутъ быть только полыми шарами. Я же, напротивъ, думаю, что въ нихъ нужно видѣть цилиндрическіе вѣнцы, вложенные другъ въ друга.

Это представленіе мы находимъ въ мнѣиіи объ Ирѣ въ X книгѣ Республики Платона и мнѣ кажется несомнѣннымъ, что этотъ мнѣиіи прямо намекаетъ на систему Парменида. Центральное вѣнцено Необходимости достаточно подтверждаетъ это; упоминаніе о сиренахъ — слѣдъ пифагорейства — можетъ указывать только: или на сношенія Парменида съ пифагорейской школой, или на источникъ отдѣльныхъ опредѣленій, данныхъ Платономъ и очевидно не восходящихъ къ Пармениду.

Обратимся къ міропредставленію Анаксимандра и попытаемся перевести его на языкъ Парменида. Анаксимандръ представляетъ себѣ три концентрическихъ съ землею вольца, которые расположены на разстояніяхъ, находящихся въ опредѣленномъ числовомъ

отношеніи другъ къ другу, и соответствующъ млечному пути, лунной орбитѣ и орбитѣ солнца, Эти кольца состоятъ изъ вещества сравнительно плотнаго и темнаго (воздуха) и наполнены тонкимъ и свѣтлымъ веществомъ (огнемъ); этотъ огонь вырывается черезъ отдушины, оставленныя въ плотной оболочкѣ и такимъ образомъ является намъ въ видѣ свѣтиль. Что нужно, чтобы отождествить это описаніе съ изложеніемъ космологической системы Парменида у доксографа? Достаточно разсматривать каждый промежутокъ между двумя кольцами какъ такое-же кольцо, но только темное.

Возвратимся теперь къ описанію доксографа и обсудимъ его внимательнѣе. Ясно, что только что возстановленное нами представленіе Анаксимандра не можетъ соответствовать въ точности системѣ, изложенной Парменидомъ; съ другой стороны, къ сожалѣнію, слишкомъ очевидно, что изложеніе Элейца вслѣдствіе недостаточной точности его поэтическихъ выраженій легко давало мѣсто ошибочнымъ толкованіямъ, отъ которыхъ не свободенъ и текстъ Аэція.

Прежде всего плотный сводъ, окружающій вселенную на подобіе стѣны, не принадлежитъ къ теоріи Анаксимандра, а заимствованъ изъ системы Анаксимена. Но хотя Эмпедоклъ впослѣдствіи принялъ это представленіе, вдохновленный, можетъ быть, поэзіей Парменида, все-же тутъ, кажется, можно подозрѣвать ошибку. Такъ какъ Парменидъ различалъ только два элемента, то эпитетъ, который онъ придалъ „плотному“ могъ быть понятъ въ смыслѣ „твердый“, тогда какъ изъ словъ Парменида о лунѣ очевидно, что онъ считалъ плотнымъ темный воздухъ. Я считалъ-бы подобное смѣшеніе несомнѣннымъ, еслибы поэтъ дѣйствительно обозначалъ этотъ сводъ словомъ *αἰθήρ*; но это сомнительно, такъ какъ въ стихахъ, дошедшихъ до насъ отъ Парменида, это слово означаетъ скорѣе то вещество, въ нѣдрахъ котораго погружены всѣ свѣтила, тогда какъ крайній сферическій сводъ долженъ-бы называться *ὄβρανός ἀμφίς ἔχων*, или *ὄβριμος ἔσχατος*. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что Парменидъ выразился здѣсь двусмысленно и, можетъ быть, не безъ умысла. Замѣтимъ еще, что эта предѣльная оболочка не играетъ никакой роли въ явленіяхъ, а

потому ее можно считать неподвижной; въ такомъ случаѣ она — оригинальное представленіе Парменида.

Внутри темнаго сферическаго свода находится прежде всего вѣнецъ — по Аэцію огненный. Миѣ кажется несомнѣннымъ, что въ немъ нужно признать млечный путь; но этотъ вѣнецъ не изъ чистаго огня: хотя огонь и образуетъ, повидимому, сплошную стѣну, но онъ только *выдыхается* въ чистомъ видѣ, а бѣлесоватый цвѣтъ вѣнца объясняется смѣсью двухъ веществъ (13).

У насъ есть еще одинъ стихъ Парменида; въ чтеніи Дильса (отр. 12, ст. 1) *Αἰ γὰρ στενωβεται πλῆυτο πυρός ἀκρήτου* онъ какъ разъ соответствуетъ представленію Анаксимандра: огонь внутри полаго кольца.

Точно также и послѣдній вѣнецъ, тоже огненный по Аэцію и облекающій центральное ядро — конечно не состоитъ изъ чистаго огня: этотъ вѣнецъ ничто иное, какъ наша атмосфера, или, по крайней мѣрѣ, ея свѣтлая (освѣщенная) часть, такъ какъ Парменидъ считаетъ, что темный воздухъ входитъ въ составъ плотнаго элемента.

Промежуточные вѣнцы также смѣшаны изъ двухъ элементовъ, но съ преобладаніемъ темнаго, и среди нихъ, сообразно 2 стиху, 12 отр., можно предположить даже совсѣмъ темные. Эти промежуточные вѣнцы должны соответствовать — считая отъ земли — орбитамъ луны, солнца и пяти планетъ. Хотя Парменидъ, повидимому, говорилъ только о Венерѣ, однако и другія планеты, которыя Анаксимандръ не отличалъ отъ звѣздъ, были, должно быть, извѣстны первымъ пифагорейцамъ.

11. *Научные устѣхи.* Итакъ, если исключить представленіе о свѣтломъ, огненномъ воздухѣ, то можно сказать вообще, что міропредставленіе Парменида заимствовано у Анаксимандра и только измѣнено сообразно съ успѣхами науки.

Такъ, въ силу научнаго прогресса, число колецъ Милетца было увеличено; былъ измѣненъ также ихъ порядокъ, такъ какъ Анаксименъ считалъ, что млечный путь ближе къ землѣ, чѣмъ луна и солнце. Правда, по свидѣтельству Аэція (11), Парменидъ яко-бы сохранилъ тотъ-же порядокъ, помѣстивъ всего дальше отъ земли въ эфирѣ — Венеру, подъ нею — солнце, а затѣмъ въ огненной

средѣ, называемой *Οὐρανός*, — звѣзды; но этотъ порядокъ былъ ложно выведенъ Аэціемъ изъ неправильнаго толкованія терминовъ *Эфиръ* и *Уранъ*.

Научный прогрессъ сказался здѣсь въ болѣе глубокомъ размышленіи о движеніяхъ небесныхъ свѣтилъ, движеніяхъ — которыя Анаксимандръ, въ сущности, не объяснилъ. Мы уже видѣли (гл. VIII, 5), что Алкмеонъ говорилъ о вращеніи планетъ съ запада на востокъ въ противоположность перемѣщенію неподвижныхъ звѣздъ и мы приписали Пифагору честь этого неопѣнимаго открытія. Съ этого времени видимое движеніе блуждающихъ свѣтилъ было разложено на двѣ составныхъ части: суточное вращеніе, общее всему небу, и собственное движеніе планетъ, гораздо болѣе простое, чѣмъ кажущееся. Такимъ образомъ, первый шагъ былъ сдѣланъ и путь къ дальнѣйшимъ успѣхамъ астрономіи положенъ.

Это представленіе должно было непосредственно отразиться на порядкѣ свѣтилъ (см. гл. VI, 6); очевидно, нужно было расположить планеты сообразно скорости ихъ собственныхъ движеній и помѣстить ту, которая движется медленнѣе всѣхъ, всего ближе къ небу неподвижныхъ звѣздъ, разъ уже было допущено, что луна ближе къ землѣ, чѣмъ солнце ¹⁾. Такимъ путемъ мы естественно приходимъ къ порядку, которому слѣдоваль Платонъ въ миѣѣ объ Ирѣ и котораго, должно быть, придерживался Парменидъ наравнѣ съ Анаксименомъ.

Теперь нужно рѣшить: пифагорейцами-ли была передана Пармениду система Анаксимандра, поднятая на уровень новѣйшихъ открытій времени Парменида? самого Пифагора я оставляю въ сторонѣ, такъ какъ думаю, что Алкмеонъ вѣрнѣе изложилъ его истинное мнѣніе, признавъ свѣтила одушевленными и видя доказательство ихъ божественности въ круговомъ однообразномъ дви-

---

¹⁾ Слова Парменида (12): «луна равна солнцу» нужно понимать такимъ образомъ: луна кажется равной солнцу. Я не понимаю мнѣнія Карстена, говорящаго, что слово «равный» относится не къ величинѣ, а къ орбитѣ; предположеніе равенства орбитъ привело бы къ равенству размѣровъ, коль скоро у древнихъ кажущіеся диаметры считались равными.

женіи, которому человекъ не можетъ подражать, такъ какъ онъ не въ силахъ соединить начало своей жизни съ концомъ.

Система Парменида отличается рѣзко выраженнымъ механическимъ характеромъ, особенно если выдѣлить изъ нея динамическое начало. Необходимость (къ которой мы вскорѣ возвратимся) и держаться слишкомъ близко къ картинѣ, представленной Платономъ; но пифагорейцы постоянно колебались между динамизмомъ и механизмомъ въ зависимости отъ двоякаго направленія, введеннаго Учителемъ, который былъ въ одно и то-же время и теософомъ и математикомъ. Впрочемъ до гениальной догадки Филолая, для пониманія суточного обращенія, наблюдаемаго, какъ уже было сказано, преимущественно на движеніи планетъ, необходимо было предположить механическую связь, которая могла даже быть представлена въ формѣ твердой матеріи. На дуалистическомъ языкѣ Парменида и о характерѣ этой связи говорилось двусмысленно; можетъ быть эта двусмысленность существовала также въ его мысли.

Еслибы въ физикѣ Парменида не было другихъ чертъ, кромѣ указанныхъ нами до сихъ поръ; въ особенности еслибы мы выдѣлили изъ нея нѣсколько гипотетическихъ элементовъ, нами-же введенныхъ — мы, безъ сомнѣнія, признали-бы Парменида за ученика Анаксимандра и притомъ такого, который остался довольно вѣрнымъ традиціямъ своего учителя. Но мы увидимъ сейчасъ, что онъ примѣшиваетъ къ этимъ традиціямъ помимо основнаго дуализма два другіе, несомнѣнно пифагорейскіе элемента; съ другой стороны, его связи, среда, въ которой онъ жилъ, его языкъ — все это указываетъ, что излагаемыя имъ мнѣнія заимствованы изъ экзотерического пифагореизма. Итакъ, нужно допустить что нибудь изъ двухъ: или что пифагорейская школа не имѣла, въ дѣйствительности, физической системы и Пармениду пришлось для выполненія своего плана прибѣгнуть къ іонійской теоріи, или что іонійская физика составляла еще въ его время основное ядро экзотерической физики пифагорейцевъ и что онъ познакомился черезъ посредство послѣднихъ какъ съ нею, такъ и съ научными открытіями, пріобрѣтенными за предѣлы кружка математиковъ. Послѣднее предположеніе, повидимому, наиболѣе вѣроятно.

IV. Элементы пифагорейства въ системѣ Парменида.

12. „Ананке“ и мифологическія олицетворенія. Два новые элемента, которые были введены Парменидомъ въ іонійскую традицію и пифагорейскій характеръ которыхъ я беруся доказать, таковы: во-первыхъ, мифологическія олицетворенія Ананке и ея потомства, во-вторыхъ — теорія свѣтлѣющей атмосферы.

Не только у Аэція (11), но и въ стихахъ, оставшихся намъ отъ Парменида (отр. 12, ст. 3—6), мы читаемъ, что онъ помѣщалъ въ центрѣ міра божество, всѣмъ управляющее, давшее жизнь Любви, первому изъ божествъ, и побуждающее къ сближенію самца и самку ¹⁾.

Доксографъ приписалъ этому божеству названія $\Delta\acute{\iota}\chi\eta$ и Κληροδοῦχος , очевидно смѣшавъ его съ тѣмъ божествомъ, которое упоминается въ 14 стихѣ пролога. Подлинность-же названія „Ананке“, повидимому, подтверждается свидѣтельствомъ Платона (Ширь, 195с.); у него-же можно найти подтвержденіе тому мѣсту изъ Цицерона (9), гдѣ послѣдній говоритъ, что послѣ Любви родились Война и Раздоръ. Отсюда недалеко уже до Филотесъ и Нейкосъ Эмпедокла.

Эти мифическія олицетворенія свойственны исключительно пифагорейцамъ, которые злоупотребляли ими до такой степени, что приписывали числамъ декады названія божествъ ²⁾. Начало этого обычая, повидимому, восходитъ къ Пифагору, хотя большая часть порожденныхъ имъ фантастическихъ сближеній возникла гораздо позднѣе. Повидимому, при этомъ предоставлялась фантазіи полная свобода, а потому не стоитъ заниматься вопросомъ,

¹⁾ Можно задатьясь вопросомъ, не есть-ли это у Парменида символическое обозначеніе свѣта и мрака. Эд. Целлеръ допускаетъ это; но еслибы Элеецъ систематически свелъ противоположность мужское—женское къ своему основному дуализму, то мужское соотвѣтствовало-бы темному элементу, а женское—свѣтлосту. Но это соотвѣтствіе очень сомнительно.

²⁾ По «Theologumena» Ананке и есть декада (а также κληροδοῦχος); она ограничиваетъ сферу вселенной, смѣшиваетъ и отдѣляетъ всѣ вещи, производитъ движеніе и поддерживаетъ непрерывное рожденіе существъ. Это такъ близко къ Пармениду, что невольно является вопросъ, не представляетъ ли это свидѣтельство мнѣнія самого Парменида.

давалъ-ли Парменидъ волю своему воображенію, или-же вдохновлялся Гезіодомъ; не такъ важенъ мнѣическій образъ, которымъ онъ пользовался, какъ тотъ фактъ, что онъ вообще прибѣгалъ къ мнѣическому олицетворенію.

Этотъ поэтическій антропоморфизмъ былъ первымъ приѣмомъ, посредствомъ котораго арійскій умъ, сознавъ себя самого, попытался отдѣлать отъ матеріи вещей приводящія ихъ въ движеніе силы; эллинская наука при своемъ зарожденіи пользовалась антропоморфизмомъ для той-же цѣли и хотя онъ уже былъ неспособенъ породить какое-либо божество, хотя онъ и свелся къ холодному символизму — тѣмъ не менѣе пифагорейская школа упорно и бесполезно оставалась вѣрна этому приѣму. Но исторіею не можетъ не замѣтить, что подъ этимъ символизмомъ уже складывается динамизмъ, столь-же ясно выраженный, какъ и динамизмъ Анаксагора.

Напротивъ, у Іонійцевъ до этого времени господствуетъ полное смѣшеніе механизма и динамизма; попытка Риттера намѣтить въ гилозоизмѣ различныя направленія ничѣмъ не подтверждается. Гераклитъ — первый изъ Іонійцевъ, у котораго замѣчается тенденція къ динамизму, и мы уже замѣтили, что онъ въ сущности теологъ, такъ же, какъ и Пифагоръ. Что касается настоящаго механизма, то онъ явился какъ отрицаніе уже установившагося динамизма; его произвела на свѣтъ атомистическая школа. Не мѣшаетъ отмѣтить, что пифагореецъ Экфантъ, усвоившій физику этой школы, сохраняетъ динамическій принципъ, какъ причину движенія (*Philosoph.*, 15) ²⁾.

13. *Теорія свѣта, сопоставленіе съ Эмпедокломъ и Филолаемъ.* Мнѣ кажется лишнимъ долѣе останавливаться на этомъ пунктѣ, въ которомъ Парменидъ такъ явно расходится съ теоріей Анаксимандра. Я перехожу къ другому ихъ различію, менѣе рѣзко бросающемуся въ глаза, но одинаково характерному.

Изъ того немногаго, что мы знаемъ объ Іонійцахъ, видно, что они объясняли день и ночь такъ, какъ это всегда дѣлаетъ съ полнымъ основаніемъ простой народъ, а именно: они приписывали день присутствію солнца надъ горизонтомъ, ночь — от-

²⁾ Новое доказательство того, что у пифагорейцевъ не было собственной физики.

сутствію его. У Парменида-же мы находимъ довольно оригинальное объясненіе дня и ночи, хотя оно, впрочемъ, и можетъ быть связано съ его теоріей воспріятія подобнаго подобнымъ.

Окружающая насъ днемъ атмосфера (огненное кольцо) свѣтится сама собою; она не получаетъ свой свѣтъ отъ солнца, но благодаря чему-то вродѣ предустановленной гармоніи перемѣщается вслѣдъ за солнцемъ и остается всегда обращенной къ блестящему Геліосу, совершенно такъ же, какъ свѣтящаяся сторона луны по Пармениду (гл. VIII, 7). Слѣдовательно, присутствіе солнца надъ горизонтомъ не причина дня, а лишь сопровождающее его обстоятельство.

Нельзя не замѣтить, что аналогичныя представленія встрѣчаются только еще у Эмпедокла и у Филолая, а слѣдовательно мы имѣемъ право видѣть въ нихъ чисто пифагорейскія идеи и приписать ихъ происхожденіе именно аналогіи съ луной, обращенной къ солнцу своей свѣтящейся стороной.

У Эмпедокла, отбросившаго теорію колець Анаксимандра (Докс. 13, 14), свѣтящаяся часть атмосферы простирается до небснаго свода, который и Агригентинець, подобно Анаксимену, мыслить „кристаллическимъ“. Настоящій источникъ свѣта и есть эта огненная половина атмосферы; то, что кажется намъ солнцемъ, есть отраженіе этого свѣта (*ἀνταύγεια*) на кристаллическомъ сводѣ, отраженіе, перемѣщающееся сообразно вращательному движенію огня. Итакъ, солнце нѣчто вродѣ тѣхъ блестящихъ точекъ, которыя можно наблюдать при нѣкоторыхъ условіяхъ на полированныхъ освѣщенныхъ поверхностяхъ, особенно если онѣ круглы; или же, если придерживаться ближе къ тексту, солнце—свѣтящееся изображеніе земли, отраженной на небесномъ сводѣ.

Это представленіе чуждо и Пармениду и Филолаю. Эмпедокль можетъ быть подпалъ вліянію ученія о лунѣ Анаксагора; дѣйствительно, изъ этого ученія вытекало, что и земля также должна одной изъ своихъ сторонъ отражать свѣтъ; Эмпедокль повидимому сочеталъ эту мысль съ представленіями Парменида. Нечего и говорить, что въ его время едва начинали подозрѣвать о первыхъ принципахъ оптики, понятія-же объ отраженіи свѣта, въ частности, были очень смутны.

Что касается Филолая, то свидѣтельства о немъ доксографовъ противорѣчивы ¹⁾. Текстъ Ахилла, повидимому, самый точный, но онъ недостаточно полонъ. Во всякомъ случаѣ, Филолай примкнулъ къ Пармениду; онъ возстановилъ верхнее огненное кольцо (периферическій огонь, или огонь Олимпа) и ограничилъ, подобно Элейцу, свѣтящуюся атмосферу (третье солнце текстовъ); но онъ установилъ общеніе между этими двумя огнями черезъ посредство солнца, стекловидной сферы, пропускающей свѣтъ, т. е. выполняющей роль вогнутого стекла ²⁾.

Слѣдовательно, нужно, повидимому, представить себѣ два слегка расширяющихся конуса, противоположныхъ другъ другу; верхушки ихъ находятся на солнцѣ и оба вмѣстѣ образуютъ свѣтящуюся колонну (какъ въ миѣѣ объ Ирѣ у Платона), по которой потокъ свѣта и тепла стекаетъ отъ огня Олимпа (млечный путь) на землю.

Это представленіе нѣсколько затрудняетъ вопросъ о центральномъ огнѣ, вокругъ котораго, по мнѣнію Филолая, вращаются земля и блуждающія свѣтила. Какъ относится центральный огонь къ солнечному? Конечно, мы не видимъ его, такъ какъ постоянно находимся на противоположномъ ему полушаріи, но онъ, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ-бы освѣщать луну настолько, чтобы мы видѣли ее всегда полной.

Я допускаю, что Филолай представлялъ себѣ центральный огонь сравнительно слабымъ, подобнымъ млечному пути; если вслѣд-

¹⁾ *Асцій, II, 20*: Филолай пиеагореецъ: солнце изъ стекла; оно отражаетъ мировой огонь и пропускаетъ къ намъ свѣтъ и теплоту, такъ что существуютъ какъ-бы два солнца, огненное въ небѣ и то, которое отъ него происходитъ, огненное въ силу отраженія въ зеркалѣ; наконецъ, можно говорить еще о третьемъ солнцѣ, т. е. о свѣтѣ, который посылается намъ вслѣдствіе отраженія въ зеркалѣ; это и есть то, что мы называемъ солнцемъ; оно — какъ бы отраженіе отраженія.

Ахиллъ, стр. 138: Филолай думаетъ, что (солнце) получая сверху изъ огня эфира огненное и прозрачное, посылаетъ къ намъ свѣтъ черезъ нѣсколько отверстій; такимъ образомъ, по его мнѣнію, солнце тройное; эфирный огонь, огонь, посылаемый послѣднимъ къ стекловидному тѣлу, которое онъ называетъ солнцемъ, и наконецъ тотъ огонь, который солнце посылаетъ намъ.

²⁾ Изъ «Облаковъ» Аристофана извѣстно, что подобное представленіе было въ то время сравнительно общераспространеннымъ. Но, конечно, съ точки зрѣнія оптики мнѣніе Филолая столь-же мало удовлетворительно, какъ и мнѣніе Эмпедокла.

ствіе небольшого разстоянія онъ достаточенъ для освѣщенія и умѣренного нагрѣванія обращенной къ нему стороны антихтона, то на разстояніи луны онъ уже не производитъ ощутительнаго дѣйствія, и затмевается свѣтомъ солнца, въ которомъ сосредоточивается, такъ сказать, главная масса космическаго огня.

Впрочемъ, можно предположить на основаніи мѣта объ Ирѣ, что свѣтящаяся колонна соединяется съ центральнымъ огнемъ и погружается въ другое полушаріе космоса, оканчиваясь въ млечномъ пути.

Мнѣ кажется, что это толкованіе въ общемъ даетъ возможность устранить довольно важное затрудненіе. Всѣ тексты говорятъ о томъ, что въ системѣ Филолая есть еще десятое движущееся тѣло кромѣ земли, антихтона и семи планетъ, тогда какъ самая сущность системы заключается въ неподвижности сферы звѣздъ при вращеніи земли вокругъ центрального огня. Итакъ, мы находимъ это десятое тѣло въ основаніи колонны на млечномъ пути (первое солнце текстовъ).

Это толкованіе объясняетъ также и одинъ пифагорейскій взглядъ, который Аристотель передалъ намъ въ искаженномъ видѣ, вѣроятно оттого, что не понялъ его, а именно, будто млечный путь — орбита солнца; нужно понимать — первое солнце Филолая, т. е. основаніе свѣтящейся колонны. При этомъ толкованіи млечный путь — какъ-бы двойной каналъ огня, соединяющій верхушку колонны съ ея основаніемъ. Раздвоеніе этого канала соотвѣтствуетъ мифическому перемѣщенію орбиты. Такъ какъ послѣднее мнѣніе, по видимому, высказывалось Энопидомъ Хиосскимъ, то возможно, что Филолай заимствовалъ у него часть своего ученія, воспользовавшись въ то же время и его мировымъ годомъ. Послѣднее предположеніе согласуется съ тѣмъ фактомъ, что общій принципъ этой теоріи независимъ отъ гипотезы о центральномъ огнѣ и скорѣе приложимъ къ ученію, помѣщающему землю въ центрѣ міра. Допустивъ подобное происхожденіе теоріи Филолая, мы въ то-же время объяснили-бы, почему она въ сущности больше приближается къ обыденному мнѣнію, чѣмъ теоріи Парменида и Эмпедокла.

Но какъ-бы ни были различны эти три ученія, они тѣмъ не менѣе имѣютъ одинъ общій пунктъ: совершенно своеобразное

представленіе о свѣтѣ, слѣдовъ котораго мы въ Іоніи не находимъ. Еслибы можно было предположить, что это представленіе принадлежитъ Пармениду, то присутствіе его у Эмпедокла объяснялось-бы заимствованіемъ; но присутствіе того-же представленія у Филолая и тотъ фактъ, что физическое ученіе, изложенное Парменидомъ, должно быть разсматриваемо какъ заимствованное — все это приводитъ насъ въ слѣдующему предположенію: это мнѣніе было съ самаго начала распространено въ пифагорейской школѣ, а слѣдовательно можетъ быть приписано самому Пифагору. Что-же касается первоначальной формы этого представленія, то было-бы слишкомъ рисковано пытаться возстановить ее.

Г Л А В А X.

Зенонъ изъ Элеи.

1. *Значеніе его діалектики съ точки зрѣнія исторіи математики.* Часто говорятъ, что крайняя строгость и излишняя на современный взглядъ осторожность, характеризующія методъ и доказательства греческой геометріи, вызваны были необходимостью оградить ее отъ нападковъ софистовъ, „отрицавшихъ вещи гораздо болѣе очевидныя“¹⁾, чѣмъ основныя положенія математики. Такой взглядъ кажется мнѣ ошибкой, которую легко опровергнуть. Во-первыхъ, существованіе такого документа, какъ отрывокъ изъ Евдема о квадратурѣ луночекъ у Гиппократы Хиосскаго, позволяетъ утверждать, что еще задолго до эпохи софистовъ основныя методы геометріи были установлены, а доказательства уже приняли форму, которой суждено было стать классической. Во-вторыхъ, ни въ одномъ изъ свидѣтельствъ древнихъ нѣтъ и намека на то, чтобы софисты нападали на геометровъ; напротивъ, Платонъ, напримѣръ, указываетъ на тѣсную связь своего учителя Теодора Киренскаго съ Протагоромъ, взгляды котораго Теодоръ повидимому раздѣляетъ. Гицій изъ Элиды былъ замѣчательнымъ математикомъ, кото-

---

¹⁾ Duhamel, „Eléments de calcul infinitésimal“.

рому мы обязаны открытіемъ первой кривой (квадратницы), изслѣдованной послѣ круга. Наконецъ, если Антифонъ и Бризонъ и искали безуспѣшно квадратуры круга, то они во всякомъ случаѣ скорѣе двигались по пути прогресса, а вовсе не пытались опровергать истины уже установленныя, что, быть можетъ, и дѣлали, но гораздо позднѣе, эпикурейцы и стоики.

А потому причину логической строгости греческой геометріи нужно видѣть исключительно въ самомъ характерѣ эллинской расы. Не отъ пустыхъ нападокъ ограждала себя геометрія, но отъ заблужденій, къ которымъ легко ведутъ у народа, склоннаго къ разсужденіямъ, разсужденія неправильно-поставленныя. Это-то и было предметомъ Евклидовыхъ *Ψευδάρια*. Что же касается столь утомительнаго примѣненія способа довазательства отъ противнаго, то въ немъ также нужно видѣть особую черту греческаго генія, черту, проявившуюся съ поразительной силой въ діалектикѣ Зенона.

Наиболѣе авторитетные изъ историковъ математики послѣдняго времени ²⁾ усмотрѣли съ полною ясностію, что, въ отличіе отъ софистовъ въ собственномъ смыслѣ слова, Зенонъ сыгралъ важную роль въ развитіи абстрактной науки, и они же съ точностію установили, какія основныя понятія были выяснены вслѣдствіе начатой имъ полемики. Однако, придерживаясь при опредѣленіи положенія Зенона ходячихъ взглядовъ на его ученіе, они не указали истинной цѣли его аргументаціи, а потому все же не дали ему надлежащей оцѣнки.

Зенонъ Элейскій не былъ, мнѣ кажется, настоящимъ математикомъ, какъ не былъ онъ и физикомъ, но это былъ одинъ изъ людей наиболѣе сдѣлавшихъ для выработки математическихъ принциповъ. Онъ установилъ основныя понятія точки и момента и положилъ конецъ заблужденіямъ, затемнявшимъ эти понятія не только у толпы, но и у ученыхъ того времени. Вотъ что я постараюсь доказать въ этой главѣ, возстановляя въ то же время настоящее положеніе Зенона въ философіи, которое, какъ мнѣ кажется, не было до сихъ поръ за нимъ признано.

²⁾ H a n k e l „Zur Geschichte der Mathematik“ стр. 117 и слѣд. — M. C a n t o r, „Vorlesungen über Geschichte der Mathematik“, стр. 168—170.

2. *Значеніе отрицанія Зенономъ множественности.* Цѣль разсужденій Зенона очень ясно опредѣляется Платономъ, котораго, очевидно, и нужно придерживаться: Зенонъ опровергалъ убѣжденіе во множественности, какъ гипотезу, доказывая, что допущеніе этой гипотезы необходимо ведетъ къ противорѣчіямъ, такъ какъ оказывается одинаково необходимымъ утверждать, что вещи безконечно малы и безконечно велики, въ покоѣ и въ движеніи. Итакъ, нужно хорошо помнить (а упомянуть объ этомъ забываютъ слишкомъ часто), что, каковы бы ни были знаменитые аргументы Зенона, онъ вовсе не отрицалъ движенія, но лишь доказывалъ несомвѣстимость его со множественностію вещей.

До сихъ поръ все ясно, но затрудненіе начинается при установленіи того, какое именно убѣжденіе во множественности вещей опровергалъ Зенонъ. Какъ и другіе, Целлеръ говоритъ (II, стр. 71 и слѣд.), что онъ опровергалъ общепринятый взглядъ. Этимъ самымъ онъ дѣлаетъ изъ Элейца идеалиста въ современномъ смыслѣ слова.

Однако, каковъ общепринятый взглядъ на множественность вещей? По этому взгляду, напримѣръ, два барана не одна и та же вещь. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Зенонъ считалъ этотъ взглядъ ошибочнымъ, но въ такомъ случаѣ онъ очень неискусно брался за его опроверженіе.

Попробуйте-ка доказать сколько-нибудь здравомыслящему человѣку, что этотъ взглядъ непримиримъ съ движеніемъ. Можетъ быть онъ и не будетъ въ состояніи уловить неправильность разсужденія, но простой здравый смыслъ скажетъ ему, что между обоими вопросами нѣтъ ничего общаго, и дѣйствительно въ такомъ случаѣ невозможно показать, въ чемъ взятая Зенономъ какъ предпосылка гипотеза вліяетъ на заключеніе.

Такимъ образомъ видно, что приписываемый Зенону методъ не проливаетъ никакого свѣта на его ученіе. Этотъ методъ заставляеть видѣть въ немъ празднаго спорщика: онъ какъ-бы создавалъ себѣ несуществующія затрудненія, изъ которыхъ самъ не умѣлъ выйти.

Такимъ, дѣйствительно, долженъ былъ казаться Зенонъ многимъ еще въ древности, особенно въ Аѳинахъ, если онъ читалъ

тамъ свои сочиненія. По впечатлѣнію, какое онъ производилъ на толпу, Зенонъ можно сравнить съ современными идеалистами; но, какъ и они, даже больше, чѣмъ они, онъ писалъ не для толпы, неспособной его понять. Онъ обращался къ ограниченному кружку ученыхъ и опровергалъ частную теорію. А передъ этой публикой и въ опроверженіи этой теоріи онъ имѣлъ самый полный успѣхъ, какого только могъ желать.

Предполагали, что мнѣнія, противъ которыхъ Зенонъ направлялъ свои аргументы, принадлежали Анаксагору или Левкиппу; но этотъ взглядъ не выдерживаетъ критики. Упустили изъ виду Пиеагорейцевъ, хотя все указываетъ на нихъ. И это упущеніе объясняется ошибочнымъ мнѣніемъ, какого обыкновенно придерживаются относительно положенія въ эту эпоху пиеагорейскаго ученія.

3. *Отрицаніе Зенономъ множественности направлено противъ понятія точки у Пиеагорейцевъ.* Парменидъ написалъ свою поэму въ средѣ, гдѣ, какъ мыслители, были въ почетѣ только одни Пиеагорейцы. Онъ воспроизвелъ съ большей или меньшей точностію ихъ ученіе о внѣшнемъ мірѣ, пиеагорейскую космологію и физику, но во всякомъ случаѣ относился отрицательно къ ихъ дуализму. Однако, въ своей онтологической теоріи, которую онъ считалъ математически строгой и достовѣрной, Парменидъ прямо на нихъ не нападалъ. Основное положеніе Парменида о Бытіи и Небытіи сводится въ сущности къ постулату—изъ ничего ничто не возникаетъ, уже допущенному, по крайней мѣрѣ *implicite*, всѣми его предшественниками. И для того, чтобы установить этотъ постулатъ, ему нужно было опровергнуть лишь общепринятый взглядъ на возникновеніе и уничтоженіе. Но, разъ поставивъ это положеніе, онъ вывелъ изъ него совсѣмъ новыя слѣдствія; а изъ нихъ—единство, сплошность и неподвижность вселенной противорѣчили пиеагорейскому ученію.

Поэтому нападенія на поэму Парменида должны были идти главнымъ образомъ со стороны Пиеагорейцевъ; и за нихъ то и принялся Зенонъ. Анаксагоръ былъ еще молодъ и вращался въ совсѣмъ иной сферѣ, Левкиппъ еще не явился, да и кромѣ того, мы скоро увидимъ, что древнее преданіе, связавшее его съ элей-

цами, не настолько уже лишено вѣроятности, какъ это кажется, благодаря ходячимъ взглядамъ на элейзмъ.

Каковъ-же былъ слабый пунктъ, открытый Зенономъ въ ученіи современныхъ ему пифагорейцевъ, и почему онъ представлялся Зенону въ видѣ утвержденія множественности вещей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ знаменитомъ опредѣленіи точки, бывшемъ классическимъ еще при Аристотелѣ, но на которое историки обращали слишкомъ мало вниманія.

По ученію Пифагорейцевъ точка есть единица, занимающая положеніе въ пространствѣ или, другими словами, единица пространства. Изъ этого опредѣленія непосредственно вытекаетъ, что геометрическое тѣло есть множественность, сумма точекъ, какъ число есть множественность, сумма единицъ.

Однако это положеніе прямо таки невѣрно. Тѣло, поверхность, линія — вовсе не суммы расположенныхъ рядомъ точекъ. Точка, выражаясь математически, совсѣмъ не единица, а нуль, отсутствіе количества.

4. Не слѣдуетъ удивляться тому, что, несмотря на блестящее положеніе у нихъ геометрическихъ познаний, Пифагорейцы придерживались этого ошибочнаго взгляда. Въ дѣйствительности они исходили отъ свойственнаго толпѣ предрасудка, раздѣляемаго еще и теперь чуждымъ математикѣ большинствомъ, и единственное открытіе, которое могло навести ихъ на мысль о ложности этого мнѣнія, а именно, открытіе несоизмѣримыхъ величинъ, осталось для школы, какъ замѣтили историки математики, настоящимъ логическимъ скандаломъ, ужаснымъ камнемъ преткновенія. Тѣмъ не менѣе они продолжали свои геометрическія спекуляціи надъ треугольными, многоугольными и пирамидальными числами, спекуляціи, основанныя въ дѣйствительности на мысли, что можно образовать геометрическія фигуры изъ взятыхъ въ опредѣленномъ количествѣ точекъ.

Кромѣ того, въ это время еще не могло существовать никакого отличія между геометрическимъ и физическимъ тѣломъ, а пифагорейцы представляли себѣ тѣла природы, какъ совокупность физическихъ точекъ. Мы не станемъ разсматривать здѣсь, признавали ли пифагорейцы существованіе двухъ различныхъ родовъ

точекъ (дуалистическая гипотеза), сохранили ли они неизмѣнной доктрину учителя и хорошо ли они поняли его ученіе. Намъ нужно остановиться на формулѣ, которую опровергалъ Зенонъ.

Я уже указалъ на два различныя значенія, какія могло имѣть до Филолая знаменитое положеніе: „вещи суть числа“. Полемика Зенона показываетъ, что въ его время первая стадія была уже пройдена, и положеніе понималось въ томъ смыслѣ, что тѣла представляютъ собою суммы точекъ, а свойства ихъ связаны со свойствами чиселъ, выражающихъ эти суммы.

Вотъ эту-то формулу, взятую въ указанномъ смыслѣ, опровергалъ Зенонъ, выражая ее въ терминахъ почти тождественныхъ и во всякомъ случаѣ болѣе ясныхъ для публики: „вещи суть множественность“ (*πολλά ἐστὶ τὰ ὄντα*). Объясненные въ этомъ смыслѣ, его аргументы, даже тѣ, въ которыхъ видятъ обыкновенно простые паралолизмы, являются ясными, убѣдительными и неопровержимыми.

Зенонъ имѣлъ полный успѣхъ. Его противники не сумѣли ему отвѣтить. Если пиеагорейское опредѣленіе точки въ геометріи въ сущности безобидно и просуществовало до Евклида, если школа и привязалась еще болѣе къ формулѣ „вещи суть числа“, то стала придавать ей лишь символическое значеніе съ идеалистической тенденціей, значеніе приписываемое ей обыкновенно со времени Пиеагора, но возникшее въ дѣйствительности не раньше Филолая. Съ другой стороны, старая дуалистическая концепція была преобразована и приведена въ согласіе съ прогрессомъ мысли Левкиппомъ и Димокритомъ, посредствомъ облеченія въ форму атомистической теоріи, которая кромѣ того послужила связующимъ звеномъ для расколовшейся пиеагорейской школы.

5. *Аргументы Зенона по Евдему и Симплицію.* Теперь я долженъ оправдать свое положеніе посредствомъ обстоятельнаго разсмотрѣнія аргументовъ Зенона и опредѣлить въ какой степени понимали ихъ истинный смыслъ древніе авторы, сохранившіе намъ эти аргументы.

Начать съ того, что Аристотель не заблуждается въ ихъ истинномъ значеніи. Только этимъ объясняется его отношеніе къ Зенону. Аристотель хорошо понималъ, что его собственное уче-

ніе въ данномъ случаѣ тождественно съ ученіемъ Зенона. Однако онъ упрекалъ Зенона въ грубости формы (Metaph. II, 4, 29) и въ томъ, что Зенонъ недостаточно отличалъ различныя приложенія терминовъ „Единое“ и „Бытіе“, что самъ Аристотель старательно сдѣлалъ. Однако Аристотель не занимался критикою аргументовъ Зенона, за исключеніемъ аргументовъ, относящихся къ движенію, которые въ качествѣ парадоксовъ приобрѣли великую славу и относительно которыхъ такъ легко впасть въ заблужденіе.

Феофрастъ не говоритъ о немъ. Зенонъ не былъ физикомъ, и у доксогографовъ его имя является лишь со случайными указаніями сомнительнаго происхожденія ¹⁾. Самыя драгоцѣнныя свѣдѣнія даетъ намъ Евдемъ не въ исторіи математики, а въ физикѣ, которую компилировалъ Симплицій. Однако, уже этотъ послѣдователь Аристотеля кажется знакомъ съ вопросомъ только по преданію и готовъ представить Зенона скептикомъ.

(Simplic. in physic. 21 a). „Какъ передаютъ, Зенонъ говорилъ, что, если бы кто нибудь научилъ его тому, что такое единица, онъ могъ бы сказать, что такое вещи. Затрудненіе, кажется, въ томъ, что каждая чувственная вещь есть множественность или относительно своихъ свойствъ или въ смыслѣ дѣлимости, а точку онъ считаетъ за ничто. Ибо то, что, будучи прибавлено, не производитъ увеличенія и, будучи отнято, не производитъ уменьшенія, не составляетъ, по его мнѣнію, части существующаго. Будь Зенонъ передъ нами, мы отвѣтили бы ему, что въ дѣйствительности, то, что едино, не есть множественность: единство принадлежитъ ему по существу, множественность же существуетъ только въ возможности“.

²⁾ Если Феофрастъ и говорилъ о Зенонѣ, то, должно быть, въ терминахъ Псевдо-Плутарха (Strom., 6). «Зенонъ изъ Элея не излагаетъ никакого своего ученія; въ общемъ онъ указываетъ на затрудненія относительно вопросовъ (трактованныхъ Парменидомъ)“. Аэцій въ одномъ мѣстѣ связываетъ Зенона съ Мелиссомъ (I, 7), въ другомъ съ Парменидомъ (I, 24). Псевдо-Галень упоминаетъ о немъ, какъ о скептикѣ и главѣ эристической философіи. Эпифаній (III, 11) прежде чѣмъ привести одинъ изъ его аргументовъ противъ движенія приписываетъ ему ученіе о неподвижности земли и отрицаніе пустоты. Одинъ только Діогенъ Лаэртскій приводитъ подъ именемъ Зенона чисто физическія мнѣнія, въ которыхъ, впрочемъ, нѣтъ ничего оригинальнаго.

Ученикъ Аристотеля естественно постарался примѣнить формулу учителя. Кромѣ того онъ вводитъ множественность свойствъ, о которой говоритъ Аристотель въ комментируемомъ отрывкѣ, но которая не имѣетъ ничего общаго съ аргументомъ Зенона. Скептический характеръ, приписанный ученію Элейца, зависитъ, быть можетъ, отъ діалогической формы этого аргумента, но онъ очень ясенъ, и Александръ Афродизскій (Simplic., 21 b) прекрасно его воспроизвелъ. Множественность есть собраніе единицъ, а потому нужно знать, что такое единое въ вещахъ. По мнѣнію противника—это есть точка. Но точка ничто, а потому нѣтъ множественности. Симплицій (ibid.) ошибается, думая, что по Евдему, Зенонъ отрицаетъ также единое. Онъ отрицаетъ только, что единое есть точка, утверждая, что точка — ничто. Для него, какъ и для Парменида, единое есть совокупность вещей. Вводимыя въ него дѣленія не отнимаютъ у единого его реальной непрерывности и характера единства, и Зенонъ не допускалъ перенесенія этого характера на воображаемый недѣлимый элементъ тѣлъ.

6. Правда, дальше (30 a) Симплицій возвращается къ сказанному и даже приписываетъ Александру Афродизскому заблужденіе, въ которое самъ впалъ. Затѣмъ онъ излагаетъ аргументы Зенона.

„Въ своемъ сочиненіи, содержащемъ нѣсколько *эпихеремъ*, онъ доказываетъ въ каждой изъ нихъ, что тотъ, кто утверждаетъ множественность, приходитъ къ утвержденію противорѣчій. Въ одной изъ этихъ *эпихеремъ* онъ доказываетъ, на примѣръ, что, если вещи суть множественность, онѣ въ одно и то же время велики и малы, и столь велики, что ихъ величина безконечна, и такъ малы, что не имѣютъ величины. Для этого онъ доказываетъ, что то, что не имѣетъ ни величины, ни толщины, ни объема, — не существуетъ. „Дѣйствительно,“ говоритъ онъ, „если прибавить это къ другой вещи, оно ее не увеличиваетъ, такъ какъ прибавленіемъ нулевой величины вы не можете увеличить величину. Такимъ образомъ не будетъ никакого увеличенія. Напротивъ, отбросьте это, другая вещь нисколько не уменьшится, какъ она нисколько не увеличилась отъ прибавленія. Такимъ образомъ не происходитъ

никакого увеличения, ни уменьшения“. Говоря такимъ образомъ, Зенонъ не отрицаетъ единого, но отрицаетъ величину какой бы то ни было единицы элементовъ безконечной множественности, такъ какъ подо всякой величиной, какую бы ни взяли, окажется всегда другая, по причинѣ дѣленія до безконечности. Доказавъ это, онъ доказываетъ, что нѣтъ величины, по причинѣ того, что каждый изъ элементовъ множественности единъ и тождественъ самому себѣ. Фемистій говоритъ, что Зенонъ доказываетъ единство бытія на основаніи его непрерывности и недѣлимости, такъ какъ, дѣлись оно, не было бы строго опредѣленной единицы, по причинѣ безконечной дѣлимости тѣль. Но Зенонъ скорѣе отрицаетъ множественность“.

(30 в.) „Доказавъ, что, если вещь не имѣетъ величины, она не существуетъ“, Зенонъ прибавляетъ:

„Если вещь существуетъ, необходимо чтобы она имѣла нѣкоторую величину, нѣкоторую толщину и чтобы было нѣкоторое разстояніе между тѣмъ, что представляетъ въ ней взаимное различіе. Тоже можно сказать о предыдущей (τοῦ προύχοντος), о той части этой вещи, которая предшествуетъ по малости въ дихотомическомъ дѣленіи. Итакъ, это предыдущее должно также имѣть нѣкоторую величину и свое предыдущее. Сказанное одинъ разъ можно всегда повторять. Такимъ образомъ никогда не будетъ крайняго предѣла, гдѣ не было бы различныхъ другъ отъ друга частей. Итакъ, если есть множественность, нужно, чтобы вещи были въ одно и то же время велики и малы и настолько малы, чтобы не имѣть величины и настолько велики, чтобы быть безконечными“.

Симплицій думаетъ, что у него подъ руками текстъ самаго Зенона. Онъ говоритъ, что передаетъ его буквально, но подлинность бывшаго у него въ рукахъ сочиненія довольно сомнительна, такъ какъ, по замѣчанію Целлера, его не знали ни Александръ Афродизскій, ни Проклъ, ни Порфирій и даже самъ Евдемъ писалъ только по наслышкѣ. Кромѣ того сочиненіе Зенона было написано по всей вѣроятности въ діалогической формѣ, а въ текстѣ Симплиція отъ діалога не осталось и слѣда. Итакъ, довольно вѣроятно, что у комментатора Аристотеля былъ только

сводъ полемики Зенона (быть можетъ сочиненіе на подобіе трактата „De Melisso“) и, хотя этотъ сводъ и кажется вѣрныиъ, мы все-же не обязаны смотрѣть на него, какъ на вполне точный.

Сверхъ того, прослѣдивъ вышеприведенныя разсужденія, мы видимъ, что Зенонъ вовсе не доказываетъ, чтобы вещи были одновременно безконечно велики и безконечно малы. Въ дѣйствительности онъ приводитъ своего собесѣдника къ дилеммѣ. Допустивъ возможность безконечнаго дѣленія (дихотомическаго), какъ очевидную, онъ легко устанавливаетъ, что это дѣленіе будетъ давать постоянно части все болѣе и болѣе малыя, такъ что уменьшенію не будетъ предѣла. А потому, если есть конечный элементъ, онъ не имѣетъ абсолютно никакой величины (приложеніе принципа предѣловъ). Это подтверждается еще и тѣмъ, что только въ такомъ случаѣ послѣдующее дѣленіе невозможно, такъ какъ въ элементѣ уже нѣтъ отдѣльныхъ частей. Онъ окончательно приведенъ къ одной точкѣ. Сложеніе этихъ не имѣющихъ величины элементовъ, сколько бы ихъ ни было, можетъ дать только не имѣющую величины сумму.

Однако (вторая часть дилеммы), противникъ можетъ утверждать, что дѣленіе будетъ постоянно давать части, имѣющія нѣкоторую величину, а потому и конечный элементъ будетъ ее имѣть. Но такъ какъ дѣленіе безконечно, то безконечно и число элементовъ, а потому дѣлимая вещь безконечно велика.

Въ общемъ Зенонъ неопровержимо доказываетъ, что цѣлое (т. е. дѣлимое до безконечности) нельзя понимать какъ сумму недѣлимыхъ элементовъ по усвоенному Пифагорейцами ходячему мнѣнію. Ибо, если эти элементы не имѣютъ величины, сумма ихъ не можетъ ея имѣть. Напротивъ, если они имѣютъ величину, то сумма ихъ безконечно велика, такъ какъ число ихъ безконечно.

7. Симплицій говорилъ еще (выше предыдущей выдержки 30 в.), будто Зенонъ доказывалъ, что, если есть множественность, то однѣ и тѣ же вещи ограничены и безпредѣльны. „Если есть множественность, необходимо, чтобы вещи были такими, какими онѣ существуютъ, не больше и не меньше. Будучи такими, какими онѣ существуютъ, вещи ограничены. Но, если есть множе-

ственность, онѣ безпредѣльны, такъ какъ между единицами всегда должны быть другія и между этими опять-таки другія и такимъ образомъ вещи безпредѣльны“.

Вотъ объ этомъ-то отрывкѣ Симплиціи говорить, что приводитъ его буквально. Краткость его очень подозрительна, но общій смыслъ переданъ несомнѣнно вѣрно. Здѣсь Зенонъ дѣйствительно приводитъ своего противника къ противорѣчію. Утверждать, что тѣла представляютъ собою сумму точекъ, значитъ допускать, что число точекъ, образующихъ тѣла, ограничено. Но необходимо, чтобы между двумя точками, какъ бы близки онѣ ни были, лишь бы только не сливались, были другія точки, такъ какъ безконечное дѣленіе всегда возможно. Таковъ, конечно, смыслъ аргумента, плохо переданный Целлеромъ, признавшимъ въ немъ, однако, *logos* дихотоміи (двураздѣльности). Терминъ дихотоміи возникъ въ силу того, что для большей простоты Зенонъ дѣлилъ всегда пополамъ.

Новое объясненіе аргументовъ противъ движенія. Тотъ же способъ дѣленія употребленъ Зенономъ въ первомъ изъ четырехъ аргументовъ о движеніи, который мы находимъ у Аристотеля (*Phys.*, VI, 9).

„Относительно движенія у Зенона есть четыре логоса, рѣшеніе которыхъ представляетъ трудности. Первый о томъ, что нѣтъ движенія, ибо движущееся тѣло прежде чѣмъ достигнуть цѣли должно пройти полъ-пути. Второй аргументъ называется Ахилломъ. Онъ состоитъ въ томъ, что самый медленный никогда не будетъ настигнуть въ своемъ движеніи самымъ быстрымъ, ибо нужно, чтобы преслѣдующій достигъ сначала точки отправления преслѣдуемаго, такъ что медленный остается всегда нѣсколько впереди“.

Дѣйствительно, въ первомъ аргументѣ послѣдовательное дѣленіе на два даетъ безконечное число точекъ, а занять послѣдовательно безконечное число положеній въ ограниченный промежутокъ времени невозможно. Въ знаменитомъ аргументѣ объ Ахиллесѣ и черепахѣ безконечное число послѣдовательныхъ положеній получено иначе, между тѣмъ какъ принципъ, взятый для установленія невозможности настиженія самымъ быстрымъ самаго медлен-

наго, одинъ и тотъ-же: невозможность послѣдовательно занимать въ ограниченный промежутокъ времени безконечное число положеній.

Но этотъ принципъ можетъ, очевидно, вызвать возраженія, и до сихъ поръ не было замѣчено, что различные аргументы Зенона о движеніи образуютъ развѣтвленія двойной дилеммы. Въ дѣйствительности Зенонъ вовсе не имѣлъ въ виду отрицать движенія, но доказывалъ только, что оно непримиримо съ понятіемъ о пространствѣ, какъ о суммѣ точекъ.

Его первый аргументъ исходитъ отъ дихотоміи, продолженіе которой до безконечности онъ допускалъ а priori. Но противникъ могъ возразить, что безконечное число точекъ получается посредствомъ дѣленія, а дѣленіе требуетъ нѣкотораго времени, такъ что движеніе можетъ его опередить. Зенонъ отвѣчаетъ ему аргументомъ объ Ахиллесѣ и черепахѣ, на который уже нельзя сдѣлать этого возраженія.

8. Тогда противникъ возвращается къ положенію, которое слишкомъ легко уступилъ. Нельзя ли и конечный промежутокъ времени подвергнуть безконечному дѣленію на два? Не является ли и онъ суммой моментовъ? А въ такомъ случаѣ, что мѣшаетъ тому, чтобы каждому послѣдовательному положенію соответствовалъ нѣкоторый моментъ.

И два послѣдніе аргумента Зенона направлены противъ пониманія времени, какъ суммы моментовъ. Зенонъ могъ бы опровергнуть его прямымъ путемъ, какъ онъ и поступилъ относительно пониманія тѣла или линіи, какъ суммы точекъ. Но онъ принимается за опроверженіе инымъ путемъ, позволяющимъ измѣрить всю мощь его діалектики.

Сначала ¹⁾ онъ приводитъ аргументъ о стрѣлѣ. Въ каждый данный моментъ она занимаетъ опредѣленное положеніе. А за-

---

1) Аристотель, «Физика», VI, 9: «Третій состоитъ въ томъ, что движущаяся стрѣла покоится. Это происходитъ отъ того, что онъ принимаетъ время за сумму моментовъ. Если не согласиться съ этой предпосылкой, то не получается заключенія. Четвертый о массахъ, движущихся по ристалищу въ видѣ равныхъ и параллельныхъ нитей въ противоположныя стороны, съ равною скоростью. Однѣ отъ края ристалища, другія съ середины. Онъ думаетъ, что можно заключить о равенствѣ между двойнымъ промежуткомъ времени и его половиной. Паралогизмъ заключается въ его предположеніи, что равныя величины, движущіяся съ равною скоростью, проходятъ въ одно и то же время вдоль одной и той же величины, находятся ли она въ покоѣ или въ движеніи.»

нимать въ данный моментъ опредѣленное положеніе значить быть въ этотъ моментъ въ покоѣ. Итакъ стрѣла не движется. Она покоится въ каждый данный моментъ.

Нѣтъ, возражаетъ противникъ, я не это разумѣлъ, когда говорилъ, что время есть сумма моментовъ. Я имѣю въ виду, что моментъ соотвѣтствуетъ не опредѣленному положенію стрѣлы, но переходу отъ каждаго даннаго положенія къ слѣдующему.

У Зенона есть въ запасѣ четвертый аргументъ, который до сихъ поръ оставался совершенно непонятнымъ. Онъ опровергаетъ это послѣднее возраженіе, выводя изъ него равенство скоростей всѣхъ движеній. По гипотезѣ противника, при переходѣ изъ одного положенія въ слѣдующее всегда проходитъ моментъ, а всѣ моменты, конечно, равны между собою. А потому невозможно предположить, напримѣръ, двойную скорость.

Чтобы провести свое разсужденіе, Зенонъ предполагаетъ три параллельныя нити расположенныхъ рядомъ точекъ (сообразно утверженію противника). Онъ называетъ эти точки *δύοι*, потому что по мнѣнію противника конечные элементы матеріи обладаютъ нѣкоторой массой. Этотъ терминъ сдѣлалъ аргументъ непонятнымъ, такъ какъ думали, что Зенонъ имѣлъ въ виду тѣла опредѣленнаго объема. Но терминъ этотъ употреблялся для обозначенія атома именно въ школахъ, примыкающихъ къ пифагорейской (Гераклидъ Понтійскій, Ксенократъ и т. д.). Такимъ образомъ вполнѣ оправдывается данное мною толкованіе аргумента, необходимое, для того чтобы онъ имѣлъ нѣкоторую цѣнность.

Одинъ изъ этихъ параллельныхъ рядовъ точекъ, А, неподвиженъ. Два другихъ, В и С, движутся въ противоположныя стороны, съ равною скоростію. Движеніе С относительно В очевидно вдвое скорѣе, чѣмъ движеніе С относительно А. Въ то время, какъ С проходитъ нѣкоторое разстояніе мимо нѣ котораго числа точекъ ряда В, оно проходитъ только половину этого разстоянія мимо половины того же числа точекъ ряда А. Такимъ образомъ переходъ отъ точки къ точкѣ не можетъ соотвѣтствовать моменту. Въ противномъ случаѣ легко заключить, что половина равна цѣлому.

Аристотель первый ошибся въ характерѣ этого аргумента. Онъ счелъ его за паралогизмъ и обвинилъ Зенона въ незнаніи разницы между относительнымъ и абсолютнымъ движеніемъ. Но все заставляетъ насъ думать, что Зенонъ не былъ способенъ на такую ошибку, а его комбинація была остроумна придумана съ цѣлю представить такъ, чтобы не дать мѣста возраженіямъ, два движенія, скорость одного изъ которыхъ вдвое больше скорости другого.

Если резюмировать аргументы Зенона, то видно, что они сводятся къ тому, чтобы доказать отъ противнаго, что тѣло не есть сумма точекъ, что время не есть сумма моментовъ, что движеніе не есть сумма простыхъ переходовъ отъ точки къ точкѣ. Ясно, что тутъ совершенно отсутствуетъ какое либо идеалистическое положеніе.

9. *Зенонъ остается на конкретной почвѣ какъ и Парменидъ.* Какъ и Парменидъ, Зенонъ всегда исходитъ изъ конкретной точки зрѣнія. Онъ понимаетъ всякое бытіе, какъ тѣлесное и протяженное. Мелиссъ, напротивъ, будетъ отрицать, что бытіе должно быть понимаемо, какъ тѣло. Чтобы перейти отъ одного къ другому, нужно перешагнуть цѣлую пропасть.

Однако не слѣдуетъ преувеличивать важность этого заключенія. Отправившись отъ конкретной точки зрѣнія, оба элейца поднялись до отвлеченной. Они отличили чувственное отъ умственнаго и, если не установили теоріи знанія, то сдѣлали одинъ за другимъ два рѣшительныхъ шага въ этомъ направленіи.

Парменидъ установилъ, какъ необходимое условіе бытія, его мыслимость. Зенонъ отрицалъ, что точки, слѣдовательно, и линія, и поверхность суть вещи, существующія въ дѣйствительности. Однако это вещи въ высшей степени мыслимы. Итакъ, съ тѣхъ поръ положено окончательное разграниченіе точекъ зрѣнія геометрической и физической. Математическія представленія поставлены въ противоположеніе съ чувственными. Съ тѣхъ поръ всѣ, кто желалъ идти дальше, подняться въ болѣе высокія области мысли, чувствовали подъ ногами твердое и неизблемое основаніе, которое переживетъ смѣлыя построенія ихъ діалектики. Элейцы въ нашихъ глазахъ идеалисты не потому, чтобы ихъ

точка зрѣнія имѣла что либо общее съ точкой зрѣнія современныхъ идеалистовъ, а потому, что они дали необходимое основаніе, существенный примѣръ, для всѣхъ идеалистическихъ спекуляцій.

Однако, можно задать себѣ вопросъ, не вышелъ ли самъ Зенонъ изъ той области, въ которой мы его рассмотрѣли. Двусмысленность его языка, которой, впрочемъ, нельзя было избѣгнуть до произведеннаго Аристотелемъ различенія понятій, дала возможность повторять въ послѣдствіи его аргументы почти дословно, но въ совсѣмъ иномъ смыслѣ. Двусмысленность языка часто сопровождается двойственностію мысли, и кто можетъ поручиться за то, что Зенонъ не стремился расширить значенія своей полемики и вступить на тотъ же путь, по которому пошелъ въ послѣдствіи Мелиссъ. Но въ дѣйствительности у насъ нѣтъ на это никакихъ указаній. Нѣтъ ихъ въ Платоновскомъ „Парменидѣ“; а немногіе перипатетики, еще упоминающіе о Зенонѣ, какъ напримѣръ, авторы трактата „De Melisso“ или „Недѣлимыхъ линій“ знаютъ Зенона не изъ первыхъ рукъ, какъ и самъ Евдемъ.

Однако существуетъ „апорія“ Зенона, цитируемая Аристотелемъ (Phys., IV, 3), которая показываетъ намъ, что Зенонъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ въ область теоріи познанія: онъ отрицалъ бытіе пространства и, такимъ образомъ, признавалъ его относительность ¹⁾. Что же касается утвержденія, что каждое просяное зерно, какъ бы мало оно ни было ²⁾, падая на землю, должно производить шумъ (Phys., VII, 5), то оно имѣетъ со-

¹⁾ Симплицій (130 .b): «Если пространство существуетъ, то оно существуетъ въ чемъ нибудь, такъ какъ все существующее существуетъ въ чемъ нибудь. А то, что въ чемъ нибудь, находится также въ пространствѣ. Такимъ образомъ пространство должно быть въ пространствѣ и такъ до безконечности. Поэтому пространство не существуетъ.»

Целлеръ страннымъ образомъ извращаетъ выводъ Зенона, давая его въ такомъ видѣ: ничто существующее не можетъ существовать въ пространствѣ. Это скорѣе положеніе Мелисса, но ни одинъ документъ не даетъ права на такой переводъ.

²⁾ По Симплицію (255 а) «апорія» была предложена Протагору. Въ этомъ разсказѣ очевидно нѣтъ ничего историческаго, но онъ даетъ вѣрное понятіе о взаимномъ положеніи обоихъ софистовъ въ теоріи познанія. Дѣйствительно, для Протагора человѣкъ мѣра вещей, существующихъ, поскольку онъ существуетъ и несуществующихъ, поскольку онъ не существуетъ. Поэтому не воспринятый шумъ не существуетъ.

всѣмъ иной характеръ. Напрасно Аристотель пытается его опровергнуть, такъ какъ съ объективной точки зрѣнія оно неопровержимо; а это — та точка зрѣнія, на которой стоитъ Зенонъ при всѣхъ своихъ разсужденіяхъ о чувственныхъ вещахъ.

10. *Устъхъ Зенонова ученія.* Теперь мнѣ остается подтвердить что послѣ Зенона опровергнутыя имъ мнѣнія не появились больше. Я ограничусь относительно этого лишь нѣсколькими замѣчаніями.

Само собою разумѣется, что вѣрныя мысли, которыя Зенонъ защищалъ, не стали немедленно общимъ достояніемъ. Онѣ не стали имъ и до сихъ поръ. Но мы не видимъ, чтобы древніе нападали на мнѣнія Зенона, а изложеніе тѣхъ же мыслей Аристотелемъ показываетъ, что онѣ не были опровергнуты.

Сказать по правдѣ, Аристотель, чтобы убѣдить въ оригинальности своего ученія, говорить о Платонѣ такъ, точно тотъ допускалъ недѣлимые элементы поверхности. Но, какъ бы ни употребляли Платонъ и Ксенократъ геометрическіе термины, которыхъ имъ лучше было бы избѣгать, они разумѣли подъ этими терминами физическія величины, чѣмъ и приближались къ атомистамъ. Такимъ образомъ вопросъ былъ перенесенъ на почву физики. Безконечная дѣлимость геометрическаго пространства допускалась по прежнему, но относительно матеріи дѣло обстояло иначе. Въ то время, какъ Аристотель также допускалъ, что она дѣлима до безконечности, ученики Левкиппа и послѣдніе представители преобразованной пифагорейской школы утверждали различными способами, что есть предѣлъ физической дѣлимости, что матерія не можетъ быть дѣлима до безконечности, какъ пространство, но что она сумма недѣлимыхъ частицъ.

Перипатетическій трактатъ „Недѣлимая линія“ довольно плохая студенческая работа, предназначенная для употребленія въ стѣнахъ школы, а не для полемики, и нѣтъ надобности на ней останавливаться.

Въ „эллинической періодъ“ мы встрѣчаемъ, кромѣ нея, только два указанія на споры, входящіе въ рамки полемики Зенона. Плутархъ пишетъ („*Adv. Stoicos de commun. notit.*“), что Демокритъ спрашивалъ: если разсѣчь конусъ безконечно близкими,

параллельными основанію плоскостями, нужно ли считать сѣченія конуса равными или неравными, и опровергалъ обѣ альтернативы. Миѣ кажется, что онъ долженъ былъ имѣть цѣль подобную цѣли Зенона, а именно, установить, что поверхность конуса нельзя разсматривать, какъ сумму окружностей.

Названіе одного изъ математическихъ трудовъ Димокрита *περὶ διαφορῆς γνῶμης ἢ περὶ ψαύσιος κύκλου καὶ σφαίρας*, названіе, и до сихъ поръ плохо объясненное, относится, какъ миѣ кажется, къ полемикѣ, начатой Протагоромъ, о которой упоминаетъ Аристотель (*Metaph.*, II, 2).

„Тѣлесныя линіи не таковы, какъ говоритъ геометръ, такъ какъ въ чувственныхъ вещахъ нѣтъ ничего дѣйствительно прямого или круглаго. И кругъ касается прямой не въ одной точкѣ, но истина въ томъ, что говорилъ противъ геометровъ Протагоръ“.

Здѣсь рѣчь идетъ о законности приложенія геометрическихъ выводовъ въ природѣ. Это вопросъ иного порядка, чѣмъ тѣ, которые поднималъ Зенонъ, и діалектика Зенона была бессильна его разрѣшить, какъ не могла она разрѣшить споръ между приверженцами безконечной дѣлимости матеріи и сторонниками атомистической теоріи. Въ заключеніе я замѣчу, что Димокритъ былъ, вѣроятно, противъ Протагора.

ГЛАВА XI.

Мелиссъ Самосскій.

1. *Мелиссъ* — авторъ трансцендентальнаго монизма, обыкновенно приписываемаго всей элейской школѣ. Отъ труда Мелисса до насъ дошли важные отрывки, по которымъ можно составить себѣ довольно ясное понятіе объ оставленномъ имъ сочиненіи. Почти во всѣхъ этихъ отрывкахъ онъ, подобно Пармениду, развиваетъ онтологическія положенія, отличаясь отъ Элейскаго поэта только своимъ опредѣленіемъ Бытія-вселенной какъ безконечнаго. Итакъ, можно было бы думать, что Мелиссъ занимается безусловно тѣми-же вопросами и остается на той-же почвѣ, что и Парменидъ. Но въ двухъ послѣднихъ отрывкахъ Мелиссъ далеко оставляетъ за собою этого философа: въ одномъ изъ нихъ онъ прямо отрицаетъ протяженность Бытія; въ другомъ — онъ не менѣе ясно заявляетъ, что измѣнчивый міръ явленій только иллюзія нашихъ чувствъ, что разумъ не можетъ признать реальности бытія ни въ одной изъ формъ быванія.

Это — уже ясно выраженный идеализмъ въ монистической формѣ. Какъ-же случилось, что сѣмена, посеянные Элейцами, взошли такъ далеко отъ почвы, въ которую были брошены? Какъ случилось, что плоды ихъ созрѣли въ Іоніи?

Въ Италіи умственное движеніе, не смотря на препятствія со стороны гражданскихъ войнъ, продолжаетъ идти во второй

половинѣ V столѣтія по пути, проложенному пифагорейзмомъ. Пифагорейская школа не существуетъ уже ни какъ политическая ассоціація, ни какъ центръ просвѣщенія; отдѣльные мыслители болѣе или менѣе обособляются и образуютъ секты, продолжая однако признавать себя учениками Пифагора, о которомъ уже слагаются легенды. Главная задача этого времени — согласить съ прогрессомъ мысли священныя формулы, завѣщанныя Пифагоромъ, и поставить новыя открытія подъ покровительство его имени. Отсюда — возможность самыхъ разнообразныхъ системъ; никто не думаетъ однако порывать съ традиціей, напротивъ, каждый остается связаннымъ съ нею хоть въ одномъ пунктѣ, какъ напримѣръ Эмпедоклъ своей метампсихой.

Въ такой-то средѣ возникъ и элейзмъ, скорѣе какъ секта, чѣмъ какъ новая школа; Элейцы возбудили важные вопросы, устранили давнишніе предрасудки и замѣнили гипотезы о конкретномъ разсужденіи объ абстрактномъ. Поворотъ этотъ былъ рѣшительный — вся масса пифагорейцевъ въ свою очередь бросается въ абстракціи и естественно хватается за математическія понятія, завѣщанныя Учителемъ. Подъ этой формой вырабатываются и начала ученія объ идеяхъ, которому суждено было расцвѣсти въ Афинахъ.

Платонъ вполне сознаетъ эту эволюцію и вотъ почему онъ считаетъ своими предшественниками наравнѣ съ пифагорейцами и элейцевъ. Примиреніе монизма вторыхъ съ плюрализмомъ первыхъ — вотъ та задача, которую Платонъ находитъ все еще неразрѣшенной и рѣшеніе которой онъ въ свою очередь пытается найти. Встрѣтивъ на своемъ пути Мелисса, онъ едва обращаетъ на него вниманіе, потому что послѣдній уже возвращается въ совершенно иномъ кругу идей, потому что онъ уже вышелъ за тѣ границы, въ предѣлахъ которыхъ возможно было примиреніе.

Умственная дѣятельность въ эллинскихъ колоніяхъ Малой Азіи очень ослабла со времени разрушенія Милета; тутъ преобладала школа Гераклита, которая продолжала развивать ученіе о непостоянствѣ вещей и дошла наконецъ до абсурда. Въ противовѣсъ этому ученію обязательно долженъ былъ возникнуть идеалистическій монизмъ; онъ явился въ качествѣ давно ожи-

даемой и подготовленной антитезы — въ этомъ его смыслъ и значеніе. Оба догмата вскорѣ мирятся, но это примиреніе не способствуетъ достиженію болѣе высокой точки зрѣнія.

Если подробно сравнить тезисы Мелисса съ ученіемъ Парменида, то легко замѣтить вліаніе гераклитизма на перваго философа. Парменидъ отрицалъ возможность того, чтобы несуществующее стало существующимъ, а Мелиссъ не соглашается съ тѣмъ, чтобы не-бѣлое могло стать бѣлымъ. Это прямое возраженіе послѣдователю Гераклита, говорившему: эта вещь и бѣла и не-бѣла.

2. *Причины недостаточно высокой оцѣнки Мелисса.* Но Парменидъ говорилъ о конкретной вселенной, о чемъ-же собственно говоритъ Мелиссъ и каково значеніе его тезисовъ? На это можно отвѣтить слѣдующимъ образомъ: его аргументы въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ примѣнялись къ идеѣ Бога; онъ первый очертилъ тотъ ограниченный кругъ, въ которомъ съ тѣхъ поръ вращалась религіозная философія, тщетно пытаясь его расширить, и на которомъ исчерпали все свои силы и спиритуализмъ и пантеизмъ. Вѣчный, безконечный, единый, неизмѣнный — вотъ что утверждаетъ разумъ о Богѣ, когда считаетъ себя въ правѣ утверждать что-либо; за этими предѣлами онъ наталкивается на непреодолимые препятствія. Какимъ-же образомъ такому мыслителю, какимъ является намъ Мелиссъ, обыкновенно отводятъ лишь второстепенное мѣсто? Почему за нимъ не признаютъ того важнаго значенія, которое имѣютъ его тезисы въ исторіи философіи?

На это есть двѣ причины: первая состоитъ въ томъ, что его способъ аргументаціи заимствованъ у Элейцевъ и что его оригинальность такимъ образомъ замаскирована чуждой ему формой, хотя онъ и приспособляетъ послѣднюю къ новымъ вопросамъ; вторая причина та, что Аристотель слишкомъ низко цѣнить Мелисса и даже объявляетъ, будто онъ понималъ бытіе матеріально. Для того, чтобы оправдать мнѣніе Аристотеля, и старались унизить Мелисса, уменьшая значеніе его тезисовъ и важность его разсужденій.

Однако, легко было понять причину немилости Аристотеля къ Мелиссе; Мелиссъ расходится съ Парменидомъ, утверждая безконечность бытія, а такое утверженіе противорѣчитъ ученію самого Аристотеля, который остается подъ вліяніемъ пифагорейской идеи, что совершенство есть атрибутъ ограниченнаго.

Но чтобы правильно оцѣнить Мелисса и взвѣсить направленную противъ него критику, намъ не нужно даже становиться на вышеприведенную точку зрѣнія, т. е. обращаться къ идеѣ Бога; мы можемъ оставаться на почвѣ, указанной Аристотелемъ, — съ тою лишь разницею, что будемъ разсматривать міръ явленій съ точки зрѣнія современной науки.

Для нея, какъ и для Мелисса, міръ — только иллюзія; она сводитъ его путемъ анализа къ совокупности движеній протяженныхъ формъ, но существованіе пространства и времени имѣетъ для нея лишь субъективную достовѣрность; такимъ образомъ, и этотъ послѣдній остатокъ научнаго анализа можетъ не имѣть объективной цѣнности и быть лишь формой, удобной для изслѣдованія.

Но развѣ міропредставленіе, въ которомъ главную роль играетъ движеніе, не находится въ безусловномъ противорѣчій съ неподвижностью міра, утверждаемой Мелиссомъ? Нисколько: всѣ движенія, каковы-бы ни были ихъ характеръ, ничто иное какъ превращенія, совершающіяся по закону эквивалентности; цѣль науки и состоитъ въ установленіи этихъ эквивалентовъ, въ выдѣленіи того, что остается постояннымъ и неизмѣннымъ среди вѣчнаго теченія вещей. Каждое явленіе, становясь достояніемъ науки, опредѣляется извѣстнымъ равенствомъ между дѣйствіемъ и причиной; это равенство и есть то постоянное и неизмѣнное, что дѣлаетъ доступнымъ нашему познанію подвижное и измѣнчивое.

Форма, опредѣляющая такимъ образомъ все постоянное въ мірѣ, конечно находится въ зависимости отъ способа нашего познанія, слѣдовательно, она запечатлѣна субъективнымъ характеромъ, отъ котораго намъ нѣтъ возможности освободиться. Но въ сущности это не важно; все-же ясно, что подъ этой дымкой, которая и теперь еще не разсѣяна, да и всегда будетъ застилать наши глаза, мы постигаемъ бытіе въ античномъ смыслѣ этого слова.

Такъ, наука признаетъ постоянство массы, сохраненіе количества движенія и суммы моментовъ количествъ движеній,—накопенецъ, постулируетъ и сохраненіе живой силы; всѣ эти разнообразныя законы — въ сущности абстракціи; ихъ различіе и независимость другъ отъ друга не маскируютъ, конечно, единства міра явленій, такъ какъ можно мыслить ихъ подчиненными общему закону, только нѣкоторыя черты котораго намъ удалось узнать до сихъ поръ.

3. *Опроверженіе критики Аристотеля.*

Постоянство „бытія“, опредѣленное такимъ образомъ наукой, вытекаетъ изъ основного постулата разума: изъ ничего ничто не возникаетъ; постулатъ этотъ уже былъ допущенъ въ конкретномъ смыслѣ эллинскими мыслителями, а отвлеченное примѣненіе получилъ у Мелисса, но мы яснѣе послѣдняго можемъ формулировать этотъ постулатъ: „причина и дѣйствіе, предшествующее и послѣдующее—эквивалентны“. Это постоянство уже предполагаетъ вѣчность въ двухъ направленіяхъ: нѣтъ начала ряду причинъ, нѣтъ конца ряду дѣйствій.

Отъ вѣчности Мелиссъ заключаетъ къ безконечности, а отъ безконечности къ единству. Критика Аристотеля направлена преимущественно противъ второго заключенія.

Дѣйствительно, для насъ единство соотвѣтствуетъ необходимости считаться — при установленіи эквивалентности между причиной и дѣйствіемъ — съ совокупностью причинъ и дѣйствій и разсматривать предшествующее и послѣдующее состояніе на всемъ протяженіи вселенной. Безконечность-же (которая, къ тому-же, не представляетъ собою общепризнаннаго положенія) сводится, напротивъ, къ невозможности представить рядъ явленій ограниченнымъ въ пространствѣ. Такимъ образомъ, оба вопроса, повидимому, вовсе не связаны другъ съ другомъ.

Еслибы Мелиссъ подразумѣвалъ въ своей аргументаціи подъ безконечностью—безконечность въ пространствѣ, ошибочность его вывода была-бы очевидна. Но ему, конечно, нельзя приписывать подобнаго мнѣнія, такъ какъ онъ прямо отрицаетъ протяженность бытія. Несомнѣнно онъ имѣетъ въ виду безконечность въ отвлеченномъ смыслѣ; цѣнно или нѣтъ это понятіе—но честь его открытія

принадлежитъ Мелиссу, и онъ пользуется безконечностью для установленія единства.

Правда, что языкъ его еще полонъ конкретныхъ терминовъ (полный, пустой и т. п.); кромѣ того, разсужденіе, съ помощью котораго онъ устанавливаетъ безконечность, очень сокращено въ отрывкахъ. такъ что трудно возстановить его дѣйствительный смыслъ.

Симплицій выдаетъ отрывки 1—5 за начало сочиненія Мелисса; въ нихъ заключается краткое изложеніе тѣхъ тезисовъ, которые Мелиссъ развиваетъ дальше въ своемъ сочиненіи; къ сожалѣнію, послѣдующія цитаты даютъ не болѣе того, что содержится въ этомъ краткомъ изложеніи.

Я прошу однако обратить вниманіе на послѣднюю фразу седьмого отрывка: въ ней сказывается ясное сознаніе того, что вѣчное пребываніе можетъ быть приписано лишь бытію въ его цѣломъ; это вполне отвѣчаетъ современной точкѣ зрѣнія — бытію въ его цѣломъ, то есть совокупности причинъ и равной ей совокупности дѣйствій.

Правда, въ нашихъ математическихъ опредѣленіяхъ мы приписываемъ такое же вѣчное пребываніе свойствамъ, доступнымъ измѣренію, а слѣдовательно и ограниченію: масса каждаго тѣла для насъ неразрушима въ смыслѣ неизмѣнности общей массы; мало того, утвержденіе неизмѣнности общей массы было бы иллюзорнымъ, если бы мы считали ее безконечной. Но здѣсь рѣчь идетъ о такихъ понятіяхъ, которыя Мелиссу и въ голову не приходили; мы должны ограничиться сравненіемъ его понятій съ нашими.

Безконечность въ аргументахъ Мелисса — ничто иное, какъ отрицаніе существованія другихъ бытій; слѣдовательно, она только синонимъ цѣлости для совокупности явленій; но наши конкретныя цѣлыя всегда ограничены путемъ исключенія того, что находится за предѣлами перечисленнаго ряда. Для *цѣлаго* ряда явленій, изъ котораго ничто не должно быть исключено, ограниченіе немислимо—и это тоже современная точка зрѣнія.

Но если невозможно доказать, что Мелиссъ слѣдовалъ указанному мною ходу мыслей, то пробѣлы въ его отрывкахъ та-

ковы, что мы вовсе не обязаны считать за дѣйствительную ту послѣдовательность мыслей, которую мы въ нихъ находимъ, а именно: бытіе вѣчно, слѣдовательно безконечно, слѣдовательно едино. Онъ могъ разсуждать такимъ образомъ: бытіе вѣчно, но чтобы утверждать его вѣчность, нужно мыслить его въ цѣломъ, цѣлость же, въ его глазахъ, предполагаетъ безконечность и единство.

4. *Мелиссъ не зналъ ни Анаксагора, ни Эмпедокла, ни атомистовъ.* Неизмѣняемость бытія, о которой распространяется затѣмъ Мелиссъ, является прямымъ слѣдствіемъ изъ самой его точки отправленія, но Мелиссъ долженъ былъ точнѣе опредѣлить, — что онъ и не преминулъ сдѣлать — въ какомъ смыслѣ онъ понималъ неизмѣняемость въ связи съ предыдущими опредѣленіями бытія.

Среди отрицаній, которыми онъ опредѣляетъ неизмѣняемость бытія, особеннаго вниманія заслуживаетъ отрицаніе страданія и гора. Оно наводитъ на мысль, что Мелиссъ дѣйствительно видѣлъ въ своемъ бытіи Бога и по крайней мѣрѣ склоненъ былъ приписывать ему неизмѣнное сознание его вѣчной устойчивости. Этотъ выводъ нимало не противорѣчитъ свидѣтельству Діогена Лаэртскаго (IX, 24), по которому Мелиссъ яко бы говорилъ, что нельзя ничего утверждать о богахъ, такъ какъ они непознаваемы. По всей вѣроятности, въ послѣднемъ случаѣ идетъ рѣчь о божествахъ, чтимыхъ народомъ.

Но неужели упомянутыя нами отрицанія были вызваны только народными мифами? Этому трудно повѣрить. Почему Мелиссъ выбралъ именно эти качества изъ тѣхъ, которыя отрицалъ Парменидъ? Повидимому онъ опровергаетъ чье-то мнѣніе, которое мы не знаемъ кому приписать. Не имѣлъ ли онъ въ виду Гераклитова бога „сытость — голодъ“, или же какое нибудь выраженіе Эмпедокла относительно разрушенія Сфѣроса? Первое предположеніе кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ.

Здѣсь возникаетъ вопросъ, который не можетъ быть рѣшенъ по недостатку хронологическихъ данныхъ. Когда Мелиссъ дѣлаетъ прямыя намеки на физиковъ, то которыхъ изъ нихъ онъ имѣетъ въ виду и какіе навѣрное были ему неизвѣстны?

Целлеръ (II, стр. 91) допускаетъ, что Мелиссъ возражалъ Эмпедоклу, когда доказывалъ недѣлимость бытія и невозможность смѣшенія, атомистамъ—въ аргументахъ, направленныхъ противъ движенія; но отрывокъ 15—о недѣлимости—съ одинаковымъ правомъ можно считать возраженіемъ не только Эмпедоклу, но и Анаксимену, или Гераклиту, такъ какъ всѣ они допускали, что первичная матерія дѣлится на вторичныя формы посредствомъ движенія. Что же касается аргументаціи, направленной противъ идеи смѣшенія, то она встрѣчается только въ трактатѣ de Melisso, подлинность котораго не доказана; самая же теорія смѣшенія появилась еще до Эмпедокла не только въ Италіи (Алкмеонъ, физика Парменида), но вѣроятно и въ Іоніи, на примѣръ въ догиппократовскихъ медицинскихъ сочиненіяхъ. Кромѣ того, она могла быть выведена изъ физики Анаксимандра и легко мирилась съ идеями Гераклита,—какъ на примѣръ въ псевдо-гиппократовскомъ трактатѣ „De diaeta“.

5. Я не вижу также въ аргументахъ Мелисса признаковъ знакомства его съ атомистической школой; эти аргументы имѣютъ большое сходство съ доказательствами Парменида или даже, пожалуй, Анаксагора. То, что Мелиссъ говоритъ въ частности о движеніи въ наполненномъ пространствѣ (отр. 5), слишкомъ темно, чтобы можно было рѣшить, противъ кого направлены эти слова. Мелиссъ, повидимому, гораздо больше настаиваетъ на различіи въ степеняхъ сгущенія и разрѣженія, что скорѣе относится къ школѣ Анаксимена, какъ и думаетъ Целлеръ.

Что касается аргументовъ, противъ которыхъ возражаетъ Аристотель (Gen. et Corr., I, 8, 325 a), и которые ученый историкъ не безъ основанія приписываетъ Мелиссу, то трудно отрицать, что самъ Аристотель могъ внести въ нихъ нѣкоторыя измѣненія:

„Нѣкоторые древніе думали, что бытіе необходимо едино и неподвижно, ибо пустоты нѣтъ, а съ другой стороны невозможно, чтобы было движеніе безъ (отдѣльнаго существованія) пустоты и чтобы была множественность безъ чего нибудь такого, что бы раздѣляло (вещи). Впрочемъ, все равно, сказать ли, что вселенная не цѣлое, но что существуетъ смежность и дѣлимость, или

же сказать, что вселенная множественность, или даже — пустота безъ единства. И дѣйствительно, если дѣленіе возможно всюду, то нѣтъ ничего единого, а слѣдовательно нѣтъ и множественности, но все пусто. Если же, напротивъ, дѣленіе возможно въ одномъ мѣстѣ и не возможно въ другомъ — то это похоже на фантазію. И дѣйствительно, до какой степени и по какой причинѣ одна часть вселенной цѣльна, а остальное — дѣлимо? Они (древніе) также утверждаютъ, будто необходимо, чтобы не было движенія. На основаніи такихъ разсужденій, пренебрегая ощущеніемъ, и не ставя его ни во что въ сравненіи съ разумомъ, они говорятъ, что вселенная едина, неподвижна и безконечна, такъ какъ предѣлъ долженъ былъ бы граничить съ пустотой.“

За исключеніемъ того, что касается неподвижности и безконечности, вся эта аргументація точно заимствована у Зенона: только вмѣсто термина не-бытіе поставленъ терминъ пустота — можетъ быть самимъ Аристотелемъ. Что же касается тѣхъ двухъ пунктовъ, которые, повидимому, принадлежать самому Мелиссу — въ нихъ дѣйствительно нужно признать отрицаніе понятія пустоты, какъ ее понимали атомисты, но отсюда еще нельзя вывести того, чтобы данное отрицаніе было направлено противъ атомистической шеола.

Въ трактатѣ „De Melisso“ говорится, что Анаксагоръ уже отрицалъ пустоту и утверждалъ, что она вовсе не необходима для существованія движенія. Съ другой стороны. Аристотель (Phys. IV, 6) показываетъ намъ, что Клазоменскій философъ прибѣгаетъ для опроверженія пустоты къ опытамъ, доказывающимъ, что кажущаяся пустота — воздухъ. Слѣдовательно, онъ возражалъ или противъ ходячихъ мнѣній, или противъ взглядовъ пифагорейцевъ; ничто не заставляетъ насъ думать, что Мелиссъ имѣлъ въ виду какія нибудь иныя мнѣнія, и его опредѣленіе полного и не полного (отр. 5 и 14) скорѣе подтверждаетъ противное.

Не слѣдуетъ воображать, что понятіе абсолютной пустоты возникло ex abrupto, безъ долгой предварительной подготовки. Аристотель (l. c.) говоритъ, что пустоту допускали не только Левкинцы и Демокритъ, но и другіе фізіологи, которыхъ онъ

отличаетъ отъ пифагорейцевъ. Можно думать, что первые Ионійцы, сообразуясь съ ходячими мѣнѣями и не выяснивъ себѣ понятія о пустотѣ, не задумываясь употребляли этотъ терминъ и даже примѣняли его къ объясненію отдѣльныхъ движеній. Смыслъ его оставался неяснымъ и теоріи монизма онъ нисколько не противорѣчилъ. Когда пифагорейцы (гл. V, 2) ввели свой дуализмъ полного и пустого, вопросъ сталъ нѣсколько выясняться, хотя пустоту понимали еще въ сущности матеріально. Послѣ пифагорейцевъ явились Элейцы, которые установили самый прочный монизмъ, но придали ему отвлеченный характеръ и не распространили его на объясненіе явленій природы. Тогда то вѣроятно и народился знаменитый вопросъ: „какимъ образомъ все можетъ двигаться, если все полно?“

Анаксагоръ и Мелиссъ находятъ этотъ вопросъ уже поставленнымъ и даютъ на него два противоположныхъ отвѣта. Первый остается на почвѣ эмпиризма и не находитъ этотъ вопросъ затруднительнымъ; второй, разсматривая вопросъ съ отвлеченной точки зрѣнія, считаетъ его неразрѣшимымъ. Въ сущности и Элейцы и Анаксагоръ пришли къ отрицательному опредѣленію понятія абсолютной пустоты, въ силу того, что они хотѣли опредѣлить положительнымъ образомъ понятіе бытія. Атомисты вновь принимаютъ за это понятіе, утверждаютъ, что оно мыслимо и примѣняютъ къ объясненію явленій природы. Ихъ успѣхъ конечно привелъ къ гибели элеизма, выводы котораго граничили съ отрицаніемъ самихъ научныхъ проблемъ. Напротивъ, отношеніе къ вопросу о не-бытіи, которое мы замѣчаемъ у Элейцевъ, начиная съ Парменида и кончая Мелиссомъ, показываетъ, что имъ не приходится опровергать опредѣленное ученіе, которое утверждало бы существованіе абсолютной пустоты, вывода изъ него серьезныя слѣдствія.

6. *Мелиссъ не физикъ.* Такимъ образомъ, мы имѣемъ основаніе думать, что Мелиссъ не зналъ ни Анаксагора, ни Эмпедокла, ни атомистовъ, хотя не можемъ въ точности доказать этого; поэтому мы сохраняемъ въ цѣлости оцѣнку роли и положенія Мелисса, сдѣланную нами въ началѣ этой главы.

Подобно Зенону Мелиссъ не занимался физикой и Теофрастъ не могъ ничего сообщить о его физическихъ мнѣніяхъ ¹⁾. Такимъ образомъ Элейская школа, отвергнувъ компромиссъ, на который пошелъ ея основатель, направилась по пути, удалившему ее отъ науки, и наконецъ остановилась, такъ какъ дальше идти было некуда. Является новое поколѣніе, для котораго элейская школа какъ бы не существуетъ, между тѣмъ какъ ея діалектическое наслѣдіе переходитъ въ руки софистовъ, которые не только пользуются, но и злоупотребляютъ имъ.

Тѣмъ не менѣе, элейская школа сыграла важную роль въ развитіи науки; полемика Зенона способствовала выясненію математическихъ понятій, тезисы Мелисса — установленію идеалистической системы; конечно, послѣдняя еще не достаточно обоснована, но главнѣйшія черты ея должны войти въ составъ каждой аналогичной системы. Сѣмена, посѣянные Элейцами, взошли и, созрѣвъ, были собраны другими; за однимъ изъ Элейцевъ укрѣпилась слава парадоксальнаго спорщика, за другимъ — репутація второстепеннаго мыслителя, держащагося исключительно узкой монистической точки зрѣнія. Но критики, произносившіе подобный судъ надъ этими учеными, не имѣли точнаго понятія объ умственной средѣ, въ которой они жили; въ то время геометрическія абстракціи уже давно стали предметомъ тщательнаго обученія, идеализмъ вновь воскресъ и блестяще развился, принявъ совершенно новую форму, вполне соответствующую греческому генію, но едва понятную для насъ.

---

¹⁾ *Азій* (I, 3, 7, 24, II, 1, 4; IV, 9) цитируетъ его обыкновенно наряду съ кѣмъ нибудь другимъ, говоря, что онъ считалъ богомъ единую вселенную, единственно вѣчную и безконечную, отрицалъ возникновеніе и разрушеніе, утверждалъ неподвижность, считалъ чувства обманчивыми и міръ единымъ, невозникшимъ, вѣчнымъ, но въ то же время (какъ и Діогенъ) ограниченнымъ, тогда какъ вселенная безконечна. Послѣдняя данная, противорѣчащая свидѣтельству Теодорита (II), болѣе чѣмъ подозрительна. Эпифаній (III, 12) послѣ утверженія единства прибавляетъ: «онъ считалъ, что нѣтъ ничего устойчиваго по существу, что все разрушимо въ потенціи». Остальные доксграфы ничего не говорятъ о немъ.

ГЛАВА XII.

Анаксагоръ изъ Клазоменъ.

I. Анаксагоръ, какъ человѣкъ и ученый.

1. *Характеръ Анаксагора.* Анаксагоръ изъ Клазоменъ былъ, какъ извѣстно, первымъ изъ физиологовъ, поселившихся въ Афинахъ; такимъ образомъ, онъ началъ собою рядъ тѣхъ знаменитыхъ гостей, которые не менѣе родныхъ сыновъ древняго города Кекропса способствовали тому, что этотъ городъ въ теченіе почти двухъ вѣковъ былъ научнымъ центромъ древняго міра.

Анаксагоръ также первый философъ, жизнь котораго представляетъ собой образецъ безусловной преданности наукѣ и безкорыстнаго исканія истины ради нея самой; по этому то образцу сложился идеалъ созерцательной жизни, который сіялъ передъ очами Платона и Аристотеля и даже теперь достоинъ руководить нами. Конечно, не всѣ легенды, передаваемыя объ Анаксагорѣ, заслуживаютъ слѣпонаго довѣрія; но ихъ единодушное согласіе свидѣтельствуетъ о глубокомъ впечатлѣніи, которое оставилъ по себѣ его благородный характеръ.

Рожденный въ богатой семьѣ, онъ предоставилъ свое родовое наслѣдіе родственникамъ и вполне посвятилъ себя наукѣ; въ теченіе всей своей жизни онъ пренебрегаетъ своими интересами, ждетъ даже, пока ему предложатъ самое необходимое; у

него нѣтъ недостатка въ преслѣдователяхъ, всевозможныя бѣдствія обрушиваются на него, но философъ стоитъ выше обстоятельствъ. Анаксагоръ, можетъ быть, и не занимался этикой,¹⁾ но онъ самъ былъ живымъ воплощеніемъ нравственности.

На его глазахъ наука превратилась въ доходную статью²⁾, но онъ не стремился извлечь изъ нея пользы; къ счастью, онъ нашелъ покровителя въ лицѣ великаго государственнаго человѣка, который руководилъ тогда судьбами Аѣинъ; въ послѣдствіи, дружба Митродора изъ Лампсака замѣнила ему дружбу Перикла и маленькій городъ Геллеспонта счелъ за честь предложить убѣжище изгнаннику, обвиненному въ атеизмъ³⁾.

Такимъ образомъ, Анаксагоръ является первымъ примѣромъ ученаго, получавшаго денежную помощь отъ главы государства, или отъ богатыхъ частныхъ лицъ, но сохранившаго при этомъ полную независимость, — чего нельзя сказать о тѣхъ, которые въ послѣдствіи старались достигнуть такого положенія. Во всякомъ случаѣ, съ этого времени открылась новая эра; до сихъ поръ наукой занимались только въ свободное время, теперь же, распространившись и расширивъ кругъ своихъ адептовъ, наука пріобрѣтаетъ въ число ихъ людей мало состоятельныхъ, которые принуждены думать не только объ ея успѣхахъ, но и о собственномъ насущномъ хлѣбѣ.

2. *Научные труды, приписываемые Анаксагору.* Я говорю объ Анаксагорѣ, какъ человѣкѣ; теперь я скажу о немъ нѣсколько словъ, какъ объ ученомъ.

---

¹⁾ Фаворитъ говорить (Diog. L., II, 11), что онъ первый усмотрѣлъ въ поэмахъ Гомера аллегоріи относительно добродѣтели и справедливости и такимъ образомъ открылъ путь своему ученику Митродору; но послѣдній, повидимому, искалъ у Гомера скорѣе физическихъ аллегорій.

²⁾ Когда Анаксагоръ прибылъ въ Аѣины, Протагоръ приступалъ къ своей учительской дѣятельности; въ это же время (ок. 456 г.) Гиппократъ изъ Хиоса преподавалъ въ Аѣинахъ геометрію, а нѣкоторые изъ пифагорейцевъ, чтобы достать денегъ, издавали геометрическіе труды своего учителя.

³⁾ Лампсакъ былъ одной изъ колоній Милета; послѣ паденія метрополиса въ 496 г. въ немъ хранились традиціи отечества первыхъ фізіологовъ. Повидимому, послѣ Анаксагора первое мѣсто занялъ здѣсь Архелай. Въ слѣдующемъ вѣкѣ, въ другой колоніи Милета, Кизикѣ, также образуется школа математиковъ и астрономовъ (Ердоксъ, Геликонъ, Полемархъ, Калиппъ), имѣвшая большое значеніе; но изъ Лампсака вышли еще нѣсколько замѣчательныхъ личностей, между прочимъ риторъ Анаксименъ, учитель Александра Великаго, и перипатетикъ Стратонъ, преемникъ Теофраста.

Анаксагоръ, должно быть, приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность еще до прибытія въ Аѣны ¹⁾ и, несомнѣнно, уже опубликовалъ тогда часть своихъ научныхъ мнѣній и открытій. Свидѣтельство Діогена Лаэртскаго, по которому Анаксагоръ оставилъ только одно сочиненіе ²⁾, не исключаетъ возможности изданія имъ кромѣ того чисто-астрономическихъ или математическихъ трактатовъ: изъ того, напримѣръ, что Геродотъ приводитъ мнѣніе Анаксагора о причинѣ разлитій Нила, еще нельзя заключить, что „Исторія“ Геродота явилась послѣ „Трактата о Природѣ“.

Несомнѣнно, что именно послѣднее сочиненіе составило славу Анаксагора, такъ какъ онъ, повидимому, собралъ и изложилъ въ немъ свои различные научные взгляды. Анаксагора слѣдуетъ, прежде всего, считать фізіологомъ.

Репутація его, какъ геометра, плохо обоснована; она описывается, главнымъ образомъ, на одно мѣсто изъ діалога платоновской школы „Соперники“, гдѣ говорится объ Анаксагорѣ и объ Энопидѣ, но по поводу спора, имѣющаго скорѣе астрономическій характеръ. На основаніи этого мѣста (а не по свидѣтельству Евдема) Анаксагоръ и фигурируетъ наряду съ Энопидомъ въ спискѣ геометровъ у Прокла; къ его имени прибавлена довольно неясная замѣтка: „онъ касался многихъ геометрическихъ вопросовъ“. Конечно, нельзя заниматься астрономіей, не обладая обширными геометрическими познаніями, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы Анаксагоръ способствовалъ успѣхамъ самой геометріи.

По свидѣтельству Витрувія (VII), Анаксагоръ яко-бы писалъ о сценографіи, т. е. о приложеніи перспективы въ театальной декорациі; этимъ предметомъ особенно интересовались въ Аѣнахъ, гдѣ во времена Эсхила нѣкій Агаархъ, изобрѣтатель сценической декорациі, написалъ по этому поводу комментарий. Конечно, было бы ошибочно думать, что трактатъ такого технического характера могъ войти въ составъ сочиненія „О при-

¹⁾ Паденіе камня на Эгосъ-Потамосѣ, предсказаніе котораго было ему впоследствии приписано, случилось въ 468/7 году.

²⁾ Раздѣленное, впрочемъ (по крайней мѣрѣ впоследствии) на нѣсколько книгъ, т. е. Симплицій говоритъ; ἐν τῷ πρώτῳ τῶν φυσικῶν.

родѣ“; трактатъ этотъ былъ, вѣроятно, изложенъ въ геометрической формѣ и послужилъ прототипомъ для „Оптики“, книги Евклида, дошедшей до насъ далеко не въ полномъ видѣ.

Итакъ, Анаксагоръ былъ творцомъ этой вѣтви прикладной геометріи; но тотъ низкій уровень, на которомъ она находилась еще долго послѣ него, показываетъ, что и самъ Анаксагоръ не поднялся надъ уровнемъ элементарныхъ понятій, да и Демокритъ, занимавшійся послѣ него тѣмъ же вопросомъ, вѣроятно не далеко ушелъ впередъ.

Наконецъ, Плутархъ (*De exsilio*) рассказываетъ, что Анаксагоръ занимался въ тюрьмѣ квадратурой круга; но этотъ рассказъ—можетъ быть ни на чемъ неоснованная легенда. Конечно, вопросъ о квадратурѣ круга стоялъ на очереди у тогдашнихъ математиковъ, и въ тюрьмѣ всего удобнѣе заниматься чистой математикой; такимъ образомъ, легенда эта, по крайней мѣрѣ, удачно придумана и соответствуетъ характеру Анаксагора, но во всякомъ случаѣ, отъ этой работы не осталось никакихъ слѣдовъ и она не оказала сколько нибудь значительнаго вліянія.

3. *Астрономія Анаксагора.* Извѣстность Анаксагора какъ астронома болѣе основательна; ему принадлежитъ безсмертная слава если не полного, то все же вѣрнаго объясненія затменій и фазъ луны; но надо замѣтить, что это объясненіе было физической гипотезой, а не результатомъ астрономическихъ наблюденій.

Я уже объяснилъ (гл. VI, 4, VIII, 7), какъ Анаксагоръ пришелъ къ этой гипотезѣ; съ одной стороны, Анаксименъ предполагалъ существованіе темныхъ небесныхъ тѣлъ, которыя, становясь между землей и свѣтилами, производятъ затменія; съ другой — пифагорейцы (Алкмеонъ, Парменидъ) считали, что у луны двѣ стороны — одна темная, другая свѣтлая, всегда обращенная къ солнцу; этимъ объясняли фазы луны халдейцы. Слѣдовательно, Анаксагору оставалось только подмѣтить, что темное, непрозрачное тѣло, вродѣ тѣхъ, которыя предпологалъ Анаксименъ, вслѣдствіе своего освѣщенія солнцемъ должно какъ разъ представлять явленіе фазъ, какъ ихъ понимали пифагорейцы; итакъ, для объясненія солнечныхъ затменій достаточно было

признать луну непрозрачнымъ тѣломъ. Но объясненіе небесныхъ явленій освѣщеніемъ навело на мысль о необходимости принять во вниманіе и тѣни; такимъ то образомъ Анаксагоръ и, напалъ на объясненіе лунныхъ затменій.

Какъ физикъ, Анаксагоръ пошелъ дальше, даже слишкомъ далеко; онъ заключилъ, что луна — земля, подобная нашей, и также обитаемая, что всѣ свѣтила — даже солнце — плотныя, раскаленные массы. Эти смѣлые парадоксы навлекли на него обвиненіе въ безчестіи, впервые направленное противъ ученаго-новатора. Какъ астрономъ, Анаксагоръ, не смотря на свое важное открытіе, придерживался устарѣлыхъ взглядовъ и защищалъ, къ сожалѣнію, древнія іонійскія вѣрованія.

Онъ все еще считаетъ землю плоской; всѣ свѣтила имѣютъ, по его мнѣнію, ту же форму, — такъ что его объясненіе фазъ является, въ сущности, совершенно недостаточнымъ; онъ сохраняетъ гипотезу Анаксимена о существованіи темныхъ небесныхъ тѣлъ, которыя еще кажутся ему необходимыми для объясненія частью фазъ, частью лунныхъ затменій. Его мнѣніе о движеніи солнца и луны примыкаетъ также къ взгляду Анаксимена.

Анаксагоръ помѣщаетъ оба эти свѣтила на такомъ близкомъ разстояніи отъ земли, что даже странно, какъ онъ не замѣтилъ своей ошибки.

Трудно также отдать себѣ ясный отчетъ въ странной гипотезѣ, высказанной Анаксагоромъ относительно млечнаго пути: такъ какъ по его мнѣнію солнце меньше земли, то земная тѣнь должна простираться въ безконечность; тѣнь эта, падая на небо, и образуетъ млечный путь: ибо, говоритъ Анаксагоръ, звѣзды, расположенныя въ этой тѣни, находятся даже ночью въ той части неба, куда достигаютъ солнечные лучи, а потому ихъ собственный свѣтъ затемняется, тогда какъ въ предѣлахъ тѣни свѣтила сіяютъ полнымъ блескомъ; слѣдовательно, если бы солнце исчезло, то все небо имѣло бы видъ млечнаго пути.

Съ чисто-физической точки зрѣнія эта гипотеза конечно очень остроумна для того времени; во всякомъ случаѣ, она показываетъ, какъ усердно занимался Анаксагоръ законами освѣщенія, которые имъ же впервые были удачно приложены на

практикъ; но въ то же время она доказываетъ, что Анаксагоръ вовсе не заботился о сколько нибудь точномъ наблюдении. Иначе онъ замѣтилъ бы, что млечный путь сохраняетъ постоянно одинаковое положеніе относительно неподвижныхъ звѣздъ, тогда какъ тѣнь, падающая отъ земли на небо, должна бы постоянно перемѣщаться въ зависимости отъ движеній солнца; съ другой стороны, будь млечный путь тѣнью земли, то луна затмевалась бы при каждомъ своемъ прохожденіи черезъ него—выводъ изъ гипотезы, ошибочность котораго тоже легко было провѣрить.

Я останавлиюсь еще на одномъ довольно странномъ мнѣніи, которое, хотя и дошло до насъ подъ именемъ ученика Анаксагора—Архелая, но, вѣроятно, высказывалось и имъ самимъ, а именно: будто поверхность земли вогнута, чѣмъ и объясняется, что день и ночь не сразу наступаютъ на всей поверхности.

Какимъ образомъ изъ факта, условія котораго не могли быть совершенно неизвѣстны, вывели слѣдствіе, какъ разъ противоположное тому, которое изъ него вытекаетъ? Греки не могли не знать, что у Персовъ, на примѣръ, солнце восходитъ раньше; слѣдовательно, Анаксагоръ долженъ былъ предполагать, что Персы находятся на плоскогоріи, окружающемъ впадину, Малая Азія на склонѣ къ внутреннему углубленію, а Греція еще ниже по тому же склону; о томъ, что происходитъ за извѣстными предѣлами на западѣ, онъ уже не имѣлъ точнаго понятія и представлялъ себѣ факты не такими, каковы они въ дѣйствительности, а какъ разъ обратными ¹⁾.

Такимъ образомъ, Анаксагора можно скорѣе назвать смѣлымъ строителемъ научныхъ гипотезъ, чѣмъ настоящимъ астрономомъ, умѣющимъ производить наблюденія и провѣрять свои гипотезы.

Въ метеорологіи онъ не пошелъ, повидимому, дальше Анаксимена; какъ натуралистъ, онъ вступилъ на почву, которой пренебрегали первые Іонійцы, но незамѣтно, чтобы онъ перенялъ въ этой области Алкмеона и Парменида, хотя, быть можетъ, не во всемъ имъ слѣдовалъ. Въ общемъ услуги, оказан-

¹⁾ Извѣстно, что Платонъ въ «Фѣдонѣ» пытается примирить эту странную гипотезу съ ученіемъ о сферичности земли.

ныя Анаксагоромъ наукѣ, лишь второстепенныя и не соотвѣтствуютъ той значительной роли, которую онъ сыгралъ въ философіи. Вѣдь даже въ объясненіи затмений, создавшемъ его научную славу, главная мысль принадлежитъ не ему и теорія его оказалась крайне недостаточной.

II. Теорія матеріи.

4. *Различеніе матеріи и причины движенія.* Введенное Анаксагоромъ различеніе духа и матеріи вызвало метафизическую революцію—слишкомъ хорошо извѣстную, чтобы нужно было на ней останавливаться; поэтому, я буду говорить о ней только при случаѣ и лишь поскольку это необходимо для вопроса, которымъ я намѣренъ заняться особенно усердно, а именно — вопроса о теоріи матеріи у Анаксагора.

Мнѣ кажется, что теорія эта не привлекаетъ къ себѣ вниманія въ той мѣрѣ, какъ она того заслуживаетъ; правда, излагаютъ ее въ сущности довольно вѣрно благодаря значительности дошедшихъ до насъ подлинныхъ отрывковъ, но мнѣ кажется, что она до сихъ поръ не вполне понята и что никто не далъ себѣ отчета въ той важной роли, которую она сыграла въ исторіи философіи. Въ ней видятъ скорѣе странную случайность, не подготовленную логическимъ развитіемъ предшествующихъ представленій и не оказавшую замѣтнаго вліянія на построеніе послѣдующихъ системъ. Я-же хочу доказать, что эта теорія хоть и чужда привычныхъ намъ представленій, тѣмъ не менѣе соотвѣтствуетъ одной гипотезѣ—всегда возможной, — что гипотеза эта появилась въ свое время, однимъ словомъ, что она составляетъ существенный элементъ въ понятіяхъ Платона и Аристотеля, такъ что безъ нея трудно постичь наиболѣе значительныя системы древняго міра.

Прежде всего, напомнимъ обстоятельства, среди которыхъ возникло ученіе Анаксагора. Наивный монизмъ первыхъ Іонійцевъ привелъ къ гераклитизму, т. е. къ отрицанію проблемы, поставленной Анаксимандромъ: вывести эволюцію совокупности явленій изъ одной причины, признавъ за эту причину то явленіе, кото-

рое кажется самымъ общимъ, и въ то же время самымъ правильнымъ, т. е. суточное вращеніе. Но тогда какъ Гераклитъ для объясненія небесныхъ явленій возвращается къ грубымъ и устарѣвшимъ гипотезамъ, на другомъ концѣ эллинскаго міра Парменидъ объявляетъ, что общее вращеніе ничто иное, какъ иллюзія, что вселенная необходимо неподвижна; это ученіе распространяется и находитъ приверженцевъ даже на берегахъ Іоніи, такъ какъ на Самосѣ Мелиссъ усваиваетъ его и распространяетъ даже на всѣ явленія, безусловно отрицая, такимъ образомъ, самую возможность проблемы, поставленной Анаксимандромъ.

Итакъ, неужели же нужно было окончательно отвергнуть точку зрѣнія Анаксимандра и Анаксимена? Необходимо было, по крайней мѣрѣ, видоизмѣнить ее, такъ какъ въ это время появилось новое понятіе, съ которымъ каждый математикъ обязательно долженъ былъ считаться и которое окончательно устранило теорію Милетцевъ. Пространство безконечно, а такъ какъ еще не дошли до того, чтобы мыслить его безъ матеріи, такъ какъ понятіе абсолютной пустоты было еще только неяснымъ призракомъ, то слѣдовательно и вселенную должно было мыслить безконечною, несмотря на возраженія Парменида, — а это отнимало возможность представлять себѣ вселенную вращающейся вокругъ оси міра.

Чтобы возвратиться къ проблемѣ Анаксимандра нужно было начать съ признанія, что вращеніе ограничено и отличить ту часть вселенной, которая ему подвержена отъ безконечности, остающейся неподвижной. Итакъ, вращательное движеніе не присуще матеріи и съ этихъ поръ на него начинаютъ смотрѣть какъ на дѣйствиіе особой причины.

Анаксагоръ даетъ этой причинѣ названіе *νοῦς*¹⁾; въ опредѣленный моментъ она начала дѣйствовать, приведя въ сотрясеніе маленькое центральное ядро; отсюда ея дѣйствиіе распространялось съ возрастающей быстротой, организуя все большую и боль-

---

¹⁾ Изъ хода мыслей, какъ я его излагаю, естественно вытекаетъ механическій характеръ космогоніи Анаксагора, въ которомъ упрекаетъ его и Платонъ; я считаю лишнимъ останавливаться на совсѣмъ иномъ ходѣ мыслей, который привелъ Анаксагора къ приписанію двигательной силѣ разума; достаточно замѣтить, что этотъ выводъ естественно вытекаетъ изъ способа пониманія гилозоистическаго тезиса многочисленными предшественниками Анаксагора.

шую часть инертной матеріи; но такъ какъ поле дѣятельности этой силы безконечно, то она захватываетъ все большее пространство и нельзя указать предѣлъ, гдѣ она должна остановиться.

Въ этомъ представленіи понятіе безконечнаго впервые употреблено въ строго-математическомъ смыслѣ. Міръ есть нѣкоторая величина, безконечно возрастающая и могущая перейти всякій данный предѣлъ, подобно серіи чиселъ. Въ этой мысли связывается истинный математикъ, и мы вправѣ ожидать, что онъ выкажетъ себя столь же логичнымъ и далекимъ отъ ходячихъ мнѣній, когда рѣчь коснется уже не безконечно-большого, а безконечно-малаго. Перейдемъ же теперь къ этой сторонѣ вопроса о матеріи и спросимъ себя прежде всего, могъ ли Анаксагоръ остаться монистомъ и съ какими затрудненіями онъ долженъ былъ считаться, ставъ на плюралистическую точку зрѣнія.

5. *Безконечная дѣлимость матеріи и неразложимость ея на составныя части.* Разъ Анаксагоръ отличалъ отъ матеріи причину движенія и считалъ, что послѣдняя производитъ только вращеніе, которое становится, такимъ образомъ, вторичной причиной образованія міра—то трудно представить себѣ, чтобы онъ стремился сохранить единство матеріи; матерія должна была казаться ему механической смѣсью, различные элементы которой отдѣляются другъ отъ друга вслѣдствіе вращательнаго движенія. И дѣйствительно, онъ именно такъ и представляетъ себѣ образованіе міра.

Однако его космогоническія идеи совершенно аналогичны идеямъ Милетцевъ, такъ какъ и у него, и у нихъ одна общая проблема; учителя, по слѣдамъ которыхъ шелъ Анаксагоръ, хотя и признавали единство матеріи, но недостаточно разработали этотъ еще новый вопросъ и выраженія, которыми они пользовались,—въ особенности Анаксимандръ—легко могли быть истолкованы въ смыслѣ механической смѣси, на которую дѣйствуетъ общее вращеніе, а не въ смыслѣ массы, способной къ динамическимъ превращеніямъ подъ влияніемъ этого движенія. Если Анаксименъ поставилъ вопросъ на почву динамизма, то Гераклита уже можно считать первымъ вполне послѣдовательнымъ

динамистомъ, но ему слѣдовало бы понимать совсѣмъ иначе причину движенія.

Итакъ, Анаксагоръ, можетъ быть, считалъ возможнымъ возстановить традиціонное представленіе Милетцевъ, составивъ себѣ точное и научное понятіе о матеріи, но онъ долженъ былъ отвергнуть гипотезу о смѣси нѣкотораго опредѣленнаго числа элементовъ, не превращаемыхъ другъ въ друга, т. е. гипотезу Эмпедокла, ибо, вступивъ на этотъ путь, который могъ казаться наиболѣе естественнымъ, наиболѣе согласнымъ съ общепринятыми мнѣніями, онъ долженъ былъ бы совершенно порвать съ традиціей. Такимъ образомъ, ему пришлось рѣшить слѣдующую трудную задачу: образовать понятіе, которое позволило бы дѣйствительно примирить монистическій динамизмъ, принятый почти всѣми его предшественниками, съ плюралистическимъ механизмомъ, введеннымъ имъ въ космогонію.

Анаксагору была извѣстна возникшая въ Италіи дуалистическая попытка: гипотеза пустоты и монадъ первыхъ пифагорейцевъ; но эта первая грубая попытка не могла выдержать борьбы съ аргументами Зенона относительно безконечной дѣлимости; преобразовавшись, она дала начало абсолютной пустотѣ и атомамъ Левкиппа, т. е. той теоріи, которая, потерпѣвъ полную неудачу въ древности въ рукахъ наименѣе научной изъ всѣхъ шеколь, возродилась въ новое время и стала центромъ, вокругъ котораго вращаются всѣ физическія гипотезы.

Анаксагоръ отбрасываетъ понятіе пустоты и ищетъ другого пути; но онъ долженъ считаться съ затрудненіями, указанными Зенономъ. Если матерія не безусловно едина, то, дѣля ее до безконечности, мы, наконецъ, раздробимъ ее на элементы, изъ которыхъ она состоитъ; но какимъ же образомъ ихъ множественность можетъ образовать единство? Какимъ образомъ бытіе можетъ быть въ одно и то же время *ἓν καὶ πολλὰ*?

Отвѣтъ Анаксагора очень простъ—такъ долженъ былъ отвѣтить математикъ, каковымъ мы его и признали.

Да, матерія дѣлима до безконечности, но мнимое затрудненіе не существуетъ, такъ какъ смѣсь веществъ, замѣчаемая въ большихъ количествахъ матеріи, существуетъ и въ малыхъ,

какъ бы минимальны они ни были; разница между тѣми и другими лишь въ величинѣ, которая не имѣетъ ничего общаго съ составомъ; слѣдовательно, дѣленіе никогда не приведетъ къ послѣднимъ элементамъ—матерія всегда и вездѣ одина и вмѣстѣ съ тѣмъ сложна (см. отр. 15 и 16).

III. Критика теоріи матеріи Анаксагора.

6. *Ея истинность.* Мы такъ сжились съ привычными намъ понятіями атомистической гипотезы, что теорія Анаксагора въ моемъ изложеніи покажется многимъ простымъ парадоксомъ, съ которымъ не стоитъ и считаться; а между тѣмъ а priori она вполне законна и пренебреженіе, съ которымъ къ ней относятся въ настоящее время, не уменьшаетъ ея значенія.

Я вовсе не имѣю намѣренія опровергать здѣсь атомистическую гипотезу; напротивъ, я думаю, что она еще далеко не оказала наукѣ всѣхъ тѣхъ услугъ, которыя послѣдняя можетъ отъ нея ожидать. Слѣдовательно, еще не наступило время разсуждать о томъ, не пора ли отбросить эту теорію, какъ исчерпанную и неспособную давать новые выводы; но съ философской точки зрѣнія вопросъ долженъ быть поставленъ совсѣмъ иначе.

Даетъ ли атомистическая гипотеза абсолютную реальность, недоступную вещь въ себѣ? Конечно нѣтъ, и аргументы нѣкоторыхъ физиковъ или химиковъ, претендующихъ на доказательство существованія пустоты, или атомовъ, какъ научныхъ фактовъ, могутъ только вызвать улыбку. Здѣсь все дѣло сводится къ тому, чтобы достигнуть научнаго міропредставленія, которое не только удовлетворило бы нашъ умъ, но поддавалось бы логическимъ комбинаціямъ, позволяющимъ установить нѣкоторое единство между законами явленій природы.

Предположимъ, что атомистическая теорія удовлетворяетъ этимъ условіямъ, что она, напримѣръ, даетъ намъ удобное объясненіе законовъ, управляющихъ химическими соединеніями,—но эти апостериорныя подтвержденія ея не измѣняютъ дѣла; будь они даже несравненно многочисленнѣе и значительнѣе—все-таки они остались бы совершенно недостаточными до тѣхъ поръ, пока

вселенная не была бы объяснена во всей своей совокупности, другими словами — всегда. Вопросъ въ томъ, является ли атомистическая гипотеза единственной возможной, единственной, которая можетъ быть допущена въ исполняемой ею въ наукѣ роли?

Я утверждаю, что тезисъ Анаксагора можетъ привести къ міропредставленію, которое въ способности подчиняться логическимъ комбинаціямъ нисколько не уступаетъ господствующей теперь теоріи.

Нечего отанавливаться на кажущемся парадоксѣ, заключающемся въ теоріи Анаксагора; онъ ничто иное, какъ строгое приложеніе истины, на которой основана вся математика: „причины конечнаго уходятъ въ безконечность“, выражаясь словами Паскаля. Препятствія могутъ встрѣтиться только со стороны воображенія, но воображенію тутъ не мѣсто.

7. *Современная Кантовская форма теоріи матеріи Анаксагора.* Сдѣлаемъ выводы изъ положенія Анаксагора и посмотримъ, къ чему они насъ приведутъ; затѣмъ изслѣдуемъ, пришель-ли Анаксагоръ къ тѣмъ-же выводамъ, или-же онъ пошелъ особымъ путемъ.

То, что мы называемъ элементами тѣлъ, можетъ быть различаемо лишь по качеству, а подъ качествами мы разумѣемъ опредѣленные условія явленій, доступныхъ нашимъ ощущеніямъ. Итакъ, говоря, что дѣленіе тѣлъ никогда не приведетъ къ обособленію элементовъ, мы можемъ понимать это только такимъ образомъ: въ каждой частицѣ, какъ бы мала она ни была, окажутся тѣ же качества, что и въ цѣломъ, т. е. тѣ-же условія, способныя произвести тѣ-же чувственныя явленія.

Никакихъ трудностей въ этомъ представленіи нѣтъ, если допустить съ одной стороны, что степень качествъ, ихъ интенсивность, можетъ сильно измѣняться, а съ другой, что нѣкоторыя явленія могутъ быть недоступны воспріятію, — что естественно происходитъ, когда количество матеріи слишкомъ ничтожно, или-же степень качества недостаточно высока.

Отсюда мы видимъ, что для объясненія того или другого класса явленій, мы должны разсматривать не тѣ недоступныя

намъ элементы, которые совершенно напрасно привлекали къ себѣ наше вниманіе,—а различныя качества; послѣднія же, понимаемая научно, представляются намъ, сообразно явленіямъ, которыми они соотвѣтствуютъ, строго опредѣленными для каждаго тѣла въ природѣ и для каждой его части, но разными у разныхъ тѣлъ и у разныхъ частей тѣла—по крайней мѣрѣ настолько, что качества эти въ каждой данной точкѣ матеріи имѣютъ точную степень, представляющую предѣлъ, къ которому стремилось бы качество молекулы, облекающей эту точку, при безконечномъ уменьшеніи ея размѣровъ.

Итакъ, каждая частичка матеріи будетъ обладать извѣстнымъ коэффициентомъ каждаго качества (плотности, температуры, электричества и т. д.); число этихъ качествъ, которыя ничто иное какъ чистѣйшія абстракціи, можетъ быть безконечнымъ; но понятно, что по законамъ природы—уже признаннымъ или такимъ, которые еще будутъ признаны—знаніе одного качества можетъ быть связано съ знаніемъ другихъ, такъ что для научныхъ цѣлей достаточно будетъ выбрать нѣкоторое число качествъ, которыя можно считать первичными, всѣ же остальные разсматривать, какъ связанныя съ ними.

Отъ сложенія одного и того же качества въ различныхъ пунктахъ тѣла (по правиламъ интегральныхъ вычисленій) будетъ зависѣть качество всего тѣла, т. е. то дѣйствіе, которое данное явленіе окажетъ на наши чувства.

Ясно, что подобная теорія матеріи превосходно поддается всѣмъ математическимъ вычисленіямъ, всѣмъ логическимъ комбинаціямъ, необходимымъ для объясненія явленій. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать, ибо я не намѣренъ вдаваться въ разсмотрѣніе неудобствъ или недостатковъ этой теоріи, а также и ея преимуществъ; достаточно того, что она возможна.

Если я прибавлю, что изложенная мною теорія въ сущности ничѣмъ не отличается отъ теоріи Канта, то мнѣ незачѣмъ будетъ прибѣгать къ новымъ аргументамъ; мнѣ остается только разсмотрѣть, въ какой степени она отличается отъ той теоріи, которой придерживался Анаксагоръ.

8. *Сравненіе теоріи матеріи Канта съ теоріей матеріи Анаксагора.* Конечно, мы не въ правѣ ожидать отъ Анаксагора ясности понятій Кенигсбергскаго философа; мы можемъ допустить, что нѣкоторыя несогласія его ученія съ теоріей Канта, вполне объяснимыя состояніемъ науки въ его эпоху, не сдѣлаютъ обѣ теоріи совершенно несходными. Въ особенности не должны мы требовать отъ Анаксагора знанія всѣхъ слѣдствій математическаго приложенія его принциповъ; тогда еще никто не имѣлъ понятія о тѣхъ правилахъ, которыми надо руководиться въ данномъ случаѣ, подобно тому какъ никто не подозрѣвалъ при изобрѣтеніи Левишпомъ атомовъ того, какъ должна быть трактована ихъ механика.

Если же мы сдѣлаемъ эти уступки и затѣмъ тщательно изучимъ тексты Анаксагора, то увидимъ къ своему удивленію, насколько близко онъ держался изложеннаго нами хода мыслей.

Прежде всего нужно рѣшить слѣдующій вопросъ: какъ понималъ Анаксагоръ элементы? считалъ ли онъ ихъ составными частями смѣси, или же качествами, присущими матеріи, но мѣняющимися по степени въ отдѣльныхъ тѣлахъ?

Если судить по тому, какъ обыкновенно излагаютъ систему Анаксагора въ зависимости отъ термина „гомемеріи“, изобрѣтеннаго Аристотелемъ, и тѣхъ объясненій, которыми онъ сопровождаетъ этотъ терминъ — то вопросъ, повидимому, рѣшается сразу въ пользу перваго предположенія; но, разсмотрѣвъ отрывки, мы не увидимъ въ нихъ ничего подобнаго: Анаксагоръ говоритъ только о качествахъ, влажномъ, сухомъ, тепломъ, холодномъ, свѣтломъ, темномъ, плотномъ, тонкомъ; онъ прямо объявляетъ (отр. 8), что путемъ концентраціи этихъ качествъ образуется съ одной стороны земля, а съ другой — эфиръ.

Правда, онъ прибавляетъ къ числу всѣхъ смѣшанныхъ вещей (*σύνμιξις πάντων χρημάτων*) смѣна (*στέρματα*), въ безконечномъ числѣ, изъ которыхъ ни одно не похоже на другое (отр. 4). Ясно, что смѣна эти нужны были ему для образованія вещей, въ цѣломъ которыхъ преобладаетъ определенное качество — отсюда то, вѣроятно, Аристотель и взялъ свои объясненія; сверхъ того, онъ, можетъ быть, заимствовалъ у самаго Анаксагора нѣ-

сколько примѣровъ, которые послѣдній приводитъ для того, чтобы пояснить въ общемъ свою мысль, въ точности имъ не опредѣленную.

Но если Анаксагоръ настаиваетъ на томъ, что ни одно изъ этихъ сѣмянъ не похоже на другое, мы не можемъ принять безъ оговорокъ грубыхъ образовъ Аристотеля (мясо, кости, и т. п.), въ особенности такъ какъ послѣдній сознается, что онъ самъ ихъ выбралъ. Къ чему же это различіе между сѣменами? Дѣло въ томъ, что сѣмена, какъ и тѣла природы, представляютъ всевозможныя качественныя видоизмѣненія. Но можно ли назвать ихъ элементами? нѣтъ, они разложимы въ томъ же смыслѣ, какъ и всѣ тѣла и подобно имъ представляютъ въ различныхъ степеняхъ то же соединеніе холоднаго и теплаго, влажнаго и сухого, свѣтлаго и темнаго, плотнаго и тонкаго. Впрочемъ, Анаксагоръ не захотѣлъ опредѣлить точно число признаваемыхъ имъ элементарныхъ качествъ; онъ оставилъ его неопредѣленнымъ, каково оно и есть на самомъ дѣлѣ.

Особенно настаиваетъ Анаксагоръ на томъ, что въ его первоначальной смѣси эти качества столь тѣсно соединены даже въ мельчайшихъ частичкахъ матеріи, что даютъ уже тѣ же сочетанія, какія мы находимъ въ тѣлахъ природы.

Вслѣдствіе движенія, сообщеннаго *Нобс*, *сѣмена* или *зародыши* перемѣщаются и соединяются съ себѣ подобными, такъ что міръ организуется. Итакъ, Анаксагоръ придерживается грубаго и недопустимаго механическаго объясненія, но онъ настаиваетъ на томъ, что полное исключеніе какаго бы то ни было качества не можетъ произойти ни въ одномъ мѣстѣ вселенной. Огонь—самое блестящее, самое теплое, сухое и тонкое вещество, тѣмъ не менѣе, онъ всегда содержитъ въ себѣ темное, холодное, влажное, тяжелое; итакъ, въ немъ есть все нужное для образованія мяса и костей; но говорить вмѣстѣ съ Аристотелемъ, что огонь состоитъ изъ гомемерій, подобныхъ гомемеріямъ мяса и костей—значитъ совершенно исказать мысль Анаксагора.

Какіе же недостатки находимъ мы въ теоріи Анаксагора? Сравнимъ ее съ теоріей Канта.

Прежде всего, мы уже не можем допустить Анаксагоровских противоположностей холоднаго и теплаго, и т. п. „которыхъ нигдѣ въ мірѣ не раздѣлить топоромъ.“ Для насъ — теплое и холодное ничто иное какъ двѣ степени интенсивности одного и того же качества. Но вспомнивъ о недавнемъ злоупотребленіи жидкостями, тоже именованными противоположными, мы должны быть снисходительны къ Анаксагору; вромѣ того, онъ не самъ изобрѣлъ эти противоположности, — онъ нашелъ ихъ въ общепринятыхъ взглядахъ, видѣлъ ихъ систематическое приложеніе у пифагорейцевъ и въ свою очередь воспользовался ими; разъ весь древній міръ не сумѣлъ отъ нихъ избавиться, то и Анаксагора нельзя серьезно порицать за это.

Во-вторыхъ, Анаксагоръ думаетъ, что качества могутъ измѣняться не иначе, какъ путемъ механическаго перемѣщенія частицъ матеріи, къ которымъ онъ ихъ прикрѣпилъ. Это указываетъ на полное незнаніе имъ физики и химіи; у него нѣтъ даже точнаго понятія о качествахъ и онъ не различаетъ вполне ясно качества отъ субстанціи. Но, по крайней мѣрѣ, онъ сдѣлалъ первый шагъ, необходимый для абстракціи; второй будетъ уже не такъ труденъ; лишь только примутся за изученіе явленій, естественно оставятъ въ сторонѣ механическія перемѣщенія, которыя не поддаются теоретическимъ соображеніямъ, и обратятся къ видоизмѣненіямъ въ степени интенсивности качества, т. е. станутъ на динамическую точку зрѣнія.

Итакъ, если между теоріями Канта и Анаксагора существуетъ большая разница, — тѣмъ не менѣе теорія Анаксагора настолько развита и удовлетворительна, насколько можно было этого ожидать отъ столь отдаленной эпохи, когда наука о природѣ была еще такъ несовершенна.

9. *Новое объясненіе нѣкоторыхъ отрывковъ.* Отрывки Анаксагора, подлинность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, въ общемъ достаточно ясны, такъ что я считаю лишнимъ подробно анализировать ихъ, чтобы оправдать только что сдѣланное мною изложеніе теоріи этого философа. Я ограничусь нѣсколькими замѣчаніями относительно нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя, по моему мнѣнію, понимались до сихъ поръ неправильно и

точный смысл когорыхъ можетъ быть кое-гдѣ восстановленъ посредствомъ моего изложенія теоріи Анаксагора.

Целлеръ (II, стр. 411) допускаетъ, что первымъ результатомъ движенія было раздѣленіе субстанцій на двѣ большія, противоположныя другъ другу массы, которыя Анаксагоръ называлъ эфиромъ и воздухомъ; подъ эфиромъ онъ яко-бы понималъ теплое, свѣтлое и тонкое, подъ воздухомъ—холодное, темное и тяжелое.

Отрывокъ 1, съ котораго, по всей вѣроятности, начинался трудъ Анаксагора, ясно доказываетъ, что философъ, напротивъ, видѣлъ въ воздухѣ и эфирѣ формы первичнаго хаоса до воздѣйствія на него Νοῦς. Говоря объ этомъ, Анаксагоръ исправляетъ то, что было сказано имъ въ началѣ отрывка и могло бы быть истолковано въ томъ смыслѣ, будто въ общей смѣси не было ни одного изъ опредѣленныхъ качествъ вещей; какъ всякая смѣсь вообще и хаосъ необходимо долженъ явиться подъ видомъ преобладающаго качества. На основаніи настоящаго состоянія міра Анаксагоръ думаетъ (слѣдуя, впрочемъ, въ данномъ отношеніи взгляду Анаксимена), что преобладаніе принадлежитъ воздуху; но онъ считаетъ нужнымъ отличать свѣтлый воздухъ (эфиръ) отъ темнаго (который онъ называетъ собственно воздухомъ). По его мнѣнію, эти формы наполняютъ небесныя пространства; ихъ количественное преобладаніе (πλῆθει) должно быть объяснено изъ состоянія первоначальной смѣси, а потому Анаксагоръ считаетъ, что въ этой смѣси молекулы, имѣющія форму воздуха, наиболѣе многочисленны и въ силу этого опредѣляютъ видъ хаоса. Другими словами, слово πλῆθει должно быть понято просто въ смыслѣ количества, какъ и въ отрывкѣ 2; вообще, языкъ Анаксагора далеко не обладаетъ той точностью, которая была бы желательна.

Текстъ отрывка 2, въ которомъ воздухъ и эфиръ представлены отдѣляющимися изъ окружающей среды, нисколько не противорѣчитъ предыдущему, ибо этотъ текстъ говоритъ о томъ, что мы видимъ теперь, а не о причинѣ, вызвавшей это явленіе.

Отрывокъ 15 ясно намекаетъ на полемику Зенона противъ множественности, если даже не согласиться съ чтеніемъ Целлера:

τὸ γὰρ ἕὸν οὐκ ἔστι τομῆ (вмѣсто τὸ μὴ, какъ стоить въ рукописяхъ) οὐκ εἶναι. Но я не могу согласиться съ его объясненіемъ (II, стр. 399, пр. 3) другого мѣста въ этомъ отрывкѣ: καὶ ἴσον ἐστί (τὸ μέγαλον) τῷ μικρῷ πλῆθος, а именно: большая величина имѣетъ столько же степеней, какъ и малая (бу-квально: великое равно малому по множественности).

Смыслъ этого мѣста тотъ же, что и смыслъ аналогичныхъ мѣстъ отр. 16. Вотъ какъ слѣдуетъ понимать ихъ по моему мнѣнію.

Анаксагоръ утверждаетъ противъ Зенона сосуществованіе множественности въ единствѣ; но подъ множественностью онъ подразумѣваетъ постоянное смѣшеніе субстанцій какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ массахъ—такъ что эти субстанціи никогда не могутъ быть разъединены путемъ дѣленія. Впрочемъ, я не точно употребляю здѣсь терминъ „субстанція“, такъ какъ въ сущности Анаксагоръ говоритъ о качествахъ, хотя понятіе ихъ у него еще смутно и неопредѣленно. Изъ отрывка 13 ясно видно, что, признавая единство вселенной, клазоменскій философъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на „множественности“ теплаго и холоднаго и т. д.; эта то множественность и не можетъ быть разложена посредствомъ механическаго дѣленія на отдѣльныя единицы, хотя различіе дѣйствительно существуетъ для нашихъ чувствъ, или, по крайней мѣрѣ, для разума.

Итакъ, Анаксагоръ утверждаетъ, что всѣ качества и теперь смѣшаны, какъ въ началѣ, хотя и произошло уменьшеніе однихъ въ одномъ мѣстѣ, увеличеніе другихъ въ другомъ. Множественность смѣшанныхъ субстанцій (качествъ) постоянно одна и та же во всѣхъ тѣлахъ, какъ бы велики или малы они ни были (отр. 16). Въ этихъ словахъ мы узнаемъ тезисъ Анаксагора въ изложенной нами выше формѣ. Отсюда же видно, какимъ образомъ вопросъ о множественности въ единствѣ былъ перенесенъ съ той почвы, на которую поставилъ его Зенонъ, и почему софисты, Платонъ и Аристотель разсуждали о немъ въ смыслѣ множественности атрибутовъ.

IV. Историческое вліяніе теоріи Анаксагора.

10. *Ея отношеніе къ теоріи идей.* Я считаю лишнимъ останавливаться долше на теоріи Анаксагора и подробнѣе выяснять, насколько она удовлетворяла условіямъ поставленной ему проблемы, какъ гармонично примиряла она монистическія вѣрованія Іонійцевъ и плюрализмъ пифагорейскихъ противоположностей; важнѣйшій изъ ея недостатковъ, особенно для той эпохи, когда она появилась, заключается въ томъ, что она требуетъ развитаго ума, который понялъ бы ее во всей ея геометрической строгости и логической необходимости. Если она не давала пищи аргументамъ новаго Зенона, то все же ей грозила опасность быть непонятою, что дѣйствительно и случилось. Теперь намъ вужно разсмотрѣть, не оказала ли она до своего окончательнаго исчезновенія значительнаго и рѣшающаго вліянія на послѣдующія теоріи.

Итакъ, обратимся снова къ теоріи Анаксагора и постараемся отвѣтить по ней на вопросы, которые были поставлены слѣдующимъ поколѣніямъ.

Почему о данной вещи говорится, что она такова, какова есть? Потому что она *причастна* данному роду; она называется теплою потому, что причастна теплomu и т. п.; но: теплое только присутствуетъ въ этой вещи, а не составляетъ всю ее.

Напротивъ, та же вещь причастна и холодному; итакъ, она или тепла или холодна въ зависимости отъ того, съ чѣмъ ее сравниваютъ; абсолютно холодное и абсолютно теплое не существуютъ въ природѣ, но всѣ тѣла природы причастны этимъ двумъ родамъ.

Болѣе того, тѣла образуются и разрушаются, существа рождаются и умираютъ, а холодное и теплое не подвержены биванію; эти роды существуютъ вѣчно, безъ измѣненія.

Въ отрывкахъ сочиненія Анаксагора мы не находимъ всѣхъ этихъ формулъ и мы не имѣемъ права приписывать ихъ ему—но это только потому, что ему не нужно было отвѣчать на эти вопросы, въ противномъ случаѣ, онъ отвѣтилъ бы именно такъ: это ясно

для каждаго непредубѣжденнаго ума. Когда вопросы эти были подняты, то въ сочиненіяхъ Анаксагора нашли намеки на это ученіе.

Кому же принадлежать вышеприведенныя формулы? Нужно ли говорить, что я заимствую ихъ у Платона и что я могъ бы привести еще большее число сходныхъ чертъ между нимъ и Анаксагоромъ?

Несомнѣнно, въ платонизмъ есть и нѣчто совсѣмъ иное; роды Анаксагора — физическія качества, а εἶδη Платона могутъ быть чисто отвлеченными, или же соотвѣтствовать моральнымъ качествамъ; первыя явно имманентны матеріи, тогда какъ вторыя могутъ быть признаны трансцендентными (χωριστά).

Пусть теорія идей безусловно оригинальна; но есть ли среди предшествующихъ ей теорій хоть одна, которая имѣла бы съ ней больше общаго, чѣмъ теорія Анаксагора? По истинѣ странно, что Аристотель, желая объяснить намъ развитіе мыслей Платона, указываетъ на пифагорейскія формулы о числахъ, какъ сущностяхъ вещей, и что мы повторяемъ это объясненіе, еще болѣе темное, чѣмъ объясняемая теорія. Напротивъ, теорія Анаксагора, хорошо продуманная умомъ философскимъ, т. е. способнымъ на абстракціи и обобщенія, умомъ, который стоитъ лицомъ къ лицу съ проблемами эпохи софистовъ — естественно ведетъ къ установленію теоріи идей Платона. Подобная эволюція была тѣмъ болѣе естественна, что Анаксагоръ не ограничилъ, какъ пифагорейцы, числа родовъ, которые онъ считалъ соотвѣтствующими явленіямъ. Платонъ же распространилъ объясненіе Анаксагора на всю область мыслимаго, вмѣсто того, чтобы ограничиться чувственными явленіями.

А потому мнѣ кажется, что я не слишкомъ увлекся, утверждая, что теорія матеріи Анаксагора существенный факторъ въ понятіяхъ Платона и что необходимо считаться съ нею для всесторонняго пониманія послѣднихъ.

11. *Матерія по Платону.* Считаю лишнимъ останавливаться долѣе на родствѣ теоріи идей Платона съ теоріей Анаксагора, такъ какъ надѣюсь, что данныя мною указанія удовлетворятъ читателя. Впрочемъ, я не долженъ скрывать, что Платонъ, извлекая изъ теоріи Анаксагора все, что она могла ему дать, шелъ совершенно особыми путями при выработкѣ соб-

свѣнной теоріи матеріи — что доказываетъ полную оригинальность Платона.

Ученіе Клазоменскаго философа скоро устарѣло; Платонъ, со своей стороны, несомнѣнно подпалъ влиянію пиеагорейцевъ, но скорѣе въ своихъ частныхъ теоріяхъ, чѣмъ въ общемъ ученіи; его *Тимей* представляетъ собой любопытную попытку примиренія между отрицаніемъ пустоты и гипотезой атомовъ.

Онъ считаетъ сложными матеріальные элементы, приведенные къ опредѣленному числу Эмпедокломъ; по странному остатку первоначальнаго пиеагорейскаго дуализма онъ допускаетъ взаимное превращеніе трехъ изъ этихъ элементовъ; земля же, элементъ твердый по преимуществу, не подвержена превращеніямъ: поэтому, для образованія четырехъ элементовъ онъ беретъ *два* сорта трехугольниковъ, являющихся, въ сущности, настоящими атомами.

Но вмѣсто того, чтобы представлять себѣ атомы въ формѣ отдѣльныхъ маленькихъ массъ круглой формы, Платонъ считаетъ, что величина третьяго измѣренія у атомовъ ничтожна въ сравненіи съ величиной двухъ другихъ, такъ что ихъ можно уподобить плоскостямъ, имѣющимъ различныя геометрическія формы, и можно представить себѣ, что онѣ наполняютъ все пространство. Ученикъ Платона, Ксенократъ, преобразовалъ это представленіе, поставивъ на мѣсто плоскихъ атомовъ своего учителя атомы — линіи; но во всякомъ случаѣ ясно, что недѣлимость этихъ линій или поверхностей должна быть понимаема съ физической, а не съ геометрической точки зрѣнія. Съ другой стороны, эти „недѣлимыя“ могутъ наполнять пространство лишь въ томъ случаѣ, если ихъ размѣры могутъ быть меньше всякой данной величины.

Еслибы *Тимей* былъ потерянъ, то мы составили-бы себѣ о немъ очень странное представленіе по полемикѣ Аристотеля. А между тѣмъ Аристотель — ученикъ Платона и если во многихъ пунктахъ онъ отклоняется отъ ученія этого философа, то все-же онъ усвоилъ и передалъ намъ не одну мысль своего учителя.

Мы хотимъ сказать этимъ, что нельзя ожидать, чтобы Аристотель объяснял Анаксагора лучше, чѣмъ Платона, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда стагирскій философъ дѣлалъ у Анаксагора прямыя заимствованія. Мы уже видѣли, до какой степени

онъ искажилъ теорію матеріи Анаксагора, а между тѣмъ въ его собственной теоріи можно найти слабыя отголоски непонятаго имъ ученія. Впрочемъ, слѣды послѣдней встрѣчаются у него на ряду съ двумя другими важными и характерными элементами: это съ одной стороны—опредѣленія Эмпедокла, а съ другой — чисто платоновскія понятія; но кромѣ того, компромиссъ между этими тремя факторами носить на себѣ печать учителя Аристотеля и хотя послѣдній внесъ въ ея изложеніе всю свою обычную точность—тѣмъ не менѣе эта комбинація, вѣроятно, одна изъ тѣхъ, въ которыхъ онъ повторялъ, главнымъ образомъ, слова Платона.

Четыре элемента Эмпедокла вѣчны и неизмѣнны; элементы Аристотеля, напротивъ, переходятъ другъ въ друга. Слѣдовательно, они не „начала“; началами стагирскій философъ считаетъ три вполне абстрактныхъ понятія: матерію, родъ (или форму) и „лишеніе“ (безформенность).

За этими отвлеченными понятіями скрывается догматъ единства матеріи: но они совершенно расходятся съ принципомъ Анаксагора, такъ какъ послѣдній не допускаетъ возможности „лишенія“, въ чемъ онъ впрочемъ совершенно правъ съ теоретической точки зрѣнія. Но если мы спросимъ себя, какіе *роды* у Аристотеля своимъ присутствіемъ, или отсутствіемъ, образуютъ различныя элементарныя формы, мы найдемъ тѣ-же пары качествъ, которыя играли главную роль у Клавоменскаго философа: теплое и холодное, сухое и влажное.

Такъ: огонь тепелъ и сухъ, воздухъ тепелъ и влаженъ, вода холодна и влажна, земля холодна и суха; переходъ элементовъ другъ въ друга происходитъ посредствомъ обмѣна этихъ качествъ, но послѣднія—чистыя отвлеченія; кромѣ того, у Аристотеля не указанъ ни одинъ изъ законовъ этихъ превращеній.

12. Извѣстенъ продолжительный успѣхъ этой теоріи, составленной изъ разрозненныхъ элементовъ; достаточно будетъ замѣтить, что съ научной точки зрѣнія она стоитъ гораздо ниже теоріи Анаксагора. Можно только пожалѣть, что древняя наука не занялась провѣркой гипотезы Анаксагора, вмѣсто того, чтобы

ограничиться узкими рамками симметрическаго построения Аристотеля.

Теорія Аристотеля не даетъ мѣста ни одной математической комбинаціи; полная бесплодность ея въ этомъ отношеніи къ несчастью слишкомъ доказана опытомъ, чтобы нужно было настаивать на этомъ пунктѣ.

Напротивъ, постоянное соединеніе противоположныхъ качествъ, какъ его признавалъ Анаксагоръ, удовлетворяетъ научнымъ условіямъ; ибо слѣдствіемъ его является то, что нужно принимать въ расчетъ исключительно составную силу двухъ противоположныхъ стремленій — а отсюда уже недалеко и до точки отправления современной науки при объясненіи явленій.

Полное раздѣленіе противоположныхъ качествъ и ихъ произвольное соединеніе можно считать возвратомъ къ первымъ ошибочнымъ опытамъ пифагорейцевъ, пополненнымъ еще новыми заблужденіями, — освященіемъ тѣхъ туманныхъ и обманчивыхъ приемовъ объясненія, которые были въ ходу у врачей того времени; съ нихъ-то и началось злоупотребленіе элементарными качествами, которыми еще долго пользовались, прикрываясь авторитетомъ Аристотеля. Съ теоріей послѣдняго эти элементарныя качества превращаются въ чистыя разсудочныя сущности, которымъ приписываютъ самыя разнообразныя свойства и самыя фантастическія дѣйствія. Число возможныхъ логическихъ комбинацій сводится къ минимуму, а такъ какъ они должны объяснить удовлетворительно безконечное разнообразіе явленій, то приходится прибѣгать къ страннымъ ухищреніямъ, все болѣе и болѣе удаляясь отъ наблюденія и опыта.

Вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ этому странному компромиссу между существенно различными представленіями, конечно лучше было-бы неуклонно придерживаться открытаго плюрализма, который высказываетъ Эмпедоклъ и не искать въ произвольныхъ сочетаніяхъ элементарныхъ качествъ апріорнаго доказательства того, что должно быть только четыре элемента и не можетъ быть больше. Какъ-бы грубо ни было представленіе Эмпедокла, но въ немъ можно было найти точку отправления для изученія химическихъ соединеній; элементы Аристотеля, съ ихъ неизмѣнными въ себѣ качествами,

уже не подлежат опыту; они — простые фикции, призракъ которыхъ будетъ господствовать втеченіе вѣковъ надъ умами піонеровъ науки.

Когда-же наука избавилась отъ нихъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній, единственной точкой опоры явилась для нея древняя доктрина Левкиппа; гениальная-же теорія Анаксагора была забыта и идеи его обречены на ожиданіе того, когда попытаются подвергнуть и ихъ провѣркѣ съ точки зрѣнія нашихъ теорій.

Г Л А В А XIII.

Эмпедокль Агригентскій.

1. *Любовь и ненависть Эмпедокла — протяженные элементы.* Анаксагоръ первый отличилъ подъ именемъ $\psi\omicron\varsigma$ (ума) двигательную силу матеріи. Однако, его языкъ показываетъ, что ему не удалось вполне отдѣлить абстрактное понятіе, которое онъ пытался образовать, отъ конкретныхъ элементовъ. Дѣйствительно, Анаксагоръ говоритъ о $\psi\omicron\varsigma$ 'ѣ, какъ о протяженной субстанціи, тончайшей жидкости, приводящей въ движеніе матерію, но не занимающей при этомъ всего пространства и даже не воздѣйствующей непосредственно на каждую частицу матеріи. Ходячее мнѣніе приписываетъ Эмпедоклу завершеніе ученія Анаксагора: обыкновенно противопоставляютъ четыремъ матеріальнымъ элементамъ, которые допускалъ Эмпедокль, двѣ силы, олицетворенныя имъ подъ именами Любви и Ненависти, причемъ приписываютъ этимъ силамъ вполне отвлеченный характеръ. Нужно сознаться, впрочемъ, что это пониманіе соотвѣтствуетъ толкованію всѣхъ древнихъ писателей, начиная съ Аристотеля, хотя послѣдній и замѣчаетъ (Метаф. XII, 10), что Эмпедокль считаетъ любовь матеріею, поскольку она — часть смѣси, но во всякомъ случаѣ мнимый отвлеченный характеръ находится въ прямомъ противорѣчій съ вполне яснымъ текстомъ стиховъ 75—81, сохранившихся у Симплиція.

Целлеръ (II, стр. 217) вѣрно замѣчаетъ по этому поводу, что Эмпедоклъ смотрѣлъ на эти двѣ силы, какъ на тѣлесныя сущности, смѣшанныя съ вещами, но онъ считаетъ достаточнымъ прибавить, что понятіе силы было еще такъ неясно у Эмпедокла, что онъ не вполне отличалъ силу отъ матеріальныхъ элементовъ. И Целлеръ ставитъ Эмпедокла въ этомъ отношеніи на одну доску съ Анаксагоромъ.

Но одной этой прибавки, очевидно, мало для того, чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ системѣ Эмпедокла. Кромѣ того. раздвоеніе имъ двигательной силы требуетъ обстоятельнаго изслѣдованія, въ которомъ ученіе Анаксагора не нуждается. Цѣль этого изслѣдованія не въ томъ, чтобы показать, что Эмпедоклъ смѣшивалъ понятія, которыя мы тщательно различаемъ, а въ томъ, чтобы найти, по возможности, его дѣйствительныя понятія. Во всякомъ случаѣ мы можемъ высказать противное мнѣніе только послѣ всесторонняго обсужденія вопроса, при которомъ мы постоянно должны имѣть въ виду, что для древнихъ могло быть яснымъ то, что смутно въ нашихъ глазахъ.

Шесть субстанцій Эмпедокла (со включеніемъ Любви и Ненависти) равны между собою (*ταῦτα γὰρ τε πάντα*, ст. 86). Аристотель („*De gen. et corr.*, II, 6) задаетъ себѣ вопросъ, нужно ли понимать это равенство въ отношеніи объема (*κατὰ τὸ ποσόν*) или вѣса ¹⁾. Дѣйствительно онъ могъ найти въ стихахъ 78—79 двойное опредѣленіе природы равенства, такъ какъ эпитетъ *Νεῖκος* (*ἀτάλαντον*) означаетъ въ прямомъ смыслѣ равновѣсіе, между тѣмъ какъ равенство *Φιλότης* отнесено прямо въ размѣрамъ.

Послѣднее опредѣленіе имѣетъ очевидно болѣе точный смыслъ, и я не сомнѣваюсь въ томъ, что именно оно выражаетъ настоящую мысль Эмпедокла, эпитетъ же *Νεῖκος* — простая метафора. Во всякомъ случаѣ она показываетъ, что Эмпедоклъ считалъ Любовь, а слѣдовательно и Ненависть элементами протяженными,

¹⁾ Онъ отвергаетъ гипотезу, по которой дѣйствія просто аналогичныя считаются эквивалентными. Целлеръ, (II, стр. 200), считая, что равенство должно быть понимаемо относительно массы, вводитъ чисто современное понятіе, вполне чуждое эпохѣ Эмпедокла.

а потому они могут быть уподоблены, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи, четыремъ классическимъ матеріальнымъ элементамъ.

Ясно, что это нисколько не противорѣчитъ слѣдующему стиху (80), которому обыкновенно приписываютъ идеалистическій смыслъ, такъ какъ Эмпедоклъ заявляетъ въ немъ, что Любовь видѣть глазами нельзя, но можно созерцать лишь умомъ. Достаточно обратить вниманіе на то, что Любовь, по ученію Эмпедокла, заполняетъ невидимыя поры, играющія такую большую роль при объясненіи имъ отдѣльныхъ явленій. Это — „поры, наполненныя Кипридою“ (ст. 167), въ лонѣ которой сближаются земля и огонь, вода и эфиръ.

Этими же порами объясняется то, что Эмпедоклъ утверждаетъ равенство элементовъ по объему, несмотря на громадный перевѣсъ видимаго объема воздуха и огня. Онъ могъ считать поры болѣе тонкихъ элементовъ гораздо болѣе значительными, чѣмъ поры земли или воды.

2. *Происхожденіе этихъ понятій.* Такимъ образомъ Любовь и Ненависть у Эмпедокла вовсе не отвлеченныя силы. Онѣ — просто стихіи, одаренныя специальными свойствами, могущія взаимно перемѣщаться, въ лоно которыхъ погружены тѣлесныя вещи. Но Любовь и Ненависть Эмпедокла такъ же матеріальны, какъ невѣсомый эфиръ современныхъ физиковъ, съ которыми онѣ имѣютъ много общаго. Не должны вводить въ заблужденіе и поэтическія названія, выбранныя Эмпедокломъ для обозначенія этихъ стихій. Сыну Метона трудно было найти лучшія выраженія для изложенія въ стихахъ столь новыхъ понятій. Но у Эмпедокла нѣтъ настоящихъ мифологическихъ олицетвореній, даже когда онъ называетъ четыре тѣлесныхъ элемента Зевсомъ, Герой, Айдономъ и Нестисъ. Его олицетворенія — поэтический приѣмъ, столь же чуждый народнымъ вѣрованіямъ, какъ и аллегорическія толкованія школы Анаксагора.

Что касается происхожденія понятій Эмпедокла, то теперь оно можетъ быть уже легко объяснено: Эмпедоклъ не сдѣлалъ ни шагу впередъ по пути, открытому Анаксагоромъ; онъ вовсе не раздваивалъ, въ силу какихъ то таинственныхъ соображеній,

творца міра воіс; исходный пунктъ его ученія — пифагорейское противоположеніе между твердой (плотной) единицею и пустою, которую пифагорейцы представляли себѣ такъ же, какъ матеріальное начало. Впослѣдствіи мы увидимъ яснѣе аналогію между этимъ представленіемъ и воздѣйствіемъ на шаръ Ненависти, теперь же удовольствуемся этимъ указаніемъ.

Эмпедоклъ не нашелъ возможнымъ объяснить изъ одного тѣлеснаго элемента все безконечное разнообразіе явленій, какъ пытались сдѣлать это древніе фізіологи. Но, вмѣсто того, чтобы выводить безконечное разнообразіе явленій изъ безконечнаго числа началъ, онъ удовольствовался выборомъ четырехъ несводимыхъ другъ къ другу типичныхъ формъ — и въ этомъ его большая оригинальность. Если онъ раздѣлил, такимъ образомъ, на четыре части пифагорейскую единицу, то было вполне естественно съ его стороны подраздѣлить и проникающую ее силу. И здѣсь явились сами собою двѣ формулы — притяженіе и отталкиваніе, между тѣмъ какъ установленіе четырехъ элементовъ имѣло свое начало, какъ въ наблюденіяхъ надъ явленіями, такъ и въ предшествовавшихъ попыткахъ іонійскихъ фізіологовъ.

3. *Вопросъ о взаимной несводимости Эмпедокловыхъ элементовъ.* Дѣйствительно-ли элементы Эмпедокла несводимы другъ къ другу? Всѣ свидѣтельства древнихъ единодушны въ этомъ отношеніи, но противорѣчатъ стихамъ 88 — 89.

Штейнъ, подмѣтивъ представляемое этимъ мѣстомъ затрудненіе, утверждаетъ, что эти два стиха нужно отдѣлять отъ предыдущихъ и относить исключительно къ Любви и Ненависти. По его предположенію эти двѣ стиха могутъ переходить другъ въ друга, а несводимы только тѣлесные элементы. Но внимательное разсмотрѣніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ Эмпедоклъ изображаетъ переходъ отъ господства любви къ преобладанію ненависти и наоборотъ — вовсе не обнаруживаетъ превращенія одного изъ началъ въ другое; все объясняется однимъ перемѣщеніемъ въ пространствѣ.

Замѣтимъ, что Карстенъ помѣстилъ 89-ый стихъ не тамъ, гдѣ мы его находимъ у Симплиція. Карстенъ взялъ его изъ другой цитаты (ст. 120 — 126), гдѣ ему предшествуютъ тѣ-же стихи, а слѣдуютъ за нимъ другіе, которые могутъ относиться только къ

элементамъ. Во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ Эмпедокль представляетъ чувственные элементы несводимыми и въ крайнемъ случаѣ лишь теряющими свои отличія въ единствѣ шара.

При сопоставленіи этихъ затруднительныхъ мѣстъ между собою и со всею совокупностью отрывковъ, оказывается возможнымъ объяснить ихъ, допустивъ, что поэтъ сообразуется въ данныхъ мѣстахъ съ приемами обыденной рѣчи. Онъ имѣетъ въ виду видимость, по которой элементы переходятъ другъ въ друга и допускаетъ, что, сообразно этой видимости, въ періодической эволюціи міра, одинъ элементъ кажется преобладающимъ надъ другими. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненія онъ смотритъ на міръ съ обыденной точки зрѣнія.

4. *Силы, которыя допускалъ Эмпедокль кромѣ любви и ненависти: притяженіе подобнаго подобнымъ и законъ взаимнаго перемѣщенія стихій.* Устранивъ это затрудненіе, мы можемъ перейти къ другому вопросу, въ которому до сихъ поръ относились небрежно, не смотря на всю его важность. Признаетъ ли Эмпедокль другія двигательныя силы, кромѣ тѣхъ, которыя заключены имъ въ стихіяхъ любви и ненависти?

Прежде всего онъ прямо говоритъ въ различныхъ выраженіяхъ о силѣ, играющей большую роль въ его физикѣ: это — притяженіе подобнаго подобнымъ. Не слѣдуетъ смѣшивать эту силу съ любовью, которая производитъ лишь сдѣленіе тѣлесныхъ молекулъ независимо отъ ихъ природы и специальная роль которой состоитъ, такимъ образомъ, въ сближеніи несходныхъ элементовъ и въ образованіи изъ нихъ опредѣленныхъ сочетаній, между которыми уже и проявляется влеченіе подобнаго къ подобному. Продолжительное дѣйствіе любви при помощи этого притяженія и устанавливаетъ въ концѣ концовъ полную однородность. Но притяженіе подобнаго подобнымъ не теряетъ своей силы, когда любовь смѣняется ненавистью: сочетанія разстраиваются и первичные элементы удаляются другъ отъ друга, но каждый изъ нихъ объединенъ притяженіемъ своихъ частей „тяжелое съ одной стороны, легкое съ другой“ (ст. 156). Раздѣленіе не идетъ дальше и матерія не разсѣивается въ безконечномъ пространствѣ, такъ какъ Эмпедокль отрицалъ безконечность пространства, являясь въ этомъ отношеніи вѣрнымъ ученикомъ Парменида.

Мнѣ кажется, что это объясненіе можетъ заполнить „поразительный пробѣлъ“, найденный Целлеромъ (II, стр. 230) въ космогоніи Эмпедокла и отриценный уже раньше Аристотелемъ. Если вникнуть въ это объясненіе какъ слѣдуетъ, то легко понять, что между періодомъ увеличенія могущества Ненависти и періодомъ образованія Шара любви, нѣтъ соотвѣтствія съ точки зрѣнія возможности существованія индивидуальныхъ вещей.

Въ первомъ изъ этихъ періодовъ космосъ, міръ, подобный нашему, совершенно невозможенъ. Точкою отправленія эволюціи является однородный Шаръ. Повсюду, гдѣ побѣждаетъ Вражда, происходитъ разьединеніе — приведеніе къ первичнымъ элементамъ. Все, что еще удерживаетъ любовь, остается однороднымъ. Всякая новая комбинація разьединенныхъ элементовъ оказывается неустойчивой.

Напротивъ, любовь, тщетно старавшаяся удержаться на обломкахъ своего прежняго царства, вступаетъ въ борьбу при благоприятныхъ условіяхъ, когда разрушеніе Шара вполне закончено. Мало по малу она захватываетъ у ненависти разьединенные элементы и, сочетая ихъ въ различныхъ пропорціяхъ, образуетъ устойчивыя соединенія между которыми является уже вторичное притяженіе по сходству. Такимъ образомъ организуется вселенная, съ виду устойчивая, но въ дѣйствительности переходящая и обреченная на превращеніе въ однородный Шаръ.

5. *Притяженіе подобнаго подобнымъ.* Притяженіе подобнаго подобнымъ у Эмпедокла не есть трансценденто-отвлеченная сила, но — имманентное свойство матеріи. Да и нельзя надѣяться найти въ эту эпоху что либо иное. Но кромѣ этой силы, ученіе Эмпедокла предполагаетъ другую, имѣющую нѣсколько иной характеръ: она управляетъ періодическими перемѣщеніями двухъ стихій, а потому должна быть независима отъ сущности каждой изъ нихъ. Однако, говоря о роковомъ законѣ, о „великой клятвѣ“, управляющей этими перемѣщеніями, Эмпедоклъ, повидимому, не имѣетъ точнаго понятія объ этой силѣ. Онъ знаетъ лишь ея дѣйствіе, періодичность и, изъ созерцанія грандіозныхъ явленій природы, выводитъ универсальность ея проявленія.

Можетъ быть слѣдовало бы остановиться на этомъ неопредѣленномъ заключеніи, но мы попытаемся выяснитъ условія перемѣщенія двухъ стихій, чтобы пролить нѣкоторый свѣтъ на этотъ сомнительный пунктъ, если только эта задача окажется намъ по силамъ.

I. Космогонія Эмпедокла.

Всѣ согласны въ томъ, что въ первоначальномъ состояніи, когда элементы образуютъ однородную массу, связанную любовью, ненависть изгнана изъ Шара. Въ это время ее можно представить себѣ только въ видѣ облекающаго Шаръ слоя, лишенаго всякаго тѣлеснаго элемента, но не безконечнаго, такъ какъ Эмпедокль, какъ уже было сказано, не признавалъ безконечнаго пространства.

Кромѣ того поэтъ прямо заявляетъ, что шаръ неподвиженъ, что онъ наслаждается абсолютнымъ покоемъ (ст. 148 и 150). Очевидно этотъ покой относится къ цѣлому столько же какъ и къ частямъ, а потому исключаетъ движеніе суточного вращенія (*δίῳη*), которое позднѣе приметъ участіе въ мірообразованіи.

Стихи 162—165 относятся ко вторженію въ шаръ ненависти. Она постепенно вдыхаетъ окружающую среду и первымъ результатомъ этого вдыханія является возникновеніе мѣстныхъ движеній, охватывающихъ постепенно весь шаръ. Эти движенія увлекаютъ группы элементарныхъ частицъ по мѣрѣ ихъ образованія путемъ разъединенія однородной смѣси. Очевидно, нельзя считать эти мѣстныя движенія подчиненными какому либо закону, а также не слѣдуетъ предполагать, что ненависти удалось произвести полное раздѣленіе элементовъ, такъ, чтобы привести каждый изъ нихъ въ особое мѣсто вселенной. Ея дѣятельность не идетъ дальше полного разъединенія однороднаго и, въ этомъ состояніи разъединенія, первоначальный покой смѣнился безпорядочными движеніями безформенныхъ массъ элементарныхъ частицъ. Это—древній *χάος* Гезіода, гдѣ мѣстами пробѣгаетъ буря. Это—хаосъ, описанный Овидіемъ въ стихахъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые написаны какъ бы въ подражаніе Эмпедоклу.

Нужно сознаться, что я не могу привести ни одного текста въ подтвержденіе этой картины господства ненависти, но не нахожу и такого, который противорѣчилъ бы ей. Однако, только эта картина согласуется съ тѣмъ, что Эмпедокль, какъ замѣтилъ уже Аристотель, не указалъ особаго мѣста для каждаго изъ четырехъ элементовъ и съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣютъ въ космогоніи Эмпедокла неправильныя и случайныя движенія.

Послѣ картины, которую я пытался нарисовать, отрывки представляютъ намъ безо-всякаго перехода слѣдующую, уже совсѣмъ иную: суточное вращеніе существуетъ. Любовь помѣстилась въ центрѣ вращенія и оттолкнула ненависть къ окружности. Элементы, снова охваченные любовью, организуются въ космосъ по мѣрѣ успѣховъ новой эволюціи. Круговое движеніе сначала крайне медленно: оборотъ совершается сперва въ девять, затѣмъ въ семь мѣсяцевъ (22) вмѣсто одного дня. Впослѣдствіи оно чрезвычайно ускоряется. Постепенно или сразу, благодаря рѣшительнымъ переломамъ? Неясность текста единственно уцѣлѣвшаго по этому вопросу документа, не даетъ возможности разрѣшить этой альтернативы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстныя беспорядочныя движенія, сильно способствовавшія вначалѣ возникновенію міра, теряютъ свое значеніе и космосъ достигаетъ наконецъ порядка въ періодичности общихъ явленій.

6. Чѣмъ связаны двѣ послѣдовательныя картины великой космогонической драмы? Что дѣлается со стихією любви, когда побѣждаетъ ненависть? и каковы истинныя причины суточного вращенія?

По Целлеру (II стр. 229—230) эта причина — сама любовь. Она помѣщается между раздѣленными массами и производитъ въ этомъ пунктѣ вращательное движеніе, которое смѣшиваетъ часть веществъ, въ то время какъ ненависть изгоняется изъ образованнаго такимъ образомъ круга. Такъ какъ движеніе охватываетъ все большее пространство и все дальше изгоняется ненависть, то къ смѣси привлекаются еще раздѣленные вещества и такимъ образомъ образуется нашъ міръ со смертными существами.

Въ этомъ объясненіи Любовь Эмпедокла играетъ совершенно ту же роль, какъ Умъ Анаксагора, производящій постепенно растающійся вихрь, въ предѣлахъ котораго образуется міръ. Но я думаю, что мысль Эмпедокла совсѣмъ не та, и объясненіе Целлера не согласуется ни съ текстомъ приводимаго имъ отрывка (ст. 216 — 230) ни съ извѣстными намъ подробностями космогоніи Эмпедокла.

Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы причиною вихря была любовь. Напротивъ, все доказываетъ намъ, что съ самаго момента своего возникновенія вихрь обнимаетъ всю вселенную. На это указываютъ между прочимъ стихи 202—204 при сопоставленіи съ предшествующимъ контекстомъ.

Съ другой стороны мнѣ кажется необъяснимымъ съ точки зрѣнія Целлера образованіе большихъ массъ воздуха, огня, земли и воды. Если любовь уже отняла элементы у ненависти и соединила ихъ въ устойчивыя сочетанія, что заставило ихъ послѣдовательно отдѣляться, какъ говорится у доксографовъ (З) (11)? Ученый историкъ утверждаетъ, что любовь должна была образовать большія массы, такъ какъ образованіе ихъ проще, и затѣмъ уже—органическія существа. Но почему же дѣятельность любви обнаруживается прежде всего въ явленіяхъ по окружности вращенія, которыми завершается раздѣленіе, произведенное ненавистью?

Итакъ, нужно искать иного рѣшенія вопроса и мы его находимъ въ причинахъ космическаго вихря, указанныхъ доксографами (З). Онъ возникъ по причинѣ отсутствія равновѣсія между огнемъ (т. е. свѣтлымъ воздухомъ), наполняющимъ одну половину космической сферы и темнымъ воздухомъ, которымъ наполнена другая половина. Однако, эта причина объясняетъ лишь существующій порядокъ вещей; остается непонятнымъ, почему скорость движенія подверглась громаднымъ измѣненіямъ. Но мы удержимъ лишь самое основаніе: — вращеніе возникло въ силу нарушенія равновѣсія; иначе говоря, оно есть конечный результатъ беспорядочныхъ движеній, возбужденныхъ въ шарѣ ненавистью.

Эмпедоклѣ не могъ представить себѣ перемѣщенія въ пространствѣ вселенной въ ея цѣломъ, но онъ могъ вполне допустить, что, когда мѣстныя движенія охватили весь шаръ, то равновѣсіе между дѣйствовавшими во всѣхъ направленіяхъ силами было нарушено и, какъ результатъ отдѣльныхъ неправильныхъ дѣйствій, возникло общее вращеніе или вихрь, вначалѣ очень медленный.

Такимъ образомъ возникновеніе вращенія, слѣдующее за полнымъ разрушеніемъ шара, было для Эмпедокла предѣломъ торжества ненависти. До этихъ поръ любовь, понимаемая какъ стихія, можетъ быть представлена лишь растерзанной на куски, потерянной во всеобщемъ смѣшеніи и увлекаемой безпорядочными движеніями, возбуждаемыми ненавистью. Она не могла сама образовать ни одного устойчиваго соединенія за отсутствіемъ защищеннаго отъ ненависти мѣста.

Но съ возникновеніемъ вращенія, убѣжище было найдено. Любовь устремляется въ центръ вихря, а ненависть отступаетъ къ краямъ. Въ то же время, благодаря вихрю (сообразно принципамъ истолкованія, установленнымъ іонійскими физиологами), а не въ силу дѣйствія той или иной стихіи, образуются большія массы элементовъ. Но любви удается устранить до нѣкоторой степени дѣйствіе этой механической причины: послѣ цѣлаго ряда попытокъ и продолжительной борьбы съ безпорядкомъ, произведеннымъ враждою, она образуетъ индивидуальныя вещи, сближая между собою части элементовъ. Вражда уступаетъ мѣсто мало по малу и неравномѣрно.

Во время этой борьбы ускореніе вращательнаго движенія какъ бы вытекаетъ изъ столкновенія между любовью и ненавистью и происходитъ насчетъ неправильныхъ движеній. Во всякомъ случаѣ это ускореніе благопріятствуетъ дѣятельности любви, вытѣкаящая ненависть изъ шара вселенной.

Такимъ образомъ міръ организуется любовью, но, благодаря явленію, возбужденному ненавистью; любовь лишь приводитъ въ порядокъ, при помощи круговаго движенія то, что сдѣлала ненависть. Для достиженія конечной цѣли любви — образованія однороднаго шара — нужно чтобы исчезло, въ свою очередь, и

вращательное движеніе. Какъ можетъ это случиться при постоянно увеличивающемся напряженіи вихря? Мы не можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ за недостаткомъ свидѣтельствъ. Не мѣшало бы однако обратить вниманіе на свидѣтельство Климента Александрійскаго (Strom., V, 104) и „Philosophumena“ (2) по которымъ конецъ міра у Эмпедокла связанъ со всемірнымъ пожаромъ: Эмпедокль заимствовалъ вѣроятно у Іонійцевъ и въ частности у Гераклита идею періодическаго возникновенія и разрушенія міра ¹⁾; хотя Эмпедокль расходится съ Гераклитомъ во всѣхъ остальныхъ пунктахъ ²⁾, тѣмъ не менѣе не позаимствовалъ ли онъ у него идею пожара, которая даетъ ему выходъ изъ затруднительнаго положенія? При постоянномъ ускореніи вращенія легко представить себѣ возникновеніе крайне благопріятныхъ условій для воспламененія міра. Кромѣ того Эмпедокль могъ считать это воспламененіе окончательнымъ торжествомъ любви, полнымъ смѣшеніемъ и тѣснѣйшимъ соединеніемъ четырехъ элементовъ, въ которомъ они тратятъ послѣднее стремленіе къ мѣстнымъ движеніямъ, тѣмъ болѣе, что это стремленіе достигаетъ высшей степени именно при состояніи воспламененія.

7. *Эклектическій характеръ представленій Эмпедокла.* Чтобы резюмировать предшествующее разсужденіе и возвратиться къ поставленному нами вопросу, скажемъ, что, кромѣ специальныхъ двигательныхъ силъ, присущихъ стихіямъ любви и ненависти, Эмпедокль признавалъ не только притяженіе подобнаго подобнымъ, но и механическія дѣйствія, наблюдаемыя при вращательныхъ движеніяхъ и называемыя центробѣжною и центростремительною силами. И въ этомъ отношеніи онъ только слѣдовалъ традиціи милетскихъ философовъ, въ космогоніи которыхъ суточное вращеніе и обусловленныя имъ движенія играли капитальную роль. Но въ то время какъ для нихъ это вращеніе вѣчно и первично, у Эмпедокла оно только измѣнчивое и преходящее явленіе. Если подняться до центральной идеи Эмпедокла — онъ

¹⁾ Если періодъ въ 30,000 время года (ст. 6) равняется 10,000 лѣтъ, то онъ лишь слегка расходится съ періодомъ Гераклита въ 10,800 лѣтъ.

²⁾ Этими словами я вовсе не желаю оспаривать общаго вліянія ученія Гераклита на Эмпедокла, вліянія, особенно хорошо выясненнаго Целлеромъ (II, стр. 274). Я не признаю его лишь въ подробностяхъ.

оказывается ученикомъ пифагорейской школы, давшимъ свободное развитіе принципамъ учителя.

Любовь, главнымъ образомъ — начало единства, устойчивости и, слѣдовательно, неподвижности. Вотъ почему, по образованію мірового вращенія, она естественно помѣщается въ центрѣ, который менѣе подвиженъ. Вражда, напротивъ — начало раздѣленія и движенія. Въ силу самой своей подвижности она естественно проникаетъ въ неподвижный шаръ, сотрясаетъ его и производитъ, въ концѣ концовъ, вращательное движеніе. Но, какъ только это движеніе начинается, ненависть оказывается отброшенной къ окружности, гдѣ движеніе наиболѣе быстро, и окончательно исключается изъ міра. Наконецъ, въ ускореніи правильного вращенія на счетъ беспорядочныхъ мѣстныхъ движеній, Эмпедоклъ какъ бы предугадалъ принципъ сохранения энергіи.

Если сравнить ученіе Эмпедокла съ системою первыхъ пифагорейцевъ — оказывается, что онъ поставилъ, на мѣсто грубаго антропоморфическаго представленія о вдыханіи и выдыханіи пустоты, заполненной единицею, механическія объясненія. Другое капитальное различіе является въ томъ, что, по ученію пифагорейцевъ, пустота существуетъ въ Космосѣ, гдѣ она то увеличивается, то уменьшается, а по ученію Эмпедокла, въ Космосѣ существуютъ только самые результаты дѣятельности ненависти, а именно — раздѣленіе элементовъ и движеніе, сообщенное ихъ совокупности. Поры же между матерьяльными частицами заполнены любовью.

Если перейти отъ характеристики общей системы Эмпедокла къ его частной физикѣ, то онъ оказывается независимымъ отъ какой либо отдѣльной школы. Вспомнимъ, что пифагорейцы и не выработали собственной физики. Неизвѣстные учителя, посвятившіе Эмпедокла въ метампсихозу, религіозные догматы и предписанія, которыя онъ принялъ и развилъ, не могли передать ему относительно природы ничего, кромѣ смѣси мнѣній физиологовъ и нѣсколькихъ отдѣльныхъ идей, усвоенныхъ уже раньше Алкмеономъ и Парменидомъ. Эти учителя изъ школы пифагорейцевъ были не математики, а медики, которые, по примѣру учителя, примѣняли къ своей спеціальности религіозные обряды. Кажется,

что Эмпедокль усвоилъ именно эту сторону пифагореизма, а математическая школа, которая, впрочемъ, еще и не пыталась прилагать къ природѣ своихъ выкладокъ надъ цифрами и фигурами, не оказала на него никакого вліянія.

Къ даннымъ этого первоначальнаго обученія и къ плодамъ самостоятельныхъ изслѣдованій Эмпедокль прибавилъ заимствованія, сдѣланныя не только у поэтовъ, которымъ онъ подражалъ, но и у современниковъ. Напримѣръ, у Анаксагора онъ заимствовалъ открытіе относительно луннаго свѣта. Итакъ его сочиненіе носитъ эклектическій характеръ, если не считать оригинальности, проявившейся въ ученіи о различныхъ элементахъ. Нужно сознаться, что, за исключеніемъ этого ученія, наука въ лицѣ Эмпедокла сдѣлала успѣхи только въ частностяхъ.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, относиться пренебрежительно къ этимъ успѣхамъ. Ученіе Эмпедокла не имѣетъ истинно философскаго характера. Онъ не поднялъ ни одного изъ тѣхъ капитальныхъ вопросовъ, расширяющихъ горизонтъ науки, которые поднимались поочередно его предшественниками. Онъ бралъ готовые рѣшенія и такъ же мало заботился о единствѣ своихъ физическихъ воззрѣній и религіозныхъ вѣрованій, какъ и объ установленіи единаго первоначала. Мы замѣчаемъ въ этомъ эклектикѣ двойственность: Пифагоръ былъ математикомъ и мистикомъ; Эмпедокль же—физикомъ и мистикомъ. Но, какъ физикомъ, имъ не слѣдуетъ пренебрегать: успѣхъ науки требовалъ въ то время частныхъ изслѣдованій. Эта работа нравилась Эмпедоклу и онъ погружался все глубже и глубже въ море второстепенныхъ вопросовъ. Конечно, часто онъ довольствовался прибавленіемъ къ апіорнымъ рѣшеніямъ предшественниковъ новыхъ гипотезъ, столь же мало основанныхъ на фактахъ. Но умноженіе гипотезъ вызоветъ необходимость изслѣдованія, которое малу по малу научитъ наблюдать и заключать на основаніи наблюденій.

II. Космологія Эмпедокла.

Разсмотримъ теперь бѣгло основныя черты міропредставленія Эмпедокла и въ то-же время вспомнимъ, у кого онъ ихъ заимствовалъ.

Воздухъ, который онъ называетъ эфиромъ, выдѣлившись первымъ изъ хаоса, остановился у предѣловъ вселенной и, сгустившись тамъ, образовалъ твердый кристалльный сводъ; это мысль Анаксимена.

Часть не столь сильно отвердѣвшаго эфира съ легкою примѣсью огня наполняетъ темную половину космической сферы. Свѣтлую половину образуетъ, главнымъ образомъ, огонь. Это представленіе относится къ ученію Парменида и, вѣроятно, заимствовано у Пиеагорейцевъ. Однако Эмпедокль отбросилъ систему вѣнцовъ Парменида и считалъ, какъ и Анаксименъ, что обѣ половины атмосферы простираются до твердаго кристалльнаго свода.

Въ центрѣ вращенія, а потому въ равновѣсіи (предвидѣніе механическаго закона ¹⁾) помѣщается земля, удерживаемая кромѣ того въ неподвижности любовью. Надъ каждою изъ ея точекъ поочередно проходятъ темная и свѣтлая половины атмосферы. Отсюда смѣна дня и ночи. Давленіе вихря произвело отдѣленіе земли отъ воды. Вода, въ свою очередь, породила пары, которые, распространившись въ пограничной землѣ области, образовали собственную атмосферу земли, не принимающую участія въ суточномъ вращеніи (11). У насъ нѣтъ точныхъ указаній на то, какую форму приписывалъ Эмпедокль землѣ. Можно было-бы допустить, что онъ считалъ землю шарообразною, какъ Парменидъ и Пиеагорейцы, но тогда становится непонятнымъ, какъ могъ Эмпедокль примѣнить (12) мнѣніе Анаксагора, по которому ось міра была нѣкогда перпендикулярной къ плоской поверхности земли, но съ тѣхъ поръ земля наклонилась. Единственнымъ мотивомъ этого страннаго мнѣнія Анаксагора является стремленіе ввести симметрію въ первоначальную организацію міра. Но выйти изъ имъ-же самимъ созданнаго затрудненнаго положенія Анаксагору удалось лишь при помощи „*νοῦς*“, который сдѣлалъ землю обитаемой. Ясно, что Эмпедокль ни мало не измѣнилъ

---

¹⁾ Аристотель (De coelo II, 13, 295 a) не особенно точно излагаетъ и не вѣрно критикуетъ объясненіе Эмпедокла, основанное на фактѣ взятомъ изъ опыта; но это объясненіе недостаточно выражаетъ равновѣсіе въ направленіи оси.

гипотезы Анаксагора, а лишь пытался дать механическое объяснение предполагаемой наклонности мировой оси.

Съ другой стороны сохранились извѣстія (15), что даже форму кристалльнаго свода Эмпедокль не считалъ строго сферическою, но сравнивалъ ее съ яйцемъ. Доводъ, которымъ опровергаетъ это свидѣтельство Целлеръ, не имѣетъ цѣны. Эмпедокль могъ представлять себѣ небо въ видѣ сфероида, сплюснутаго или удлиненнаго у полюсовъ, не создавая тѣмъ ни малѣйшаго препятствія для небснаго движенія. Вѣроятно онъ выбралъ вторую альтернативу, на что указываетъ сравненіе съ яйцемъ, употребленіе въ текстѣ доксографа технического, хотя довольно неопредѣленнаго термина *πλατος* (широты) для обозначенія самого широкаго мѣста міра и, наконецъ, то, что Эмпедокль долженъ былъ стремиться сохранить пустое пространство для помѣщенія выброшенной изъ міра Вражды скорѣе у экватора, чѣмъ у полюсовъ.

Однако, названіе Шара можетъ служить доказательствомъ въ пользу того, что Эмпедокль приписывалъ космосу не ту форму, на которую указываетъ сравненіе съ яйцемъ, быть можетъ подъ вліяніемъ орфическихъ преданій. Луну, какъ и Анаксагоръ, онъ считалъ дискомъ. Итакъ, у насъ есть серьезныя основанія сомнѣваться въ томъ, какую форму Эмпедокль приписывалъ землѣ. Можетъ быть онъ и не высказывался относительно этого въ своихъ стихахъ.

Звѣзды для Эмпедокла — отдѣльные огни среди эфира. Однѣ изъ нихъ прикрѣплены къ кристалльному своду (неподвижныя), другія парятъ подъ нимъ (планеты). Онъ представляетъ ихъ себѣ, какъ Анаксименъ. Луну же, напротивъ, какъ уже было сказано, онъ разсматриваетъ съ точки зрѣнія ученія Анаксимандра: это тѣло само по себѣ темное, получающее свѣтъ отъ солнца; кромѣ того оно непрозрачно, почему и можетъ затмевать свѣтило дня. Однако Эмпедокль не допускаетъ, чтобы луна состояла изъ земли: она образовалась изъ сгущенія облачной земной атмосферы.

Я уже останавливался на своеобразномъ представленіи Эмпедокла о солнцѣ (гл. IV, 13) и указывалъ на его связь съ ученіемъ Парменида.

Видя въ этомъ свѣтилѣ только лучезарное отраженіе на кристалльномъ сводѣ неба земли, освѣщенной дневнымъ огнемъ, явленіе, существующее лишь для глазъ, помѣщенныхъ противъ него, Эмпедокль случайно возвратился ко мнѣнію древняго Анаксимандра въ томъ отношеніи, что отодвинулъ солнце къ предѣламъ міра (10). Вѣроятно, благодаря ему, въ Сициліи утвердилась мысль о тождествѣ луча солнечной орбиты съ лучемъ небесной сферы. Архимедъ излагаетъ эту идею, какъ общепринятую.

Эмпедоклу принадлежитъ предположеніе о равенствѣ дисковъ солнца и земли (т. к. въ плоскихъ зеркалахъ отраженіе равно отраженному предмету). Но мѣсто, куда онъ помѣщаетъ луну, (въ два раза дальше отъ солнца, чѣмъ отъ земли) соотвѣтствуетъ числовой комбинаціи, въ которой онъ вѣроятно подражалъ Анаксимандру. Цѣль ея — точно опредѣлить распредѣленіе отдѣльныхъ большихъ массъ въ космосѣ, подобно тому, какъ онъ старался опредѣлить составъ костей. Сообразно природѣ, какую Эмпедокль приписываетъ лунѣ (она образовалась изъ сгущенной атмосферы земли), она находится приблизительно у верхней границы земной атмосферы.

Анаксимандръ помѣстилъ звѣзды на одной трети разстоянія земли отъ солнца, а луну на двухъ третяхъ этого разстоянія. Эмпедокль, наоборотъ, помѣстилъ луну на разстояніи ¹⁾ одной трети, а все остальное пространство предоставилъ планетамъ. Хотя математики пифагорейской школы уже разсуждали о разстояніяхъ планетъ, но Эмпедокль, кажется, не занимался этимъ вопросомъ.

III. Характеристика ученія о четырехъ элементахъ.

9. Предшествующаго очерка достаточно, чтобы доказать, что космологія Эмпедокла не оригинальна, и его новое ученіе объ

¹⁾ Предположивъ, что земля шаровидна, допустивъ, что Эмпедокль, подобно Фалесу, считаетъ діаметръ солнца 720-ю частью солнечной орбиты, принявъ, наконецъ, по примѣру древнихъ грековъ, число 3 за отношеніе окружности къ діаметру, можно вывести, на основаніи приведенныхъ данныхъ, что лучъ солнечной орбиты равенъ приблизительно 240 лучамъ земной, а лучъ лунной орбиты=80 луч. земной. Въ томъ фактѣ, что послѣдняя цифра только на одну четверть выше дѣйствительной, можно видѣть простую случайность.

элементахъ не послужило ему для внесенія серьезныхъ измѣненій въ космическія представленія предшественниковъ. То-же можно сказать и о его взглядахъ на явленія неорганической природы. Но не эти предметы занимали главнымъ образомъ Эмпедокла. Все его вниманіе было поглощено органическою жизнью и всевозможными вопросами ею вызываемыми, начиная съ рожденія и кончая ощущеніемъ. Это путь, проложенный въ Италіи Анаксименомъ, затѣмъ Парменидомъ, но на который Іонійцы не вступали до Анаксагора. Несмотря на свою связь съ Іонійскою школою, Эмпедокль занимался съ любовью вопросами органической жизни, вводя въ эту область объясненія, сообразныя съ его ученіемъ о четырехъ элементахъ, которое, благодаря этому, было богато иллюстрировано. Здѣсь-то во многихъ пунктахъ проявилъ онъ свою оригинальность.

Я не беру на себя опредѣлить научную цѣнность его изслѣдованій въ этой области. Это относится къ исторіи зарожденія въ Греціи медицины. Я укажу только на то, что ученіе о четырехъ элементахъ обязано своимъ торжествомъ въ древнемъ мірѣ благопріятному пріему, который оно нашло въ медицинскихъ школахъ. Оно подходило гораздо больше монистическаго ученія Іонійцевъ и научныхъ, но слишкомъ неопредѣленныхъ, системъ Анаксагора и Левкиппа къ попыткамъ теоретическихъ координацій, нужду въ которыхъ уже успѣло почувствовать искусство Асклепія. Здѣсь ученіе о четырехъ элементахъ приняло форму ученія о темпераментахъ съ противоположеніями холоднаго и теплаго, сухого и влажнаго. Въ этой формѣ мы находимъ его у Аристотеля, бывшаго, какъ извѣстно, сыномъ медика. Оно-же распространилось въ Италіи и породило геометрическія спекуляціи пифагорейцевъ-математиковъ, примѣръ которыхъ мы находимъ въ Тимеѣ.

Подобный успѣхъ доказываетъ, что концепція Эмпедокла соотвѣтствовала научнымъ потребностямъ эпохи. Тотъ же успѣхъ заставляеть предполагать, что авторъ сумѣлъ развить свое ученіе такимъ образомъ, чтобы завлечь публику, къ которой обращался, не только прелестью стиховъ, но и реальною цѣнностью своихъ мыслей.

Идея множественности элементов возникла, можетъ быть, до него, но ему безспорно принадлежитъ честь доставленія побѣды этому ученію, которое царствовало около двадцати вѣковъ.

Мы не знали ничего о томъ, какимъ образомъ Эмпедокль пришелъ къ этой концепціи. Съ исторической точки зрѣнія она имѣетъ, во всякомъ случаѣ, эмпирическую цѣнность, каковы-бы ни были апіорныя разсужденія, которыми Аристотель пытался ее обосновать. Эмпедокль противопоставилъ первичной монистической идеѣ, неспособной приспособиться къ успѣхамъ знанія и уже достигшей до крайнихъ предѣловъ своего развитія въ идеализмъ, фактъ развитія трехъ состояній тѣлъ, твердаго, жидкаго и газообразнаго. Чтобы отдать себѣ отчетъ въ явленіяхъ тепловыхъ и свѣтовыхъ, онъ раздвоилъ понятіе газообразнаго. Конечно утвержденіе, что сочетаніе въ различныхъ пропорціяхъ этихъ четырехъ элементовъ достаточно для объясненія безчисленныхъ свойствъ физическихъ тѣлъ, было непозволительнымъ забѣганіемъ впередъ. Но этимъ утвержденіемъ довольствовались, пока изслѣдованіе не пошло дальше. — Древняя теорія Эмпедокла, нѣсколько поколебленная въ средніе вѣка, благодаря появленію алхимическихъ концепцій, которыя, впрочемъ, не пошли дальше незначительнаго увеличенія первичныхъ субстанцій, просуществовала до возникновенія современной химіи. Созданная грубымъ эмпиризмомъ, она рухнула передъ эмпиризмомъ научнымъ, поставившимъ на ея мѣсто безконечную множественность первичныхъ элементовъ, которой можетъ съ успѣхомъ противостоять монистическая идея. Какъ ни близка къ намъ эпоха, когда еще господствовали четыре стихіи Эмпедокла, въ настоящее время идея эта такъ чужда нашему уму, что намъ трудно понять, какъ могла она быть общепринятою такъ долго. Это — одна изъ тѣхъ задачъ, которыя предстоитъ разрѣшить исторіи естественныхъ наукъ.

ГЛАВА XIV.

О Пифагорейской арифметикѣ.

1. *Появленіе Арифметики въ сочиненіяхъ Евклида.* Въ книгѣ о „Греческой геометріи“ я пытался установить, что въ срединѣ V-го в. до Р. Х. одинъ изъ пифагорейскихъ кружковъ, нуждаясь въ деньгахъ, долженъ былъ издать геометрическіе труды своего Учителя. Нѣтъ никакихъ указаній на подобнаго рода изданіе по арифметикѣ, такъ что свидѣтельства древности о геометрическихъ свѣдѣніяхъ Школы, по крайней мѣрѣ поскольку эти свидѣтельства имѣютъ своимъ источникомъ Евдема, еще можно считать цѣнными, но вопросъ объ арифметикѣ обстоитъ совсѣмъ иначе. Да я и не ставлю здѣсь своею задачею рѣшеніе этого вопроса, а лишь возможно точную его постановку.

Прежде всего, когда говорится объ „арифметикѣ“ у грековъ, слѣдуетъ подразумѣвать только ученіе о свойствахъ чиселъ, исключивъ все, относящееся къ счисленію, т. е. то, что, по крайней мѣрѣ со времени Платона, называлось „логистикой“. Установленіе различія между отвлеченной наукой и конкретнымъ искусствомъ счисления преданіе единодушно приписываетъ Пифагору, что пока достаточно будетъ констатировать.

Въ началѣ александрійскаго періода арифметика является изложенною геометрическимъ способомъ въ трехъ книгахъ „Элементовъ“ Евклида: VII, VIII и IX. Съ тѣхъ поръ эти книги служили классическимъ руководствомъ для желавшихъ изучить

математику. Слѣдуетъ ли, однако, думать, что форма или содержаніе этого труда принадлежали Евклиду? Очевидно, нѣтъ. Но откуда они взяты? Содержало ли уже изданіе по геометріи пифагорейской школы черновой набросокъ арифметическихъ книгъ „Элементовъ“, какъ большей части геометрическихъ, или идея приложенія къ доказательству арифметическихъ истинъ приемовъ, уже употреблявшихся болѣе или менѣе продолжительное время въ геометріи, принадлежитъ какому-нибудь математику болѣе поздняго времени? Отвѣтить на этотъ вопросъ очень трудно.

Съ одной стороны, самый порядокъ изложенія, принятый Евклидомъ, по которому арифметика идетъ за геометріей, совершенно противорѣчитъ пифагорейской традиціи и, мнѣ кажется, можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что часть „Элементовъ“, относящаяся къ числамъ, была приложеніемъ къ первоначальному „своду“, подвергнутому исправленію со стороны автора, при чемъ и было прибавлено составленное позднѣе „свода“ приложеніе. Съ другой стороны Аристотель признавалъ пифагорейскимъ способъ доказательства несоизмѣримости діагонали квадрата съ его стороною, по которому допущеніе соизмѣримости ведетъ къ признанію одного и того же числа одновременно четнымъ и нечетнымъ. А это доказательство, которое, между прочимъ, можно найти и теперь у Евклида, предполагаетъ нѣкоторыя понятія о числахъ, которыя могли быть установлены съ самаго начала при помощи геометріи и попали въ арифметику безо всякаго отношенія къ ихъ первоначальному происхожденію. Эти понятія образовали ядро, которое могли постепенно увеличивать геометры отъ Гиппократа Хиосскаго до Евклида.

Какъ бы то ни было, нужно констатировать слѣдующее: во-первыхъ, въ способѣ, какимъ Евклидъ изложилъ арифметику, никоимъ образомъ нельзя видѣть пифагорейскую традицію; во-вторыхъ, рамки, которыя онъ наполнилъ, безъ сомнѣнія превзошли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ свѣдѣнія Школы: если даже допустить, на примѣръ, что она занималась „совершенными“, „избыточными“ и „недостаточными“¹⁾ числами, все же неправдо-

¹⁾ Совершенное число — то, которое равно суммѣ своихъ дѣлителей; напр., 6, 28, 496; недостаточное число большее, а избыточное — меньше этой суммы.

подобно, чтобы Эвклидова конструкція совершеннаго числа была извѣстна уже во времена Платона; въ-третьихъ, въ эти рамки, напротивъ, не вошелъ цѣлый рядъ вопросовъ, которыми несомнѣнно, какъ я докажу дальше, занимались пифагорейцы, а именно, вопросы о суммированіи, о многоугольныхъ, пирамидальныхъ числахъ и др.; въ-четвертыхъ, въ эллинскій періодъ, по крайней мѣрѣ въ IV в., существовалъ способъ изложенія ариѳметики отличный отъ того, который сталъ классическимъ у математиковъ послѣ Евклида, и этотъ способъ былъ приписанъ впоследствии пифагорейцамъ.

2. *Никомахъ и Теонъ Смирнскій.* Къ концу I-го в. по Р. Х. традиція, державшаяся этого способа преподаванія, привела къ появленію „Введенія въ ариѳметику“ Никомаха, который, впрочемъ, называлъ себя пифагорейцемъ. Этотъ небольшой трактатъ представляетъ собою въ сущности не болѣе, какъ руководство для студентовъ философіи, но въ эпоху упадка научныхъ знаній ему удалось приобрѣсти значеніе классическаго труда по ариѳметикѣ. Его вліяніе распространилось на всѣ средніе вѣка. Послѣдніе византійцы, какъ напримѣръ Исаакъ Аргиръ, еще комментировали это сочиненіе, въ то время какъ на западѣ господствовало изложеніе его на латинскомъ языкѣ Боеціемъ. Въ содержаніе труда Никомаха вошло все, что было сдѣлано по математикѣ въ эллинскій и развито въ александрійскій періодъ. По формѣ онъ отличается полнымъ отсутствіемъ всякихъ дѣйствительныхъ доказательствъ: теорія систематически сведена къ приемамъ обобщенія посредствомъ простой индукціи, но подерашена отступленіями съ философскими притязаніями, которыя, должно быть, и опредѣлили успѣхъ книги, если принять во вниманіе публику, къ которой она обращалась.

Никомахъ написалъ еще одинъ утерянный трактатъ, озаглавленный „Теологумены Ариѳметики“, извѣстный намъ частью по разбору его въ „Библіотекѣ“ Фотія, частью по извлеченіямъ, фигурирующимъ въ одной анонимной книгѣ IV-го в., носящей то же названіе и написанной по тому же плану. Въ ней послѣдовательно изложены мистическія свойства каждаго изъ чиселъ декады на ряду съ очень богатой и странной синонимикою, по

которой упомянуты числа носят имена и эпитеты, принадлежащія божествамъ эллинскаго Пантеона или миеологическимъ олицетвореніямъ.

У насъ есть еще отъ II-го в. по Р. Х. сочиненіе Θεона Смирнскаго: „Что въ математикѣ полезно для чтенія Платона“. Авторъ сперва излагаетъ Ариѳметику по плану подобному тому, какимъ написано „Введеніе“ Никомаха; потомъ Музыку, въ которую онъ вѣлючаетъ ученіе объ отношеніяхъ и пропорціяхъ, руководствуясь, повидимому, античной традиціей; далѣе идутъ посредственно развитыя мистическія свойства декады; еще далѣе — нѣсколько словъ о Геометріи, стереометріи и *среднихъ величинахъ*,¹⁾ послѣ чего Θεонъ переходитъ къ Астрономіи.

3. *Ямвлихъ*. Въ IV в. Ямвлихъ составилъ трактатъ объ ариѳметикѣ, представляющій собою настоящій комментарий къ „Введенію“ Никомаха, изданный довольно плохо Тентуліемъ (Арнгеймъ, 1668). Онъ составляетъ четвертую часть сочиненія, озаглавленнаго: „Разсужденіе о пифагорейской сектѣ“, первыя три книги котораго до насъ также дошли: „О Пифагорейской жизни“, „Поученіе по философіи“ и „О математической наукѣ вообще“. Изъ одного примѣчанія, правда неполнаго, какъ всѣ тѣ мѣста у Ямвлиха, гдѣ онъ общаетъ болѣе обширную разработку вопроса въ дальнѣйшемъ изложеніи, можно вывести заключеніе, что авторъ долженъ былъ дойти до пифагорейской декады и что, слѣдовательно, шесть изъ его книгъ утеряны: „О физикѣ“, „Объ этикѣ“, „О теологіи“, „О музыкѣ“, „О геометріи“ и „О сферикѣ“. Однако нѣтъ рѣшительныхъ доказательствъ того, что Ямвлихъ дѣйствительно окончилъ свой трудъ, представляющій, по крайней мѣрѣ въ его математическомъ отдѣлѣ, компиляцію прежнихъ авторовъ, главнымъ образомъ предшествен-

---

¹⁾ Древніе называли этимъ именемъ группу изъ трехъ членовъ, средній изъ которыхъ опредѣлялся, какъ функція крайнихъ, на основаніи равенства, установленнаго между отношеніями двухъ разностей этихъ членовъ и двухъ самихъ членовъ. Они различали десять видовъ среднихъ величинъ. Первыя среднія, ариѳметическое, геометрическое и гармоническое, соотвѣтствуютъ въ настоящее время непрерывнымъ пропорціямъ тѣхъ же названій. Остальныя уже не разсматриваются.

никовъ Никомаха; по крайней мѣрѣ отъ трехъ послѣднихъ книгъ „Разсужденія“ не сохранилось никакого слѣда. Но Сиріанъ въ своихъ комментаріяхъ къ Метафизикѣ Аристотеля (Венеція, 1536) цитируетъ V и VII книги Ямвлиха, и изъ его цитатъ довольно ясно видно, что эти книги были дѣйствительно посвящены физикѣ и теологіи. Можетъ показаться странною вставка трехъ книгъ, прерывающая серію изложенія четырехъ математическихъ наукъ, признанныхъ пифагорейцами. Но нужно замѣтить, что, несмотря на кажущуюся ихъ неумѣстность, эти три книги образовали естественное продолженіе ариеметики, рассматривая, по традиціи, роль чиселъ въ природѣ и ихъ мистическія свойства въ порядкахъ вещей, какъ человѣческомъ, такъ и божественномъ. Цитаты Сиріана касающіяся каждаго числа въ частности, подтверждаютъ выполненіе этого плана, вполне ясно изложеннаго въ концѣ его IV книги, посвященной ариеметикѣ.

„Окончимъ здѣсь введеніе по пифагорейцу Никомаху. Позднѣе, съ помощью Божьей, мы дополнимъ это самое введеніе въ ариеметику и предложимъ тебѣ это дополненіе, ибо, благодаря теперешнему сочиненію, ты уже будешь въ состояніи идти дальше. Мы включимъ въ него всѣ остальные *эпаномы* для чиселъ отъ единицы до десяти, касающіяся области физики, этики и особенно теологіи. Тогда тебѣ гораздо легче будетъ воспринять ученія трехъ слѣдующихъ введеній: въ Музыку, Геометрію и Сферу“.

Итакъ, прежде чѣмъ перейти къ тремъ остальнымъ математическимъ наукамъ, Ямвлихъ предваряетъ объ „одномъ“ трактатѣ, который, по богатству матеріала, онъ считаетъ нужнымъ подраздѣлить на три книги, рассматривая его въ то же время, какъ существенную часть ариеметики. Видно также, что, кромѣ общихъ соображеній (вѣроятно весьма пространныхъ, но лишенныхъ первенствующаго интереса, такъ какъ написаны они Ямвлихомъ), этотъ трактатъ долженъ былъ состоять главнымъ образомъ изъ разсужденій о мистическихъ свойствахъ первыхъ десяти чиселъ, кажется единственныхъ, которыя когда либо подвергались подобнымъ спекуляціямъ.

4. „*Теологумены*“. За утрату трех книг Ямвлиха насъ вознаграждаетъ до нѣкоторой степени существованіе вышеупомянутой анонимной компиляціи, озаглавленной „*Теологумены Ариеметики*“ (издано въ послѣдній разъ Астомъ, Лейпцигъ, 1817). Время появленія этой компиляціи не поддается точному опредѣленію. Анатолій, новѣйшій изъ упоминаемыхъ въ ней авторовъ, — одинъ изъ учителей Ямвлиха, написавшій, какъ и его ученикъ, десять книгъ о послѣдовательныхъ числахъ декады. Нѣкоторые приписываютъ „*Теологумены*“ самому Ямвлиху и полагаютъ, что этотъ трудъ представляетъ собою его VII книгу. Но это предположеніе не выдерживаетъ критики: начать съ того, что въ книгѣ нѣтъ ни стила Ямвлиха, ни свойственныхъ ему приемовъ компилированія; кромѣ того, въ ней нельзя найти цитаты, приведенной Сирианомъ; наконецъ, и это главное, „*Теологумены*“ соотвѣтствуютъ не VII, а V, VI и VII книгамъ Ямвлиха. Дѣйствительно, они даютъ для каждаго изъ послѣдовательныхъ чиселъ декады свойства физическаго, этическаго и теологическаго порядковъ разомъ; напримѣръ, для числа 5 мы находимъ: что въ природѣ существуетъ пять элементовъ (физическое свойство), что пентада — высшая представительница справедливости (этическое свойство), что она называлась Немезидой (свойство теологическое) и т. д.

Очевидно авторъ пользовался тѣми же источниками, какъ и Ямвлихъ: нѣкоторыя мѣста компиляціи по содержанію тождественны, а по формѣ по меньшей мѣрѣ очень близки соотвѣтствующимъ мѣстамъ книги Ямвлиха; напримѣръ, въ ариметическомъ трактатѣ, составляющемъ IV книгу Ямвлиха. Но путаница свойствъ различныхъ порядковъ, царящая въ главѣ, гдѣ разсматривается каждое изъ чиселъ въ отдѣльности, ясно доказываетъ, что компиляторъ не воспользовался плодами трудовъ Ямвлиха, классифицировавшаго эти свойства по ихъ характеру и, слѣдовательно, писалъ въ ту же эпоху, но до появленія V, VI и VII книгъ упомянутаго автора. Поэтому „*Теологумены*“ должны давать намъ даже болѣе вѣрную картину состоянія ученія о мистическихъ свойствахъ чиселъ декады до Ямвлиха, чѣмъ три утерянныя книги этого автора.

5. *Отрывокъ изъ Спевзиппа о Пифагорейскихъ числахъ*

Самая цѣнная часть компіляціи—отрывокъ изъ Спевзиппа, въ несчастію испорченный въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но довольно легко возстановимый. Далѣе я приведу его переводъ съ примѣчаніями, пока же ограничусь воспроизведеніемъ предшествующихъ ему указаній.

„Спевзиппъ, сынъ Потоны, сестры Платона, мѣсто котораго онъ занималъ въ Академіи передъ Ксенократомъ,¹⁾ не переставалъ изучать съ особеннымъ усердіемъ лекціи пифагорейцевъ, главнымъ образомъ сочиненія Филолая; онъ написалъ очень изящную книжку, которую назвалъ: „О пифагорейскихъ числахъ“. Въ первой половинѣ книги онъ трактуетъ съ рѣдкимъ изяществомъ:

„О числахъ *линейныхъ, многоугольныхъ, плоскихъ и тѣлесныхъ* всякаго рода;

„О пяти фигурахъ, приписываемыхъ элементамъ міра и ихъ свойствахъ частныхъ и соотносительныхъ²⁾;

„О непрерывныхъ и прерывныхъ пропорціяхъ³⁾;

„Вторая же часть книги посвящена исключительно *декадѣ*. Спевзиппъ показываетъ, что *декада* въ высшей степени природна, что ей принадлежитъ начало вещей, что она является, какъ

---

¹⁾ Διάδοχος δὲ ἀκαδημίας πρὸ Ξενοκράτους ἐξαιρέτως σπουδασθεῖσων, ἀεὶ πύθγορικῶν ἀκροάσεων. Очевидно запятая должна быть поставлена послѣ Ξενοκράτους безъ чего ἀεὶ остается необъяснимымъ. Ксенократъ по примѣру Спевзиппа написалъ двѣ книги: «О числахъ» и «Теорія чиселъ» (Диог. Л. IV, 3).

²⁾ Ἰδιότητος αὐτῶν πρὸς ἀλλήλα καὶ κοινότητος слово καὶ должно быть поставлено передъ πρὸς.

³⁾ Ἀναλογίας τε καὶ ἀνακολουθίας. Передъ ἀναλογίας было бы желательно повтореніе предлога περί для болѣе яснаго обозначенія дѣленія на три части первой книги Спевзиппа, такъ какъ невозможно объяснить термины *аналогія* и *анаκολουзія*, относя ихъ къ пяти правильнымъ полиэдрамъ, о которыхъ Спевзиппъ говоритъ во второй части, равно какъ и Платонъ въ Тимей, хотя, собственно говоря, это предметъ чисто геометрической, а не арифметической спекуляціи. Такъ какъ, если даже древніе и давали числамъ названія *пирамидъ* (тетраэдры) или *кубовъ* (гексаэдры), то все же, насколько намъ извѣстно, они никогда не рассматривали ихъ какъ октаэдры, додекаэдры или икосаэдры.

Что касается терминовъ *аналогія* и *анаκολουзія*, то послѣдній не встречается у другихъ авторовъ въ качествѣ технического. Первый означаетъ обыкновенно пропорцію (чаще геометрическую) изъ трехъ или четырехъ членовъ. Но далѣе Спевзиппъ употребляетъ его совершенно ясно для обозначенія разностной прогрессіи, называя ее первую аналогіей; такимъ образомъ подъ *ана-*

бы организующею идеею въ сферѣ космическихъ явленій, и это, такъ сказать, по своему существу, независимо отъ нашихъ мнѣній, воображенія или случайностей; наконецъ, что она послужила Богу, Творцу Вселенной, какъ бы совершенною во всѣхъ отношеніяхъ моделью. Вотъ, что онъ о ней говорить.“

Безполезно настаивать на неоплатоническомъ характерѣ послѣдней фразы; онъ не вредитъ подлинности ни послѣдующаго отрывка, ни предварительныхъ указаній. Итакъ, мы находимъ уже здѣсь набросокъ плана пифагорейской ариметики, какъ ее понималъ Ямвлихъ, т. е. изложеніе общихъ свойствъ чиселъ, за которымъ идетъ перечисленіе специальныхъ, болѣе или менѣе мистическихъ, свойствъ первыхъ десяти чиселъ.

Съ другой стороны предметъ первой части книги Спевзиппа служить достаточнымъ доказательствомъ того, что пифагорейская арифметика вышла уже изъ рамокъ, намѣченныхъ ей Евклидомъ, и заполнила болѣе обширныя границы, намѣченныя Никомахомъ.¹⁾

6. *Вопросъ о происхожденіи мистическихъ спекуляцій надъ числами декады.* Я не стану вдаваться въ разсмотрѣніе второстепенныхъ добавленій и перемѣны терминовъ, которыя могли произойти въ арифметикѣ со времени Спевзиппа. Ямвлихъ даетъ драгоценныя въ этомъ отношеніи указанія, и я еще буду имѣть случай въ послѣдствіи отмѣтить наиболѣе важныя изъ нихъ. Теперь же интереснѣе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ опредѣлить

логией нужно разумѣть прогрессию (съ неопредѣленнымъ числомъ членовъ) или арифметическую (первая аналогія) или геометрическую (вторая аналогія).

Тогда терминъ *анаколузія* получаетъ очень простое объясненіе. Онъ будетъ выражать арифметическую или геометрическую пропорцію изъ четырехъ членовъ (или рядъ пропорцій между большимъ числомъ членовъ), не образующую прогрессию; напримѣръ, непрерывныя пропорціи:

$$\begin{aligned} & \div 1 \cdot 2 : 5 \cdot 6 \\ & \div \div 1 : 2 : : 8 : 16, \end{aligned}$$

называвшіяся позднѣе «аналогіями» между четырьмя членами, были бы названы Спевзиппомъ «анаколузіями».

¹⁾ Древность наименованій, о которыхъ идетъ рѣчь, а слѣдовательно, и образной теоріи, которая ихъ породила, для терминовъ *плоское* и *тѣлесное* свидѣтельствуется кромѣ того текстомъ Платона, а для термина—*многоугольное* заглавіемъ сочиненія Филиппа Локріена (Свида V философос). Напротивъ, отрывокъ Спевзиппа — единственный въ эту эпоху съ терминомъ *линейное*, который обозначалъ число, называвшееся иначе *первымъ* или *простымъ* а также съ терминомъ *пирамидальное*, который встрѣчается дальше. Здѣсь онъ входитъ въ общій терминъ: «тѣлесныя всякаго рода».

дѣйствительную степень древности и истинное происхожденіе теоріи о числахъ декады.

Неизвѣстно, распространялся ли Спевзиппъ объ особыхъ свойствахъ какихъ либо чиселъ кромѣ десяти первыхъ, но за то достовѣрно извѣстно черезъ Аристотеля, что по крайней мѣрѣ нѣкоторая часть пифагорейцевъ останавливалась исключительно на этихъ числахъ, чтобы развить по ихъ поводу соображенія физическаго или этическаго свойства. Что же касается собственно мистическихъ тенденцій, то ихъ древность не такъ достовѣрна и многіе склонны предполагать, что развитіе послѣднихъ произошло съ возрожденія пифагореизма въ теченіе греко-римскаго періода подъ вліяніемъ восточныхъ идей.

Дѣйствительно, Ямвлихъ пронивнуть такого рода идеями, и можно найти несомнѣнные слѣды этого въ „Теологуменахъ“ (напримѣръ, слово — *ангелы*); но изъ этого еще нельзя вывести точнаго заключенія. Мистическая синонимика, уже совершенно развившаяся со времени Никомаха, носить, напротивъ, исключительно эллинскій характеръ. Хотя Никомахъ родомъ съ востока, но главный и непосредственный источникъ, которымъ онъ пользовался, — сочиненія Модерата изъ Гадъ принадлежавшаго къ школѣ, основанной въ Римѣ нѣкимъ Секстіемъ (Секстомъ по Ямвлиху), послѣдователи котораго, какъ и ихъ учитель, получили греческое образованіе, но принадлежали въ сущности Западу. Этой-то именно школѣ обязанъ своимъ появленіемъ неопифагореизмъ, теряющійся со времени Никомаха въ общемъ эклектизмѣ.

Секстіи прибавилъ безъ сомнѣнія къ традиціоннымъ элементамъ новыя формулы, но онъ взялъ ихъ прямо у стойковъ. Что же касается традиціонныхъ элементовъ, то Ямвлихъ утверждаетъ, что онъ собралъ ихъ непосредственно (*κατὰ διαδοχὴν*). Поэтому слѣдовало бы допустить, что въ то время какъ пифагореизмъ умиралъ въ самой Греціи и не возродился ни въ одномъ изъ государствъ, основанныхъ преемниками Александра, — *акузматизмъ* продолжалъ жить въ Италіи, оторванной отъ Греціи римскими завоеваніями, и такимъ образомъ первая изъ философскихъ школъ Греціи — пифагорейская секта укоренилась въ Римѣ.

Хотя и есть нѣкоторыя указанія на продолженіе во время этого темнаго періода пифагорейскихъ оргій въ Италиі, хотя нѣкоторые изъ многочисленныхъ этическихъ отрывковъ, сохраненныхъ для насъ Стобеемъ подъ именами различныхъ пифагорейцевъ, могли дѣйствительно принадлежать уроженцамъ Великой Греціи, жившимъ подъ римскимъ владычествомъ, но все же гораздо вѣроятнѣе, что преданія, собранныя Секстиемъ, почерпнуты главнымъ образомъ изъ поддѣльныхъ сочиненій александрійцевъ, тѣмъ болѣе свободныхъ въ своихъ измышленіяхъ, что пифагорейская школа уже прекратила свое существованіе на Востоцѣ, а документы, которые ея касались, были неясны и мало достовѣрны.

Итакъ, передъ нами проблема, которая мнѣ кажется очень трудно разрѣшимой. Но, что касается собственно мистической синонимики чисель, то едва ли возможно допустить, чтобы восточныя идеи, съ которыми греки этой эпохи едва успѣли ознакомиться, могли имѣть на нее серьезное вліяніе.

7. *Относящіяся къ этому вопросу цитаты изъ древнихъ пифагорейцевъ.* Посмотримъ теперь, какую цѣнность имѣютъ дословныя цитаты опредѣленныхъ авторовъ, относящіяся къ ариеметикѣ и встрѣчающіяся въ упомянутыхъ нами источникахъ? Разсматривая эти цитаты, придется исключить тѣ изъ нихъ, которыя носятъ исключительно философскій характеръ, какъ напримѣръ, говорящія о роли идей единства и двойственности; необходимо также разсмотрѣть отдѣльно цитаты чисто научнаго характера. Происхожденіе цитатъ этихъ двухъ классовъ можетъ быть совершенно инымъ; послѣднія, напримѣръ, быть можетъ взяты изъ исторіи ариеметивы Евдема; первыя же, напротивъ, связаны съ платоновскимъ ученіемъ и должны быть предметомъ спеціальнаго разсмотрѣнія.

Невозможно ручаться за подлинность пифагорейскихъ сочиненій подъ именами авторовъ, предшествовавшихъ Филолаю и Архиту. Однако нужно замѣтить, что преданіе приписываетъ Пифагору или его непосредственнымъ ученикамъ редакцію поэмъ, выпущенныхъ подъ именемъ „Орфея“, и что, если эти поэмы и

были предметомъ поддѣлокъ и интерполяцій во всё время, то все же онѣ безспорно существовали уже съ V в. до Р. X.

Итакъ, нельзя совершенно пренебрегать цитатами „Теологумень“ (VI и IX), по которымъ: во-первыхъ, пифагорейцы, слѣдуя Орфею, называли шестерку *голомеліей*; названіе указывающее, повидимому, на то, что шести, какъ числу совершенному, свойственно быть равнымъ суммѣ своихъ дѣлителей; во-вторыхъ, Орфей и Пифагоръ называли девятку *Куретидой*, *Гиперіономъ*, *Терпсихорой*. Здѣсь мы оказываемся въ области совершеннаго мистицизма и сталкиваемся съ той странною синонимикой, которую собралъ Никомахъ.

Не наводитъ ли это на мысль, что означенная синонимика появилась съ самаго начала въ гимнахъ, аналогичныхъ дошедшимъ до насъ подъ именемъ Орфея, но посвященныхъ числамъ декады?

8. О пифагорейцѣ Аристѣ Кротонскомъ, который былъ по преданію непосредственнымъ послѣдователемъ Пифагора, Ямвлихъ говоритъ, что онъ разсматривалъ пропорцію:

$$6 : 8 = 9 : 12,$$

заимствованную Пифагоромъ у Вавилонянъ; кромѣ того изъ „Теологумень“ видно, что Аристей смотритъ на число 6, какъ на единственное изъ всѣхъ чиселъ декады, способное участвовать во всѣхъ отношеніяхъ психической гармоніи, т. е. несомнѣнно способное служить исходной точкой для такой пропорціи, какъ вышеуказанная.

Приведенная цитата имѣла бы цѣнность лишь въ томъ случаѣ, если бы она подтверждалась традиціоннымъ свидѣтельствомъ Филолая, которому, впрочемъ, приписывается знаніе упомянутой пропорціи и изображеніе души, какъ гармоніи; приписываются эти свѣдѣнія Филолаю на основаніи очень извѣстнаго въ древности сочиненія, которое навѣрно существовало еще во времена Ямвлиха. Отъ этого сочиненія осталось много отрывковъ, длинность которыхъ общепризнана; нѣкоторые изъ нихъ носятъ ясно выраженный мистическій характеръ, но я ограничусь цитатами, касающимися исключительно чиселъ.

Изъ текста Никомаха (II, 26) явствуетъ, что Филолай называлъ кубъ *геометрической гармоніей*, потому что между числами его сторонъ, вершинъ и реберъ существуетъ гармоническая пропорціональность: 6, 8, 12.

Замѣчательно, что по неизданнымъ комментаріямъ къ Никомаху Асклепія, это наименованіе куба упоминалось Аристотелемъ въ его трактатѣ „О душѣ“, между тѣмъ какъ въ текстѣ Аристотелева трактата, которымъ мы владѣемъ, этого упоминанія найти нельзя. Съ другой стороны, по второму отрывку Филолая, онъ разумѣлъ подъ гармоніей октаву, образованную сочетаніемъ кварты и квинты, что можно легко найти въ вышеприведенной гармонической пропорціи. Это заставляетъ думать, что, опредѣляя душу, какъ гармонію, Филолай предполагалъ нѣкоторую комбинацію аналогичную той, какую мы встрѣчаемъ въ „Тимей“ Платона.

Θεонъ (*Муз.*, 49) говоритъ, что Филолай много распространялся о свойствѣ декады, а „Теологумены“ (X) прибавляютъ, что по его почину послѣднюю называли *вторю*; однако текстъ не позволяетъ рѣшить, принадлежало ли это наименованіе дѣйстви-тельно Филолаю или какой-нибудь неопиѳагореецъ нашелъ въ его языкѣ достаточное основаніе для допущенія этого синонима.

„Теологумены“ (IV) цитируютъ еще одинъ отрывокъ изъ книги „О природѣ“, по которому Филолай отличалъ въ человѣкѣ четыре основныхъ части: мозгъ, сердце, пупокъ и половые органы. Здѣсь, въ этой четвертѣ, мы встрѣчаемъ образчикъ подведеній подъ числа вещей, существующихъ совмѣстно въ числѣ трехъ, четырехъ и т. д. — подведеній, такъ часто попадающихся въ документахъ, касающихся пиѳагорейцевъ. Именно такимъ образомъ послѣдніе представляли обыкновенно физическія свойства чиселъ; въ этомъ способѣ слѣдуетъ видѣть главнымъ образомъ мнемоническій приемъ для распредѣленія всякаго рода свѣдѣній, встрѣчающихся въ болѣе или менѣе развитой степени у самыхъ различныхъ народовъ; очевидно, однако, что систематическое примѣненіе такого приема естественно ведетъ къ приписыванію числамъ мистическихъ свойствъ.

По Θεону (*Муз.*, 49) Архитъ написалъ специальное сочиненіе: „О декадѣ“; „Теологумены“ (VII) цитируютъ книгу пиѳагорейца Прора: „О недѣлѣ“. По Ямвлиху („О пиѳагорейской

жизни“) послѣдній былъ родомъ изъ Киренъ и находился въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Клиніемъ Тарентскимъ, жившимъ, должно быть, во времена Платона, такъ какъ Аристосенъ (по Диогену Лаэртскому) утверждаетъ, что именно Клиній помѣшалъ ученику Сократа сжечь сочиненія Димокрита. Проръ говоритъ, что Пифагорейцы употребляли слово *σέπτας* для обозначенія числа 7; это свидѣтельство любопытно въ томъ отношеніи, что устанавливаетъ существованіе нѣкотораго вліянія на Школу по меньшей мѣрѣ языка италійскаго населенія, сосѣднаго Великой Греціи.

Наконецъ „Теологумены“ (V) цитируютъ отрывокъ изъ книги нѣкоего Мегиллія „О числахъ“, отрывокъ, наполненный мистической символикой; но нельзя опредѣлить эпоху, когда жилъ этотъ Пифагореецъ, а такъ какъ его нѣтъ въ спискахъ Ямвлиха, то очень вѣроятно, что онъ жилъ послѣ IV-го вѣка до Р. X.

Изъ сдѣланнаго нами обзора повидимому вытекаютъ слѣдующія заключенія: схема Ариметики, рассматривающей сперва общія свойства всѣхъ чиселъ и переходящей затѣмъ ко всякаго рода частнымъ свойствамъ десяти первыхъ, была составлена только послѣ Архита, и относится именно къ эпохѣ непосредственно за нимъ слѣдующей (Спевзицъ); и дѣйствительно, эта схема вполне согласуется съ преданіемъ, начиная съ Филолая; физическія свойства чиселъ декады (то, что я назвалъ мнемоническимъ приемомъ) появляются уже у Филолая, но получаютъ окончательное развитіе, вѣроятно, позднѣе; что же касается теологической синонимии, то ея происхожденіе покрыто тайной, окружающей орфическіе гимны.

9. *Цитаты объ Ариметикѣ научнаго характера.* Теперь я приступлю къ цитатамъ носящимъ болѣе научный характеръ.

Относительно самого Пифагора достаточно упомянуть: 1) объ отрывкѣ изъ сочиненія „О божествахъ“ (*Теолог.*, IV), касающемся раздѣленія четырехъ математическихъ наукъ; отрывокъ безспорно апокрифическій, но хорошо согласующійся съ традиціей; 2) объ опредѣленіи числа, приписываемомъ Учителю Ямвлихомъ, но явившемся, очевидно, послѣ стоиковъ; 3) о цитатахъ, подтверждаю-

щихъ, что ему были извѣстны: прямоугольный треугольникъ въ числахъ (*Теолог.*, I), свойство каждаго изъ *дружественныхъ* чиселъ — 284 и 220 — быть равными суммѣ дѣлителей другъ друга (*Ямвлихъ*, стр. 47). три пропорциональности — арифметическая, геометрическая и гармоническая (*Никомахъ*, II, 22), равно какъ и приведенная выше пропорція ($6 : 8 = 9 : 12$), а также приложеніе пропорціи между послѣдними четырьмя числами къ теоріи музыки, въ чемъ его послѣдователями были Аристей, Тимей Локрскій, Филолай и Архитъ.

Въ порядкѣ времени мы встрѣчаемъ за Пифагоромъ Гиппаса, главу *Акузматииковъ*; Ямвлихъ приписываетъ послѣднимъ опредѣленіе числа столь же мало подлинное, какъ и то, которое извѣстно подъ именемъ Пифагора, и постоянно связываетъ Гиппаса съ Архитомъ по поводу теоріи пропорцій, между тѣмъ какъ Θεонъ (*Муз.*, 12) довольно неопредѣленно упоминаетъ, что Гиппасъ занимался экспериментальными изслѣдованіями въ области акустики.

Послѣднія указанія довольно важны, потому что подлинныя сочиненія Архита, въ частности его трактатъ „О гармоніи“ должны были существовать во времена Ямвлиха наряду съ апокрифическими сочиненіями, которыя также могли носить имя древняго пифагорейца ¹⁾; итакъ, очень возможно, что въ сочиненіи, о которомъ идетъ рѣчь, Архитъ цитировалъ именно Гиппаса и опирался на него. Когда Ямвлихъ передаетъ, что гармоническія пропорціи назывались прежде *подъ-противными* и ихъ названіе было перемѣнено впоследствии по Архиту и Гиппасу, то можно смѣло возвести къ послѣднему названіе, которое должно быть было извѣстно по крайней мѣрѣ уже Филолаю. Что же касается до изобрѣтенія трехъ *подъ-противныхъ среднихъ величинъ* то, повидимому, онѣ явились не раньше Архита, такъ какъ Ямвлихъ противорѣчитъ себѣ въ этомъ отношеніи: въ двухъ мѣстахъ онъ приписываетъ ихъ Архиту и Гиппасу, въ третьемъ Евдоксу, ученику Архита, въ чемъ онъ сходится съ Прокломъ, писавшимъ по Евдему; что же до четырехъ послѣднихъ среднихъ величинъ, то

---

¹⁾ Между прочимъ сочиненія, которыя приписывали Архиту десять Аристотелевскихъ категорій.

Ямвлихъ точно указываетъ ихъ изобрѣтателей, Міонида ¹⁾ и Евфранора, жившихъ послѣ Эратосеена, такъ что онѣ появились не ранѣе VI в. до Р. X.

Цитаты Ямвлиха изъ Тимея Локрскаго относятся къ апокри-ическому труду, представляющему собою подражаніе діалогу Платона и носящему то же названіе; останавливаться на немъ нѣтъ надобности.

Изъ Филолая Ямвлихъ приводитъ только философскія формулы о безконечномъ и конечномъ и мнимое опредѣленіе числа, взятое, быть можетъ, изъ подлиннаго текста, но безъ сомнѣнія не воспроизводящее его точно. Впрочемъ, книга о природѣ отнюдь не математическое сочиненіе; въ ней интересны главнымъ образомъ физическій и астрономическій отдѣлы.

Теонъ (Арием., 3) отмѣчаетъ, что Филолай и Архитъ употребляютъ безразлично „единица“ и „единство“, т. е. не дѣлаютъ различія между конкретнымъ числомъ — единицей и отвлеченной платоновскою идеей единства. Онъ цитируетъ изъ Архита (Арием., 5) отрывокъ, вѣроятно взятый изъ книги „О декадѣ“, въ которомъ по его мнѣнію заключается доказательство пифагорейской доктрины, приведенной Аристотелемъ; по послѣдней единицу, какъ начало всѣхъ чиселъ вообще и четныхъ, и нечетныхъ, нельзя считать нечетомъ, а должно называть *четъ-нечетъ* (*ἀρτιοπέριστος*). Но приведенный отрывокъ нужно понимать какъ разъ въ противоположномъ смыслѣ, и во второмъ отрывкѣ Филолай *четъ-нечетъ* является уже четнымъ числомъ. Итакъ, авторитетъ Аристотеля не можетъ заставить насъ считать упомянутой эпитетъ общепринятымъ въ Школѣ въ приложеніи къ единицѣ.

Наконецъ, Теонъ говоритъ (Муз., 13), руководствуясь, вѣроятно, трактатомъ „О гармоніи“, что Архитъ (онъ прибавляетъ еще Евдокса) признавалъ соотвѣтствіе самыхъ высокихъ звуковъ самымъ частымъ вибраціямъ и существованіе опредѣленныхъ численныхъ отношеній между быстротою колебаній для каждаго музыкальнаго аккорда.

---

¹⁾ Чтеніе *περί τε Μωυσιδῶν* кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ чѣмъ — *Τετυλιῶν* *περί Τετυλιῶν*.

Съ другой стороны, намъ извѣстно, что Архитъ ввелъ въ музыкальныя пропорціи другія числа, кромѣ четырехъ первыхъ; очень возможно, что именно въ связи съ этимъ онъ искалъ новыя среднія величины, кромѣ гармоническихъ, и что вычисленія Мюнида и Евфранора относятся къ тому-же порядку идей; ничто не доказываетъ, что послѣдніе были пифагорейцами или даже вообще математиками, а не просто музыкографами ¹⁾).

10. Если даже прибавить ко всѣмъ предыдущимъ цитату „Теологуменъ“ (IV) изъ Клавдія Тарентскаго, современника Платона, о раздѣленіи четырехъ математическихъ наукъ, все-таки мы не найдемъ во всѣхъ нихъ никакого слѣда пифагорейскихъ сочиненій, дѣйствительно посвященныхъ тому, что мы называемъ арифметикой.

Пифагоръ былъ безспорно замѣчательнымъ математикомъ и обладалъ, по всей вѣроятности, очень обширными свѣдѣніями по арифметикѣ; но, если исключить изъ нихъ все, связанное съ его геометрическимъ ученіемъ, то на основаніи оставшагося едва ли можно будетъ утверждать, что онъ, или его школа, положили твердое основаніе этой наукѣ.

Главное вниманіе было обращено на теорію отношеній и пропорцій съ цѣлью приложенія ихъ къ изученію музыки, и эти усилія завершились трудомъ Архита. Послѣдующимъ развитіемъ, о которомъ мы говорили выше, арифметика всецѣло обязана математикамъ, которые, подобно Евдоксу, хотя и могутъ быть въ большей или меньшей степени причислены къ пифагорейской школѣ, но въ сущности отличаются отъ нея.

Однако есть одно, довольно странное, исключеніе, а именно — Эпимаридъ; онъ дѣйствительно написалъ сочиненіе по арифметикѣ, содержащее въ частности, интересное для исторіи алгебры положеніе, которому Ямвлихъ далъ названіе *эпаномы*.

Это положеніе можно выразить на современномъ языкѣ слѣдующимъ образомъ: если дана сумма n неизвѣстныхъ $x_1, x_2, \dots, x_n$ — S и $n - 1$ частныхъ суммъ, полученныхъ путемъ прибавленія къ x_1 важдаго изъ послѣдующихъ неизвѣстныхъ, то, сложивъ

¹⁾ Аэней цитируетъ Евфранора *περί ἀλλῶν*.

всѣ частныя суммы, вычтя изъ полученной общей суммы величину S и раздѣливъ полученную разность на $n - 2$, получимъ величину x_1 , откуда опредѣляется непосредственно значеніе всѣхъ остальныхъ неизвѣстныхъ.

Лямвлихъ примѣнилъ это предложеніе въ нахожденію цѣлыхъ наименьшихъ рѣшеній для системъ неопредѣленныхъ уравненій.

$$(1) x_1 + x_2 = 2(x_3 + x_4); x_1 + x_3 = 3(x_2 + x_4); x_1 + x_4 = 4(x_2 + x_3)$$

и

$$(2) x_1 + x_2 = \frac{3}{2}(x_3 + x_4); x_1 + x_3 = \frac{4}{3}(x_2 + x_4); x_1 + x_4 = \frac{5}{4}(x_2 + x_3).$$

Рѣшеніе, между прочимъ очень изящное, особенно близко къ приемамъ Діофанта для рѣшенія аналогичныхъ системъ и, должно быть, восходитъ ко времени *эпаномы*, по крайней мѣрѣ по принципу.

11. *Когда жилъ Тимаридъ, единственный пифагореецъ, писавшій объ арифметикѣ?* Выясненіе эпохи, когда жилъ Тимаридъ, представляетъ, очевидно, большой историческій интересъ. Нессельманъ (*Algebra der Griechen*) предполагаетъ, что онъ жилъ послѣ Никомаха, Морицъ Канторъ въ *Mathematische Beiträge zum Kulturleben der Völker* видѣлъ въ немъ древняго пифагорейца, но въ *Vorlesungen über Geschichte der Mathematik* счелъ нужнымъ оставить это мнѣніе въ виду возраженій со стороны Мартэна. Однако въ своемъ предисловіи онъ упомянулъ, что я считаю возможнымъ держаться этого мнѣнія.

Въ сущности имя Тимарида извѣстно намъ только изъ сочиненій Лямвлиха. Послѣдній упоминаетъ о немъ въ своихъ комментаріяхъ къ Никомаху (стр. 11, 36, 88, 91, 95) какъ о математикѣ, который опредѣлилъ единицу, какъ *πρωτοῦσα ποσότης*, назвалъ первыя числа *εὐδοκάρμηχοι* и изобрѣлъ *эпаному*, о которой я только что говорилъ. Въ книгѣ „О пифагорейской жизни“ (изд. Кислинга, стр. 224, 302, 470) мы трижды встрѣчаемъ имя Тимарида; въ первый разъ безъ указанія на его родину, во второй онъ названъ таронтицемъ, а въ третій паросцемъ.

Въ первый разъ въ строкахъ, заимствованныхъ по мнѣнію Мейнерса у Никомаха, Тимаридъ упоминается послѣднимъ (послѣ Гиппаса) изъ знаменитыхъ въ древности пифагорейцевъ, сочиненія которыхъ еще сохранились въ то время. Естественно принять этого пифагорейца за нашего математика, но нельзя заключить отсюда,

что онъ — *непосредственный* ученикъ Пифагора. Если текстъ Ямвлиха и подвергся такому толкованію, допущенному Фабриціемъ (изд. Гарл., 1, 877), то это можно объяснить только неточностью редакціи, такъ какъ списокъ начинается съ Филолая; тогда пришлось бы допустить, что перечень Ямвлиха заключаетъ въ себѣ наиболѣе знаменитыхъ изъ древнихъ пифагорейцевъ въ порядкѣ не зависящемъ отъ эпохи, когда они жили.

Еще неправильнѣе отождествлять вслѣдъ за Фабриціемъ Тимарида, о которомъ упоминается въ этихъ строкахъ, съ тарентинцемъ, играющимъ роль въ приведенномъ далѣе по Андросиду анекдотѣ изъ его книги *Пифагорейскіе символы* ¹⁾. Изъ упомянутаго анекдота совсѣмъ не видно, чтобы лицо, о которомъ идетъ рѣчь, пользовалось извѣстностію, между тѣмъ какъ въ анекдотѣ, касающемся Тимарида Паросскаго, дѣло обстоитъ совершенно иначе.

„Также и Тесторъ Посидоніатъ, какъ только услышалъ, что Тимаридъ, пифагореецъ изъ Паросса, человекъ очень богатый, впалъ въ нищету, тотчасъ собралъ значительную сумму денегъ, отправился въ Паросъ и выкупилъ ему все его имущество“. Здѣсь, въ этой прекрасной чертѣ дѣйствовавшей морали, нельзя не узнать античной легенды о пифагорейскомъ братствѣ, и мы охотно думаемъ, заодно съ Мейнерсомъ, что приведенный рассказъ заимствованъ у Аристоксена, равно какъ и очень извѣстный анекдотъ о Дамонѣ и Финтіи.

Наконецъ, напрасный трудъ искать Тимарида въ 36-ой главѣ Ямвлиха (стр. 524 — 528) въ списокѣ Пифагорейцевъ изъ Тарента, между тѣмъ какъ въ перечнѣ паросцевъ мы находимъ *Εὐμαρίδας*. Поправку сдѣлать легко, и она была уже намѣчена Рейнезиемъ.

¹⁾ Когда онъ отправлялся моремъ по одному дѣлу, его друзья пришли проводить его и проститься съ нимъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ ему, когда онъ сѣдился на корабль, «Да ниспошлютъ тебѣ боги, Тимаридъ, все, чего ты желаешь». Онъ отвѣчалъ: «Скажи лучше, да пожелаю я всего, что ниспошлютъ мнѣ боги».

Этотъ анекдотъ имѣетъ довольно замѣтную стоическую окраску, и слѣдуетъ воздержаться отъ сужденія о возрастѣ Андросида, отождествляемаго Фабриціемъ съ однимъ изъ современниковъ Александра Великаго, о которомъ говорить Плутархъ; такъ что врядъ ли здѣсь можно найти достаточное основаніе для различенія двухъ Тимаридовъ.

12. Итакъ все склоняетъ къ предположенію, что Тимариду Паросскому слѣдуетъ отнести среди древнихъ пифагорейцевъ замѣтное мѣсто, такъ какъ относящійся къ нему анекдотъ можно объяснить только тѣмъ, что онъ еще при жизни пользовался нѣкоторой извѣстностію. Посмотримъ теперь, не помѣшаютъ ли данныя о его трудахъ отнести автора *эпаномы* къ столь древнему періоду.

Что касается самой *эпаномы*, то она не представляетъ въ этомъ отношеніи никакихъ затрудненій: достаточно напомнить мнѣніе о ней Кантора. Опредѣленіе же единицы Ямвлихъ относилъ ко времени до Евклида, такъ какъ противопоставлялъ именно это опредѣленіе — предѣльная *доля* — опредѣленію болѣе позднихъ авторовъ (по которому каждая отдѣльно взятая вещь — единица), заимствованному ими у Евклида.

Въ этомъ опредѣленіи Тимарида, которое, между прочимъ, можно найти, но безъ имени автора, у Теона Смирнскаго подъ *долею* (*ποσότης*) нужно разумѣть цѣлое число, такъ какъ дроби принадлежатъ къ *πηλίκότης* т. е. къ непрерывнымъ величинамъ. *Предѣль* (*περαινοῦσα*) употребленъ въ томъ же смыслѣ, какъ и у Филолая. Итакъ это опредѣленіе сводится къ другому, которое также приписывается пифагорейцамъ: единица — посредница между цѣлыми числами и дробями.

Терминъ *ποσότης* повидимому заимствованъ у Платона; поэтому можно бы было отнести Тимарида къ IV в. Выраженіе *εὐθύγραμμικοί* (*прямолинейныя*) для первыхъ чиселъ очень близко къ выраженію *γραμμικοί* (*линейныя*), встрѣчающемуся въ отрывкѣ у Спевзиппа. Оба относятся къ одному и тому же способу представленія чиселъ посредствомъ точекъ, изображающихъ единицы; если число сложное, точки могутъ быть расположены по параллельнымъ линіямъ и дать въ цѣломъ прямоугольникъ; тогда число считалось *плоскимъ*; но, если число первое, изъ его точекъ нельзя получить никакой правильной фигуры и приходится довольствоваться расположеніемъ ихъ по прямой линіи.

Ничто не доказываетъ, чтобы Тимаридъ былъ изобрѣтателемъ этихъ выраженій, равно какъ и самаго способа представленія, извѣстнаго отъ Платона. Итакъ мы не имѣемъ права считать

Θιμαριда предшественникомъ Спевзиппа, но нѣтъ также и основаній думать, что Θимаридъ жилъ послѣ него.

Наконецъ, такъ какъ числа представляли всегда прямыми линиями, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что сокращенное выраженіе *линейныя* встрѣчается у греческихъ математиковъ чаще, чѣмъ *прямолинейныя* или что они употребляли еще *εὐδομετρικοί*, сводящееся къ тому же значенію.

Въ общемъ, трехъ цитатъ изъ Θимарида достаточно, чтобы сдѣлать вѣроятнымъ, что онъ написалъ настоящій трактатъ по ариметикѣ; этому трактату слонны приписывать форму совершенно отличную отъ той, которую освятилъ своимъ сочиненіемъ Евклидъ. Хотя имя Θимарида упоминается только у Ямвлиха, но весьма возможно, успѣхъ его ариметики былъ такъ великъ, что заставилъ забыть всѣ прежніе спеціальные трактаты, которые, должно быть, существовали, но не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ¹⁾.

13. *Ариѳметическія знанья у Ямвлиха.* Мнѣ кажется нелишнимъ дать нѣкоторыя поясненія по поводу слова *επιγνώμη*. Это слово не составляетъ исключительной принадлежности Θимарида. Ямвлихъ употребляетъ его вообще для обозначенія прибавленій въ *Введенію* Никомаха. Въ этомъ убѣждаетъ насъ уже то, что имъ же пользуется онъ при подробномъ изложеніи мистическихъ свойствъ чиселъ декады. Въ одномъ мѣстѣ (стр. 53), впрочемъ весьма темномъ, онъ говоритъ о приѣмѣ „прорицательныхъ таблицъ“ (*μαθητικῶν πλινθιδίων*), о которыхъ говорилось въ *επιγνώμαхъ Введенія въ Ариѳметику*. Это, повидимому, тѣ таблицы, о которыхъ я говорилъ въ моей *Notice sur des fragments d'onomatomanie arithmétique*²⁾, а приѣмъ, о которомъ идетъ рѣчь, — тотъ, которымъ пользовались при повѣркѣ посредствомъ девяти.

Изъ словъ Ямвлиха можно заключить, что подъ именемъ *επιγνώμη* въ его время существовалъ какъ бы дополнительный

¹⁾ Кромѣ пифагорейцевъ и ихъ послѣдователей можно указать только Демокрита, написавшаго книгу, озаглавленную: „Числа“.

²⁾ Notices et Extraits des Manuscrits de la Bibliothèque nationale, XXXI, 1886 г.

сборникъ въ *Введенію* Никомаха; по всей вѣроятности онъ со- держалъ свѣдѣнія, не входившія, какъ обязательныя, въ про- грамму по ариѳметикѣ для студентовъ философіи.

14. *Переводъ отрывковъ изъ Спевзиппа и пояснительныя примѣчанія.* Въ заключеніе я приведу, какъ обѣщалъ, отрывокъ изъ Спевзиппа, взятый изъ *Теологуменъ*. Онъ можетъ намъ дать самое ясное представленіе о разнородныхъ соображеніяхъ, какія излагались вмѣстѣ пифагорейцами того времени по поводу чиселъ декады. Въ примѣчаніяхъ указаны поправки, какія нужно внести въ текстъ и даны необходимыя для пониманія отрывка объ- ясненія.

„Число десять — совершенно; поэтому вполне справедливо и естественно, что элины, безо всякаго предварительнаго согла- шенія, сошлись со всѣми народами всѣхъ странъ въ десятирич- номъ способѣ счисления; оно обладаетъ также нѣсколькими свой- ствами, приличествующими такому совершенству¹⁾).

„Во-первыхъ, оно должно быть четнымъ, чтобы заключать собою столько же четовъ, какъ и нечетовъ, безъ численнаго превосходства одного изъ этихъ родовъ чиселъ; дѣйствительно, такъ какъ нечетъ предшествуетъ чету, то всегда окажется лишній нечетъ, если число нечетное²⁾).

„Кромѣ этого равенства подобаетъ также, чтобы существо- вало и другое — между числами первыми или простыми и вто- рыми или сложными³⁾), и это равенство существуетъ для 10, между тѣмъ какъ ни одно изъ низшихъ чиселъ не даетъ его; изъ высшихъ чиселъ его можно найти въ 12 и нѣкоторыхъ

¹⁾ Въ текстѣ прибавлена здѣсь фраза, которую принято считать позднѣй- шимъ примѣчаніемъ: «Нѣкоторыя изъ этихъ свойствъ не принадлежатъ ему исключительно, но, какъ совершенное, оно должно ими обладать».

²⁾ Три первыя свойства числа 10, отмѣченныя Спевзиппомъ, заключаются въ томъ, что отъ 1 до 10 столько же чиселъ 1) четныхъ, какъ и нечетныхъ, что очевидно уже изъ того, что 10 — четное; 2) простыхъ — 1, 2, 3, 5, 7, — какъ и сложныхъ — 4, 6, 8, 9, 10; 3) множителей — 1, 2, 3, 4, 5, — какъ и произведеній. Въ послѣднемъ предложеніи странно то, что, хотя 1 принята за множителя, но не всѣ остальные числа считаются за произведенія, а 7 и со- всѣмъ исключено.

³⁾ Техническое выраженіе *второе* (δεύτερος) для обозначенія сложныхъ чи- селъ въ противоположность *первымъ* теперь не употребляется, но оно встрѣ- чается у всѣхъ греческихъ математиковъ.

других¹⁾, но 10 — ихъ прототипъ, первое изъ чиселъ, имѣющихъ это свойство, наименьшее изъ всѣхъ, которыя имъ обладаютъ; такимъ образомъ, одно изъ свойственныхъ ему совершенствъ — заключать собою равное число сложныхъ и простыхъ чиселъ²⁾.

„Оно даетъ еще третье равенство — между числомъ произведеній и множителей этихъ произведеній, при чемъ множители идутъ до 5, а ихъ произведенія отъ 6 до 10. Семь не можетъ быть получено отъ умноженія какихъ бы то ни было чиселъ, а потому должно быть исключено, но за то *нужно прибавить 4*³⁾, какъ производное отъ 2-хъ, такъ что равенство восстанавливается.

„Сверхъ того 10 заключаетъ въ себѣ всѣ отношенія равенства, превосходства, подчиненности, возможныя между послѣдовательными числами⁴⁾, и другія, а равно линейныя, плоскія и тѣлесныя числа, такъ какъ 1 есть точка, 2 — линия, 3 — треугольникъ, 4 — пирамида, и каждое изъ этихъ чиселъ первое въ своемъ родѣ и начало ему подобныхъ. А эти числа образуютъ первую изъ прогрессій, а именно разностную⁵⁾, и общая сумма ея членовъ — число 10.

¹⁾ Странно, что послѣ 12 Спевзиппъ прибавляетъ, будто нѣкоторыя другія числа также обладаютъ свойствомъ заключать собою столько же первыхъ, какъ и сложныхъ чиселъ, кромѣ 12. Въ дѣйствительности легко убѣдиться, что этимъ свойствомъ обладаютъ только 10, 12 и 14, а потому фраза καὶ ὁ ἴσος καὶ ἄλλοι τινές кажется подозрительной.

²⁾ Въ утомительныхъ повтореніяхъ этого мѣста можно видѣть толкованіе термина ποιότις: «наименьшее изъ чиселъ обладающихъ даннымъ свойствомъ». Этому термину придавали в древности еще и другое значеніе, восходящее быть можетъ также къ пнеагорейцамъ, а именно, значеніе остатка отъ дѣленія какого-либо числа на 9.

³⁾ Слово «нужно прибавить» въ греческомъ текстѣ нѣтъ, что, очевидно составляетъ пробѣлъ, но смыслъ несомнѣненъ.

⁴⁾ ἐπιμορίου, отношеніе двухъ послѣдовательныхъ чиселъ натурального ряда, $n + 1$ и n . Спевзиппъ хочетъ сказать здѣсь, что, если разсматривать отношенія чиселъ отъ 1 до 10, то они оказываются или равными другъ другу или больше или меньше одно другого, исчерпывая всѣ возможные случаи, которые соответствуютъ, очевидно номенклатурѣ десяти видовъ отношеній, перечисленныхъ Никомачомъ; этимъ самымъ подтверждается древность этой сложной номенклатуры.

⁵⁾ καὶ ἀναλογίαν δὲ πρώτων. Я уже говорилъ выше объ этомъ выраженіи, принадлежащемъ Спевзиппу. Впрочемъ онъ даетъ здѣсь композицію *пнеагорейской тетрактиды*, $1 + 2 + 3 + 4 = 10$, на основаніи которой онъ подставляетъ в послѣдствіи 10 на мѣсто 4.

„Въ плоскихъ и тѣлесныхъ¹⁾ фигурахъ первые элементы также точка, линия, треугольникъ и пирамида, заключающіеся въ числѣ 10 и въ немъ же находящіе свое завершеніе.

„Такъ, напримѣръ, у пирамиды²⁾ 4 угла или 4 стороны и 6 реберъ, что составляетъ 10. Интервалы и предѣлы точки и линіи даютъ также 4, стороны и углы этого *треугольника* 6, т. е. опять таки 10³⁾.

„То же мы найдемъ, если станемъ исчислять фигуры. Дѣйствительно, первый треугольникъ — равносторонній — имѣетъ какъ бы только одну сторону или одинъ уголь по причинѣ равенства угловъ и сторонъ, и потому что равное всегда неразлично и единообразно.

„Второй треугольникъ — *полуквадратъ*, ибо, имѣя неравными только 2 стороны или 2 угла, онъ соотвѣтствуетъ діады.

„Третій — *гемитрионъ* — половина равносторонняго треугольника, такъ какъ въ немъ нѣтъ равныхъ элементовъ, а число ихъ 3⁴⁾.

¹⁾ Т. е. въ геометріи на плоскости и въ пространствѣ. Точка, линия, треугольникъ и пирамида уже не изображаютъ здѣсь числа, какъ немного выше, а понимаются какъ фигуры или элементы геометрическихъ фигуръ.

²⁾ Пирамида взята здѣсь въ смыслѣ тетраэдра; углы суть углы тѣлесные.

³⁾ Способъ, посредствомъ котораго Спевзиппъ приходитъ въ этихъ сближеніяхъ во второй разъ къ числу 10, довольно теменъ. Вѣроятно онъ беретъ систему точки и линіи, — линія имѣетъ два предѣла, и отъ данной точки до этихъ предѣловъ два интервала; затѣмъ въ этомъ *треугольникъ* (въ текстѣ послѣдняго слова нѣтъ) 3 стороны и 3 угла. Въ то время какъ пирамида дала ему непосредственно 10, здѣсь онъ комбинируетъ точку, линію и полученный такимъ образомъ треугольникъ.

⁴⁾ Кажется, что въ этомъ изложеніи заключается довольно плохо развитая пифагорейская концепція.

Точка, монада, неизбѣжно проста; линія, діада, должна быть двухъ родовъ: прямая и кривая; треугольникъ, триада, трехъ родовъ; пирамида, тетрада, — четырехъ; въ общемъ 10.

Три рода треугольниковъ — очевидно равносторонній, равнобедренный и равносторонній; числа неравныхъ элементовъ въ каждомъ изъ нихъ образуютъ прогрессию $\div 1, 2, 3$. Только вмѣсто равнобедреннаго и разносторонняго Спевзиппъ беретъ, какъ образецъ этихъ родовъ, два особые треугольника, тѣ-же, которые встрѣчаются и въ Платоновскомъ «Тимей» на ряду съ равнобедреннымъ; одинъ изъ нихъ — полуквадратъ (*ἡμιστεράγωνον*) т. е. прямоугольный равнобедренный треугольникъ; второй — тотъ, который Спевзиппъ называетъ *гемитриономъ*, т. е. прямоугольный разносторонній треугольникъ, получаемый отъ дѣленія на двѣ части равносторонняго одною изъ его высотъ.

По аналогіи пирамиды должны подраздѣляться на четыре рода тетраэдровъ въ зависимости отъ того, равны ли въ нихъ всѣ четыре тѣлесныхъ угла, только

„Поступая такимъ образомъ съ тѣлесными фигурами, найдемъ число 4, слѣдовательно прійдемъ опять таки въ декадѣ.

„Дѣйствительно, первая пирамида представляетъ собою какъ бы *единицу*¹⁾, имѣя, такъ сказать, одно ребро или одну грань по причинѣ ихъ равенства. *Вторая пирамида является въ томъ же смыслѣ диადой*²⁾, такъ какъ ея углы при основаніи образованы тремя плоскостями, а уголь при вершинѣ четырьмя, такъ что это различіе уподобляетъ ее диадѣ. Третья пирамида, построенная на полуквадратѣ является триадою. Къ различію элементовъ, которое мы видѣли въ *полуквадратѣ*, какъ плоской фигурѣ, она прибавляетъ еще одно, соответствующее углу при вершинѣ; итакъ, есть соответствіе между триадою и этой пирамидой, вершина которой лежитъ на перпендикулярѣ, возстановленномъ изъ середины гипотенузы основанія³⁾. Наконецъ тѣмъ же способомъ можно найти *тетраду* въ четвертой пирамидѣ, имѣющей въ основаніи *гемитригонъ*⁴⁾.

три, два или, наконецъ, всѣ различны. Спевзиппъ опять таки выбираетъ частные случаи, но второй изъ нихъ выбранъ неудачно, такъ какъ онъ беретъ пирамиду съ квадратнымъ основаніемъ.

1) τριάς γάρ πως ἢ μὲν πρώτη πορὰς μίαν πως γραμμὴν τε καὶ ἐπιπέδου ἐν ἰσότητι ἔχουσα. Первое слово, *τριάς*, по всей вѣроятности ошибка: только третья пирамида, ἢ δὲ τρίτη τριάδι соответствуетъ триадѣ; первая — можетъ быть только монадой, такъ что должно читать *μονάς*. Эта первая пирамида, очевидно, правильный тетраедръ.

2) Слова, написаннаго курсивомъ соответствуютъ въ текстѣ пропуску послѣ фразы, воспроизведенной въ предыдущемъ примѣчаніи. Чтобы заполнить пробѣлъ я вставляю *δυάς*, δὲ ἢ δευτέρα; текстъ продолжаетъ: *παρὰ τῆς ἐπὶ τῆς βάσεος γωνίας ὑπὸ τριῶν ἐπιπέδων περιεχομένη, τὴν κατὰ κορυφὴν ὑπὸ τεττάρῳ συκλειομένη, ὡστε ἐκ τούτου δυάδι εἰστέναи*. Эта вторая пирамида построена на квадратномъ основаніи и, кромѣ того, правильно, т. е. всѣ четыре ребра ея, сходящіяся въ вершинѣ, равны.

3) *πλευρᾶ* означаетъ слово въ слово «сторона». Третья пирамида, имѣющая въ основаніи *полуквадратъ*, получается черезъ разсѣченіе второй пирамиды плоскостью, проходящею черезъ ея вершину, и одну изъ діагоналей квадратнаго основанія.

4) *тетраδι* δὲ ἢ τετάρτη κατὰ ταῦτα, ἐπὶ ἡμιστετραγώνῳ βάσει συνισταμένη. Очевидно, здѣсь слово *ἡμιστετραγώνῳ* слѣдуетъ замѣнить словомъ *ἡμितिγώνῳ*, потому что не эта, а третья пирамида построена на *полуквадратѣ* ἐπὶ ἡμιστετραγώνῳ βεβηχῶτα. Четвертая же пирамида имѣетъ въ основаніи частный типъ неравносторонняго треугольника, и можно предположить кромѣ того, что въ ней, какъ и въ предыдущихъ, ребра, сходящіяся въ вершинѣ, равны между собою. Она получится, если разсѣчь правильный тетраедръ одною изъ биссекторіальныхъ плоскостей его двугранныхъ угловъ.

Итакъ, эти фигуры завершаются въ числѣ 10. То же и относительно возникновенія, ибо для величины первое основаніе — точка, второе — линія, третье — поверхность и четвертое — тѣло“.

Здѣсь текстъ прерывается. Можно предположить, что Спевзиппъ долго еще распространялся въ томъ же духѣ. Въ общемъ его отрывокъ состоитъ изъ ряда мысленныхъ хитросплетеній, не имѣющихъ, конечно, значенія для ариеметики, какъ науки, но свидѣтельствующихъ о громадномъ развитіи, какое она получила съ тѣхъ поръ.

Итакъ, греческая ариеметика получила полное развитіе въ концѣ эллинскаго періода, потому что послѣдующія дополненія къ ней или незначительны или не приобрѣли классическаго характера и впослѣдствіи затерялись, какъ труды Архимеда, которые достигли по всей вѣроятности значительной высоты, но настоящую оцѣнку которыхъ мы не въ состояніи произвести. Говоря объ ариеметикѣ, я исключилъ рѣшеніе неопредѣленнаго анализа второй степени Діофанта, потому что, по крайней мѣрѣ въ александрійскій періодъ по свидѣтельству Гемива, они считались только логистикой. Но не слѣдуетъ забывать, что исходная точка — конструкція прямоугольнаго треугольника въ числахъ приписывается преданіемъ Пифагору, и что сочиненіе, явившееся до Діофанта, *Философумены*, приписываетъ Учителю рядъ степеней, яко бы разсматривавшихся исключительно мнимымъ отцомъ алгебры. Что же касается опредѣленныхъ проблемъ послѣдняго, которыя также составляли до него часть логистики, то несомнѣнно, что онѣ не были рѣшены въ эллинскій періодъ; это доказываетъ съ одной стороны *эпанѳема* Фимарида, съ другой — существованіе геометрическихъ рѣшеній неопредѣленныхъ проблемъ второй степени.

Но удивительнѣе всего то, что это развитіе ариеметики имѣло мѣсто до изобрѣтенія алфавитной системы нумераціи, происхожденіе которой — александрійское, что, съ другой стороны, оно почти анонимно: неизвѣстно, кому его приписать, за исключе-

ніемъ частей сравнительно второстепенной важности. Не вышла ли арифметика цѣликомъ изъ мозга Пифагора, какъ Минерва изъ головы Юпитера? Это возможно; но какимъ образомъ она передавалась? Кромѣ того, зачѣмъ и при какихъ условіяхъ явились всѣ тѣ приложенія — то яко-бы философскаго, то чисто мистическаго свойства, — которыя характеризуютъ пифагорейскую арифметику времени Ямвлиха? Эти вопросы по прежнему остаются открытыми. Впрочемъ, взявшись за ихъ разсмотрѣніе, я вовсе не претендовалъ на ихъ окончательное рѣшеніе.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Переводу доксографовъ и сохранившихся отрывковъ изъ сочиненій греческихъ философовъ считаю нужнымъ предпослать слѣдующее.

Переводъ отрывковъ Эмпедокла былъ любезно предоставленъ въ наше распоряженіе Э. Л. Радловымъ, за что приносимъ ему нашу искреннюю благодарность. Что касается до остального, то доксографы переведены мной въ томъ размѣрѣ, въ какомъ приложены они къ книгѣ Таннери, по изданію Дильса (*Diels, Doxographi graeci, Berolini 1879*).

Переводъ отрывковъ Ксенофана сдѣланъ мной по изданію *Bergk-Hiller* (*Poetae lyrici graeci*⁵, vol. I 1890), а Гераклита — по изданію *Wywater* (*Heracliti Ephesii reliquiae, 1877, Oxonii*). Что касается до Парменида, то при переводѣ его отрывковъ я пользовался изданіемъ Дильса (*Diels, Parmenides Lehrgedicht, Berlin, 1897*), остальные же философы, а именно: Зенонъ, Мелиссъ и Анаксагоръ переведены по тексту, напечатанному у Муллаха (*Mullach, Fragmenta philosophorum graecorum*).

Кромѣ этихъ изданій пользовался я также книгой Fairbanks, *The first philosophers of Greece* (London 1898). Изъ трактата Теофраста *De Sensibus* выбраны мною только тѣ мѣста, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ книгѣ Таннери, причемъ переводъ сдѣланъ по изданію Дильса (*Doxographi graeci, Berolini 1879*).

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить мою благодарность проф. В. К. Эрнштедту за помощь, оказанную мнѣ при переводѣ отрывковъ Гераклита.

Г. Ф. Церетели.

ДОКСОГРАФІЯ.

Θалесъ.

1. *Θеофрастъ*, *Physic. opinion.*, fr. I. (*Simplic. in phys. f. 6*) (*Дох. 475*): Изъ допускающихъ, что начало едино и обладаетъ движеніемъ (ихъ Аристотель называетъ физиками въ собственномъ смыслѣ этого слова), одни считаютъ его ограниченнымъ. Такъ Θалесъ, сынъ Эсамія изъ Милета и Гиппонъ (послѣдній считается сверхъ того не признающимъ боговъ) говорили, что вода есть начало; они пришли къ этой мысли на основаніи чувственной видимости, ибо теплое живетъ влагой, умирающее высыхаетъ, всякое сѣмя влажно и всякая пища содержитъ въ себѣ влагу; а изъ чего всё происходитъ, этимъ обыкновенно (всѣ) и питается. Вода же есть начало влажной природы и связь всего. Поэтому они предположили, что вода есть начало всего и объявили, что земля покоится на водѣ. По преданію Θалесъ первый среди Эллиновъ издалъ сочиненіе о природѣ; положимъ, у него было много предшественниковъ, какъ думаетъ и *Θеофрастъ*, но онъ, значительно превзойдя ихъ, какъ бы затмилъ всѣхъ жившихъ до него (физиковъ); говорятъ, что письменно онъ ничего не оставилъ, кромѣ такъ называемой „*Морской Астрологіи*“.

2. *Ипполитъ*, *Philosophumena I*, 1 (*Дох. 555*): Говорятъ, что Θалесъ изъ Милета, одинъ изъ семи мудрецовъ, впервые взялся за физическую философію. Онъ говорилъ, что вода есть начало и конецъ всего, ибо изъ нея путемъ стуженія и испаренія составляется всё и всё ею поддерживается, вслѣдствіе чего происходятъ колебанія земли и вихри и движенія свѣтилъ, и всё увлекается и течетъ сообразно природѣ перваго родоначальника всего существующаго. Богъ есть то, что не имѣетъ ни начала, ни конца.

Θалесъ, занявшись изученіемъ свѣтилъ и касающихся ихъ изысканіями, является у Эллиновъ родоначальникомъ этой науки. Онъ, глядя на небо и говоря, что прекрасно подмѣчаетъ всё небесное, однажды упалъ въ колодезь; по этому поводу, какая то служанка, Θракіанка, смѣясь надъ нимъ, сказала: „стараясь постигнуть небесное, онъ не постигаетъ того, что подъ ногами“. А жилъ Θалесъ при Крезѣ

3. *Плутархъ*, Stromat. I: (Dox. 579). Говорятъ, что Θалесъ первый предположилъ началомъ всего воду, сказавъ, что изъ нея всё происходитъ и въ нее возвращается.

4. *Эпифаній*, Advers. haeres. III, 1. (Dox. 589). Вѣдь самъ Θалесъ изъ Милета, одинъ изъ семи мудрецовъ, объявилъ родоначальникомъ всего воду, ибо, говоритъ онъ, изъ воды все происходитъ и въ воду снова распускается.

5. *Гермій*, Irris. gentil. philos. 10 (Dox. 653). Съ другой стороны я думаю, что Θалесъ правъ, опредѣляя началомъ всего воду, ибо всё состоитъ изъ влажнаго и во влажное разрѣшается, и земля на водѣ покоится. Итакъ, почему бы не повѣрить мнѣ Θалесу, древнѣйшему изъ Іонянъ?

6. *Аэцій*, Placita I, 2 (Dox. 275). Θалесъ изъ Милета считаетъ, что начало и элементы одно и то-же. Главное же (въ этомъ вопросѣ), поскольку они разнятся другъ отъ друга, ибо элементы сложны, начала же, по нашему мнѣнію, ни сложны, ни производны; такъ элементами мы называемъ землю, воду, воздухъ, огонь; началомъ же зовемъ то, что не имѣетъ ничего предшествующаго, послужившаго ему родоначальникомъ, такъ какъ иначе началомъ было бы не оно, а то, изъ чего оно произошло. У земли же и воды есть кое что, изъ чего они произошли, а именно: безформенная и безкачественная матерія, форма, которую мы называемъ *интелехией*, и лишеніе (*στέρησις*). Поэтому Θалесъ ошибается, называя воду и началомъ и элементомъ.

Аэцій, Placita I, 3: (Dox. 276). Θалесъ изъ Милета объявилъ началомъ существующаго — воду, ибо, говоритъ онъ, всё происходитъ изъ воды и въ воду распускается. Его мнѣніе основывается на слѣдующемъ: *во-первыхъ*, сѣмя всѣхъ живыхъ существъ есть начало, обладающее влажностью; поэтому вѣро-

ятно, что и всё остальное беретъ изъ влажнаго свое начало; *вторыхъ*, всё растенія питаются влагой и благодаря ей приносятъ плоды, лишеныя же влаги, засыхаютъ; *въ-третьихъ*, даже огонь солнца и свѣтилъ, равно какъ и весь міръ питается испареніями воды. Вслѣдствіе этого и *Гомеръ* высказываетъ слѣдующую мысль о водѣ:

Океанъ, который для всего является родоначальникомъ.

7. *Пробъ*, ad Vergilium, p. 21 (Дох. 91). Фалесъ изъ Милета, учитель Анаксимена, (признаетъ началомъ) воду; это мнѣніе Фалеса, какъ думаютъ, вытекаетъ изъ Гесиода, который сказалъ:

Хаосъ былъ прежде всѣхъ вещей, а затѣмъ...

И дѣйствительно, Зенонъ изъ Китія, называя воду словомъ *хаосъ*, производитъ послѣднее отъ *χεῖσθαι* (течь). Впрочемъ, то-же самое мы можемъ понимать изъ словъ Гомера, говорящаго:

Океанъ и Теида, отецъ и мать боговъ.

8. *Цицеронъ*, De deorum natura I, 10 (Дох. 531): Фалесъ изъ Милета, впервые поднявшій подобные вопросы, признавалъ, что вода есть начало всего, а богъ—тотъ разумъ, который всё сотворилъ изъ воды. Но развѣ могутъ быть боги безъ чувства и почему онъ прибавилъ разумъ къ водѣ, если разумъ можетъ существовать безъ тѣла?

9. *Св. Августинъ*, De civitate Dei, VIII, 2 (Дох. 173): Родоначальникомъ Ионійской школы былъ Фалесъ Милетскій, одинъ изъ тѣхъ семи, которые были названы мудрецами. Но остальные шесть отличались образомъ жизни и нѣкоторыми предписаніями, относящимися ко благой жизни. Фалесъ же настолько выдѣлился, что даже приобрѣлъ учениковъ, изучая природу вещей и предавая письму свои размышленія; прославился онъ въ особенности тѣмъ, что, постигнувъ астрономическія вычисленія, могъ даже предсказывать затменія солнца и луны. Онъ считалъ однако, что вода есть начало вещей и что изъ нея возникаютъ всё элементы міра, самый міръ и то, что въ немъ рождается. Однако онъ не предположилъ участія божественнаго разума въ созданіи міра, созерцаніе котораго приводитъ насъ въ столь великій восторгъ.

10. *Азійи*, Placita I, 7 (Дох. 301). Thalесъ: Богъ есть разумъ міра; всё одушевлено и въ то же время преисполнено демоновъ; божественная же сила проникаетъ черезъ первичную влажность, приводя её въ движеніе. — *ibid.* I, 8 (Дох. 307): Thalесъ, Пифагоръ, Платонъ, Стоики (говорятъ): существуютъ демоны, существа одушевленные, а также и герои, души, отдѣленные отъ тѣлъ; они бывають добрыя или злыя, смотря по тому, каковы души.

11. *Азійи*, Placita I, 9 (Дох. 307): Ученики Thalеса и Пифагора, а также Стоики считаютъ матерію подвижной, разнообразной, измѣнчивой и текущей. — *ibid.* I, 11 (Дох. 310): Thalесъ и его послѣдователи объявили первопричину неподвижной. — *ibid.* I, 16 (Дох. 314): Ученики Thalеса и Пифагора: тѣла чувствительны и дѣлимы до безконечности, какъ и всё вообще непрерывное: линія, поверхность, объемъ, тѣло, мѣсто, время. — *ibid.* I, 17 (Дох. 315): Thalесъ и его ученики: сочетаніе есть смѣшеніе элементовъ при измѣненіи послѣднихъ. — *ibid.* I, 18 (Дох. 315): Всё физики, начиная съ Thalеса вплоть до Платона, отрицали пустоту, какъ пустоту. — *ibid.* I, 25 (Дох. 321): Thalесъ: верхъ могущества — необходимость (*ἀνάγκη*), ибо она правитъ всѣмъ.

12. *Азійи*, Placita II, 1 (Дох. 327): Thalесъ и его ученики: міръ единъ. — *ibid.* II, 12 (Дох. 340): Thalесъ, Пифагоръ и его ученики: вся небесная сфера раздѣлена на пять круговъ, которые называются поясами; одинъ изъ нихъ называется арктическимъ и всегда видимымъ; другой — тропическимъ, третій — равноденственнымъ; четвертый — зимнимъ тропическимъ, пятый — антарктическимъ и не видимымъ. Таеъ называемый зодіакъ пересѣкаетъ наискось три среднихъ круга, касаясь всѣхъ ихъ. Меридіанъ пересѣкаетъ всё пять, идя съ сѣвера въ противоположную сторону. — *ibid.* II, 13 (Дох. 341): Thalесъ: свѣтила землистаго состава, но воспламенены. — *ibid.* II, 20 (Дох. 349): Thalесъ (думалъ, что) солнце землистаго состава. — *ibid.* II, 24 (Дох. 353): Thalесъ первый сказалъ, что солнце затмѣвается, когда луна, по природѣ своей землистая, проходитъ черезъ него по прямой линіи; тогда ея отраженіе получается на дискѣ, словно въ зеркалѣ. — *ibid.* II, 25 (Дох. 356): Thalесъ объявилъ, что луна землистаго состава. —

ibid. II, 28 (Дох. 358): Фалесъ первый сказалъ, что (луна) заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца. — *ibid.* II, 29 (Дох. 360): Фалесъ, Анаксагоръ, Платонъ, и Стоики согласно съ математиками говорили, что луна ежемѣсячно идетъ на убыль, сопутствуя солнцу, и имъ освѣщается. Затменіе же луны происходитъ, когда она попадаетъ въ тѣнь земли, которая тогда находится между обоими свѣтилами.

13. *Азѳій*, *Placita* III, 9 (Дох. 376): Фалесъ и его ученики: земля едина. — *ibid.* III, 10 (Дох. 376): Фалесъ, стоики и ихъ ученики: земля шаровидна. — *ibid.* III, 11 (Дох. 377): Ученики Фалеса: земля находится въ центрѣ. — *ibid.* III, 15 (Дох. 379): Фалесъ и Демокритъ видятъ въ водѣ причину землетрясеній.

14. *Азѳій*, *Placita* IV, 1 (Дох. 384): Фалесъ полагаетъ, что пассаты, дующа по направленію къ Египту, вздымаютъ воды Нила, такъ какъ вода въ устьяхъ не имѣетъ выхода по причинѣ набѣгающаго моря. — *ibid.* IV, 2 (Дох. 386): Фалесъ первый призналъ душу вѣчнодвижущейся или самодвижущейся.

15. *Азѳій*, *Placita* V, 26 (Дох. 438): Платонъ и Фалесъ говорили, что даже растенія представляютъ собой одушевленные существа; это явствуетъ изъ ихъ колебаній, а также изъ гибкости ихъ вѣтвей, которыя поддаются при притяженіи и снова сразу выпрямляются, такъ что могутъ даже поднимать тяжести.

Анаксимандръ.

1. *Теофрастъ. Physic. opinion., fr. 2 (Simplic. in physic. 6 r).* (Дох. 476).

Изъ допускающихъ единое, движущееся и безконечное (начало) Анаксимандръ, сынъ Праксиады изъ Милета, ученикъ и послѣдователь Фалеса, утверждаетъ, что *безконечное* есть *начало* и *матеріальная причина*¹⁾ всего. Онъ первый ввелъ слово „начало“ и высказалъ, предположеніе, что оно ни вода, ни что либо другое изъ такъ называемыхъ элементовъ, но нѣкоторая другая безконечная природа, изъ которой образуются всѣ небеса и всѣ въ нихъ міры. Отъ этого (начала) всѣ вещи получаютъ рожденіе и согласно необходимости уничтоженіе, ибо въ опредѣленное время онѣ претерпѣваютъ наказаніе и (несутъ) возмездіе за взаимную несправедливость: такъ выражается онъ, пользуясь слишкомъ поэтическими оборотами. Ясно, что онъ, обративъ вниманіе на взаимное измѣненіе четырехъ элементовъ, не считъ возможнымъ признать одинъ изъ нихъ основнымъ, но нѣчто другое. Онъ же приписываетъ рожденіе не превращенію матеріи, но выдѣленію противоположностей вслѣдствіе вѣчнаго движенія. Поэтому то Аристотель и ставитъ его на ряду съ учениками Анаксагора.

2. *Ипполитъ. Philosophumena, I, 6 (Дох. 559).* Анаксимандръ былъ слушателемъ Фалеса. Онъ сказалъ, что начало существующаго—какая то безконечная природа, изъ которой происходятъ небеса и всѣ въ нихъ міры. Это начало вѣчно, неуязвимо и обнимаетъ всѣ міры. Онъ же говоритъ, что время рож-

---

¹⁾ Мы переводимъ здѣсь выраженіе *στοιχεῖον* словомъ «матеріальная причина». Ср. *Аристотель*, *Metaph. IV, 1, 1; IV, 3, 1*, а также *VI, 17, 12*, гдѣ *στοιχεῖον* какъ «матеріальная причина» противоплагается *ἀρχή*, какъ «причинъ дѣйствующей». Ср. также *Diels, Elementum (Leipzig, 1899) стр. 24.*

денія, существованія и уничтоженія ограничено. Итакъ онъ сказалъ, что начало и матеріальная причина существующаго есть безконечное, первый введя слово „начало“; сверхъ того онъ говорилъ, что движеніе, въ которомъ возникаютъ небеса, вѣчно. Земля же находится въ воздухѣ, не будучи ничѣмъ управляема и пребываетъ (неподвижной) вслѣдствіе одинаковаго разстоянія отовсюду. По формѣ она кругла подобно (отрѣзку) закругленной каменной колонны; изъ двухъ плоскостей по одной мы ходимъ, а другая ей противоположна. Свѣтила это — огненные кольца, отдѣлившіяся отъ міроваго огня и облеченныя воздухомъ; (въ этой воздушной оболочкѣ) находятся отдушины, отверстія на подобіе флейтовыхъ трубочекъ, что даетъ видимость свѣтилъ; такимъ образомъ, когда эти отдушины замыкаются, происходитъ затменіе. Луна же является то полной, то на ущербѣ, сообразно замыканію или открытію отверстій. Солнечное кольцо въ 27 разъ (больше земнаго и въ 19 разъ) — луннаго; солнце выше всего, а ниже всего неподвижныя звѣзды. Животныя возникаютъ (изъ влаги), испаряемой солнцемъ; человѣкъ же въ началѣ имѣлъ иную форму, а именно, былъ подобенъ рыбѣ.

Вѣтры образуются изъ тончайшихъ паровъ, которые выдѣляются изъ воздуха и приходятъ въ движеніе, когда соберутся вмѣстѣ; дождь происходитъ изъ испареній, поднимаемыхъ солнцемъ отъ земли, а молнія (возникаетъ), когда вѣтеръ, налетая, раздѣляетъ тучи.

Родился Анаксимандръ въ Ол. 42, 3.

3. *Псевдо-Плутархъ*. Strom. 2 (Dox. 579): Другъ Фалеса Анаксимандръ говорилъ, что всяческую причину рожденія и уничтоженія всего заключаетъ въ себѣ безконечное, изъ котораго выдѣлились небеса и вообще всѣ безчисленные міры. Онъ объявилъ, что уничтоженіе, а гораздо раньше послѣдняго возникновеніе, происходитъ съ безконечныхъ временъ при круговомъ движеніи всего. Говорилъ онъ также, что земля имѣетъ форму цилиндра такой высоты, которая является одной третью по отношенію къ ширинѣ; что изъ вѣчнаго начала выдѣлился при возникновеніи теперешняго міра производитель тепла и холода и подобно тому, какъ вокругъ дерева образуется кора,

такъ вокругъ облекшаго землю воздуха образовалась изъ огня нѣкоторая сфера; когда она порвалась и замкнулась въ отдѣльныя кольца, образовались солнце, луна, и звѣзды. Еще говорилъ онъ, что въ началѣ человѣкъ произошелъ изъ животныхъ другого вида, ибо всѣ остальные сами собою находятъ пропитаніе, человѣкъ же одинъ нуждается въ долговременномъ прокормленіи; поэтому въ началѣ подобный человѣкъ никоимъ образомъ не могъ бы уцѣлѣть. Вотъ что сказалъ Анаксимандръ.

4. *Эпифаний*. *Adversus haeres*. III, 2 (Дох. 589): Анаксимандръ, сынъ Праксіады, также Милетецъ, сказалъ, что безконечное есть начало всего, ибо всё изъ него возникаетъ и въ него же разрѣшается.

5. *Гермій*. *Irris. gentil. philos.* 10 (Дох. 653): Но соотечественникъ Фалеса Анаксимандръ говоритъ, что вѣчное движеніе есть начало болѣе древнее, чѣмъ влага, и что этимъ движеніемъ одно рождается, другое уничтожается. Итакъ, повѣримъ въ этомъ Анаксимандру.

6. *Азій*. *Placit.* I, 3 (Дох. 277): Анаксимандръ, сынъ Праксіады изъ Милета, говоритъ, что началомъ сущаго является безконечное, ибо изъ него всё возникаетъ и всё въ него переходитъ; поэтому то и образуются безчисленные міры и снова переходятъ въ то, изъ чего произошли. (Т. е., другими словами) безконечное, по его мнѣнію, существуетъ для того, чтобы никоимъ образомъ не изсякалъ производящій источникъ. Ошибка Анаксимандра въ томъ, что онъ не выясняетъ, что такое безконечное, воздухъ ли, вода, земля или какое нибудь другое тѣло. (Равнымъ образомъ) онъ ошибается, признавая матерію и устраняя дѣйствующую причину, такъ какъ безконечное ничто иное, какъ матерія, а матерія не можетъ быть въ дѣйствиіи, если не предположить дѣйствующей причины.

7. *Цицеронъ*. *De deor. natura* I, 10 (Дох. 531): Мнѣніе же Анаксимандра таково: существуютъ возникающіе боги, которые то появляются, то исчезаютъ въ теченіе долгихъ періодовъ и они суть безчисленные міры. Но можемъ ли мы мыслить бога иначе, какъ безсмертнымъ?

8. *Св. Августинъ*. *De civit. Dei* VIII, 2 (Дох. 173): За

нимъ слѣдовалъ Анаксимандръ, его ученикъ, который измѣнилъ взглядъ на природу вещей, а именно, онъ не думалъ, какъ Фалесъ, что вещи возникаютъ изъ одного начала, изъ влаги, но каждая изъ своихъ собственныхъ началъ. Онъ полагалъ, что начала отдѣльныхъ вещей безконечны и порождаютъ безчисленные міры и всё въ нихъ возникающее; эти же міры, по его мнѣнію, то разрушаются, то снова возникаютъ, сообразно времени, какое каждый можетъ существовать, но и онъ во всемъ этомъ ничего не приписывалъ божественному разуму.

9. *Аэций*. *Placit.* I, 7 (Дох. 302): Анаксимандръ призналъ за боговъ безчисленные міры. — *ibid.* II, 1 (Дох. 327): Анаксимандръ, Анаксименъ, Архелай, Ксенофанъ, Діогенъ, Левкиппъ, Демокритъ, Эпикуръ (признаютъ) безконечное количество міровъ въ безконечномъ, при всеобщемъ круговращеніи. — *ibid.* II, 1 (Дох. 329): Изъ тѣхъ, которые допустили безконечное число міровъ, Анаксимандръ считаетъ, что они находятся другъ отъ друга на равномъ (временномъ) разстояніи, а Эпикуръ говоритъ, что промежуточное разстояніе между мірами не одинаково. — *ibid.* II, 4 (Дох. 331): Анаксимандръ, Анаксименъ, Анаксагоръ, Архелай, Діогенъ, Левкиппъ: міръ преходящъ.

10. *Аэций*. *Placit.* II, 11 (Дох. 340): Анаксимандръ: небо (произошло) изъ смѣшенія теплаго и холоднаго. — *ibid.* II, 13 (Дох. 342): Анаксимандръ: свѣтила, (образовавшіяся) изъ сжатія воздуха, колесовидны, преисполнены огня и мѣстами выдыхаютъ пламя изъ отверстій. — *ibid.* II, 15 (Дох. 345): Анаксимандръ, Митродоръ изъ Хиоса и Кратетъ (говорили, что) солнце лежитъ выше всего, за нимъ — луна, а подъ ними — планеты и неподвижныя звѣзды. — *ibid.* II, 16 (Дох. 345): Анаксимандръ: (свѣтила) движутся при помощи колець и сферъ, на которыхъ каждое расположено.

11. *Аэций*. *Placit.* II, 20 (Дох. 348): Анаксимандръ: солнечное кольцо въ 28 разъ больше земного; оно подобно колесничному колесу, причемъ имѣетъ полный ободъ, наполненный огнемъ и въ опредѣленномъ мѣстѣ выпускающій огонь черезъ отверстіе, подобное жерлу кузнечнаго мѣха. (Ср. *Ахиллъ*, стр. 138 нѣкоторые, среди которыхъ находится и Анаксимандръ, говорятъ, что солнце посылаетъ свѣтъ, имѣя форму колеса, ибо подобно тому,

какъ въ колесѣ есть полая ступица, отъ которой ко внѣшней поверхности обода протянуты спицы, такъ и солнце, высылая свѣтъ изъ полаго (центра), протягиваетъ лучи и зажигаетъ ихъ внѣ (своей поверхности) въ формѣ круга; нѣкоторые же говорятъ, что оно высылаетъ лучи изъ полаго и узкаго мѣста, какъ бы черезъ трубку, подобную (жерлу) кузнечнаго мѣха.)

12. *Азій. Placit.* II, 21 (Dox. 351): Анаксимандръ (говоритъ), что солнце равно землѣ, но что кольцо, въ которомъ оно имѣетъ отдушину и при помощи котораго носится, въ 27 разъ больше.—*ibid.* II, 24 (Dox. 354): Анаксимандръ: Затменіе происходитъ, когда отверстіе, черезъ которое вырывается огонь, закрыто.—*ibid.* II, 25 (Dox. 355): Анаксимандръ (говоритъ, что лунное) кольцо, по формѣ будучи подобно колесничному колесу, въ 29 разъ больше земного и имѣетъ полный ободъ; при этомъ оно полно огня, какъ солнечное (кольцо), а лежитъ наклонно, причемъ имѣетъ одну отдушину, подобную горлышку кузнечнаго мѣха; затменія же зависятъ отъ поворотовъ колеса.—*ibid.* II, 28 (Dox. 358): Анаксимандръ, Ксенофанъ, Берозъ: луна имѣетъ свой собственный свѣтъ.—*ibid.* II, 29 (Dox. 359): Анаксимандръ: затменіе происходитъ, когда отверстіе въ колесѣ замыкается.

13. *Азій. Placit.* III, 3 (Dox. 367): Анаксимандръ говоритъ, что громъ происходитъ благодаря вѣтру, ибо, когда охваченный густымъ облакомъ вѣтеръ вырвется въ силу своей тонкости и легкости, тогда разрывъ производитъ ударъ, а раздѣленіе (облака) — блескъ во мракѣ тучи. — *ibid.* III, 7 (Dox. 374): Анаксимандръ говоритъ, что вѣтеръ есть истечение воздуха, легчайшія и наиболѣе влажныя частицы котораго приводятся въ движеніе солнцемъ и таютъ.

14. *Азій.* III, 10 (Dox. 376): Анаксимандръ говоритъ, что земля подобна отрѣзку каменной колонны. — *ibid.* III, 16 (Dox. 381): море представляетъ собою остатокъ первоначальной влаги, большую часть которой высушилъ огонь, а остальную измѣнилъ при помощи нагрѣванія.

15. *Феофрастъ. Physic. opinion. fr.* 23 (Alexander in Meteor. f. 91) (Dox. 494): Одни изъ физиковъ говорятъ, что море — остатокъ первоначальной влаги, ибо когда пространство,

окужающее землю, было влажно, верхніе слои влаги испарялись подь вліяніемъ солнца и изъ нихъ произошли вѣтры (которыя вызвали) вращеніе солнца и луны, причемъ, когда эти (свѣтила) совершали свое вращеніе какъ бы подь напоромъ паровъ и испареній, они постоянно при своемъ движеніи находили избытокъ (последнихъ); нѣкоторая же часть влаги, оставшаяся въ углубленіяхъ, образовала собой море; поэтому то оно постоянно уменьшается, иссушаемое солнцемъ, и наконецъ когда нибудь совсѣмъ высохнетъ. Такого мнѣнія придерживались, по словамъ Теофраста, Анаксимандръ и Діогенъ.

16. *Теодоритъ*, V, 18 (Dox. 387): Анаксименъ, Анаксимандръ, Анаксагоръ и Архелай говорили, что душа воздушной природы.

17. *Азій*, V, 19 (Dox. 430): Анаксимандръ говоритъ, что первыя животныя родились во влагѣ и были покрыты колючей чешуей; по достиженіи извѣстнаго возраста они стали выходить на сушу и (тамъ), когда начала лопаться чешуя, они въ скоромъ времени измѣнили свой образъ жизни.

18. *Цензоринъ*, IV, 7 (Dox. 189): Анаксимандръ Милетскій держался того мнѣнія, что изъ воды и земли, нагрѣтыхъ (солнцемъ), произошли либо рыбы, либо похожія на нихъ существа, въ которыхъ образовались люди, оставшіеся въ видѣ зародышей до возмужалости; по достиженіи же послѣдней, порвавъ оболочку, вышли оттуда мужчины и женщины, которыя въ состояніи были поддерживать свое существованіе

Ксенофанъ.

1. *Теофрастъ*. Phys. opin., fr. 5 (Simpl. in phys., f. 5) (Дох. 480): Ксенофанъ изъ Колофона, учитель Парменида, предполагалъ, по словамъ Теофраста, начало единымъ, или (другими словами) бытіе всеединымъ и (притомъ) ни ограниченнымъ, ни безконечнымъ, ни движущимся, ни покоющимся. При этомъ Теофрастъ согласенъ съ тѣмъ, что упоминаніе объ этомъ мнѣніи составляетъ скорѣе принадлежность другой науки, чѣмъ физики, ибо Ксенофанъ называлъ это всеединое богомъ. Свою мысль о единствѣ божества Ксенофанъ доказываетъ тѣмъ, что божество всего могущественнѣе; ибо, по его словамъ, при множественности бытій, власть по необходимости въ равной степени принадлежала-бы всѣмъ; Богъ-же превосходитъ все и могуществомъ и совершенствомъ. Невозникаемость божества Ксенофанъ доказываетъ тѣмъ, что возникающее должно возникать или изъ подобнаго, или изъ неподобнаго; но подобное не подвергается этому со стороны подобнаго, ибо одинаково немислимо для подобнаго какъ рождать, такъ и рождаться отъ подобнаго; а если-бы оно возникло изъ неподобнаго, то оказалось-бы, что бытіе произошло изъ небытія; такимъ образомъ доказываетъ онъ возникаемость или вѣчность божества. Равнымъ образомъ, оно ни безконечно, ни ограничено, ибо, съ одной стороны, безконечное есть не-бытіе, какъ неимѣющее ни начала, ни середины, ни конца, а съ другой стороны, ограничиваетъ другъ друга только множественное. Точно также отрицаетъ онъ движеніе и покой (бытія); и дѣйствительно, неподвижное есть не-бытіе, ибо ни другое въ него, ни оно въ другое не могло-бы перейти; равнымъ образомъ, движеніе предполагаетъ множественность, ибо одно переходитъ (только) въ другое. Поэтому, когда онъ говоритъ: „всегда въ одномъ и томъ-же мѣстѣ пребываетъ

оно неподвижно и не подобаетъ ему переходить съ одного мѣста на другое“, онъ понимаетъ (подъ пребываніемъ бытія) не состояніе покоя, противоположное движенію, но состояніе, чуждое и покоя и движенія. Правда, Николай изъ Дамаска упоминаетъ въ своемъ сочиненіи „О бoгахъ“, будто Ксенофанъ считалъ начало безконечнымъ и неподвижнымъ, а Александръ говоритъ, что Ксенофанъ признавалъ его ограниченнымъ и шаровиднымъ. Изъ вышесказаннаго ясно, что Ксенофанъ не признаетъ бытіе ни безконечнымъ, ни ограниченнымъ; ограниченнымъ-же и шаровиднымъ называетъ онъ бытіе потому, что оно со всѣхъ сторонъ равно; сверхъ того, Ксенофанъ говоритъ, что (божество) „мыслить обо всемъ“ и что оно „управляетъ всѣмъ въ мірѣ безъ труда, силой разума“.

2. *Теофрастъ*. Phys. opin. fr. 5 a. (Дох. 481): Нѣкоторые изъ экзегетовъ извратили мысль Ксенофана, какъ на-примѣръ Сабинъ, говорящій приблизительно слѣдующее: „Я не признаю челоуѣка ни сплошнымъ воздухомъ, какъ Анаксименъ, ни водой, какъ Фалесъ, ни землей, какъ у кого-то Ксенофанъ. Между тѣмъ, ни у кого не найти подобной мысли Ксенофана; да впрочемъ и изъ словъ самого Сабина явствуетъ, что онъ извратилъ (мысль Ксенофана) намѣренно, а не по незнанію; въ противномъ случаѣ, онъ указалъ-бы книгу, въ которой это написано; между тѣмъ, онъ говоритъ просто „землей, какъ у кого-то Ксенофанъ“. Да и Теофрастъ, будь это такъ, отмѣтилъ-бы эту мысль въ своихъ „Сокращеніяхъ мнѣній физиковъ“, и, если тебя интересуеетъ этотъ вопросъ, ты можешь прочитать тѣ сочиненія Теофраста, на основаніи которыхъ онъ составилъ свое „Сокращеніе мнѣній физиковъ“.

3. *Теофрастъ*. Phys. opin. fr. 16. (Дох. 492): По мнѣнію Ксенофана, солнце произошло изъ воспламенившихся облаковъ. (Аэцій, Placita, II, 20: Теофрастъ въ своемъ сочиненіи „Физики“ пишетъ, что (по мнѣнію Ксенофана) солнце образовалось изъ соединенія искорокъ, образуемыхъ влажными испареніями).

4. *Иттолитъ*. Philosophumena, 14. (Дох. 565):—1) Ксенофанъ изъ Колофона, сынъ Ореомена, дожилъ до времени Кира. Онъ первый высказалъ мнѣніе о непознаваемости всего, выразив-

пись такъ: „Вѣдь еслибы даже удалось (человѣку) сказать истину, все-таки онъ самъ не зналъ-бы этого: во всемъ существуетъ (лишь) мнѣніе“. — 2) Ксенофанъ говоритъ, что ничто ни возникаетъ, ни уничтожается, ни движется, и что всё, будучи единымъ, не подвергается измѣненію; по его мнѣнію, Богъ—вѣченъ, единъ, со всѣхъ сторонъ одинаковъ, ограниченъ, шаровиденъ, и всѣми частіями (своего существа) способенъ къ воспріятію. — 3) Что касается до солнца, то оно ежедневно возникаетъ изъ соединенія мелкихъ искорокъ, а земля безпредѣльна и не облечена ни воздухомъ, ни небомъ; солнца и луны также безконечны, а все происходитъ изъ земли. — 4) Онъ-же сказалъ, что море солоно потому, что въ него стекаютъ разныя смѣси; по мнѣнію-же Митродора, море солоно потому, что оно протекаетъ черезъ землю. — 5) Ксенофанъ думаетъ, что земля была смѣшана съ моремъ, но съ теченіемъ времени отдѣлилась отъ влаги. Доказательствомъ этого служить, по его мнѣнію, тотъ фактъ, что на плоскостяхъ и на горахъ находятъ раковинки; далѣе, въ Сиракузскихъ каменоломняхъ были найдены слѣды рыбъ и тюленей, на Паросѣ, въ углубленіи камня, отпечатокъ анчоуса (*ἀφῶη*), а на Мелитѣ пласты разнаго рода морскихъ существъ. — 6) Это произошло, когда все было грязью, когда-же грязь высохла, слѣды остались. Всѣ люди погибаютъ, когда земля, погрузившись въ море, становится грязью, а затѣмъ снова она владетъ начало рожденію, причемъ эта перемѣна происходитъ во всѣхъ мірахъ.

5. *Плутархъ*. *Strom.* 4 (Dox. 580): Ксенофанъ изъ Колофона, проложивъ свой, отчасти новый, путь, и оставивъ въ сторонѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ ученыхъ, не допускалъ ни возникновенія, ни уничтоженія, но говорилъ, что все всегда подобно себѣ самому; и дѣйствительно, еслибы, говоритъ онъ, все возникло, необходимо было-бы допустить, что раньше *его* не было, но то, чего нѣтъ, не могло-бы ни возникнуть, ни произвести что-либо, ни способствовать возникновенію чего-либо. Говоритъ онъ также, что чувства обманчивы, а вмѣстѣ съ тѣмъ подрываетъ и значеніе разума. Земля, по его мнѣнію, съ теченіемъ времени постепенно и понемногу опускается въ море, солнце-же составляется изъ значительнаго числа мелкихъ искорокъ. Относительно боговъ

Ксенофанъ держится того мнѣнія, что среди нихъ нѣтъ владычества, ибо неблагочестиво кому-либо изъ боговъ быть въ подчиненіи (у другого); нието изъ боговъ совершенно ни въ чемъ не нуждается, слышать-же и видать они вѣмъ существомъ, а не частично. Земля, по мнѣнію Ксенофана, безконечна, причеъ ея нижняя часть не облечена воздухомъ; все происходитъ изъ земли, а солнце и свѣтила изъ облаковъ.

6. *Эпифаній*. Advers. haeres. III, 9 (Dox. 590). По мнѣнію Ксенофана, Колофонца, сына Ореоменова, все произошло изъ земли и воды, но ни о чемъ нельзя сказать ничего достовѣрнаго, до такой степени темна истина. Во всемъ, а особенно относительно невидимаго, существуетъ лишь мнѣніе.

7. *Галенъ*. Hist. philos.—3) (Dox. 601). Говорятъ, что начало этой школь, которую считаютъ скорѣе *скептической*, чѣмъ *догматической*, положилъ Ксенофанъ изъ Колофона. — 7) (Dox. 604). Изъ числа ученыхъ, принадлежащихъ къ „примирающей“ школь, Ксенофанъ, относившійся ко всему отрицательно, признавалъ только, что все — едино, и что это (все) есть божество, ограниченное, разумное и неподвижное (ср. Секстъ Эмпирикъ, I, 225: Все—едино и божество не отдѣлено отъ всего: оно шаровидно, безстрастно, неподвижно, разумно).

8. *Цицеронъ*. Lucullus, 37 (Dox. 119):—Ксенофанъ, жившій нѣсколько раньше Анаксагора, утверждалъ, что все едино и неподвижно, и что это все есть богъ, невозникшій, вѣчный и шаровидный. — De deor. nat. I, 11 (Dox. 534): Ксенофанъ, который, признавая все безконечнымъ, считалъ это все богомъ и приписывалъ ему разумъ, подлежить, какъ и остальные, упрекамъ за послѣднюю мысль, а главнымъ образомъ за допущеніе безконечности, въ которой не можетъ быть ни разума, ни связи.—De divinât., I, 3 (Dox. 224): Ксенофанъ изъ Колофона единственный (философъ), который, совершенно отрицая мантику, признавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ существованіе боговъ.

9. *Теодоритъ*. Gr. aff. sur. IV, 5 (Dox. 284): Ксенофанъ, сынъ Ореомена, Колофонецъ, глава Элеатской школы, признавая все единымъ, считалъ это всё не возникшимъ, но вѣчнымъ и совершенно неподвижнымъ. Но далѣе, какъ бы забывъ объ этомъ,

онъ говоритъ, что все произошло изъ земли. Такъ ему принадлежитъ слѣдующій стихъ, гласящій:

„Все изъ земли происходитъ и въ землю отходитъ обратно“.
(Ср. Аэций, I, 3: Ксенофанъ считалъ началомъ всего землю, ибо въ своемъ сочиненіи „о природѣ“ онъ пишетъ:

„Все изъ земли происходитъ и въ землю отходитъ обратно“).

10. *Секстъ Эмпирикъ*. Adv. mathem, X (313) (Дох. 92):—По мнѣнію нѣкоторыхъ, Ксенофанъ думалъ, что (все произошло) изъ земли (см. фраг. 8).—(314) (Дох. 92): Изъ большого числа элементовъ, а именно изъ двухъ: воды и земли... по мнѣнію нѣкоторыхъ, такъ думалъ и Ксенофанъ Колофонецъ, ибо онъ говорилъ:

„Всѣ мы произошли изъ земли и воды“.

11. *Галень*. Hist. philos. 18 (Дох. 610): Ксенофанъ Колофонецъ считалъ матеріальной причиной землю и воду. (Ср. *Макробій*, *Сонъ Сципіона*, I, 14: Ксенофанъ считалъ, что душа произошла изъ земли и воды.)

12. *Аэций*. Placita, II, 4 (Дох. 332): Ксенофанъ, Парменидъ и Мелиссъ считали міръ невознившимъ, вѣчнымъ и неразрушимымъ.

13. *Аэций*. Placita, II, 13 (Дох. 343): Ксенофанъ полагалъ, что свѣтила образовались изъ воспламенившихся облаковъ; погасая днемъ, они (снова) загораются ночью, точно угольки; восходъ и заходъ свѣтилъ представляетъ собою ихъ воспламенение и угасаніе.—18 (Дох. 347): По мнѣнію Ксенофана свѣтила, которыя появляются надъ кораблями и которыя носятъ названіе Діоскуровъ, также представляютъ собой облака, свѣтящіяся благодаря нѣкоторому движенію.—20 (Дох. 348): Ксенофанъ думалъ, что солнце образовалось изъ воспламенившагося облака.—24 (Дох. 354): (Ксенофанъ говорилъ), что затменіе солнца происходитъ благодаря угасанію послѣдняго, причемъ при восходѣ образуется новое. Упоминаетъ онъ и о солнечномъ затменіи, продолжавшемся цѣлый мѣсяцъ, а также о другомъ, настолько полномъ, что день превратился въ ночь.—24 (Дох. 355): Ксенофанъ говоритъ, что существуетъ нѣсколько солнць и лунъ сообразно климату, частямъ свѣта и поясамъ, причемъ время отъ

времени дискъ попадаетъ въ нѣкоторую необитаемую часть земли и такъ какъ его движеніе (по такой странѣ) было-бы безцѣльнымъ, онъ затмевается. Ксенофанъ-же полагалъ, что солнце уходитъ въ безконечность, а его движеніе кажется круговымъ благодаря разстоянію.

14. *Аэций*. Placita, II, 25 (Дох. 356):—По мнѣнію Ксенофана, луна есть сваявшееся (точно шерсть) облако. — 28 (Дох. 358): Анаксимандръ, Ксенофанъ, Берозъ (говорятъ), что луна имѣетъ свой собственный свѣтъ. — 29 (Дох. 360): Ксенофанъ (говоритъ), что ежемѣсячное исчезновеніе луны (новолуніе) происходитъ благодаря угасанію.

15. — *Аэций*. Placita, III, 2 (Дох. 367):—Ксенофанъ говоритъ, что кометы и падающія звѣзды представляютъ собой соединеніе воспламененныхъ и притомъ движущихся облаковъ. — 3 (Дох. 368): Ксенофанъ (говоритъ), что молніи происходятъ изъ облаковъ, свѣтящихся благодаря движенію. — 4 (Дох. 371): По мнѣнію Ксенофана, главная причина всѣхъ метеорологическихъ явленій заключается въ теплотѣ солнца. Ибо, когда солнце вытягиваетъ морскую влагу, прѣсная вода, отдѣляясь благодаря своей легкости, переходитъ въ туманъ, образуетъ тучи, проливается, благодаря сгущенію, дождемъ, или-же разсѣвается въ вѣтеръ. Эта мысль явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ:

„Море есть источникъ воды“.

16. *Аэций*. Placita, III, 9 (Дох. 376): Ксенофанъ говоритъ, что земля снизу (благодаря отсутствію сдерживающихъ причинъ) проросла въ безконечность, а сверху, благодаря воздуху и огню, уплотнилась. — 11 (Дох. 377): Земля, по мнѣнію Ксенофана, занимаетъ особенное положеніе, ибо она проросла въ безконечность.

17. *Аэций*. Placita, IV, 9 (Дох. 396): Пивагоръ, Эмпедокль, Ксенофанъ, Парменидъ, Зенонъ, Мелиссъ, Анаксагоръ, Демокритъ, Митродоръ, Протагоръ, Платонъ, говорятъ, что чувства обманчивы.

18. *Аэций*. Placita V, 1 (Дох. 415): Ксенофанъ и Эпикуръ отрицаютъ мантику.

19. *Тертуллианъ*. (De anima 43) (Дох. 205): Анаксагоръ и Ксенофанъ объясняютъ сонъ истощеніемъ.

Анаксименъ.

1. *Теофрастъ*, Phys. opin., fr. 2 (Simplic. in phys., 6.) (Dox. 476). Анаксименъ Милетецъ, сынъ Евристрата, другъ Анаксимандра, признаетъ, подобно послѣднему, первовещество единымъ и безконечнымъ, но въ противоположность Анаксимандру, считаетъ его не неопредѣленнымъ, а опредѣленнымъ и называетъ воздухомъ. Воздухъ различается по степени разрѣженія и сгущенія сообразно веществамъ (имъ образуемымъ); такъ, утончаясь, онъ образуетъ огонь, сгущаясь — вѣтеръ, затѣмъ облака, сгущаясь еще болѣе — воду, далѣе землю, наконецъ — камни; все-же остальное образуется изъ предыдущаго. Анаксименъ признаетъ также вѣчное движеніе, которое и производитъ превращеніе.

2. *Ипполитъ*, Philosophumena, 7 (Dox. 560).— 1) Анаксименъ, сынъ Евристрата, также Милетецъ, признавалъ началомъ безконечный воздухъ, изъ котораго образуется все, что возникаетъ, возникло и возникнетъ, а также боги и божественныя существа, все-же остальное (образуется) изъ того, что произвелъ воздухъ. — 2) Свойство воздуха таково: когда онъ (находится въ состояніи) полного равновѣсія — онъ недоступенъ для зрѣнія, но онъ становится замѣтнымъ, когда онъ холоденъ, тепелъ, влаженъ, или движется. Двигается-же онъ постоянно; ибо, если бы воздухъ не двигался, то все не измѣнялось бы такъ, какъ оно измѣняется.— 3) Сгущаясь и разрѣжаясь, воздухъ принимаетъ различныя формы: при расширеніи и разрѣженіи воздуха образуется огонь, при сгущеніи — вѣтеръ; тотъ же воздухъ при большей степени сгущенности образуетъ облака, далѣе воду, при еще болѣе степени уплотненія — землю, и наконецъ, при наивысшей — камни. Итакъ, возникновеніемъ

управляютъ, главнымъ образомъ, двѣ противоположности: теплое и холодное. — 4) Земля, будучи плоской, держится въ воздухѣ, также и солнце и луна и остальные огненные свѣтила благодаря своей плоской формѣ поддерживаются воздухомъ. — 5) Свѣтила образуются изъ земли, вслѣдствіи поднимающихся отъ послѣдней испареній, которыя, разрѣжаясь, образуютъ огонь; изъ огня, поднимающагося вверху, составляются свѣтила. Существуютъ также тѣла землистаго состава, которыя находятся тамъ-же, гдѣ свѣтила, и которыя вращаются вмѣстѣ съ послѣдними. — 6) Анаксименъ говоритъ, что свѣтила движутся не подъ землею, какъ предполагали другіе (ученые), но вокругъ земли, подобно тому, какъ войлочная шапка вокругъ головы. Заходъ солнца происходитъ не потому, что оно находится подъ землею, но потому, что нѣкоторыя, болѣе высокія, части земли закрываютъ его, а также потому, что солнце (тогда) находится отъ насъ на болѣе далекомъ разстояніи. Свѣтила не грѣютъ вслѣдствіе своей отдаленности. — 7) Вѣтеръ, по мнѣнію Анаксимена, образуется тогда, когда воздухъ, разрѣжаясь, приходитъ въ движеніе; когда-же воздухъ соберется и достигнетъ большей степени уплотненія, образуются облака, которыя затѣмъ переходятъ въ дождь. Градъ бываетъ тогда, когда вода, отдѣлившись отъ облаковъ, замерзнетъ, а снѣгъ, когда облака, пропитанныя влагой, замерзаютъ. — 8) Молнія происходитъ, когда облака разъединяются силой вѣтра, ибо, когда они разъединяются, происходитъ свѣтъ, блестящій и огненный. Радуга образуется, когда солнечные лучи падаютъ на сгущенный воздухъ; землетрясенія же, когда земля подъ вліяніемъ жары и холода слишкомъ сильно измѣняется. — 9) Таковы были мнѣнія Анаксимена, время-же его *акме* падаетъ на первый годъ 58-ой Олимпіады.

3 *Псевдо-Плутархъ*, *Stromata*, 3 (Dox. 579). Говорятъ, что Анаксименъ признавалъ воздухъ началомъ всего и притомъ неопредѣленнымъ по роду (т. е. по существу), но опредѣленнымъ по качествамъ; образованіе всего зависитъ отъ степени его сгущенія и разрѣженія. Что касается до движенія, то оно существуетъ отъ вѣка. При сгущеніи воздуха прежде всего образо-

валась земля, имѣющая плоскую форму, вслѣдствіе чего она по-
бойтся на воздухъ; солнце, луна и остальные свѣтила возникли
изъ земли. Такимъ образомъ, Анаксименъ считаетъ солнце
землей, которая вслѣдствіе быстраго движенія, сильно нака-
лилась.

4. *Эпифаний*, Adv. haeres III, 3 (Дох. 589). Анакси-
менъ, сынъ Евристрата, также Милетецъ, признаетъ началомъ
всего воздухъ, изъ котораго образовалась вселенная.

5. *Гермій*, Irris. gent. philos. 7 (Дох. 653). Стоитъ мнѣ
придти къ опредѣленному мнѣнію—Анаксименъ тутъ какъ тутъ
съ слѣдующими словами: „Слушай, что я тебѣ скажу! Все —
это воздухъ; сгущаясь и соединяясь, онъ образуетъ воду и
землю, разрѣжаясь и разъединяясь—эфиръ и огонь; возвращаясь
же къ присущей ему природѣ, онъ снова дѣлается воздухомъ“.
Послѣ этихъ словъ Анаксимена я соглашаюсь съ нимъ и чув-
ствую въ нему тяготѣніе.

6. *Цицеронъ*, De deor. natura I, 10 (Дох. 531). Анак-
сименъ признавалъ воздухъ божествомъ, придавая ему способ-
ность возникновенія и опредѣляя его, какъ нѣчто безмѣрное,
безконечное и вѣчно движущееся. Какъ будто воздухъ, не имѣя
формы, можетъ быть божествомъ, которому въ особенности на-
длежитъ имѣть не какую-либо, но наилучшую форму; и какъ
будто всему, что возникло, не подобаетъ умереть. — (Лукуллъ,
37 — (Дох. 119). Его послѣдователь, Анаксименъ, признавалъ
воздухъ неопредѣленнымъ, но все, что изъ него происходитъ,
опредѣленнымъ, — а именно: землю, воду, огонь; все-же осталь-
ное (образуется) изъ предыдущаго).

7. *Азій*, Placita, I, 3 (Дох. 278). Анаксименъ Миле-
тецъ, сынъ Евристрата, признавалъ началомъ всего воздухъ;
изъ него все образуется и въ него-же все переходитъ. Подобно
тому какъ наша душа, будучи воздухомъ, сдерживаетъ насъ,
такъ дыханіе и воздухъ охватываютъ весь міръ; Анаксименъ
употребляетъ слова дыханіе и воздухъ въ одинаковомъ смыслѣ.
Ошибка Анаксимена состоитъ въ томъ, что онъ допускаетъ об-
разованіе живыхъ существъ изъ простаго и однороднаго воздуха
и дыханія; вѣдь немислимо, чтобы одно начало служило мате-

ріаломъ для всего существующаго, но необходимо предполагать нѣкоторую дѣйствующую причину; такъ, серебра недостаточно для образованія сосуда, если нѣтъ дѣйствующей причины, т. е. серебряныхъ дѣлъ мастера.

8. *Азій*, Placita, I, 7 (Dox. 302). Анаксименъ считалъ богомъ воздухъ.

9. *Азій*, Placita, II, 11 (Dox. 339): По мнѣнію Анаксимена и Парменида, небо есть вращающійся сводъ, наиболѣе удаленный отъ земли.—13 (Dox. 342): Анаксименъ признавалъ свѣтила огненными и думалъ, что нѣкоторые изъ нихъ заключаютъ въ себѣ невидимыя тѣла, землистаго состава, увлекаемыя общимъ движеніемъ.—14 (Dox. 344): По мнѣнію Анаксимена звѣзды, на подобіе гвоздей, прибиты къ небесному своду.—16 (Dox. 346): По мнѣнію Анаксимена, свѣтила вращаются не подъ землею, а вокругъ нея.—19 (Dox. 347): Анаксименъ думалъ, что пере мѣна погоды зависитъ не отъ звѣздъ, а исключительно отъ солнца.

10. *Азій*, Placita, II, 20, 22 (Dox. 348, 352): Анаксименъ считаетъ солнце огненнымъ и плоскимъ какъ листъ.—23 (Dox. 352): По мнѣнію Анаксимена, свѣтила вращаются подъ давленіемъ сгущеннаго и сопротивляющагося воздуха.—25 (Dox. 356): Анаксименъ считалъ луну огненной.

11. *Азій*, Placita, III, 3 (Dox. 368): Анаксименъ сравнивалъ молнію съ тѣми блестящими, которыми разсыпаются морскія волны подъ ударами веселъ.—4 (Dox. 370): По мнѣнію Анаксимена, облако образуется при сильномъ сгущеніи воздуха, дожди—когда воздухъ еще болѣе уплотнится, снѣгъ—когда падающая вода застываетъ, а градъ—когда въ водѣ примѣшивается воздухъ.—5 (Dox. 378): Анаксименъ думалъ, что радуга представляетъ собой отраженіе солнечныхъ лучей, падающихъ на густую, темную и плотную тучу, черезъ которую они не могутъ проникнуть (Cf. Schol. in Arat.: Анаксименъ говоритъ, что радуга образуется, когда солнечные лучи падаютъ на густое и плотное облако; при этомъ верхній слой, накаливаемый лучами солнца, кажется пурпурнымъ, а нижній, благодаря преобладанію влаги—темнымъ. Также и ночью, по словамъ Анаксимена, на-

блюдается радуга, образуемая луной, но наблюдается она рѣдко, такъ какъ полнолуніе бываетъ не всегда и такъ какъ свѣтъ луны слабѣе свѣта солнца).

12. *Азій*, Placita, III, 10 (Dox. 377): По мнѣнію Анаксимена, земля имѣетъ форму стола.—15 (Dox. 379): Анаксименъ усматривалъ причину землетрясеній въ сухости и влажности земли; первая зависитъ отъ грозы, вторая—отъ проливныхъ дождей.

13. *Азій*, IV, 3 (Dox. 387): Анаксименъ, Анаксимандръ, Архелай, Діогенъ считали душу воздушной.

Гераклитъ.

1. *Θεοφραστъ*, *Physic. opin. fr. 1* (*Simp. in phys.*, 6 a) (*Дох.* 475). Гиппась изъ Метапонта и Гераклитъ Эфесець признавали также начало единымъ, движущимся и ограниченнымъ, но подъ этимъ началомъ разумѣли они огонь. По ихъ мнѣнію, все происходитъ изъ огня, путемъ сгущенія и разрѣженія (последняго) и все снова въ него переходитъ, такъ какъ онъ представляетъ собою единую первосущность. По словамъ Гераклита все есть видоизмѣненіе огня. Гераклитъ признаетъ также существованіе нѣкотораго порядка и опредѣленнаго періода времени для міровыхъ измѣненій, совершающихся согласно роковой необходимости.

2. *Ипполитъ*, *Philosophumena*, 4 (*Дох.* 558). — 1) Гераклитъ Эфесець, физикъ и философъ, оплакивалъ все существующее, упрекая все живое и всѣхъ людей въ невѣжество и скорбь о судьбѣ смертныхъ. Только онъ, по его словамъ, зналъ все, остальные-же — ничего. — 2) По мыслямъ Гераклитъ напоминаетъ Эмпедокла, такъ какъ началомъ всего онъ признаетъ Вражду и Любовь, считаетъ богомъ мыслящій огонь и говоритъ, что все находится въ совмѣстномъ движеніи, а не въ состояніи покоя. — 3) Далѣе, если Эмпедоклъ полагалъ, что окружающее насъ пространство преисполнено зла, которое простирается отъ земли до луны, но не идетъ дальше, такъ какъ пространство, находящееся за луною, чище — то и Гераклитъ держался того-же мнѣнія.

3. *Эпифаній*, *Adv. haeres.*, III, 20 (*Дох.* 591). Гераклитъ, сынъ Влесона изъ Эфеса, говорилъ, что все происходитъ изъ огня и въ огонь снова разрѣшается.

4. *Гермій*, *Irris. gent. philos.*, 13 (Дох. 654). Я склонялся уже къ убѣжденіямъ прекраснаго Димокрита, и готовъ былъ смѣяться съ нимъ, но тутъ сталъ переубѣждать меня Гераклитъ, говоря сквозь слезы: „Огонь есть начало всего, огонь, подвергающійся двумъ процессамъ: разрѣженію и сгущенію; первое — активно, второе — пассивно, первое — соединяетъ, второе — разъединяетъ.“ Довольно съ меня! мнѣ набили оскомину подобныя начала.

5. *Азій*, *Placita*, I, 3 (Дох. 283). Гераклитъ и Гиппась изъ Метапонта признавали началомъ всего огонь: изъ огня все образуется и въ немъ находитъ свой конецъ. Съ угасаніемъ огня начинается возникновеніе міра, а именно: когда наиболѣе плотныя части огня какъ-бы сосредоточиваются вмѣстѣ — образуется земля, при разрѣженіи земли подъ вліяніемъ огня — образуется влага, наконецъ, когда испаряется влага — получается воздухъ. И наоборотъ, весь міръ и всѣ въ немъ тѣла истребляются огнемъ при общемъ воспламененіи.

6. *Теодоритъ*, VI, 12 (Дох. 292). Гиппась изъ Метапонта и Гераклитъ, сынъ Влесона, изъ Эфеса, признавали все единымъ, вѣчно движущимся и ограниченнымъ, причемъ это единое начало есть (по ихъ мнѣнію) огонь.

7. *Азій*, *Placita*, I, 7 (Дох. 303). По мнѣнію Гераклита, богъ — это вѣчный, періодическій огонь, судьба же — разумъ, создающій все изъ противоположностей. — 13 (Дох. 312). Гераклитъ вводитъ нѣкоторыя маленькія и недѣлимыя частицы. — 23 (Дох. 320). Гераклитъ не допускаетъ въ природѣ покоя и неподвижности, ибо подобное состояніе присуще мертвецамъ; вѣчное, говоритъ онъ, обладаетъ вѣчнымъ движеніемъ, конечное — конечнымъ. — 27 (Дох. 322). По мнѣнію Гераклита, все зависитъ отъ судьбы, судьба-же тождественна съ необходимостью. — 28 (Дох. 323). По словамъ Гераклита, сущность судьбы есть разумъ, который управляетъ сущностью всего. Разумъ, это — эфирное тѣло, сѣмя всяческаго возникновенія и мѣра временнаго періода.

8. *Азій*, *Placita*, II, 1 (Дох. 327). Фалесъ, Пифагоръ, Эмпедоклъ, Эфянтъ, Парменидъ, Мелиссъ, Гераклитъ, Анаксагоръ, Платонъ, Аристотель, Зенонъ — признаютъ міръ единымъ. — 4 (Дох. 331). По мнѣнію Гераклита, міръ существуетъ не во

времени, а въ разумѣ. — 11 (Дох. 340). Парменидъ, Гераклитъ, Стратонъ, Зенонъ — считаютъ небо огненнымъ. — 13 (Дох. 342). Парменидъ и Гераклитъ думаютъ, что свѣтила — сгущенный огонь. — 17 (Дох. 346). Гераклитъ и стоики полагаютъ, что свѣтила питаются земными испареніями.

9. *Азійи*, Placita, II, 20 (Дох. 351). Гераклитъ и Гекатей признаютъ солнце за разумный огонь, образованный моремъ. — 21 (Дох. 351). По мнѣнію Гераклита, ширина солнца не превышаетъ человѣческой ступни. — 22 (Дох. 352). Гераклитъ думалъ, что солнце имѣетъ форму выпуклой чаши. — 24 (Дох. 354). Гераклитъ считалъ, что затменіе солнца происходитъ при такомъ поворотѣ чашевидной поверхности, когда полая сторона оказывается вверху, выпуклая-же внизу, передъ нами. — 27 (Дох. 358). Гераклитъ думалъ, что луна чашевидна. — 28 (Дох. 359). По мнѣнію Гераклита, солнце и луна испытываютъ одно и то-же, а именно: эти свѣтила, имѣя чашевидную форму, принимаютъ лучи отъ влажныхъ испареній, благодаря чему какъ-бы свѣтятся. Солнце горитъ яснѣе, такъ какъ оно находится среди болѣе чистаго воздуха, луна-же, которую окружаетъ не столь прозрачное воздушное пространство, кажется болѣе блѣдной. — 29 (Дох. 359). Затменія луны объясняются поворотомъ чашевидной поверхности. — 32 (Дох. 364). По мнѣнію Гераклита, міровой годъ состоитъ изъ 10,800 солнечныхъ лѣтъ.

10. *Азійи*, Placita, III, (Дох. 369). Гераклитъ думалъ, что громъ происходитъ благодаря вращенію вѣтра и тучъ и благодаря столкновенію первыхъ съ послѣдними, молнія — вслѣдствіе воспламененія испареній, а зарницы благодаря вспыхиванію и угасанію тучъ.

11. *Θεοδωριτζ*, V, 18 (Дох. 388). Парменидъ, Гиппасъ и Гераклитъ признавали душу огненной. — 23 (Дох. 392). Гераклитъ полагалъ, что души, отдѣляясь отъ тѣла, возвращаются въ міровой душѣ, съ ними однородной и односущной.

12. *Азійи*, V, 23 (Дох. 434). Гераклитъ и стоики думаютъ, что люди достигаютъ возмужалости при второмъ семилѣтіи, съ наступленіемъ половой зрѣлости, ибо и деревья достигаютъ зрѣлости тогда, когда начинаютъ давать плоды.

13. *Секстъ Эмпирикъ*, VII, 349 (Дох. 209). По мнѣнію нѣкоторыхъ, разумъ существуетъ внѣ тѣла; такъ думалъ Гераклитъ, по свидѣтельству Энезидема. — 129 (Дох. 210). Гераклитъ думалъ, что мы, вдыхая божественный разумъ, становимся мудрыми; сонъ, правда, погружаетъ насъ въ забвеніе, но, пробуждаясь, мы снова обрѣтаемъ разумъ. Это объясняется тѣмъ, что во время сна, при бездѣйствіи органовъ чувствъ, нашъ разумъ перестаетъ сносятся съ окружающимъ его міромъ, причемъ остается только одно сообщеніе при помощи дыханія, которое играетъ роль корня; благодаря этому разумъ, отдѣлившись, теряетъ прежнюю силу памяти. Послѣ пробужденія, нашъ разумъ, пользуясь органами внѣшнихъ чувствъ какъ-бы окнами, сообщается съ окружающей средой и вновь пріобрѣтаетъ присущую ему силу. Подобно тому какъ угольки отъ близости огня разгораются, а безъ него погасаютъ, такъ и та часть внѣшняго міра, которая, отдѣлившись отъ окружающаго, наша пріютъ въ нашемъ тѣлѣ, при отдѣленіи теряетъ разумъ и, наоборотъ, при соприкосновеніи съ міромъ путемъ соотвѣтствующихъ органовъ, снова дѣлается съ нимъ однородной. — 131 (Дох. 211). По мнѣнію Гераклита мысль, раздѣляемая всѣми, истинна, та-же, которая приходитъ въ голову одному — невѣрна.

14. *Олимпіодоръ*, *Meteor.* 35 (Дох. 495, (прим.)). Другіе физики, къ числу которыхъ принадлежалъ и Гераклитъ, говорили, что море — потъ земли, причемъ какъ потъ живыхъ существъ, выдѣляясь изъ тѣла, солонъ, также и потъ земли, выдѣляясь изъ нея, обладаетъ соленымъ вкусомъ. Вотъ почему море солоно.

15. *Арій Дидимъ*, *Epit.* 39, 20 (Дох. 471). Клеантъ, сопоставляя мнѣнія Зенона о душѣ съ мнѣніемъ другихъ физиковъ, говоритъ, что Зенонъ подобно Гераклиту считалъ душу за обладающее чувствомъ испареніе. Гераклитъ, желая доказать, что души разумны благодаря способности испаряться, сравнивалъ ихъ съ рѣкою, говоря: „нельзя дважды войти въ одну и ту-же рѣку, ибо одна вода смѣняется другой“ — также и душа постоянно обновляется, представляя собой испареніе влаги.

16. *Макробій*, *Сонъ Сципіона I*, 14 (Дох. 213). Гераклитъ физикъ считалъ душу звѣздной искоркой.

Парменидъ.

1. *Теофрастъ*, *Physic. opin. fr. 6* (Dox. 482): О Парменидѣ и его ученіи Теофрастъ въ первой книгѣ „о физикахъ“ говоритъ слѣдующее:

Преемникъ Ксенофана Парменидъ, сынъ Пирета, изъ Элеи, придерживался обѣихъ точекъ зрѣнія: признавая *все* (τὸ πᾶν) вѣчнымъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пытался объяснить возникновеніе существующаго, (причемъ) рассуждалъ въ томъ и другомъ случаѣ неодинаково, а именно: допуская, что, согласно истинѣ, *все*—едино, безначально и шаровидно, онъ, согласно мнѣнію толпы, признавалъ, чтобы объяснить возникновеніе явленій, двѣ причины: огонь и землю, послѣднюю какъ матерію, первый какъ дѣйствующую причину.

2. *Теофрастъ*, *Phys. opin. fr. 6 a* (Diog. L. IX, 21,22) (Dox. 482): Парменидъ, сынъ Пирета изъ Элеи, былъ слушателемъ Ксенофана, но не раздѣлялъ мнѣній своего учителя. Онъ первый призналъ землю шаровидной и находящейся въ центрѣ; говорилъ онъ также, что существуютъ два элемента, огонь и земля, причемъ первый играетъ роль демиурга, а вторая матерія. (Эти два элемента) то-же, что теплое и холодное, изъ которыхъ все образовалось, а люди произошли первоначально изъ ила. Душа и разумъ, по мнѣнію Парменида, одно и то-же; объ этомъ упоминаетъ и Теофрастъ въ своихъ „физикахъ“, гдѣ онъ излагаетъ мнѣнія почти всѣхъ ученыхъ. По мнѣнію Парменида, философія двояка: *философія истины* и *философія мнѣнія*, поэтому онъ говоритъ гдѣ-то: „тебѣ слѣдуетъ познать и безтрепетное сердце непреложной истины и чуждыя безусловной достовѣрности мнѣнія смертныхъ“.

3. *Теофрастъ*, Phys. opin. fr. 7 (Simpl. in phys., 25 a) (Дох. 483): По словамъ Александра, Теофрастъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ въ первой книгѣ своей „Исторіи физики“ ученіе Парменида: *то, что онъ бытія, есть небытіе, небытія же нѣтъ, слѣдовательно, бытіе едино.*

4. *Теофрастъ* Phys. opin. fr. 17 (Diog. L., VIII 48) (Дох. 492): По словамъ Фаворина, впервые назвалъ небо вселенной, а землю шаромъ—Пифагоръ, по словамъ же Теофраста—Парменидъ.

5. *Ипполитъ*, Philosoph. 11 (Дох. 564): Парменидъ считалъ *все*—единымъ, вѣчнымъ, безначальнымъ и шаровиднымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не избѣжалъ мнѣній толпы, такъ какъ онъ говоритъ, что огонь и земля являются началомъ всего, земля—какъ матерія, огонь—какъ дѣйствующая причина. По его мнѣнію, міръ разрушается, но какимъ образомъ—онъ не объяснилъ. По мнѣнію того-же Парменида, *все*—вѣчно, безначально, шаровидно, однородно, не имѣетъ въ себѣ (пустого?) мѣста, неподвижно и ограничено.

6. *Псевдо-Плутархъ*, Stromata, 5 (Дох. 580): Парменидъ изъ Элея, другъ Ксенофана, раздѣлялъ мнѣнія послѣдняго, но въ то же время держался и противоположной точки зрѣнія, а именно: онъ говорилъ, что *все*, согласно истинѣ,—вѣчно и неподвижно, (эту мысль выражаетъ онъ такъ: „бытіе цѣльно, однородно, спокойно и безначально“), возникновеніе же присуще лишь тому, что кажется, согласно ложному представленію, существующимъ. Что же касается ощущеній, то ихъ Парменидъ исключаетъ изъ истины. Говоритъ онъ также, что если существуетъ что-либо внѣ *бытія*, то это есть *не-бытіе*; *небытія* же вовсе нѣтъ; въ виду этого Парменидъ признаетъ только одно безначальное *бытіе*. Земля, по его мнѣнію, есть осадокъ сгущеннаго воздуха.

7. *Эпифаній*, Advers. haeres., III, 10 (Дох. 590): Парменидъ, сынъ Пирета изъ Элея, также признавалъ началомъ всего безконечное.

8. *Гермій*, Gent. philos. irr., 6 (Дох. 652): Противъ Анаксагора выступаютъ Мелиссъ и Парменидъ. Послѣдній возгла-

шаетъ, и притомъ въ стихотворной формѣ, что сущее едино, вѣчно, безконечно, неподвижно и со всѣхъ сторонъ одинаково. Самъ не знаю, какъ перехожу я на сторону этого ученія. Парменидъ вытѣснилъ Анаксагора изъ моего разума.

9. *Цицеронъ*, De deor. nat., I, 11 (Dox. 534): Парменидъ измышляетъ что-то подобное вѣнцу (στεφάνη), нѣвѣй, непрерывно горящій яркимъ свѣтомъ кругъ, который опоясываетъ небо; этотъ кругъ Парменидъ называетъ богомъ, хотя въ немъ нельзя усматривать ни божественной фигуры, ни разума. Много и другихъ небылицъ выдумываетъ Парменидъ, который войну, раздоръ, любовь и другое тому подобное возводитъ въ божество, хотя все это уничтожимо путемъ болѣзни, сна, забвенія, или старости. Его же мнѣнія о свѣтилахъ, подвергнутыя критикѣ въ другомъ мѣстѣ, здѣсь могутъ быть опущены.

10. *Аэций*, Placita, I, 3 (Dox. 284): Парменидъ, сынъ, Пирета изъ Элея, другъ Ксенофана, въ первой книгѣ излагаетъ мнѣнія, согласныя со взглядами своего учителя; такъ Пармениду приписываютъ слѣдующій стихъ: „Бытіе едино, однородно, спокойно и безначально“. Причиной-же всего существующаго Парменидъ считалъ не только землю, какъ Ксенофанъ, но и огонь.—7 (Dox. 303): Парменидъ считаетъ Божество неподвижнымъ и ограниченнымъ, а именно шаровиднымъ.—24 (Dox. 320): Парменидъ, Мелиссъ и Зенонъ отрицаютъ возникновеніе и уничтоженіе, такъ какъ по ихъ мнѣнію — все неподвижно.—25 (Dox. 321): Парменидъ и Демокритъ подчиняютъ все необходимости, причемъ эта необходимость есть и судьба, и право, и Провидѣніе, и Творецъ міра.

11. *Аэций*, Placita, II, 1 (Dox. 327): Парменидъ и др., говорятъ, что міръ единъ.—4 (ср. Ксенофанъ, 12)—7 (Dox. 335): Парменидъ признавалъ существованіе вложенныхъ другъ въ друга вѣнцовъ; первый вѣнецъ состоитъ изъ разрѣженнаго воздуха, второй — изъ сгущеннаго, остальные-же вѣнцы, лежащіе между ними, представляютъ смѣшеніе свѣта и мрака. Всѣ эти вѣнцы окружаютъ вѣнецъ, крѣпкій какъ стѣна, подъ которымъ находится вѣнецъ огненный; также крѣпкое и тотъ вѣнецъ, который находится въ самой серединѣ и который также опоясы-

вается огненнымъ вѣнцомъ. Самый средній изъ смѣшанныхъ вѣнцовъ является производителемъ всяческаго движенія и возникновенія; этотъ вѣнецъ Парменидъ называетъ Владыкой-Кормчимъ, Справедливостью, хранящей у себя ключи, а также необходимость. Воздухъ есть то, что отдѣлилось отъ земли, испарившись благодаря слишкомъ сильному сгущенію ея; солнце же и млечный кругъ представляютъ собой выдыханіе огня; что-же касается до луны, то она образовалась изъ воздуха и огня. Выше всего и все окружая, находится эфиръ, подъ нимъ огненная масса, которую мы называемъ небомъ, а уже подъ нимъ — все земное. — 11 (см. Анаксименъ, 9) — 12, 13, 17 (см. Гераклитъ, 8). — 15 (Дох. 345): первое мѣсто въ эфирѣ занимаетъ, по мнѣнію Парменида, утренняя звѣзда, которую онъ отождествляетъ съ вечерней. За этой звѣздой находится солнце, а подъ нимъ свѣтила на огненномъ сводѣ, который Парменидъ называетъ небомъ.

12. *Азійі, Placita, II, 20* (Дох. 349): Парменидъ и Митродоръ считали солнце огненнымъ. — По мнѣнію Парменида, солнце и луна выдѣлились изъ млечнаго круга (и образовались) солнце — изъ болѣе легкой смѣси, т. е. теплаго, луна — изъ болѣе плотной, т. е. холоднаго. — 25 (Дох. 356) Парменидъ считалъ луну огненной. — 26 (Дох. 357): Парменидъ (думалъ, что) луна равна солнцу и имъ освѣщается. — 28 (Дох. 358, ср. 26). — 30 (Дох. 361). Парменидъ (думалъ, что луна кажется темной) потому, что къ ея огненной части примѣшалась темная; въ виду этого онъ называетъ луну свѣтиломъ съ кожнымъ свѣтомъ.

13. *Азійі, Placita, III, 1* (Дох. 365): По мнѣнію Парменида, смѣшеніе густого и рѣдкаго придадо млечному пути присущій ему млечный цвѣтъ. — 14 (Дох. 377): Парменидъ первый ограничилъ обитаемыя части земли двумя тропическими поясами (тропиками). — 15 (Дох. 380) Парменидъ и Димокритъ (думали, что) земля вслѣдствіе одинаковаго разстоянія со всѣхъ сторонъ пребываетъ въ равновѣсіи, ибо нѣтъ причины, подъ вліяніемъ которой она могла бы приблизиться къ одной сторонѣ болѣе, чѣмъ къ другой. Вотъ почему она можетъ лишь колебаться, но не двигаться.

14. *Азійі, Placita, IV, 3* (Дох. 388): Парменидъ и Гиппасъ считали душу огненной. — 5 (Дох. 391): Парменидъ и Эпи-

куръ приписывали главенство груди.—Парменидъ, Эмпедокль и Димокритъ считали разумъ и душу однимъ и тѣмъ-же; вслѣдствіе этого не можетъ быть, по ихъ мнѣнію, ни одного живого существа вполнѣ неразумнаго.—9 (Дох. 396): Парменидъ и др. признавали внѣшнія чувства ложными.—(Дох. 397): Парменидъ и др. думали, что каждое ощущеніе образуется благодаря симметріи поръ, причеиъ каждый объектъ, вызывающій ощущеніе, согласуется съ послѣднимъ.—(Дох. 398): Парменидъ и Эмпедокль объясняютъ возникновеніе желанія недостаткомъ питанія.

15. *Аэций*, *Placita*, V, 7 (Дох. 419): Парменидъ, въ противоположность Эмпедоклу, думаетъ, что мужчины возникли на сѣверѣ, такъ какъ тамъ (воздухъ) плотнѣе, женщины-же на югѣ, гдѣ (воздухъ) рѣже.—(Дох. 420): Анаксагоръ и Эмпедокль думали, что для рожденія мужчинъ необходимо, чтобы сѣмя съ правой стороны отбрасывалось въ правую сторону матки, или-же съ лѣвой—въ лѣвую; при скрещиваніи же образуются существа женскаго рода.—11 (Дох. 422): Парменидъ говоритъ, что когда ребенокъ выходитъ съ правой стороны матки—онъ похожъ на отца, когда же съ лѣвой—на мать.—25. *Тертуллианъ* (Дох. 205): Парменидъ и Эмпедокль считали причиною сна охлажденіе.—30 (Дох. 443): Парменидъ думалъ, что причиною старости является недостатокъ теплоты.

16. *Цензоринъ*, IV, 7 (Дох. 189): Того же мнѣнія держится и Парменидъ, который, расходясь съ Эмпедокломъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, согласенъ съ нимъ въ общемъ.—V, 2: Парменидъ думалъ, что сѣмя выбрасывается то съ правой, то съ лѣвой стороны.—V, 4 (Дох. 190). Ученые спорятъ также о томъ, возникаетъ-ли зародышъ только изъ сѣмени отца (этого мнѣнія держатся Діогенъ, Гипсасъ и стоики), или же изъ сѣмени матери, какъ думали Анаксагоръ, Алкмеонъ, а также Парменидъ, Эмпедокль и Эпикуръ.—VI, 5: Парменидъ утверждаетъ, что между самцомъ и самкой происходитъ во время случки борьба, причеиъ тотъ, кто одерживаетъ побѣду, опредѣляетъ зародышъ.—VI, 8: Парменидъ держался того мнѣнія, что когда сѣмя идетъ съ правой стороны—сыновья похожи на отца; когда же съ лѣвой—на мать.

Анаксагоръ

1. *Θεοφραστῆς*, *Phys. opin.*, fr. 4 (*Simpl. in phys.* 6 b.) (Дох. 478—479): Изъ (ученыхъ), допускавшихъ безконечныя по количеству начала, одни признавали ихъ простыми и однородными, другіе—сложными, разнородными, противоположными и характеризующимися тѣмъ, что въ нихъ преобладаетъ. Анаксагоръ, сынъ Игзибула изъ Клазоменъ, раздѣлявшій (вначалѣ) философскія воззрѣнія Анаксимена, первый внесъ перемѣну въ (существовавшія до него) мнѣнія о началахъ и дополнилъ недостающую причину. Съ одной стороны, онъ считалъ тѣлесныя начала безконечными, а именно: все равночащенное (*ἰσομερῆς*) какъ огонь, вода, золото—безначально и неуничтожаемо, кажется-же оно возникающимъ и разрушающимся только благодаря соединенію и раздѣленію, причеиъ все заключается во всемъ; характеризуется-же каждое тѣмъ, что въ немъ преобладаетъ. Такъ наприиѣръ, золотомъ кажется то, въ чеиъ больше золотого, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ есть все. Поэтому Анаксагоръ говоритъ: „Во всемъ есть частица всего“ и „каждое въ отдѣльности кажется и казалось тѣмъ, что въ немъ преобладаетъ“. По словамъ Теофраста, Анаксагоръ въ этомъ отношеніи почти приближается къ Анаксимандру, ибо онъ (Анаксагоръ) говоритъ, что при раздѣленіи безконечнаго сродныя частицы соединяются другъ съ другомъ, причеиъ золотомъ дѣлается то, что *во всемъ* было золотомъ, а землей то, что (было *во всемъ*) землей. То-же самое происходитъ и съ каждымъ изъ остального, существующаго не по возникновенію, но какъ-бы по предсуществованію. Съ другой стороны, причиной движенія и возникновенія Анаксагоръ призналъ *νοῦς* (разумъ), благодаря воздѣйствию котораго то, что раздѣляется, производитъ міры и природу всего. А при такомъ пониманіи, продолжаетъ Теофрастъ,

кажется, что Анаксагоръ, какъ это уже было сказано, признавая *безконечныя* матеріальныя начала вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ причину движенія и возникновенія *единой*. Если-же предположить, что смѣсь всего есть единая, неопредѣленная по формѣ и по величинѣ природа, что, повидимому, хотѣлъ сказать Анаксагоръ, то оказывается, что онъ говоритъ о двухъ началахъ, о природѣ безконечнаго и о разумѣ (νοῦς). Такимъ образомъ, въ пониманіи тѣлесныхъ элементовъ (στοιχεῖα) Анаксагоръ подходит въ Анаксимандру.

2. *Теофрастъ*, Phys. opin., fr. 19 (*Азійи*, Placita, II, 29) (Дох. 493): По словамъ Теофраста, Анаксагоръ приписывалъ затменіе луны тому, что тѣла, находящіяся подъ луною, становятся иногда противъ нея.

3. *Теофрастъ*, Phys. opin., fr. 23 (Alexander in Meteor., fr. 91) (Дох. 495): Третье мнѣніе о морѣ сводится въ слѣдующему: вода, протекая сквозь землю и промывая ее, дѣлается соленой, благодаря тому, что земля содержитъ въ себѣ соленые соки. Последнее доказывали тѣмъ, что въ землѣ отрываютъ залежи соли и сѣры; сверхъ того, во многихъ мѣстахъ земли находятся горькіе (δξεῖς) источники. Этого мнѣнія держались Анаксагоръ и Митродоръ.

3. *Ипполитъ*, Philosoph., 8 (Дох. 561—563);—1) За Анаксименомъ слѣдуетъ Анаксагоръ, сынъ Игзибула изъ Клазоменъ. Онъ признавалъ началомъ всего разумъ (νοῦς) и матерію, первый, какъ дѣйствующую причину, вторую — какъ страдательную, ибо, когда все было вмѣстѣ, разумъ, вмѣшавшись, раздѣлилъ все и устроилъ (διακοσμέω). Что касается до матеріальныхъ началъ, то они безконечны, причемъ Анаксагоръ называетъ ихъ безконечными по малости ¹⁾.—2) Въ движеніи, которое вызвалъ разумъ, приняло участіе все, причемъ подобное соединилось съ подобнымъ. Небесный порядокъ возникъ благодаря круговому движенію. Плотное, влажное, темное, холодное — однимъ словомъ все тяжелое, сосредоточилось въ серединѣ и, уплотнившись, образовало землю. Противуположное-же, а именно: теплое, сухое, т. е.

¹⁾ Текстъ испорченъ.

все легкое, поднялось къ верхнимъ слоямъ эфира.—3) Земля, по формѣ плоская, осталась въ воздухѣ благодаря своей величинѣ и отсутствію пустоты. Поэтому воздухъ достаточно силенъ для того, чтобы поддерживать лежащую на немъ землю.—4) Море образовалось изъ земной влаги, а именно частью изъ той, которая, испарившись, опустилась затѣмъ внизъ, частью-же изъ текущихъ по землѣ рѣкъ¹⁾.—5) Рѣки образуются изъ дождей, а также изъ земныхъ водъ, ибо земля полая и содержитъ воду въ своихъ впадинахъ. Нилъ дѣлается полноводнымъ въ лѣтнее время благодаря водамъ, которыя посылаютъ снѣга Эѳіопіи.—6) Солнце, луна и остальные свѣтила представляютъ собой воспламененные камни, увлеченные круговымъ движеніемъ эфира. Солнце, луна и другія, намъ невидимыя, но такъ-же движущіяся тѣла, лежатъ ниже другихъ созвѣздій.—7) Жаръ созвѣздій не ощущается (нами) благодаря далекому отстоянію ихъ отъ земли; сверхъ того, они не такъ горячи какъ солнце, такъ какъ находятся въ болѣе холодной сферѣ. Луна ниже солнца и ближе къ намъ.—8) Солнце по величинѣ превосходитъ Пелопоннесъ. Луна не имѣетъ собственнаго свѣта, но заимствуетъ его у солнца. Свѣтила, вращаясь, проходятъ подъ землей.—9) Затменіе луны происходитъ тогда, когда передъ нею становится или земля или другія, находящіяся подъ луной, тѣла: солнечное-же затменіе—когда во время новолунія луна загораживаетъ собой солнце. Стояніе солнца и луны объясняется (вообще) сопротивленіемъ воздуха, но сверхъ того стянніе луны происходитъ часто вслѣдствіе ея безсилія справиться съ холодомъ.—10) Анаксагоръ первый опредѣлилъ причины затменій и фазъ. Луна, по его мнѣнію, земной природы и содержитъ въ себѣ, какъ равнины, такъ и пропасти. Млечный путь есть отраженіе лучей тѣхъ созвѣздій, которыя не заимствуютъ свѣта у солнца. Падающія звѣзды представляютъ собой какъ-бы искорки, падающія благодаря движенію небеснаго свода.—11) Вѣтры происходятъ благодаря разрѣженію воздуха солнцемъ и благодаря воспламененіямъ, которыя то поднимаются къ небесному своду, то опускаются. Громъ и молнія происходятъ отъ огня, падаю-

¹⁾ Текстъ испорченъ, переводъ сдѣланъ согласно поправкѣ Дильса.

шаго на облака.—12) Землетрясенія происходятъ благодаря столкновенію верхняго слоя воздуха съ тѣмъ слоемъ, что подъ землей, ибо послѣдній, приводимый въ движеніе, сотрясаетъ под-держиваемую имъ землю. Живыя существа возникли сперва изъ влаги, а затѣмъ стали рождаться другъ отъ друга. Существа мужскаго пола рождаются, когда сѣмя, выбрасываемое съ правой стороны, попадаетъ въ правую часть матки, при противополож-ныхъ условіяхъ происходятъ существа женскаго пола.—13) 'Αχιλῆ Анаксагора падаетъ на первый годъ 88-й Олимпіады. Въ этотъ годъ, по преданію, родился Платонъ. Про Анаксагора говорятъ, что онъ обладалъ даромъ предвидѣнія (προϋποστικός).

5. *Эпифаній*. Advers. haeres. III, 4 (Dox. 589): Анаксагоръ, сынъ Игизибула изъ Клазоменъ, призналъ началомъ всего равночастное (ὀμοιομερίαι).

6. *Гермій*. Irris. gent. philos., 6 (Dox. 652): Когда Анаксагоръ завладѣваетъ мной онъ преподаетъ мнѣ слѣдующее: „начало всего — разумъ (νοῦς); онъ есть причина и господинъ всего, онъ вноситъ порядокъ въ беспорядочное, онъ даетъ движеніе неподвижному, онъ раздѣляетъ смѣшанное, онъ вноситъ устройство въ неустроенное“. Эти слова Анаксагора приходятся мнѣ по душѣ и я еклоняюсь на его убѣжденія.

7. *Цицеронъ*, De deor. nat. I, 11 (Dox. 532): Анаксагоръ держался того мнѣнія, что раздѣленіе и характеръ *всего* опредѣляется и устрояется силою и разумомъ безконечнаго разума. Но при этомъ онъ не обратилъ вниманія на то, что не можетъ быть ни движенія, соединеннаго съ разумомъ и примыкающаго къ безконечному, ни вообще такого разума, чтобы природа, получивъ отъ него толчокъ, сама не получила-бы разума. Далѣе, если онъ представляетъ себѣ этотъ разумъ чѣмъ то вродѣ живого существа, необходимо, чтобы внутри послѣдняго было нѣчто, благодаря чему оно называлось бы живымъ существомъ. Но что же можетъ заключаться внутри разума? Слѣдовательно, этотъ разумъ долженъ быть окруженъ извиѣ тѣломъ. А такъ какъ Анаксагоръ не предполагаетъ этого, то наше разумѣніе не въ силахъ представить себѣ чистый и простой разумъ, безъ соединенія въ нему чего-то, чѣмъ онъ можетъ мыслить.

8. *Азійи*, Placita, I, 3 (Dox. 279): Анаксагоръ изъ Клазоменъ призналъ началами существующаго однородныя частицы (*ὁμομερεῖαι*). Ему казалось совершенно непонятнымъ, какиимъ образомъ что-либо можетъ возникнуть изъ не-бытія и уничтожиться въ не-бытіе. Въ самомъ дѣлѣ: мы вкушаемъ простую и однородную пищу, какъ напр. хлѣбъ и воду; между тѣмъ, этой пищей питаются волосы, жилы, артеріи, мускулы, кости и остальныя части тѣла. Разъ это такъ, нужно согласиться съ тѣмъ, что въ принимаемой нами пищѣ заключается все существующее, изъ котораго возрастаетъ все. Такъ, въ принимаемой нами пищѣ заключаются частицы-производители крови, мускуловъ, костей и всего остальнаго; но существованіе этихъ частицъ можетъ быть познано лишь разумомъ. И дѣйствительно, не слѣдуетъ ограничиваться только ощущеніемъ того, что хлѣбъ и вода производятъ (вышеупомянутыя) субстанціи, но слѣдуетъ умозаключать къ тому, что наша пища содержитъ въ себѣ частицы (этихъ субстанцій). Вслѣдствіе однородности заключающихся въ нашей пищѣ частей съ образуемыми ими (субстанціями), Анаксагоръ называлъ ихъ *ὁμομερεῖαι* и призналъ началами существующаго. Эти *ὁμομερεῖαι* представляютъ собой матерію, дѣйствующей же причиной является разумъ (*νοῦς*), который все привелъ въ порядокъ. Свое сочиненіе Анаксагоръ начинаетъ слѣдующими словами: „вначалѣ все было смѣшано“, но „разумъ раздѣлилъ это все и привелъ въ порядокъ“. Одобренія заслуживаетъ Анаксагоръ за то, что онъ къ матеріальной причинѣ присоединилъ дѣйствующую.

9. *Гераклитъ*, Alleg. homer. 22 (Dox. 94): Анаксагоръ изъ Клазоменъ, извѣстный какъ послѣдователь Талеса, прибавилъ къ водѣ вторую стихію, —землю, чтобы влажное, соединившись съ сухимъ, пришло отъ противоположности природы къ единству путемъ смѣшенія. Гомеръ, который впервые обработалъ эту мысль, далъ Анаксагору основаніе для его идеи, сказавъ: „О, еслибы вы были водой и землей!“

И дѣйствительно, все возникающее изъ чего-либо, погибая, разрѣшается въ то-же самое, какъ будто природа въ концѣ концовъ получаетъ обратно то, что она одолжила въ началѣ. Поэтому, Еврипидъ, раздѣлявшій мнѣнія Клазоменца, говоритъ: „Возникшее

изъ земли отходить обратно въ землю, а порожденное небеснымъ началомъ, возносится къ небу“. (Ср. Иреней, С. haec, II, 14 (Дох. 171): Анаксагоръ, прозванный также атеистомъ, утверждалъ, что животныя образуются изъ сѣмянъ, упавшихъ съ неба на землю).

10. *Аэций*, Placita I, —7 (Дох. 299): Анаксагоръ говоритъ, что тѣла существовали изначала, но божественный разумъ привелъ ихъ въ порядокъ и далъ возникновеніе всему.— (Дох. 302): Анаксагоръ считалъ богомъ разумъ, сотворившій міръ.—14 (Дох. 312): По мнѣнію Анаксагора, равночастное различно по формѣ.—17 (Дох. 315): Анаксагоръ, Демокритъ и ихъ послѣдователи (считали причиной) смѣшенія элементовъ—ихъ сосѣдство.—24 (Дох. 320): Эмпедоклъ, Анаксагоръ, Демокритъ, Эпикуръ и всѣ тѣ, по мнѣнію которыхъ міръ образуется благодаря соединенію малыхъ силъ, признаютъ соединеніе и раздѣленіе, но вовсе не допускаютъ возникновенія и разрушенія; ибо все возникаетъ не по качеству, благодаря измѣненію, но по количеству, благодаря соединенію.—29 (Дох. 326): Анаксагоръ и стоики считаютъ судьбу причиной неясной для человѣческаго разума, ибо одно существуетъ по необходимости, другое согласно року, третье по выбору, четвертое согласно судьбѣ, пятое—само собой. Судьба обозначаетъ собой дѣйствіе, не подчиненное закону.

11. *Аэций*, Placita, I (Дох. 327): Міръ единъ.—4 (Дох. 331): Анаксагоръ и др. считаютъ міръ подлежащимъ разрушенію.—8 (Дох. 337): Диогенъ и Анаксагоръ говорили, что послѣ образованія міра и происхожденія изъ земли животныхъ, міръ самъ собой склонился къ югу, быть можетъ чамѣренно, чтобы въ зависимости отъ холодной, жаркой и умѣренной температуры, однѣ его части были необитаемы, а другія обитаемы.

12. *Аэций*, Placita, II, 13 (Дох. 341): Анаксагоръ считалъ, что все охватывающій эфиръ, будучи по природѣ огненнымъ, силою своего вращательнаго движенія оторвалъ отъ земли камни и, воспламенивъ, сдѣлалъ ихъ звѣздами.—16 (Дох. 345): Анаксагоръ, Демокритъ, Клеанъ считали, что свѣтила несутся отъ востока къ западу.—20 (Дох. 349): Анаксагоръ, Демокритъ и Митродоръ считали солнце воспламененной массой, или

(воспламененнымъ) камнемъ.—21 (Дох. 351): Анаксагоръ считалъ солнце равнымъ по величинѣ Пелопоннесу.—23 (Дох. 352): Анаксагоръ считалъ, что солнцестояніе происходитъ благодаря сопротивленію съ сѣверной стороны воздуха, который, будучи отгоняемъ солнцемъ, получаетъ силу благодаря сгущенію.—25 (Дох. 356): Анаксагоръ и Демокритъ считали луну твердымъ, раскаленнымъ тѣломъ, которое заключаетъ въ себѣ горы, равнины и пропасти.—28 (Дох. 358): Фалесъ первый сказалъ, что луна освѣщается солнцемъ. Того-же мнѣнія держались Пиеагоръ, Парменидъ, Эмпедоклъ, Анаксагоръ и Мигродоръ—29 (см. Фалесъ, 12).—30 (Дох. 361): Анаксагоръ объяснялъ неравномѣрность лунной поверхности смѣшеніемъ холоднаго съ земнымъ, благодаря чему однѣ части луны высокія, другія низкія, третія полныя.

13. *Азій*, Placita, III, 1 (Дох. 365): Анаксагоръ, говорить, что тѣнь земли падаетъ на ту часть неба, (гдѣ находится млечный путь), когда солнце, находясь подъ землей, не освѣщаетъ всего.—2 (Дох. 366): Анаксагоръ и Демокритъ (считаютъ кометы) за соединеніе двухъ или нѣсколькихъ звѣздъ, лучи которыхъ соединяются вмѣстѣ.—3 (Дох. 368): По мнѣнію Анаксагора, когда теплое падаетъ на холодное, т. е. эфирное на воздушное, то ударъ производитъ громъ, отсвѣтъ на темномъ фонѣ тучи—молнію, количество и величина огня—громовую стрѣлу, болѣе матеріальный огонь—смерть, огонь же, смѣшанный съ облакомъ,—*πρηστῆρ*.—4 (Дох. 371): Анаксагоръ (объясняетъ происхожденіе) тучъ и снѣга такъ-же, какъ Анаксименъ; что-же касается до града, то онъ выпадаетъ, по мнѣнію Анаксагора, когда изъ замерзшихъ тучъ падаютъ на землю уже охлажденныя благодаря паденію частицы.—5 (Дох. 373): Анаксагоръ считалъ радугу за отраженіе солнечнаго свѣта отъ густой тучи, причемъ радуга стоитъ всегда противъ отражающагося свѣтила. Равнымъ образомъ объясняетъ онъ такъ называемыя *παράλλα* (побочныя солнца), наблюдаемыя на Понтѣ.

14. *Азій*, Placita, III, 15 (Дох. 379): Анаксагоръ объяснялъ землетрясеніе проныженіемъ (подъ землю) воздуха, который, ударяясь о плотную поверхность (последней) и не будучи въ состояніи раздѣлить ее, сотрясаетъ окружающую.—16

(Дох. 381): Анаксагоръ думалъ, что послѣ того, какъ первоначальная болотистая влага была высушена солнечнымъ круговращеніемъ, а болѣе легкая часть ея испарилась, остальное стало горькимъ и соленымъ моремъ.—IV, 1 (Дох. 385): По мнѣнію Анаксагора, разливъ Нила зависить отъ снѣговъ Эѳіопіи, которые, выпадая тамъ за зиму, тають лѣтомъ.

15. *Аэций*, Placita, IV, 3 (Дох 387): Анаксименъ, Анаксагоръ, Архелай, Діогенъ—признавали душу воздушной.—5 (Дох. 392): Пифагоръ, Анаксагоръ и др. считали, что разумъ входитъ извнѣ.—9 (Дох. 397): Анаксагоръ, Парменидъ и др. признавали внѣшнія чувства ложными.—(Дох. 398): Анаксагоръ говоритъ, что всякое ощущение сопровождается страданіемъ.—16 (Дох. 409): Анаксагоръ объясняетъ происхожденіе звука слѣдующимъ образомъ: дыханіе ударяется о плотный воздухъ и благодаря отзвуку удара достигаетъ до уха. Точно также происходитъ и такъ-называемое эхо.

16. *Аэций*, V, 7 (см. Докс. Парменида, 15).—19 (Дох. 430): Анаксагоръ и Еврипидъ говорятъ: ничто изъ возникающаго не умираетъ, но отдѣляясь отъ чуждыхъ ему элементовъ, воскресаетъ къ жизни подъ новою формою.—20 (Дох. 432): По мнѣнію Анаксагора, всѣ животныя, обладая способностью (λόγος) дѣйствія, не имѣютъ дара слова, который, играя роль разума, считается толмачемъ послѣдняго.—25 (Дох. 437): По мнѣнію Анаксагора, совѣ объясняется ослабленіемъ тѣлесной энергіи, ибо онъ есть не душевное, но тѣлесное состояніе; смерть же представляетъ собой отдѣленіе души отъ тѣла.

17. *Цензоринъ*.—5 (ср. Докс. Парменида, 16)—6. (Дох. 191): По мнѣнію Анаксагора у зародыша прежде всего образуется мозгъ, въ зависимости отъ котораго находятся всѣ чувства.—Анаксагоръ и Эмпедоклъ согласны въ томъ, что существа мужскаго пола образуются при выбрасываніи сѣмени съ правой стороны, существа же женскаго—при выбрасываніи его съ лѣвой.—(Дох. 193): Анаксагоръ считалъ, что ребенокъ выходитъ лицомъ въ того изъ родителей, который выбрасываетъ больше сѣмени.

Эмпедокль.

1. *Теофрастъ*, Phys. prin. fr. 3 (Dox. 472 : Изъ ученыхъ, допускающихъ множественность началъ, одни считаютъ ихъ ограниченными по числу, другіе — безконечными. Изъ тѣхъ, что стоятъ за ограниченность началъ. нѣкоторые признаютъ два начала. Такъ Парменидъ, сообразуясь съ мнѣніемъ толпы, считаетъ началами огонь и землю (или вѣрнѣе свѣтъ и мракъ), а стойки — бога и матерію, причемъ они не разумѣютъ подъ богомъ матеріальной причины, но бога считаютъ причиной дѣйствующей, а матерію — страдательной. Другіе стоятъ за тройственность началъ, считая ими матерію и то, что ей противоположно; третьи же усматриваютъ четыре начала. Этого мнѣнія держался Эмпедокль изъ Акраганта, жившій незадолго до Анаксагора и бывшій соперникомъ Парменида, къ ученію котораго онъ приближался, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ къ пифагорейцамъ. Эмпедокль предполагаетъ четыре матеріальныхъ элемента, а именно огонь, воздухъ, воду и землю; эти элементы, будучи вѣчными, измѣняются по числу и величинѣ путемъ соединенія и раздѣленія. Существуетъ также два начала въ собственномъ смыслѣ этого слова, при помощи которыхъ элементы приводятся въ движеніе; эти начала — Любовь и Вражда, ибо элементы должны подвергаться двоякому движенію, а именно: то соединенію путемъ Любви, то раздѣленію путемъ Вражды. Такимъ образомъ, по Эмпедоклу, существуетъ шесть началъ. Впрочемъ и самъ философъ то приписываетъ производительную силу Любви и Враждѣ, о чемъ можно судить по слѣдующимъ словамъ: „все или соединяется въ одно, благодаря Любви, или-же раздѣляется, благодаря Враждѣ“, — то смотритъ на Любовь и Вражду какъ на элементы, подобные вышеупомянутымъ четыремъ; такъ онъ говоритъ: „тогда изъ еди-

наго образовалось многое, огонь, земля, вода, безграничная высь эфира, губительная Вражда, что стоитъ отдѣльно отъ этихъ началъ и каждое изъ нихъ побораетъ, а также Любовь, что находится среди нихъ, Любовь, равная имъ по длинѣ и ширинѣ“.

2. *Имподитъ*, *Philosophumena*, 3 (Dox. 558): — 1) Эмпедокль, жившій позже послѣдователей Пиеагора, также не мало наговорилъ о природѣ демоновъ, которые, по его мнѣнiю, многочисленны и управляютъ тѣмъ, что (находится) на землѣ. Началомъ всего призналъ онъ Вражду и Любовь, богомъ — разумный огонь единаго, огонь, изъ котораго все образуется и въ который все переходитъ; къ этому мнѣнiю почти примыкаютъ стоики, ожидающiе всеобщаго воспламененiя. — 2) Что Эмпедокль не сомнѣвался въ возможности переселенiя душъ, явствуетъ изъ слѣдующаго: „Я былъ и юношей“, говоритъ онъ, „и дѣвушкой, и растенiемъ, и птицей, и рыбой, что плаваетъ въ морѣ“. — 3) Эмпедокль говоритъ, что всѣ души переходятъ постепенно во всѣ живыя существа. Впрочемъ и Пиеагоръ, учитель Эмпедокла и пиеагорейцевъ заявилъ, что онъ былъ Эфорбомъ, принимавшимъ участiе въ походѣ на Трою и сказалъ, что узнаеть свой прежнiй щитъ. Вотъ все, что можно сказать объ Эмпедоклѣ.

3. *Псевдо-Плутархъ*, *Stromata*, 10 (Dox. 582): Эмпедокль Акрагантинецъ признавалъ четыре элемента: огонь, воду, землю и воздухъ, причиной-же ихъ считалъ Любовь и Вражду. Изъ первоначальной смѣси этихъ элементовъ отдѣлился воздухъ, который разлился вокругъ; послѣ воздуха — вырвался огонь, который, не находя другаго мѣста, поднялся къ верху изъ подъ плотной сферы, окружающей воздухъ. Вокругъ земли вращаются два полукруга, одинъ огненный, а другой — состоящiй изъ воздуха и небольшой части огня; послѣднiй полукругъ Эмпедокль называлъ ночью. Начало движенiю положилъ огонь, который, собравшись (въ одно цѣлое) нарушилъ (существовавшее до тѣхъ поръ) равновѣсiе. Солнце не есть огонь, но отраженiе послѣдняго, подобно тому, какъ это бываетъ на водѣ. Луна, по мнѣнiю Эмпедокла, образовалась сама собой изъ остатковъ воздуха, охваченнаго огнемъ и уплотнившася на подобiе града. Свѣтъ

луна заимствуетъ отъ солнца. Главенство принадлежитъ ни голвъ, ни груди, но крови, поэтому главенствуетъ та часть челоуѣческаго тѣла, въ которой крови больше.

4. *Эпифаний*, Adv. haer., III, 19 (Дох. 591): Эмпедокль, сынъ Метона изъ Акраганта, ввелъ четыре первичныхъ элемента: огонь, землю, воду, воздухъ, и сказалъ, что вначалѣ элементами управляла вражда, ибо вначалѣ все было раздѣлено, а въ настоящее время соединилось, возлюбивъ, какъ говоритъ Эмпедокль, другъ друга. Итакъ, существуютъ два начала и двѣ силы, Любовь и Вражда, изъ которыхъ первая все соединяетъ, а вторая разъединяетъ.

5. *Гермій*, Irris. gent. philos. (Дох. 653): Но воть появляется Эмпедокль. Охваченный дрожью, громко кричитъ онъ съ Этны: „началами всего считай Вражду и Любовь; первая соединяетъ, вторая разъединяетъ, причеиъ ихъ борьба производить все. Эти начала считаю я подобными и неподобными, конечными и безконечными, вѣчными и возникающими“. Прекрасно, Эмпедокль! я иду за тобой вплоть до огненнаго кратера.

6. *Цицеронъ*. De deor. nat., I, 12 (Дох. 538): Эмпедокль, сдѣлавшій не мало и другихъ промаховъ, опозорилъ себя своимъ мнѣниемъ о богахъ; и дѣйствительно, онъ признаетъ божественными четыре элемента, изъ которыхъ, по его мнѣнiю, все возникаетъ, хотя ясно, что эти элементы и возникаютъ, и уничтожаются, и лишены какого-бы то ни было разума.

7. *Азцій*, Philosophumena I—3 (Дох. 287): Эмпедокль, сынъ Метона изъ Акраганта, признаетъ четыре элемента: огонь, воздухъ, воду, землю, и двѣ начальныхъ силы: Любовь и Вражду, изъ которыхъ первая объединяетъ, а вторая разъединяетъ. Такъ Эмпедокль говоритъ: „Выслушай сперва о четырехъ корняхъ вселенной. Эти корни: блестящiй Зевсъ, жизнедательница Гера, Эдоней и Нестись, людской источникъ, проливающаящiй слезы“. Зевсомъ называетъ онъ жаръ и эфиръ, жизнедательницей Герой—воздухъ, землей—Эдоней, а подъ Нестись и челоуѣческимъ источникомъ подразумѣваетъ онъ сѣмя и воду.—5 (Дох. 291): По мнѣнiю Эмпедокла, миръ—единъ; однако миръ не есть все, а только небольшая часть всего; все-же остальное—матерiя.—7 (Дох. 303):

Эмпедокль признаетъ единымъ — необходимость, матеріей — четыре элемента, видами — Вражду и Любовь. Эти элементы считаетъ онъ богами, а ихъ соединеніе — міромъ... ¹⁾ Души, по мнѣнію Эмпедокла, божественны, божественны и тѣ непорочны, которые непорочно причастны душамъ.

8. *Аэций*, *Placita*, I, 13 (Дох. 312): По мнѣнію Эмпедокла, до образованія четырехъ элементовъ существовали очень маленькія частицы, своего рода равночастные элементы, предшествовавшіе (четыремъ) элементамъ. — 15 (Дох. 315): Эмпедокль называетъ цвѣтомъ то, что соотвѣтствуетъ порамъ зрѣнія; цвѣтовъ, сообразно числу элементовъ, четыре: бѣлый, красный, черный и желтый. — 17 (Дох. 315). По мнѣнію Эмпедокла, элементы образуются изъ маленькихъ частицъ, которыя, выдѣляясь своей малостью, являются какъ-бы элементами элементовъ.

9. *Аэций*, *Placita*, I, 18 (Дох. 316): Эмпедокль говоритъ: во всемъ нѣтъ ни пустого, ни лишняго. — 24 (Ср. Докс. Анаксагора, 10) — 26 (Дох. 321): По мнѣнію Эмпедокла, сущность необходимости представляетъ собой дѣйствующую причину началъ и элементовъ. — 30 (Дох. 326): По мнѣнію Эмпедокла, возникновенія нѣтъ, но есть соединеніе и раздѣленіе элементовъ. Такъ онъ пишетъ въ первой части своей физики: „я скажу тебѣ нѣчто новое: ничто человѣческое не возникаетъ и губительная смерть не есть конецъ, но существуетъ только соединеніе и раздѣленіе того, что соединилось. Это-то и называютъ смертные возникновеніемъ.“

10. *Аэций*, *Placita*, II, 1 (Дох. 327): Эмпедокль говоритъ, что міръ единъ. — (Дох. 328): По словамъ Эмпедокла круговое движеніе солнца описываетъ границу міра. — 4 (Дох. 331): По словамъ Эмпедокла, міръ возникаетъ и разрушается сообразно преобладанію Любви и Вражды.

11. *Аэций*, *Placita*, II, 6 (Дох. 334): Эмпедокль говоритъ, что первымъ опредѣлился эфиръ, за нимъ огонь, потомъ земля; изъ земли-же, сдавленной круговращательнымъ движеніемъ, брызнула вода, которая, испарившись, образовала воздухъ. Небо

¹⁾ Текстъ испорченъ.

произошло изъ эфира, солнце изъ огня, а изъ остального свалалось (точно шерсть) все земное.—7. (Дох. 336): Эмпедокль говоритъ, что мѣста элементовъ не ограничены и не всегда одни и тѣ-же, но что одинъ (элементъ) постоянно занимаетъ мѣсто другого. (Ахиллъ, — Дох. 336: — потому земля поднимается вверхъ, а огонь опускается внизъ).

12. *Аэций*, Placita, II, 8 (Дох. 338): Эмпедокль говоритъ, что, когда воздухъ уступилъ движенію солнца, сѣверный полюсъ отклонился; благодаря этому, сѣверъ поднялся, а югъ опустился, сообразно чему и весь міръ (перемѣнилъ положеніе).—10 (Дох. 339): По мнѣнію Эмпедокла, правая сторона идетъ по лѣтному тропику, а лѣвая по зимнему.

13. *Аэций*, Placita, II, 11 (Дох. 339): Эмпедокль считалъ небо твердымъ, образовавшимся изъ воздуха, сгущеннаго кристаллически подъ вліяніемъ огня; небо заключаетъ въ каждомъ изъ своихъ полушарій какъ огненное, такъ и воздушное.—13 (Дох. 341): По мнѣнію Эмпедокла, звѣзды—огненной природы и образовались изъ огненной массы, которая заключалась въ воздухъ, выдѣлившемъ ее при первомъ раздѣленіи.— (Дох. 342): По мнѣнію Эмпедокла, неподвижныя звѣзды приврѣшлены къ кристаллическому своду, а планеты свободны.

14. *Аэций*, Placita, II, 20 (Дох. 350): Эмпедокль признавалъ два солнца: первое, основное, будучи огнемъ и находясь въ одномъ изъ міровыхъ полушарій, наполняетъ собой это полушаріе и лежитъ постоянно противъ своего собственного отраженія; второе солнце, видимое, и являющееся отраженіемъ перваго, находится во второмъ полушаріи, которое наполнено воздухомъ и огнемъ. Это солнце есть отраженіе, которое падаетъ отъ шаровидной земли на кристаллическій сводъ, и увлекается движеніемъ огненной массы; однимъ словомъ, солнце есть отраженіе окружающаго землю огня.—21 (Дох. 351): Эмпедокль говоритъ, что отражающееся солнце равно землѣ.—23 (Дох. 353): По словамъ Эмпедокла, солнце не можетъ постоянно идти прямо: ему мѣшаетъ, во-первыхъ, окружающій его шаръ, а во вторыхъ,—тропическіе пояса.—24 (Дох. 354): Эмпедокль говоритъ, что затменіе солнца бываетъ тогда, когда луна проходитъ подъ нимъ.

15. *Азійи*, Placita, II, 25 (Dox. 357): По мнѣнію Эмпедокла луна есть воздухъ, сгущенный, тучевидный, уплотненный благодаря огню, однимъ словомъ смѣшанный (?)—27 (Dox. 358): По словамъ Эмпедокла, луна имѣетъ форму диска. — 28 (см. Доксографію Фалеса 12, 28). — 31 (Dox. 363): По словамъ Эмпедокла разстояніе отъ земли до неба, т. е. отъ насъ кверху, меньше разстоянія по ширинѣ, такъ какъ небо, вслѣдствіе того, что міръ имѣетъ форму лежащаго яйца, распространяется въ ширину больше (чѣмъ въ высоту).

16. *Азійи*, Placita, III, 3 (Dox. 368): Эмпедокль называетъ молніей свѣтъ, который падаетъ на облако и вытѣсняетъ сопротивляющійся воздухъ; угасаніе (огня) и разрывъ облака производитъ шумъ, свѣтъ—молнію, а громовая стрѣла выражаетъ силу молніи.—8 (Dox. 375): Эмпедокль и стоики: наступленіе зимы объясняется преобладаніемъ воздуха, который, сгущаясь, стремится вверхъ, а наступленіе лѣта—преобладаніемъ огня, который старается прорваться внизъ.—16 (Dox. 381): Эмпедокль считаетъ море пѣтомъ нагрѣваемой солнцемъ земли, которая вслѣдствіе слишкомъ сильнаго сжатія выдѣляетъ (влагу). (Alex. in met. (Dox. 495): Нѣкоторые говорятъ, что море есть своего рода потъ земли, которая, согрѣваясь подъ лучами солнца, выдѣляетъ влагу, соленую на подобіе пота; такого мнѣнія держался Эмпедокль).

17. *Азійи*, Placita, IV, 3 (Феодоритъ) (Dox. 389): Эмпедокль считаетъ душу смѣсью воздушной и эфирной сущности.—5 (Dox. 391): Эмпедокль приписываетъ главенство составу крови.—(Ср. Докс. Парменида, 14).—7 (Dox. 392): Эмпедокль и другіе считали душу непреходящей.—9 (Dox. 396): Эмпедокль говоритъ, что всѣ ощущенія ложны.—(Dox. 398): Удовольствіе, по мнѣнію Эмпедокла, вызывается у подобнаго подобнымъ, а у недостающаго—стремленіемъ дополнить себя подобнымъ, такъ какъ у недостающаго есть тяготѣніе къ подобному. Страданіе-же производится противоположнымъ, ибо то, что различно по составу и по способу соединенія элементовъ, чуждается другъ друга.

18. *Азійи*, Placita, IV, 13 (Dox. 403): Эмпедокль говоритъ, что глазъ воспринимаетъ впечатлѣнія частью при помощи

лучей, частью при помощи образовъ, но главнымъ образомъ при помощи послѣднихъ, такъ какъ онъ воспринимаетъ истеченія (*ἀπορροΐαι*). — 14 (Дох. 405): По мнѣнію Эмпедокла отраженіе въ зеркалѣ происходитъ благодаря истеченіямъ, которыя собираются на поверхности зеркала и сгущаются благодаря огню, отдѣляющемуся отъ зеркала и въ своемъ движеніи относящему воздухъ, который мѣшаетъ истеченіямъ. — 15 (Дох. 406): По мнѣнію Эмпедокла слухъ зависитъ отъ напора воздуха на ушной хрящъ, который, говоритъ Эмпедокль, виситъ въ ухѣ точно колокольчикъ и колеблется при ударѣ. — 17 (Дох. 407): Эмпедокль говоритъ, что запахъ втягивается благодаря вдыханію легкихъ; поэтому, когда дыханіе затруднено, запахъ не ощущается, какъ напримѣръ у страдающихъ насморкомъ. — 22 (Дох. 411): Эмпедокль говоритъ, что живое существо начинаетъ дышать послѣ отдѣленія той влаги, которая находится въ новорожденномъ и послѣ проникновенія внѣшняго воздуха въ пустое пространство черезъ открытыя трубки легкихъ; когда послѣ этого теплота, уже находящаяся (въ тѣлѣ), стараясь прорваться къ внѣшнему воздуху, сталеживается, съ послѣднимъ и отгоняется назадъ, происходитъ вдыханіе. Нормальное-же (вдыханіе и выдыханіе происходятъ слѣдующимъ образомъ): когда кровь приливаетъ къ поверхности (тѣла) и своимъ напоромъ выгоняетъ черезъ ноздри воздухъ, — происходитъ выдыханіе; когда же кровь отливаетъ и воздухъ входитъ въ оставленное кровью мѣсто, происходитъ вдыханіе. Эмпедокль вспоминаетъ по этому поводу устройство влеспидры.

19. *Аэций*, *Placita*, V, 7 (Дох. 419): Эмпедокль говоритъ, что рожденіе мужскихъ и женскихъ существъ зависитъ отъ теплоты и холода; поэтому, говоритъ онъ, первые мужчины произошли изъ земли на востоѣ и югѣ, а женщины на сѣверѣ. — 8 (420): По мнѣнію Эмпедокла образованіе уродовъ объясняется или излишествомъ сѣмени, или недостаткомъ, или неправильнымъ движеніемъ послѣдняго, или распаденіемъ на части, или отклоненіемъ. Такимъ образомъ, онъ, повидимому, предусмотрѣлъ почти всѣ причины (образованія уродовъ). — 9 (421): Эмпедокль говоритъ, что двойни и тройни образуются благодаря избытку и распаденію сѣмени (*Censorinus*, VI, 9—10 (Дох. 194): Слу-

чайное рожденіе двойни зависитъ, по мнѣнію Гиппона, отъ количества сѣмени, которое раздвояется, если его больше, чѣмъ нужно для одного. Почти подобнаго-же взгляда держался Эмпедокль; онъ, правда, не объяснилъ причинъ раздѣленія сѣмени, но признавалъ этотъ фактъ и говорилъ, что если обѣ части (сѣмени) занимаютъ одинаково теплыя мѣста, то рождаются мужчины, если одинаково холодныя—рождаются женщины, если-же одно мѣсто жарче, а другое холоднѣе—то двойни бываютъ разнаго пола).

20. *Азійи*, Placita V, 11 (Дох. 422): По мнѣнію Эмпедокла сходство дѣтей съ родителями зависитъ отъ преобладанія сѣмени, а несходство отъ недостатка теплоты въ послѣднемъ (Cf. Censorinus, VI, 6 (Дох. 191): По этому поводу, Эмпедокль говоритъ слѣдующее: если сѣмя родителей одинаково горячо, то рождаются мальчики, похожіе на отца; если-же сѣмя одинаково холодно, то рождаются дѣвочки, похожія на мать; далѣе, если сѣмя отца горячѣе, а матери — холоднѣе, рождается мальчикъ, который похожъ лицомъ на мать, а если сѣмя матери горячѣе, а сѣмя отца холоднѣе, родится дѣвочка, которая напоминаетъ чертами отца) — 12 (Дох. 423): Эмпедокль говоритъ, что форма зародыша зависитъ отъ фантазіи беременной женщины, ибо нерѣдко женщины влюбляются въ статуи и портреты и рожаютъ дѣтей, похожихъ на послѣдніе.

21. *Азійи*, Placita, V, 14 (Дох. 425): Эмпедокль говоритъ, что самки муловъ бесплодны вслѣдствіе малости и узкости матки, которая лежитъ слишкомъ низко и прикрѣплена къ животу неправильно; поэтому, ни сѣмя не можетъ попасть въ нее, ни матка не можетъ принять его, еслибы даже оно и попало. (Cf. Arist., De anim. gener., II, 8).

22. *Азійи*, V, 15 (Дох. 425): Эмпедокль говоритъ, что зародышъ представляетъ собой живое существо, но, находясь во чревѣ матери, не дышитъ. (Censorinus, VI, 1 (Дох. 190): Эмпедокль, которому въ этомъ отношеніи слѣдуетъ Аристотель, говоритъ, что прежде всего образуется сердце, отъ котораго главнымъ образомъ зависитъ человѣческая жизнь).—18 (Дох. 427): Эмпедокль говоритъ, что когда родъ человѣческой возникъ изъ земли, день вслѣдствіе медленнаго движенія солнца равнялся по

своей продолжительности нынѣшнимъ десяти мѣсяцамъ; съ теченіемъ времени день сталъ равняться нынѣшнимъ семи мѣсяцамъ. Поэтому бываетъ десяти и семимѣсячная беременность, ибо природа позаботилась о томъ, чтобы зародыши рождались въ теченіе одного дня или одной ночи ¹⁾. — (Дох. 430): Эмпедокль говоритъ, что первоначальныя животныя и растенія не представляли собой чего-либо цѣльнаго, но были соединеніемъ несросшихся частей; второе поколѣніе походило на фантастическіе образы и состояло изъ частей сросшихся; третьи состояли изъ частей, соединившихся въ одно цѣлое; существа четвертаго поколѣнія уже не образовывались изъ элементовъ, какъ напримѣръ изъ земли и воды, но рождались другъ отъ друга, причемъ у однихъ желаніе полового сближенія было вызвано образованіемъ твердой пищи, у другихъ — красотой женщинъ. Виды животныхъ раздѣлились сообразно преобладанію (того или другого изъ составляющихъ ихъ элементовъ), ибо влажному естественнѣе было стремиться къ водѣ, тому, въ чемъ больше огненнаго элемента, подниматься въ воздухъ, а тому, что тяжелѣе, — тяготѣть къ землѣ ²⁾... (Ср. Censorinus, IV, 8 (Дох. 189): Эмпедокль держался приблизительно слѣдующаго мнѣнія: сперва земля, какъ-бы беременная женщина, родила повсюду отдѣльные члены, которые соединились и составили человѣческое тѣло, смѣсь огня и воды).

23. *Азійи*, Placita, V, 21 (Дох. 433): Эмпедокль говоритъ, что обособленіе частей тѣла у человѣческаго зародыша начинается на 36-ой день, а окончательное сформированіе ихъ наступаетъ на 49-омъ. — 22 (Дох. 434): Эмпедокль говоритъ, что тѣло образуется изъ соединенія четырехъ подобныхъ элементовъ, жилы изъ земли и огня, къ которымъ примѣшиваются двѣ части воды, ногти у живыхъ существъ образуются изъ жилъ, отвердѣвшихъ подъ вліяніемъ воздуха, восты — изъ двухъ частей воды, двухъ — земли и четырехъ частей огня, потъ-же и слезы изъ разрѣженной крови, которая истекаетъ вслѣдствіе своей жидкости. — 24 (Дох. 435): Эмпедокль говоритъ, что сонъ — это умѣренное охлажденіе теплоты крови, а смерть — полное охлаж-

¹⁾ Текстъ испорченъ.

²⁾ Конецъ совершенно испорченъ.

деніе послѣдней.—25 (Дох. 437): По мнѣнію Эмпедокла, смерть есть разьединеніе огня и земли, (элементовъ), составляющихъ челоуѣка; поэтому со смертью тѣла умираетъ и душа; сонъ-же представляетъ собою отдѣленіе огня.

24. *Аэций*, *Placita*, V, 26 (Дох. 438): Эмпедокль говоритъ, что деревья произошли изъ земли раньше живыхъ существъ, когда солнце еще не вращалось и когда день еще не отдѣлился отъ ночи. Деревья бываютъ мужскаго и женскаго пола въ зависимости отъ неравномѣрнаго распредѣленія составляющихъ ихъ элементовъ; на ихъ ростъ вліяетъ заключающаяся въ землѣ теплота, таеъ что они являются частью земли, подобно тому какъ зародышъ есть часть матки. Плоды происходятъ вслѣдствіе избылія въ растеніяхъ воды и огня; одни изъ деревьевъ, вслѣдствіе недостатка влаги, которая испаряется, уже лѣтомъ теряютъ листья, другія-же, вслѣдствіе избылія влаги, сохраняютъ листву, какъ лавръ, маслина и финиковая пальма. Разница (плодоваго?) сока зависитъ отъ измѣненія частицъ земли, а разнообразіе растеній происходитъ вслѣдствіе того, что они получаютъ свои гомеомеріи отъ питающей ихъ почвы; примѣромъ можетъ служить виноградная лоза, ибо качество вина зависитъ не отъ сорта виноградника, а отъ почвы.—27 (Дох. 440): По мнѣнію Эмпедокла живыя существа питаются тѣмъ, что имъ сродно, возрастаютъ благодаря присутствію тепла, а вырождаются и гибнутъ вслѣдствіе недостатка того и другого. Нынѣшніе люди въ сравненіи съ прежними то-же, что дѣти.—28 (Дох. 440): Эмпедокль говоритъ, что желанія происходятъ у живыхъ существъ вслѣдствіе недостатка составляющихъ ихъ элементовъ, а удовольствіе вслѣдствіе соединенія сродныхъ и подобныхъ (частей).

СОХРАНИВШЕСЯ ОТРЫВКИ ИЗЪ СОЧИНЕНИИ
ГРЕЧЕСКИХЪ ФИЛОСОФОВЪ
до ПЛАТОНА.

Ксенофанъ.

1. Единъ богъ, величайшій среди боговъ и людей, не похожій на смертныхъ ни тѣломъ, ни разумомъ.

2. Весь онъ видитъ, весь мыслить, весь слышитъ.

3. Но безъ труда силой разума всѣмъ (божество) править въ мѣрѣ.

4. Всегда въ одномъ и томъ же мѣстѣ пребываетъ неподвижно (божество) и не подобаетъ ему переходить съ одного мѣста на другое.

5. Смертные полагаютъ, что боги (не только) рождаются (подобно смертнымъ), но (даже) имѣютъ ту же одежду, тотъ же голосъ, ту же тѣлесную оболочку.

6. Если бы волы или львы, обладая руками, могли подобно людямъ изображать своихъ боговъ и создавать произведенія искусства, они изображали бы ихъ по своему образу и подобію: лошади—по образу лошадей, волы—по образу воловъ.

7. Гомеръ и Гесіодъ приписали богамъ все то, что среди людей считается порокомъ и возбуждаетъ порицаніе; они же рассказали (намъ) о незаконныхъ поступкахъ боговъ: воровствѣ, прелюбодѣянніи и взаимномъ обманѣ.

8. Все изъ земли происходитъ и въ землю отходить обратно.

9. Всѣ мы произошли изъ земли и воды.

10. Всѣ, что возникаетъ и рождается, есть земля и вода.

11. Море есть источникъ воды, источникъ вѣтра: ибо безъ великаго моря не могли бы возникнуть ни порывистый вѣтеръ,

что образуется среди тучъ, ни истоки рѣкъ, ни дождевая влага ээира, но великое море является родоначальникомъ и тучи, и вѣтра, и рѣкъ.

12. Мы видимъ подъ своими ногами верхнюю границу земли, что соприкасается съ ээиромъ, а снизу земля уходитъ въ безконечность.

13. Даже то, что называютъ Иридой (радугой), есть облако пурпурное, фіолетовое, и блѣдно-зеленое.

14. Итакъ не было и не будетъ человѣка, который зналъ бы боговъ и (вообще), что я говорю обо всемъ; вѣдь даже, если бы удалось ему сказать истину, всё-таки онъ самъ не зналъ бы этого: во всемъ существуетъ (лишь) мнѣіе.

15. Вотъ то, что казалось мнѣ похожимъ на истину.

16. Не все въ началѣ боги открыли смертнымъ, но постепенно путемъ изысканій люди доходятъ до лучшаго.

17. Въ зимнее время, покоясь на мягкомъ ложѣ предъ пылающимъ очагомъ, такіа рѣчи (должень) произносить сытый человѣкъ за чашей сладкаго вина, при щелканьи орѣшковъ: „Что ты за человѣкъ и откуда? Сколько тебѣ лѣтъ отъ роду, милѣйшій? Сколько было тебѣ, когда приходили Мидяне?“

18. Теперь къ новой рѣчи перейду я и покажу новую дорогу... Однажды, проходя мимо собаки, которая выла подъ ударами, онъ (= Писагоръ), говорятъ, почувствовалъ жалость и вымолвилъ такое слово: „Перестань бить собаку, ибо въ ней душа моего милаго друга: я узналъ его по голосу“.

19. Если ктонибудь въ Олимпіи у потоковъ Пизы, тамъ, гдѣ святыня Зевеса, одержитъ побѣду или въ быстромъ бѣгѣ, или въ пентаэвлѣ, или въ борьбѣ, или въ мучительномъ кулачномъ бою, или въ ужасномъ состязаніи, которое называютъ панкратіемъ, тотъ прославится среди гражданъ, на глазахъ у всѣхъ займетъ первое мѣсто на играхъ, будетъ получать отъ города изъ общественныхъ суммъ пропитаніе, да (сверхъ того) ему вручатъ подарокъ, который будетъ для него драгоценнымъ воспоминаніемъ. Тѣ же почести выпадутъ и на долю того, кто одержитъ побѣду при помощи быстрыхъ воней, хотя бы онъ былъ менѣе достойнымъ, чѣмъ я, ибо нашъ умъ выше физической

силы человѣка и коня. Напрасный и несправедливый обычай— давать силѣ предпочтеніе передъ благой мудростью! Вѣдь, если бы среди гражданъ нашелся человѣкъ, искусный въ кулачномъ бою или пентаэвлѣ, или борьбѣ или въ легкомъ бѣгѣ, (искусствѣ), которое на играхъ цѣнится выше силы—это не могло бы содѣйствовать благоустройству государства. Ничтожную радость даетъ городу побѣда, одержанная (роднымъ) бойцомъ на берегахъ Пизы, ибо не обогащаетъ она тайниковъ казны.

20. Перепявъ у Лидянъ бесполезную роскошь, приходили они, еще незнакомые съ ненавистной тиранніей, на площадь въ числѣ не менѣе тысячи человѣкъ, въ пурпурныхъ плащахъ, гордые, кичась искусной прической, натертые драгоценной ароматической мазью.

21. Чистъ теперъ полъ, чисты руки гостей и бокалы. Кто возлагаетъ на себя искусно-сплетенный вѣнокъ, кто передаетъ въ чашѣ душистое масло. Стоитъ кратеръ, наполненный утѣхою (пира), приготовлено и еще вино, котораго хватитъ вполне, пріятное въ глиняныхъ кувшинахъ, душистое, какъ цвѣты. Посреди насъ льетъ свое благоуханіе священный ладанъ, а вотъ и вода, холодная, сладкая, чистая. Янтарный хлѣбъ лежитъ передъ нами и парадный столъ ломится подъ тяжестью сыра и меда. Посреди (возвышается) алтарь, со всѣхъ сторонъ густо убранный цвѣтами; домъ полонъ звуками пѣсни, пляски и веселья. Прежде всего люди, что собрались для веселья, должны почтить божество благочестивою рѣчью и пристойнымъ словомъ, а затѣмъ, свершивъ возліаніе и помолясь о томъ, чтобы богъ даровалъ силы провести (пиръ) въ границахъ приличія (это вѣдь ближайшее дѣло!), не грѣхъ пить вина столько, чтобы каждый могъ одинъ безъ помощи слуги дойти до дому, если только онъ не слишкомъ обремененъ годами. Изъ гостей мы будемъ прославлять тѣхъ, кто не смотря на выпитое вино произноситъ благодарныя рѣчи, такъ какъ онъ помнитъ и печется о добродѣтели, но отнюдь не будемъ мы воспѣвать битвы Титановъ, Гигантовъ и Кентавровъ, (повторяя) выдумки предковъ, или неистовыя междоусобицы. Въ этомъ не было бы ничего хорошаго, къ богамъ же слѣдуетъ всегда относиться съ почетомъ.

22. За присланное тобою козье бедро получилъ ты жирную ногу откормленнаго быка, почтенный для мужа подарокъ, слава котораго пронесется по всей Элладѣ и не замоленетъ до тѣхъ поръ, пока не переведется у насъ племя Эллинскихъ пѣвцовъ.

23. Смѣшивая въ чашѣ вино (съ водою), не вливай туда сначала вино, но сперва воду, а вино потомъ.

24. Вотъ уже шестьдесятъ семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я ношусь со своей душой по Элладѣ; а было мнѣ тогда отъ роду 25 лѣтъ съ небольшимъ, если только я могу говорить объ этомъ истину.

25. Несправедливъ—вызовъ человѣка безбожнаго къ благочестивому.

26. Гораздо слабѣе дряхлаго старца.

27. Сплошную стѣной окружаютъ домъ сосновыя вѣтви.

28. Искони по Гомеру, какъ знаютъ всѣ...

29. Если бы богъ не создалъ янтарнаго меда, то находили бы смолы болѣе сладкими.

30. Въ твоей пещерѣ каплетъ священная влага.

31. Чего только не дали они (боги?) смертнымъ для созерцанія.

Геравлитель.

1. Внимая не мнѣ, но истинѣ, разумно признавать, что все едино.

2. Люди не понимаютъ этой вѣчно-существующей истины, пока не услышатъ о ней; (не понимаютъ они ее и тогда), когда услышатъ о ней впервые. Ибо, хотя все происходитъ согласно этой истинѣ, люди оказываются непонимающими, когда на опытѣ находятъ и рѣчи и факты такими, какими излагаю ихъ я, различая каждое (явленіе) по природѣ и объясняя его по существу. Отъ другихъ же людей ускользаетъ то, что они дѣлаютъ на яву подобно тому, какъ забывается ими то, что они дѣлаютъ во снѣ.

3. Тотъ, кто слушаетъ и не понимаетъ, подобенъ глухому. Къ нему примѣнима пословица: „Онъ здѣсь, но его нѣтъ“.

4. Для людей, у которыхъ душа непонятлива, глаза и уши дурные свидѣтели.

5. Многіе не понимаютъ того, съ чѣмъ имъ приходится имѣть дѣло; даже путемъ изученія не доходятъ они до знанія, хотя и думаютъ, что знаютъ.

6. Они не умѣютъ ни слушать, ни говорить.

7. Безъ надежды не найдешь того, на что не надѣнешься, такъ какъ оно непостижимо и недоступно.

8. Искатели золота много земли перерываютъ и находятъ лишь щепотку (металла).

9. Противорѣчіе (ἀγχιβασίη).

10. Природа любить тайну.

11. Владыка-прорицатель, что въ Дельфахъ, ни говорить, ни скрываетъ, но намекаетъ.

12. Сивилла, вѣщая вдохновенными устами словеса, чуждыя шутки и пустыхъ приберась, подъ наитіемъ божества прорицаетъ грядущее за тысячу лѣтъ впередъ.

13. Я предпочитаю то, что доступно зрѣнію, слуху и изученію.

14. Доказывая спорные вопросы при помощи ненадежныхъ свидѣтелей.

15. Глаза-болѣе точные свидѣтели, чѣмъ уши.

16. Многознаніе не учитъ уму: иначе оно научило бы Гесіода, Пиеагора, а также Ксенофана и Гекатея.

17. Пиеагоръ, сынъ Мнисарха, усерднѣе всѣхъ занимался наукой, и на основаніи чужихъ трудовъ, создалъ свою собственную мудрость—многознаніе и жзнауку.

18. Кого только ни слушалъ я, но никто не дошелъ до признанія, что мудрость отдѣлена отъ всего (т. е. существуетъ сама по себѣ).

19. Мудрость—едина: [понимай подъ ней тотъ разумъ, что управляетъ всѣмъ черезъ все.] 65. Мудрость и желаетъ и не желаетъ, чтобы ее называли именемъ Зевса.

20. Существующій міровой порядокъ, одинаковый для всего, не созданъ ни богами, ни людьми, но всегда онъ былъ, есть и будетъ вѣчно живущимъ огнемъ, который по извѣстному закону то вспыхиваетъ, то угасаетъ.

21. Первымъ видоизмѣненіемъ огня (является) море. Одна половина моря—земля, другая—*πρηστήρ* (огненный вихрь?).

22. Все переходитъ въ огонь и огонь во все, подобно тому, какъ товаръ вымѣниваютъ на золото, а золото—на товаръ.

23. Море разливается и сохраняетъ тотъ же объемъ, какой былъ у него до образованія земли.

24. Недостатокъ... насыщеніе.

25. Огонь живетъ смертью земли, воздухъ—смертью огня, вода живетъ смертью воздуха, земля—(смертью) воды.

26. Огонь охватить все и надо всё́мъ произвести судъ и расправу.

27. Можно ли укрыться отъ свѣта, что никогда не заходитъ.

28. Молнія, точно рулевой, направляетъ все.

29. Солнце никогда не перейдетъ (своихъ) предѣловъ: иначе накроютъ его Эриніи, спутники Правды.

30. Границей утра и вечера служитъ Большая Медвѣдица, а противъ нея—рубежь (?) яснаго Зевса.

31. Не будь солнца, была бы ночь.

32. Что ни день, то—новое солнце.

34. Времена года приносятъ съ собой все.

35. Гесіодъ—наставникъ толпы, которая приписываетъ ему массу знаній, хотя онъ не зналъ, что такое день и ночь: они составляютъ одно.

36. Божество—день и ночь, зима и лѣто, война и миръ, сытость и голодъ; оно мѣняется подобно тому, какъ мѣняется ароматъ, если въ одному благовонію примѣшать другое. А называютъ божество каждый, какъ хочетъ.

37. Если все существующее обратится въ дымъ, (органомъ) познанія послужатъ ноздри.

38. Души и въ Аидѣ сохраняютъ чувство обонянія.

39. Холодное согрѣвается, теплое охлаждается, влажное высыхаетъ, сухое увлажняется.

40. Разсѣваетъ и собираетъ, приближается и отходитъ.

41. Нельзя дважды войти въ одну и ту же рѣку, ибо одна вода смѣняется другой.

42=41.

43. Гераклитъ упрекаетъ Гомера, сказавшаго: „О, если бы вражда покинула и боговъ и людей“. „Будь это“, говоритъ Гераклитъ, „все бы исчезло“.

44. Война—родоначальница и владычица всего; она назначила однихъ богами, другихъ людьми, однихъ сдѣлала рабами, другихъ—свободными.

45. Люди не понимаютъ, какимъ образомъ противоположности согласуются другъ съ другомъ. Міровая гармонія заклю-

чается въ сочетаніи напряженія и ослабленія, подобно тому, какъ у лука и лиры (то натягиваютъ, то отпускаютъ струну).

46. Противодѣйствіе сближаетъ. Изъ противоположностей образуется совершенная гармонія. Все возникаетъ благодаря враждѣ.

47. Скрытая гармонія — лучше явной.

48. Не будемъ опрометчиво судить о важнѣйшемъ.

49. Философы должны обладать значительными знаніями.

50. Путь прямой и извилистый — одно и то же.

51. Ослы предпочитаютъ солому золоту.

52. Морская вода (въ одно и то-же время) и самая чистая и нечистая. Годная и здоровая для рыбъ, она — негодна и вредна для людей.

53—54. Свиныкупаются въ грязи, куры — въ пыли.

55. Всякое пресмыкающееся питается землей.

56=45.

57. Благо и зло — одно и то-же.

58. Врачи рѣжутъ, жгутъ, всячески подвергаютъ тяжелымъ пыткамъ больныхъ и жалуются на то, что не получаютъ отъ послѣднихъ соотвѣтствующей награды.

59. Соединяй цѣлое и не цѣлое, согласное и не согласное, созвучное и не созвучное. Все даетъ одно и одно даетъ все.

60. Не будь этого (кривды?), они не знали бы слова „правда“.

61. Для бога все — красота, благо и справедливость, для людей одно — справедливо, другое нѣтъ.

62. Люди должны знать, что война — повсемѣстна и что правда — вражда, ибо все и возникаетъ и уничтожается благодаря враждѣ.

63. Рокъ тяготѣетъ надо всѣмъ...

64. Все, что мы видимъ на яву, есть смерть и все, что мы видимъ во снѣ, есть сонъ.

65. Ср. 19.

66. Названіе лука (βίος) есть жизнь (βίος), а его дѣйствіе смерть.

67. Боги — смертны, люди — безсмертны, жизнь однихъ — смерть для другихъ, смерть однихъ — жизнь для другихъ.

68. Душа, умирая, превращается въ воду, а вода — въ землю. Изъ земли образуется вода, изъ воды — душа.

69. Путь вверхъ и внизъ — одинъ и тотъ же.

70. Начало и конецъ — тождественны (въ окружности).

71. Предѣловъ души ты не отыщешь, хотя бы прошелъ всѣ дороги.

72. Наслажденіе для душъ — сдѣлаться влажными.

73. Пьяный, которымъ руководить незрѣлый юноша, шатается и не знаетъ, куда идетъ, такъ какъ его душа — влажна.

74.—76. Сухая душа — самая мудрая и лучшая.

77. Человѣкъ, точно огонь во мракѣ, вспыхиваетъ и угасаетъ.

78. Одно и то-же — жизнь и смерть, бдѣніе и сонъ, юность и старость, ибо первое переходитъ во-второе, а второе въ свою очередь въ первое.

79. Вѣкъ — ребенокъ, играющій въ шашки. Ребенку принадлежитъ царство.

80. Я изслѣдовалъ самого себя.

81. Мы входимъ и не входимъ въ одну и ту-же рѣку, мы существуемъ и не существуемъ. Ср. отр. 41.

82. Тяжело, тучась надъ однимъ и тѣмъ же, находиться отъ него въ зависимости.

83. Измѣняясь, оно находитъ покой.

84. Даже питье, если его не взбалтывать, дѣлится на составныя части.

85. Трупы нужно выкидывать скорѣе, чѣмъ навозъ.

86. Родившись, люди жаждутъ жизни и смерти, [скорѣе покая], и дѣтей оставляютъ для смерти.

87. Тридцать лѣтъ составляютъ, по Гераклиту, поколѣніе.

88. Гераклитъ съ полнымъ правомъ называетъ мѣсяць поколѣніемъ.

89. Человѣкъ можетъ стать дѣдомъ въ тридцать лѣтъ ¹⁾.

¹⁾ Въ отр. 87—89 трудно выдѣлить слова Гераклита. По поводу отр. 87 см. стр. 166, прим.

90. Спящіе участвуютъ въ міровой работѣ.

91. Разумъ одинъ для всѣхъ. Тотъ, кто говоритъ умно, долженъ опираться на общій для всѣхъ разумъ подобно тому, какъ государство опирается на законы, и даже еще сильнѣе. Ибо всѣ человѣческіе законы поддерживаются единымъ божественнымъ (закономъ): онъ властвуетъ, по скольку хочетъ, его хватаетъ на все, онъ главенствуетъ (надо всѣмъ).

92. Хотя существуетъ общій для всѣхъ разумъ, большинство живетъ такъ, какъ будто имѣетъ свой собственный.

93. Что для людей всего ближе, съ тѣмъ они въ разладѣ.

94. Не слѣдуетъ поступать и говорить, точно во снѣ.

95. Для бодрствующихъ существуетъ единый для всѣхъ міръ, а изъ почивающихъ каждый уходитъ въ свой собственный.

96. У человѣческой природы нѣтъ разума, у божественной есть.

97. Божество признаетъ взрослога человѣка неразумнымъ подобно тому, какъ взрослый признаетъ таковымъ ребенка.

98. Самый мудрый человѣкъ въ сравненіи съ богомъ—то-же, что обезьяна.

99. Самая красивая обезьяна безобразна въ сравненіи съ существами другого рода.

100. Народъ долженъ отстаивать законъ, точно твердыню.

101. Чѣмъ славнѣе мертвецъ, тѣмъ славнѣе его судьба.

102. Павшихъ въ битвѣ почитаютъ и боги и люди.

103. Своеволіе должно тушить усердїе, чѣмъ пожаръ.

104. Для людей не (безусловно) хорошо исполненіе ихъ желаній. Болѣзнь дѣлаетъ прїятнымъ и дорогимъ здоровье, голодь—сытость, трудъ—отдохновеніе.

105. Трудно бороться со страстью, ибо то, чего она хочетъ, она покупаетъ (т. е. готова купить) цѣною жизни.

106. Всѣмъ людямъ доступно самопознаніе и самоограниченіе.

107. Самоограниченіе—величайшая добродѣтель. Мудрость—говорить истину и поступать разумно, согласно природѣ.

108. Лучше скрывать невѣжество, чѣмъ выносить его на показъ.

109. Лучше—скрывать невѣжество, но это—трудно въ часъ отдыха, за чарой вина.

110. Принято и совѣта одного слушаться.

111. Гдѣ у нихъ разумъ, гдѣ здравый смыслъ? Они слѣдуютъ за пѣвцами, ихъ наставникъ—толпа, они не знаютъ, что много дурныхъ, мало хорошихъ. Вѣдь лучшіе предпочитаютъ всему одно: вѣчную славу среди смертныхъ, а толпа жуеетъ свою жвачку, точно скотъ.

112. Въ Принѣ родился Віасъ, сынъ Тевтама, о которомъ говорятъ больше, чѣмъ объ остальныхъ (или: который имѣлъ больше значенія, чѣмъ остальные).

113. По мнѣ—одинъ стоить тысячи, если онъ лучше всѣхъ.

114. Слѣдовало бы всѣмъ взрослымъ Эфесцамъ удавиться, а несовершеннолѣтнимъ покинуть городъ, такъ какъ изгнали они Гермодора, своего лучшаго гражданина, сказавъ: „Да не будетъ изъ насъ никто лучшимъ; не-то — пусть живетъ онъ въ другомъ мѣстѣ и у другихъ“.

115. И собаки лаютъ на тѣхъ, кого не знаютъ.

116. (Божественное) благодаря невѣрію остается непознаннымъ.

117. Глупецъ при каждомъ словѣ входитъ въ азартъ.

118. Наибольше уважаемый изъ пользующихся уваженіемъ умѣетъ создавать небылицы. И все-таки Справедливость достигнетъ лже-учителя и лже-свидѣтеля.

119. Гомера слѣдовало бы исключить изъ числа состоящихъ и подвергнуть побоямъ, а также Архилоха.

120. Одинъ день похожъ на всякій другой.

121. Характеръ для человѣка — рокъ его.

122. Человѣка послѣ смерти ожидаетъ то, о чемъ онъ (при жизни) не мечталъ, и не думалъ.

123. Тогда (божеству?) слѣдуетъ подняться и сдѣлаться стражемъ живыхъ и мертвыхъ.

124. Ночные гуляки, волхвы, вакханты, вакханки и мисты...

125. Люди причащаются тому, что они признаютъ таинствомъ, не священнымъ путемъ.

126. Молитвы, съ которыми (люди) обращаются къ истуканамъ, подобны разговору съ домами, такъ какъ люди не знаютъ, что такое богъ и герой.

127. Если бы они не свершали процессій во имя Діониса и не распѣвали гимна въ честь дѣтороднаго члена, они поступали бы безстыдно. Андъ и Діонисъ, во имя которыхъ они безумствуютъ и неистовствуютъ,—одно и то-же.

130. Чтобы очиститься, они пачнаютъ себя кровью. Поступая такъ, они подобны человѣку, который, войдя въ грязь, сталъ бы омыватъ себя грязью. Но, если бы кто нибудь указалъ, какъ (собственно) поступаетъ такой человѣкъ, то (указывающаго) сочли бы за сумашедшаго.

131. Если (они дѣйствительно)—боги, зачѣмъ ихъ оплакивать, а если вы ихъ оплакиваете, не признавайте болѣе этихъ боговъ.

Спорные отрывки.

131. Все наполнено душами и демонами.

132. Воображеніе, по словамъ (Гераклита?),—та-же эпилепсія, а зрѣніе—ложь.

133. Тому, кто достигъ незаслуженной славы, нужно закрывать свое лицо.

134. Ложная увѣренность въ успѣхахъ—остановка послѣднихъ.

135. Воспитаніе для воспитанныхъ—второе солнце.

136. Своевременная услуга врачуетъ душевный недугъ, подобно тому, какъ пища врачуетъ голодь.

137. По словамъ (Гераклита?), кратчайшій путь къ доброй славѣ это—стать добрымъ.

Замѣтка Таннери къ отрывкамъ 50 и 69 (отр. 91 по Муллаху).

Однимъ изъ наиболѣе богатыхъ источниковъ по отрывкамъ изъ Гераклита является IX книга „*Refut. haeres.*“, сочиненія, приписываемаго св. Ипполиту ¹⁾.

¹⁾ Я не называю здѣсь этого труда «*Philosophimena*», потому что это названіе должно относиться, какъ мнѣ кажется, только къ первой его части.

Въ одномъ изъ этихъ отрывковъ смыслъ текста Гераклита въ значительной степени искаженъ, благодаря вверавшейся ошибкѣ, имѣвшей послѣдствіемъ рядъ странныхъ интерполяцій.

Я передаю этотъ отрывокъ (91 у Муллаха) по Геттингенскому изданію (Дункера и Шнейдевина, 1859 г.) текста св. Ипполита — причѣмъ возстановляю однако тѣ чтенія рукописи, которыя указаны въ примѣчаніяхъ.

Καὶ εὐθύ δέ, φησί, καὶ στρεβλὸν τὸ αὐτὸ ἐστὶ. „Γραφῶν“, φησὶν, „ὁδὸς εὐθεῖα καὶ σχολή“ — ἡ τοῦ ὄργανου τοῦ καλουμένου κοχλίου ἐν τῷ γραφείῳ περιστροφῇ εὐθεῖα καὶ σχολή, ἄνω γὰρ ὁμοῦ καὶ κύκλῳ περιέρχεται — „μία ἐστὶ“, φησί, „καὶ ἡ αὐτή“. Καὶ τὸ ἄνω καὶ τὸ κάτω ἐν ἐστὶ καὶ τὸ αὐτό. „Ὅδὸς ἄνω κάτω μίη καὶ ὠπή“.

Вмѣсто γραφῶν, Муллахъ и Целлеръ (II, стр. 112, пр. 1) читаютъ γραφεῖω, — совершенно лишняя поправка, причѣмъ Муллахъ ставитъ точку послѣ κοχλίου и вмѣсто περιέρχεται читаетъ περιέλχεται. Целлеръ, впрочемъ, не воспроизводитъ скобокъ и истолковываетъ отрывокъ только начиная со словъ τὸ ἄνω, причѣмъ спрашиваетъ, дѣйствительно ли Гераклитъ утверждалъ тожество верха и низа?

На это можно отвѣтить отрицательно. Для того, чтобы разъяснить этотъ вопросъ, достаточно пробѣжать тѣ страницы, гдѣ св. Ипполитъ приводитъ цитаты изъ Гераклита. Христіанскій апологетъ, отмѣчая всѣ отождествленія, которыя онъ находитъ у Гераклита, излагаетъ ихъ своими словами, а затѣмъ въ подтвержденіе цитируетъ соотвѣтствующіе отрывки. Такимъ образомъ, Геттингенскіе издатели удачно выдѣлили слова, принадлежащія Гераклиту, за исключеніемъ γραφῶν, которое ему не принадлежитъ и только затемняетъ смыслъ. Гераклитъ не говорилъ: „верхъ и низъ одно и то-же“; онъ сказалъ: „путь кверху и путь внизъ — одинъ и тотъ-же“, подобно тому какъ выше онъ говоритъ: „прямой путь и путь въ обходъ одинъ и тотъ-же“.

Подлинность первой изъ этихъ двухъ формулъ подтверждается іоническимъ складомъ рѣчи, который не сохранился въ другой формулѣ, — а также цитатой Гиппократъ (Герак., отр. 32 у Муллаха). Вполнѣ ясно, что въ этой формулѣ подразумѣвается един-

ство закона, управляющаго двойнымъ превращеніемъ матеріи изъ разрѣженнаго и легкаго состоянія въ плотное и тяжелое—и наоборотъ.

Смыслъ второй формулы также совершенно очевиденъ и сближеніе ея съ первой имѣетъ полное основаніе. Предположимъ, что прямымъ путемъ называется непосредственное превращеніе огня въ землю, путемъ же въ обходъ будетъ то-же превращеніе, но черезъ посредство воды.

Отожествленіе Гераклитомъ обоихъ путей съ его точки зрѣнія вполне понятно; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ отождествлялъ прямое и кривое (окружное), какъ думаетъ св. Ипполитъ.

Остается объяснить происхожденіе интерполяцій. Съ первой—*γράφων*—дѣло обстоитъ очень просто.

По всей вѣроятности, св. Ипполитъ не имѣлъ подъ руками труда Гераклита, а списывалъ просто съ доксографа. Последній же ставитъ по небрежности *φησί* („говоритъ онъ“) и въ тѣхъ случаяхъ, когда слова принадлежатъ ему самому, а не Гераклиту, какъ на примѣрѣ здѣсь послѣ *καὶ εὐθὺ δέ*; затѣмъ, желая поправить свою ошибку, онъ прибавляетъ причастіе настоящаго времени (какъ за восемь строкъ передъ этимъ: *λέγων ὧδέ πως*), какъ указаніе на то, что онъ приведетъ сейчасъ подлинный текстъ. На этотъ разъ онъ поставилъ для разнообразія *γράφων* употребивъ, можетъ быть при этомъ форму *γράφων*—такъ, по крайней мѣрѣ, прочиталъ это слово св. Ипполитъ, который принялъ его за родительный множественнаго числа отъ *γραφεὺς* и потому напрасно повторилъ слово *φησί*.

Что же касается скобокъ, то онѣ заключаютъ, по крайней мѣрѣ, двѣ различныя интерполяціи, написанныя не одной рукой и вызванныя двумя разными теченіями мысли.

Первая—*ἢ τοῦ ὀργάνου τοῦ καλουμένου κοχλίου*—вѣроятно вставлена позднѣе. Ея авторъ, замѣтивъ вторую интерполяцію, но не понимая ея, (чего нельзя ставить ему въ вину) не долго думая, привелъ со своей стороны, въ объясненіе Гераклитова парадокса примѣрѣ движенія, въ одно и то-же время и прямолинейнаго и криволинейнаго: онъ указалъ на движеніе винта въ гайкѣ, не спросивъ себя, были-ли винты извѣстны до Архимеда.

Такъ какъ эта интерполяція не имѣетъ никакой связи съ дальнѣйшимъ, то въ послѣдствіи придумали чтеніе $\gamma\alpha\phi\epsilon\acute{\iota}\omega$. И дѣйствительно, что общаго между винтомъ и кистью ($\gamma\alpha\phi\epsilon\acute{\iota}\omicron\nu$)? Тотъ, кто первый придумалъ чтеніе $\gamma\alpha\phi\epsilon\acute{\iota}\omega$, по справедливости, могъ этимъ гордиться. Но если вѣтъ другихъ доказательствъ тому, что въ древности винты могли быть найдены всего скорѣе въ лавкахъ валяльщиковъ, то исторія практической механики, конечно, не можетъ довольствоваться однимъ этимъ свидѣтельствомъ.

Вторая интерполяція, $\acute{\epsilon}\nu\ \tau\omega\ \gamma\alpha\phi\epsilon\acute{\iota}\omega\ \pi\epsilon\rho\iota\sigma\tau\rho\alpha\phi\grave{\eta}\ \epsilon\upsilon\theta\epsilon\acute{\iota}\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \sigma\chi\omicron\lambda\acute{\iota}\tau\eta$, представляетъ собою, повидимому, комментарий къ род. падежу $\gamma\alpha\phi\epsilon\acute{\omega}\nu$ и указываетъ на то вращеніе, которому подвергаютъ кисть для заостренія ея кончика, въ то-же время проводя ея по прямой линіи ¹⁾. Возможно, что это объясненіе принадлежитъ св. Ипполиту, но можетъ быть оно и болѣе поздняго происхожденія. Подозрительно только $\acute{\epsilon}\nu$; нужно, вѣроятно, читать $\grave{\eta}$; искаженіе это не нуждается въ объясненіи.

Послѣдняя часть фразы, заключенной въ скобки, относится, какъ мнѣ кажется, скорѣе къ движенію винта въ гайкѣ, чѣмъ къ вращенію кисти. Итакъ, эта часть фразы, можетъ быть, входила въ составъ позднѣйшей интерполяціи, которая была написана на поляхъ; когда же она была включена въ текстъ, то переписчикъ неумѣло расчленилъ примѣчаніе. Что же касается вопроса о томъ, нужно ли писать $\pi\epsilon\rho\iota\acute{\epsilon}\rho\chi\epsilon\tau\alpha\iota$ или $\pi\epsilon\rho\iota\acute{\epsilon}\lambda\chi\epsilon\tau\alpha\iota$, то онъ уже, очевидно, не представляетъ больше интереса.

---

¹⁾ Объясненіе Муллаха: «*Nam stili circumversio recta et curva est, siquidem a scribente simul sursum atque in orbem flectitur*», кажется мнѣ менѣе правдоподобнымъ, чѣмъ то, которое я предлагаю.

Парменидъ.

1.

Кони, что несутъ меня вдаль согласно моему желанію, мчались неудержимо, лишь только вынесли меня на многославный путь богини, тотъ путь, который одинъ только ведетъ повсюду мудраго мужа.

По этому пути несея я, ибо по нему мчали меня многоумные кони, вата колесницу, а дѣвы указывали мнѣ дорогу.

Ось нагрѣвалась въ ступицѣ и издавала звуки свирѣли, ибо съ обѣихъ сторонъ подгоняли ее два подвижныхъ круга, а дѣвы Гелиады, оставивъ чертоги Ночи, торопили бѣгъ колесницы къ свѣту, откинувъ съ головы рукой покрывало.

Вотъ предо мною вздымаются ворота, черезъ которыя пролегаютъ пути Дня и Ночи, ворота съ высокой притолокой, съ каменнымъ порогомъ; высоко въ эфиръ уходятъ они, замыкаясь громадными створками, а ключи отъ нихъ хранить у себя неутомимая Дике.

Съ нѣжною рѣчью обратились къ ней дѣвы и разумнымъ словомъ убѣдили ее снять для нихъ, не медля, окованный желѣзомъ засовъ, замыкающій ворота. И вотъ, раскрывъ зияющее жерло, распахнулись двери, повернувъ въ гнѣздахъ одинъ за другимъ обитые мѣдью стержни, что держались при помощи гвоздей и шпильковъ.

Прямо черезъ ворота по наѣзженной дорогѣ направили дѣвы мою колесницу и коней.

Милостиво приняла меня богиня, своей десницей коснулась она моей правой руки и съ такимъ словомъ обратилась ко мнѣ: „Юноша, дружный съ бессмертными проводниками, привѣтъ тебѣ, достигшему нашихъ чертоговъ, куда примчали тебя быстрые кони. Вѣдь не злой рокъ руководилъ тобою по этой дорогѣ, ибо далеко внѣ людской тропы пролегааетъ она, но право и справедливость. Поэтому долженъ познать ты и безтрепетное сердце совершенной (εὐκωχλής) Истины и чуждыя безусловной достовѣрности мнѣнія смертныхъ.

И тѣмъ не менѣе ты познаешь ихъ и (поймешь) какъ должно провѣрять эти (мнѣнія), изслѣдуя ихъ одно за другимъ.

Но въ сторонѣ отъ подобныхъ изысканій держи ты свои мысли и да не увлекаетъ тебя противъ твоего желанія на этотъ путь слѣпая привычка, давая волю твоимъ безцѣльно глядящимъ очамъ, твоему притупленному слуху и языку, — нѣтъ, съ помощью разума обсуди ты предложенный мною спорный вопросъ. Остается еще одинъ одухотворенный путь.

2.

Взирай безъ колебанія умственными очами на то, чего нѣтъ передъ ними, какъ на то, что есть, ибо нельзя выдѣлить изъ бытія бытіе, которое согласно міровому порядку (κατά κόσμον) не можетъ ни разойтись совершенно, ни соединиться.

3.

Для меня безразлично, откуда ни начать свою рѣчь, ибо снова вернусь я въ тому, съ чего начала.

4.

Итакъ. я скажу тебѣ (ты же внимательно прислушивайся къ моимъ рѣчамъ), какіе только пути изслѣдованія доступны для разума. Первый путь: *бытіе* есть, а *не-бытія* нѣтъ. Это путь Достовѣрности (Πείθω), ибо близко подходит онъ къ Истинѣ. Второй путь: *бытія* нѣтъ, а *не-бытіе* должно быть. Этотъ путь — повѣръ мнѣ — не долженъ заслуживать твоего довѣрія. Ибо немислимо ни познать, ни выразить *не-бытія*: оно — непостижимо.

5.

Мыслить и быть одно и то-же.

6.

Слово и мысль должны быть бытіемъ, ибо бытіе есть, а не-бытія нѣтъ. На это приказываю я тебѣ обратить твои помыслы, ибо я удерживаю тебя отъ перваго (ложнаго) пути изысканій, а также и отъ того, который измышляютъ неустойчивые, невѣжественные люди. Умственное безсиліе руководить ихъ колеблющимся умомъ, и вотъ бродятъ они, лишенные слуха и зрѣнія, лишенные разума и мысли, они которые бытіе и не-бытіе то признаютъ, то не признаютъ однимъ и тѣмъ же, они для которыхъ во всемъ существуетъ путь, приводящій къ обратному (παλιτροπος).

7.

Никомимъ образомъ нельзя доказать, что *не-бытіе* существуетъ.

Поэтому воздерживай твою мысль отъ подобнаго пути изысканій.

8.

Остается еще одинъ путь, допускающій существованіе бытія. На этомъ пути находится не мало признаковъ, говорящихъ, что бытіе безначально, неуничтожаемо, цѣльно, однородно, спокойно и безконечно.

Для него нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, ибо оно во всей своей полнотѣ живетъ въ настоящемъ, единое, нераздѣльное. И дѣйствительно, какое начало найдешь ты для него? Гдѣ и откуда могло бы оно возникнуть? (Бытіе не можетъ произойти изъ бытія, ибо до него не было другого бытія), но (съ другой стороны) не позволю я тебѣ ни сказать, ни подумать, что оно возникло изъ не бытія, ибо нельзя ни подумать, ни сказать, что бытія нѣтъ. Итакъ, какая же необходимость могла заставить бытіе возникнуть раньше или позже изъ не-бытія?

Слѣдовательно, бытіе должно или быть всегда, или никогда.

Равнымъ образомъ сила разума не дозволяетъ чему либо кромѣ не-бытія возникать изъ не-бытія. Поэтому Правда не даетъ бытію ни возникновенія, ни уничтоженія, но, не ослабляя оковъ, крѣпко держитъ его въ нихъ. Итакъ, весь вопросъ въ слѣдующемъ: Бытіе или Не-бытіе. Но рѣшено, что необходимо покинуть одинъ изъ путей, какъ не-мыслимый и безымянный, ибо это не есть путь Истины, и выбрать другой, какъ существующій и истинный.

Но какъ можетъ бытіе существовать въ будущемъ и какъ могло бы оно возникнуть (въ прошедшемъ)? Бытіе не есть бытіе, ни, если оно возникло, ни, если бы оно могло возникнуть.

Такимъ образомъ исчезаетъ возможность возникновенія и гибели бытія. Бытіе—не дѣлимо, ибо оно всюду одинаково и нѣтъ ничего ни большаго, ни меньшаго, что могло бы помѣшать связности бытія, но все оно преисполнено бытіемъ.

Нераздѣльно же бытіе потому, что бытіе тѣсно примыкаетъ къ бытію.

Неподвижно покоится оно въ границахъ крѣпкихъ оковъ, безначальное, безконечное, такъ какъ возникновеніе и гибель отброшены отъ него вдаль, куда откинуло ихъ убѣжденіе въ истинѣ. Оно остается однимъ и тѣмъ же, покоясь въ одномъ и томъ же (мѣстѣ), существуя само по себѣ и пребывая тамъ безъ измѣненій, ибо могучая необходимость держитъ его въ оковахъ границы, которая охватываетъ бытіе со всѣхъ сторонъ. Поэтому бытіе должно быть ограниченнымъ, ибо (ограниченное) оно не нуждается ни въ чемъ, а (будь иначе), оно во всемъ чувствовало бы недостатокъ.

Одно и то же мысль и предметъ мысли, ибо безъ бытія, въ которомъ выражена мысль, ты не найдешь мысли. Вѣдь нѣтъ и не будетъ ничего (другого) кромѣ бытія, такъ какъ судьба приковала его къ цѣлому и неподвижному существованію. Поэтому выдумкой оказывается все, къ чему пришли люди, увѣренные въ истинѣ своихъ доводовъ, (а именно): возникновеніе, гибель, бытіе и не-бытіе, перемѣна мѣста и измѣненіе цвѣта.

Но такъ какъ существуетъ конечная, предѣльная граница, то бытіе—подобно массѣ со всѣхъ сторонъ округленной сферы,

одинаково отстоящей повсюду отъ своего центра. И дѣйствительно, бытіе не должно быть въ одномъ мѣстѣ большимъ, въ другомъ — меньшимъ, ибо нѣтъ ни не-бытія, которое мѣшало бы его цѣльности, ни бытія, которое было бы въ одномъ мѣстѣ большимъ, въ другомъ меньшимъ, чѣмъ бытіе. Вѣдь бытіе, какъ цѣлое, неуязвимо, ибо, если оно со всѣхъ сторонъ одинаково, то пребываетъ одинаковымъ въ своихъ границахъ ¹⁾.

Эгимъ заканчиваю я свою точную рѣчь, свои размышленія объ истинѣ. Учись теперь мнѣніямъ смертныхъ, прислушиваясь къ льстивому строю моихъ рѣчей.

Люди рѣшили, что должно признавать двѣ сущности, и что признаніе одной недопустимо: въ этомъ то и заключается ихъ ошибка. Но, (признавъ эти сущности) они противоположили ихъ другъ другу по виду и приписали каждой изъ нихъ свойства, отдѣляющія одну отъ другой. Здѣсь (существуетъ) эфирный огонь, благодатное пламя, вполне легкое, повсюду подобное самому себѣ, но неподобное другой сущности. Тамъ — полная противоположность огню, непроглядная ночь, плотное и тяжелое тѣло. Это міропредставленіе выясню я тебѣ такъ, какъ оно представляется людямъ, чтобы не ускользнуло отъ тебя ни одно мнѣніе смертныхъ.

9.

Но, такъ какъ все называется свѣтомъ и ночью и такъ какъ эти названія примѣняются сообразно силамъ сущностей то къ одному, то къ другому, все — преисполнено свѣта и непроглядной ночи, которыя уравниваютъ другъ друга, такъ какъ ни одно изъ нихъ не имѣетъ мѣста въ другомъ.

10.

Познаешь ты природу ээира, созвѣздія, что находятся въ немъ, чистый свѣтъ блестящаго солнца. жгучее дѣйствіе его лучей и причину его возникновенія; познаешь ты природу круглой луны и дѣйствіе ея блуждающаго свѣта; поймешь, какъ возникло все-

¹⁾ Дилъсъ (op. cit., стр. 38) читаетъ вм. *ei γάρ—οί γάρ* и переводить: «Denn der Mittelpunkt, wohin es von allen Seiten gleichweit ist, strahlet gleichmässig auf die Grenzen».

объемлющее небо и почему руководящая имъ необходимость заставила его быть границей созвѣздій.

11.

Какъ образовалась земля, солнце, луна, всеобщій эфиръ, млечный путь, предѣльный Олимпъ и горящія звѣзды.

12.

Болѣе узкіе вѣнцы наполнены чистымъ огнемъ, тѣ, что идутъ за ними—мракомъ, затѣмъ (снова) наступаетъ очередь огня. Въ центрѣ находится богиня, которая, точно кормчій, направляетъ все. Отъ нея зависятъ тяжелѣе роды и совокупленіе, ибо она посылаетъ мужчинѣ—женщину, а женщинѣ—мужчину.

13.

Прежде всѣхъ боговъ создала она Эрота.

14.

Луна, блуждая вокругъ земли, горитъ ночью заимствованнымъ у солнца свѣтомъ.

15.

Вѣчно смотря на солнечные лучи.

16.

Человѣческій разумъ находится постоянно въ зависимости отъ качества своихъ заблуждающихся органовъ. Ибо у людей, какъ у всѣхъ, такъ и у каждаго въ отдѣльности, мыслить одно и то-же, а именно качество органовъ, причемъ мыслью являются то, что преобладаетъ.

17¹⁾.

Мальчики съ правой стороны, дѣвочки—съ лѣвой.

19.

Такъ, по мнѣнію смертныхъ, произошло это и происходитъ и будетъ происходить, пока не найдетъ своего конца. Люди-же каждому предмету дали особое имя.

¹⁾ Отр. 18 см. стр. 206.

Зенонъ.

1. По словамъ Зенона, то, что не имѣетъ ни величины, ни плотности, ни объема, есть ничто.

„Ибо“, говоритъ онъ, „если присоединить это къ чему либо другому, оно вовсе не увеличитъ послѣдняго. И дѣйствительно, при отсутствіи какой бы то ни было величины, оно, будучи прибавлено къ чему либо другому, не можетъ способствовать увеличенію послѣдняго. Такимъ образомъ, прибавляемое есть ничто. Но, если другое ни уменьшается при отнятіи того, (что не имѣетъ ни величины, ни объема), ни увеличивается при прибавленіи этого, ясно, что прибавляемое и отнимаемое есть ничто.

2. Если существуетъ множественность вещей, то этихъ вещей должно быть столько по количеству, сколько ихъ есть, но ни больше, ни меньше. Но, если ихъ столько, сколько ихъ есть, число ихъ будетъ ограничено. (Съ другой стороны), если существуетъ множественность вещей, эти вещи безконечны, ибо между ними всегда есть другія (вещи) и въ свою очередь между этими вещами иныя. Такимъ образомъ, существующее безконечно.

3. Если бы бытіе не имѣло величины, его бы не было; но, если оно существуетъ, необходимо каждому существующему имѣть нѣкоторую величину и плотность, а также каждой части (бытія) находится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ другой части. То-же самое разсужденіе примѣнимо и къ тому, что предшествуетъ этому (бытію?), ибо оно будетъ имѣть величину и нѣкоторая часть его будетъ предшествоема другимъ. Это разъ высказанное

доказательство можно вести до безконечности. И дѣйствительно, ни одна часть (бытія) не будетъ послѣдней и не будетъ такой, чтобы ее нельзя было отдѣлить отъ другой (части).

Поэтому, если существуетъ множественность вещей, эти вещи должны быть и малыми и великими, столь малыми, чтобы не имѣть величины, столь великими, чтобы быть безконечными.

4. Если существуетъ пространство, оно будетъ находиться въ чемъ либо, и все существующее находится въ чемъ либо; а то, что находится въ чемъ либо, заключается и въ пространствѣ.

Слѣдовательно, пространство будетъ находиться въ пространствѣ и такъ до безконечности. Ergo, пространства нѣтъ“.

Мелиссъ.

1. Если ничто не существуетъ, то можно ли говорить о чемъ либо, какъ о существующемъ? Если же что либо есть, то оно или возникло, или же всегда было. Но, если оно возникло, то (возникло) или изъ бытія, или изъ не бытія. Но что либо, какъ бытіе, такъ тѣмъ болѣе чистое бытіе, не можетъ возникнуть ни изъ не-бытія, ни изъ бытія, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ оно уже существовало бы, а не возникло. Слѣдовательно, бытіе не возникло. Ergo, оно было всегда.

Равнымъ образомъ бытіе не разруσιμο, ибо бытіе не можетъ перейти въ не-бытіе (съ этимъ согласны даже физики), ни въ бытіе, ибо оно осталось бы бытіемъ и не погибло. Слѣдовательно, бытіе не возникло и не уничтожится. Ergo, оно было всегда и будетъ.

2. Далѣе, такъ какъ возникшее имѣетъ начало, не возникшее не имѣетъ послѣдняго. Но бытіе не возникло, слѣдовательно, оно не можетъ имѣть начала. Сверхъ того, то, что разрушается, имѣетъ конецъ, а то, что не разрушается, не имѣетъ конца. Слѣдовательно, бытіе неразруσιμο, такъ какъ оно не имѣетъ конца. Но то, что не имѣетъ ни начала, ни конца, безконечно. Слѣдовательно, бытіе — безконечно.

3. Но, если бытіе безконечно, оно—едино. Ибо, если бы было два бытія, они не могли бы быть безконечными, но одно ограничивало бы другое. Бытіе же—безгранично. Слѣдовательно, нѣтъ множественности бытій. Ergo, бытіе—едино.

4. Но, если бытіе—едино, оно должно быть неподвижнымъ, ибо единое бытіе всегда подобно самому себѣ. Подобное же не можетъ ни погибнуть, ни увеличиться, ни измѣниться, равнымъ образомъ, оно не можетъ ни страдать, ни печалиться. Ибо, если бы оно испытывало что либо подобное, оно не было бы единымъ. И дѣйствительно, то, что подвергается какому либо измѣненію, переходитъ въ другое. Но, кромѣ бытія нѣтъ ничего другого. Слѣдовательно, бытіе—неподвижно.

5. (Этотъ же пунктъ можно довазать) еще слѣдующимъ образомъ: въ бытіи нѣтъ пустоты, ибо пустота есть ничто, а то, чего нѣтъ, не существуетъ. Слѣдовательно, бытіе неподвижно, ибо ему, при отсутствіи пустоты, неуда отойти. Равнымъ образомъ, бытіе не можетъ сконцентрироваться въ самомъ себѣ, ибо оно стало бы въ такомъ случаѣ или рѣже или плотнѣе. Но это не мыслимо, ибо рѣдкое не можетъ быть столь же полнымъ, какъ плотное. И дѣйствительно, рѣдкое уже (по самому своему качеству) нѣсколько пустѣе плотнаго; но пустоты нѣтъ. О томъ же, полно ли бытіе или не полно, нужно судить по тому, принимаетъ ли оно въ себя что либо другое, или не принимаетъ. Ибо, если оно не принимаетъ чего либо, оно—полно, а если принимаетъ,—не полно. Поэтому, если нѣтъ пустоты, (бытіе) должно быть полнымъ, а если такъ, оно не движется. (Не движется же оно) не потому, что полное не можетъ двигаться, какъ это бываетъ съ тѣломъ, но потому, что *все бытіе* не можетъ двинуться ни къ бытію, ибо кромѣ него нѣтъ другого бытія, ни къ не-бытію, ибо не-бытія нѣтъ.

6. Всегда было то, что было и всегда будетъ; ибо, если оно возникло, необходимо (допустить), что до его возникновенія не было ничего. Но, если бы раньше не было ничего, никакимъ образомъ не могло бы возникнуть ничто изъ ничего.

7. Такъ какъ бытіе не возникло, но существуетъ, оно всегда было, всегда будетъ и не имѣетъ ни начала, ни конца, но безконечно. И дѣйствительно, если бы оно возникло, оно имѣло бы начало, (ибо то, что однажды возникло, должно имѣть начало), и конецъ, (ибо то, что однажды возникло, должно имѣть и конецъ). Наоборотъ, если оно ни началось, ни кончилось, но всегда

было и всегда будетъ, значить, оно не имѣетъ ни начала, ни конца. И дѣйствительно, немислимо допустить вѣчное бытіе въ томъ, что не представляетъ собой всего.

8. Но, коль скоро оно существуетъ всегда, оно должно быть всегда безконечнымъ и по величинѣ.

9. То, что имѣетъ начало и конецъ, не можетъ быть ни вѣчнымъ, ни безконечнымъ.

10. Если бы (бытіе) не было единымъ, оно было бы ограничено другимъ.

11. Итакъ, бытіе—вѣчно, безгранично, едино и однородно; оно не можетъ ни увеличиться, ни уничтожиться, ни измѣниться, оно не знаетъ ни страданія, ни печали. И дѣйствительно, если бы оно испытывало что либо подобное, оно не было бы единымъ, ибо, если бытіе видоизмѣняется, оно, конечно, не можетъ быть однороднымъ, но то, что возникло раньше, должно погибнуть, а то, что еще не возникло,—возникнуть. Итакъ, если бы вселенная за тысячи лѣтъ измѣнилась хоть на одинъ волосокъ, она погибла бы въ совокупности времени.

12. Нельзя допускать измѣненія и въ міровомъ порядкѣ, ибо порядокъ, существовавшій раньше, не погибаетъ, а не существующій не возникаетъ. Но разъ ничто ни прибавляется, ни погибаетъ, ни измѣняется, какимъ образомъ что либо изъ существующаго можетъ выйти изъ мірового порядка? Ибо, если бы что-нибудь видоизмѣнилось, (своимъ измѣненіемъ) оно нарушило бы міровой порядокъ.

13. Оно не страдаетъ, ибо, будучи подвержено страданію, оно не было бы вселенной. И дѣйствительно, то, что страдаетъ, не можетъ ни существовать всегда, ни имѣть силу одинаковую со здоровымъ. (Мало того), подлежа страданію, оно не было бы однороднымъ, ибо, сострадая при умираиіи или возникновеніи чего-либо, оно не могло бы сохранить своей однородности. Здоровое же (въ свою очередь) не можетъ страдать, ибо съ гибелью здороваго наступила бы гибель *бытія* и возникло бы *не-бытіе*. Относительно (невозможности для бытія) печали слѣдуетъ разсуждать такъ-же, какъ (разсуждалъ я о невозможности для бытія) страданія.

14. Ничто не пусто, ибо пустое — ничто, а ничто не может существовать. Бытіе — неподвижно, ибо ему некуда отходить, такъ какъ имъ наполнено (все). И дѣйствительно, если бы была пустота, оно отходило бы въ пустоту. Но, такъ какъ пустоты нѣтъ, ему некуда отходить. Оно не можетъ быть ни плотнымъ, ни рѣдкимъ, ибо немислимо, чтобы рѣдкое было такъ же полно, какъ плотное, но въ рѣдкомъ, конечно, больше пустоты, чѣмъ въ плотномъ. О полнотѣ же и не-полнотѣ нужно разсуждать слѣдующимъ образомъ: бытіе не полно, если что-либо можетъ или войти въ него, или быть принято имъ; бытіе полно, если ничто не можетъ ни войти въ него, ни быть принято имъ. И такъ, если нѣтъ пустоты, бытіе должно быть полнымъ. Но, если оно полно, оно неподлежитъ движенію.

15. Разъ бытіе дѣлимо — оно движется, но то, что движется, не можетъ составлять одного цѣлаго.

16. Если бытіе существуетъ, оно должно быть единымъ; но, будучи единымъ, оно не должно имѣть тѣлесной оболочки, ибо, если бы оно было плотно (*πάχος*), оно заключало бы въ себѣ частицы и не было бы единымъ.

17. Вотъ важнѣйшее доказательство въ пользу того, что (мыслимо) только единое бытіе. Но есть и другія доказательства, вродѣ слѣдующаго: если бы существовало не одно бытіе, а нѣсколько, этимъ бытіямъ надлежало бы быть такими же, каково то единое бытіе, о которомъ я говорилъ (выше). И дѣйствительно, если существуетъ земля, вода, воздухъ, желѣзо, золото, огонь, живое и мертвое, черное и бѣлое, и все остальное, что люди признаютъ за истинное, — если все это дѣйствительно существуетъ, если мы воистину и видимъ, и слышимъ — каждая вещь должна быть такой, какой она показалась намъ изначала, (причемъ она не должна) ни измѣняться, ни видоизмѣняться, но всегда должна быть такой, какова она есть. Мы же говоримъ, что наше зрѣніе, слухъ и разумъ точны, но вмѣстѣ съ тѣмъ намъ кажется, что теплое остываетъ, а холодное нагрѣвается, что твердое становится мягкимъ, а мягкое твердымъ; (намъ кажется), что живущее умираетъ, или возникаетъ изъ не живущаго, что все измѣняется, что между минувшимъ и настоящимъ нѣтъ ничего

общаго, что желѣзо, хоть и твердо на ощупь, убываетъ подъ вліяніемъ ржавчины, что вывѣтриваются и золото, и камень, и всѣ другія повидимому твердыя тѣла, что изъ воды образуется земля и камни. Отсюда явствуется, что мы и не видимъ и не вѣдаемъ того, что существуетъ. Итакъ, во всемъ этомъ нѣтъ ни капли соответствія. И дѣйствительно, мы говоримъ, что есть много сущностей, вѣчныхъ и обладающихъ какъ формой, такъ и силою, и (въ то же время) намъ чудится на каждомъ шагу всеобщее измѣненіе и видоизмѣненіе. Отсюда ясно, что наше зрѣніе неточно, и что напрасно предполагаемъ мы множественность вещей. Вѣдь если бы онѣ существовали воистину, онѣ не подвергались бы измѣненію, но каждое было бы такимъ, какимъ оно кажется. Ибо ничто не можетъ быть выше истиннаго бытія. Въ случаѣ же измѣненія бытія, бытіе гибнетъ, а возникаетъ не бытіе. Такимъ образомъ, при множественности бытій, каждому бытію пришлось бы быть тождественнымъ единому.

Анаксагоръ.

1. Всѣ вещи были смѣшаны и въ то-же время безконечны и по числу и по малости, ибо и малое было безконечнымъ. Но, когда всѣ вещи были смѣшаны, ничто благодаря своей малости не было замѣтно, ибо все охватывалъ воздухъ и эфиръ, двѣ безконечныя сущности, которыя, заключааясь во всемъ, превосходятъ все и числомъ и объемомъ.

2. Ибо и воздухъ и эфиръ отдѣляются отъ окружающей (насъ) массы, она же безконечна по количеству.

3. Но разъ это такъ, слѣдуетъ предполагать, что все составное заключало въ себѣ значительное количество разнаго рода (частицъ) и зародышей, всевозможныхъ формъ, цвѣтовъ и запаховъ.

4. До отдѣленія (воздуха и эфира?) при (полномъ) смѣшеніи всего, даже цвѣта не были различаемы; этому препятствовало (полное) смѣшеніе всего: влажнаго и сухого, теплаго и холоднаго, свѣтлаго и темнаго, громадной массы земли и безконечнаго количества зародышей, вовсе не похожихъ другъ на друга, ибо ничто (въ этой смѣшанной массѣ) не походило на другое.

5. Во всемъ есть часть всего, за исключеніемъ разума ($\nu\omicron\upsilon\zeta$); но есть сущности, въ которыхъ заключается и разумъ.

6. Во всемъ есть частица всего; только разумъ ($\nu\omicron\upsilon\zeta$) безконеченъ, самодѣятеленъ и несмѣшанъ ни съ одной вещью, но существуетъ отдѣльно самъ по себѣ, ибо, еслибы онъ зависѣлъ (не только) отъ самого себя, но былъ смѣшанъ съ чѣмъ-либо дру-

гимъ, онъ заключалъ бы въ себѣ часть всего (ибо во всемъ есть часть всего, какъ было сказано выше), и эта примѣсь мѣшала бы ему управлять всѣмъ такъ, какъ онъ управляетъ теперь, находясь въ зависимости только отъ самого себя. Разумъ ($\nu\omicron\delta\varsigma$) легче всего и чище всего, онъ знаетъ все обо всемъ, онъ могущественнѣе всего и управляетъ всѣмъ, въ чемъ есть душа, какъ малымъ, такъ и великимъ. Разумъ ($\nu\omicron\delta\varsigma$) положилъ начало всеобщему вращенію и онъ же руководитъ имъ. Сперва это вращеніе коснулось немногаго, затѣмъ перешло на большее и постоянно будетъ захватывать все большее и большее количество вещей. Все, что подвергается смѣшенію, отдѣленію и раздѣленію, — все это вѣдомо разуму ($\nu\omicron\delta\varsigma$). Онъ установилъ порядоки для всего, что должно быть, что было, что есть и что будетъ, а также то круговращеніе, благодаря которому вращаются теперь звѣзды, солнце, луна, воздухъ и эфиръ, отдѣлившіеся отъ остального. Круговращеніе было причиною того, что (одно) стало отдѣляться (отъ другого). Такимъ образомъ, плотное отдѣляется отъ рѣдкаго, теплое отъ холоднаго, свѣтлое отъ темнаго, сухое отъ влажнаго. Но во многомъ остаются частицы многаго и ничто вполне не отдѣлено и не выдѣлено одно изъ другого, кромѣ разума ($\nu\omicron\delta\varsigma$). Всякій разумъ, какъ великій, такъ и малый, подобенъ самому себѣ, изъ остального же ни одно не похоже на другое, но каждое въ отдѣльности представляется и представлялось (для зрѣнія) тѣмъ, чего въ немъ больше.

7. Когда разумъ ($\nu\omicron\delta\varsigma$) положилъ начало движенію, все, что подверглось послѣднему, стало выдѣляться (одно изъ другого) и (такимъ образомъ) раздѣлилось все, что привелъ въ движеніе разумъ ($\nu\omicron\delta\varsigma$). Дальнѣйшее же круговращеніе всего выдѣленнаго способствовало еще большому раздѣленію послѣдняго.

8. Плотное, влажное, холодное и темное собралось тамъ, гдѣ теперь земля, а рѣдкое, теплое, сухое и свѣтлое поднялось къ верхнимъ слоямъ эфира.

9. Изъ того, что отдѣлилось (отъ остальной массы), благодаря сгущенію образовалась земля; ибо подъ вліяніемъ холода облака выдѣляютъ воду, вода — землю, а земля сгущается въ камни, которые почти не заключаютъ въ себѣ влаги.

10. Образовались и люди и остальные животныя, обладающія душой. У этихъ людей, какъ у насъ, есть и населенные города и обработанныя земли; у нихъ, какъ у насъ, есть и солнце, и луна, и все остальное; земля произрастаетъ для нихъ въ изобилии разнаго рода (злаки), изъ числа которыхъ они выбираютъ наиболѣе полезныя для удовлетворенія жизненныхъ потребностей.

Подобной мысли держусь я объ отдѣленіи (элементовъ) потому, что не только у насъ, но и повсюду (это отдѣленіе) можетъ имѣть мѣсто.

11. Вотъ какимъ образомъ (воздухъ и эфиръ?), подвергаясь круговращенію, отдѣляются (отъ остальной массы) силою и быстротой; силу производитъ быстрота, но быстрота эта вовсе не похожа на ту, которая присуща вещамъ, нынѣ существующимъ у людей, ибо она во много разъ, конечно, сильнѣе нынѣшней.

12. Разумъ и теперь, какъ всегда, заключается подобно всему остальному и въ окружающей (насъ) массѣ, и въ отдѣленномъ, и въ отдѣляемомъ.

13. То, что находится въ единомъ мірѣ, не отдѣлено другъ отъ друга и не отсѣчено ударомъ сѣбири ни теплое отъ холоднаго, ни холодное отъ теплаго.

14. Нужно знать, что послѣ (полнаго) отдѣленія всего, это (*все*) ни увеличилось, ни уменьшилось, ибо немислимо, чтобы оно стало больше (или меньше) всего, но *все*—всегда одинаково.

15. По отношенію къ малому нѣтъ наименьшаго, но всегда—сравнительно меньшее; ибо бытіе не можетъ стать не-бытіемъ. И по отношенію къ великому есть всегда сравнительно большее, (причемъ великое) тождественно по множественности малому, но по отношенію къ самому себѣ каждое одновременно и велико, и мало.

16. Такъ какъ частицы великаго и малаго одинаково множественны, все можетъ заключаться во всемъ, и ничто не существуетъ отдѣльно, но во всемъ есть частица всего. А такъ какъ нѣтъ наименьшаго, ничто не можетъ окончательно выдѣлиться и существовать само по себѣ, но и теперь еще, какъ въ началѣ, все смѣшано. Множественность присуща всему и частицы выдѣляемаго одинаково множественны, какъ въ маломъ, такъ и въ великомъ.

17. Не правильно разсуждают Эллины о „возникновеніи“ и „уничтоженіи“. Ибо ни одна вещь ни возникает, ни уничтожается, но или соединяется съ тѣмъ, что есть, или выдѣляется изъ того, что есть. Поэтому, правильнѣе было-бы назвать „возникновеніе“ — соединеніемъ, а „уничтоженіе“ — раздѣленіемъ.

18. Можетъ ли волосъ образоваться изъ того, что не волосъ и плоть изъ того, что не-плоть?

Отрывки изъ сочиненій Эмпедокла.

Предисловіе.

Существуетъ роковой законъ, древнее постановленіе боговъ,
Вѣчное, утвержденное великими клятвами:

Если кто-либо оскверняетъ свои члены преступнымъ убійствомъ,
Или осмѣлится нарушить клятву,

5 (Какой-либо Демонъ, жизнь котораго продолжается вѣка),
Онъ будетъ бродить тридцать тысячъ лѣтъ вдали отъ счастливыхъ,
Принимая послѣдовательно всевозможные образы смертныхъ,
Перемѣняя скорбные пути жизни.

Такъ и я теперь изгнанъ богами и блуждаю,

10 Покорный яростной ненависти.

. . . . .
Ибо я уже былъ и юношей, и дѣвицей,
И вѣткою, и птицей, а также нѣмною рыбою въ морѣ.

. . . . .
Послѣ какого почета и какого великаго счастья
Я, несчастный, блуждаю по лугамъ смертныхъ.

. . . . .
15 Мы пришли въ этотъ скрытый вертепъ.

. . . . .
Я плакалъ и рыдалъ, видя непривычную страну.

. . . . .
это безрадостное жилище,

Гдѣ убійство, злоба, и множество иныхъ золь
(Жестокія болѣзни, заразы, тлѣнныя дѣла)

20 Обѣгаютъ темныя дуга несчастья...

Тамъ находились земля и дальнорукое солнце,
Кровавая война и съ величавымъ видомъ гармонія,
Красота и безобразіе, медленность и торопливость,
Милая искренность и съ мрачнымъ взглядомъ скрытность...

25 Рожденіе и смерть, оцѣпененіе и бодрствованіе,
Движеніе и неподвижность, многовѣчанное величіе
И смиреніе, божественное безмолвіе и пророческая рѣчь.

Увы! злополучное поколѣніе несчастныхъ смертныхъ,
Изъ какихъ ссоръ, изъ какихъ стenanій вы родились!

30 Сила ээира толкаетъ васъ въ море,
Море васъ извергаетъ на твердь земли, земля въ пламя
Неугасимаго солища, а оно бросаетъ въ вихри ээира;
Одинъ воспринимаетъ изъ другого, но всѣ ощущаютъ ужась.

Узки средства познанія, разлитія по тѣлу,

35 И множество возникающихъ страданій смущаетъ заботами умъ;
Видѣвъ только малую часть несчастной жизни,

Они, быстро умирающіе, разсѣваются подобно легкому дыму,
Вѣря каждый лишь въ то, что самъ повстрѣчалъ.

Влекомый во всѣ стороны, всякій самъ желаетъ постичь всю все-
ленную;

40 Но люди не могутъ ни видѣть ея, ни слышать,
Ни даже схватить разумомъ. Ты же, пришедшій сюда,
Ты узнаешь не больше, чѣмъ сколько видитъ мысль смертнаго.

Вы же, о боги, отвратите безуміе (этихъ?) отъ моего языка,
Пусть изъ священныя устъ течетъ чистый источникъ.

45 А тебя, памятливая муза, бѣлорукая дѣва,

Умоляю, дозволю слушать, на сколько возможно существамъ эфе-
мернымъ;

Пошли, руководимая благочестіемъ, быстрю колесницу.

Меня не вынудятъ изысканной почести цвѣты,

Которые я могъ бы получить у смертныхъ, сказать болѣе, чѣмъ
дозволено.

50 Дерзни же и воспрянь къ вершинамъ мудрости.

Исслѣдуй всѣми силами все, что въ предметѣ ясно,

Но не думай видѣть больше, чѣмъ доступно глазу,

Ни слышать тупымъ слухомъ болѣе того, что отчетливо высказано,

Не довѣрай и другимъ, какимъ ни есть, путямъ знанія;

55 Не давай вѣры ощущеніямъ и размышляй, какъ все само себя
выясняетъ.

. . . . .
Павзаній, сынъ мудраго Анхиза, ты слушай!

Книга первая.

Сначала выслушай, что четыре корня всего существующаго—

Огонь, и вода, и земля, и безграничная высь ээира;

Изъ нихъ [образовалось] все, что было, что есть, и что будетъ.

. . . . .
60 Двойное скажу, ибо то единое возростало изъ многого,

Чтобы быть однимъ, то вновь рождалось многое изъ одного.

Итакъ, происхожденіе смертныхъ двойко, двойка и гибель;

Ибо соединеніе всѣхъ вещей рождаетъ и губить,

А оно вновь распадается, когда разрывается связь [всѣхъ частей].

65 И эта постоянная смѣна никогда не прекращается:

То любовью соединяется все во едино,

То, напротивъ, враждою ненависти все несется въ разныя стороны.

Итакъ, по скольку одно привыкло возникать изъ многихъ,

А многое въ свою очередь происходитъ чрезъ распаденіе одного,

70 По стольку они возникаютъ, и вѣкъ имъ нестойкій;

Но по скольку постоянная смѣна никогда не прекращается,

По стольку они существуютъ всегда въ неизмѣнномъ кругѣ.

Внимай же моимъ словамъ, ибо наука увеличиваетъ разумъ.
 Какъ я раньше сказалъ, указавъ границы своей рѣчи,
 75 Она будетъ двояка: то единое возрастало изъ многого,
 Чтобы быть однимъ; то, наоборотъ, оно распадалось, чтобы было
 многое изъ одного—

Огонь, и вода, и земля, и безграничная вѣсь эфира;
 Внѣ ихъ губительная ненависть, равная по силѣ каждому изъ нихъ,
 А съ ними любовь, одинаковая въ длину и въ ширину;
 80 Созерцай ее разумомъ, а не глазами, сидя въ удивленіи;
 Она то считается врожденною смертнымъ членамъ;
 Благодаря ей, они расположены [другъ къ другу], стремятся къ
 единенію,

Называя ее весельемъ, придавая ей имя Афродиты;
 Но ни одинъ смертный еще не зналъ, что она распространена
 во вселенной,

85 Ты же выслушай нелживое теченіе моей рѣчи.
 Всѣ они [элементы] равны и одинаково древни,
 Но каждый занятъ своимъ назначеніемъ, согласно характеру каждого;
 Попеременно они господствуютъ въ теченіе круга,
 Исчезаютъ одинъ въ другомъ и вырастаютъ, слѣдуя року.
 90 Къ нимъ ничто не прирождается, и [ничто въ нихъ] не уничто-
 жается.

Еслибъ они совсѣмъ погибли, и ихъ не было бы болѣе,
 Какъ бы возникла вселенная? Откуда бы она явилась?
 И гдѣ имъ потеряться, когда нѣтъ пространства, не наполнен-
 наго ими?

95 Итакъ, они остаются самими собою, но проникая одинъ другого,
 Они непрерывно становятся иными, оставаясь тождественными.
 Скажу тебѣ еще другое: нѣтъ рожденія ни одной смертной вещи,
 Нѣтъ и конца губительною смертью,
 А только смѣшеніе и раздѣленіе смѣшаннаго;
 Это-то людьми и называется рожденіемъ;
 100 Потому что ничто не можетъ произойти изъ ничего,
 И никакъ не можетъ то, что есть, уничтожиться;
 Всегда оно устоитъ противъ какого бы то ни было усилія.
 Но дурнымъ свойственно не довѣрять очевидной истинѣ;

- Ты же, какъ то велятъ правдивыя наставленія нашей музы,
 105 Познай, сдѣлавъ въ умѣ разумное дѣленіе.
 Про всякое существо, происшедшее, подобно человѣку, смѣшеніемъ
 появившагося на свѣтъ ээира,
 Или на подобіе дикаго звѣря, или же дерева,
 Или птицы,—говорятъ, что оно родилось;
 Когда онѣ [части] разлагаются, это, напротивъ, нелѣпо называютъ
 110 Мрачною смертію, и я буду слѣдовать обычаю.
 Глуше! мысль у нихъ не глубокая,
 Если они думаютъ, что можетъ произойти то, чего не было сначала,
 Или что что-либо погибаетъ и исчезаетъ вполнѣ.
 Умный человѣкъ никогда не будетъ подобнаго мыслить,
 115 Что покуда смертные живутъ, то есть, что они называютъ жизнью,
 До тѣхъ поръ они и существуютъ, испытывая счастье и страданье;
 Но что раньше ихъ рожденія, или послѣ уничтоженія они не
 существуютъ.
- . . . . .
 Потому что онѣ были прежде, будутъ послѣ, и я не думаю,
 Чтобы когда-либо въ непредѣльное время отсутствовала одна изъ
 двухъ.
- . . . . .
 120 Они господствуютъ попеременно въ теченіе круга,
 То исчезаютъ одинъ въ другомъ, то возрождаются въ роковомъ
 возвратѣ.
 Они тождественны, проникая другъ друга;
 Они образуютъ людей и различныя племена животныхъ;
 То дружба соединяетъ ихъ въ одинъ порядокъ (космосъ),
 125 То они разносятся въ разныя стороны губительною ненавистью,
 Пока все соединенное вновь не окажется вязу [побѣжденнымъ].
 Итакъ, по скольку одно привыкло рождаться изъ многихъ,
 И вновь при распаденіи одного образуется многое,
 По стольку они возникаютъ и невѣчны;
 130 Но поскольку нѣтъ предѣла непрерывному измѣненію,
 По стольку они существуютъ всегда въ непрерывномъ кругѣ...
 . . . . .
 Связывая всегда различно различныя начала

Своихъ рѣчей и не [слѣдуя] въ своемъ разсужденіи одному пути,
Надо повторять дважды и трижды, что того достойно...

135 Во-первыхъ, есть четыре корня всѣхъ вещей:
Сверкающій Зевсъ, животворная Гера и Адъ,
И Нестисъ, орошающая источникъ человѣческой слезами.
Когда они идутъ вмѣстѣ, ненависть отходить на самый край.

Итакъ, я тебѣ теперь скажу сперва о происхожденіи солнца,
140 И изъ чего образовалось все, что мы теперь видимъ:
Земля, волнующееся море, влажный воздухъ,
Титанъ [солнце] и эфиръ, облекающій все кругомъ,

Если бы глубина земли была бы безпредѣльна и обширный эфиръ,
Слѣдуя пустынь словамъ, текущимъ
145 Изъ устъ столькихъ людей, видѣвшихъ только небольшую часть
вселенной...

Во вселенной нѣтъ ни пустоты, ни излишка;
Но, ровная повсюду, совершенно безпредѣльная, образовалась
Круглая сфера, наслаждаясь своимъ совершеннымъ одиночествомъ
[покоемъ].

Такъ въ плотной связью гармоніи держалась
150 Круглая сфера, наслаждаясь своимъ совершеннымъ одиночествомъ.
Но, когда великая ненависть возросла во всѣхъ членахъ,
Когда она вознеслась въ почестяхъ съ теченіемъ времени,
Попережбно назначеннаго ей великой клятвой,
Тогда вздрогнули послѣдовательно всѣ члены божества.

155 (Была сфера)
Отдѣльно все тяжелое, отдѣльно все легкое (помѣстила ненависть),
И тамъ не видать ни сіяющаго лица солнца,
Ни земли волосатаго тѣла, ни моря.
Все было враждебно, безъ любви и безъ связи.

160 Не видать тамъ быстрыхъ стрѣлъ солнца.

. . . . .
 . . . . . скученная масса . . . . .
 . . . . .

Но когда ненависть спустилась въ самый низъ бездны
 Вихря, и въ центрѣ сферы стала любовь,
 Тогда всё соединились, чтобы быть однимъ цѣлымъ.

165 Тѣснѣ всего земля соединилась въ равныхъ частяхъ съ Гефестомъ,

И дождемъ и эфиромъ,
 Ставъ на якорь въ превосходныхъ гаваняхъ Киприды,
 То въ немного большей, то въ немного меньшей пропорціи;
 Изъ нихъ образовалась кровь и остальные виды тѣла

170 Земля благодатная, образовавшаяся въ хорошихъ горнилахъ

Изъ восьми частей: двѣ взяла отъ прозрачной Нестиды
 И четыре отъ Гефеста,—такъ образовались бѣлыя кости,
 Божественно скрѣпленные узами гармоніи.

. . . . .
 Подобно тому, какъ соеъ сковываетъ и удерживаетъ.
 . . . . .

175 Слѣпящая муку водою..

. . . . .
 Изъ нихъ божественная Афродита создала острые глаза,

. . . . .
 Афродита, украшенная милыми связями.

. . . . .
 Солнце, съ пронизывающими лучами, кроткая и веселая луна.

. . . . .
 Но оно, вращаясь, пробѣгаетъ великое небо.

180 Соль выдѣляется дѣйствіемъ солнечныхъ лучей.

. . . . .
 . . . . . море—испарина земли
 . . . . .

Онъ отражаетъ Олимпъ безстрашнымъ лицомъ,

Ея же кроткій свѣтъ имѣеть, напротивъ, переходящую судьбу.

Такъ свѣтъ, ударяющій въ широкій кругъ луны.

185 Она съ заимствованнымъ свѣтомъ вращается вокругъ земли,
 Подобно колесу колесницы, держась близъ границы земли.
 Она смотритъ съ противоположной стороны на божественный ликъ
 солнца,

. . . . . она отражаетъ его лучи

Внизъ на землю и затмеваетъ столько земли,

190 Какова ширина блѣднлицей луны.

Земля производитъ ночь, ставъ между свѣтомъ

Мрачной и слѣпой ночи...

(Черный цвѣтъ является также въ глубинѣ рѣвъ, въ тѣни,
 Онъ виденъ также въ пещерахъ, наполненныхъ пропастями).

195 Подъ водами горитъ много огней

Провожая тупыя племена плодовитыхъ рыбъ.

(Огонь излился) поднявшись, внезапно,

Но эфиръ ввѣдрился подъ землю длинными корнями,
 Потому что въ своемъ теченіи онъ находился то здѣсь, то тамъ,

200 И по скольку мельчайшія части соединились въ своемъ движеніи

. . . . . огонь увеличиваетъ огонь,
 Земля увеличиваетъ свое тѣло, а эфиръ—эфиръ.

Потому что все возникло въ связи со всѣми частями —
 Огонь, и земля, и небо, и море,

205 Все, что теперь бродит межъ смертными вещами.

И подобно тому, какъ все, что допускаетъ большее смѣшеніе,
Склонно къ взаимной любви, соединенное съ Афродитой, —
Враждебное удаляется другъ отъ друга, какъ можно дальше, не
могущее быть смѣшаннымъ

Ни по своему происхожденію, ни по своему темпераменту, ни по
выраженнымъ формамъ,

210 Непривычное всякому соединенію, вполне мрачное;

И самимъ ненавистью рожденнымъ тяжело это существо.

Такииъ образомъ все мыслить по волѣ судьбы

могущественная любовь.

Но я вновь пойду по пути гимновъ,

215 По которому я раньше шелъ, прибавляя слѣдующую рѣчь къ
Сказанной. Когда ненависть спустилась на самый низъ бездны
Вихря, а въ центрѣ сферы стала любовь,

Тогда все соединилось, чтобы быть однимъ цѣлымъ;

Не сразу, но сами собою въ различныхъ мѣстахъ образовались
различныя соединенія.

220 Изъ этихъ союзовъ родились безчисленные роды смертныхъ су-
ществъ;

Но, въ противоположность соединенному, многое осталось разъ-
единеннымъ;

А именно столько, сколько еще удержала вверху ненависть, ибо
она не была отовсюду

Вполнѣ изгнана на крайній предѣлъ сферы,

Но часть ея членовъ еще оставалась, другая была уже изгнана;

225 На сколько она непрестанно удалялась, на столько постоянно
слѣдовало

Безсмертное стремленіе доброжелательной и совершенной любви;
Тотчасъ возникли смертныя вещи, бывшія раньше безсмертными,
И смѣшанныя, которыя сначала были разрозненными, помѣняв-
шись путями.

Изъ этихъ союзовъ родились безчисленные роды смертныхъ су-
ществъ,

230 Снабженныхъ разнообразными формами, чудными на видъ.

Такъ волосы, листья, густыя перья птицъ,
Чешуя образуются на твердыхъ членахъ.

(Разсмотри) эту чудную совокупность членовъ чловѣка;
То дружбою соединены въ одно цѣлое

235 Всѣ члены, составляя тѣло, и тогда цвѣтутъ высшею жизнью;
То, напротивъ, мрачнымъ разногласіемъ раздѣленные,
Они блуждаютъ, каждый въ свою сторону, по границамъ жизни.
Подобное и для деревьевъ, и для рыбъ, живущихъ въ водѣ,
И для горныхъ животныхъ, и для крылатыхъ птицъ.

240 Итакъ, разсмотри свидѣтельство моихъ первыхъ рѣчей,
Не было ли въ предшествующихъ рѣчахъ чего-либо слабаго по
формѣ
Касательно блестящаго на видъ солнца, во всѣхъ частяхъ рас-
каленного,
Везмертнаго повсюду ээира, омываемаго бѣлымъ блескомъ
Дождя, мрачнаго и холоднаго среди другихъ,

245 И всего твердаго и тяжеловѣснаго, происходящаго изъ земли.
Въ ненависти они всѣ обезображены и разобщены,
Любовью же они соединяются взаимнымъ желаніемъ.
Ими образуется все, что было, есть или когда-либо будетъ,
Ими растутъ деревья, мужчины и женщины,
250 Звѣри и птицы, и рыбы, которыхъ кормитъ вода,
И долголѣтніе боги, носители почестей.
Всѣ они тождественны; создавая другъ друга,
Они являются въ различныхъ образахъ, ибо рожденіе измѣ-
няетъ ихъ.

Подобно тому какъ художники, раскрашивая священныя картины,
255 Люди многоопытные въ своемъ мудреномъ искусствѣ,
Берутъ въ руки краски различныхъ цвѣтовъ
И, смѣшивая ихъ соотвѣтственно — больше однихъ, меньше
другихъ,—

Создаютъ изъ нихъ похожія на всё предметы изображенія,
 Населяя ихъ деревьями, и мужчинами, и женщинами,
 260 Звѣрыми, птицами, рыбами, которыхъ питаетъ вода,
 И долголѣтними богами, носителями почестей.
 Итакъ, не обманывай свой разумъ тѣмъ, что въ иномъ мѣстѣ
 Существуетъ иной источникъ для смертныхъ предметовъ,
 Сколько бы безчисленныхъ родовъ ихъ ни существовало;
 265 Почитай все это вѣрнымъ, какъ будто ты слышалъ рѣчь бо-
 жества.

Книга вторая.

Если ты еще не проникся достаточною вѣрой въ эти вещи,
 Какимъ образомъ вода, земля, эфиръ и солнце,
 Смѣшиваясь въ такомъ числѣ, создали цвѣта и формы смертныхъ
 [вещей],
 Которыя теперь рождаются отъ союза Афродиты,
 . . . . .
 270 Какъ эти высокія деревья и морскія рыбы
 . . . . .
 Тогда Киприда въ продолженіе долгаго времени смачивала землю
 дождемъ
 И, создавъ формы, закрѣпила ихъ быстрымъ огнемъ.
 . . . . .
 [Глаза], внутренняя часть которыхъ плотна, а наружная рыхла;
 Такое строеніе они получили искусствомъ Киприды.
 . . . . .
 275 Подобно тому какъ тотъ, кто, замысливъ путешествіе, приго-
 товляетъ свѣтъ
 Въ зимней ночи, свѣтъ блестящаго пламени,
 Зажигая его въ защищенномъ отъ всякихъ вѣтровъ фонарѣ,
 Который отталкиваетъ силу дующихъ вѣтровъ,
 И пламя, истекая наружу, чѣмъ дальше онъ идетъ,
 280 Тѣмъ далѣе освѣщаетъ дорогу неутомимыми лучами,—
 Такъ предсуществующій огонь, заключенный въ оболочкѣ [глаза],

Наполняетъ тонкія перепонки круглаго зрачка,
 Предохраняющія его отъ массы окружающей воды;
 Огонь, изливаясь наружу, чѣмъ дальше онъ идетъ...

285 Такъ большія деревья приносятъ прежде оливъ какъ бы яйца.

Поэтому позднія гранаты и ихъ сочные плоды

Вода, перебродившая въ деревѣ, становится виномъ подъ кожей.

Если, представивъ себѣ все это ясно въ глубокомъ размышленіи,
 Ты посвятишь этому свои мысли чистыя и прямыя,
 290 То всѣ эти вещи будутъ тебѣ навсегда принадлежать,
 И черезъ нихъ ты приобрѣтешь еще многія другія, ибо онѣ вы-
 рстаютъ

Въ людяхъ, благодаря желанію, смотря по природѣ каждаго.

Но если ты погонишься, какъ это дѣлаютъ люди, за вещами
 посторонними,

Которыя влекутъ за собою для людей безчисленныя бѣды, удру-
 чающія заботами мысль,

295 Ты покинешь внезапно жизнь въ теченіе времени,
 Чтобы вернуться по собственному желанію къ твоему началу;
 Потому что, знай, вездѣ есть мысль и часть необходимости,

Кроткое милосердіе ненавидитъ невыносимую необходимость

Это и въ тяжелыхъ скорлупахъ

300 Морскихъ раковинъ, и въ каменныхъ панцыряхъ черепахъ;
 У нихъ ты увидишь землю, находящуюся поверхъ кожи.

и морскіе ежи

Со спинами, покрытыми сплошь колючей щетиной

Когда сначала образовалась искусствомъ Киприды.

печень, наполненная кровью,

Такъ выросло множество головъ безъ шеи,
 305 Влуждали голыя руеи, лишенные плечъ,
 Двигались глаза, лишенные лба.

. . . . .
 Но когда божественное тѣснѣе соединилось съ божественнымъ,
 Они [члены] скрѣпились между собою, какъ это съ кѣмъ по-
 встрѣчался,
 И къ множеству существующихъ безъ перерыва присоединились
 еще другіе

. . . . .
 310 Появилось много существъ съ двойными лицами и двойною
 грудью,

Рожденный быкомъ съ головой человѣка, и на оборотъ
 Произошли рожденные людьми съ бычачьими головами, которые
 въ перемѣшеу происходили отъ мужчинъ,
 Или же отъ женщинъ, имѣющихъ нѣжные органы.

. . . . .
 Съ подогнутыми ногами, съ неопредѣленными органами.

. . . . .
 315 Послушай теперь, какъ изъ мужчинъ и женщинъ плаксивыхъ

Произвелъ ночное племя выдѣлившійся огонь,
 Это будетъ рѣчь не безцѣльная или легкомысленная.

Сначала неясныя формы поднялись надъ землею,
 Имѣя въ себѣ двоякую необходимость: воды и земли;

320 Ихъ извергаль огонь, желавшій соединиться съ себѣ подобнымъ,
 Но онѣ еще не имѣли красиваго соединенія членовъ,
 Онѣ не имѣли ни голоса, ни присущаго мужчинамъ члена.

. . . . .
 Но природа членовъ различна; часть отъ мужчинъ,
 Часть отъ женщинъ.

. . . . .
 325 Ихъ соединенныхъ охватило благодаря зрѣнію желаніе.

. . . . .
 [Сѣмя] излитое въ чистое [мѣсто], производитъ мужчинъ, а женщинъ
 Когда оно встрѣчаетъ холодъ.

. . . . .

- . . . . . Раздвоенное убѣжище Афродиты.
 . . . . .
- Мѣсто мужское въ части живота болѣе теплой,
 330 Вотъ почему мужчины смуглы и болѣе крѣпки
 И болѣе покрыты волосами [чѣмъ женщины].
 . . . . .
- Всякій суставъ состоитъ изъ двухъ сочлененій.
 . . . . .
- На десятый день восьмого мѣсяца появляется бѣлый сокъ [молоко].
 . . . . .
- Знай, что изъ всѣхъ существующихъ предметовъ истекаютъ токи,
 . . . . .
- 335 Тамъ сладкое ищетъ сладкаго, горькое стремится къ горькому,
 Кислое въ кислому, и теплое распространяется въ теплому.
 . . . . .
- Вода легче смѣшивается съ виномъ, но съ масломъ
 Она не хочетъ [смѣшиваться].
 . . . . .
- Цвѣтъ багреца примѣшивается къ желтой жиличницѣ.
 . . . . .
- 340 Вотъ какъ всѣ [животныя] вдыхаютъ и выдыхаютъ: у всѣхъ жи-
 вотныхъ
 Есть длинные кровеносные сосуды, проходящіе черезъ мускулы
 на поверхность тѣла,
 И отрывающіеся многочисленными мелкими отверстіями
 На концѣ ноздрей такимъ образомъ, что кровь
 Задерживается, эфиръ же находитъ легкій доступъ;
 345 Когда тамъ легкая кровь отливаетъ, кипящій эфиръ вливается
 бурнымъ потокомъ
 И затѣмъ выходитъ обратно, когда [кровь] приливаетъ; подобно
 дѣвочкѣ,
 Играющей водяными часами изъ блестящей мѣди,
 Когда красивая рука положена на отверстіе трубки
 И опущена въ текущую массу блестящей воды,
 350 Тогда вода не проникаетъ въ сосудъ, ее задерживаетъ
 Тяжесть воздуха, падающаго внутри на частыя отверстія,

- Пока не наступит сильное теченіе [воздуха]; тогда
 При недостаткѣ воздуха входитъ необходимая вода.
 Также, когда вода имѣется на глубинѣ мѣднаго сосуда,
 355 Но отверстіе трубки закрыто рукой,
 Воздухъ, давящій снаружи внутрь, задерживаетъ воду
 При выходѣ изъ узкаго прохода, занимая края, пока не отни-
 муть руку;
 Тогда, напротивъ, дѣйствиємъ противоположнымъ предыдущему,
 Входитъ воздухъ и вытекаетъ полезная влага.
 360 Подобно тому двигается по сосудамъ нѣжная кровь:
 Когда она отливаетъ внутрь,
 Тотчасъ же съ силой проникаетъ токъ воздуха быстрою волной,
 Когда [кровь] возвращается, онъ на столько же выходитъ.
 . . . . .
 Во всемъ участвуютъ дыханіе и обоняніе,
 . . . . .
 365 Отыскивая носомъ логовище звѣрей.
 . . . . .
 Мясистая кость (въ ухѣ)
 . . . . .
 Оба глаза даютъ одно изображеніе
 . . . . .
 . . . . . Питается въ бурныхъ волнахъ крови,
 И отсюда происходитъ подвижная мысль человѣка,
 370 Потому что мысль въ людяхъ — это кровь, омывающая сердце.
 . . . . .
 Ибо человѣческій разумъ растетъ соотвѣтственно представляю-
 щемуся.
 . . . . .
 На сколько измѣняются люди, на столько всегда
 И разумъ имъ представляетъ инныя мысли.
 . . . . .
 При посредствѣ земли мы видимъ землю, при посредствѣ воды —
 воду,
 375 Посредствомъ ээира — божественный ээиръ, черезъ огонь — раз-
 рушительный огонь,

Любовью—любовь, и ненавистью—печальную ненависть:
 Потому что ими соединены гармонично всё вещи,
 Ими [люди] думаютъ, радуются или страдаютъ.

Книга третія.

Если по поводу эфемерныхъ существъ, о безсмертная муза,
 380 Ты благоволила недавно вдохновить мою мысль,
 Помоги мнѣ, просящему теперь вновь, о Калліопа,
 О счастливыхъ богахъ произнести хорошее слово.

. . . . .
 Счастливъ тотъ, который приобрѣлъ богатство божественнаго ума,
 Несчастливъ тотъ, кто о богахъ имѣетъ только темное понятіе.

. . . . .
 385 Намъ не дано приблизиться къ нимъ, созерцать ихъ глазами,
 Осязать ихъ руками, что представляетъ лучшій
 Путь къ тому, чтобы убѣжденіе вошло въ сердце человѣка.
 Ибо оно [божество] не имѣетъ человѣческой головы, украшающей
 туловище,

И изъ спины не выходятъ двѣ руки, —
 390 У него нѣтъ ни ногъ, ни быстрыхъ колѣвъ, ни волосатаго члена,
 Онъ только духъ святой и чудесный (безпредѣльный),
 Обѣгающій быстрою мыслью весь міръ.

Изъ „Очищеній“.

Друзья, обитающіе большой городъ бѣлокураго Агригента,
 Обитайте Акрополь, ревностные къ добрымъ дѣламъ,
 Чуткіе къ гостепріимству иностранцевъ, не знающіе зла.
 Привѣтъ вамъ! Я уже для васъ болѣе не человѣкъ, а безсмерт-
 ный богъ,

Я шествую среди всѣхъ, почтенный какъ это подобаетъ,
 Опясаный перевязями и зелеными вѣнками.

И входя въ ваши цвѣтушіе города,

Я принимаю почетъ отъ мужчинъ и женщинъ; они слѣдуютъ за мною
Тысячами, спрашивая о пути ко спасенію;
Одни, нуждающіеся въ предсказаніяхъ, другіе въ излѣченіи раз-
ныхъ болѣзней

(Давно они тяжкими страданіями терзаемы)

Желають услышать слова утѣшенія.

Но къ чему мнѣ настаивать на этомъ?—точно великая важность,
Что я превосхожу смертныхъ и многострадальныхъ людей.

Друзья, я знаю, что истина въ словахъ,

Которыя я произнесу; но тяжело людямъ

И ненавистно видѣніе вѣры въ умы.

Природа, облачивъ ихъ чуждою одеждою мускуловъ

Одѣвъ ихъ землею

Изъ живыхъ сдѣлала мертвыми, измѣнивъ ихъ видъ,

Все было ласково и любезно людямъ:

И звѣри, и птицы; царила благосклонность;

Постоянно съ листвою и постоянно съ плодами цвѣли деревья

И весь годъ были покрыты излишкомъ плодовъ.

И не былъ у нихъ богомъ ни Аресь, ни Битва,

Ни царь Зевесъ, ни Хроносъ, ни Посейдонъ,

Но царица Киприда.

Ее они чтили благочестивыми украшеніями,

Изображеніями живыхъ существъ, искусно сдѣланными пахучими
благовоніями,

Чистымъ мирромъ, куреніемъ пахучаго ладана;

Дѣлая возліянія желтаго меда на землю;

Не обагряли алтарь чистою кровью быковъ,

Но величайшимъ ужасомъ для людей было,

Исторгнувъ душу, поѣдать мирные члены.

Между ними былъ человекъ необычайнаго знанія,

Который пріобрѣлъ величайшія богатства

И обладалъ самыми разнообразными мудренными искусствами.

Къ чему бы онъ ни стремился своимъ умомъ,
 Онъ легко открывалъ каждую существующую вещь
 И [производилъ работу] десяти людей или двадцати поколѣній.

Нѣтъ ничего дозволеннаго однимъ, запрещеннаго другимъ,
 Но положенъ общій законъ для всѣхъ подъ обширнымъ про-
 странствомъ
 Ээира и безпредѣльнымъ сіяніемъ [свѣта].

Неужели вы не кончите страшныя убійства? Развѣ вы не видите
 Что въ своемъ безуміи вы пожираете одинъ другого?

Отецъ, схвативъ сына, измѣнившаго образъ,
 Убиваетъ его съ молитвой, великій безумецъ! Жертва кричитъ
 И умоляетъ своего палача, а онъ не слушаетъ кричащаго,
 Но убивъ его, приготовляетъ въ жилищѣ преступный пирь.
 Равнымъ образомъ сынъ, схвативъ отца, и дѣти мать,
 И исторгнувъ жизнь, пожираютъ собственное мясо.

Увы! отчего не уничтожилъ меня жестокій день раньше,
 Чѣмъ познали мои губы преступную пищу.

Они между звѣрми становятся львомъ, лежащимъ въ горахъ на
 землѣ,

Или же лаврами промежъ деревьевъ съ прекрасною листвою.

Воздерживайтесь же отъ зеленыхъ листьевъ лавра.

Несчастныя, несчастныя! пусть ваши руки не касаются бобовъ.

Черная изъ пяти ключей прочною мѣдью

Слѣдуетъ очищаться...

Воздерживаться отъ зла.

Но такъ какъ вы предаетесь тяжелой злости,

То никогда не освободите сердце отъ жгучихъ заботъ...

. . . . .
 Подъ конецъ гадатели, и поэты, и медики,
 И вожди появляются у земныхъ людей,
 Оттуда они возносятся до почестей боговъ.
 Раздѣляютъ жилище и столъ съ другими безсмертными,
 Освобожденные отъ людскихъ заботъ, року не подчиненные, без-
 смертные.

Изъ лѣчебныхъ пѣсенъ.

Сколько ни есть лѣкарствъ, защита отъ болѣзней и старости,
 Ты ихъ узнаешь, тебѣ одному открою я ихъ;
 Ты будешь сдерживать силу неутомимыхъ вѣтровъ, которые на
 землѣ,
 Подымаясь вихрями, опустошаютъ поля,
 И вновь, когда захочешь, ты вызовешь противный вѣтеръ;
 Изъ мрачнаго дождя ты людямъ дашь благодатное ведро,
 А въ лѣтнія жары ты вернешь дожди,
 Питающіе травы, орошая ихъ, и дающіе хорошую жатву;
 Ты вернешь изъ ада умершаго мужа.

Эпиграммы.

Большой курганъ скрываетъ великаго врача Акрона изъ Акра-
 ганта,
 Сынъ великаго отца [гражданина] величайшаго отечества.
 Гела родила Павзанія врача, вскормила его, прозваннаго
 Сыномъ Анхита, внука Эскулапа,
 Который многихъ мужей, пораженныхъ тяжкими болѣзнями,
 Отвратилъ отъ жилища Персефоны.

. . . . .
 (Бъ Телавгу какъ предполагають) . . . . .
 . . . . . Знаменитый сынъ Таона и Пиеагора.
 . . . . . (Эмпедокла или другаго поэта),
 . . . . .

Ирида же несетъ съ моря вѣтеръ или тяжелую тучу.

Теофрастъ, объ ощущеніяхъ.

(Diels, Dox. Gr. pp. 499—509).

1. По вопросу объ ощущеніяхъ существуетъ цѣлый рядъ мнѣній, которыя, собственно говоря, могутъ быть сведены къ двумъ, а именно: по мнѣнію однихъ, ощущенія вызываются подобнымъ, по мнѣнію другихъ — противоположнымъ. За подобное стоятъ Парменидъ, Эмпедокль и Платонъ, за противоположное — Анаксагоръ и Гераклитъ. Истинность своего мнѣнія первые доказываютъ тѣмъ, что большая часть существующаго созерцаетъ по подобію и что всѣмъ живымъ существамъ присуще распознавать то, что имъ сродно; сверхъ того, (по мнѣнію этихъ философовъ), ощущенія происходятъ благодаря истеченію, причемъ подобное стремится къ подобному.

2. Тѣ же, что усматриваютъ причину ощущеній въ измѣненіи и думаютъ, что подобное пассивно по отношенію къ подобному, а противоположное воспріимчиво, приписываютъ рѣшающее значеніе противоположному; подтвержденіемъ своей мысли считаютъ они тотъ фактъ, который происходитъ при осязаніи, а именно: то, что одинаково плоти по теплотѣ или холоду, не производитъ ощущенія. Таковы въ общихъ чертахъ мнѣнія, касающіяся ощущеній. По поводу же каждаго ощущенія въ отдѣльности остальные философы почти не говорятъ ни слова, Эмпедокль же и эти ощущенія старается свести къ подобію.

3. Парменидъ не далъ вообще точнаго опредѣленія, но указалъ только на тотъ фактъ, что, при существованіи двухъ эле-

ментовъ, мысль зависитъ отъ преобладанія одного изъ нихъ. А именно, сообразно тому, одерживаетъ ли верхъ теплое или холодное, мѣняется разумъ, который подъ вліяніемъ теплаго дѣлается лучше и чище. Впрочемъ и въ данномъ случаѣ нужна нѣкоторая симметрія (отр. 16). „Человѣческій разумъ находится постоянно въ зависимости отъ качества своихъ заблуждающихся органовъ. Ибо у людей, какъ у всѣхъ, такъ и у каждаго въ отдѣльности, мыслить одно и то же, а именно, качество органовъ, причемъ мыслью является то, что преобладаетъ“.

4. Такимъ образомъ Парменидъ приравниваетъ ощущеніе къ мысли и (заключаетъ отъ этого къ тому), что какъ память, такъ и забвеніе происходятъ изъ противоположностей благодаря смѣшенію (последнихъ). Но онъ не опредѣлилъ вовсе, будетъ ли существовать мысль или нѣтъ, и каковы окажутся результаты, если оба элемента смѣшаются въ одинаковой степени. А что Парменидъ приписываетъ образованіе ощущеній и холодному самому по себѣ, явствуетъ изъ того мѣста, гдѣ онъ говоритъ, что мертвецъ, не ощущая, вслѣдствіе недостатка огня, ни свѣта, ни теплоты, ни голоса, ощущаетъ холодъ, молчаніе и другія противоположности, а также изъ словъ: „все существующее обладаетъ разумомъ“. Такимъ образомъ, последними словами Парменидъ какъ бы сразу устраняетъ тѣ трудности, (которыя проистекаютъ) изъ его предположенія.

7. Эмпедокль говоритъ одинаково обо всѣхъ ощущеніяхъ и утверждаетъ, что ощущеніе происходитъ благодаря приспособленію (объектовъ) къ порамъ каждаго (органа чувствъ). (Отдѣльные органы чувствъ) не могутъ воспринимать объектовъ другъ друга, такъ какъ у однихъ поры шире, у другихъ—уже по отношенію къ объектамъ. Поэтому, (одни объекты) входятъ прямо, безъ задержки, другіе же вовсе не могутъ войти. Эмпедокль пытается также опредѣлить зрѣніе, каково оно есть, и говоритъ, что внутренняя часть глаза состоитъ изъ огня [и воды], а окружающая ее часть (внѣшняя) изъ земли и воздуха, черезъ которые огонь, будучи легкимъ по природѣ, проникаетъ такъ же, какъ свѣтъ въ фонарѣ. Поры огня и воды расположены одна за другой, причемъ поры огня различаютъ бѣлое, а поры воды—

черное ибо одни цвѣта приспособлены къ однимъ порамъ, другіе къ другимъ. Несутся же цвѣта къ глазу благодаря истечениямъ.

8. Образуются глаза неодинаково, но [одни изъ подобнаго], другіе изъ противоположнаго, (кромѣ того), у однихъ огонь въ серединѣ, у другихъ внѣ; вотъ почему одни животныя видятъ лучше днемъ, другія—ночью. Днемъ видятъ тѣ (существа), глаза которыхъ заключаютъ въ себѣ меньше огня, ибо у нихъ внутренній огонь добавляется внѣшнимъ; тѣ же, у которыхъ глаза устроены иначе, видятъ ночью лучше, ибо и у нихъ недостающее пополняется. Въ противномъ случаѣ, происходитъ противоположное, (а именно): глаза, въ которыхъ—больше огня, видятъ днемъ плохо, такъ какъ огонь, увеличенный дневнымъ свѣтомъ, разливается и заполняетъ поры воды. Съ тѣми же глазами, въ которыхъ преобладаетъ вода, то же самое происходитъ ночью, ибо у нихъ огонь вытѣсняется водой. (Происходитъ это) до тѣхъ поръ, пока у однихъ не отдѣлится вода подъ вліаніемъ внѣшняго свѣта, а у другихъ—огонь подъ вліаніемъ воздуха; ибо и у тѣхъ и у другихъ лекарствомъ является противоположное. Наиболѣе совершенно и хорошо устроеннымъ глазомъ является тотъ, который составляется изъ равнаго количества обѣихъ противоположностей. Вотъ почти все, что говорить Эмпедокль о зрѣніи.

9. Слухъ является результатомъ внѣшняго шума, когда воздухъ, приведенный въ движеніе звукомъ, передаетъ послѣдній внутрь; ибо ухо представляетъ собой какъ бы звучащій внутри волокольчикъ, (ухо), которое Эмпедокль называетъ „мясистой костью“ (*σάρκινον ὄστος*). Воздухъ, приводимый въ движеніе, ударяется объ это твердое (тѣло) и производитъ звукъ. Обоняніе происходитъ благодаря вдыханію; поэтому, наилучшимъ обоняніемъ обладаютъ тѣ, у которыхъ дыханіе особенно быстро. Наиболѣе же сильный запахъ даютъ тонкія и легкія тѣла. Относительно вкуса и осязанія Эмпедокль не даетъ точныхъ опредѣленій, а также не говоритъ онъ, какимъ образомъ и благодаря чему они происходятъ, но ограничивается заявленіемъ общаго характера, а именно, что ощущеніе происходитъ благодаря приспособленію къ порамъ. Равномѣрное смѣшеніе подобныхъ эле-

ментовъ даетъ удовольствіе, а (неравноѣрное?) противоположныхъ—страданіе.

10. Точно также разсуждаетъ Эмпедокль о знаніи и невѣжествѣ, ибо мысль, (по его мнѣнію), происходитъ благодаря подобному, а незнаніе благодаря неподобному, какъ будто мысль или то же самое, что ощущеніе, или же приближается къ нему. Такъ, опредѣливъ, что мы познаемъ каждое подобнымъ, онъ въ концѣ прибавляетъ: „Изъ этого образовались всѣ принаровленные другъ къ другу вещи, этимъ же люди мыслятъ, наслаждаются и страдаютъ“. Поэтому, главнымъ образомъ, мыслимъ мы кровью, ибо въ ней заключаются элементы всѣхъ частей (тѣла).

11. Такимъ образомъ, тѣ люди, кровь которыхъ представляетъ собой смѣшеніе равныхъ и подобныхъ частицъ, не слишкомъ удаленныхъ другъ отъ друга, не слишкомъ малыхъ и опять таки не слишкомъ великихъ, превосходятъ другихъ разумомъ и обладаютъ наиболѣе тонкими ощущеніями; всего ближе къ этимъ людямъ стоятъ тѣ, (кровь которыхъ смѣшана приблизительно также); наиболѣе же неразумными оказываются люди, у которыхъ все наоборотъ. Далѣе, глупыми и вялыми бываютъ тѣ, элементы которыхъ грубы и рѣдки, люди же, элементы которыхъ слишкомъ малы и слишкомъ тѣсно примыкаютъ другъ къ другу, обладаютъ порывистостью и берутся за многое, но, вслѣдствіе быстроты движенія крови, дѣлаютъ мало. Люди, у которыхъ нѣкоторая часть тѣла представляетъ равноѣрное смѣшеніе элементовъ, бываютъ мудры въ томъ, что касается этой части; поэтому, одни бываютъ ораторами, другіе ремесленниками, такъ какъ у однихъ равноѣрность смѣси заключается въ рукахъ, у другихъ—въ языкѣ. То же самое вѣрно и по отношенію къ другимъ способностямъ.

12. Таково, по мнѣнію Эмпедокла, происхожденіе ощущенія и мысли. Но каждый, выслушавъ его рѣчь, можетъ не понять, во-первыхъ, чѣмъ отличается одушевленное отъ неодушевленнаго по отношенію къ ощущеніямъ, ибо фактъ приспособленія имѣетъ мѣсто и по отношенію къ неодушевленнымъ существамъ: вѣдь Эмпедокль вообще объясняетъ смѣшеніе симметрией поръ. Вотъ почему масло и вода не смѣшиваются (другъ съ другомъ), тогда какъ другія жидкія тѣла, смѣси которыхъ Эмпедокль перечис-

ляетъ, смѣшиваются. Если такъ, то все будетъ обладать ощущеніемъ, причеиъ соединеніе, ощущеніе и возрастаніе окажутся однимъ и тѣмъ же, ибо Эмпедокль приписываетъ все симметріи поръ (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ), когда прибавляетъ какія либо различія.

13. Далѣе, почему у самихъ одушевленныхъ существъ внутренней огонь будетъ обладать большимъ ощущеніемъ, чѣмъ внѣшній, если они приспособляются другъ къ другу? Вѣдь и симметрія и подобіе тутъ на лицо. Сверхъ того, необходимо допустить нѣкоторое различіе, если поры можетъ заполнять не внутренней огонь, но тотъ, который направляется къ нимъ извнѣ. Слѣдовательно, если бы во всемъ и всюду существовало подобіе, не было бы ощущенія. Далѣе, поры пусты, или полны? Вѣдь если онѣ пусты, то Эмпедокль, повидимому, противорѣчитъ самому себя, такъ какъ онъ говоритъ, что вообще нѣтъ пустоты; а если полны — то животныя ощущали бы всегда; вѣдь очевидно, что подобное, какъ говорятъ Эмпедокль, всегда приспособляется къ подобному.

14. Однако каждый можетъ усумниться въ томъ, возможно ли разнородному быть такимъ по величинѣ, чтобы обладать способностью приспособленія, а въ особенности даже, если бы это и случилось, возможно ли, чтобы глаза, смѣсь которыхъ, какъ онъ говоритъ, неравномѣрна, менѣе ясно видѣли сообразно заполненію ихъ то огнемъ, то воздухомъ. Но если даже (въ чередованіи огня и воздуха) есть симметрія и поры наполнены разнородными (веществами), какимъ образомъ и гдѣ выходятъ эти (вещества) при ощущеніи? Вѣдь надо же предполагать здѣсь нѣкоторое перемѣщеніе (μεταβολη). Такимъ образомъ, всюду затрудненія; ибо, или необходимо признавать пустоту, или (думать), что животныя всегда ощущаютъ все, или же, что несродное приспособляется. не производя ощущенія, и не перемѣщается, какъ то, что вызываетъ ощущеніе.

15. Наконецъ, если бы подобное не приспособлялось (къ подобному), но только касалось его, то ощущенія происходили бы при каждомъ удобномъ случаѣ, — ибо Эмпедокль объясняетъ возникновеніе знанія и подобіемъ и прикосновеніемъ, вслѣдствіе чего и употребляетъ слово „приспособленіе“, — поэтому, даже если бы

меньшее касалось большего, происходило бы ощущение. Съ другой стороны, по его мнѣнію, подобное вовсе не играетъ роли, но вполне достаточно одной симметріи; ибо, по его словамъ, нѣтъ взаимнаго ощущенія вслѣдствіе отсутствія симметріи въ порахъ, а представляетъ ли собой то, что истекаетъ, подобное или неподобное, этого онъ не отмѣтилъ. Поэтому нужно заключать, или что ощущение не производится подобнымъ, или что недостатокъ ощущенія не есть результатъ нѣкоторой несимметріи и что нѣтъ никакой необходимости ощущеніямъ и объектамъ ощущенія имѣть одинаковую природу.

16. Неудовлетворительно объясняетъ онъ также возникновеніе удовольствія и страданія, приписывая первое (дѣйствию) подобнаго, а второе — (дѣйствию) противоположнаго, двухъ враждебныхъ началъ, ибо они „наиболѣе удалены другъ отъ друга и родомъ, и смѣсю, и присущей имъ формой“. Вѣдь удовольствіе и страданіе или представляютъ собой ощущеніе, или сопровождаются ощущеніемъ, такъ что не всегда ощущеніе вызывается подобнымъ. Съ другой стороны, если сродное по преимуществу вызываетъ удовольствіе при соприкосновеніи, какъ говоритъ Эмпедокль, то соединенное въ одно всего скорѣе ощущало бы удовольствіе и вообще ощущало бы, ибо Эмпедокль одной и той же причинѣ приписываетъ (возбужденіе) ощущенія и удовольствія; между тѣмъ, мы при ощущеніи нерѣдко страдаемъ въ силу самого ощущенія; по мнѣнію же Анаксагора — всегда, ибо, по его словамъ, каждое ощущеніе соединено со страданіемъ.

17. Далѣе, въ частности (можно замѣтить слѣдующее): по словамъ Эмпедокла, познаніе производится подобнымъ; такимъ образомъ, если Эмпедокль считаетъ глазъ состоящимъ изъ огня и противоположнаго, — глазъ можетъ различать при помощи подобнаго бѣлое и черное, но какъ можетъ различить онъ бурый цвѣтъ и другіе составные цвѣта? Вѣдь (эти цвѣта) не могутъ быть познаваемы ни порами огня, ни порами воды, ни другими, которыя общи тому и другому элементу; между тѣмъ, мы различаемъ эти цвѣта нисколько не хуже, чѣмъ простые.

18. Странно также утвержденіе Эмпедокла, что одни животныя видятъ лучше днемъ, другія — ночью, ибо болѣе слабый огонь

уничтожается болѣе сильнымъ, вслѣдствіе чего мы не можемъ смотрѣть на солнце и вообще на (слишкомъ) яркій свѣтъ. Поэтому, у кого ощущается недостатокъ огня, тотъ долженъ видѣть хуже днемъ; или же, если подобное способствуетъ увеличенію (ощущенія), какъ говоритъ Эмпедокль, а противоположное ставить ему преграды и губить его, — слѣдовало бы всѣмъ, независимо отъ того, у кого больше и у кого меньше огня, днемъ различать лучше бѣлое, а ночью черное. Между тѣмъ, днемъ видятъ гораздо лучше всѣ животныя, за исключеніемъ немногихъ, у которыхъ это объясняется силой ихъ собственнаго огня; такъ напримѣръ, у нѣкоторыхъ даже тѣло свѣтится сильнѣе ночью.

19. Наконецъ, у тѣхъ, у кого (глаза) одинаковы по смѣси, оба элемента должны преобладать по очереди; такимъ образомъ, если преобладающее мѣшаетъ видѣть другое, распредѣленіе всего (въ общемъ) будетъ приблизительно одинаково. Впрочемъ, тѣ измѣненія, которымъ подвергается зрѣніе, рассмотреть довольно трудно. Что же касается до другихъ ощущеній, то какимъ образомъ будемъ мы различать (подобное) при помощи подобнаго? Вѣдь подобное неопредѣленно. И дѣйствительно, мы не ощущаемъ шума при помощи шума, запаха при помощи запаха, ни другого однороднаго при помощи однороднаго, но скорѣе, такъ сказать, при помощи противоположнаго. Вообще нужно, чтобы ощущеніе еще не было возбуждено; если шумъ въ ухахъ, или вкусъ во рту, или запахъ въ носу, всѣ органы чувствъ притуплены и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше наполнены они подобнымъ, если не допустить въ данномъ случаѣ нѣкотораго ограниченія.

20. Далѣе, что касается до истеченій, то, хотя слова Эмпедокла недостаточно ясны, все-таки по поводу нѣкоторыхъ ощущеній эта (теорія) до нѣкоторой степени допустима, къ осязанію же и вкусу приложить ее трудно. И дѣйствительно, какимъ образомъ будемъ мы различать при помощи истеченій, или приспособленія къ порамъ, шероховатое и гладкое? Вѣдь изъ элементовъ только одинъ огонь даетъ истеченія, изъ остальныхъ же ни одинъ. Далѣе, такъ какъ разрушеніе происходитъ благодаря истеченію—это слово Эмпедокль употребляетъ какъ общій терминъ—и такъ какъ, съ другой стороны, и запахъ образуется

также благодаря истеченію, — то, что обладаетъ наиболѣе сильнымъ запахомъ, должно гибнуть всего скорѣе. На самомъ же дѣлѣ происходитъ совершенно обратное, ибо какъ растенія, такъ и все остальное, наиболѣе пахучее, всего долговѣчнѣе. Оказывается также, что при господствѣ Любви вообще нѣтъ ощущенія, или что оно слишкомъ слабо, такъ какъ соединеніе мѣшаетъ истеченіямъ.

21. Что касается до слуха, то странно, что Эмпедокль, объясняя его возникновеніе внутреннимъ шумомъ, и предполагая, что въ ухѣ звенитъ что то въ родѣ колокольчика, считалъ свое объясненіе вполне яснымъ. И дѣйствительно, если мы слышимъ внѣшній (шумъ) при помощи этого колокольчика, то благодаря чему слышимъ мы *его* звукъ? Это еще нужно выяснитъ. Странно также его разсужденіе по поводу обонянія, такъ какъ, во-первыхъ, онъ указалъ на причину, которая не для всѣхъ обща, ибо существуютъ животныя, которыя обоняютъ, но не дышатъ, а во-вторыхъ, странно думать, что наилучшимъ обоняніемъ обладаютъ тѣ (существа), которыя всего быстрѣе дышатъ; ибо вдыханіе не принесетъ никакой пользы, разъ органъ чувства нездоровъ или не вполне открытъ; такъ, многія (существа), будучи слабыми (въ этомъ отношеніи) почти вовсе не ощущаютъ. Кромѣ того, тѣ, у кого затруднено дыханіе, а также работающіе и спящіе всего скорѣе ощущали бы запахъ, ибо они втягиваютъ въ себя всего больше воздуха, на самомъ же дѣлѣ происходитъ противоположное.

22. И дѣйствительно, вдыханіе — причина обонянія не по существу, но по случайности, доказательствомъ чему служатъ какъ остальные животныя, такъ и вышеуказанныя состоянія. Онъ же, считая, что вдыханіе есть (настоящая) причина, заканчиваетъ (свое разсужденіе) тѣми же словами: „Такимъ образомъ получаетъ все воздухъ и запахъ“. Не справедливо также, что всего лучше обоняется легкое, ибо необходимо, чтобы оно сверхъ того обладало запахомъ; и дѣйствительно, воздухъ и огонь всего легче, но они не возбуждаютъ ощущенія запаха.

23. Равнымъ образомъ, можно недоумѣвать и относительно разума, если Эмпедокль выводитъ его изъ того же, изъ чего и

ощущеніе, ибо будь такъ, все обладало бы разумомъ. Но какъ въ одно и то же время можно допустить, что мысль возникаетъ и при измѣненіи и благодаря подобному? Вѣдь подобное не измѣняется благодаря подобному. Предположеніе же, что разумъ заключается въ крови, — совершенно бессмысленно, ибо многія животныя безкровны, а у обладающихъ кровью какъ разъ органы ощущеній совершенно безкровны. Сверхъ того, и кости и волосы обладали бы ощущеніемъ, разъ они состоятъ изъ всѣхъ элементовъ. Оказывается также, что съ одной стороны мысль, ощущеніе и удовольствіе, съ другой — страданіе и недомысліе одно и то же, ибо Эмпедокль производитъ и то и другое отъ противоположнаго; поэтому, недомысліе должно сопровождаться страданіемъ, а мысль — удовольствіемъ.

24. Странно также допускать, что способности зависятъ отъ состава кровяной смѣси въ частяхъ тѣла, какъ будто языкъ есть причина краснорѣчія, или руки — причина творчества, но не (проста) средства. Поэтому, скорѣе причину нужно усматривать въ формѣ, чѣмъ въ кровяномъ смѣшеніи, которое лишено разума; ибо и у остальныхъ животныхъ дѣло обстоитъ также. Итакъ, Эмпедокль, повидимому, сдѣлалъ не мало промаховъ.

25. Изъ тѣхъ, что не приписываютъ возникновеніе ощущенія подобному, Алкмеонъ прежде всего отмѣчаетъ разницу между (человѣкомъ) и животнымъ. Человѣкъ, говоритъ онъ, отличенъ отъ другихъ существъ потому, что только онъ обладаетъ разумомъ, остальные же только ощущеніемъ, но не разумомъ, такъ какъ разумъ и ощущеніе — двѣ вещи разныя, а не одно и то же, какъ думалъ Эмпедокль. Затѣмъ, рассуждаетъ онъ о каждомъ ощущеніи въ отдѣльности. По его мнѣнію, мы слышимъ ушами, такъ какъ въ нихъ есть пустота, которая даетъ отзвукъ; говоримъ — благодаря (горловой) трубкѣ, причеиъ воздухъ даетъ звукъ; обоняемъ ноздрями, при помощи вдыханія, благодаря чему воздухъ проходитъ въ мозгъ; языкомъ различаемъ вкусы, такъ какъ онъ, будучи теплымъ и мягкимъ, поддается вліянію теплоты, вслѣдствіе же своей свѣжести и нѣжности, онъ воспринимаетъ и распредѣляетъ соки.

26. Глаза смотрятъ черезъ окружающую ихъ воду; а что въ нихъ есть огонь, явствуетъ изъ того, что если ударить по глазу, сыпятся искры. Глаза смотрятъ благодаря блеску и яркости (глаз-ного) огня, который отражаетъ свѣтъ и тѣмъ лучше, чѣмъ онъ чище. Всѣ ощущенія сосредоточиваются въ мозгу, благодаря чему они исчезаютъ, когда онъ движется и перемѣняетъ мѣсто, ибо мозгъ занимаетъ поры, черезъ которыя приходятъ ощущенія. Объ осязаніи, а именно о томъ, какимъ образомъ и благодаря чему оно происходитъ, онъ не сказалъ ни слова. Таковы были разсужденія Алкмеона.

27. По мнѣнію Анаксагора, ощущенія происходятъ благодаря противоположному, такъ какъ подобное не дѣйствуетъ на подобное. Пытается онъ также опредѣлить каждое ощущеніе особо: по его мнѣнію, мы видимъ благодаря отраженію (предметовъ) въ зрачкѣ, причѣмъ отраженіе падаетъ не на одноцвѣтное, но на противоположное по цвѣту; у большинства животныхъ это различіе цвѣта бываетъ днемъ, а у нѣкоторыхъ ночью, благодаря чему они видятъ тогда острѣе; обыкновенно же ночью бываетъ цвѣтъ одинаковый съ глазомъ. Отраженіе происходитъ днемъ, потому что свѣтъ есть причина отраженія, причѣмъ преобладающій цвѣтъ скорѣе отражается на противоположномъ.

28. Подобнымъ же образомъ осязаніе и вкусъ различаютъ свои объекты; ибо одинаково теплое и холодное, приближаясь, не согрѣваетъ и не охлаждаетъ (другъ друга); равнымъ образомъ, нельзя сладкаго и горькаго познать при помощи ихъ самихъ, но холодное познается теплымъ, прѣсное — соленымъ, сладкое — горькимъ, сообразно тому, чего въ другомъ недостаетъ, ибо все это заключается въ насъ. Равнымъ образомъ, обоняніе получается при помощи дыханія, а слухъ благодаря тому, что шумъ доходитъ вплоть до мозга, такъ какъ окружающая (ухо) кость, въ которую проникаетъ шумъ, полая.

29. Всякое ощущеніе сопровождается страданіемъ, что, по-видимому, вытекаетъ изъ его гипотезы, ибо все неподобное, при прикосновеніи, вызываетъ страданіе, причѣмъ явнымъ дѣлается это страданіе благодаря продолжительности и силѣ ощущеній. И дѣйствительно, яркіе цвѣта и слишкомъ сильный шумъ произво-

дятъ страданіе, приче́мъ (люди) не могутъ долгое время переносить этого. Большія животныя сильнѣе воспринимаютъ ощущенія. да и вообще сила ощущенія согласуется съ величиной (органа), Въ самомъ дѣлѣ, тѣ животныя, которыя имѣютъ большіе, чистые и свѣтлыя глаза, обладаютъ сильнымъ и далекимъ зрѣніемъ; тѣ же, у которыхъ глаза невелики — наоборотъ.

30. То же самое вѣрно и относительно слуха, ибо тѣ животныя, которыя обладаютъ большими ушами, слышатъ громкіе и отдаленные звуки, звуки же менѣе сильные ускользаютъ отъ нихъ; равнымъ образомъ, тѣ животныя, у которыхъ маленькія уши, слышатъ менѣе сильные и близкіе звуки. То же самое происходитъ и при обоняніи. Легкій воздухъ пахнетъ сильнѣе, ибо, когда онъ нагрѣтъ и разрѣженъ, онъ издаетъ запахъ. Большія животныя при вдыханіи вмѣстѣ съ разрѣженнымъ втягиваютъ и густой воздухъ, малыя же только разрѣженный. Вотъ почему большія животныя лучше обоняютъ. И дѣйствительно, запахъ вслѣдствіе своей густоты ощущается вблизи лучше, чѣмъ вдали, разбѣиваясь же онъ дѣлается слабѣе. Однимъ словомъ, большія животныя не ощущаютъ легкаго запаха, малыя же—густого.

31. Приписывать возникновеніе ощущеній противоположному имѣетъ нѣеоторое основаніе, какъ было сказано, ибо, повидимому, измѣненіе происходитъ не благодаря подобному, а благодаря противоположному; однако, требуется еще доказать, дѣйствительно ли ощущеніе есть измѣненіе и дѣйствительно ли противоположное различаетъ противоположное. Предположеніе же, что всякое ощущеніе сопровождается страданіемъ, не подтверждается ни опытомъ (ибо одни ощущенія сопровождаются удовольствіемъ, большая же часть не сопровождается страданіемъ), ни разумомъ, ибо ощущеніе есть нѣчто естественное, ничто же изъ естественнаго не происходитъ благодаря насилію и не сопровождается страданіемъ, но, наоборотъ, удовольствіемъ, — что, повидимому, и бываетъ. И дѣйствительно, нерѣдко и по поводу многаго ощущаемъ мы удовольствіе, приче́мъ стремимся къ самому ощущенію, независимо отъ постороннихъ желаній.

32. Далѣе, такъ какъ и удовольствіе и страданіе происходятъ благодаря ощущенію, все же естественное стремится къ луч-

шему, какъ, напримѣръ, наука, то ощущеніе скорѣе сопровождается удовольствіемъ, чѣмъ страданіемъ. Вообще, если мысль не сопровождается страданіемъ, не сопровождается имъ и ощущеніе; и въ томъ и въ другомъ случаѣ, основаніе — взаимная польза. Съ другой стороны, нельзя доказать, что сила и продолжительность ощущенія сопровождаются страданіемъ, но скорѣе, что ощущеніе по отношенію къ ощущаемому находится въ нѣкоторой симметріи и гармоніи; вотъ почему недостатокъ не ощущается, излишекъ же приноситъ страданіе и гибель.

33. Естественное слѣдуетъ разсматривать при помощи противуестественнаго, ибо излишекъ есть нѣчто противуестественное. Однако ясно и всеми признано, что нѣкоторыя ощущенія сопровождаются иногда страданіемъ, а нѣкоторыя — удовольствіемъ; поэтому, ощущеніе вовсе не должно сопровождаться или страданіемъ, или удовольствіемъ, но скорѣе, согласно истинѣ, ни тѣмъ ни другимъ; ибо ощущеніе не могло бы судить (о своемъ объектѣ), подобно тому какъ разумъ, если бы онъ былъ постоянно сопровождаемъ, страданіемъ или удовольствіемъ. Такимъ образомъ, Анаксагоръ, исходя изъ частнаго (случая), распространилъ свой выводъ на ощущенія вообще.

34. Что же касается до Анаксагорова утвержденія, будто большее ощущается сильнѣе и будто вообще ощущенія соотвѣтствуютъ величинѣ органовъ чувствъ — это утвержденіе представляетъ нѣкоторыя трудности. Такъ напримѣръ (можно спросить себя), не маленькія ли животныя обладаютъ болѣе тонкими ощущеніями, чѣмъ большія, ибо, повидимому, болѣе точнымъ ощущеніемъ является то, отъ котораго не скрываются мелкіе (предметы); вмѣстѣ съ тѣмъ вполне мыслимо, что существо, которое различаетъ меньшее, можетъ различать и большее. Далѣе, относительно нѣкоторыхъ ощущеній, маленькія животныя, повидимому, превосходятъ большихъ, такъ что въ данномъ случаѣ ощущенія большихъ хуже.

35. Съ другой стороны, если оказывается, что многое ускользаетъ отъ маленькихъ животныхъ, то нужно признать, что ощущенія большихъ лучше. Впрочемъ, вполне разумно, чтобы большія животныя превосходили (маленькихъ) и ощущеніями, какъ

вѣсьмъ строемъ своего тѣла. Но, какъ уже было сказано, можно усумниться въ томъ, слѣдуетъ ли разсуждать такимъ образомъ, ибо среди подобныхъ существъ различіе бываетъ не по величинѣ, но скорѣе по устройству и складу тѣла. Относительно же допущенія симметріи между объектами ощущенія и величиной (животныхъ, или органовъ чувствъ?), Анаксагоръ, повидимому, приближается къ Эмпедоклу, который объяснялъ возникновеніе ощущеній приспособленіемъ къ порамъ. Только въ вопросѣ объ обонянніи есть своего рода трудность, ибо Анаксагоръ, говоря, что разрѣженный воздухъ сильнѣе пахнетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что болѣе тонкимъ обоняніемъ обладаютъ тѣ существа, которыя втягиваютъ не легкій воздухъ, а густой.

37. Мнѣніе Анаксагора объ отраженіи не представляетъ собой чего либо новаго, ибо очень многіе объясняютъ зрѣніе отраженіемъ, которое получается въ глазахъ. Но они не обращаютъ вниманія на то, что величина видимаго не соотвѣтствуетъ (величинѣ) отраженія, что съ другой стороны немыслимо, чтобы отражалось въ одно время нѣсколько противоположныхъ предметовъ и, наконецъ, что движеніе, разстояніе и величина, хотя видимы, но отраженія не даютъ. Далѣе, у нѣкоторыхъ животныхъ вовсе не бываетъ отраженій, какъ напримѣръ у крѣвоглазыхъ и водяныхъ. Кромѣ того, будь это такъ (т. е. будь отраженіе причиной зрѣнія), многіе неодушевленные предметы стали бы видѣть, ибо и на водѣ и на мѣди и на многомъ другомъ бывають отраженія.

37. Говоритъ онъ также, что цвѣта отражаются другъ на другѣ, въ особенности же сильный цвѣтъ на слабомъ; поэтому, слѣдовало бы видѣть и тому и другому, въ особенности же черному, какъ вообще болѣе слабому. Вотъ почему считаетъ онъ глазъ одного цвѣта съ мракомъ, а свѣтъ причиной отраженія. Однако, во-первыхъ, мы видимъ свѣтъ безъ всякаго отраженія; во-вторыхъ, въ черномъ вовсе не меньше свѣта, чѣмъ въ бѣломъ. Сверхъ того, и въ остальномъ видимъ мы отраженіе, которое падаетъ всегда на болѣе блестящую и чистую поверхность; да и самъ Анаксагоръ говоритъ, что глазная оболочка отличается легкостью и блескомъ. Самый глазъ многіе считали состоящимъ

изъ огня, такъ какъ цвѣта причастны этому элементу въ особенности. И такъ, Анаксагоръ, о чемъ было сказано выше, высказываетъ мнѣніе вовсе не новое, раздѣляемое всѣми; впрочемъ онъ высказываетъ и свое мнѣніе по поводу какъ всѣхъ ощущеній, такъ въ особенности по поводу зрѣнія (когда онъ говоритъ), что есть ощущеніе большого. Что же касается до ощущеній болѣе грубыхъ, то ихъ онъ не выясняетъ.

ЖУРНАЛЪ

„Вопросы Философiи и Психологiи“,

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ СОДѢЙСТВІИ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

Условiя подписки: на годъ (5 книгъ въ годъ, каждая около 15 печатныхъ листовъ) безъ доставки—6 руб., съ доставкой въ Москвѣ—6 руб. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 руб., за границу—8 руб.

Учащiеся въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкою въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условiяхъ принимается только въ конторѣ журнала, непосредственно или письменно.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ: Русской Мысли (Москва, Б. Никитская, д. Вельтищевой), книжныхъ магазиновъ: „Новаго Времени“ (Спб., Москва, Одесса и Харьковъ), Карбасникова (Спб., Москва, Варшава), Вольфа (Спб. и Москва), Оглоблина (Кіевъ), Башмакова (Казань), и другихъ, принимается

ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА:

Москва, М. Никитская, Георгіевскій пер., д. Соловьевой.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Труды Спб. Философскаго Общества. Выпускъ II. — *Малебраншъ. Исканіе истины.* Перев. подъ редакціей Э. Л. Радлова.

Виндельбандъ. Исторiя новой философiи въ связи съ общей культурой и отдѣльными науками. Перев. подъ редакціей А. И. Введенскаго.

Бине, Анри, Куртье, Филиппъ. Введеніе въ экспериментальную психологiю. Перев. подъ редакціей А. И. Введенскаго. Изданіе 2-е.

И. И. Лапшинъ. Законы мышленія и формы познанія.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПРОДАЮТСЯ:

ТРУДЫ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА:

Выпускъ I. Декартъ. Метафизическія размышленія. Перев. В. М. Нев-
жиной. Подъ редакціей и со статьей Проф. А. И. Введенскаго. Декартъ и
раціонализмъ. Спб. 1901 г. Цѣна 1 рубль.

„Труды Московскаго Психологическаго Общества“:

Выпускъ II. Иммануэль Кантъ. Прологомены ко всякой буду-
щей мета физикѣ. Перев. Влад. Соловьева. Изд. второе. Цѣна 1 руб. 20 коп.,
съ перес., 1 руб. 40 коп.

Выпускъ III. О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ Психологи-
ческаго Общества. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 25 к.

Выпускъ IV. Г. В. Лейбницъ. Избранныя философскія сочи-
ненія съ портр. Лейбница. Переводъ подъ ред. В. П. Преображенскаго.
Ц. 2 руб. (на лучш. бумагѣ), 1 р. 50 к. (на простой), за перес. 25 к..

Выпускъ VI. Э. Кердъ. Гегель. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и
съ предисловіемъ кн. Н. С. Трубецкаго. Съ приложеніемъ статьи о Гегелѣ
Вл. С. Соловьева. Цѣна 1 р. 50 к.

Проф. А. И. Введенскій. Опытъ построенія теоріи матеріи на
принципахъ критической философій. (Элементарный очеркъ кри-
тической философій, историческій обзоръ важнѣйшихъ ученій о матеріи, ученіе о
силахъ). Спб. 1888 г. Цѣна 2 р.

Проф. А. И. Введенскій. О предѣлахъ и признакахъ одушевлен-
ія. Спб. 1892 г. Цѣна 50 к.

Виндельбандъ. Исторія древней философій съ приложе-
ніемъ исторіи философій среднихъ вѣковъ и эпохи воз-
рожденія. Перев. подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго. 2 изд. Спб. 1898 г.
Цѣна 2 р.

Виндельбандъ. Философія Канта. Пер. подъ редакціей проф. А. И. Вве-
денскаго. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р.

Джемсъ. Психологія. Переводъ Прив.-Доц. И. И. Лапшина. Спб. 1901 г.
Цѣна 1 р. 80 коп.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛИ:

Проф. А. И. Введенскій. Философскіе очерки. Вып. I. О философій
въ Россіи, о мистаизмѣ и критицизмѣ В. С. Соловьева, о свободѣ воли, о
смыслѣ жизни, объ отношеніяхъ вѣры къ знанію. Спб. 1901 г. Цѣна 1 р.

Проф. А. И. Введенскій. Объ экспериментальной дидактикѣ А. П. Нечаева.
Спб. 1902 г. Цѣна 15 коп.
